

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

12 лекций по гендерной социо- логии

Е. А. Здравомыслова
А. А. Тёмкина

учебное пособие

Санкт-Петербург 2015

УЧЕБНИКИ
ЕВРОПЕЙСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

УДК 396.1
ББК 60.542.2
3-46

СОДЕРЖАНИЕ

Рецензенты:
канд. социол. наук *И. Н. Тартаковская*, д-р философии *А. В. Магун*

Научный редактор
канд. социол. наук *Е. Ю. Герасимова*

Рекомендовано к печати Ученым советом
Европейского университета в Санкт-Петербурге

3-46 **Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А.**

12 лекций по гендерной социологии : учебное пособие /
Е. А. Здравомыслова, А. А. Тёмкина. — СПб. : Издательство Евро-
пейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. — 768 с.

ISBN 978-5-94380-196-9

В курсе лекций по гендерной социологии излагаются методологические и теоретические основания данного исследовательского направления. Лекции дают представление о том, что такое современная гендерная социология, как она формировалась под влиянием феминизма и как ее инструменты применяются в изучении разных предметных областей. Авторы ставят актуальные вопросы, например, почему женщины больше болеют, но дольше живут? Почему среди Нобелевских лауреатов мало женщин? Почему нормы маскулинности в современном мире сопряжены с повышенными рисками? Поскольку большинство вопросов, рассматриваемых в рамках гендерной социологии, продолжают оставаться дискуссионными, авторы курса лекций приглашают читателей и читательниц включиться в обсуждение. Учебное пособие предназначено для социологов — студентов, магистрантов, аспирантов, научных сотрудников, исследователей, преподавателей, однако оно может быть полезным и представителям других социальных и гуманитарных наук.

УДК 396.1
ББК 60.542.2

© Здравомыслова Е. А.,
Тёмкина А. А., 2015
© Европейский университет
в Санкт-Петербурге, 2015

ISBN 978-5-94380-196-9

ПРЕДИСЛОВИЕ 15

**РАЗДЕЛ I. ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:
ФОРМИРОВАНИЕ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ** 33

**ЛЕКЦИЯ 1. Становление гендерных исследований
в социологии**.....34
Введение 34
1. Феминистское движение и гендерные исследования: краткий исторический очерк 36
 1.1. Исследования половых ролей (1950–1960-е гг.) 37
 1.2. Женские и феминистские исследования (1970–1980-е гг.) 39
 1.2.1. Идеологические и теоретические основания 41
 1.2.2. Анализ патриархата 48
 1.2.3. Стратегический эссенциализм 51
 1.3. Гендерные исследования (конец 1980-х — 1990-е гг.) 52
2. Современный гендерный подход: основные направления (2000–2010-е гг.) 55
 2.1. Постмодернизм 57
 2.2. Транснациональный подход 58
 2.3. Интерсекциональный анализ 61
 2.3.1. Основные положения интерсекционального анализа 61
 2.3.2. Дилеммы интерсекционального анализа 65
 2.4. Квир-теория 70
3. Институционализация гендерного подхода в социологии 74
 3.1. Автономизация женских/гендерных исследований 76
 3.2. Интеграция гендерного подхода в социологию 79
 3.3. Состоялась ли феминистская революция в социологии? 83
4. Рецепция гендерных исследований в российском контексте 90
Выводы 95

ЛЕКЦИЯ 2. Феминистская эпистемология	98
Введение.....	98
1. Феминистская критика позитивистской эпистемологии	100
1.1. Критика правил социологического метода Эмиля Дюркгейма.....	101
1.2. Переосмысление представлений о соотношении субъекта и объекта познания	107
2. Альтернативные эпистемологии феминизма.....	110
2.1. Ситуативный характер производства знания	110
2.2. Феминистский эмпиризм	114
2.2.1. Общие положения эпистемологии эмпиризма	114
2.2.2. Парадоксы социального конструирования знания в исследовании	116
2.2.3. Стратегии интеграции женщин в поле науки (adding women)	118
2.2.4. Критика стратегии «добавления» женщин	119
2.3. Феминистская позиционная эпистемология	119
2.3.1. Основные положения позиционного (standpoint) подхода	119
2.3.2. Марксистская позиционная эпистемология.....	121
2.3.3. Феминистский позиционный подход	123
2.3.4. Критика подхода	127
2.4. Постмодернистская феминистская эпистемология.....	128
2.4.1. Основные положения постмодернизма	128
2.4.2. Феминистский постмодернизм	129
2.4.3. Критика подхода	131
3. Интерсекциональность как эпистемический принцип	132
Выводы	135

ЛЕКЦИЯ 3. Методы и принципы эмпирического гендерного исследования	138
Введение.....	138
1. Феминистские исследования: методы и принципы	141
1.1. Качественные, количественные и смешанные методы.....	141
1.2. Методические инновации феминистского исследования.....	143
1.3. Основные принципы феминистского исследования.....	148
1.4. Гендерный опыт «из первых рук»	150
1.5. Этическая рефлексия в гендерных исследованиях	153
2. Проблематизация принципов и прагматические решения	159

2.1. Всегда ли осознание угнетения способствует обретению силы?	159
2.2. Всегда ли голоса угнетенных помогают интерпретировать структуры власти?.....	161
2.3. Возможно ли достичь эгалитарных отношений в исследовательской коммуникации?	162
2.4. Этические дилеммы и новые вызовы	164
3. Гендер, сексуальность и полевая работа	167
3.1. Гендер исследователя.....	168
3.2. (Гомо)сексуальность исследователя	172
4. Практические рекомендации для проведения полевого исследования	174
Выводы	179

РАЗДЕЛ II. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ	181
ЛЕКЦИЯ 4. Полоролевой подход	182
Введение.....	182
1. Структурный функционализм и концепция половых ролей.....	184
1.1. Эмиль Дюркгейм: дифференциация функций полов и солидарность в семье	184
1.2. Толкотт Парсонс: дифференциация и конфликты половых ролей	187
1.2.1. Дифференциация половых ролей	188
1.2.2. Напряжения и конфликты половых ролей	192
1.3. Мирра Комаровски: конфликт женских ролей	194
1.4. Бетти Фридан: феминистская критика женской роли.....	197
2. Основные направления исследований пола/гендера в 1960–1970-е гг.	200
2.1. Исследование половых различий	201
2.2. Социализация: механизм воспроизводства половых ролей.....	203
2.2.1. Полоролевая социализация: психологические подходы	205
2.2.2. Феминистские интерпретации социализации	207
2.3. Эмпирические исследования половых ролей и норм.....	211
2.4. Женщины как номинальная социальная группа	216
2.5. Терминологические инновации 1970-х гг.....	220
3. Критика и значение подхода	224
Выводы	229

ЛЕКЦИЯ 5. Социальный конструктивизм	232
Введение.....	232
1. Драматургический интеракционизм Ирвина Гофмана: взаимодействие и гендерный дисплей	236
1.1. Производство гендерных различий во взаимодействиях в публичном пространстве.....	237
1.2. Гендерный дисплей и анализ рекламы.....	240
1.3. Производство гендерного неравенства в разговорах.....	242
2. Этнометодологические исследования гендера	245
2.1. Этнометодология Гарольда Гарфинкеля: исследование трансгендерного перехода	246
2.2. Анализ производства гендера в групповой дискуссии.....	247
2.3. Анализ категоризаций взаимодействия.....	249
3. «Создание гендера»: социально-конструктивистский подход.....	250
3.1. Сьюзен Кесслер и Венли Маккенна: развитие этнометодологического подхода	250
3.2. Кэндэс Уэст и Дон Зиммерман: создание гендера в повседневном взаимодействии	254
3.3. Рекрутирование гендерных идентичностей	257
3.4. Создание различий	260
3.5. Возможен ли демонтаж гендера и гендерного неравенства? ...	266
4. Значение и критика подхода.....	273
4.1. Применение теории «создания гендера».....	273
4.2. Критика подхода.....	275
Выводы	278
Приложение. Анализ категоризации взаимодействий: методика исследования гендерной идентичности в сфере сексуальных отношений	280

ЛЕКЦИЯ 6. Структурно- конструктивистский подход

Часть 1. Гендер как структура и практика	294
Введение.....	294
1. Основания структурно-конструктивистского подхода.....	297
1.1. Уровни анализа гендерных отношений	297
1.2. Структуры и практики: объединительная парадигма	304
2. Рейвин Коннелл: гендерный порядок	308
2.1. От гендерной системы — к гендерному порядку	308

2.2. Структурные модели гендерного порядка	311
2.2.1. Гендерное разделение труда	311
2.2.2. Структура власти	312
2.2.3. Структура сексуальных и эмоциональных отношений ...	313
2.2.4. Структура символического порядка	313
2.2.5. Структурные модели в гендерных режимах.....	314
2.3. Исторические изменения структурных моделей.....	316
3. Гендерный контракт	319
3.1. Феминистская критика теории общественного договора	319
3.2. Понятие «гендерный контракт» в социологии.....	320
3.3. Вариативность гендерных контрактов	322
3.4. Изменения гендерных контрактов в Европе и Северной Америке	324
4. Гендерное измерение категории гражданства	327
4.1. Гендерная трактовка категории гражданства	328
4.2. Нира Ювал-Дэвис: женщины, гражданство и нация.....	329
5. Этакратический гендерный порядок в СССР/России	332
5.1. Государство и стратегии повседневности	332
5.1.1. Роль государства	332
5.1.2. Нормализующий дискурс.....	333
5.1.3. Стратегии повседневности.....	334
5.2. Этапы гендерной политики в СССР/России	334
5.2.1. Дефамилизация и политическая мобилизация женщин ..	335
5.2.2. Стабилизация этакратического контракта «работающая мать»	338
5.2.3. Политическая либерализация и кризис этакратического гендерного порядка	340
5.2.4. Постсоветские трансформации: неотрадиционализм ...	344
5.3. Контракт «работающая мать» в российском контексте	349
Выводы	356
Приложение 1. Гендерное гражданство и абортная культура в СССР	359
Приложение 2. «Материнский капитал» как социальная поддержка: отношения граждан и государства	361

ЛЕКЦИЯ 7. Структурно-конструктивистский подход

Часть 2. Гендер как фрейм и институт	365
Введение.....	365
1. Сесилия Риджвей: гендер как первичный культурный фрейм коммуникации	369

1.1. Гендер как первичный фрейм и основа коммуникации	371
1.2. Гегемонные гендерные верования и неравенство	373
1.3. Альтернативные гендерные верования	377
1.4. Семья: гендерное форматирование	381
2. Гендерные практики	383
2.1. Процессы производства гендерных практик	384
2.1.1. Создание гендерных различий во взаимодействии	385
2.1.2. Позиционирование гендерных различий	385
2.1.3. Практическое осуществление гендера	386
2.1.4. Перформативность гендера: дискурсивное производство	387
2.2. Гендерные практики и телесность	388
3. Гендер как социальный институт	393
4. Критика и значение подхода	399
Выводы	404

ЛЕКЦИЯ 8. Конструирование маскулинностей

и исследования мужчин	407
Введение.....	407
1. Исследования мужчин и маскулинностей: общие положения	410
2. Гегемонная маскулинность: понятие и исследования	416
2.1. Гегемонная маскулинность.....	416
2.2. Иерархия маскулинностей.....	420
2.3. Направления исследований гегемонной маскулинности	422
2.4. Критика понятия «гегемонная маскулинность»	425
3. Изменения в положении мужчин в современном обществе	427
3.1. Кризис патриархата и утрата привилегий	427
3.2. Кризис маскулинности.....	430
3.3. Новые модели маскулинности	432
4. Мужские движения	439
4.1. Мифопоэтические и христианские движения.....	439
4.2. Движения эмансипации и движения за права мужчин.....	440
4.3. Профеминистские мужские движения	441
4.4. Движения и политика идентичности.....	441
5. Маскулинности в российском контексте: анализ дискурсов.....	442
5.1. Кризис маскулинности в позднесоветском контексте (конец 1960-х — 1980-е гг.)	443

5.1.1. Виктимизация мужчин.....	443
5.1.2. Недоступные нормативные модели маскулинности	445
5.1.3. Сила «слабого пола»: маскулинизация женщин	450
5.2. «Настоящие мужчины» и «неудачники» (1990-е гг.)	453
5.2.1. Гегемонная маскулинность: мужская работа и престижное потребление	453
5.2.2. Несостоявшаяся маскулинность: профессиональное поражение и маргинальность	455
5.3. Гегемонная и субординированная маскулинность: неустойчивые границы (2010-е гг.)	457
Выводы	462

РАЗДЕЛ III. ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД В ТЕМАТИЧЕСКИХ

ИССЛЕДОВАНИЯХ	465

ЛЕКЦИЯ 9. Гендерные различия в сфере занятости

Введение.....	466
1. Гендерные различия в сфере занятости: многоуровневый подход .	471
2. Гендерное неравенство в сфере оплачиваемой занятости	475
2.1. Объяснения гендерного неравенства	475
2.2. Гендерные различия и эмоциональный труд.....	480
3. Гендерные различия в организациях и на рабочем месте	484
3.1. Культурные фреймы	484
3.2. Гендерные различия при приеме на работу.....	486
3.3. Профессиональные предпочтения в зависимости от гендера..	487
3.4. Динамика взаимодействий на рабочем месте	488
3.5. Институционализация и рутинизация гендерных различий ..	492
4. Гендерная специфика трудовой мобильности	498
4.1. Невидимые барьеры и механизмы мобильности	498
4.2. Синие воротнички: мобильность и гендерные барьеры	505
5. Изменения на рынке труда и гендерные различия.....	510
5.1. Общество поздней современности и прекарная занятость	510
5.2. Гендерные различия в стартапах	514
6. Произошла ли гендерная революция в сфере занятости?	517
6.1. Аргументы «за»: революция совершилась.....	517
6.2. Аргументы «против»: революция не состоялась	518
Выводы	521

ЛЕКЦИЯ 10. Гендерные различия и социология заботы	525
Введение.....	525
1. Гендерный подход в исследованиях заботы	529
1.1. Определения заботы	529
1.2. Компоненты процесса заботы: феноменологическая модель ...	533
1.3. Пенальти заботы	538
1.4. Забота как вид трудовой деятельности.....	542
1.5. Феминизация практик заботы и ее объяснения	545
2. Исследования практик заботы: тренды и тематика	550
2.1. Забота в контексте домашнего пространства.....	552
2.1.1. Неоплачиваемая домашняя забота: семейные отношения	552
2.1.2. Оплачиваемый домашний труд: рыночные отношения..	555
2.1.3. Социальные работники и домашняя забота	557
2.2. Профессионализация заботы и ее противоречия	557
2.3. Глобальные цепочки заботы	561
2.4. Режимы заботы.....	563
3. Нормативные теории заботы.....	568
3.1. Общая характеристика нормативных теорий заботы	568
3.2. Этика заботы как модель материнских практик.....	571
3.3. Этика заботы как феминистский демократический проект	578
3.4. Логика заботы — принципы упорядочивания практик.....	582
4. Стратегии преодоления гендерного неравенства в практиках заботы.....	587
Выводы	590

ЛЕКЦИЯ 11. Гендерные различия, здоровье и медицина	593
Введение.....	593
1. Гендерные различия в отношении к здоровью	597
1.1. «Женщины больше болеют, но мужчины умирают раньше».....	597
1.2. Конструирование гендера и здоровья	604
1.2.1. Патриархат и риски для здоровья мужчин	604
1.2.2. Здоровье женщин и биомедицинская модель	607
1.3. Биовласть и медикализация	611
2. Медикализация репродуктивного цикла женщины.....	616
2.1. Репродукция и медикализация	616
2.2. Критика медикализации и женское движение	618

2.3. Деторождение: медикализация и критика.....	621
2.4. Медикализация менопаузы, менструации и бесплодия.....	631
3. Медицина, врач и пациент: гендерное измерение	637
3.1. Гендерное измерение медицины как профессии	638
3.2. Социальная роль больного и пациента.....	640
3.3. Гендерная специфика медицинских взаимодействий	643
3.4. Информированная пациентка как потребитель медицинских услуг.....	645
Выводы	650

ЛЕКЦИЯ 12. Феминизм и женские общественные движения ...	653
Введение.....	653
1. Женское движение второй волны: мобилизация и конструирование идентичности	656
1.1. Определение женского движения	657
1.2. Женское движение: причины и механизмы мобилизации	658
1.3. Идеология как ресурс мобилизации женского движения	660
1.4. Создание коллективной идентичности в женском движении.....	666
1.5. Политические результаты второй волны женского движения.....	670
2. Структура политических возможностей и женское движение	672
2.1. Модель группы давления: США	673
2.2. Модель левого феминизма: Великобритания	675
2.3. Модель государственного феминизма: Швеция	676
2.4. Движение одной проблемы: Италия.....	677
2.5. Сравнение женского движения в разных контекстах: Франция и Германия	678
2.5.1. Партийно-ориентированная модель женского движения: Франция.....	679
2.5.2. Смешанная модель женского движения: Германия	680
3. Женское движение в России 1990–2000-е гг.: примеры исследований	681
3.1. «Солдатские матери Санкт-Петербурга» — создание фрейма коллективной идентичности	681
3.2. Феминистские организации Санкт-Петербурга в структуре политических возможностей (1991–2003 гг.).....	686
Выводы	691

СВОДНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ И УКАЗАТЕЛИ	693
Библиография	694
Именной указатель.....	752
Предметный указатель.....	757

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данное учебное пособие написано на основе лекционного курса, который авторы читают в рамках Гендерной программы факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге для магистров-социологов. Наш курс в Европейском университете рассчитан на слушателей, имеющих базовую подготовку в области социальных наук и знакомых с социологической теорией, поэтому в своих лекциях мы не останавливаемся подробно на пояснении основных социологических понятий и подходов. В центре нашего внимания находится социологическое знание о гендерных различиях и отношениях, однако иногда обсуждение выходит за пределы этой академической дисциплины. Такая трансгрессия связана с тем, что гендерная проблематика является междисциплинарной, и методология исследования гендерных различий развивается на стыке различных социальных и гуманитарных наук, все более проблематизируя дисциплинарные границы. Это учебное пособие адресовано студентам, аспирантам, преподавателям вузов, в первую очередь социологам, хотя оно может быть полезным и для представителей других социальных и гуманитарных наук.

Мы читаем наш курс по гендерной социологии со второй половины 1990-х гг., и за прошедшие годы содержание программы претерпело значительные изменения. Первоначально мы вместе со слушателями изучали феминистские теории и работы социальных теоретиков, посвященные гендерным различиям или повлиявшие на гендерные исследования. Мы анализировали феминистские тексты Симоны де Бовуар, Бетти Фридан, Кейт Миллет, Нэнси Ходоров, Кэрол Гиллиган, Джоан Скотт, Гейл Рубин, Нэнси Фрейджер (Фрезер), Ниры Ювал-Девис, Элен Сиксу, Джудит Батлер, Донны Харавей, Сары Хардинг и других. Но не могли мы обойтись и без социологической и философской «базы» этих текстов: так, при изучении социалистического феминизма для нас были важны работы Ф. Энгельса и К. Маркса, при изучении полоролевой теории — Т. Парсонса и Э. Дюркгейма; при изучении психоаналитического направления феминистской мысли — З. Фрейда, при изучении постструктуралистского феминизма — М. Фуко и Ж. Лакана.

Список изучаемых авторов постоянно пополнялся: на разных этапах мы включали в программу тексты, посвященные гендеру и национализму, кибер-феминизму, репрезентациям гендера, гендерным аспектам сексуальности, репродуктивного здоровья и заботы и пр. Феминистская теория развивается, реагируя на критические аргументы и новые вызовы, которые формулируют общественные движения и другие социально-политические акторы, что заставляет нас адаптировать и программу курса. Общественно-политический контекст также влияет на структуру образовательной программы и стимулирует ее постоянное обновление. В последние годы мы уделяем все больше внимания обсуждению квир-теории, интерсекционального и транснационального анализа гендерных отношений. Выбор текстов для чтения и анализа на семинарах формируется с учетом наших академических интересов и потребностей слушателей.

На русском языке опубликовано несколько хрестоматий и переводов значимых феминистских текстов, которые важны для освоения гендерной социологии. Среди них — «Антология гендерной теории» (Гапова, Усманова 2000), «Гендерная коллекция — зарубежная классика» издательства РОССПЭН (2005–2006), «Хрестоматия феминистских текстов» (Здравомыслова, Тёмкина 2000b), хрестоматия по курсу «Основы гендерных исследований» (Воронина 2000), «Введение в гендерные исследования. Часть 1» (Жеребкина 2001), «Введение в гендерные исследования. Часть 2» (Жеребкин 2001). Выпущено два издания «Гендер для “чайников”» (Тартаковская 2006, 2009). Опубликовано несколько учебных пособий по гендерным исследованиями (Айвазова, Хасбулатова 2004; Здравомыслова, Тёмкина 2007e; Клёцина 2003b, 2005; Костикова 2005; Мальшева 2001; Поспелова, Кукаренко, Львова 2007; Пушкарева 2001; Саралиева 2004; Силласте 2012; Успенская 1999). Данные издания являются либо междисциплинарными, либо специализируются на конкретных дисциплинах — философии, истории, психологии, социологии. Среди социологических изданий мы выделяем «Гендерную социологию» (Тартаковская 2005). Наши «Лекции» задают социологическую перспективу в гендерных исследованиях, включая обсуждение феминистской и социологической теории, методологии и эпистемологии исследований, а также примеры социологического гендерного анализа различных тематических областей. По сравнению с вы-

шеперечисленными работами мы предпринимаем попытку более современного, детального и целостного анализа методологического и теоретического развития гендерной социологии.

Все двенадцать лекций оформлены в тексты специально для данного учебного пособия, некоторые из них представляют собой впервые публикуемые материалы, другие — включают адаптированные фрагменты ранее публиковавшихся работ. Мы впервые подробно рассматриваем транснациональный подход, интерсекциональный анализ, теорию форматирования гендера, анализируем дискуссию о гендерной революции и демонтаже гендера. В третьем разделе «Лекций» мы впервые обобщаем материалы, касающиеся гендерных исследований заботы, здоровья и трудовых отношений. Материалы о феминистской эпистемологии, методе, полоролевом, социально-конструктивистском и структурно-конструктивистском (часть 1) подходах, маскулинности и общественных движениях уже частично публиковались (ссылки на публикации даны в сносках). Они переработаны, расширены и адаптированы к потребностям учебного пособия.

Далее мы предлагаем некоторые пояснения относительно специфики, структуры, ограничений и сложностей составления курса по гендерным исследованиям в социологии, а также представляем краткое описание содержания данного учебника.

Гендерная социология как дискуссионное поле

Область гендерных исследований в социологии — это сфера дебатов и критики, она постоянно развивается, творчески относясь к своим основаниям. Обсуждение внутренней критики и динамики представлений о механизмах производства гендерных различий особенно важно в российском контексте. Многие современные дискуссии по гендерной проблематике не получают достаточного внимания в России, имена российских исследователей редко появляются на страницах международных периодических академических изданий. Наша задача — способствовать преодолению этого академического коммуникативного дефицита и активной интеграции молодых исследователей в транснациональные гендерные исследования. Поэтому мы стараемся представить в учебном пособии

не только «отстоявшийся» материал, но и актуальные, дискуссионные, инновационные темы.

Излагая материал, мы стремимся продемонстрировать сложность исследуемых вопросов и неоднозначность предлагаемых ответов. Два простых, казалось бы, примера: почему продолжительность жизни мужчин (во всех странах мира) ниже, чем продолжительность жизни женщин? Почему, несмотря на комплексные антидискриминационные меры, осуществляемые на национальном, региональном и глобальном уровнях, женщины достигают меньших карьерных успехов в профессиональных областях? Но ответить на эти вопросы непросто, они продолжают оставаться темами исследований, статей и книг, и мы стараемся представить в наших лекциях разные точки зрения. Заметим, что ответы на данные вопросы кажутся самоочевидными для здравого смысла, опирающегося на эссенциалистские аргументы, объясняющие социальные эффекты биологическими различиями между полами. Но задача социолога заключается в том, чтобы преодолеть барьеры биологического редукционизма и найти социальные объяснения таких явлений.

Несмотря на дидактические задачи учебного пособия, мы приглашаем читателей к активному диалогу и участию в формировании аппарата гендерных исследований. Многие категории только формируются, социологи постоянно их разрабатывают и уточняют их значение. Это касается, например, новейших тенденций — изучения форматирования (*framing*) гендера на микроуровне (С. Риджвей) или интерсекционального анализа. Необходимо принимать во внимание трудности перевода тезауруса гендерных исследований на русский язык, которые обсуждают многие исследователи: значение конвенциональных терминов нуждается в интерпретации, поскольку при переводе они отрываются от того контекста, в котором возникли, использовались и видоизменялись. Мы стараемся показывать контекст академического словоупотребления таких социологических терминов как *intersectionality*, *framed by gender*, *caring work*, *mothering*, *gender practising* и пр. и разъяснять соответствующие понятия, предлагая свои варианты перевода, но указывая в скобках оригинальный, чаще всего англоязычный, термин. При этом нам зачастую приходится отказываться от их

буквального перевода, прибегать к транслитерациям или искать смысловые заменители.

В данном учебном пособии мы в основном говорим о гендерных/феминистских/женских исследованиях в целом, хотя и показываем аналитическое и историческое различие между этими направлениями. Комментаторы отмечают, что поле гендерных исследований, возникшее в ходе интеграции феминистской перспективы в социальное и гуманитарное знание, включает образовательные программы и исследовательские центры разных профилей и наименований. Исследователи выделяют по меньшей мере четыре варианта обозначения новых институций. В одном случае названия «гендерные исследования» и «женские исследования» используются как синонимы; в другом — граница между гендерными и женскими исследованиями остается непроясненной. В третьем случае гендерные исследования и женские исследования представлены как два разных подхода и две области знания. В четвертом — женские исследования представлены как часть более широкого поля гендерных исследований (Hemmings 2006: 22; Lykke 2004: 14–15; Richardson, Robinson 1994: 11–27). Особое место занимают исследования маскулинности — они возникли на десятилетие позже женских исследований и в настоящее время являются составной частью поля гендерной социологии.

Сам термин «гендерные исследования» используется в широкой и узкой трактовке. В узкой трактовке он обозначает социально-конструктивистское понимание гендерных различий (т. к. термин «гендер» был введен в активный научный оборот представителями именно этого теоретического направления). В широком смысле, более распространенном в настоящее время, он является зонтичным для обозначения исследований разной теоретической направленности и включает дисциплинарные отрасли гендерной социологии, психологии, антропологии, истории и пр.

Необходимо сказать о ряде ограничений нашего лекционного курса. Во-первых, в поле гендерной социологии работает огромное количество исследователей. Мы анализируем работы только тех из них, кто закладывал основы или активно развивает социологические теории гендерных различий сегодня. Во введениях к лекциям мы отмечаем наиболее значимые для соответствующего направления имена.

Во-вторых, мы опираемся преимущественно на англоязычные и русскоязычные источники. Хотя англоязычный дискурс — важнейший для формирования гендерной теории, нужно отметить, что вне нашего внимания остались многие источники на французском, немецком и иных языках.

В-третьих, мы уделили мало внимания процессам, происходящим за пределами западного (пост)индустриального мира, в том числе в постсоциалистических обществах, — ввиду относительно меньшего количества посвященных им международно известных исследований (во многом по причине отсутствия публикаций на английском языке). При этом мы часто говорим о «западных» обществах, подразумевая под ними Западную Европу, Северную Америку и Австралию, хотя и отдаем себе отчет в том, что категория «запад» является конструкцией, которая соединяет разные культуры, сообщества, политические, экономические и социально-политические устройства и пр. в некое единое целое. Также и в российском обществе существуют разные этнические и религиозные группы, разные культуры и социальные слои. Поэтому обобщения, касающиеся гендерного порядка того или иного общества, имеют условный характер, но помогают уловить его наиболее значимые сущностные характеристики и общую тенденцию развития гендерных отношений в определенном контексте.

В данном учебном пособии мы не выделяли в отдельные лекции темы «про Россию», а интегрировали результаты исследований российского «поля» в транснациональный контекст развития гендерной социологии. Мы показываем, как работает гендерный подход при анализе конкретных эмпирических вопросов, в частности, при изучении особенностей и исторического формирования гендерного порядка в СССР/России, гендерных режимов в социальных институтах, конструирования мужественности и женственности в конкретных контекстах. Среди тем исследований, которые проводим мы сами, магистры и аспиранты Гендерной программы, а также наши коллеги-единомышленники, — изучение частной жизни, сексуальных отношений, семьи / партнерства / родительства / романтических отношений (гражданские браки, использование материнского капитала, внутрисемейная и оплачиваемая забота о детях, применение оплачиваемого труда в частной сфере, органи-

зация беременности, родов и ухода за новорожденными и пр.), сексуальности, здоровья, феминистских и консервативных общественных движений, женского политического участия и пр. Наши актуальные научные интересы — репродуктивное здоровье и забота о пожилых людях. Многие из результатов этих исследований приведено в данной книге (однако далеко не все — в частности, мы не включили сюда материалы по теме семьи и сексуальности, которые опубликованы в разных изданиях и широко доступны).

Содержание и структура лекционного курса

Наш лекционный курс, как он представлен в этом учебном пособии, делится на три раздела, соответствующие основным задачам курса.

Одна из задач «Лекций» — познакомить читателей с историей гендерной социологии, феминистской эпистемологией и методологией. Данной проблематике посвящен первый раздел книги «Гендерные исследования: формирование, эпистемология, методология» (лекции 1–3).

В первой лекции — **«Становление гендерных исследований в социологии»** — мы обсуждаем, каким образом возникли гендерные исследования и как они завоевывали свою позицию в социальных науках. Мы описываем политический контекст академических инноваций, связанный с развитием женского движения второй и третьей волн и феминистской теорией. В лекции представлен краткий исторический очерк формирования разных направлений феминистской теории, описаны процессы институционализации гендерных исследований. Мы рассуждаем, состоялась ли феминистская революция в социологии, и приводим аргументы в пользу разных позиций. Отдельный параграф посвящен формированию гендерных исследований в российском контексте.

Вторая лекция — **«Феминистская эпистемология»** — представляет собой обзор основных эпистемологических перспектив феминизма. Эмпирические социологические исследования гендерных различий опираются на представления о сути исследовательского процесса, отношении субъекта и объекта познания, структуре исследовательской ситуации, возможности получения

надежного знания. Мы показываем, как эти вопросы решаются применительно к предметному полю гендерных исследований, принимая во внимание принципы идеологической ангажированности феминистского исследования и его ориентацию на борьбу с гендерным неравенством. В поле гендерных исследований воспроизводятся различные эпистемологические установки: феминистский эмпиризм, позиционная и постмодернистская версии эпистемологии. Однако на современном этапе исследователи отдают предпочтение изучению множественных, разновекторных и взаимосвязанных механизмов производства неравенства и исключения (интерсекциональный анализ). Признающая интерсекциональность эпистемология получила название постфеминистской, т. к. она предполагает, что на позицию познающего и познаваемого, кроме пола, влияют и другие значимые характеристики, определяющие положение индивидов в обществе (класс, раса/этничность, сексуальная ориентация, возраст, здоровье и пр.).

В третьей лекции — **«Методы и принципы эмпирического гендерного исследования»** — мы рассматриваем конкретные исследовательские практики гендерных исследований. Нас интересует, существует ли особый феминистский метод, в чем заключаются методологические инновации гендерных исследований, как они обновили инструменты полевой работы социолога. Особое внимание уделяется таким принципам феминистского гендерного исследования, как идеологическая ангажированность, внимание к изучению опыта угнетенных и негативно привилегированных групп, обретение ими силы с помощью исследовательского процесса, ориентация на достижение гендерного равенства, рефлексивность в отношении механизмов власти, этика заботы и ориентация на эгалитарные отношения с информантами. Мы рассматриваем также конкретные проблемы, с которыми сталкиваются исследователи при реализации данных принципов.

Вторая задача «Лекций» — познакомить читателя с **социологическими подходами, анализирующими гендерные различия**. Этому посвящен второй раздел данной книги — **«Социологические теории гендерных различий»** (лекции 4–8). В лекциях представлены центральные положения и инструментарий различных подходов, история их формирования, дискуссии, примеры, критика

подходов и их значение. Мы обсуждаем позиции социологов, которые непосредственно повлияли на гендерную теорию, предполагая, что читатели знакомы с их основными работами. Подходы, оказавшие влияние на эмпирические исследования в гендерной социологии, в условной последовательности можно обозначить как полоролевою теорию (критически переосмысливающую идеи структурного функционализма), социальный конструктивизм (для которого значимы этнометодология и драматургический интеракционизм) и структурный конструктивизм (соотнесенный с объединительной парадигмой в социологии).

Гендерные исследования за сорок лет своего существования прошли путь от признания гендера как аналитической категории, обозначающей половую роль, сформированную в процессе социализации, до интерпретации гендера как изменчивого социального конструкта, производимого в социальных структурах и воспроизводимого в рутинных взаимодействиях. Последовательность теоретического развития условна — ролевые подходы не исчезли из академического обихода и в настоящее время, они, претерпев множество изменений, сосуществуют с конструктивизмом. Обсуждая различные подходы, мы уделяем особое внимание собственным теоретическим предпочтениям, а именно — объединительной парадигме, которая направляет внимание на гендерные практики/стратегии и условия, влияющие на выбор и осуществление стратегий. Важно отметить, что доминирующий в целом в гендерных исследованиях и разделяемый нами структурно-конструктивистский подход не подразумевает возможности произвольного выбора субъектом собственной половой идентичности, как иногда предполагают обыватели. Напротив, конструирование происходит в системе структурных ограничений и возможностей, влияющих на рутинные действия в соответствии с культурными ожиданиями в отношении половых различий.

Четвертая лекция **«Полоролевой подход»** посвящена концепции половых ролей, которая развивалась в рамках парадигмы структурного функционализма. В фокусе данной социологической парадигмы, принципы которой сформулированы в трудах Э. Дюркгейма и Т. Парсонса, — стабильность социального порядка, достигаемая через разделение труда, контроль социальных ролей и функциональную

взаимосвязь элементов социальной системы. Через эту призму интерпретируется модель гетеросексуальной нуклеарной семьи как устойчивой социальной системы, интегрированной в общество. Семья и ее связь с обществом организованы распределением ролей между мужем-добытчиком (инструментальная роль) и женой, ответственной за домашнее хозяйство (экспрессивная роль). В рамках полоролевого подхода обсуждается вызываемая ограничениями ролей личная и семейная напряженность, ролевые конфликты, нормативные предписания мужских и женских ролей и их трансформации. Мы показываем, как формировался терминологический аппарат полоролевого подхода в 1960–70-е гг. в ходе исследований половых различий, социализации, ролей и норм, статуса женщин как номинальной группы. В 1970-е гг. на смену концепту половых ролей постепенно приходит понятие «гендер», которое знаменует собой важнейшие терминологические инновации в данной области и приводит к смене парадигмы в гендерных исследованиях.

В пятой лекции **«Социальный конструктивизм»** представлены гендерные теории, опирающиеся на принципы драматургического интеракционизма И. Гофмана и этнометодологии Г. Гарфинкеля и его последовательниц С. Кесслер и В. Маккенна. В фокусе их внимания находятся социальное взаимодействие на микроуровне и повседневное знание. Анализ гендерного дисплея и исследования транссексуальности легли в основу работы К. Уэст и Д. Зиммермана «Создание гендера», которая признана классической в гендерной теории. Категоризация по признаку пола рассматривается как процесс, который осуществляется во взаимодействиях, в организации пространства, в фоновых практиках. Дальнейшее развитие социального конструктивизма шло в направлении изучения конструирования гендера (гендеров) во взаимосвязи с конструированием других стратификационных различий (расы, класса, возраста и пр.), способствуя осознанию их взаимосцепленности и появлению интерсекционального анализа как принципа гендерных исследований. В приложении к лекции мы показываем, как анализ категоризаций может быть использован в методике исследования гендерной идентичности.

Структурному конструктивизму, который объединяет уровни исследования структур и практик в гендерном анализе, посвящено

две лекции. При обсуждении этого подхода во внимание принимаются разные уровни анализа — индивидуальный, уровень социального взаимодействия и структурный. Переосмысляются в гендерном ключе взгляды П. Бурдье и Э. Гидденса — теории практик, понятия структур, структуриации, хабитуса. В шестой лекции **«Гендер как структура и практика»** мы рассматриваем вариант объединительной парадигмы, в фокусе которой находятся структурные модели производства гендерного порядка, реализуемые в практиках мужественности и женственности. Обсуждается подход и понятийный аппарат, разрабатываемый Р. Коннелл и сформулированный ею в книге «Гендер и власть» и более поздних работах. Социолог выделяет четыре структурных механизма, обуславливающих устойчивую конфигурацию гендерных практик в конкретном обществе: разделение труда, отношения власти, структура катексиса и структура символических репрезентаций. В рамках данного подхода обсуждаются категории «гендерный порядок», «гендерный режим», «гендерный контракт» и «гендерное гражданство». Мы демонстрируем, как аппарат данной теории применяется к анализу российского гендерного порядка. В приложениях мы показываем, как были связаны гендерное гражданство и репродуктивные права (право на аборт) в позднесоветский период и как формируются отношения граждан и государства по поводу социальной поддержки (материнского капитала) в современной России.

В седьмой лекции **«Гендер как первичный фрейм и социальный институт»** продолжается обсуждение **структурного конструктивизма**, но теперь с акцентом на то, как гендерно формируются микровзаимодействия, обуславливая структуры гендерного неравенства, в различных институциональных контекстах. Этот вариант структурного конструктивизма предложен С. Риджвей в книге «Форматирование гендером» и других работах. Основываясь на теории интеракционизма И. Гофмана, исследовательница рассматривает гендер как первичный фрейм в ситуациях межличностного взаимодействия. Коммуникация выстраивается на основе базовой категоризации акторов как мужчин и женщин, следующих образцам мужского и женского поведения. Гендерные различия формируются благодаря массовым представлениям (верованиям) о мужественности и женственности, сформированным как совокупность стере-

отипов, бытующих в обществе и проявляющихся в функционировании различных социальных институций. Гендер рассматривается через призму институционального анализа как совокупность устойчиво воспроизводящихся практик, протяженных во времени и пространстве и проявляющихся на нескольких уровнях — на уровне индивидуальной идентичности и телесности, на уровне взаимодействий и на уровне структур. Статичный срез данных практик образует структуры гендерного порядка.

В восьмой лекции «**Конструирование маскулинностей и исследования мужчин**» мы ставим перед собой задачу обсудить относительно автономное поле исследований мужественности и мужского опыта, в котором преобладают социально- и структурно-конструктивистские подходы. Обсуждаются взгляды Р. Коннелл, сформулированные в книге «Маскулинности» и других работах. В данном подходе критически переосмысляются положения структурного марксизма о гегемонии и способах ее поддержания. Мы фокусируем внимание на теоретических инновациях данного направления, показывая, как развиваются представления о гегемонной, субординированной и маргинализированной маскулинностях. Подчеркивается контекстуальность и историческая динамика образцов и предписаний мужественности. Подрыв патриархатного гендерного порядка приводит к изменению социальных позиций мужчин, «кризису маскулинности», изменению гендерных ролей (включая отцовскую и супружескую роли мужчин), развитию движений за мужскую эмансипацию. Мы показываем, как применяются концепты гегемонной маскулинности и кризиса маскулинности в конкретных исследованиях позднесоветского и постсоветского обществ.

Третья стоящая перед нами как преподавателями задача — продемонстрировать, **как гендерный анализ работает в исследовании отдельных предметных областей**. Этому посвящен третий раздел «**Гендерный подход в тематических исследованиях**» (лекции 9–12). Мы не претендуем на представление целостной картины производства гендерных различий и гендерного неравенства во всех сферах социальной жизни — в сексуальных отношениях, домохозяйстве, на разных уровнях политических институтов, в религии, идеологии, образовании. Мы полагаем, что такая задача

при современном состоянии гендерных исследований невыполнима в принципе. Теория и исследования пестры, многообразны и фрагментированы, как в силу критического настроя к своим собственным основаниям, так и в силу наличия самых различных конфигураций осей неравенства в разных контекстах. Невозможно сформулировать «канон», на который нужно ориентироваться, учитывая огромное число исследований, проведенных в разных странах и до сих пор лишь в незначительной степени интегрированных в отечественный дискурс.

Делая отбор тематических областей в третьем разделе учебного пособия, мы исходили из следующих принципов. Во-первых, мы включали те темы, которыми занимались мы сами, наши студенты и аспиранты и коллеги-единомышленники. Во-вторых, старались развивать те направления, которые еще мало представлены в русскоязычном академическом дискурсе. В-третьих, отбирали темы, на примере которых можно продемонстрировать, как работают те методологические подходы, которые мы рассматриваем в теоретических разделах.

Девятая лекция «**Гендерные различия в сфере занятости**» посвящена созданию гендерных различий в организациях и на рабочем месте. В современном мире позиция людей во многом определяется сферой их занятости, тем способом, которым они обеспечивают свое существование. Публичное пространство насыщено организационными структурами с присущими им предписаниями, иерархиями и механизмами контроля. Мы кратко рассматриваем те подходы, которые обсуждаются в гендерной социологии применительно к анализу структуры занятости и сосредотачиваем свое внимание на структурно-конструктивистском объяснении. Беря за основу рассуждений работы С. Риджвей и П. Мартин, мы показываем, что институциональные правила являются гендерно маркированными. Результатом этого становятся различные условия профессиональной занятости и мобильности для мужчин и женщин. В лекции рассматриваются такие социальные феномены, как «стеклянный потолок», гендерный разрыв оплаты труда, гендерная типизация занятости. Исследователи задаются вопросом, произошла ли гендерная революция в сфере оплачиваемой занятости, и обсуждают аргументы «за» и «против».

Большинство исследований показывают, что в целом неравенство в оплате труда и квалификационный разрыв между полами в пользу мужчин сохраняется. Для изучения механизмов, способствующих воспроизводству неравенства, требуется исследование контекста, организационной структуры, культурных фреймов работодателей и работников. В лекции приводятся примеры российских исследований гендерных представлений работодателей и работников.

Лекция 10 — «**Гендерные различия и отношения заботы**». Исследования заботы — одно из ключевых направлений гендерных исследований на современном этапе. В данной лекции анализируется категориальный аппарат социологических исследований заботы, описывается очищенная от контекстов феноменологическая модель процесса заботы и модель логики заботы. Забота рассматривается как сфера оплачиваемого и неоплачиваемого труда, в контекстах занятости и семейных отношений. Особое внимание уделяется пониманию заботы как сферы повседневного домашнего труда, предполагающего эмоциональную вовлеченность и этические требования, непосредственно управляемые гендерными предписаниями и ожиданиями. Подчеркивается проблема гендерного баланса в осуществлении заботы и ее сочетание с оплачиваемым трудом. Профессиональная забота осуществляется, как правило, на рабочих местах и в организациях, где численно доминируют женщины (медицинские сестры, няни, сиделки, пр.). Эти виды занятости имеют более низкий престиж и оплачиваются ниже, чем позиции, где преимущественно заняты мужчины. В этой лекции мы приводим объяснения этого феномена и рассматриваем перспективы достижения гендерного равенства в практиках повседневной и профессиональной заботы. Описываются современные тренды в развитии отношений заботы — аутсорсинг практик заботы из сферы семейных отношений, делегирование заботы государству социального благосостояния и рыночным структурам. Представлены типологии различных режимов заботы в государствах социального благосостояния. Отдельный параграф посвящен философским основаниям феминистской этики заботы в двух ее версиях — «материнской» и «гражданской».

В лекции «**Гендерные различия, здоровье и медицина**» анализируются гендерные различия в отношении к здоровью и

рассматриваются различные подходы к анализу гендерных аспектов институциональных взаимодействий врачей и пациентов. Важнейшим политическим контекстом являются биополитические процессы, которые задают способы управления здоровьем и медициной в современных обществах. Особое внимание уделяется феминистской критике медиализации — процессу экспансии медицинского взгляда на прежде далекие от этого ведомства процессы и последствия этого явления. Концепт медиализации используется для критического анализа медицинского контроля, власти и сопротивления. В лекции рассматриваются гендерные различия в показателях здоровья, проявляющиеся в развитых обществах: женщины гораздо больше, чем мужчины, заботятся о своем здоровье, продолжительность жизни мужчин ниже, чем у женщин. Отдельный параграф посвящен исследованиям медиализации женского репродуктивного цикла и женского тела. На материале конкретных эмпирических исследований мы показываем изменения во взаимодействиях врачей и пациентов в репродуктивной медицине в российском контексте. Мы также обозначаем возможности применения интерсекционального анализа в исследованиях здоровья.

В лекции «**Феминистские и женские общественные движения**» категориальный аппарат социологии общественных движений применяется для анализа феминистского движения второй волны. Особое внимание уделяется гендерному анализу общественного участия. Сравнительный анализ показывает, что, несмотря на общую цель борьбы против неравенства полов и сексизма, стратегии женского движения в разных странах различаются. Характер мобилизации и конкретный репертуар протеста зависит от структуры политических возможностей и гендерных идеологий, принятых в обществе. Мы обсуждаем сложное идеологическое поле феминизма второй волны. Каждая из версий феминистской идеологии предполагает свою повестку дня политического активизма, поэтому воспроизводятся идеологические конфликты и фрагментация феминистского движения. В данной лекции в качестве примера применения аналитического аппарата социологии общественных движений представлены результаты эмпирических исследований российского женского активизма (правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга» и феминистских органи-

заций Санкт-Петербурга). Внимание обращается на гендерные идеологии движений и особенности российского регионального политического контекста (отметим, что исследования проводились в 1990-е — начале 2000-х гг.).

Поскольку «Лекции» представляют собой учебное пособие, мы постарались снабдить его элементами, упрощающими его использование в познавательных и методических целях. Определения важных, по нашему мнению, терминов вынесены в надписи-наклейки для удобства восприятия и запоминания. В большинстве случаев мы пользовались определениями, опубликованными в «Словаре гендерных терминов» (Денисова 2002, см. <http://www.owl.ru/gender>; 03.03.2015) и «Стенфордской энциклопедии философии» (*Stanford Encyclopedia of Philosophy*, см. <http://plato.stanford.edu>; 03.03.2015), но иногда также давали свои определения или адаптировали определения, предлагаемые теми авторами, которых мы цитируем в основном тексте, обсуждая соответствующее понятие.

Каждая лекция завершается вопросами, которые предназначены для контроля знаний и обсуждения на семинарах. Как правило, семинары по гендерной тематике вызывают живой интерес, большинство наших занятий имеет интерактивную форму и многие вопросы становятся предметом плодотворных дискуссий, опирающихся на знание классической и современной академической литературы.

Мы надеемся, что лекции помогут освоить теорию, методологию и методы гендерных исследований в социологии, однако мы также рекомендуем студентам обращаться к научной литературе, в том числе той, на которую мы опирались при написании текста. Наиболее важные источники приведены в конце каждой лекции. Общий список использованной литературы представлен в библиографии. В тексте используется «чикагский стиль» оформления ссылок — с указанием фамилии автора, года издания и, при необходимости, страниц. В квадратных скобках после года цитируемого издания мы иногда указывали год первой публикации, чтобы дать представление читателю о времени появления того или иного академического продукта и/или помочь найти издание на языке оригинала. Сориентироваться в поиске конкретной информации также помогут предметный и именной указатели в конце книги.

Наши благодарности

Мы признательны всем нашим коллегам, с которыми на протяжении двух десятилетий работали и обсуждали разные аспекты гендерных исследований. Среди тех, кому мы благодарны, — междисциплинарное сообщество ученых, живущих в России и за ее пределами (в Беларуси, Украине, Литве, Латвии, Эстонии, Казахстане, Кыргызстане, Грузии, Таджикистане, Финляндии, Венгрии, Германии, Дании, Великобритании, Израиле, Швеции, США, Канаде и пр.), организаторы и участники летних школ, конференций, гендерных центров и сетевых рассылок. Мы особенно благодарны слушателям и выпускникам Гендерной программы факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, нашим коллегам по факультету и сотрудникам Центра независимых социологических исследований, участникам многочисленных проектов Гендерной программы, нашим соавторам, редакторам и переводчикам, нашим друзьям, родным и близким. Мы сожалеем, что не можем назвать их всех персонально.

Среди тех, кто помогал готовить данный текст, в первую очередь мы благодарны Екатерине Герасимовой, научному редактору, фактически соавтору, без тщательных и кропотливых усилий которой мы бы просто не смогли этот текст завершить и опубликовать. Мы особенно благодарны тем, кто редактировал и комментировал наши тексты в процессе подготовки — Полине Аронсон, Екатерине Бороздиной, Александру Кондакову, Дмитрию Михелю, Павлу Романову, Ирине Тартаковской, Марине Хаккарайнен, Сергею Ушакину, Саре Ашвин и Нире Ювал-Дэвис.

Наши проекты не были бы осуществлены без поддержки Татьяны Барчуновой, Елены Богдановой, Ольги Бредниковой, Екатерины Бороздиной, Майкла Буравого, Олега Вите, Виктора Воронкова, Ольги Ворониной, Елены Гаповой, Ольги Громашовой, Сергея Захарова, Ольги Здравомысловой, Татьяны Ждановой, Ирины и Сергея Жеребкиных, Елены Иоффе, Ольги Исуповой, Людмилы Кабановой, Софии Касымовой, Александра и Ирины Клециных, Натальи Козловой, Александра Кондакова, Ирины Костериной, Игоря Кона, Виктории Кузнецовой, Алены Леденёвой, Юли Лернер, Нины Ликке, Ольги Липовской, Мэри Маколи, Елены Мезенцевой,

Марианны Муравьевой, Надежды Нартовой, Елены Омельченко, Инны Осиповой, Натальи Пушкаревой, Людмилы Попковой, Галины Рахмановой, Мишель Ривкин-Фиш, Елены Рождественской, Анны Роткирх, Ольги Ткач, Альмиры Усмановой, Валентины Успенской, Сергея Ушакина, Бориса Фирсова, Элины Хаавио-Манилы, Жанны Черновой, Натальи Шерстневой, Ольги Шныровой, Любви Штылевой, Ирины Юкиной, Елены Ярской-Смирновой.

Мы благодарны Европейскому университету, который создал благоприятную среду для развития гендерных исследований, персонально — всем деканам факультета политических наук и социологии, ректорам и проректорам, в лице которых мы всегда видели если и не единомышленников, то соратников. Мы признательны фондам Форда и Макартуров, фонду «Открытое общество» (Джорджа Сороса), которые обеспечивали поддержку Гендерной программы в течение многих лет, фонду им. Генриха Бёлля, который содействовал исследованиям в последние годы, а также корпорации «Новартис» за поддержку профессуры по социологии здоровья и гендера.

Раздел I.

Гендерные исследования: формирование, эпистемология, методология

Лекция 1. Становление гендерных исследований в социологии

Введение — Феминистское движение и гендерные исследования: краткий исторический очерк — Современный гендерный подход: основные направления (2000–2010-е гг.) — Институционализация гендерного подхода в социологии — Рецепция гендерных исследований в российском контексте — Выводы

Введение

Женские исследования (англ. — *women's studies*), феминистские исследования (англ. — *feminist studies*) и позже гендерные исследования (англ. — *gender studies*) формировались в последней трети XX в. под влиянием **феминизма** (политического движения и интеллектуальных идей) и парадигмальных сдвигов в социальных науках. Становление этих направлений исследований в североамериканских и западноевропейских университетах происходит с 1970-х гг., в России этот процесс начинается в 1990-е гг. (см. Пушкарева 1999; Ярская-Смирнова 2001а). В академическом феминизме задачи, поставленные женским движением, осмысляются теоретически и становятся основой для новых направлений исследований. Если бы не было феминистского движения, не было бы и гендерных исследований в том формате, который мы знаем сегодня. Гендерные

исследования критически относятся к социальной теории, в особенности к тем концепциям, которые описывают поведение и различия между мужчинами и женщинами, мужественностью и женственностью. В ходе феминистской рефлексии происходило и происходит критическое переосмысление сложившихся в социологии представлений о различиях полов.

Гендерные исследования, понимаемые в широкой трактовке, разнообразны, как и породивший их феминизм. Так, в 1960-е гг. под влиянием политической теории либерального феминизма была переинтерпретирована теория половых ролей и сложилась исследовательская тематика полоролевого подхода. В 1970-е гг. радикальный феминизм и феминизм различий привели к формированию таких направлений, как женские исследования и феминистские исследования. Исследования трансгендера и движение цветных женщин способствовали формированию в 1980-е гг. социально-конструктивистского подхода к изучению полоролевых различий и поля гендерных исследований. Позднее картина становится еще более сложной и включает постколониальные, транснациональные, постмодернистские феминистские исследования, квир-исследования (чему способствовали феминизм третьей волны, движение ЛГБТ, национальные феминизмы и пр.). Исследовательские платформы развивались, критикуя, сменяя и отрицая друг друга, и в настоящее время сосуществуют в поле научного производства и берут на вооружение интерсекциональную методологию.

Далее мы рассматриваем логику развития исследований женщин/мужчин/гендера следующим образом. Мы описываем общественные предпосылки и проекты женского движения, которые способствовали формированию запросов на новое знание, рассматриваем феминистскую интерпретацию социальных парадигм и становление разных направлений исследований гендерных различий в социологии.

Феминизм (лат. femina — женщина) — интеллектуальное и политическое движение против дискриминации (ограничения прав и возможностей) женщин. В настоящее время термин используется для обозначения движения, направленного против дискриминации по признаку пола.

Основные понятия: • феминистская социология • женские исследования • женский опыт • исследования маскулинностей • социальное конструирование гендера • гендерные исследования • интерсекциональный подход • транснациональный подход • институционализация феминистского подхода в социологии • стратегии интеграции и автономизации • квир-теории.

1. Феминистское движение и гендерные исследования: краткий исторический очерк

При анализе возникновения гендерных исследований мы опираемся на принципы социологии знания. «Основной тезис социологии знания заключается в том, что существуют типы мышления, которые не могут быть адекватно поняты без выявления их социальных корней. Социология знания стремится понять мышление в его конкретной связи с исторической и социальной ситуацией» (Манхейм 1994: 8–9). Применяя этот тезис к анализу поля гендерных исследований, мы различаем **онтологические, политические и эпистемологические условия** формирования гендерных исследований (Здравомыслова, Тёмкина 1999).

Онтологические условия — это уровень общественного бытия — те повседневные гендерные практики, которые стимулировали критическую рефлексию в отношении своего бытования. К **политическим** факторам мы причисляем роль государства и опыт женского движения, проблематизирующий гендерные отношения. **Эпистемологические** факторы в данном случае понимаются как познавательные установки анализа гендерных различий (см. лекцию 2). Далее мы анализируем в основном англо-американскую традицию как оказавшую наиболее сильное влияние на развитие данной области.

1.1. Исследования половых ролей (1950–1960-е гг.)

Исследования половых ролей начались в рамках структурного функционализма в 1950-е гг. и отражали интерес исследователей к семье как к ячейке стабильного общества и разделению труда между супругами (см. лекцию 4). Классик этого направления Т. Парсонс сформулировал представления о нормативных моделях женственности и мужественности, характерных для американского общества, разработав концепцию полового разделения ролей (*sex roles*) в семье: жена-домохозяйка и муж-кормилец (Parsons, Bales 1955). Для этого периода исследований были характерны **эссенциализм** и **биологический детерминизм**, однако исследования позволили выявить ограниченность мужских и женских ролей и потенциальную конфликтность отношений в семье, построенной на модели жесткого разделения половых ролей.

В 1960-е гг. начинается переосмысление данного подхода под влиянием философии феминизма, а затем и феминистского движения. В Западной Европе и США происходит подъем второй волны феминистского движения, нацеленного на **борьбу с дискриминацией женщин** (первой волной считается движение середины XIX — начала XX в., направленное на борьбу за избирательные и другие права женщин, за **эмансипацию женщин**).

В развитии феминистской мысли особую роль сыграла работа Симоны

Эссенциализм — внеисторические, универсальные объяснения социальных процессов и явлений, в том числе гендерной идентичности и ролей.

Биологический детерминизм — объяснение социальных явлений биологическими факторами.

Первая волна женского движения — середина XIX — начало XX в. Оно было направлено на борьбу за избирательные и другие права женщин, за эмансипацию женщин. Эмансипация женщин — процессы освобождения от правовых и социальных ограничений общественного участия, массовое вовлечение женщин в публичную сферу.

Вторая волна женского движения — конец 1960-х — 1970-е гг. — борьба с дискриминацией по признаку пола.

де Бовуар «Второй пол» (Бовуар 1997 [1949]), где представлена экзистенциалистская трактовка закрепленных обществом половых различий и сформулирован тезис: **«женщиной не рождаются, женщиной становятся»**. Под сомнение ставится биологическая предопределенность женской судьбы. Телесность, сексуальность, репродуктивные способности, экономическое положение признаются причинами позиционирования женщины как Другого, как объекта, скованного границами своей природы (тела) и ситуации. Большинство феминистских идеологий так или иначе позиционировали себя по отношению к данной работе. В частности, **либеральный феминизм**, открывший эру «феминизмов», ставит вопрос об иерархичности позиций мужчин и женщин («второй пол»), несправедливости распределения ресурсов, зависимости от мужа и его статуса и погруженности в частную жизнь, предписываемых социальной ролью жены-домохозяйки.

Либеральный феминизм исходит из признания равенства мужчин и женщин, требует правового и политического равенства прав и возможностей получать образование, оплачиваемую работу и участвовать в политической жизни.

Повестка дня либерального феминизма формировалась в то время, когда доступ женщин в сферы образования и оплачиваемого труда, политического участия был ограничен законодательством и существующими нормативными (общепри-

нятыми) представлениями о мужском и женском предназначении. Представления о нормативном поведении белой замужней женщины-матери, принадлежащей к среднему классу, распространялось в то время на все категории женщин, независимо от их классовой, расовой, этнической и религиозной принадлежности.

К концу 1960-х гг. стало очевидно, что роль домохозяйки неприемлема для многих женщин, ориентированных на профессиональную карьеру, а также для тех, кто не может полагаться на материальную поддержку супругов. Буржуазная нормативная модель воспринимается как исключаящая и несправедливая в отношении женщин. Один из сегментов социальной базы феминистского движения в это время составляют женщины-профессионалы, требующие равноправия и равных возможностей для мужчин и женщин в сфере оплачиваемого труда и политического участия.

Политический проект феминистского движения привел к переосмыслению полоролевого подхода. Были сформулированы тезисы о конфликте ролей, об угнетении женщин предписанными им традиционными ролями и гендерными границами (Фридан 1994 [1963]). Такая когнитивная установка выдвинула перед движением политическую задачу изменения нормативных ожиданий, т. е. половых ролей, в частности роли домохозяйки. Это подразумевало обширную программу институциональных преобразований в системе образования, в производственной, политической и законодательных сферах. Все эти реформы были направлены на обеспечение равных прав и возможностей женщин в публичном мире, на придание ролям «равного статуса», на институциональную поддержку баланса семейной и трудовой ролей (Hirdman 1991).

Эпистемологической установкой данного направления феминистской теории в этот период стала ориентация на производство нового, «объективного» знания о женщинах (и мужчинах). Такое «истинное» знание предполагалось получить, сделав женщин «видимыми», т. е. интегрировав их опыт в систему научного производства знаний в качестве субъекта и объекта познания. Для выполнения этой задачи либеральный феминизм выдвинул академическую стратегию «добавления женщин» в исследования (см. лекцию 2).

1.2. Женские и феминистские исследования (1970–1980-е гг.)

К началу 1970-х гг. феминистское движение набирает размах и радикализуется. Этому способствуют такие тенденции, как участие женщин в левых движениях и осознание **сексизма**, формирование групп роста сознания, привлечших внимание к межличностным отношениям, телу, чувствам, сексуальности, деторождению, контрацептивам, материнству, родительству (Jaggar, Rothenberg 1984). Академический (встроенный в систему научного знания) феминизм представляет собой один из аспектов когнитивной (познавательной) практики женского движения второй волны, целью которой было объяснение гендерного неравенства и выработка средств для его

преодоления. Сформировавшийся в те годы **феминизм различий** исходит из признания особого опыта и особой роли женщин в обществе, особых женских прав. При этом различия мужских и женских моделей поведения рассматриваются как социально и культурно заданные, но обусловленные биологическими репродуктивными различиями, воплощенными в телесном опыте, о котором писала Симона де Бовуар.

Феминизм различий признает отличие женского опыта от мужского, критикует замалчивание и принижение женского опыта, анализирует механизмы угнетения по признаку пола.

Сексизм — идеология и практика дискриминации по признаку пола. Основан на представлениях, в соответствии с которыми индивидам приписываются негативно оцениваемые качества на основании половой принадлежности.

Формировались теории для женщин, разрабатываемые женщинами, которые легли в основу исследований женщин, или женских исследований (*women's studies*), и феминистских исследований. Для изменения существующей гендерной системы, с точки зрения представительниц этого направления, необходимо **изучить особый женский опыт, давать слово женщинам и говорить с позиции женщин** — в этом заключается эпистемологический принцип.

В эпистемологии данные исследования придерживаются так называемого позиционного подхода (*standpoint theory*, см. лекцию 2). Новая область производства социального знания позиционируется как альтернатива академическому мейнстриму, т. е. основному руслу социального знания, нечувствительному к женскому опыту.

Среди исследователей, которых относят к феминизму различий и радикальному феминизму, — Кейт Миллет, Суламифь Файерстоун, Жермен Григ, Андреа Дворкин, Адриен Рич, Кэтрин Маккиннон, Сьюзан Браунмиллер, Мэри Дэли, Кристин Делфи и другие (Брайсон 2001: 191–229; Тартаковская 2008).

Предметом исследований женщин является собственно женский опыт, осмысление механизмов мужского господства и угнетения женщин в обществе (Stacey, Thorne 1985). Для интерпретации различий на вооружение берутся социалистические, марксистские и психоаналитические подходы, а также концепт «патриархат», развиваемый в радикальном феминизме.

1.2.1. Идеологические и теоретические основания

Выделим основные принципы идеологии **радикального феминизма**. Радикальный феминизм утверждает, что **патриархат** — это гендерная система, которая воспроизводит себя в разных формах на разных этапах общественного развития. Во-первых, женщины считаются исторически первой угнетенной группой. Во-вторых, угнетение женщин рассматривается как наиболее широко распространенная и глубоко укорененная форма угнетения человека. В-третьих, основание женского угнетения нужно искать не только в капиталистической экономике, но и в сфере частной жизни — в семье и интимных сексуальных отношениях. В-четвертых, одной из базовых структур угнетения женщин является **гетеросексизм** (Брайсон 2001, 188–189; определение см. далее).

Радикальный феминизм — теоретическая и политическая критика универсального мужского господства и угнетенного положения женщин. Ключевым понятием является патриархат — система социальных структур и практик мужского господства, которая приводит к подчиненному положению, угнетению и эксплуатации женщин.

Радикалы часто использовали категориальный аппарат марксистской теории. **Марксистский феминизм**, отталкиваясь от работ К. Маркса и Ф. Энгельса, видит причины различий в капиталистической системе отношений, исключая женщин из общественного производства. Женщины и мужчины рассматривались как половые или сексуальные классы. Мужчины составляют господствующий класс, осуществляющий эксплуатацию и угнетение женщин. Господство мужчин связано с развитием классового общества, основанного на частной собственности (Энгельс 1961 [1884]). Самый важный механизм мужского господства — это контроль женской сексуальности (сексуальные домогательства, избиение женщин, насилие, порнография, стерили-

Марксистский феминизм выявляет исторически сложившиеся механизмы угнетения женщин, связанные с институтами частной собственности. Освобождение женщин требует их включения в общественное производство и является частью классовой борьбы пролетариата.

лизация, аборты, законы об использовании контрацептивов, принудительная гетеросексуальность). «Сексуальность для феминизма то же самое, что труд для марксизма» (MacKinnon 1982:1), а именно — базис гендерного порядка.

Социалистический феминизм формировался под влиянием марксистского классового анализа и радикально-феминистского анализа патриархата. Исследователи обращают внимание на множественное структурное угнетение женщин, обусловленное не только капиталистическими отношениями, но и гендерными, а затем и расовыми. Власть и угнетение рассматриваются как следствие материальных и идеологических условий патриархата, расизма и капитализма. Современную систему подавления женщин предстатели данного направления обозначают термином «**капиталистический патриархат**».

Марксистский и социалистический феминизм опираются на общие идеологические принципы, объясняя связь гендерного и классового неравенства наличием института частной собствен-

ности. Существуют различия между этими направлениями. Марксизм считает классовое неравенство основной и первичной формой социальных иерархий в обществе. Условие гендерного равенства — разрушение капиталистического устройства и классовой эксплуатации. Социалистический феминизм рассматривает классовое и поло-гендерное неравенство как относительно автономные системы угнетения и предполагает бороться с каждой из них.

Для социалистического феминизма важной является теория «**двойного системного угнетения жен-**

щин» Хейди Хартман (Hartmann 1979; Хартман 2005 [1981]). Исследовательница выделяет две переплетенные между собой системы структурного угнетения женщин в современном обществе: экономическую и гендерную. Экономическое угнетение женщин

Социалистический феминизм рассматривает угнетение женщин в социально-экономическом контексте, в связи с их неравным положением в системе общественного производства, на рабочем месте и в быту. Выдвигает концепцию двойного угнетения женщин — структурами патриархата и капитализма.

производится механизмами капиталистического способа производства, который недооценивает или игнорирует труд, выполняемый женщинами. Гендерное угнетение — по признаку пола — воспроизводит механизмы патриархата. Эти системы пересекаются и умножают свои эффекты. Исторически капиталистический патриархат привел к вытеснению женщин из сферы производства в частную сферу, ограничивая их участие в профсоюзах и конкурентоспособность на рынке труда. Эта политика подкреплялась идеологией, связывающей идеалы женственности с частной сферой. В результате двойная система работает таким образом, что низкооплачиваемые непрестижные рабочие места достаются одному полу, а высокооплачиваемые — другому.

Феминистский теоретик марксистского направления Айрис Янг рассматривает угнетение как универсальный структурный феномен, располагающий группы в отношениях субординации и неравного распределения привилегий (Young 1990). Рассмотрим подробнее механизмы угнетения, выделенные Янг: эксплуатация, маргинализация, лишение власти, культурный империализм и насилие (Young 1990: 39–66).

Следуя марксистской традиции, Янг определяет **эксплуатацию** как процесс перераспределения результатов труда одного класса (социальной группы) в пользу другого. Женщины эксплуатируются в той степени, в которой они являются наемными работниками. Домашний труд также может рассматриваться как форма эксплуатации по признаку пола. Женщины как социальная категория подвергаются особой гендерной эксплуатации, при которой их энергия и труд перераспределяются в пользу мужчин.

Маргинализация представляет собой наиболее опасную форму угнетения по отношению к представителям низшего класса, часто — к расово маркированным группам, которые исключаются из участия в социальной жизни и являются материально депривированными.

Механизм **лишения власти** создает позиции, занимаемые людьми, «которые обладают крайне ограниченной автономией в своей работе или вообще не имеют таковой, не могут подойти к работе творчески или высказать о ней свое суждение, не обладают техническими знаниями или авторитетом, плохо умеют выражать свои мысли, особенно на публике или в государственных учрежде-

ниях, не вызывают уважения» (Young 1990, цит. по: Макларен 2006: 63). Эти люди не имеют тех преимуществ, которыми обладают профессионалы. По отношению к ним часто проявляется расизм и сексизм. Их позиция в обществе определяется термином «безвластие» (*powerlessness*).

Культурный империализм, по мнению Янг, это «возведение в абсолют опыта и культуры одной из групп и объявление только этого опыта и этой культуры нормой» (там же). Доминирующая группа создает и поддерживает образ Другого как культурно субординированного и чуждого. Такого рода угнетение делает опыт субординированных групп невидимым и умалчиваемым; эти группы исключаются из доступа к интерпретации и коммуникации (Fraser, Honneth 2003; см. также: Фрейджер 2001 [1997]). Гендерный вариант культурного империализма обозначается термином «**андроцентризм**». На дискурсивном уровне андроцентризм выражается в том, что мужская точка зрения оказывается доминирующей в социальном и гуманитарном знании, в культуре в целом, а женский

взгляд и опыт оттеснены в «культурное зазеркалье» (см. Воронина 2000, 2001; Фрейджер 2001 [1997]). Культурный империализм работает таким образом, что подчиненные или субординированные группы становятся носителями двойного сознания. С одной стороны, они усваивают категории и интерпретативные схемы господствующей культуры и рассматривают свою собственную позицию так же, как ее видят те, кто диктует

Андроцентризм – система патриархата, при которой практики, символически маркированные как «мужские», считаются универсально нормативными и наделяются символической властью. Соответственно практики, определяемые как «женские», считаются символически менее значимыми.

символические коды. С другой стороны, они обладают собственной культурой и собственными схемами интерпретации, которые могут создавать альтернативу символическому господству.

Коллективное **насилие** как механизм угнетения включает угрозы и практики использования физической силы в отношении групп, выделяемых по какому-либо визуально фиксируемому (как правило, аскриптивному) признаку. Коллективное насилие является выражением ксенофобии, расизма, сексизма, гомофобии.

Янг отмечает, что механизмы угнетения не являются взаимоисключающими. Их контекстуально заданная комбинация в конкретных обществах создает позиции различных угнетенных групп. Янг показывает, что система патриархата задействует фактически все эти механизмы: женщины подвергаются как физическому насилию, так и гендерной эксплуатации, они могут быть безвластными и определяться как другие в рамках культурного империализма.

Типология механизмов угнетения, представленная Янг, позволила выявить способы создания и закрепления социальной несправедливости. Впоследствии Нэнси Фрейджер (иногда транслитерируется как Фрезер) подвергла эту типологию критической ревизии и свела пять механизмов угнетения к двум основным: **экономическому и символическому**. Экономическое угнетение включает эксплуатацию и маргинализацию. Борьба против экономического угнетения ставит задачей перераспределение благ в пользу угнетенных. Так, в борьбе с экономическим патриархатом формируется повестка дня либерального и социалистического феминизма — обеспечить доступ женщин к тем правам и возможностям, которыми уже обладают мужчины. Символическое угнетение осуществляется прежде всего механизмами культурного империализма, который создает категории непризнанной инаковости. Борьба с андроцентризмом как символическим угнетением женщин разворачивается в рамках феминизма второй волны. Его повестка дня включает борьбу за признание женского мира, женского письма, женской позиции. Что касается таких механизмов угнетения, выделяемых Янг, как насилие и лишение власти, то Фрейджер рассматривает их как встроенные в экономические или культурные механизмы (Fraser, Honneth 2003; Фрейджер 2001 [1997]).

Феминистская теория и идеология в 1960-е гг. обращается также к **психоанализу**, обнаружив, что категории классового анализа недостаточны для объяснения гендерного неравенства и что необходимо привлечь к объяснению глубинные структуры человеческой психики. Психоанализ, в первую очередь британская школа объектных отношений, использовался для критики капиталистического патриархата в 1970-е гг., а затем стал основной лингвистической психоаналитической школы Лакана, которая послужила

мостом для перехода к новым постмодернистским идеологиям феминизма 1980–90-х гг.

Психоаналитический феминизм критикует и развивает теорию бессознательного, которая связывает субъективность и сексуальность. В его фокусе – анализ патриархатных структур бессознательного и их критика.

Изначально феминизм относился к психоанализу двойственно. С одной стороны, тезис Фрейда «анатомия — это судьба» подвергался жесткой критике как эссенциалистский и натурализирующий различия между мужчинами и женщинами. Не меньшей критике подвергались представления классического психоанализа о женской зависти к пенису, об ощу-

щении женщиной своей неполноценности. С другой стороны, феминистские исследователи поддерживали стремление психоанализа заглянуть в глубь человеческой психики, обнаружить коллективное бессознательное, поднять табуированные темы подавленной сексуальности и объяснить формирование гендерной субъективности на бессознательном уровне.

Работы английской исследовательницы Дж. Митчелл, которая развивает идеи социалистического феминизма, обращаясь к психоаналитическим категориям, считаются классическими в этом направлении. В своих работах «Женщины: самая долгая революция» (Mitchell 1971a [1966]), «Женское сословие» (Mitchell 1971b) при анализе материальных, биосоциальных и идеологических условий угнетения женщин автор использует и марксистские, и психоаналитические категории (Mitchell 1974). Она отмечает, что психология женщины, сформированная особенностями ее психосексуального развития, достаточно устойчива. Поэтому либеральные реформы могут изменить внешние проявления «женственности» и видоизменить роли, но не могут изменить социально-психологическую структуру женственности. Экономические реформы не превратят мужчин и женщин в равноправных партнеров, поскольку неравенство скрыто в глубинных слоях человеческой психики. «Для Митчелл патриархат — это человеческое общество, уничтожить патриархат — значит уничтожить единственное известное нам человеческое общество» (Tong 1989: 178). Патриархат и капитализм — две автономные системы. Марксистская идеология призывает к разрушению

капитализма. Однако остается неясным, можно ли уничтожить патриархатные структуры, укорененные в сфере бессознательного, используя психоанализ, и возможна ли успешная «революция бессознательного».

Работа Нэнси Ходоров (Chodorow 1978; иногда транслитерируется как Чодороу, см. Чодороу 2006 [1978]) «Воспроизводство материнства» (точнее сказать, материнских практик или материнской заботы) стала классикой феминистского психоанализа. Исследовательница принадлежит к школе объектных отношений. Основная проблематика этой школы — первичные отношения привязанности, влечения и взаимозависимости между ребенком и родителями. Мать рассматривается как первичный объект, с которым взаимодействует родившееся человеческое существо. В связи с этим роль материнских практик для развития человека в период младенчества и раннего детства требует особого изучения. Н. Ходоров, а затем и Кэрол Гиллиган (Гиллиган 2000 [1982]; Gilligan 1982) переосмысливают фрейдовскую трактовку эдипова комплекса и социологизируют ее. В фокусе анализа фигура матери, а не отца.

Ходоров стремится ответить на следующий вопрос: почему женщины в любом возрасте стремятся проявить материнскую заботу и даже навязать ее окружающим? Исследовательница показывает, что матери изначально по-разному относятся к младенцам мужского и женского пола. Девочка в процессе психосексуального развития личности никогда полностью не разрывает связи с матерью, и соответственно основу женской идентичности составляет направленность на человеческие отношения, которые впоследствии воспроизводятся в ее отношении к собственным детям и окружающим. Мальчик, напротив, обретая гендерную идентичность, должен полностью разорвать связь с матерью и «отказаться» от тех моделей отношений, которые считаются женскими. Основа маскулинной идентичности — независимость и автономия. Мужская личность развивается таким образом, что ее способность к осуществлению систематических практик заботы по отношению к окружающим и собственным детям существенно ограничена. Психоаналитический феминизм критикуется за недостаточный учет различных культурно-исторических условий, однако, как пишет Н. Ходоров, ограничения психоанализа не являются до-

статочным основанием для того, чтобы полностью отвергнуть исследование глубинных структур бессознательного. Причина заключается в том, что независимо от принадлежности к определенной культуре, женщины и мужчины имеют идентичность, психику, фантазии на уровне бессознательного, определенные способы реконструкции прошлого.

В дальнейшем, под влиянием школы Лакана, акцент был сделан на анализ коллективного бессознательного и лингвистические механизмы. Феминистские теории начали использовать понятие **фаллологоцентризма**, обозначающего символический патриархатный порядок.

1.2.2. Анализ патриархата

Главная идея радикального феминизма и феминизма различий заключается в том, что основа патриархата и свойственного ему угнетения женщин коренится в сфере приватности и интимности. Отношения, сложившиеся в сексуальной и репродуктивной жизни, интерпретируются как основа гендерной организации общества, как базис гендерного порядка. Если сексуальная жизнь и репродуктивная сфера организованы так, что женщина в них является объектом, используется и эксплуатируется, то и в других сферах воспроизводится патриархат. Лозунг феминизма звучит так: **«личное — это политическое»** (Миллет 1994 [1970]), поскольку патриархатные механизмы воспроизводятся именно в частной сфере, именно она должна стать объектом исследовательской и политической критики. Центральными проблемами исследования становятся особенности женского опыта: сексуального, репродуктивного, заботы и воспитания, угнетения патриархатным обществом, опыта страдания и, наконец, совместной борьбы в женском движении и переосмысления женской роли.

Патриархат как система мужского господства воспроизводится посредством государства, семьи, разделения труда, религии, системы образования и других социальных институтов. Исследователи обращают внимание на то, что, несмотря на политику равноправия полов и массовое вовлечение женщин в сферу оплачиваемой занятости в 1980-е гг., их подчиненное положение воспроизводится

в самых разнообразных контекстах. Гендерное неравенство воспроизводится, несмотря на политику квот, создание женских партий, программ равных возможностей в различных учреждениях и пр. Вторичный статус женщины сохраняется, существуют культурные контексты, в которых сексизм, контроль и предписания половых ролей по-прежнему остаются приемлемыми и не вызывают критики.

Исследователь глобального неравенства шведский социолог Горан Терборн выстраивает политическую и историческую географию патриархатов, различая их по критерию устройства частной сферы. Под «классическим патриархатом» Терборн понимает семейный уклад, предполагающий безусловную власть старшего мужчины (отца) в семье, определяющее влияние родителей на заключение браков, главенство мужа над женой и вторичный статус дочери по сравнению сыном (Terborn 2004: 130). При классическом патриархальном порядке организующей структурой является половозрастная иерархия. С точки зрения Терборна, в результате эмансипации и последующего консервативного ренессанса в современном мире (в конце XX в.) можно выделить три основных типа гендерного порядка: постпатриархат, неопатриархат и промежуточный тип. К постпатриархатным обществам относятся Северная Америка, Латинская Америка с некоторыми исключениями, Япония, Корея, Океания, в основном Восточная Европа и Россия. Такой гендерный порядок предполагает, что женщины обладают автономией (правом голоса и независимого решения), они в экономическом и властном отношении относительно независимы от родителей и мужей, достигается равенство прав мужчин и женщин в семье. Женщины обладают публичной властью (несмотря на то, что продолжает сохраняться неравенство в публичной сфере). Ареал распространения неопатриархатных обществ включает большинство мусульманских стран, Индию, сельские области Китая, некоторые регионы Латинской Америки. В неопатриархатных обществах женщины лишены автономии и доступа в публичную сферу, они могут пользоваться только скрытыми рычагами приватной власти-манипуляции. В обществах промежуточного типа — Южная Азия, Южная Африка, Турция, Западная Африка — возникают разные конфигурации гендерной власти.

Для анализа баланса власти и тактик сопротивления патриархату используется понятие «**патриархальной сделки**», предложенное Д. Кандиоти (Kandiyoti 1988). Согласно Кандиоти, отношения господства-подчинения между гендерными группами выгодны для обеих сторон, поскольку подчиненные получают выгоды, мобилизуя имеющиеся у них ресурсы. Ответственность за организацию жизни общины в целом возлагается на старших мужчин. Подтверждая свой статус подчиненных и следуя полоролевым предписаниям, женщины используют разнообразные стратегии, стремясь

максимизировать свою безопасность и оптимизировать жизненные шансы. Например, в некоторых мусульманских странах Азии (где девочки выдаются замуж родителями, подчиняются не только мужу, но и старшим родственникам) старшие женщины осуществляют контроль взаимодействия в расширенной многопоколенной семье. Их «ресурсами» является материнское и супружеское влияние,

которое они оказывают на сыновей и мужей. Условия «патриархальной сделки» в современном мире могут оспариваться и перепределяться (о постсоветских контекстах см.: Тёмкина 2008).

В формировании и поддержании гендерных различий и неравенства существенную роль играет государство, в чем мы убеждаемся при анализе гендерного порядка советских и постсоветских обществ (Здравомыслова, Тёмкина 2007d). Государство проводит социальную, демографическую, семейную политику, в ряде случаев поддерживая определенные версии родительских ролей и баланс гендерных предписаний. Государство не является монолитом в осуществлении политики. Оно также не является единственным источником власти, и сопротивление, вызовы и конфликты разных агентов признаются важнейшим предметом исследования феминистской социологии. С другой стороны, государство может осуществлять консервативную политику, запрещая аборт, преследуя гомосексуальность, не поддерживая гендерное равенство (см. лекцию 6).

«Патриархальная (патриархатная) сделка» — гарантии защиты и безопасности представителей низших статусных групп в условиях патриархата, получаемая ими в обмен на подчинение предписанным ролям и соблюдение существующих гендерных границ.

1.2.3. Стратегический эссенциализм

В онтологическом смысле радикальный феминизм продолжал традиции либерального, еще более проблематизируя роль и контракт домохозяйки и жесткие гендерные границы между приватной и публичной сферами. Относительная депривация женщин, осознаваемая в контексте массового демократического движения, привела студенток — участниц университетских протестов в «группы роста сознания» (см. также лекцию 3). Практики роста сознания стали одной из форм феминистского движения, выступая механизмом коллективной мобилизации женщин. В групповых обсуждениях пробуждалось латентное коллективное самосознание. Женщины обсуждали свои, казалось бы, личные проблемы — экономическую и психологическую зависимость от партнера, опыт сексуального насилия, вынужденные аборт, фрустрации в сфере сексуальности и пр. Таким образом осуществлялась коллективная проблематизация женских ролей. Личный опыт стал восприниматься как коллективный, intersубъективный, как политический. Через вербализацию и разделенную неудовлетворенность образовывалась женская коллективная идентичность «сестринства», которая обретала опору в социально-политической теории глобального угнетения женщин и борьбы с ним. Такая идентичность строится на представлении о единстве опыта всех женщин, в основе которого лежат биологические (эссенциалистские) основания, хотя он и оформляется под воздействием патриархата.

Политический проект феминизма различий позднее был назван **стратегическим эссенциализмом**. Это понятие ввела в академический лексикон одна из основательниц постколониальных исследований Гайятри Чакраворти Спивак (Spivak 1990). В феминистской теории речь идет о стратегии борьбы с патриархатом на основе консолидации усилий всех женщин, опыт которых рассматривается как гомогенный, обусловленный их вторичным и подчиненным статусом и репродуктивным потенциалом материнства.

Стратегический эссенциализм — политика конструирования коллективной идентичности как неизменной сущности, заданной природой и/или культурой. Политика направлена на борьбу с гегемонным дискурсом.

Радикальный феминизм подвергается критике другими феминистками за биологический детерминизм и эссенциализм в толковании мужественности и женственности, за то, что ставит в центр женскую биологию, фиксирует ее неизменность и из особенностей биологии выводит психологические особенности. Радикальный феминизм критикуется и за чрезмерно обобщенный взгляд на женский пол в целом, не учитывающий расовых, классовых, этнических различий.

1.3. Гендерные исследования (конец 1980-х — 1990-е гг.)

Феминистские исследования в конце 1980-х — 1990-е гг. начинают фигурировать под институциональным ярлыком междисциплинарных **гендерных исследований** (*gender studies*) и гендерных подходов в разных дисциплинах (здесь мы не делаем между ними различий). В центре их внимания находятся механизмы создания и воспроизводства множественных гендерных иерархий и множественного опыта. Гендер, как мы покажем в лекции 5, первоначально понимался как социально и культурно конструируемые характеристики, в отличие от биологического пола, а гендерные иерархии рассматриваются не только между мужчинами и женщинами, но и между разными группами женщин и группами мужчин.

Гендер — совокупность социальных и культурных норм и ожиданий в отношении мужчин и женщин; социально формируемые характеристики мужественности и женственности.

Гендерный подход развивается в контексте внутрифеминистской политической и академической критики. Цветные феминистки и позже исследователи постколониализма сформулировали тезис о нелегитимном доминировании западной модели феминизма, его представлений о гендерных различиях и политической повестке дня женского движения. В контексте развития национальных версий феминистской мысли (французская, итальянская, немецкая, британская, скандинавская и пр. школы) проблематизируются

различные аспекты гендерных различий. Субъектность рассматривается как контекстуальная и номадическая (Брайдотти 2000 [1994]).

Изучая женский опыт, формулируя задачи борьбы против патриархатов разного толка, исследовательницы-активистки подвергли жесткой критике тезис об онтологической гомогенности, единой женской сути, об объединяющей всех женщин сестринской солидарности. Онтологически значимыми стали практики разных групп женщин, не сводимые к опыту белых гетеросексуальных женщин среднего класса в западных обществах, а также практики разных групп мужчин. Цветные, гомосексуальные женщины, женщины разных рас, этнических групп, незападных стран заявляли о себе в различных политических движениях. Феминистская повестка дня также фрагментировалась и контекстуализировалась. Гендерный подход утверждает, что различия мужественности и женственности, мужских и женских ролей задаются прежде всего через **структурные контексты возраста, расы, класса и сексуальной ориентации**. В связи с этим внимание сместилось к контекстам, определяющим различия (женского) опыта и его смыслов. Таким образом, различие женских и гендерных исследований отражает развитие и смену методологии феминистского подхода. В русле социального конструктивизма получают стимул для развития критические исследования мужчин и маскулинностей, которые рассматриваются как множественные, динамичные и иерархичные (см. лекцию 8).

Теоретические позиции в данном направлении первоначально были заданы статьей К. Уэст и Д. Зиммермана «Производство гендера» (West, Zimmerman 1987; Уэст, Зиммерман 2000 [1987]), которая опиралась на социологию взаимодействия, работы И. Гофмана и Г. Гарфинкеля. Эта публикация положила начало такому направлению в гендерной теории, как социальный конструктивизм, которое затем вышло за пределы анализа микроуровня и распространилось на анализ институтов и структурных барьеров на разных уровнях, что представляется особенно важным для развития гендерного подхода в социологии. Именно социальный конструктивизм в разных вариантах оказался здесь наиболее востребованным.

Эпистемология гендерных исследований развивает принципы социального конструктивизма в производстве знания, которые тяготеют к принципам постмодернистской теории познания. Со-

гласно этой позиции, в социально сконструированном мире не существует универсальных «женского» и «мужского» опыта как природных и неизменных сущностей (см. подробнее в лекции 5). Такая позиция отрицает гранд-теорию женственности, но вместе с тем исходит из признания группового гендерного опыта, определенного контекстом. Социальные и политические контексты, вводимые через пересечение категорий расы/этничности, класса и возраста, принципиальны для понимания гендерных отношений господства и власти. Позднее социально-конструктивистская эпистемология нашла свое развитие в интерсекциональном подходе.

ИТАК, подведем итоги нашего исторического экскурса:

- Социология знания позволяет рассмотреть онтологические, политические и эпистемологические факторы развития гендерных исследований и на основании этого выделить основные этапы и направления исследований.
- Под влиянием либерального феминизма и критического переосмысления структурного функционализма сформировался **полоролевой подход**, который позволил критически осмыслить неравенство как заданное половыми ролями и процессами социализации мужчин и женщин.
- Под влиянием феминизма различия и его радикальной ветви на теоретической базе марксизма и психоанализа институционализируются **женские исследования** как особое академическое поле исследований женского опыта, проводимых женщинами с целью улучшения положения женщин. Критика угнетающего в равной степени всех женщин патриархата — основной фокус этого направления. Отношения патриархата рассматриваются как географически и исторически изменчивые.
- **Гендерный подход** (гендерные исследования) формируется как результат проблематизации общего опыта всех женщин, признания различий положения групп, определяемых по признаку пола, в зависимости от расовой/этнической, классовой, возрастной принадлежности и сексуальной ориентации. На смену

критике патриархата приходит критика угнетения по разным, пересекающимся с гендером, основаниям. Гендерный подход формировался под влиянием движения цветных феминисток, с одной стороны, и связан с усилением социально-конструктивистской парадигмы в социальной теории — с другой.

2. Современный гендерный подход: основные направления (2000–2010-е гг.)

Категории социологического анализа в настоящее время рассматриваются как сконструированные. Проблематизируются границы между публичной и приватной сферами социальной реальности, макро- и микроподходы, институциональные и культурные формы, эмоциональные и телесно воплощенные практики, материальное и дискурсивное, «западное и все остальное» (Thorne 2006: 476). Признается необходимость исследования как культурных, так и материальных (институтов и структур) измерений социальной жизни. Акцент на социальное действие, на изучение социальной реальности, понимаемой как конкретные опыты и практики, а также на материальные факторы отличает социологические подходы от других направлений феминистской мысли.

В настоящее время гендерные исследования обозначают свой интерес к разным уровням анализа — на уровне индивида, на уровне институционального взаимодействия, общества в целом и на уровне глобальной картины социальной реальности. При этом сохраняется базовый интерес гендерных исследований к отношениям власти — механизмам угнетения и сопротивления, которые осуществляются во множественных контекстах: локальном, национальном, транс-национальном. Интерпретация сложной картины гендерного устройства требует включения в анализ множественных случаев, исследования политической субъективности, дискурса, структуры, материальных условий и пр. Признается, что разные женщины

могут находиться в неравных условиях; растет также исследовательский интерес к консервативным движениям (Fonow, Cook 2005).

Онтологически важным контекстом являются глобализация и неолиберальная политика, изменения рынков труда и форм родительства, усложнение конфигураций идентичностей и солидарностей. В этих контекстах возникают новые дискурсы, новые области политических действий, изменяется повестка дня феминистских исследований (Fonow, Cook 2005). На **политическую** повестку

влияют женские и мужские движения в контексте **феминизма третьей волны**, ЛГБТ-сообщества, постколониальные движения. Они критикуют категорию «гендер», бинарность гендерных оппозиций, вводят новые параметры иерархий. В 2000-е гг. в феминистской социологии активно звучит критика **узко понимаемого гендерного подхода**, который редуцирует сложные гендерные иерархии к гомогенным моделям «женственности» и «мужественности» (Rosenberg, Howard 2008). **Эпистемологически** становится значимым признание интерсекциональности и транснационального подхода к множественным гендерным иерархиям.

Современный гендерный подход в социологии стремится объяснить, как социальные структуры организуют неравенство и как люди, различающиеся по множественным основаниям (по гендерной идентичности, расе, гражданству, возрасту, сексуальной ориентации), соотносятся с данными структурами. Из-за многоуровневости анализа, а также под влиянием постструктурализма и квір-подходов, поле гендерных исследований становится фрагментированным, а категория «гендер» — размытой и подвижной (Rosenberg, Howard 2008: 677). Современный этап гендерных исследований называют постфеминистским, постгендерным, транснациональным и пр.

Ниже мы рассмотрим основные тенденции развития гендерного подхода на данном этапе.

Феминизм третьей волны получил развитие с конца 1980-х гг. Связан с процессами глобализации и транснационализации. Проблема-тизирует гомогенность категорий «женщина» и «женственность» и признает разнообразие повестки дня и теоретических моделей феминизма.

2.1. Постмодернизм

Поскольку в фокусе нашего внимания находится в первую очередь гендерный подход в социологии, постмодернизму мы уделяем относительно мало внимания, несмотря на то, что он оказывает существенное влияние на гендерные исследования в целом. Направление вдохновлено положениями М. Фуко о микрополитике власти, культурном производстве субъективностей, биовласти и сопротивлении. Постмодернизм развивает идеи лингвистического поворота в социальных науках, согласно которому все социальные практики являются лингвистическими феноменами, знаками, которые управляются такими приемами, как метафора и метонимия.

Объектом критики постмодернистского феминизма являются теории, в которых:

а) утверждается природное биологическое происхождение различий между полами — мужчинами и женщинами,

б) выдвигается тезис о гомогенности опыта мужчин и женщин, незыблемости поляризованных гендерных границ и гендерного неравенства.

С точки зрения постмодернизма «женщина» и «мужчина» — это **сконструированные дискурсом категории**. Гендер осмысливается как постоянно производимое действие, которое конституируется через бесконечные повторения в условиях жестких структурных ограничений.

Наиболее важными в этом направлении являются работы американского философа Джудит Батлер, в которых анализируется, как гендер становится культурным знаком, «перформативом», дающим приказ телу вести себя в соответствии с биологическим полом в рамках **гетеросексуальной матрицы (гетеронормативности)**. Отрицается существование единого феминистского субъекта, который признается сконструированным историческими практиками (Butler 1990; Батлер 2000 [1990]). Батлер утверждает, что гендерная

Феминистский постмодернизм деконструирует понятие «женщина». Гендер рассматривается как продукт производства культурных практик и властных дискурсов. Дискурс понимается как совокупность языковых практик, определяемых социальным контекстом.

идентичность не является данностью, а представляет собой постоянный процесс «цитирования» гендерных норм, пронизывающих общество. Гендерная идентичность только кажется естественным выражением позиции субъекта. На самом деле происходит постоянный маскарад — реитерация и проигрывание гендерного спектакля, которые никогда не достигают воплощения гендерного идеала. Если субъект не соответствует, хотя бы в некоторой степени, гендерным нормам, общество не признает его как полноценное человеческое существо (Butler 1990: 170–180).

Гетеронормативность — совокупность механизмов нормализации гетеросексуальности как естественной и универсальной характеристики. *Гетеросексизм* — практики дискриминации и социального исключения опыта, отличного от гетеросексуального.

К этому направлению относят также французскую школу постмодернистского феминизма, вдохновленную работами Фуко, Деррида, Лакана. Среди наиболее известных постмодернистских феминисток — Л. Иригарей, Ю. Кристева, Э. Сиксу.

дернистского феминизма, вдохновленную работами Фуко, Деррида, Лакана. Среди наиболее известных постмодернистских феминисток — Л. Иригарей, Ю. Кристева, Э. Сиксу.

2.2. Транснациональный подход

Феминистская социология 2000-х гг. развивается под воздействием теорий глобализации, на нее оказывают влияние постколониальные подходы (феминизм «третьего мира»), согласно которым в постколониальном мире опыт женщин и цели их борьбы существенно отличаются от западных (см., напр.: Mohanty 1988). Феминизм как в политике, так и в академической среде в настоящее время все больше уделяет внимания транснациональным процессам, поскольку границы между национальными государствами становятся пористыми (проницаемыми) и наблюдаются эффекты глобальной сцепленности, когда гендерные сдвиги в одной части ойкумены сказываются на гендерных отношениях в другой (Ray 2006: 462). В этом контексте развивается **транснациональный подход в гендерных исследованиях** (Kim, Puri 2005; см. также: Rosenberg, Howard 2008; Ray 2006). Термин «транснациональный» обращает внимание на пересечение национальных границ, не-

равномерность и неоднородность глобального циркулирования различных ресурсов (Гревал, Каплан 2002: 108; о российских гендерных исследованиях в транснациональном контексте см., напр.: Здравомыслова, Тёмкина 2007а: 80).

Перечислим методологические принципы транснационального феминистского подхода.

Во-первых, для него характерна критика культурного империализма в гендерных исследованиях. Американская исследовательница Ч. Моханти критикует культурный империализм, т. е. идейную гегемонию западных феминистских подходов, которые превращают «женщин третьего мира» в монолитный субъект (Mohanty 1988). Критики утверждают, что тексты западных феминисток, тяготеющие к этноцентризму и дикурсивной гомогенизации, описывают всех женщин третьего мира как необразованных, безвластных, невежественных, бедных, традиционных, религиозных, привязанных к домашнему миру и виктимизированных. Им (эксплицитно или имплицитно) противопоставляются современные образованные западные женщины — автономные, обладающие свободой в принятии решений, контролирующие свою жизненную ситуацию и телесность. Преодоление такого подхода требует принятия во внимание локальных гендерных порядков, стратификационных различий, особенностей индивидуальных биографий и женских голосов, контекстуальных стратегий борьбы и обретения власти.

Во-вторых, транснациональный подход критикует позиционную методологию феминизма второй волны, которая зиждется на классических когнитивных бинарных оппозициях культуры и природы, мужского и женского и представлениях об эпистемических привилегиях угнетенных женщин (см. лекцию 2). Простое дуалистическое мышление, работающее в режиме бинарных оппозиций, дискурсивно соответствует иерархии властных отношений господства и подчинения и потому должно быть отвергнуто. Необходимо сравнение моделей гендерного угнетения, а не конструирование глобальной теории патриархата как всеобщего женского угнетения.

В-третьих, в рамках этого подхода фокусом анализа становятся **внутригендерные различия**. Отношения между полами рассматриваются как социально создаваемые властные отношения, при которых воспроизводится множественная субординация.

В контексте транснациональной культуры происходит рассеивание гегемоний как следствие множественных субъективностей, которые приходят на смену единому феминистскому субъекту, а также глобальной мобильности капиталов (Grewal, Kaplan 1994).

В-четвертых, транснациональный феминизм настаивает на локализации гендерного неравенства и политической повестки. Современная феминистская мысль, в том числе постколониальный феминизм (Г. Спивак, Ч. Моханти, Белл Хукс и пр.), сближается с современной антропологией, развивающей понятие «местоположения» (*location*). А. Гупта и Дж. Фергюсон обращают внимание на те локальные «места», в рамках которых возникает сопротивление гегемонии (Gupta, Ferguson 1997). Так, например, ответ на вопрос, как относиться феминисткам к сексуализации женственности в медийных репрезентациях, предполагает анализ локальных особенностей гендерного порядка.

В-пятых, транснациональный подход предполагает междисциплинарность и ориентацию на сравнительные исследования гендерных неравенств, которые мы здесь не обсуждаем.

Этот подход используется в многообразных эмпирических исследованиях, в частности, особое значение имеют исследования миграций. Женская трудовая миграция рассматривается в контексте классовых отношений, с учетом этнического и национального профиля рынка занятости в контексте структурных изменений мировой экономики, глобализации и транснациональных процессов (Gabaccia 2006; см. обзор: Ткач 2009). На основании транснационального подхода гендерные различия анализируются как включенные в многообразие повседневных практик в разных трансграничных контекстах.

Особое внимание уделяется гендерной специфике миграции, связанной с теневой и нелегальной низкооплачиваемой занятостью, с понижением социального статуса женщин-мигранток; изучается брачная и семейная транснациональная миграция, ее преимущества и риски; сексуальная эксплуатация и трафик (Тюрюканова 1996). Так, например, Р. Паренас (Parrenas 2001, 2003) исследует женщин-мигранток с Филиппин, работающих в сфере домашнего оплачиваемого труда в Италии и США, в то время как их дети, супруги, родители остаются на Филиппинах. Автор анализирует

транснациональные потоки ресурсов, которые связывают семьи, проживающие в разных странах. Современные средства связи, материальные и символические обмены приводят к феномену трансгрессивного гражданства, которое более не определяется правовой принадлежностью к одной стране. Женщины-мигрантки, женщины в незападных странах рассматриваются не просто как другие (бедные, угнетенные, бесправные, необразованные пр.), они включены в глобальные потоки власти, идей и ресурсов, которые не ограничиваются национальными границами (Mahmood 2004; Mohanty 1988). Включены в эти потоки и постсоциалистические страны, в том числе и Россия.

2.3. Интерсекциональный анализ

За тридцать лет развития гендерного подхода в социологии наметился переход от **универсализма** в изучении женского опыта к его **партикулязации** и **контекстуализации**, т. е. осмыслению его взаимосвязанности с другими измерениями социального опыта (Kim, Puri 2005; Rosenberg, Howard 2008). Как отмечает Джудит Лорбер (Lorber 2006: 450), исследователи отдавали себе отчет в том, что гендерные и сексуальные характеристики сочетаются с другими характеристиками социальной позиции индивида или группы, производя множественные идентичности и системы неравенства. Так появилось и оказалось востребованным понятие «интерсекциональность» и «интерсекциональный анализ» (Collins 2000b; Crenshaw 1991).

2.3.1. Основные положения интерсекционального анализа

Интерсекциональный анализ (далее — ИА) как методология гендерных исследований развивается со второй половины 1980-х гг. и в настоящее время является «последним словом» гендерной теории. Среди ключевых фигур ИА — Кимберле Креншо, Патриция Хилл Коллинз, Нира Ювал-Дэвис, Сильвия Уолби, Лесли Маккол. При описании этого направления исследователи используют в качестве взаимозаменяемых такие термины, как интерсекциональный подход, интерсекциональный анализ и теория интерсекциональности

(на русский язык также иногда переводится как межсекциональный анализ или теория пересечений). Некоторые исследователи считают ИА «наиболее существенным вкладом женских исследований в социальную теорию» (McCall 2005: 1771). Эта методология приобрела зонтичный характер, объединяя несколько версий и уровней анализа. Однако самые разные варианты ИА опираются на определенные базовые принципы изучения комплексного общественного устройства, которые сформулированы в современной социальной теории и нашли свое отражение в гендерной социологии.

Положение, практики, идентичности индивидов и групп называются *интерсекциональными*, когда они создаются комплексным воздействием множества параметров социальной дифференциации. Раса, этничность, гендер, класс — ключевые характеристики социального разделения.

Ключевая категория — *intersectionality (интерсекциональность, множественность пересечений)* — это метафорический термин, который отсылает к образу перекрестка, транспортного узла, места пересечения множества дорог — магистральных осей социального разделения. Он обозначает множественность взаимопересекающихся каузальных условий гендерного неравенства, среди которых особое значение

имеет классовая принадлежность, гражданство, раса, этничность, сексуальность и другие. Сторонники интерсекциональной методологии утверждают, что на уровне микровзаимодействия исследователи должны учитывать переплетение и сцепленность таких механизмов неравенства, определяющих социальную позицию и индивидов, и групп (Hankivsky 2012: 1712–1713).

Социальная дифференциация пронизана динамикой отношений власти. В связи с этим интерсекциональный анализ предполагает исследование сложных механизмов распределения власти. Институциональная значимость различных механизмов социального разделения определяется контекстом. В одних обществах наиболее важными являются классовые и гражданские параметры социального разделения, в других на передний план выходят расовые, этнические и гражданские. Гендер, класс и раса/этничность признаются наиболее значимыми параметрами дифференциации и стратификации в обществе, воспроизводящимися в большинстве контекстов.

Кратко обозначим основные положения подхода. Во-первых, гендерные различия более не рассматриваются как дихотомические отношения мужского и женского, мужчин и женщин, мужественности и женственности. Значения и форма классовых, гендерных расовых/этнических отношений создаются при взаимодействии друг с другом. Во-вторых, социологический фокус смещается от изучения женщин как когерентной категории, включающей индивидов, обладающих сходными характеристиками, к анализу производства и конструирования гендерных практик, в которых актуализируются проявления фемининности и маскулинности относительно друг друга (Ray 2006: 461). Исследователей интересует, что делают мужчины и женщины как представители различных классовых, расовых или этнических групп.

Социальные различия между **интерсекциональными локальностями** характеризуются неравномерным распределением объема и типа власти. Механизмы угнетения, будь то расизм, сексизм, гетеронормативизм и религиозный фанатизм, не действуют изолированно и независимо друг от друга. Напротив, эти формы угнетения пересекаются и взаимно обуславливают друг друга, создавая таким образом комплексную матрицу распределения власти — сетку господства-подчинения (о власти см. также лекцию 6). Цель ИА является не только академической, но и политической: исследования ориентированы на содействие более справедливому общественному устройству, где угнетенные и исключенные группы получают доступ к жизненно важным ресурсам. Приоритетная задача гендерных исследований — обращать внимание на те социальные позиции женщин и мужчин, которые образуются механизмами угнетения и исключения.

ИА интегрирован в современный политический дискурс. Он используется правозащитными гражданскими инициативами на международном, национальном и региональном уровнях, когда речь идет о множестве одновременно действующих форм дискриминации в отношении уязвимых социальных групп. Принцип интерсекциональности

Интерсекциональные локальности — сегменты социального пространства, образованные пересечением различных осей социального разделения.

закреплен в повестке дня международных организаций. Так, 23 апреля 2002 г. на 58-й сессии Комиссии по правам человека ООН была принята Резолюция по правам женщин, первый параграф которой гласит: «...Мы признаем значимость исследования пересечения множества форм дискриминации, включая те из них, которые ко-ренятся в гендерных отношениях» (Resolution E/CN. 4/2002/L. 59; цит. по: Yuval-Davis 2006).

По мнению шведской исследовательницы Нины Ликке (Lykke 2006), успех интерсекционального анализа в гендерных исследованиях и за пределами этой области социального знания связан с несколькими обстоятельствами. Во-первых, он позволяет по-новому увидеть старые исследовательские проблемы и способствует получению контринтуитивных результатов эмпирических исследований. Во-вторых, он позволяет объединить различные теоретические подходы, которые роднит только одно: признание множественности и сцепленности механизмов социального различия и угнетения. В-третьих, понятие политизируется и таким образом обретает общественную значимость. Его подхватывают медиа, и оно становится общеупотребимым.

Интерсекциональный анализ развивается как в США, так и европейскими и постколониальными феминистками. Например, в рамках этой методологии изучают гендеризованные этнические различия, конструирующие классовые практики женщин африканского и азиатского происхождения в Англии (Anthias, Yuval-Davis 1983; Yuval-Davis 2006); гражданство, класс и гендер в сфере оплачиваемого домашнего труда (Lutz 2002), опыт этнически определенных сексуальных меньшинств (Lykke 2006). Социологи И. Селеньи, Э. Фодор и Р. Эмиг (Selenyi, Fodor, Emigh 2001) используют ИА при анализе устойчивой бедности в обществах постсоциалистической Восточной Европы в 1990-е гг. Опираясь на данные статистики, исследователи демонстрируют эффекты этнизации и феминизации бедности. Цыганские женщины в Венгрии и Румынии до сих пор составляют один из самых устойчивых и плотных анклавов бедности в Восточной Европе. ИА позволил обратить внимание на социально-культурные аспекты экономического положения бедных, а именно на взаимообусловленные этнические и гендерные характеристики.

Баукье Принс (Prins 2006) применяет интерсекциональный анализ при изучении комплексного синдрома множественного неравенства, который характеризует повседневные практики представителей этнических меньшинств в Голландии. Конструирование этничности неразрывно связано с конструированием гендера и класса. Анализ жизнеописаний марокканских и голландских информантов показывает, что, вопреки постмодернистским установкам, вопросы происхождения остаются значимыми для самоидентификации людей и выработки жизненных стратегий (Prins 2006).

2.3.2. Дилеммы интерсекционального анализа

Толкование ИА стало предметом теоретических дебатов в поле гендерных исследований. Выделим несколько вопросов, к которым постоянно возвращаются исследователи при обсуждении интерсекционального подхода (Yuval-Davis 2011; Walby 2012).

1. Какие социальные разделения нужно изучать? Нужно ли выделять приоритетный политическо-академический проект, или все формы неравенства и все проекты равно значимы?

В разных политических контекстах исследователи по-разному отвечали на эти вопросы. Мы солидарны с позицией Анж-Мари Ханкок, которая утверждает, что все виды неравенства в равной мере должны становиться объектами исследования (Hancock 2007). Она с сарказмом критикует феномен «соревнования угнетенных» (*Oppression Olympics*), когда исследователи-активисты спорят о том, какая форма угнетения является более фундаментальной и несправедливой, и выражают таким образом догматические и фундаменталистские позиции. Этот социальный эффект наблюдается, когда негативно привилегированные социальные группы соревнуются за внимание и признание уникальности и фундаментальности испытываемого ими угнетения по сравнению с другими. Расизм считается более несправедливым, чем сексизм, борьба с классовой эксплуатацией считается приоритетной по сравнению с сопротивлением дискриминации женщин. Мы считаем, что повестка дня политико-академического исследования контекстуальна. В одном контексте на передний

план выходит классовая эксплуатация, в другом — расовое угнетение, в третьем — гендерная дискриминация.

Такие социальные параметры, как гендер, этап жизненного цикла и возраст, этничность и классовая принадлежность, формируют человеческий опыт во всех обществах и характеризуют фактически все глобальное пространство социальных позиций. Но существуют также социальные различия, которые значимы лишь в конкретных обществах и относятся к гораздо меньшему числу людей — кастовые различия в Индии, беженцы в глобальном мире. Однако для этих конкретных групп различия играют ключевую роль в формировании их жизненного опыта. В конкретных исторических ситуациях и в отношении конкретных социальных групп можно выделить более значимые параметры неравенства. Так, например, колониальный гнет переживается представителями поработанных народов как главное базовое иго, по сравнению с которым сексизм, дискриминация инвалидов и даже расизм оказываются вторичными, хотя составляют существенную часть опыта социальных групп.

2. Сколько осей дифференциации необходимо учитывать при ИА?

Большинство исследователей выделяют три основных параметра социальной дифференциации и неравенства, которые выражаются категориями гендера, расы/этничности и класса (Crenshaw 1989; McCall 2005). Однако постепенно растет разнообразие учитываемых социальных параметров. При изучении стратегий мигрантов скандинавские исследователи подчеркивают переплетение этничности, гендера и гражданства (Staunæs 2003). Исследования, посвященные квир и инвалидности цветных женщин, анализируют позиции, образованные пересечением четырех характеристик: сексуальной ориентации, расы, гендера и состояния здоровья (Lykke 2006). Немецкая исследовательница Хельма Лутц перечисляет следующие критерии социального различия, которые в настоящее время учитываются в гендерных исследованиях: гендер, сексуальность, расовая принадлежность (цвет кожи), этничность, гражданство, культура, здоровье, возраст, религия, уровень социально-экономического развития общества, класс. Она отмечает, что даже этот обширный список не является исчерпывающим (Lutz 2002: 13).

Джудит Батлер (Butler 1990) в свойственной ей афористичной и язвительной манере проблематизирует бесконечное расширение параметров ИА. Она рассуждает о так называемом **эффекте 'etc.'** Этот эффект проявляется в том, что перечисление различных механизмов господства и угнетения, определяющих положение потенциально непривилегированных групп, исследователи завершают словосочетанием «и так далее». Но что стоит за этим лексическим многоточием? По мнению Батлер, лексема «и так далее» имеет символическое значение: она указывает на бесконечность процесса сигнификации различий и истощение исследовательского воображения, когда параметры прямо не указываются, но к ним отсылают как к некоей смутной возможности (Butler 1990: 143). Отвечая на критику Батлер, Ювал-Дэвис подчеркивает, что экспансия ИА вполне оправданна. Она связана с расширением проблематики изучения социального исключения в различных институциональных контекстах, которые не учитываются оптикой трехмерного анализа «гендер-раса / этничность-класс». При этом фактически во всех сложных современных обществах гендер-раса / этничность-класс остаются наиболее важными параметрами, различные сочетания которых определяют позиции индивидов и групп. Нира Ювал-Дэвис утверждает, что в целом необходим контекстуальный анализ отношений власти (Yuval-Davis 2011). Одни различия имеют универсальный характер, другие — более специфичны, но очень важны для жизненного опыта конкретных групп и конструирования конкретных социальных локальностей. Для российского контекста категория расовой принадлежности не является столь значимой, как для американского. При этом откровенно расистский характер приобретают кампании мигрантофобии, когда приезжие с Кавказа описываются как «черные», составляющие угрозу для принимающего (по умолчанию «белого») общества. В российском обществе при анализе гендерного устройства значимыми являются классовые позиции, этничность, а также социальные различия между центром и периферией, регионами, городом и деревней, различия в жизненном цикле и состоянии здоровья. В контексте возрастающего классового неравенства пересече-

ние параметров гендера и класса, возможно, является ключевым для определения позиций в российской гендерной системе. Для политического проекта российского феминизма в настоящее время особенно важными являются различия в сексуальной ориентации, которые политизируются в современном дискурсе.

3. Как связаны между собой различные виды неравенства?

Различные формы неравенства в конкретных институциональных контекстах могут сочетаться по-разному. В некоторых случаях они могут конкурировать друг с другом, в других — усиливать друг друга. Так, например, работницы на российских промышленных предприятиях начала XX в. подвергались двойной эксплуатации — классовой и половой. Эти два вида механизма действовали синхронно, делая их вдвойне угнетенными. При этом работницы считали более важной классовую эксплуатацию, а повестка дня буржуазного феминизма «равноправок» оказывалась для них вторичной или вообще нерелевантной (Юкина 2007).

Разнообразные сочетания нескольких механизмов, производящих неравенство, — очевидный вызов теории интерсекциональности. Исследователи приходят к выводу, что только эмпирический анализ контекста может показать, с каким феноменом имеет дело исследователь: с интеграцией, соподчинением различных видов неравенства или, напротив, с противоречивой позицией индивидов и групп в матрице господства.

Обсуждая характер связей между механизмами социального разделения и неравенства, исследователи выделяют **аддитивное** и **трансверсальное** толкование интерсекциональности (Walby 2012). Термин **аддитивный** переводится с латинского как «дополняющий». Аддитивный ИА предполагает, например, что анализ угнетения по признаку пола дополняется анализом угнетения по классовому и этническому признакам. Каждый из механизмов социального разделения исследуется автономно. Действие механизмов рассматривается как кумулятивное. Аддитивная перспектива ставит в центр внимания специфику синдрома множественного угнетения отдельных социальных

групп: черных женщин в США, турчанок в Норвегии, таджичек в России, по сравнению с белыми американками, белыми норвежскими женщинами, русскими женщинами и т. п. Таким образом, социально-культурная категория гендера становится одной из нескольких категорий анализа, наряду с категориями расы, этничности, гражданства и вероисповедания.

Трансверсальный («пересекающий границы») ИА концентрирует внимание на самом сочетании нескольких механизмов, производящих различия и неравенства, которые изменяются, конституируют друг друга и трудно различаемы в своей взаимосвязи (Walby 2012). Трансверсальное видение интерсекционализма выглядит следующим образом: сцепленные друг с другом социальные разделения рассматриваются как контекстуально сформированное единое целое, не редуцируются к какой-то одной характеристике, такой как раса, класс, гендер. Сочетание разных механизмов, действующих различным образом, производит некоторый целостный эффект. Например, возраст меняет определение женственности, одновременно женственность влияет на позиционирование в категориях возраста. Практики большого человека меняют и возраст, и женственность. В итоге интерсекциональная локальность «пожилая большая женщина» рассматривается как позиция, предполагающая определенные коммуникативные практики. Трансверсальная интерсекциональность — это характеристика сложно организованного современного общества.

Интерсекциональность рассматривается как комплексный социальный процесс взаимовлияния осей социального разделения. Благодаря механизму интерсекциональности, например, расовая принадлежность приобретает гендерные значения для конкретных мужчин и женщин и в целом для общества, которое не является расово гомогенным. Гендеризация расовой принадлежности пронизывает все сферы социальной жизни: она сказывается в практиках сексуальности, организации семейных и родительских отношений, в сфере политического участия и оплачиваемого труда. Относительно автономные сферы социальной жизни рассматриваются как организационные поля, в рамках которых действующие

лица переживают опыт множественного угнетения, но также борются с ним (Ferree 2008).

Постепенно ИА интегрировался во все феминистские дебаты и в гендерную социологию. При этом сохраняются различия в подходах, связанные с научной дисциплиной, фокусом исследований и методологическими парадигмами.

Амбиции ИА чрезвычайно велики. Социологи Флоя Энтиас, Нира Ювал-Дэвис, Сильвия Уолби и др. считают, что данный подход должен выйти за пределы анализа маргинализированных или подчиненных групп, применяться для анализа всех социальных позиций и заменить традиционные подходы к анализу социальной стратификации (Yuval-Davis 2011: 8). Преимущества подхода они видят в том, что он концентрирует внимание не на итоговой матрице господства-подчинения, а на исследовании процессов — комплексных механизмов производства множественных различий и неравенств.

2.4. Квир-теория¹

Как результат активного развития постструктуралистских и постмодернистских критических теорий (Butler 1990; Батлер 2000, 2002, 2005), в 1990-е гг. формулируются основные подходы в рамках квир-исследований (см. Аусландер 2001; Джагоз 2008; Кон 2003; Сэдживик 2002; см. также: Кондаков 2012; Созаев 2010). В 1994 г. вышел номер журнала «Социальная теория» (Social theory), посвященный квир-подходам, публикуются эмпирические социологические работы, написанные в данном русле (Seidman 1994, 1996). Однако, как считает С. Валокки (Valocchi 2005), более активный интерес социологов к квир-теориям обнаруживается только в 2000-е гг. Он проявляется как в разработке собственной социологической теории, так и в эмпирических исследованиях.

Основное положение квир-теории состоит в том, что доминирующие дискурсы, связанные с гендером и сексуальностью, производят субъекты желания, над которыми в итоге осуществляется социальный контроль (Butler 1993; Warner 1993). Таким образом,

формулируется критика той конфигурации власти, которая производит эти субъекты, т. е. связана с бинарностью тел (разделением на мужские и женские тела), гендерных ролей (наличием маскулинных и фемининных качеств), а также дихотомией сексуальности (гетеро- и гомо-) и сексуального желания (однополое/разнополое). Согласно теории, все эти категории конституируются ситуативно, субъективно и зависят от того, что мы делаем, а не кем мы «являемся» (в этом одновременно видится и ограничение, и потенциал). Доминирующий порядок сомнителен, поскольку мы можем наблюдать практики, не вписывающиеся в него, — «субверсии». Так, первые социологические подходы в рамках квир-теории часто описывали то, чем гомосексуальные субкультуры «подрывают» доминирующий патриархатный порядок, формулируя особость, текучесть и ситуативность гомосексуальных субъектов, сконструированность любой сексуальности (Seidman 1996; Weeks 2007).

Гендерные бинарные схемы критикуются как идеологическая фикция или дискурсивная конструкция, а концепты мужского и женского, мужественности и женственности, гетеросексуальности и гомосексуальности — как западные категории, воспринимаемые в отрыве от культурно-исторических контекстов. Так, сексуальность и сексуальное желание в отличных от западных социальных контекстах могут пониматься как неадекватные гомо-/гетеродихотомии. Например, опыт и повседневность гомосексуальных субъектов в СССР и России, как показывают социологические исследования, ситуативны, неопределенны и переопределяются в момент изменения социальных обстоятельств (Essig 1999; Роткирх 2002). Эта критика позволяет рассматривать любое тело, желание, гендер и идентичность как нестабильные, нефиксированные и некогерентные.

Квир-подходы активно используют категорию «интерсекциональность», обращая внимания на множественные оси социальной дифференциации и стратификации. В социологических исследованиях выясняется, что сексуальность может не являться причиной

Термин «квир» используется для обозначения гендерных и сексуальных субъектов, не вписывающихся в рамки гетеросексуальности и фиксированных гендерных и сексуальных идентичностей.

¹ Параграф написан совместно с А. Кондаковым.

социального исключения, если система сексуального подавления действует отдельно от расовой, классовой и иных систем власти (см.: Puar 2005). Обнаруживаемый в полевой работе разрыв между идеологическими конструкциями и повседневным опытом предполагает новые способы использования таких конвенциональных концептов, как пол, гендер, идентичность, сексуальная ориентация и пр. Авторитет гомосексуальности как основного примера «субверсии» подорван розданными гомосексуалам «привилегиями» в форме гражданских прав (прежде всего «буржуазных браков»). Внимание ученых переключается на трансгендерность (Halberstam 1998).

В 2000-е гг., с ростом популярности квир-теории, «квир» становится категорией самоидентификации, что замечено в опросных и этнографических социологических исследованиях (Levy, Johnson 2012; Willis 2012). Таким образом, несмотря на свое критическое отношение к категориям и власти, которая ими воспроизводится, «квир» осознается как категория и идентичность.

Для социологов важным является акцент на материальных основаниях дискурсивных конструкций, на институционализации норм и практик в социальных структурах и культуре. Власть для социологов — это не только дискурсивное конструирование бинарных категорий, но и социально-институциональные ограничения, которые производят бинарные оппозиции через систему значений, норм и культурно предписанных таксономий. Тем самым оптика социологии рассматривает власть не только как дискурс (в традициях М. Фуко и Дж. Батлер), но и как способность осуществлять действия, навязывать свою волю, реализовывать социальный контроль с помощью разного типа ресурсов. В рамках квир-исследований власть — объект критики, а сообщества, организующие свою повседневность вне власти, исследуются для лучшего понимания возможностей такого существования. Этому аспекту теории чаще уделяют внимание политологи, однако существуют также некоторые социологические работы, исследующие сексуальность в анархистских сообществах, — к примеру, статьи на эту тему появились в специальном выпуске журнала *Sexualities* (2010).

Гендер, пол, телесность и сексуальность рассматриваются не только как бессознательное перформативное повторение культурных

знаков и нормативных конвенций, но и как интерактивное осуществление в различных контекстах. В фокусе внимания — этнографические исследования практик, показывающие многоуровневый повседневный опыт и сложно организованную субъективность индивидов, для которых характерны подвижные гендерные границы и динамика сексуальной идентичности (Seidman 1994, 1996, 1999, 2002; см. обзор: Valocchi 2005).

ИТАК, обозначим основные принципы современного гендерного подхода в социологии (Kim, Puri 2005; см. также: Howard, Rosenberg 2008):

- Транснациональные и интерсекциональные гендерные подходы формируются в условиях глобализации, роста внимания к локальным контекстам и разнообразным взаимопересеченным практикам и идентичностям, под влиянием постструктуралистской критики бинарных гендерных оппозиций.
- В фокусе гендерных исследований может находиться индивид, взаимодействия, структуры, общества, ограниченные границами национальных государств, политические регионы, глобальные процессы. Социологический анализ несводим ни к макрокатегориям (таким, как, например, нации или государство), ни к микроуровню межличностных отношений (Risman 2004).
- Принцип интерсекциональности исходит из признания факта переплетенности различных измерений неравенства, т. е. пересечения категорий гендера, расы, класса, а также возраста, сексуальной ориентации, религиозной принадлежности, гражданства, уровня благосостояния, места жительства и пр. Утверждается, что невозможно выделить базовое первичное основание неравенства. Одни и те же индивиды и группы могут быть и угнетающими и угнетенными по разным основаниям, конфигурации неравенства могут быть подвижными и неустойчивыми.

3. Институционализация гендерного подхода в социологии

Авторы переизданного уже три раза учебника «Введение в социологию. Феминистская перспектива» Памелла Эббот и Клер Уоллэс (Abbot, Wallace 1990, 1997, 2005) сформулировали задачи, стоящие перед феминистским социологическим проектом.

Первой задачей феминистской социологии является исследование опыта женщин и гендерных различий. При этом нельзя забывать о дифференциации женского опыта по классовым, расовым/этническим, возрастным и сексуальным параметрам. Однако в конце XX в. эта задача уже частично выполнена благодаря усилиям социальных исследователей.

Вторая задача заключается в том, чтобы не просто анализировать гендерно маркированные опыты, но и выявлять механизмы формирования гендерных различий и их социальные последствия, действующие на разных уровнях.

Третья задача имеет более фундаментальное значение. Эббот и Уоллэс считают необходимым изменить практики производства социологического знания таким образом, чтобы они способствовали интерпретации женского видения социальной реальности, помогали задавать вопросы, которые относятся к жизни женщин, искать на них социологические ответы, а также выявлять ограниченность основного русла социологического знания. В социологию не просто должны быть добавлены некоторые области знания, посвященные концептуализации женского опыта, необходимо переосмыслить способы производства социологического знания в целом (Abbot, Wallace 1997: 1–6, 14, 299; см. также: Acker 1989:77; Scott 1986).

Эти задачи могут решаться в рамках различных академических институциональных структур и форм. Можно условно выделить две основные взаимодополняющие стратегии институционализации гендерного подхода (часто исходящего из феминистской перспективы): **автономизацию и интеграцию** (Здравомылова, Тёмкина 2002а, 2007а; Hemmings 2006; Abbot, Wallace 1990). Этим

процессам на Западе и в России посвящено много публикаций (см., напр.: Aaron, Walby 1991; Richardson, Robinson 1994; Воронина 2000; Ярская-Смирнова 2001а).

Автономизация предполагает объединение усилий исследователей, занимающихся изучением гендерной проблематики и следующих основным принципам феминистского и гендерного подхода, и образование собственных институций и структур (кафедр, факультетов, журналов, секций и пр.). Она ведет к становлению автономной области гендерных (феминистских) исследований, которая означает переинтерпретацию социальной парадигмы, а также формирование собственного видения, связанного с междисциплинарностью, интерсекциональностью, транснациональностью, рефлексивностью, разработкой феминистской перспективы в эмпирических исследованиях.

Стратегия **интеграции** предполагает включение гендерной тематики и методологии в основное русло социологического знания без институционального обособления. В результате этого общая социология становится более чувствительной к опыту женщин и других гендерных групп. Можно констатировать, что в настоящее время гендерная тематика широко представлена и как относительно автономное поле социального и гуманитарного знания, и в основном русле отдельных дисциплин, в частности в социологии.

В рамках отдельных дисциплин также предпринимаются попытки такой **реконцептуализации** и трансформации научного знания, которые привели бы к разрушению андроцентризма (условно мы можем назвать это «феминистской научной революцией»). Так, в социологии Эббот и Уоллэс выделяют это направление как третью стратегию. В этом случае предполагается не только включение женского опыта и гендерной проблематики в социологическое знание, но и критическое переосмысление социологического знания, производимого в основном мужчинами и отражающего «мужской взгляд» (Abbot, Wallace 1990: 11–13). Англоязычные авторы играют со словами, заменяя *mainstream* — основное русло социологии, на *malestream* — мужское русло (Abbot, Wallace 1990, 1997, 2005). В основном русле андроцентризм социологического знания проявляется фундаментальным образом в теориях, методах исследования и преподавательских практиках. Такая стратегия не привела

пока к замене андроцентризма на гиноцентризм (революция не произошла), но оказывает влияние на общую социологию в целом, особенно на ее критическое направление. Эта стратегия имеет революционный потенциал парадигмального поворота, но с точки зрения институционализации она скорее приводит к процессу автономизации феминистского подхода внутри дисциплины.

3.1. Автономизация женских/гендерных исследований

Феминизм сделал видимыми многие, ранее не проблематизированные, казалось бы «естественные» аспекты социальной жизни, вывел их в публичный и академический дискурс и придал статус предмета исследования. В первую очередь это касалось **женского опыта** (Смит 2000 [1989]; Smith 1987; Oakley 1974, 1982; см. также лекцию 2), позднее — опыта других гендерно маркированных групп, например, одиноких отцов, мужчин-инвалидов, сексуальных меньшинств или женщин-мигранток. Канадская исследовательница Дороти Смит пишет: «Речь идет об опыте работы, связанной с конкретными людьми, в частности, с детьми. Этот опыт имеет своим основанием биологическое различие (наши тела способны к деторождению, а тела мужчин — нет), но организован через сложные институциональные опосредования в виде работы по уходу (заботы) и обслуживанию, направленной на *конкретных* других или группы других» (Смит 2000 [1989]: 30). Исследования делают своим объектом конкретный женский опыт и представляют не только объективную позицию, но и то, как женщины сами осмысливают свои практики и видят социальную реальность. Это задает особенности **эпистемологии**. «Необходимо существование социологии, написанной из перспективы женщин, поскольку основное русло социологии игнорирует или маргинализует женский опыт» (Abbot, Wallace 1997: 14).

На методологическом уровне признается большой потенциал междисциплинарных подходов, когда в проектах и программах объединяются специалисты разных дисциплин, фокусирующиеся на гендерных вопросах и разделяющие гендерную/феминистскую

методологию. Торн приводит примеры из личной практики, показывая, что исследователи междисциплинарной направленности зачастую проявляют более высокую степень креативности, чем те, кто работает жестко в рамках одной дисциплины. Границы между дисциплинами проблематизируются, на что оказывают существенное влияние постструктуралистский, постколониальный, транснациональный и квир-подходы. Междисциплинарные научные центры часто являются более открытыми, эгалитарными и коллегиальными, однако они во многом остаются маргинальными как подрывающие основания дисциплинарного деления департаментов науки и образования (Thorne 2006: 474, 477).

Если говорить о социологии, то в русле автономизации происходит формирование эпистемического сообщества — сообщества исследователей, придерживающихся принципов феминистского/гендерного подхода — по проблематике и по методологии. С точки зрения Д. Смита исследования женского опыта должны были повлечь за собой существенные изменения стандартных социологических практик и становление феминистской социологии, т. е. иной социологии, отличающейся от основного направления знания и — в идеале — отличающейся от гендерного подхода в социологии (Smith 1990).

Как показывают исследователи, в феминистской социологии фокус делается на гендерные практики и социальные процессы, в них рассматривается то, как структурируется общество и отношения, как формируется и преодолевается гендерное неравенство, как соотносятся гендерные отношения и социальные, политические, культурные процессы (Fox, Murry 2000: 1061–64; Chafetz 1997: 97–98). Для феминизма в целом были и остаются важными признание социального неравенства и мировоззренческая ориентация на принципы социальной справедливости.

Институционально такая стратегия воплощалась в создании междисциплинарного транснационального сообщества, занимающегося проблематикой гендерных исследований. Она обеспечивает автономное интеллектуальное пространство для диалога между представителями различных дисциплин, объединенных общей методологией и эпистемологией. В западном академическом контексте на институциональном уровне эта стратегия реализу-

ется в работе межфакультетских центров и кафедр женских/гендерных исследований. Такая стратегия предполагает подвижность дисциплинарных границ, так, например, опыт женщин изучается совместно психологами, историками, этнографами и социологами, и именно интерес к опыту и перспективе женщин становится основой объединения в эпистемические сообщества.

Академическая коммуникация в рамках этой стратегии осуществляется в междисциплинарных академических периодических изданиях, среди которых журналы *Signs: Journal of Women in Culture and Society*; *European Journal of women studies*; *Feminist Review*; *Feminist Theory* и др.

С 1997 г. выпускается издательская серия «Гендерные линзы» (*Gender Lens*), направленная на развитие феминистской социологии (Rosenberg, Howard 2008: 688; о журналах 1960–70-х гг. см. также: Bernard 1989). На русском языке издается ежегодник «Гендерные исследования» (Харьков, Украина), журнал «Женщина в российском обществе» (Ивановский государственный университет), издаются гендерные серии в издательствах РОССПЭН, «Алетейя», ЕУСПб, ЕГУ, существуют специализированные базы данных по женским и гендерным исследованиям.

В российском контексте стратегия автономизации в 1990-е и 2000-е гг. выражалась в развитии исследовательских сетей, проведении летних школ, работе гендерных центров и образовательных программ в университетах. В 1990-е гг. летние школы по гендерным исследованиям, поддержанные международными фондами, стали образовательно-исследовательской инициативой, которая объединила заинтересованное сообщество студентов, исследователей и преподавателей. Школы расширяли пространство академической свободы, создавали среду для научной коммуникации, способствовали выработке нового знания в области гендерных исследований. Эти школы были междисциплинарными и транснациональными, они стремились к передаче и распространению современного знания и созданию эгалитарной научной среды. Школы стали импульсом к разработке новых учебных программ для вузов, подготовке новых курсов, созданию гендерных центров.

Другой пример транснациональной коммуникативной практики — электронные рассылки по гендерным исследованиям,

в частности электронная рассылка Центрально-Азиатской сети гендерных исследований, которая была запущена в 2002 г. участниками Летней школы гендерных исследований в Алматы. Ее цель — развитие сообщества феминистски ориентированных исследователей. Сеть возникла как союз исследователей и преподавателей гендерных дисциплин. Эти виртуальные связи, как и школы, поддерживают транснациональное феминистское сетевое эпистемическое сообщество, которое осуществляет получение и передачу знания. Организована виртуальная библиотека гендерных исследований, усилилась информационная насыщенность и активность электронной коммуникации, посвященной гендерным исследованиям (Здравомыслова, Тёмкина 2002а, 2007а).

3.2. Интеграция гендерного подхода в социологию

Интеграция гендерного подхода происходит на двух уровнях: 1) на уровне тем и методологии и 2) на уровне институций. В рамках данной стратегии мы говорим о «гендерных исследованиях» и «гендерном подходе в социологии» (гендерной перспективе, линзах, оптике и пр.) как о взаимозаменяемых терминах. В центре нашего внимания — изменения в основном русле социологии, которое под влиянием гендерного подхода становится **тематически, методологически и институционально** все более чувствительным к тематике гендерных различий.

Гендерные различия долгое время оставались на периферии социологического знания (Laslett, Thorne 1997: 10). До 1970-х гг. женский опыт становился объектом исследования в основном в рамках социологии семьи, девиаций (исследования проституции, насилия), в демографических исследованиях (анализ рождаемости, смертности). В исследованиях экономики, политики, религии, образования женщины долгое время находились за пределами академического интереса и таким образом «оставались невидимыми», т. е. не были представлены как отдельная социальная категория (Huber 1976). «Социологическая литература о работе, организациях, стратификации, социальной психологии, девиациях и криминологии, образовании, религии, методологии исследований

и теории включала вопросы гендера и особенностей женского опыта в лучшем случае в сносках» (Laslett, Thorne 1997: 10).

Более того, социологическая теория парадоксальным образом оставалась **эссенциалистской** в отношении к гендерным различиям, несмотря на свою задачу — видеть социальное в «естественном» (England 1999). **Биологический редукционизм**, т. е. сведение различий к биологическим, имплицитно сохранялся в полоролевой парадигме, несмотря на то, что она позволила сделать акценты на изучении социальных ожиданий и социального контроля в отношении мужских и женских ролей.

Методология социального конструктивизма в конце 1980-х гг. позволила сместить акценты исследования на процессы, взаимодействия и практики, не сводимые к единой когерентной гендерной роли (или к женскому опыту). Более подробно мы рассматриваем конструктивистскую парадигму в лекции 5. В целом важным становится признание множественности различий, их контекстуальной обусловленности, а также властного изменения гендерных различий. В условиях общего поворота социологии к анализу микроуровня социальных взаимодействий, внимания к агенту и практикам в 1980-е гг. гендерный подход отчасти находит свое место в основном русле социологии.

Стейси и Торн показали, что в последние декады XX в. именно социология оказалась наиболее чувствительной к интеграции гендерного подхода в анализ общества. Феминизм оказал влияние на изучение сексуальности и телесного опыта; визуальную социологию; социологию заботы, эмоций, общественных движений, исследования идентичности и различий, семьи, домохозяйства и партнерства, положения женщин на рынке труда и на рабочем месте. Феминизм способствовал росту интереса к таким темам, как материнство, разводы, вдовство, репродуктивное и сексуальное здоровье, беременность, роды, аборт, контрацепция, любовь, родительство, отцовство, детство, пожилой возраст и т. п. — т. е. к тем вопросам, которые ранее исследовались достаточно редко и занимали маргинальное положение (Stacey, Thorne 1985: 301–302, Wallace 1989: 8, 14–16). Внимание к женскому опыту способствовало появлению новых тем для исследования: сексуальные домогательства, насилие, лесбийское сообщество, феминистские, гей- и ЛГБТ-

движения и пр. (Stacey, Thorne 1985: 301–302; Abbot, Wallace 1997: 8–16).

Как считает Джудит Лорбер (Lorber 2006: 448), под влиянием феминистской критики наметился сдвиг в сторону интеграции гендерного подхода в социологию, который выражается в следующем. Во-первых, гендерные различия (или просто гендер) были признаны важным принципом организации общества и таких социальных институтов, как экономика, политика, религия, армия, образование и медицина, а не только института семьи. Во-вторых, гендерные различия и сексуальность стали рассматриваться как социально конструируемые в контекстах организационных процессов, взаимодействий и на уровне личной идентичности. В-третьих, в гендерные исследования были включены измерения власти и контроля.

Интегративная стратегия — включение феминистской и гендерной методологии и тематики в основное русло общественного дискурса, в данном случае — в социологию — может способствовать изменениям в системе производства социального знания в целом, преодолению геттоизации гендерных исследований (Здравомыслова, Тёмкина 2002а). Терминологически эта стратегия обозначается также термином с довольно неуклюжей транслитерацией — гендерный мейнстриминг.

Институционально такая стратегия воплощается во включении гендерной тематики в социологические учебники, журналы, учебные курсы, конференции. Многие современные социологические учебники и хрестоматии содержат разделы по феминистской теории и анализу гендерных различий (например, Гидденс 1999 [1989]; Монсон 1992 [1991]; Ritzer 1988). В учебник по социологии Энтони Гидденса включена отдельная глава «Гендер и сексуальность», а проблематика гендерных различий представлена в главах «Конформность и девиантное поведение», «Политика, правительство и государство», «Война и военные институты», «Религия» и пр. Феминистский подход оказал влияние на взгляды выдающихся современных социологов, посвятивших гендерной тематике (в широком смысле) отдельные работы. Среди них — Э. Гидденс «Трансформация интимности» (Giddens 1993), П. Бурдьё «Доминанция маскулинности» (Bourdieu 2001), У. Бек и Э. Бек-Гернсхайм «Нормативный хаос любви»

(Beck, Beck-Gernsheim 1995), А. Хохшильд «Управляемое сердце» (Hochschild 1983).

Секция «Пол и гендер» в Американской социологической ассоциации (АСА) пользуется большим интересом, социология гендера представлена в журналах АСА, обозначена как научная специализация, сфера исследовательской экспертизы и компетенции (Thorne 2006: 475). В Международной социологической ассоциации секция «Гендер и общество» является одной из самых больших по числу членов. Гендерная/феминистская тематика представлена в списке лучших книг по социологии, объявляемом журналом *Contemporary sociology*, например, туда вошла книга Н. Ходоров «Воспроизводство материнства» (Chodorow 1978).

Журналы «Социальные проблемы» (*Social Problems*) и «Социологическое исследование» (*Sociological Inquiry*) публикуют статьи по гендерной тематике, а также издают тематические выпуски. «Американский журнал социологии» (*American Journal of Sociology*) и «Американское социологическое обозрение» (*American Sociological Review*) публикует большое число статей по гендерной тематике, особенно по проблемам разделения труда и гендерного устройства социальных институтов. Третий в рейтинге социологической периодики журнал «Ежегодное социологическое обозрение» (*Annual Review of Sociology*) публикует статьи, которые имеют выраженную феминистскую направленность и посвящены различным вопросам — от женского движения до феминизации бедности.

В 1987 г. начал издаваться журнал Международной социологической ассоциации «Гендер и общество», ориентированный на проблематику социологии гендера в феминистской перспективе. Его первым редактором стала Джудит Лорбер; первый номер журнала открывался статьей Барбары Рисман «Интимные отношения в перспективе микросоциологии: мужчины, которые осуществляют материнскую заботу» (Risman 1987). В 2000-х гг. журнал значительно повысил свой рейтинг как среди социологических периодических изданий, так и среди журналов по гендерным исследованиям (Rosenberg, Howard 2008). Именно в нем была опубликована статья К. Уэст и Д. Зиммермана «Создание гендера» (West, Zimmermann 1987), изменившая парадигму гендерных исследований, постоянно публикуются дискуссии по проблемам гендерной и феминистской

теории в социологии. Стабильность и высокая репутация журнала свидетельствуют об успешности стратегии интеграции гендерных исследований в пространстве научной коммуникации социологов.

Российские тенденции интеграции гендерных исследований сходны с западными, хотя их интенсивность гораздо ниже. В российском контексте стратегия интеграции выражается в публикациях по гендерной тематике в основных научных изданиях, включение разделов в социологические книги и пр. Публикации на гендерные темы широко представлены в «Социсе», «Журнале исследований социальной политики», «Социологическом журнале», «Лабораториуме», «Неприкосновенном запасе» и пр. Рубрика «Гендерная социология» создана на федеральном образовательном портале «Экономика. Социология. Менеджмент» (ЭСМ) ВШЭ (<http://ecsocman.hse.ru/docs/16000347>; 03.03.2015).

В российском академическом пространстве феминистская перспектива также повлияла на развитие социологии семьи, сексуальности, здоровья, заботы, профессий, исследования инвалидности, молодежи, этничности, рынка труда, миграций, политики, квир-идентичностей. Однако в целом говорить о полноценной интеграции гендерного подхода в социологию было бы преждевременно.

3.3. Состоялась ли феминистская революция в социологии?

Данная стратегия предполагает, что феминистски ориентированная социология не заполняет пробелы в существующих социологических теориях и исследованиях, а меняет подходы в целом. Исследования стратификации, образования, жизненного курса, семьи и домохозяйства, здоровья, занятости, девиаций и политики переформулируются с позиции женщин и женского опыта. С этих же позиций переписывается социологическая теория и эпистемология в целом (Abbot, Wallace 1997).

Для осмысления изменений в социологии под влиянием феминистской критики используется метафора **феминистской (научной) революции** в социальных науках. Она отсылает к классической работе Т. Куна (Кун 1977), в которой анализируются механизмы

смены базовых принципов и конвенций нормальной науки, т. е. **смены парадигмы**. С одной стороны, эта метафора выражает амбициозные проекты сущностных преобразований в сфере производства знания, которые пытаются осуществить феминистки. С другой стороны, подводя итоги своим усилиям, гендерные исследователи часто говорят о «застывшей» (*stalled*), «неочевидной» (*uneven*), «несостоявшейся» (*missing*) феминистской революции. Одна из первых попыток критического анализа феминистского воздействия на социологию была предпринята в статье Джудит Стейси и Бэрри Торн «Несостоявшаяся феминистская революция в социологии» (Stacey, Thorne 1985). Они утверждают, что феминизм оказал достаточно сильное влияние на социологию, однако радикальных теоретических изменений не произошло. В середине 1980-х гг. Стейси и Торн утверждали, что состояние социологического знания свидетельствует о неудаче феминистской революции в социологии, поскольку, во-первых, феминистская перспектива поглощена функционализмом и полностью интериоризировала язык ролей и социализации, во-вторых, гендер рассматривается как одна из множества переменных, а не как теоретическая категория. Так, например, количественные данные демонстрируют тренды феминизации бедности и гендерной сегрегации рабочих мест. При этом гендер рассматривается как признак индивида, а не как социальная структура и свойство социальной организации. В-третьих, феминистские исследования институционально остаются академическим гетто. Социологические статьи мало представлены в центральных феминистских журналах — междисциплинарных «Феминистских исследованиях» (*Feminist studies*) и в издании «Знаки: журнал женщин в культуре и обществе» (*Signs: A Journal of Women in Culture and Society*). Социология в целом продолжает следовать

так называемой «объективной» методологии, которая может быть **деконструирована** как исследовательская перспектива западного, белого, гетеросексуального мужчины, принадлежащего высшему среднему классу (Stacey, Thorne 1985: 306). **Деконструкция** в данном случае —

Деконструкция (термин введен Ж. Деррида) — аналитический процесс, который выявляет механизмы натурализации, нормализации и универсализации конкретного социального опыта.

это методологическая процедура гендерного анализа, которая позволяет ответить на вопрос, каким образом производится нормализация и натурализация социально сконструированного гендерного различия и неравенства, понять, каким образом продукт социально-культурного производства — практики мужчин и женщин, модели мужественности и женственности, мужского и женского поведения — представляются как результат естественных биологических различий между полами.

Сравнивая развитие феминистского подхода в разных дисциплинах, авторы делают вывод о том, что интерпретативные дисциплины — история, антропология, литературная критика — являются более чувствительными и претерпевают большие изменения, чем позитивистские — социология, психология, экономика, политические науки (за исключением политической теории). Такой эффект объясняется тем, что понимающие науки более рефлексивны к обстоятельствам производства знания. «Возможно, — пишут позднее Ласлетт и Торн, — причины разочарований были связаны со слишком высокими ожиданиями социологов, которые считали свою дисциплину и антропологию более открытыми к феминистским преобразованиям по сравнению с другими социальными науками» (Laslett, Thorne 1997: 15).

Когда через десять лет Стейси и Торн вновь обращаются к вопросу об осуществлении феминистского проекта в социологии, они дают на него в целом отрицательный ответ (Stacey, Thorne 1996). Еще через десятилетие, в 2006 г., участники дискуссии, организованной журналом «Социальные проблемы», соглашались с тем, что радикальной смены парадигмы производства социального знания так и не произошло, поскольку гендер не стал центральной категорией анализа власти и социальных институтов. В дискуссии обозначаются разные ответы на вопрос, что изменилось и что еще должно быть изменено в поле социологии. Признавая то, что революция не совершена, исследователи говорят о том, что в академии во многом сохраняется гендерный эссенциализм. В то время как социологи легко усвоили тезис о социальном конструировании расовых и этнических различий, этого не произошло по отношению к полу/гендеру. Все знают, например, что к мужчинам и женщинам в корпорациях относятся по-разному, однако считается, что это

происходит из-за того, что мужчины и женщины биологически различаются, а не потому, что корпорации организованы вокруг производства и поддержания гендерных различий таким образом, что женщины (добавим — или мигранты) выполняют менее оплачиваемую и более «грязную» работу (Lorber 2006: 449).

Гендерная (феминистская) социология, как и все пространство социологического знания, фрагментирована (Stacey, Thorne 1996; Rosenberg, Howard 2008: 677–678). Одна из причин фрагментации — ориентация исследователей на разные уровни анализа феноменов и процессов (макро-, мезо-, микро-). Другая — влияние на социологию различных философских направлений феминизма, особенно постмодернизма. Актуальные вопросы феминистской теории, эпистемологии и методологии решаются в основном за пределами собственно социологии, в постструктуралистском, постколониальном и транснациональном подходах (Ray 2006: 463). Эти подходы относятся с подозрением к конвенциональным гендерным категориям, стараясь деконструировать их вместе с такими категориями, как нация, государство, сексуальность. При этом у феминистской социологии достаточно сложные отношения с постструктурализмом и постколониальной мыслью. Как пишет Рэй (Ray 2006: 461), многие социологи чувствуют себя некомфортно в этом теоретизировании. Усиливается влияние на феминистскую социологию Фуко и таких феминистских теоретиков, как Батлер, Фрейджер, Скотт, Гватарри и Спивак, однако некоторые социологи считают, что «Фуко несовместим с социологией» (Ray 2006: 461). Сбор данных, как статистических, так и нарративных, требует использования категорий «женщины», «мужчины», «гендер», но такие категории являются жесткими и фиксированными, в то время как современное понимание гендера является гибким и контекстуальным, включает квир-подходы (Thorne 2006). Социология пытается говорить скорее о практиках, чем о категориях применительно к гендеру. Фрагментация сосуществует с междисциплинарными подходами, которые в числе прочего подрывают дисциплинарные границы социологии (Laslett, Thorne 1997). Однако при этом осуществляются попытки интеграции разных подходов, например, квир-исследований и социологии (Valocchi 2005).

Еще одна проблема современных исследований, которая затрудняет реконцептуализацию, — это реализация интерсекцио-

нального подхода в эмпирических исследованиях. Во многом остается неясным, как его применить на практике. Целью исследования становится выявление синхронно и взаимообусловлено действующих механизмов воспроизводства множества неравенств, а это достаточно трудно осуществлять эмпирически социологическими методами (Acker 2006b: 444, 446).

Таким образом, разные уровни анализа, проблематизация основных категорий и самих основ социологии, взаимовлияние разных дисциплин приводят к фрагментации социологии гендерных отношений, затрудняют радикальные изменения социологической парадигмы.

Подытоживая дебаты о роли гендерной (феминистской) социологии, можно согласиться со словами Рэй, которая пишет: «Я полагаю, что революция (в сфере социологии) происходит — иногда тихо, иногда шумно. Очевидно, что все больше и больше социологов интересуются гендером, а феминистские теории и эпистемологии проникают в социологию самыми различными способами» (Ray 2006: 463).

Феминистские принципы **критического исследования** все более распространяются на социологию в целом. В феминистской социологии формулируется ряд принципов, связанных с рефлексивностью, сензитивностью, неиерархичностью взаимоотношений исследователя и исследуемого и пр. (см. лекцию 3). Некоторые из этих принципов получили идиоматическое выражение: **«делать невидимое видимым, приватное — публичным, естественное — социальным»**. Многие современные исследователи считают, что таким принципам должна следовать вся система производства социологического знания. Так, например, американский социолог М. Буравой (Буравой 2008, 2009; см. также: Романов, Ярская-Смирнова 2008с) рассматривает феминизм как критическое направление социологии и считает принципы производства социального знания, первоначально сформулированные феминистками, органической частью социологии в целом. К этому можно добавить и постоянную социальную проблематизацию того, что на первый взгляд выглядит вечным и неизменным от природы, т. е. эссенциализма. Важным является и акцент феминисток на исследовании повседневного опыта (Burawoy: 2005; цит. по: Rosenberg, Howard

2008: 691), рефлексия о принципах и методах социологического исследования (см. лекцию 3).

Гендерные исследования вносят свой вклад в развитие публичной социологии. **Публичная социология** — это измерение или функция социологического знания, связанная с его обращенностью к разным общественным проблемам и разным сегментам общества, которые испытывают давление рыночных отношений и политических структур. Публичные социологи выходят за пределы академической среды и делают научное знание инструментом социальных преобразований, направленных на преодоление несправедливого неравенства и разрушение механизмов угнетения. Гендерные исследования, несмотря на относительную академическую автономию, также взаимодействуют с феминистскими инициативами и женским движением, способствуют формулировке повестки дня политик гендерного равенства, способствуют деконструкции патриархатных моделей.

Феминистские принципы нашли свое прикладное выражение и в педагогике. В частности, они делают акцент на активное получение знания, а не на традиционное усвоение пройденного, на интерактивные методы и уважение другого, демократизацию процесса обучения, развитие навыков критического анализа и пр. Все эти принципы широко используются в современных университетах в целом. Авторы данной книги обрели навыки интерактивного преподавания гендерных исследований в российских летних школах и смеют надеяться, что эти навыки не были утрачены в академической среде, впрочем, весьма новаторской.

ИТАК, подведем итоги рассмотрения процессов институционализации гендерных исследований:

- Институционализация гендерных исследований и феминистской перспективы в социологии осуществляется благодаря двум взаимодополняющим стратегиям действий в академическом пространстве: автономизации и интеграции. Кроме того, осуществляется попытка реконцептуализации социологии из перспективы женского опыта.
- Автономизация женских/гендерных исследований предполагает производство социологического знания, которое опирается на

замалчиваемый ранее женский опыт. Оно предполагает новую эпистемологию, методологию и методы исследования. Институционально такая стратегия воплощается в формировании междисциплинарного сообщества исследователей или отдельного сегмента социологического пространства, ориентированного на изучение опыта женщин и гендерных различий.

- Стратегия интеграции означает включение гендерной феминистской перспективы в основное русло социологии, а также трансформацию социологических методов сбора и анализа данных с учетом феминистских принципов производства знания. Институционально такая стратегия предполагает интеграцию в социологическое сообщество, институты и практики.
- Реконцептуализация социологии означает феминистскую парадигмальную революцию, которая изменяет структуру дисциплинарной области знания, где гендер признается центральной категорией анализа власти и социальных институтов. Феминистская революция в социологии в целом признана несостоявшейся, гендер пока не стал центральной категорией анализа.
- Гендерная (феминистская) социология фрагментирована, что является следствием тенденций к междисциплинарности, а также влияния постструктурализма, постколониализма и транснационализма.
- Гендерные исследования являются критическим направлением социологии. В их фокусе — вопросы неравенства и власти, они характеризуются критическим отношением к механизмам их воспроизводства, к категориям, закрепляющим существующий порядок и его гендерное устройство.
- Гендерные исследования дают академические ответы на острые социальные и политические вопросы и тем самым способствуют развитию публичной социологии.
- Феминизм в целом обогащает социологию, делая ее более чувствительной и рефлексивной по отношению к опыту отдельных групп, изменения происходят постепенно под влиянием критической социологии разных направлений.

4. Рецепция гендерных исследований в российском контексте

Современный феминизм связан с глобальными и национальными интеллектуальными процессами. Трансгрессивность идей и понятий интенсифицируется в процессе глобализации (Connell, Messerschmidt 2005: 853). Теории и концепты пересекают границы, отрываясь от национальных и локальных контекстов, в которых они порождены. Термины и понятия социальных наук, указывают Коннелл и Мессершмидт, возникают в ответ на конкретные интеллектуальные и социальные проблемы, они формулируются в особых языках научного описания и интеллектуальных стилях. Однако идеи и понятия обладают одним существенным свойством: они трансгрессивны, т. е. способны пересекать границы, путешествовать между дисциплинами и национальными сообществами, обретая новые значения, которые отличаются от первоначальных и на которые оказывает влияние новый контекст. Однако трансформация исходного смысла понятия при его рецепции в новом контексте может вызывать недоумение и стать объектом критики в связи с потерей первоначального смысла. Рассмотрим, как происходила рецепция гендерной теории в российском дискурсивном контексте.

В 1990-е гг. мы являлись свидетелями и участниками изменения дискурсивной ситуации в России, как и в Беларуси, Украине, Казахстане, Кыргызстане, Армении и пр. Российский (теоретический) дискурс стал открытым для рецепции новых идей; он находился в состоянии усвоения, освоения, восприятия, впитывания, перевода, «переваривания» множества социальных теорий самого различного происхождения. Среди них были и классические подходы, и те, которые выросли как их критика (Маколи 2010). Такая дискурсивная всеядность компенсировала дискурсивный дефицит советского периода, когда многие традиции, создававшие почву для критической теории, были маргинализированы (Здравомыслова, Тёмкина 2000а; Круглый стол 2007).

Среди инноваций российского академического поля был и феминизм, который возник как одно из направлений критической

теории в социальных науках, оппонировав основному установленному дискурсу. Феминистки называли такой дискурс ортодоксальным консенсусом (критику см.: Гидденс 2003 [1984]), мейнстримом — гегемонным маскулинистским дискурсом. Однако в советском дискурсе такие направления, как психоанализ, неомарксизм, экзистенциализм, феноменология, структурно-функциональный анализ, структурализм и постструктурализм существовали лишь под рубрикой «критика буржуазных теорий». Эти подходы, вне ортодоксальной критики, были табуированы в официальном дискурсе, соответственно не существовало иных критических рефлексий, посредством которых развивалась феминистская мысль. Теории субъективности советского времени (В. Выготский, В. Ильенков, М. Мамардашвили, Ю. Лотман, М. Бахтин и др.) до сих пор не использованы в отечественной феминистской критике.

Возникшие в начале 1990-х гг. российские исследования различий между полами первоначально включали два основных направления, которые были условно названы постсоветским и собственно феминистским. Постсоветское крыло известно как «феминология». Этот термин использовался для того, чтобы обозначить ориентацию на исследования женского социального опыта, дистанцированную от феминистских теорий и практик как неадекватных российскому контексту. Феминистское направление ввело в российскую дискуссию термины «гендер» и «гендерные исследования», сделало акцент на неравенство и отношения власти. В конце 1990-х гг. жесткое разделение двух направлений и исследовательских подходов утрачивает свое значение. Расхождения в интерпретациях гендерного подхода уступили место взаимодействию; несмотря на различия в подходах, формировалось сообщество исследователей. Основы феминистской теории были интегрированы в курсы по гендерным исследованиям. В формате спецкурсов гендерные исследования читались на гуманитарных факультетах и факультетах общественных наук. С конца 1990-х гг. в России происходит постепенная интеграция гендерного подхода в основное русло социального знания.

Термин «гендер» стал зонтичным для различных, иногда противоречащих друг другу направлений исследований, посвященных социально-культурному определению меж- и внутриполовых отношений. В российском публичном и научном контексте категория

«гендер» зачастую лишается своего критического потенциала, происходит вымывание феминистского содержания из этого термина: во многих случаях то, что раньше маркировалось как «пол», заменяется «гендером» (Ушакин 2000: 35, 1997, 1999, 2002; Брандт 2003: 24, 28; Барчунова 2000, 2004). Некоторые исследователи в связи с этим говорят о фальшивых гендерных исследованиях. Однако существует и феминистская ветвь, в которой гендер рассматривается как категория, обозначающая базовое структурное неравенство по признаку пола (см., напр.: Круглый стол 2005).

В 2000 г. мы издали хрестоматию переводов классических феминистских текстов, в которую были включены работы Д. Смит, Д. Эльштайн, Г. Рубин, Н. Ходоров, К. Гиллиган, Дж. Лорбер и С. Фаррелл, К. Уэст и Д. Зиммермана, Р. Брайдотти, Р. Коннелл (Здравомыслова, Тёмкина 2000). Базовый перевод был осуществлен группой молодых исследователей и являлся частью учебной практики, которую проходили магистранты тогда еще совсем молодой Гендерной программы факультета политических наук и социологии ЕУСПб. Переводами и публикациями феминистских текстов занимались и другие исследователи (Ирина и Сергей Жеребкины, Ирина Тартаковская, Татьяна Барчунова, Ольга Воронина, Елена Гапова, Альмира Усманова и пр.).

Переводы классических феминистских текстов опубликованы в сборниках, подготовленных гендерными центрами: «Антология гендерной теории» (Гапова, Усманова 2000), «Гендерная коллекция — зарубежная классика» издательства РОССПЭН (2005–2006), Хрестоматия по курсу «Основы гендерных исследований» (Воронина 2000), «Введение в гендерные исследования. Часть 2» (Жеребкин 2001). Издавались также отдельные переводные тексты — ключевые для феминистской мысли, например, работы де Бовуар (Бовуар 1997), Миллет (Миллет 1994), Фридан (Фридан 1994).

Рефлексия по поводу переводов показывала, что логика развития (феминистской) теории приобретает особый смысл, когда мы переносим феминистские тексты в российский дискурс. «Переводной феминизм» в значительной степени оказывается оторванным от своих критических оснований. Оторванность от онтологической базы порождает неприятие феминистского дискурса со стороны публики и концептуальные трудности, в том числе и

трудности перевода того типа текстов, тезаурус которых еще не сформирован. Несмотря на культурные барьеры, мы считаем, что в ситуации дискурсивной открытости феминистская теория обрела определенную нишу в российском академическом пространстве, в рамках которой «гендер» и «различия полов» становятся полезными категориями анализа (Scott 1986) (см. Круглый стол 2007; Здравомыслова, Тёмкина 2012). В 1990-е гг. возможности феминистской теории занять свое место в саморегулирующемся хаосе современной российской дискурсивности были достаточно очевидны (Жеребкина 2003). Однако гораздо сложнее оказалось выйти за пределы сообщества гендерных исследователей и оказать существенное влияние на переосмысление базовых понятий социальной мысли, т. е. стать равноправным агентом в символической борьбе различных направлений.

В гендерных исследованиях в 1990–2000-е гг. в России оказался востребованным социальный конструктивизм, который внес вклад в развитие социологии. Этот подход позволил поставить вопрос о том, как сконструированы отношения мужественности и женственности в советском обществе, наследующем этатрастические черты гендерного порядка, в условиях либерализации и коммерциализации, а затем в условиях консервативного поворота. Эта парадигма задает рамки исследования механизмов формирования и воспроизводства мужественности и женственности, гендерной культуры, «создания гендера» в повседневности, в сферах экономики, политики, массмедиа, семьи, интимности, сексуальности, а также способы формирования знания о них. Одновременно этот подход оставляет пространство для концептуализации социальных изменений гендерных отношений, являющихся результатом проблематизации конкретного опыта. Российские исследователи рассматривают, например, как конструируется мужественность и женственность, гендерная идентичность, репродуктивное здоровье, беременность и роды, сексуальность, организация частной и семейной жизни, забота, гомосексуальность, политическое и трудовое участие в определенных микроконтекстах и пр. (см., напр.: Барчунова 1998; Барчунова, Парфенова 2010; Здравомыслова, Тёмкина 2009b, 2011a; Здравомыслова, Роткирх, Тёмкина 2009; Тартаковская 2000, 2001, 2002, 2010b; Ушакин 2002a).

Гендерные исследования в России развиваются в контексте глобализации в поле транснациональных академических практик. Конфигурация поля этих практик является подвижной констелляцией отношений, в том числе институциональных. Это сложное междисциплинарное транснациональное пространство женских феминистских и гендерных исследований, включающее СНГ и страны бывшего СССР, Скандинавию, восточноевропейские исследования и исследователей в Западной Европе и США. Политический контекст влияет на конфигурацию феминистского академического пространства, критическая позиция сближают гендерных исследователей разных стран и разных поколений.

Мы полагаем, что феминистское направление социологии и гендерные исследования в России относятся к сегментам критической и публичной социологии. Тем не менее, следует учитывать тенденцию к политизации гендерной проблематики. Гендерные исследования в России развиваются в контексте политической конъюнктуры и следуют колебанию спроса международного и национального академического рынка. В 1990-е гг. на фоне общего подъема гендерных исследований в России, названных И. Жеребкиной «Гендерными 90-ми» (Жеребкина 2003), возник выраженный общественный запрос на это знание. Следующая фаза публичного интереса к гендерным исследованиям — начало 2010-х гг., когда на волне принимаемых консервативных законов и мобилизации консервативных движений (консервативный поворот) в определенных сегментах общества опять возрос спрос на гендерную экспертизу. В этот период гендерные исследования освещаются в СМИ, широко обсуждаются в социальных сетях, их результаты используются в общественных дебатах.

ИТАК, основные характеристики рецепции гендерных исследований в России:

- В 1990-е гг. академическое поле в России испытывало на себе влияние различных интеллектуальных инноваций, среди которых — феминистские и гендерные исследования. Феминистское направление ввело в российскую дискуссию термин «гендер»,

который стал зонтичным для различных гендерных исследований, в том числе лишенных феминистского критического потенциала («фальшивых»).

- Феминистская теория в 1990-е гг. заняла определенную нишу, однако ее влияние на социальную мысль в целом достаточно ограничено. Гендерные исследования способствовали распространению социально-конструктивистского подхода — инновационного для российского социологического дискурса.

Выводы

1. В женских/феминистских/гендерных исследованиях выделяются следующие направления: полоролевой подход (на базе структурного функционализма), который формировался под влиянием либерального феминизма; женские исследования (на базе марксизма, психоанализа), которые формировались под влиянием феминизма различий и радикального феминизма; гендерные исследования (на базе социального конструктивизма), связанные с феминизмом третьей волны и постколониализмом; транснациональные и интерсекциональные подходы, которые формируются в условиях глобализации, усиления постструктурализма и постфеминизма.
2. Современные подходы в феминистской социологии признают транснациональность, интерсекциональность, множественность и сконструированность категорий, а также множественность уровней анализа. Происходит переход от рассмотрения гендерного опыта как универсального к его партикуляризации, контекстуализации во взаимосвязи с другим опытом и другими видами неравенства (расового, классового, пр.). Эта взаимосвязь отражает термин «интерсекциональность».
3. Существует несколько способов институционализации гендерных исследований и феминистской перспективы в социологии: автономизация, интеграция и реконцептуализация.

4. Под влиянием феминизма произошла интеграция гендерной тематики и гендерного подхода в социологическое знание. Феминизм повлиял на социологию, привнося в нее новые области исследования и чувствительность к гендерным границам, женскому опыту и опыту других гендерно маркированных групп. Особенно заметно это влияние в социологии семьи, сексуальности, заботы, эмоциональной сферы, здоровья, возраста и жизненного курса.
5. Рецепция феминизма в России происходит в транснациональном контексте, в ходе инноваций академического поля. Заимствованные теории и концепты переживают изменения, адаптируясь к локальным условиям. Феминизм оказывает влияние на социологию, повышая ее гендерную чувствительность, однако это влияние ограничено.

Вопросы для повторения и обсуждения

1. Чем различаются подходы, которые характеризуют историческое развитие женских/феминистских/гендерных исследований?
2. Какие изменения произошли в современной социологии под влиянием феминизма / гендерных исследований?
3. В чем особенности становления и восприятия феминизма и гендерных исследований в современной России?
4. Приведите примеры постановки исследовательских вопросов, для ответа на которые можно применить интерсекциональный подход.

Основная литература

- Брайсон В.* Политическая теория феминизма. М.: Идея-пресс, 2001.
- Здравомыслова Е., Тёмкина А.* Автономизация гендерных исследований в транснациональном пространстве: феминистские практики // Гендерные исследования. 2007. № 15. С. 75–92.
- Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.)* Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.

- Ярская-Смирнова Е.* Возникновение и развитие гендерных исследований в США и Западной Европе // Жеребкина И. (ред.). Введение в гендерные исследования. Ч. 1: Учебное пособие. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 17–48.
- Abbot P., Wallace C.* An Introduction to Sociology Feminist Perspective 3rd edition. Routledge, 2005.
- Rosenberg K. E., Howard J. A.* Finding Feminist Sociology: A Review Essay // Signs. 2008. Vol. 33. N 3. P. 675–696.
- Stacey J., Thorne B.* The missing feminist revolution in sociology // Social Problems. 1985. Vol. 32. P. 301–316.
- Walby S.* Intersectionality: Multiple Inequalities in Social Theory. // Sociology. 2012. Vol. 46. N 2. P. 224–240.
- Young I.* Five Faces of Oppression // Young Justice and the Politics of Difference. Princeton: Princeton Univ. Press, 1990.
- Yuval-Davis N.* Intersectionality and Feminist Politics // European Journal of Women's Studies. 2006. Vol. 13(3). P. 193–210.

Лекция 2. Феминистская эпистемология¹

*Введение — Феминистская критика позитивистской эпистемологии —
Альтернативные эпистемологии феминизма — Интерсекциональность
как эпистемический принцип — Выводы*

Введение

Всякий социологический текст имплицитно или эксплицитно опирается на эпистемологические принципы, которые автор считает релевантными для изучения социальной реальности и решения поставленного им исследовательского вопроса. Феминистская эпистемология стала теоретическим основанием гендерных и женских исследований как относительно автономных академических полей. Создание такой альтернативы предполагает критику эпистемологических принципов позитивистской социологии, магистральную линию которой феминистки обозначают как *mainstream* или *malestream sociology* (Abbot, Wallace 1997). Такая игра слов указывает на то, что господствующая тенденция в со-

циологии рассматривается как результат патриархатного научного производства, которое отражает интересы мужчин, занимающих господствующее положение в публичной жизни, и создает превращенные представления об опыте женщин и других угнетенных групп. Андроцентричная социальная наука и социологическое письмо формируют механизмы исключения определенных тем из сферы научного знания. Некоторые сегменты социальной реальности и социальные феномены вытесняются (умалчиваются) или тенденциозно нормализуются. Одним из механизмов маргинализации социальной тематики, связанной с женским опытом, является критика так называемого мелкотемья. На практике это означает, что темы, связанные с изучением повседневного опыта, телесного опыта, интимной жизни и неравенства по признаку пола считаются периферийными и не поддерживаются научными учреждениями.

Эпистемологическая критика, которую мы рассматриваем в данном разделе, направлена на выполнение трех задач: 1) выявить глубинные основания игнорирования и искаженного представления женского опыта в социологическом знании дофеминистского периода; 2) разработать методологию интеграции изучения женского опыта в социальное знание; 3) способствовать формированию преобразующего освободительного потенциала социального познания.

Феминистская критика опирается на когнитивную социологию науки Томаса Куна (1977), который в своей классической работе, посвященной изучению научных революций, утверждает, что эпистемологические основания пронизывают все процессы научной деятельности и лежат в основе научной парадигмы. Напомним, что **научная парадигма** определяется как «признанное всеми научное достижение, которое в течение определенного времени дает научному обществу модель постановки проблем и их решений» (Кун 1977: 11). Феминистская критика деконструирует понятие субъекта познания, выдвигает тезис о ситуативном характере процесса производства знания, определяемого контекстом исследовательской ситуации. Пересматриваются представления об объективности знания, соотношении политических и моральных ценностей исследователя и научной работы. Феминистская эпи-

¹ Частично опубликовано в статье «Феминистская критика эпистемологических оснований социологии: перспективы социологии гендерных отношений» (Здравомыслова, Тёмкина 2001b).

Эпистемология обращает внимание на то, как политические и социальные позиции влияют на процесс производства знания. В целом феминизм солидаризируется с другими направлениями критики позитивистской социологии, доминировавшей в социальных науках со второй половины 1950-х гг. по 1970-е гг. Относительно автономное развитие двух ключевых парадигм в социологии — структурной и феноменологической — привело к формулировке основной дилеммы социологического знания: разрыву между изучением структуры и действия, между позитивистским и феноменологическим видением социальной реальности и социального познания.

Феминистские исследователи предлагают несколько эпистемологических альтернатив позитивизму. Среди них — феминистский эмпиризм, позиционный и постмодернистский подходы. Позднее в контексте критики развивается интерсекциональный подход как версия социально-конструктивистского прочтения исследовательской ситуации.

Основные понятия: • эпистемология • академический феминизм • ситуативное знание • эмпирическая эпистемология • «добавление женщин» • позиционная эпистемология • эпистемология постмодернизма • интерсекциональный анализ.

1. Феминистская критика позитивистской эпистемологии

Определим понятия, которыми мы будем пользоваться в дальнейшем: эпистемология, методология, методы исследования.

Эпистемология — это теория познавательной деятельности, включающая аргументированные представления о способах достижения знания, получающего статус объективного или истинного.

Эпистемология может быть представлена как стратегия оправдания убеждений в истинности полученных знаний и придания им статуса нормальных научных положений, не подвергающихся сомнению в данном сообществе. Основные вопросы эпистемологии включают соотношение познающего и познаваемого, критерии истинного знания и определение возможностей его достижения. Эпистемология определяет методологию исследования, влияет на выбор методов, которые используются при сборе и анализе данных.

Методология представляет собой стратегию исследовательского процесса, основанную на принципах эпистемологии. Это цепочка шагов, которая приводит к ответу на исследовательский вопрос, предполагающая сбор эмпирических данных и их анализ. Методология является способом применения общей теоретической модели к эмпирическому исследованию, **метод** — это конкретный способ его осуществления (см. лекцию 3).

1.1. Критика правил социологического метода Эмиля Дюркгейма

Позитивистская эпистемология науки начала складываться еще в конце XIX в., наследуя принципы философского эмпиризма Фрэнсиса Бэкона и рационалистической гносеологии Декарта. Именно эти основания вдохновляли Эмиля Дюркгейма, когда он в начале прошлого столетия боролся за становление автономного социологического знания, которое, по его замыслу, могло стать беспристрастным, свободным как от моральных суждений, так и от политических предпочтений. Принципы позитивистской эпистемологии были сформулированы Эмилем Дюркгеймом в работе «Метод социологии» (Дюркгейм 1991а [1895]). Они предполагали возможность достижения объективного знания о социальной реальности и создание социологии как науки о социальных фактах, уподобляемых вещам, имеющим надиндивидуальное существование.

«Метод социологии» стал основным объектом критики в феминистской теории в 1970-е гг. Феминистская эпистемология крити-

кует эту познавательную парадигму как нечувствительную ко многим сферам социальной реальности, пронизанным отношениями угнетения и исключения. Прежде всего феминистский взгляд фокусируется на угнетении женщин. Затем внимание смещается к изучению положения разнообразных гендерных групп, которое определяется классовой, расовой, этнической, половой принадлежностью, сексуальной ориентацией и гражданским статусом. В радикальном варианте этой критики позитивистская эпистемология обозначается как андроцентричная, а иногда и мизогинистская или женоненавистническая.

Далее наше изложение построено следующим образом. Сначала мы представим в виде тезисов эпистемологическую позицию Э. Дюркгейма, затем рассмотрим феминистскую критику, после чего подробнее остановимся на причинах сомнения в позитивистской эпистемологии и — главное — представим обзор предлагаемых феминистской эпистемологией альтернатив достижения социального знания, ориентированного на преобразование несправедливого гендерного устройства общества.

(1) Согласно Дюркгейму, для проведения объективного социального исследования «нужно систематически устранять все предпонятия» (Дюркгейм 1991а: 435), т. е. исследователь должен суметь вынести за скобки свои чувства, предрассудки, оценочные суждения и эмоции. Эта позиция в дальнейшем развивается в рамках позитивистской социологической традиции. Так, например, американский социолог Огбурн утверждает, что эмоции и желания более ответственны за искажение мышления, чем логические погрешности (цит. по: Laslett et al. 1996: 12). Надежность, устойчивость, верифицируемость социальных знаний возможны лишь при условии отчуждения от заинтересованности.

Продвигая идею автономии социологии как новой для того времени науки, Дюркгейм считает, что социологический метод должен быть независим от всякой метафизики и идеологии. «Социология, понимаемая таким образом, не будет ни индивидуалистической, ни коммунистической, ни социалистической... Она принципиально будет игнорировать эти теории, за которыми не может признать научной ценности, поскольку они прямо стремятся не выразить, а преобразовывать факты» (Дюркгейм 1991а: 524).

Первый тезис феминистской критики. Феминистки убеждены, что идеология встроена в социальную науку и ее эпистемологию. Однако ангажированный характер знания о социальной реальности не распознается и не признается. Утверждение объективной истинности — универсальности и жесткой валидности — полученного знания о социальных феноменах является выражением доминирующего дискурса, с помощью которого поддерживается существующий порядок неравенства и угнетения.

С точки зрения феминистской эпистемологии, познающий субъект обладает конкретными желаниями и интересами; он познает социальную реальность, будучи погруженным в конкретный культурный и социальный опыт, формирующий его познавательную перспективу. Устранить эмоции и заинтересованность из исследования невозможно. Претензия на бесстрастность и внеэмоциональность познающего и отождествление его с «голым разумом» — в лучшем случае самообман. Исследователь социальной реальности не свободен от пристрастий при выборе объекта исследования, при сборе данных и их анализе, он лишь воображает себя свободным от них. Не признавая и не осознавая своей ангажированности — ценностной, политической, эмоциональной — исследователь тем более способствует сохранению и воспроизводству существующего социального порядка и соответствующей ему структуры властных отношений (Laslett 1996 et al.; Oakley 1979b). Мы можем вспомнить, что все постмарксистские исследователи разделяют эту позицию, подчеркивая, что знание дает власть, которая может использоваться для поддержания социальной несправедливости, царящей в мире.

(2) Дюркгейм утверждает, что при изучении социальных фактов как «вещей» социолог должен определить «составные элементы их природы», а не обращаться к существующим идеальным понятиям и коллективными представлениями. «...Способ классификации факта зависит не от него (исследователя. — *Авторы*), не от его особого склада ума, а от природы вещей. Признак, вследствие которого факты относятся к той или иной группе, может быть указан всем, признан всеми, и утверждения одного наблюдателя могут быть проверены другими» (Дюркгейм 1991а: 439). Только таким образом можно достичь истинного знания о социальной реальности.

Второй тезис феминистской критики. В противовес этому феминистская критика утверждает, что социальная реальность не является объективно существующей и внеположенной познающему субъекту. Аналитическая работа производится в контексте политического и идеологического ландшафта общества и того его сегмента, к которому принадлежит исследователь. Даже эмпирическое наблюдение и сбор данных формируются под воздействием мировоззренческих и политических пристрастий исследователя и его среды. Социологическое знание либо воспроизводит господствующий дискурс, способствуя сохранению сложившихся властных отношений, либо критикует его. **Господствующий гендерный дискурс — составная часть патриархатного устройства общества.** Он выражает интересы белого мужчины, принадлежащего к господствующему классу. Позитивистский метод маскирует интересы познающего, выдвигая идею ценностно свободного и аффективно нейтрального субъекта. На самом деле преподносимые в виде объективных истин представления о социальной реальности сконструированы политическим контекстом взаимодействия познающего и познаваемого. В радикальном — постмодернистском — варианте эта критика утверждает, что исследователь не может «прорваться» к объективной реальности: личный и групповой политический опыт накладывают отпечаток на процесс познания и сказываются на его результатах. «Различия между “фактом” и “фикцией” исчезают полностью, “истина” и “объективность” становятся синонимами “лжи” и “субъективности”» (Stanley, Wise 1993: 171).

Феминистская эпистемология, таким образом, утверждает, что социальное знание всегда выражает позиции заинтересованных социальных групп и встроенные в эти позиции интересы. В этом смысле можно говорить о ситуативном характере производства разных типов знания, источником которых являются различные социальные опыты. Ряд исследователей утверждает, что и естественнонаучное знание производится под влиянием ценностей и интересов (напр.: Haraway 1988).

Возникает вопрос о том, какие социальные позиции и чей опыт находят превращенное выражение в построениях, тиражируемых социологическими текстами? Феминистки в 1970–1980-е гг. утверждают, что позитивистские социологические теории отображают опыт

публичной сферы эпохи модерна, в т. ч. опыт управления, отношений собственности, который в современном индустриальном обществе (в первую очередь имеется в виду индустриальный капитализм западного общества) складывался как мир мужского доминирования. Публичная сфера символически до сих пор остается маскулинной даже в том случае, когда в ней активно участвуют женщины. Опыт исследователя — как правило, мужчины — незримо присутствует в полученном социальном знании, и он является гендерно специфичным. Магистральная линия позитивистской социологии является политически ангажированным знанием об обществе и предстает в феминистской критике как проявление и оправдание мужского господства в форме когнитивного андроцентризма.

В большинстве своем социологические тексты представляют собой образцы **патриархатного письма**, как по проблематике, так и по методологии, — утверждает Дороти Смит (Smith 1989; Смит 2000 [1989]). Патриархат работает с помощью механизмов исключения и прореживания. Он оставляет пустоты в исследовательской проблематике, проявляя слепоту к механизмам угнетения по признаку пола (расы, этничности, сексуальной принадлежности), оправдывая мужское господство функциональными аргументами о необходимом естественном разделении труда между полами.

Умалчивание опыта меньшинств и угнетенных — одна из универсальных стратегий исключения, присущая когнитивному патриархату. В своем влиятельном философском эссе основательница постколониальных исследований Гайятри Спивак ставит вопрос: «Могут ли угнетенные говорить?» (Спивак 2001 [1988]). Исследовательница показывает, что для концептуализации своего опыта представители колониальных обществ располагают лишь теми языками описания, которые предоставляет господствующая социальная наука — в их распоряжении аналитические инструменты гегемонного (доминирующего) дискурса. Хотя эта наука отражает имперскую позицию и ее ресурсы явно недостаточны для отображения культурных механизмов угнетения, подчиненные —

Патриархатное письмо — тексты, произведенные в поле социальных и гуманитарных наук, порожденные гегемонией патриархатной идеологии, не признающей своей ангажированности.

субалтерны — вынуждены говорить о себе на академическом языке угнетателя; исследовательница не видит выхода из такого эпистемологического тупика (Спивак 2001 [1988]). Именно поэтому в качестве одного из рецептов достижения аутентичного знания об опыте угнетения феминистские исследователи предлагают прямое его озвучивание — без теорий и комментариев, развитие междисциплинарных подходов, разрушение границ между наукой и искусством.

(3) Дюркгейм утверждает, что первичным источником эмпирического знания об обществе является ощущение. Однако этот инструмент познания не может считаться надежным источником информации. Поэтому в естественных науках принято за правило устранять чувственные данные, рискующие быть слишком субъективными» (Дюркгейм 1991: 445). Такое правило естественных наук необходимо перенести и на производство знания о социальной реальности. В целом общество — это тоже природа, только социальная. Социальные факты тем легче могут быть представлены объективно, чем более полно они освобождены от индивидуальных фактов, в которых проявляются. Постоянство и повторяемость — критерий объективности получаемого знания.

Третий тезис феминистской критики. Феминистские исследователи считают, что новое социальное знание, приобретаемое в эмпирической работе, разнообразно, локально, а иногда и не воспроизводимо другими исследователями. Задача феминистской науки — осознать локальный социальный контекст производства знания.

Положение Дюркгейма о том, что социология должна руководствоваться социологическим методом, суть которого формулируется фразой «социальный факт можно объяснять только другим социальным фактом» (Дюркгейм 1991: 526), феминистки доводят до логического конца. Саму социологию надо рассматривать как социальный факт. Необходимо анализировать, с помощью каких механизмов общество производит знание о социальной реальности в различных социальных ситуациях. В этом феминистская критика сближается с позициями структурного неомарксизма, утверждающего, что господство правящего класса всегда опирается на идеологическую гегемонию, которая реализуется в социальной науке и тиражируемых ею представлениях об общественном устройстве.

1.2. Переосмысление представлений о соотношении субъекта и объекта познания

Развивая критику позитивистской методологии, феминистки переосмысливают эпистемологические представления о субъекте и объекте познания и используют новые термины для описания конкретной познавательной ситуации. Эти лексические инновации закрепляют представление о контекстуальной социальной, политической обусловленности практик социального исследования. Рассмотрим, как феминистская эпистемология переопределяет классические категории субъекта и объекта познания.

В социологических текстах категория «**субъект познания**» обозначает рационального познающего актора, свободного от телесной оболочки, эмоциональных и политических пристрастий. Однако в конкретном эмпирическом процессе производства социального знания действуют реальные люди, которые опираются на свои предпочтения и представления, сформированные социальной позицией и опытом. Не признавать этого обстоятельства — значит проявлять гносеологическую слепоту. В категории рационального субъекта зашифрован опыт мужчины, представителя господствующего класса патриархатного общества (современного, и прежде всего капиталистического). Абстрактный субъект — это эпистемологическая фикция. Этот термин маскирует социальную детерминированность позиции познающего. Позиция субъекта познания должна и может быть деконструирована. Анализ социологического письма показывает, что субъект познания, по умолчанию, — это мужчина, представитель власти, который заинтересован в воспроизводстве своей властной позиции в обществе. Андроцентричный взгляд развивает чувствительность к одним темам и слеп в отношении других. Этот взгляд связан с ценностями рациональности и модерна, которые закрепились в публичном пространстве капиталистического общества и воспроизводятся теми акторами, которые занимают в этом пространстве доминирующее положение. Ценности рациональности, достижения, объективности, перенесенные в проблематику производства знания, составляют основу когнитивного андроцентризма. В работах

постмодернистских теоретиков такой способ производства социального знания называется фаллологоцентризмом.

Вместо категории «субъект познания» феминистки используют категорию «**познающий**» (*knower*). Языковое новшество прижилось в англоязычной академической среде. Оно активно используется сторонниками качественной методологии и в особенности теми исследователями, которые применяют стратегию акционистского исследования. На русский язык этот термин легко перевести, но нелегко придать ему научный вес. Мы иногда пользуемся термином «**познающий актер**». Термин призван обозначить то обстоятельство, что в практиках познания задействуется целостная личность исследователя; не только его *когито*, способность рационального суждения, но и телесный опыт, политическая установка, культурный контекст, сформировавший его видение социальной реальности и конкретной проблемы. Задача познающего актора — соблюдать баланс между заинтересованностью и рациональным познанием, делая прозрачной свою позицию на разных этапах исследовательского процесса. Результат познавательного процесса зависит от того, какое место занимает исследователь в научном и вненаучном контексте.

Феминистская эпистемология переосмысливает также категорию объекта познания — «**познаваемого**» — и ставит под сомнение объективность эмпирически обнаруженных социальных фактов. Объективные социальные факты, которые, согласно Дюркгейму, должна изучать социология, на самом деле являются социальными конструкциями, т. е. порождаются ангажированным исследовательским процессом. Позитивистский метод не дает возможности выявить тот социальный опыт, который не улавливает статистика и который труднодоступен. Феминистки утверждают, что позитивистская социологическая теория не дает достаточно информации о женском опыте и концентрирует внимание на мужском опыте, представленном как универсально социальный. Недостаточная или умалчиваемая информация оказывается не просто «нехваткой» знания. Она приобретает форму ложного знания. Сознательно или бессознательно социологи дезинформируют общество, в частности в отношении того, какую позицию занимают в нем женщины. Так, например, опыт деторождения в социологии долгое время (вплоть до академического вмешатель-

ства феминисток) находил выражение лишь в демографической проблематике динамики рождаемости. Опыт домашнего и сексуального насилия остается маргинальным для социологических исследований до сих пор (Oakley 1979a, 1981).

Феминистская деконструкция приводит к осознанию, что субъект-объектные отношения в практиках исследования представляют собой отношения власти. В классической социологии отношения власти описываются в категориях господства и подчинения (Вебер) или эксплуатации и угнетения (Маркс). Феминистская эпистемология утверждает, что абстрактный субъект познания, постулированный андроцентричной наукой, — это **КОГНИТИВНЫЙ КОНКИСТАДОР**, действующий в специфическом режиме открытия как насилия над другим (*discovery*) (Haraway 1988). Подобно испанским завоевателям XV–XVI вв., порабощавшим коренное население новых колоний в эпоху великих географических открытий, позитивисты-социологи вытесняют на обочину и маргинализируют незначимые для них опыты, нормализуя социальную реальность и выстраивая ее по своей мерке. Однако, как утверждают феминистки, позиция познающего актора всегда определяется контекстом, и угнетенные, опыт которых подлежит изучению, ставят другие вопросы, прибегают к другим методам и получают другие ответы.

ИТАК, сформулируем в качестве выводов основные позиции феминистской критики позитивистской эпистемологии:

- Идеологическая приверженность познающего актора проявляется в процессе познания.
- Познавательная ситуация определяется социальными интересами и эмоциональной вовлеченностью.
- Позитивистские представления о возможностях и способах достижения объективной истины подлежат деконструкции, поскольку они сформированы определенным социально-политическим контекстом, роль которого не признается.

2. Альтернативные эпистемологии феминизма

2.1. Ситуативный характер производства знания

Критика позитивистской эпистемологии является одним из философских проектов академического феминизма, который неразрывно связан с политической повесткой дня феминистского движения второй и третьей волны (см. главу 12). Академический феминизм ставит перед собой задачу осмысления гендерных различий, фокусирует внимание на особенностях женского опыта. Женский опыт рассматривается современными феминистскими исследователями как неоднородный и множественный, а не целостный и гомогенный. Именно поэтому уровни гендерного анализа могут быть различными. По словам Розы Брайдотти, женский субъект является номадическим (Брайдотти 2000 [1994]). В зависимости от целей исследования и феминистской политики можно изучать либо гомогенный женский опыт, либо дифференцированный по основаниям класса, расы, этничности, сексуальной ориентации, либо индивидуальный. Всякий исследовательский процесс погружен в социальный и политический контекст. Принцип ситуативного характера производства знания гласит: **один и тот же объект люди познают различным образом в зависимости от того, в каких отношениях к нему они находятся.**

Познавательная ситуация определяется множеством параметров.

- **Физическое положение и состояние** познающего актора определяет горизонт видения объекта и телесное знание о нем.
- **Степень включенности** определяет, получает исследователь знание об опыте из первых рук или через посредников.
- **Эмоции, установки, интересы и ценности познающего** влияют на интерпретации объекта познания. Для вора замок — препятствие, для хозяина дома — защита.

- **Умения и навыки** познающего актора могут быть использованы при получении нового знания о конкретном объекте. Хозяин собаки может управлять ее поведением, а посторонний человек — нет.
- В процессе познания люди демонстрируют различные **когнитивные стили**. Одни люди видят детали и дробят реальность, другие склонны к синтезу и генерализации.
- **Фоновое мировоззрение, ценности и политические взгляды** создают различные ожидания в отношении конкретного объекта исследования.
- Ситуация познания также характеризуется **отношениями исследователя с другими акторами** — информантами, студентами, активистами, журналистами, представителями контролирующих органов, грантодателями.

Каким образом все эти параметры влияют на производство знания в академическом поле?

Во-первых, они определяют доступ познающего актора к информации и определяют условия репрезентации полученной информации.

Во-вторых, они определяют форму выработанного знания (имплицитное/артикулированное, формальное/неформальное, прямое/опосредованное).

В-третьих, они воздействуют на степень уверенности высказывания (сомнение — уверенность, догматическое — открытое для пересмотра).

В-четвертых, ситуация определяет стандарты аргументации и относительный вес таких познавательных ценностей, как предсказательная способность знания, источники и типы свидетельств и т. п.

Феминизм развивает позиции **социальной эпистемологии**, утверждая, что именно социальная позиция познающего актора влияет на то, что он познает и как он получает знание. Социальная позиция исследователя определяется его социальной идентичностью (классовой, гендерной,

Социальная эпистемология утверждает, что социальная позиция познающего актора влияет на выбор предмета исследования, процесс производства знания и его результаты.

расовой и этнической принадлежностью и социальными ролями (вид занятости, политическая принадлежность и т. п.).

Различия в социальной позиции сказываются на практиках научного исследования. Обладая различной властью, исследователи выполняют различные роли, руководствуются разными целями, от них ожидаются различные навыки, знания и умения. Субъективные идентичности исследователей тоже различаются. Одни люди интериоризируют приписанные им идентичности, другие — сопротивляются и считают их оскорбительными и несправедливыми, если они подвергаются, например, стигматизации.

Гендер исследователя, проявляющийся в гендерных нормах телесного поведения, в гендерных ожиданиях, в гендерной идеологии исследователя, оказывает влияние на исследовательскую ситуацию. При этом приписанная гендерная идентичность исследователя может не соответствовать его субъективной идентичности. Одни исследователи полностью разделяют гендерные конвенции, другие — сопротивляются им. Принудительный

Гендерные идентичности и роли являются важнейшими характеристиками исследовательской ситуации.

гендерный символизм наделяет характеристиками мужественности и женственности даже нематериальные объекты, а тем более практики проведения исследования.

Соединяя общее представление об исследовательской ситуации и ее гендерной составляющей, можно представить целый спектр параметров влияния гендера на производство знания как в его повседневном, так и в академическом форматах. Каждая из характеристик гендерной ситуации исследования ставит вопросы, значимые для феминистской эпистемологии.

Как гендерная ситуация исследователя влияет на процесс познания социальной реальности?

Классическая эпистемология отвечает на этот вопрос однозначно. Препозиционное знание присуще всем разумным индивидам, обладающим когнитивным и сенсорным аппаратом. Гендер тут не при чем. Примеры препозиционного знания: « $2+2=4$ »; «трава зеленого цвета»; «вода утоляет жажду». Эти суждения не содержат никакого гендерного уклона или нормативности. Феминистская

эпистемология не настолько наивна, чтобы подвергать сомнению препозиционное знание или объявлять, что оно является гендерно специфичным или зависит от других параметров социальной ситуации исследователя.

Но подобные примеры далеки от интересов феминистской теории и практики. Феминистская эпистемология исследует механизмы производства знания об обществе и прежде всего о гендерных различиях. Что значит быть женщиной? Какое знание стоит за таким утверждением? Что значит быть сексуальным объектом? Почему сексуальные партнеры — мужчины и женщины — зачастую различным образом понимают сложившиеся между ними отношения? Как можно организовать научную работу таким образом, чтобы ее результаты помогли женщинам, т. е. служили их интересам? Подобные вопросы лежат в основе феминистской эпистемологии, которая обсуждает феноменологическое знание, личное знание, моральное знание, техническое знание, эмоционально информированное знание, установки и интересы. Эти виды знания часто бывают гендерными и сказываются на препозиционных формах, в которые они облекаются.

Признание ситуативного характера исследовательской работы ставит перед феминистской эпистемологией новые вопросы. Как соотносится исследовательский процесс с гендерной или иной социальной перспективой познающего актора? Существуют ли эпистемологически привилегированные социальные позиции, которые помогают создавать более достоверное знание о социальных процессах? Как социальное знание связано с повесткой дня феминистского движения?

Сара Хардинг в своем обзоре (Harding 1986) выделила три относительно автономных и контрастных направления феминистской эпистемологии — эмпиризм, позиционную теорию и постмодернизм. Эмпиризм находится в поисках стандартов объективного научного знания, выделяя те условия, которые препятствуют достижению истинного знания, и те, которые содействуют этой цели. Позиционный подход считает, что существуют эпистемологически привилегированные социальные позиции, которые позволяют получить аутентичное знание о несправедливости и угнетении, способствующее политическому преобразованию общества. Постмодернизм

отрицает эпистемологические привилегии социальных позиций, подчеркивая нестабильность и фрагментарность социальной идентичности познающих акторов.

Эти три позиции сменяли друг друга во времени и продолжают сосуществовать в современном дискурсе. На практике феминистки часто соединяют элементы разных эпистемологических подходов. Не существует единой «истинной» эпистемологии — познающий актор исходит из конкретных задач исследования и политической повестки дня.

2.2. Феминистский эмпиризм

2.2.1. Общие положения эпистемологии эмпиризма

Классический позитивистский эмпиризм утверждает, что опыт является первичным источником познания. Содержание опыта может быть описано базовыми теоретически нейтральными терминами, а задача философии науки заключается в том, чтобы представить трансцендентное объяснение данных опытного знания. Для развития социологического эмпиризма особое значение имели учение Бэкона об идолах и главный принцип познавательного рационализма, сформулированный Декартом: *“cogito ergo sum”* (я мыслю — значит, я существую). Идолы — это разнообразные вненаучные предрассудки, порождаемые мифологиями, здравым смыслом, верованиями, моральными установками, которые препятствуют рациональному исследовательскому процессу. Идолы заставляют исследователя воспроизводить догмы и идеологии, вместо того чтобы добывать истинное знание. Идолы мешают развитию эмпирического научного знания. Задача науки — отстраниться от верований и предрассудков и, руководствуясь правилами разума, с помощью рационального наблюдения и эксперимента приблизиться к объективной истине об опыте. Опыт непосредственно доступен познающему эго в виде данных органов чувств.

В середине XX в. представитель аналитической философии Уиллард Куайн произвел настоящую революцию в эмпиризме, сформулировав тезис **«онтологической относительности»**, в соответствии с которым опытное знание обусловлено теми на-

учными теориями, на которые оно опирается (Куайн 1996). Данные опыта определяются теоретической рамкой исследования, фиксируются в сложных категориях, которые достаточно далеки от непосредственно воспринимаемого опыта, но меняются под воздействием анализа новых чувственных данных. Куайн объявил себя приверженцем натуральной (естественной) эпистемологии. Имеется в виду, что, рассуждая о познании мира, нет необходимости обращаться к метафизике, а нужно изучать конкретные ситуации производства знания и конкретные языки описания опыта. **Эпистемология переопределяется как один из проектов научного знания, в рамках которого эмпирически исследуются практики исследовательской работы и языки описания реальности.** Существует множество языков описания объективной реальности, а прямой доступ к ней невозможен. Выбор между концептуальными схемами, по-своему истолковывающими реальность, согласно Куайну, исследователь осуществляет на основе прагматических соображений.

Феминистский эмпиризм во многом наследует логику Куайна. Подчеркивается, что языки теоретического описания могут избирательно представлять различный опыт, исключать или искажать его. Так, например, основной недостаток дофеминистской социологии заключается в игнорировании или искаженном представлении женского опыта.

Куайн проводит жесткую границу между фактами и ценностями при проведении научных исследований. Феминистки, однако, полагают, что соблюдение такой границы невозможно. Они рассматривают возможности легитимной интеграции феминистских ценностей в эмпирическое исследование и стремятся усовершенствовать научные методы, подвергая критике андроцентричные конвенциональные методы.

Феминистские эмпиристы, придерживаясь принципов **социальной эпистемологии**, рассматривают исследование прежде всего как социальный процесс. При этом познающими акторами

Тезис «онтологической относительности»: опытное знание обусловлено теми научными теориями, на которые оно опирается.

являются не только индивиды, но и коллективные эпистемические сообщества, и относительно автономные сети исследователей.

2.2.2. Парадоксы социального конструирования знания в исследовании

Феминистский эмпиризм пытается разрешить два парадокса феминистского исследования.

Парадокс вовлеченности. Феминистская критика утверждает, что классические социологические модели являются результатом андроцентричной ангажированности науки. Сила этой критики основана на ключевом принципе эмпиризма, а именно: всякая заинтересованность, вовлеченность исследователя приводит к искажению знания и порождает ложные теории. Однако этот тезис противоречит стремлению интегрировать феминистские ценности в научное исследование. Феминистский эмпиризм старается примирить эти конфликтующие идеи.

Парадокс социального конструирования знания. Феминистская критика науки объясняет господство андроцентричных и сексистских социальных теорий воздействием сексистских ценностей общества. Чтобы избежать этого деформирующего влияния, необходимо, казалось бы, повернуться к лицом к эпистемологии индивидуализма. Однако феминистский эмпиризм делает выбор в пользу принципа социального конструирования знания. Его последователи не стремятся защитить исследование от политического влияния, а напротив, ратуют за то, чтобы научные практики были открыты различным политическим и социальным влияниям.

Вопрос заключается в том, как сохранить обе установки: признать влияние ценностей на познание и сохранить ценность объективного знания.

Решить парадоксы исследовательской практики можно, пересмыслив принципы, лежащие в ее основании. Исследователи утверждают, что политическая и моральная ангажированность далеко не всегда приводят к ложным теориям. Деформирующий эффект наблюдается лишь в том случае, когда морально-политические установки полностью вытесняют автономные научные аргументы и доказательства. При правильной организации исследовательской

работы вполне возможно сочетание ценностной вовлеченности и получения объективного знания (Antony 1993). Такая позиция обосновывается тремя аргументами: прагматическим, процедурным и моральным.

Прагматический аргумент подчеркивает плюрализм целей исследования. Хотя научное исследование ориентировано прежде всего на поиск истины, выбор предмета исследования зависит от прагматических целей, продиктованных определенными социальными интересами. Парадокс ангажированности и научной объективности разрешается с помощью принципа ответственного исследования, согласно которому сохраняется водораздел между социальными ценностями с одной стороны, и функциями научного доказательства — с другой. Доказательства помогают достичь истины, социальные ценности способствуют созданию репрезентации этих истин, которые служат прагматическим целям исследования (Anderson 1995).

Процедурный аргумент предлагает контролировать ангажированность с помощью адекватной организации исследовательского процесса. Исследователи должны подвергать свои позиции, данные и интерпретации процедуре **триангуляции**. Она способствует формированию коллективного актора познания, которым является не индивид, а **эпистемическое сообщество** (Longino 2001).

Моральный аргумент различает истинные и ложные моральные и политические ценности. Несомненно, истинными считаются феминистские ценности. Общий вывод таков: исследование, основанное на феминистских ценностях, может быть научным, поскольку научное доказательство поддерживает эти ценности.

Таким образом, феминистский эмпиризм следует принципам прагматической философии, утверждая, что факты частично сконструированы ценностями, а ценности — фактами (Antony 1993; Nelson 1993). Ценностный уклон исследования в принципе не является препятствием в достижении истинного знания. Истинность теории зависит от ее соответствия нормам производства научного знания.

Триангуляция — сопоставление различных методов, данных и их интерпретаций.

2.2.3. Стратегии интеграции женщин в поле науки (adding women)

Как возможно устранить дефекты андроцентричной науки? Академическая и политическая стратегия, предложенная эмпирическим феминизмом, — интеграция («добавление») женщин в существующие академические практики.

Существуют различные способы интеграции женщин в академическое поле. Первый способ — расширение исследовательской проблематики, внимание к разнообразному женскому опыту и проблематике гендерного неравенства. Второй способ — административно-политический — увеличение числа женщин-социологов и содействие равным возможностям академического продвижения женщин и мужчин.

В случае первой стратегии задача заключается в том, чтобы восполнить существующие лакуны и изучить те аспекты социальной реальности, которые оказались за границами академической социологии.

Политическую задачу роста представленности женщин в академии можно выполнить с помощью механизмов институциональной политики, следуя принципам позитивной дискриминации. Одной из форм такой политики является поддержка равенства возможностей в академических учреждениях. Такой рецепт в духе программы либерального и социалистического феминизма пред-

полагает создание институциональных условий равенства возможностей в профессиональном продвижении женщин и мужчин. Политика позитивной дискриминации женщин исходит из признания последствий структурного патриархата в академическом мире, который тормозит восходящую мобильность женщин. Сложившиеся гендерные границы сказываются на организации научного знания и рассматриваются как барьеры социального продвижения женщин.

Позитивная дискриминация — иногда называется аффирмативным действием — политика создания привилегий для уязвимых исключенных групп, способствующая их социальному продвижению.

2.2.4. Критика стратегии «добавления» женщин

1. Сандра Хардинг (Harding 1987) и Дороти Смит (Смит 2000) справедливо отмечают, что обе стратегии интеграции женщин в практики социального исследования не изменяют эпистемологической ситуации. «Включенные» женщины, получившие позиции в академии, воспроизводят доксу основных социологических теорий, погружаются в существующий дискурс. Они усваивают доминирующие позитивистские представления о процессе познания, а исследовательский взгляд женщин-ученых становится андроцентричным. И хотя новое знание приобретает, оно воспроизводит когнитивный патриархат.

2. Критики обращают внимание на то, что эмпиризм оставляет без внимания решающую роль феминистского движения в развитии самосознания женщин, которое является важнейшим источником гипотез и свидетельств, ставящих под сомнение сексистские и андроцентричные теории.

Феминистки эмпирического направления оставались в рамках эпистемологического позитивизма, и потому их позиция оказалась квазиальтернативой позитивистской теории познания. Они стараются соблюсти принцип незаинтересованности и беспристрастности в познавательной деятельности. Именно этот тезис стал главным пунктом критики эмпиризма в других направлениях феминистской эпистемологии.

2.3. Феминистская позиционная эпистемология

2.3.1. Основные положения позиционного (standpoint) подхода

Феминистский позиционный подход принадлежит к более широкой традиции **позиционной эпистемологии**, которая прочно ассоциируется с марксизмом. Позиционная эпистемология утверждает, что определенные социальные позиции обладают **эпистемическими привилегиями** познания, т. е. некоторые акторы обладают преимуществами в доступе к некоторому знанию. Полноценная позиционная эпистемология должна выполнить следующие задачи:

- 1) обозначить социальную позицию, которая наделяется эпистемической привилегией, и выделить те ее характеристики, которые порождают знание более высокого уровня;
- 2) определить, на какие вопросы социального познания распространяется привилегия;
- 3) указать, в чем именно заключается привилегия: в большей точности получаемого знания, в его достоверности или в других параметрах;
- 4) выделить другие позиции, с которыми сопоставляется привилегированная;
- 5) выявить способы достижения эпистемической привилегии, если таковые имеются.

Эпистемическая привилегия – преимущества познающего актора в производстве аутентичного знания.

Позиционный подход опирается на данные когнитивной психологии, которая выявляет эпистемические привилегии в отношении конкретных видов практического знания. Так, например, механики лучше разбираются в машинах, а рожавшие

женщины или врачи-гинекологи — в беременности. Практический опыт «из первых рук», встроенный в социальную роль, создает очевидные профессиональные привилегии. Именно поэтому суждение эксперта — профессионала в своей области обладает большим авторитетом, чем мнение обывателя, некомпетентного в данной проблематике.

Позиционная эпистемология распространяет такую логику на познание общества и утверждает следующее:

- Некоторые социальные позиции порождают привилегированное знание об общественном устройстве.
- Эпистемической привилегией обладают угнетенные группы, а не те, которые занимают властные позиции.

Классическая позиционная теория выделяет три аспекта эпистемической привилегии угнетенных по сравнению с властью имущими.

Во-первых, опыт угнетения предполагает непосредственное и подробное знание о механизмах производства неравенства, а позиция власти имущих опирается лишь на вторичные источники об этих практиках.

Во-вторых, опыт угнетения представляет более адекватное знание о модальности социальных правил и возможности их изменения. Там, где господствующий взгляд видит естественный и нормальный характер неравенства, угнетенные видят их несправедливость и оценивают возможности преобразований существующего устройства.

В-третьих (и это самый проблематичный, на наш взгляд, тезис), позиция угнетенных представляет социальную реальность с точки зрения общечеловеческих ценностей. Позиция власти, напротив, охраняет преимущества власть имущих и порождает эффекты ложного сознания.

2.3.2. Марксистская позиционная эпистемология

Феминистские исследователи опираются на классический образец позиционной эпистемологии, сформулированный марксистским учением об идеологии и классовом сознании пролетариата (Маркс, Энгельс 1970 [1846]; Лукач 2003 [1923]). Интеллектуальная история данной эпистемологии восходит к гегелевскому представлению об отношениях господина и раба и различии в их понимании этих отношений, сформулированной в «Феноменологии духа» (Гегель 1992 [1807]). Что может знать господин о положении раба? Как сам раб воспринимает свои отношения с господином? Как соотносятся познавательные перспективы господствующих и угнетенных? Очевидно, субъекты, занимающие противоположные позиции на шкале власти, производят различное знание об отношениях неравенства, в которые они включены.

Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» пишут: «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую *материальную силу* общества, есть в то же время и его господствующая *духовная сила*. Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу» (Маркс,

Энгельс 1970 [1846]: 30; курсив наш. — *Авторы*). Идеологии выражают интересы правящего класса и не являются объективным подлинным знанием. Марксистская теория утверждает, что эпистемическими привилегиями в интерпретации капитализма обладает именно угнетенный пролетариат, стремящийся к освобождению от эксплуатации и осознавший свою освободительную историческую миссию. Сама марксистская социальная теория — исторический материализм — рассматривается как порождение зрелого пролетарского самосознания. Однако аутентичная освободительная теория не возникает автоматически. Доступ к истинному социальному знанию получает лишь пролетариат, чье самосознание достигло необходимого уровня развития. Рост сознания пролетариата обеспечивается его авангардом — политическими интеллектуалами, стремящимися разрушить основания угнетения. Именно их теоретическая исследовательская работа способствует освобождению рабочего класса от индоктринации и ложного сознания.

Г. Лукач (Лукач 2003) выделяет те аспекты социального положения рабочих, которые порождают их эпистемические преимущества в познании капиталистического общества.

Во-первых, эксплуатация и угнетение порождает заинтересованность рабочих в познании того способа производства, который воспроизводит их подчиненное положение.

Во-вторых, рабочие занимают центральную позицию в капиталистическом способе производства по сравнению с другими трудящимися классами (крестьянами, мелкими торговцами, интеллектуалами), которые оказываются на периферии. Именно поэтому, осознав свое собственное положение, они понимают, как устроено общество в целом.

В-третьих, опыт производительного труда заставляет рабочих видеть мир через призму потребительской стоимости, которую они производят, а капиталиста — через призму меновой стоимости.

Итак, место в системе производительного труда делает рабочих фактически социальными провидцами. Если они осознают свою освободительную миссию, она осуществится. Поскольку пролетариат является классом-освободителем, представляющим общечеловеческие интересы, его представление о капитализме является истинным, аутентичным (Лукач 2003).

2.3.3. Феминистский позиционный подход

Феминистский позиционный подход (*feminist standpoint epistemology*) опирается на позиции марксизма. Он утверждает, что социальное положение женщин в современном обществе создает эпистемические привилегии для понимания ими гендерных различий и гендерного неравенства. **Знание о гендере, производимое женщинами о женщинах и для женщин, более аутентично, нежели представления, сформулированные идеологизированной, якобы объективной наукой.**

Ключевые аргументы данной эпистемологической альтернативы сформулированы в работах Сандры Хардинг, Нэнси Хартсок, Дороти Смит, Энн Оукли, Карин Кнорр-Цетины и др. в 1980-е — 1990-е гг. Исследователи ставят под сомнение конвенциональные критерии объективности и формулируют тезис об эпистемических преимуществах женского опыта, ориентированного на сопротивление патриархату. Позиция познающего актора в социальном пространстве, его эмоциональный и телесный опыт создают рамку, которая формирует горизонт познания. Некоторые позиции — ставят шоры, другие — открывают горизонты. Преимущества женщин в понимании гендерного устройства объясняются особенностями их социального положения.

Во-первых, женщины занимают **центральные позиции** в системе социального воспроизводства — социализации детей, заботе об их воспитании и вообще в домашнем мире, аналогично тому, как рабочие занимают центральные позиции в системе промышленного производства (Hartsock 1987; Rose 1983). Мужчины, занимающие доминирующую позицию, обладают негативной привилегией обходить вниманием определенные социальные процессы и феномены.

Во-вторых, **рост коллективного самосознания** женщин в контексте феминистского движения открывает им глаза на гендерное устройство и способствует борьбе с сексистской эксплуатацией и угнетением. Раскроем этот тезис. Как полагает Кэтрин Маккиннон (MacKinnon 1989), мужское господство основано на сексуальной объективации женщин, т. е. представлении о женщине как об объекте мужского желания. Женщина в патриархате — прежде всего

объект мужского желания, а только потом — мать, профессионал, работница, политик. Гендерные различия предстают как механизм и результат сексуальной объективации. Эротизация господства создает гендерные различия, представляющие как естественные, неизменные, необходимые для поддержания общественного порядка. Женщины позиционируются как слабый и подчиненный пол, нуждающийся в контроле и защите. Именно так к ним относятся мужчины. Зачастую женщины усваивают такое представление о себе и действуют вполне конформистски. Однако женщины могут преодолеть сексуальную объективацию, если их коллективное сознание изменится принципиальным образом. Они должны осознать, что они являются объектами сексуальной объективации и сообща бороться против сексистских репрезентаций женственности. Именно на это направлена феминистская борьба с сексуальными домогательствами, порнографией, ограничениями репродуктивной свободы. Практики сопротивления сексуальной объективации показывают, что женщины совсем не обязательно должны быть сексуальными объектами. **Их привилегия в познании — это привилегия активных акторов политических преобразований, которые стремятся к росту самосознания.**

В-третьих, в ранних версиях позиционного подхода (Flax 1983; Hartsock 1987; Rose 1987) встречаются утверждения о **существенных различиях мужского и женского когнитивного стиля**. Этот тезис опирается на положения психоаналитической теории объектных отношений, которая объясняет гендерные границы различиями в механизмах разрешения эдипова комплекса у мальчиков и девочек (Ходоров [Чодороу] 2000; Чодороу 2006). Маскулинная идентичность формируется благодаря отделению от матери, и эта психологическая задача решается через отрицание так называемых женских черт, поддержание дистанции в отношении практик, маркированных как женские. Гендерная идентичность девочек подразумевает идентификацию с матерью и потому дистанцирование между *я* и *другими* не является столь сильным. Гендерные различия сказываются в различии когнитивных стилей, к которым тяготеют мужчины и женщины (см. также лекцию 4).

Маскулинный когнитивный стиль считается абстрактным, теоретическим, эмоционально отстраненным, бестелесным, анали-

тическим, количественным, дедуктивным, атомистическим, ориентированным на господство и контроль объектов. Фемининный когнитивный стиль описывается как конкретный, ориентированный на практики повседневности, эмоционально вовлеченный, синтетический, интуитивный, ориентированный на отношения и ценности заботы.

Мужское исследование организовано как промышленное производство (*industry*), а женское можно сравнить с ремеслом (*craft*); в исследовательской работе женщин объединяются «рука, интеллект и сердце» (Rose 1983). Различия в когнитивных стилях усиливаются гендерной типизацией занятости, т. е. различиями в тех конкретных видах деятельности, которые выполняют мужчины и женщины: мужчины преобладают в теоретических науках, военном деле, в позициях политической и экономической власти, которые требуют отстраненности и контроля. Женщинам предписываются виды деятельности, связанные с эмоциональной заботой о других, в науке — с прикладными исследованиями.

Отметим, что еще Георг Зиммель в очерке «Женская культура» (Зиммель 1996 [1902]) обсуждал особенности женского видения реальности. Гендерная поляризация в познании, присущая патриархатному устройству общества, обнаруживается в понимании особенности знания, производимого в рамках женских исследований.

Сторонники позиционного подхода считают, что женский когнитивный стиль обладает явными преимуществами, поскольку он преодолевает дихотомию субъекта и объекта познания и выдвигает принципы этики заботы. Познавательная деятельность, мотивированная заботой об освобождении угнетенных и о потребностях конкретных людей, производит более ценные результаты, чем познание, ориентированное на интересы господствующего класса (Hartsock 1987). Институционализация женского когнитивного стиля вряд ли возможна при современном академическом устройстве, однако внимание к опыту должно стать во главу угла женских исследований (Rose 1983).

В-четвертых, **опыт угнетения формирует заинтересованность женщин в выявлении механизмов несправедливого неравенства**. Они не могут игнорировать свой опыт, маскируя его и создавая видимость, что сексизма и расизма не существует.

Тезис о привилегии женского знания о гендерном неравенстве нашел свое выражение в проекте женских исследований. Кроме того, такой вывод позиционной эпистемологии привел в дальнейшем к развитию **политики идентичности** в проекте черного феминизма. Патриция Хилл Коллинз объясняет эпистемологические преимущества черных феминисток их непосредственным опытом переживания расизма и сексизма, который формирует контекст их исследовательской работы. Эпистемические привилегии угнетенных иногда понимаются как проекция двойственного сознания: с одной стороны, они могут рассматривать социальную реальность с точки зрения усвоенной ими господствующей позиции, с другой — с аутентичной точки зрения угнетенных (Collins 2000a). Так, черные женщины являются «внутренними аутсайдерами» — они знают правила патриархата как инсайдеры, но обладают достаточной дистанцией, чтобы критиковать социальный порядок.

Однако в целом сторонники позиционного подхода считают, что эпистемические преимущества не являются автоматически производными от социальной ситуации угнетенных, но являются результатом критического отношения к власти и месту их группы в системе господства.

Позиционная эпистемология, являясь одной из версий критической теории, ориентирована на декон-

струкцию и слом структуры господства и содержит освободительный потенциал для общества. Такой теоретический взгляд влечет за собой определенные принципы проведения эмпирического исследования. В чем же они заключаются?

Во-первых, в центре внимания исследователей — опыт угнетенных групп.

Во-вторых, исследование должно содействовать росту сознания угнетенных групп.

В-третьих, исследование должно способствовать разрушению механизмов угнетения и исключения и содействовать улучшению положения угнетенных гендерных групп.

Политика идентичности — сознательное конструирование коллективной идентичности в процессе мобилизации и борьбы за социальные изменения — перераспределение ресурсов и признание. Сходно по смыслу с понятием стратегического эссенциализма.

Таким образом, феминистское исследование должно начинаться с озвучивания позиции угнетенных женщин, поскольку такое знание позволит сформулировать социальную проблему и выработать рецепты ее разрешения. Роль феминистского исследования рассматривается как эмансипирующая (Hartsock 1996). В этом сторонники позиционного подхода солидарны с теми исследователями новых общественных движений, которые понимают социологию как инструмент преобразования общества. Они следуют призыву, сформулированному Марксом в известном 11 тезисе о Фейербахе: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» (Маркс 1955 [1845]: 4).

2.3.4. Критика подхода

Позиционная эпистемология в целом и ее феминистская версия подвергается критике за идею привилегированной познавательной ситуации женщин и необоснованность ее обоснования.

Первое. Позиционная теория не может убедительно объяснить, почему позиция угнетенных является эпистемологически привилегированной.

Второе. Существование особого когнитивного стиля, который напрямую связан с опытом угнетения женщин, не доказано.

Третье. Если признать эпистемические преимущества женщин, связанные с опытом повседневной заботы о близких, то придется признать и то, что они исчезнут при изменении гендерного порядка и массовом вовлечении женщин в публичную сферу.

Четвертое. Тезис о центральной позиции в системе производства, который объясняет эпистемические привилегии рабочих, не может быть использован в отношении женщин. Нельзя утверждать, что опыт сексизма делает женщин столь же чувствительными к механизмам расового или классового угнетения.

Пятое. Позиционный подход игнорирует различия между женщинами, занимающими разные позиции в сложном обществе. Женщины не представляют собой единую общность или категорию анализа. Существуют категории женщин, которые занимают властные позиции по отношению к другим социальным группам и потому не могут обладать эпистемическими преимуществами угнетенных.

Эта критика активно развивалась постмодернистами, а также сторонниками интерсекционального подхода. Тем не менее, в широких академических кругах феминистская эпистемологическая критика позитивизма получила отклик и была подхвачена другими оппонентами позитивистской эпистемологии. Она легла в основу размышлений об особенностях и перспективах акционистского эмпирического исследования (см. лекцию 3).

2.4. Постмодернистская феминистская эпистемология

2.4.1. Основные положения постмодернизма

Феминистский постмодернизм как интеллектуальное движение опирается на постструктуралистские и постмодернистские теории, развиваемые такими авторами, как М. Фуко, Ж. Лакан, Ж. Деррида, Ж. Ф. Лиотар и Л. Иригарэй.

Одно из основных положений этого интеллектуального направления — **отказ от тотальных метанарративов**. Это тезис означает, что претензии на истинность и универсальность любых теорий социального устройства являются необоснованными. Старые модернистские категории анализа социального устройства, такие как опыт, класс, этничность, гендер — также не имеют смысла. Преимущества определенной теории или нарратива — это проявления власти, которая продвигает свою интерпретацию социальной реальности.

В центре постмодернистской эпистемологии лежит понятие **дискурса**. Понятие дискурса привлекает внимание к социальным последствиям и аспектам использования языка — речевым актам. Хотя чаще всего категорией «дискурс» обозначаются лингвистические феномены, в настоящее время исследователи включают в это понятие и другие формы репрезентации, прежде всего визуальные и пространственные. Так, например, Мишель Фуко, анализируя современную пеницитарную систему, обращается к анализу научных дисциплин, а именно к медицинскому и правовому дискурсу реабилитационных преступников. Одновременно его анализ предполагает

изучение структурного устройства тюрем как части дискурса, в рамках которого концептуализируется преступность (Фуко 1999 [1975]).

Фуко рассматривает дискурс как механизм функционирования власти и воспроизводства норм. Он показывает, как современная гуманитарная наука, претендуя на объективную истину о человеке, устанавливает нормы и легитимизирует определенные модели поведения. Дискурсы идентифицируют отклонения от нормы, предлагают их интерпретации и управляют субъектами, обозначенными как девиантные. Описывая и классифицируя индивидов, дискурсы реализуют власть над ними. В работе «История сексуальности» Фуко демонстрирует, как психология — особый научный дискурс — производит понимание личности на основе категории сексуальности. Если прежде негетеросексуальные половые акты рассматривались как неестественные, идущие в разрез с природой, то сейчас психологи стали обозначать их как личностные девиации, показателями которых является целый ряд нарушений психики. Именно усилиями психологов были созданы такие понятия, как гомосексуалист, садомазохист, аутосексуал. Таким образом, появились новые категории сексуальной жизни и стал возможным более жесткий контроль субъективного опыта индивидуальной личности (Фуко 1998).

Постмодернисты считают любую референцию к внешнему внелингвистическому опыту в социальных исследованиях проявлением эссенциализма и содействием воспроизводству существующей структуры власти. Отсылки к унифицированному опыту, встроенному в социальные позиции индивидов и групп, также рассматриваются как нелегитимные, поскольку смысловое наполнение действий изменчиво и подвержено влиянию множества обстоятельств, не производных напрямую от социальной позиции.

2.4.2. Феминистский постмодернизм

Идея о **конструировании гендерных различий дискурсивными механизмами** — одна из центральных в постмодернизме (Butler 1990). Такие понятия, как гендер и патриархат, также рассматриваются как эссенциализирующие (Butler 1990; Flax 1990; Spelman 1988). Утверждая, что гендерная идентичность универсальна

и неизменна, эссенциалистские теории превращают дискурсивные конструкты в нормы. Они способствуют исключению женщин, чьи действия не соответствуют нормативной теории или представляют их как низший тип. Таким образом, субъект постоянно воспроизводит структурные предписания гетеронормативной дискурсивной матрицы, которая описывает маскулинность и фемининность как стабильные, естественные и взаимоисключающие категории.

Различия женского опыта делают бессмысленным тезис о едином женском познающем акторе и универсальной платформе феминистской политики (Lugones, Spelman 1983). Постмодернизм активно критикует ранние феминистские теории за игнорирование опыта черных женщин и лесбиянок.

Феминистский постмодернизм продвигает идеи теоретического релятивизма, предполагает сочетание множества эпистемологических перспектив, из которых ни одна не может претендовать на объективность или привилегированное положение. Люди не являются пленниками своей идентичности, класса, расы или других идентичностей. Их взгляды часто не соответствуют их позициям, а позиции — политическим действиям. Идентичности изменчивы. Не существует стабильного соответствия между положением индивида и его исследовательской и политической перспективой.

Если объектом познания является дискурс, то задача эпистемологии заключается в расколдовывании дискурсивных процедур, т. е. механизмов, с помощью которых описываются индивиды и социальные группы и конструируется свойственное им понимание мира. Дискурс, который сам является структурой познания, определяет, какие идеи находят выражения, а какие — отвергаются. Дискурс устанавливает «режим истины», определяя рамки, в которых обсуждается объект анализа, т. е. то, что подлежит осмыслению, и, следовательно, истина — это то, чему дискурс *разрешает* быть истинным.

Такое представление о процессе познания подрывает эпистемологические основания универсального объективного знания. Постмодернистская эпистемология по-новому и навсегда связывает знание и власть. Не только познавательные интенции субъекта производны от его политической, социальной, а значит и когнитивной позиции, но и сам процесс познания заключен в рамки дискурса. Нет истины вне дискурса; знание и власть неотделимы

друг от друга, знание — это власть в той степени, в которой оно принимается как «истина» (и/или руководство к действию). Поскольку отрицается истинность знания, то невозможно утверждать, что феминистское знание лучше других. Все, что могут сделать постмодернистские исследователи — это представить альтернативный взгляд, подвергать сомнению, вопрошать и бросать вызов ортодоксальному видению реальности.

2.4.3. Критика подхода

Основные принципы феминистского постмодернизма — развенчание категории «женщина» и множественная фрагментация исследовательских перспектив — вызывают противоречивые отклики в феминистской академической среде. Сосредоточим внимание на аргументах критиков.

1. Постмодернистская эпистемология рассматривается как деструктивная в отношении политических задач феминизма. Так, Роза Брайдотти отмечает, что эпистемологический релятивизм вымывает задачи борьбы за гендерное равноправие (Брайдотти 2000). Постмодернистский тезис о фрагментации и множественности идентичности препятствует реализации феминистской повестки дня — формированию социальной солидарности женщин, преодолевающей существующие между ними различия.
2. Сейла Бенхабиб и другие указывают, что отказ от масштабной генерализации женского опыта препятствует анализу макроусловий, ответственных за формирование позиции женщин в обществе (Benhabib 1995a).
3. Признание того обстоятельства, что женщины, занимающие различные социальные позиции, могут по-разному воспринимать гендерное неравенство, не отменяет того, что в их опыте есть общие черты — они все страдают от сексизма (это аргумент Кэтрин Маккиннон, см.: MacKinnon 2000).

Несмотря на эту критику, постмодернизм сохраняет свою значимость для феминистской эпистемологии, обогащая ее анализом власти-знания и обоснованием множественности версий ситуативно обусловленного знания.

3. Интерсекциональность как эпистемический принцип

С течением времени различия между феминистскими эпистемологиями постепенно стираются, поскольку каждый из подходов изменялся под влиянием критики и новых интеллектуальных влияний. В настоящее время все три подхода согласны в следующем:

1. Они исходят из принципов теоретического плюрализма и отрицают универсальные модели объяснения гендерных различий и неравенства.
2. Они отрицают традиционный эпистемологический принцип трансцендентной позиции познающего эго.
3. Для них характерно отрицание эссенциализма — представления о том, что положение социальной группы порождает ее устойчивую эпистемическую позицию, один и тот же взгляд, неизменный и точно идентифицируемый, а все ее члены рассуждают сходным образом и разделяют одни и те же ценности и представления о социальной реальности.
4. При этом исследователи обращают внимание на эпистемическую ценность опыта подчиненных групп, стараются выделить эпистемические привилегии, которые присущи феминистскому взгляду и гендерному подходу (Wylie 2003).

Постепенно приверженцы этих эпистемических альтернатив позитивизму пересматривают свое представление о единой феминистской позиции и общности позиции женщин и признают **многообразие эпистемических позиций**, обуславливающих производство знания (Harding 1991, 1998; Collins 2000a). Дискуссии о феминистской эпистемологии привели к развитию **эпистемологии интерсекциональности**, противостоящей и позитивистскому, и позиционному, и постмодернистскому подходам (см. также лекцию 1). Эпистемологически интерсекциональный анализ является результатом критического переосмысления более ранних версий феминистской позиционной эпистемологии, но не расстается с ее основными принципами. Позиционная феминистская эпистемология утверждает, что при анализе процесса производства

знания и осмыслении его результатов необходимо учитывать **социальную позицию познающего субъекта**. Познающий актор не является абстрактным когито, подобным некоему всевидящему оку, которое, по словам Доны Харауэй, «смотрит на все из ниоткуда» (Haraway 1991: 189). Знание — это когнитивная практика, в каждой конкретной ситуации нужно анализировать, кто изучал, что, когда и почему. Социальные и политические контексты принципиальны для понимания многообразных и сложных в своей организации отношений господства и власти. Отрицается также возможность беспристрастного и бесстрастного исследования.

Интерсекциональные позиции формируют рамки восприятия и познания действительности, характерные для людей, которые их занимают. Каждая из таких позиций обладает своими эпистемическими преимуществами и дефектами. В противоположность постмодернизму, ИА возвращается к категориям «женщина», «женский опыт» как источнику знания. Однако, в отличие от сторонников позиционного подхода, сторонники ИА утверждают, что женский опыт как некое неразличимое единство не существует, можно говорить только о **множественных женских опытах**. Эта позиция отрицает гранд-теорию патриархата, но вместе с тем полагает, что группы женщин имеют общий опыт подобно тому, как определенный опыт объединяет расовые группы, группы сексуальных меньшинств и пр.

ИА возник как результат борьбы многих групп за право на символическое признание, на то, чтобы их услышали и признали правомочность их трактовки социальной реальности (Фрейджер 2001; Yuval-Davis 2011: 4). «Черный» феминизм призывает изучать конкретные контексты множественного угнетения отдельных категорий женщин: черных лесбиянок; женщин, живущих в колониальных обществах, представительниц рабочего класса. В 1977 г. американская черная лесбийская инициатива *Combahee River Collective* опубликовала свой политико-академический манифест, в котором утверждалось, что гендер, раса, класс и сексуальность должны стать

Интерсекциональный анализ в эпистемологии обращает внимание на разнообразие ситуаций производства знания и их динамику в контексте различных социальных, экономических и политических отношений.

интегральными категориями любого феминистского анализа, поскольку эти категории обозначают базовые системы угнетения, действующие в американском обществе и неразрывно связанные друг с другом. Эта группа запустила активистский проект политики идентичности, т. е. борьбы против множественного угнетения гомогенной социальной категории граждан — в данном случае женщин, опыт которых обусловлен сочетанием расизма, мужского господства и гетеросексизма. Два года спустя вышла «Антология черного феминизма» со следующим подзаголовком: «Среди нас есть смельчаки. Все женщины — белые, все чернокожие — мужчины. Исследования черных женщин» (*But Some of Us Are Brave: All the Women Are White, All the Blacks Are Men, Black Women's Studies*; Hull, Scott, Smith 1982). Анжела Дэвис, ставшая международным символом черного феминизма, опубликовала в 1981 г. книгу «Женщины, раса и класс» (Davis 1981). Неудивительно, что она была переведена на русский язык в период холодной войны — в ней содержалась жесткая критика расизма, сексизма и эксплуатации в американском обществе.

Все сторонники ИА, при многообразии смысловых толкований, согласны в том, что ИА — это эпистемологический выбор и методология, пришедшая на смену позиционному и узко понимаемому гендерному подходу, который ограничивается изучением границ между универсальными категориями мужского и женского, мужественности и женственности. ИА обращает внимание на неизбежно множественный характер неравенства и на сложные связи между параметрами, определяющими положение индивидов и групп в обществе.

ИТАК, что предлагает феминистская эпистемология в качестве альтернативы позитивизму:

- Эмпирическая феминистская эпистемология формулирует задачу интеграции женщин и женского опыта в академическое пространство («добавляет» женщин).
- Позиционная эпистемология ставит в центр внимания опыт женщин как единой социальной категории, имеющей эпистемические преимущества в осмыслении гендерного неравенства.

- Постмодернистская эпистемологическая перспектива рассматривает социальную реальность и гендер как дискурс, пронизанный отношениями власти и требующий деконструкции.
- Интерсекциональный анализ сосредотачивает внимание на многообразии ситуативного знания, которое опирается не просто на опыт женщин как единой категории, но на множество иерархий гендерных позиций, определяемых классовыми, расовыми, этническими, возрастными различиями.

Выводы

1. Феминистская эпистемология на языке философии производства знания продолжает политический проект феминистского движения. Подвергая критике позитивистское представление о процессе познания, она вводит в область исследования новые темы, устанавливает новые междисциплинарные соотношения, старается сформулировать новую парадигму социального познания (*women-centered*, гендерно чувствительного исследования), переопределяет соотношение познаваемого и познающего.
2. Феминистские исследователи разрабатывают социальную эпистемологию, обращая внимание на то, что процесс познания и его результат зависят от социальной позиции познающего актора; процесс познания является ангажированным и политизированным, даже если познающие акторы не отдают себе в этом отчет.
3. Гендерные идентичности и роли являются значимыми социальными параметрами исследовательской ситуации (см. также лекцию 3).
4. Феминистские исследователи поставили вопрос о том, как гендерные представления исследователя преломляют его взгляд на социальную реальность, обнаружили женский опыт как источник знания, провозгласили гендерно чувствительную рефлексивную практику как составляющую исследовательского процесса.

5. Выделяются несколько версий феминистской эпистемологии: «добавление женщин», позиционный подход, постмодернистская эпистемология и интерсекциональный подход.
6. Представления об эпистемических привилегиях угнетенных групп, борющихся за свое освобождение, которые вдохновляли гендерные исследования в 1970–1980-е гг., сменились более дифференцированным отношением к исследовательским ситуациям.
7. Интерсекциональный подход утверждает, что не только гендер, но и другие социальные характеристики познающего субъекта, прежде всего раса, этничность, класс, взаимодействуя друг с другом, могут оказывать влияние на формирование исследовательской ситуации. Однако не существует взаимно одно-значных отношений между позицией исследователя в социальном пространстве, его интересами и видением социальной реальности.
8. Сохраняется верность академического феминизма принципам социальной эпистемологии. Исследователи должны открыто озвучивать свои идейные взгляды и подробно обсуждать свою позицию в поле, изменяющуюся по ходу исследования. Феминистские исследователи рассматривают социальное знание как инструмент переустройства общества и политический проект. Они опираются на марксистский эпистемологический принцип: перспектива угнетенных должна стать главным объектом социального исследования. Целью феминистской науки является не только познание, но и эмансипация, борьба с неравенством, обусловленным пересечением гендерных, этнических, классовых и других структурных параметров угнетенных групп.
9. Задача феминистских исследований — реконструировать множество историй, которые рассказывают женщины, и обнаруживать разное знание, которое они содержат (Stanley, Wise 1983: 145–148).

Вопросы для повторения и обсуждения

1. Какие социальные параметры исследовательской ситуации и каким образом влияют на практики познавательной деятельности?

2. Опишите стратегию «добавления женщин» в поле научного знания и обозначьте ее ограничения.
3. Как позиционный подход объясняет эпистемические преимущества угнетенных и подчиненных групп?
4. Каковы основные принципы интерсекционального анализа как эпистемологии?
5. Как постмодернисты критикуют позиционную эпистемологию?

Основная литература

- Здравомыслова Е. Тёмкина А.* Феминистская критика эпистемологических оснований социологии: перспективы социологии гендерных отношений // Жеребкина И. (ред.). Введение в гендерные исследования. Ч. 1: Учебное пособие. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 174–196.
- Смит Д.* Социологическая теория: методы патриархатного письма // Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 29–63.
- Haraway D.* Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspectives // *Feminist Studies*. 1988. № 14 (3). P. 575–599.
- Harding S.* Introduction. Is there a Feminist Method? // Harding S. (ed.) *Feminism and Methodology*. Milton Keynes: Open Univ. Press, 1987. P. 1–14.

Лекция 3. Методы и принципы эмпирического гендерного исследования¹

Введение — Феминистские исследования: методы и принципы — Проблематизация принципов и прагматические решения — Гендер, сексуальность и полевая работа — Практические рекомендации для проведения полевого исследования — Выводы

Введение

Методологические дебаты в социологии ведутся постоянно, хотя на определенных этапах возникают конвенции, которые напоминают ситуацию перемирия в позиционной войне, когда ни один из противников не может одержать верх и каждый остается при своем, однако через некоторое время спор вспыхивает вновь, и соотношение сил может отчасти поменяться. Такова, например, история дилеммы качественных и количественных методов в социологии.

Не менее активно обсуждаются методы феминистских/гендерных исследований. Феминистские исследователи постоянно подвергают сомнению не только ключевые положения основного русла социальной теории, но и теоретические основания собственной эмпирической работы. Многие вопросы остаются предметом спо-

ров, и если в какой-то момент консенсус достигается, то довольно быстро он начинает пересматриваться. Это в полной мере относится и к обсуждению феминистских методов.

Начиная с 1970-х гг. исследователи обсуждают вопрос: существуют ли специфические методы, характеризующие феминистское гендерное исследование? И если да, то каковы их признаки? Однозначного ответа на эти вопросы феминистская мысль не дает. Дебаты продолжаются до сих пор.

Гендерные исследования ориентируются на повестку дня женского движения, а именно на преодоление гендерного неравенства и угнетения по признаку пола. Таким образом, исследования носят политико-академический характер. Логично, что основным объектом исследования является опыт угнетенных; основным предметом — множественные механизмы воспроизводства угнетения и исключения по признаку пола и сопряженные с ними формы угнетения по классовому, этническому, расовому, возрастному признакам, по выбору сексуальной ориентации и другим институционально значимым характеристикам. В связи с такой повесткой дня первоначально феминистские исследователи отдавали предпочтение качественной методологии, противопоставляя ее позитивистским количественным исследованиям, нечувствительным к индивидуальному, скрытому от публичного взгляда опыту, и механизмам исключения и угнетения конкретных гендерных групп. Исследователи вводили методические инновации, такие, например, как группы роста сознания, они продвигали активистские исследования, предполагающие вмешательство в изучаемые социальные отношения с целью их преобразования. На раннем этапе развития феминистской методологии авторы исходили из признания общего опыта и универсальности интересов всех женщин, положение которых можно улучшить на основании нового знания, которое приведет к обретению власти (*empowerment*).

Однако уже в 1990-е гг. исследователи подчеркивают, что изучение гендерных различий должно опираться на статистику и данные массовых опросов, которые способны представить общую картину сравнительного социального положения женщин и мужчин, и, что немаловажно, представляют социальные проблемы на языке цифр, понятном чиновникам и управленцам. В настоящее время про-

¹ Фрагменты данной лекции опубликованы в статье «Феминистские рефлексии о полевого исследования» (Здравомыслова, Тёмкина 2014).

должает развиваться качественная методология в гендерных исследованиях. Однако все чаще используется методология смешанных методов, которая предполагает сочетание разных техник: массовых опросов и статистического анализа, с одной стороны, наблюдения и глубинных интервью — с другой. Ситуация усложняется под влиянием постструктурализма, с точки зрения которого и количественные, и качественные социологические методы попадают под подозрение как оперирующие унитарными категориями, навязанными властью и дисциплинирующими индивида.

Феминистские дискуссии ведутся по поводу применения конкретных методов, число и вариации которых постоянно увеличиваются. Однако в целом речь идет не столько об особых приемах сбора и анализа данных, сколько об определенных принципах гендерного (феминистского) исследования, среди которых: фокус на опыте исключенных и угнетенных; стремление вооружить исследуемых новым знанием в целях улучшения их социального положения; этические правила, ориентированные на эгалитарное доверительное сотрудничество исследователя и информанта.

Все эти принципы предполагают рост рефлексивности в отношении конкретной ситуации производства эмпирического социального знания, имеющего политический смысл. Феминистские исследователи расширяют поле рефлексивности, включая в современные дебаты вопросы об активистской методологии, о властных отношениях в поле, о контексте, о позиции исследователя, эпистемических привилегиях угнетаемых групп и пр.

В данной лекции, как и в других разделах, мы не стремимся дать окончательные ответы (которых просто не существует) на вопросы о методах эмпирического гендерного исследования, но стараемся показать, как развивается дискуссия по этому поводу. Для того чтобы подробнее познакомиться с размышлениями исследователей о феминистской методологии, мы советуем обращаться к таким изданиям, как *Gender & Society*, *Signs*, *Qualitative sociology*, *Qualitative research*, *Social Problems*, а также к публикациям электронного рецензируемого журнала, посвященного методологии качественных методов и гендерных исследований: *Forum: Qualitative Social Research* (<http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs>; 09.03.2015).

Основные понятия: • методология • методы • обретение силы • рост сознания • рефлексивность • опыт • эгалитарность • сензитивность • смешанные методы • институциональная этнография • этика.

1.

Феминистские исследования: методы и принципы

1.1. Качественные, количественные и смешанные методы

С 1970-х до 1990-х гг. в гендерной социологии довольно редко использовались массовые опросы, предпочтение отдавалось качественным методам — изучению конкретных случаев, обычно с помощью включенного наблюдения и интервью. Изначально сама феминистская методология формировалась как противопоставление позитивизму: критика количественных методов была частью критики основного направления (мейнстрима) социологических исследований, а качественные методы выступали составляющей программы институционализации поля женских исследований (Оукли [Окли] 2001: 337–340, 350). Количественные методы критиковались как нечувствительные к личному опыту, воспроизводящие властный дискурс, не способные выявить механизмы неравенства и лишь фиксирующие — и то не всегда — гендерные дисбалансы и различия в конкретных сферах жизни.

В 1990-е гг. исследователи гендерных отношений перестают считать качественную методологию единственно приемлемой. Это связано, в частности, с проведением сравнительных кросс-культурных исследований гендерных различий и с разработкой международными женскими организациями глобальных показателей гендерного равенства. Так, например, Э. Оукли (ингогда транслируется как Окли), которая в начале своей социологической карьеры обращалась к личному опыту женщин и старалась его

озвучить в публичном дискурсе, позднее призывает использовать количественные методы для получения знаний о структурных параметрах гендерного порядка, и особое внимание она уделяет социальной статистике (Оукли [Окли] 2001). Исследователи признают, что гендерная статистика абсолютно необходима для выявления структурных характеристик гендерного порядка и развития политического потенциала академической работы. Данные гендерной статистики становятся аргументами в политических дебатах, учитываются при формулировке повестки дня женского движения, при составлении программных документов. Статистический анализ необходим для того, чтобы заниматься законодательством и влиять на законодательство, измерять социальные и политические проблемы, выявлять макротренды, проводить межстрановые сравнения показателей (Kwan 2001).

Однако количественные исследования во многом остаются дистанцированными от качественных. Иными словами — одни исследователи работают со статистическими данными, а другие — в рамках качественной методологии. Некоторые феминистские исследователи стараются преодолеть этот разрыв, предлагая выработать комплексный многоуровневый взгляд на сложные социальные феномены.

В настоящее время в гендерных исследованиях получают распространение смешанные методы (*mixed-method research*, см.: Jenkins 2000). Разрабатываются комплексные дизайны исследовательских проектов, которые комбинируют использование количественных и качественных данных. Так, данные переписи населения и массовых опросов сочетаются с методами качественного кейс-стади (*case study* — исследование одного случая). В практике эмпирических исследований стирается граница, разделяющая социологов, следующих разным методологиям. «Качественники» собирают количественную информацию, например, об образовании и уровне доходов информантов. Им это необходимо, чтобы показать место исследуемого случая или процесса в общей социальной картине, степень распространенности явления. Многие «количественники» проводят глубокий качественный анализ единичных случаев, стараясь выявлять социальные механизмы, результаты действия которых нашли количественное выражение (Jenkins 2000; Kwan 2001; Fonow, Cook 2005).

С. Рейнхарц утверждает, что смешанная методология придает исследованиям диахронный характер: она позволяет «связывать прошлое с настоящим, индивидуальное поведение с социальной системой» (Рейнхарц 2001 [1992]: 365). Комбинированные методы позволяют осуществлять триангуляцию данных и интерпретаций, повышать достоверность полученных результатов, выявлять многомерность феноменов, сохраняя внимание как к структурному контексту, так и к микровзаимодействиям. При этом смешанные методы позволяют сохранять критический потенциал и рефлексивность гендерного исследования (Рейнхарц 2001 [1992]: 365).

Дж. Клиффорд во введении к известному сборнику *Writing culture: The Poetics and Politics of Ethnography* (название можно перевести и как «Записывая культуру: поэтика и политика этнографии») утверждает, что феминистские исследования нашли свое место в общем русле инновационных постпозитивистских подходов к производству социального знания (Clifford 1986: 17–20).

1.2. Методические инновации феминистского исследования

Американская исследовательница Суламифь Рейнхарц рассматривает методические инновации феминизма в отдельной главе своей монографии, посвященной феминистским социальным исследованиям (Reinharz 1992: 214–239). Она отмечает, что специфика феминистского метода обусловлена его идейной ангажированностью. Ценности и политические позиции исследователей открыто артикулированы и не замаскированы риторикой абсолютной истины, добытой абстрактным *cogito*. Феминистские исследования ориентированы на политическую повестку женского движения: борьбу с угнетением и социальным исключением по признаку пола.

Из этого следует, что повестка дня гендерных исследований не универсальна, а конкретна, и должна быть ориентирована на локальный контекст. Ангажированность исследования находит выражение в постановке исследовательского вопроса, в использовании методов сбора и анализа данных, на уровне презентации результатов исследования, т. е. проявляется на разных этапах осуществления эмпирического проекта (Reinharz 1992: 214–239). Профессиональный

исследователь должен отдавать отчет в своей ангажированности и уметь управлять ею, т. е. регулировать ее проявления таким образом, чтобы она не превратилась в предвзятость и морализаторство.

Предпринимаются попытки разработать **оригинальные техники сбора данных**, которые соответствуют политико-академическим целям гендерной социологии. Наряду с конвенциональными данными опросов, наблюдений, интервью и документов используются устные самоотчеты о субъективном опыте женщин или тексты, написанные женщинами, имеющими специфический опыт. Исследователи пытаются выработать также новые формы представления результатов эмпирической работы, включая, например, в список авторов своих информантов. Они реформируют академическое письмо, изобретая новые термины. Среди прижившихся неологизмов термин *herstory* — *ее история* (англ. *her* — ее, *story* — история), противопоставленный конвенциональному названию дисциплины — *history* (англ. *his* — его); *malestream* — мужское русло исследований, вместо *mainstream* — магистральная линия. Исследователи меняют конвенциональные грамматические правила (в английском и немецком языках), вводя суффиксы и местоимения женского рода в те лексемы, которые прежде использовали формы грамматического мужского рода как универсальные. Иногда авторы экспериментируют с псевдонимами, придавая им особый политический смысл. Так, например, известная исследовательница положения чернокожих американок, политическая активистка выбрала псевдоним *bell hooks* (производное от имени ее прабабушки по материнской линии *Bell Blair Hooks*) и настаивает на написании его со строчной буквы.

Особенно активно академические инновации продвигались в поле «женских исследований» в 1970–1980-е гг. В это время феминистские исследования активно расширяют пределы конвенционально приемлемых техник производства эмпирического знания об обществе. Академический феминизм развивает акционистские методы (*action research*) (см.: Романов, Ярская-Смирнова 2008b: 27), которые одновременно способствуют как решению политических задач женского движения, так и приобретению нового знания об опыте женщин в разных контекстах. Акционистские (вариант — активистские) методы не являются эксклюзивно феминистскими,

они занимают в настоящее время устойчивую нишу в качественной методологии. Французский социолог Ален Турен использовал метод социологической интервенции в изучении польского движения «Солидарность». Он считает, что исследователь участвует в создании коллективной идентичности и способствует росту солидарности, стимулируя тем самым развитие общественных движений (Турен 1998 [1984]). Сторонников этой методологии объединяет критика позитивистской концепции познания, ориентация на социально трансформирующую роль социологического знания, включенность исследователя и исследуемых в процесс изучения и трансформации социальных феноменов. Среди разнообразных направлений акционистских исследований Марта Мало де Молина называет и феминистские техники роста сознания (Malo de Molina 2004a, 2004b).

Групповая техника роста сознания, возникшая в контексте второй волны женского движения в Северной Америке и Западной Европе в конце 1960-х — начале 1970-х гг., занимает особое место в арсенале методов феминистских исследований. Она предполагает обсуждение и интерпретацию женщинами собственного проблематизированного биографического опыта без участия обученных экспертов. Эта активистская практика использовалась в инициативных группах, которые ставили перед собой три задачи: выявление — проговаривание повседневных механизмов угнетения в личных историях, когнитивное освобождение и психологическую поддержку женщин, сталкивающихся с социальными проблемами на личном уровне. Анализируя деятельность групп роста сознания в США, исследовательница-активистка Кэти Сарачайлд пишет:

Решение обратиться к нашему женскому опыту и нашим женским чувствам и сверить все обобщения и содержание текстов, которые мы читали, с нашим женским опытом, — все это было научным решением. Таким образом, мы повторяли заповедь ученых XVII в., которые критиковали схоластику и требовали: «Изучайте природу, а не книги». Мы проверяли все теории нашими практиками и деятельностью. Этот метод применялся революционными движениями во всем мире. При анализе собственного женского опыта мы использовали опыт движения за гражданские права на американском Юге в начале 1960-х, а себя считали участницами женского освободительного движения (Sarachild 1978).

Материалы коллективного обсуждения, в ходе которого женщины рассказывали о своем интимном опыте и совместно анализировали его, фиксировались в групповых дневниковых записях. Затем эти записи могли стать текстовым материалом, доступным социологам — участницам женского движения.

Сторонники этого политико-академического метода считают, что при осмыслении индивидуального опыта в коллективном обсуждении пробуждается самосознание и формируется новый взгляд на социальную реальность, когда в общей картине соединяются разнообразные личные свидетельства и актуализируется латентно существующая женская солидарность. **Личное осознается как политическое**, и этот процесс познания социального устройства непосредственно связан с феминистской эпистемологией. Группы роста сознания обсуждали случаи домашнего насилия, аборт, сексуальных домогательств и пр. и формулировали их как социальные проблемы, характеризующие капиталистический патриархат. Предметом обсуждения стали репродуктивные права, проблемы профессионального продвижения и политической представленности женщин, вопросы баланса оплачиваемого труда и домашних обязанностей, структуры гендерного насилия и многие другие. Коллективная рефлексия способствовала выявлению механизмов гендерного угнетения и была условием активного совместного противодействия женщинам правилам патриархата (MacKinnon 1989: 83–105).

Однако существуют сомнения в том, что коллективные практики роста сознания можно считать полноценным методом социального исследования, а не просто практикой когнитивной эмансипации. Критики отмечают, что результатом деятельности таких групп являются, как правило, не научные тексты, а рост самосознания и выработка стратегий коллективного действия (Reinharz 1992: 214–239). Наша позиция по этому вопросу является компромиссной. Мы считаем, что, как и другие активистские методы, практики роста сознания являются вполне легитимными. Они сыграли особую роль в ходе феминистского движения второй волны. Их солидаристский потенциал не подвергается сомнению. Однако, на наш взгляд, научная ценность практик роста сознания ограничена конкретными исследовательскими вопросами и может реализоваться лишь в контексте общественного подъема. Это метод, например, отлично

зарекомендовал себя в изучении и озвучивании проблематики сексуального насилия в США. И понятно почему. Именно группы роста сознания позволили исследователям-активисткам поставить под сомнение популярные объяснения сексуального насилия как результата провокационного поведения женщин и выработать программу публичной борьбы с гендерными стереотипами.

Несмотря на критику и спад популярности этой методики в настоящее время, ее обсуждение помогло исследователям по-новому взглянуть на эффекты использования хорошо знакомых методов сбора данных. Под влиянием феминистских дебатов такие методы, как групповые интервью, глубинные продолжительные и повторные индивидуальные интервью, рассматриваются как контексты роста сознания информантов и исследователей. В связи с этим возрастает рефлексивность исследователей к конкретным взаимодействиям с информантами в ходе полевой работы.

Среди других новаторских методов, продвигаемых феминистскими исследованиями, называют следующие:

- *групповое интервью* (имеющее сходство с фокус-группами);
- *драматизация (dramatic role-play)*, при которой женщины разыгрывают разные роли, исходя из своего представления о социальных сценариях; участие в спектаклях предполагает сотрудничество и проявление разных позиций, озвучивание различных голосов;
- *изучение истории женщин*, опирающееся на принципы биографического исследования и устной истории;
- *разговор или диалог*, предполагающий анализ множества голосов и позволяющий понять, как производится знание о конкретном опыте;
- *изучение личного опыта* исследователя (имеет сходство с методом автоэтнографии, на развитие которого феминизм оказывает сильное влияние) (Reinharz 1992: 214–239).

Такие техники способствуют получению данных об общественных процессах «из первых рук», не опосредованных тенденциозными интерпретациями. В то же время эти методы стирают границы между наукой и повседневным знанием, политикой и искусством, при этом многие из них обрели свою нишу в поле социального и гуманитарного знания и в поле гражданских инициатив.

1.3. Основные принципы феминистского исследования

В настоящее время большинство методов, которые возникли в рамках женских исследований, стали легитимной частью арсенала социальных наук. Феминистские исследования используют все доступные приемы сбора и анализа данных: исследователи слушают, что люди говорят, наблюдают за тем, что они делают, и изучают тексты, в которых представлены отчеты о своем или чужом индивидуальном или групповом опыте (Harding 1987). Феминистскую **рефлексию** разделяют многие исследователи, распространяя этот принцип на изучение любых исключенных и доминирующих групп и не только на них. Вывод таков: **феминистское исследование**

отличают не собственно техники сбора и анализа данных, а определенная перспектива, т. е. принципы исследования, которые мы представляем ниже.

Во-первых, исследования имеют выраженную идеологическую и политическую цель: помочь подчиненным и угнетенным осознать свою позицию в обществе и выработать стратегию **освобождения или обретения силы (empowerment)**. В связи с этим гендерные исследования считаются когнитивным механизмом эмансипации женщин и других групп, опыт которых определяется механизмами социального исключения и угнетения.

Во-вторых, феминистская методология в целом ориентирована на «раскопки» ранее замалчиваемого и не артикулированного опыта и исследование **гендерного опыта «из первых рук»**. «Раскопки» по аналогии с археологией означают, что некий обнаруженный учеными артефакт является фрагментом социальной реальности (культуры), детальное комплексное изучение которого поможет

Исследовательская рефлексия — совокупность практик проблематизации и осмысления исследовательской ситуации и ее последствий в процессе сбора и анализа данных.

Empowerment — обретение силы (расширение возможностей, усиление влияния) — политическая стратегия продвижения интересов социальной группы.

обнаружить те закономерности, которые не являются очевидными. Исследовательские проблемы касаются разнообразных форм **угнетения и социального исключения по гендерному признаку**. Первоначальные приоритеты — изучение опыта женщин и механизмов производства бинарных гендерных границ (между мужчинами и женщинами) — сменяются исследованием множественности и взаимосвязанности механизмов исключения и угнетения по разным основаниям. Сцепленность гендерного — классового — расового маркеров социальной принадлежности оказывается в центре внимания — происходит сдвиг в сторону интерсекционального анализа. Можно с уверенностью утверждать, что интерсекциональный анализ — это методологическая перспектива, открытая самым разным исследовательским вопросам и разнообразным методам сбора и анализа данных. Он активно применяется с использованием биографического метода, глубинных интервью, наблюдений, анализа документов и репрезентаций, но также и данных статистики, позволяющих определить положение непризнанных групп.

Необходимо отметить, что до сих пор большинство исследователей интерсекциональности опирается на качественную методологию, и в особенности методологию кейс-стади. Изучая насилие против черных американок, Креншо обращается к изучению убежищ для жертв домашнего насилия (Crenshaw 1989). Маргинализация маскулинности и этничности изучались в контексте школьного образования методом наблюдения в пространстве школьных дворов (Mørck 2003; Staunæs 2006). Учебники для общеобразовательной средней школы рассматривались как пространства маргинализации этнических меньшинств. Коллективные акции общественных движений также становились объектами кейс-стади.

Один из эмпирических приемов, помогающих уловить комплексный механизм производства множественного неравенства, предложила Мэри Матсуда. Она использует технику вопроса о другом параметре социального различия (*ask the other question*) для выяснения комплексного механизма неравенства. Исследовательница пишет: «Когда я вижу проявление расизма, я задаю вопрос: не является ли этот случай также примером проявления патриархата? Когда я вижу проявления сексизма в отношении женщин, я задаю

вопрос: наблюдается ли в этом случае гетеросексизм? Когда я встречаю случаи гомофобии, я спрашиваю: как репрезентируется в этом случае классовая позиция объектов угнетения?» (Matsuda 1991: 1189).

В-третьих, эмпирическая работа ориентируется на принцип **рефлексивности** в отношении этических проблем исследования, который реализуется на разных этапах проекта. Рефлексивность предполагает контроль над процессом производства знания и субъективным влиянием на него (Stacey 1988; Stanley, Wise 1990; Wasserfall 1993: 24). Он выражается в том, что исследователь осознает свою позицию, отдает себе отчет в возможной предвзятости, анализирует отношения неравенства в поле. Он берет на себя ответственность за последствия своей полевой работы для информантов.

Этическая рефлексия в исследовании состоит в следующем. Во-первых, проблематизируются властные отношения между исследователем и исследуемым. Изучаются последствия доминирования исследователя. Исследователи стремятся построить *эгалитарные отношения и максимально привлечь информантов к сотрудничеству* в ходе выполнения проектов. Во-вторых, исследование предполагает **особую чувствительность в отношении сензитивных тем и травматического опыта**, осуществление эмоциональной работы, формирование доверительных отношений в ситуации эмпирического исследования.

Однако при реализации этих принципов в эмпирической работе исследователи сталкиваются с существенными этическими и познавательными проблемами. Обратимся сначала к примерам реализации феминистских принципов в исследовании, а затем к дилеммам, обозначенным в ходе конкретных полевых исследований (Fonow, Cook 1991, 2005; см. также: DeVault 1999; Мещеркина 2001: 198–199). Обсуждение этих дилемм и выработка решений — свидетельство роста исследовательской рефлексивности.

1.4. Гендерный опыт «из первых рук»

Феминистские исследователи в 1970-е гг. сделали объектом своего внимания опыт женщин для того, чтобы обнаружить то знание о механизмах гендерного неравенства, которое ранее было

невидимым и умалчивалось (Смит 2000 [1989]: 30). Цель таких проектов: **дать голос самим женщинам**, создать для них возможность быть услышанными широкой публикой. Умалчивание опыта рассматривается как один из главных механизмов угнетения и исключения, проявляющийся в системе производства знания. Этот подход занял в определенный момент центральное место в феминистском анализе, привлекая внимание к таким аспектам приватной жизни женщин, как беременность, роды и другие телесные, репродуктивные практики, а также домашнее насилие, сексуальное насилие и траффик (торговля женщинами). Изучение опыта «из первых рук» до их пор превалирует в поле женских исследований. Оно подразумевает особое внимание к практикам полевого исследования — включенного наблюдения и глубинного интервью.

Такое понимание задач исследования способствовало изменению формата интервью. Классические интервью, выстроенные по принципу «вопрос-ответ», критикуются как иерархические и объективирующие. Исследователи настаивают на необходимости эмпатии и взаимности в исследовательском процессе (Oakley 1981). Интервьюированию придается интерактивный характер, от исследователя ожидается готовность обсуждать с информантом и свой опыт. Профессиональное взаимодействие приобретает форму диалога, приводит к росту сознания в отношении изучаемого опыта. Многие авторы обращают особое внимание на этические проблемы исследования сензитивного и травматического опыта.

Э. Оукли. Исследование медиализации родов

Английская исследовательница Энн Оукли изучала процесс медиализации родов, его последствия для британских женщин и британского общества в целом в 1970-е гг. (Becoming a mother [Oakley 1979a], переиздано в 1981 г. под названием From Here to Maternity: Becoming a Mother). Исследовательница собрала 66 интервью с первобеременными женщинами (два интервью до родов и два — после) и осуществляла наблюдение в лондонском госпитале. Во введении к книге она пишет, что женщины говорят о своем опыте лучше, более четко и прямо, чем социологи или медики. Оукли критикует классические интервью как иерархиче-

ские и ложно «объективные», утверждает, что установки на отстраненность и личностную нейтральность интервьюера не реализуемы. Она показывает, насколько важным для исследования является умение установить доверительные отношения, развивать эмпатию и реципрокность в исследовательской коммуникации (Oakley 1981).

Результаты исследования были представлены не вполне конвенционально, и в этом также состояло новаторство исследовательницы. Она подготовила две публикации. В первой были представлены нарративы самих женщин, и таким образом был озвучен от первого лица опыт беременности, деторождения и материнства (Oakley 1979а: 5). Вторая публикация содержит социологический анализ первичных данных (Oakley 1980). Описывая свой метод, Э. Оукли показала, что исследователь и исследуемые постоянно вступают во взаимодействие, женщины задают множество вопросов об исследовании, личном опыте интервьюера, обращаются за советами, интересуются информацией о медицинских процедурах, организации и психологии репродукции, заботе о ребенке и пр. Исследовательница также старалась выяснить, как участие в проекте сказывается на опыте женщин: большинство информанток признали, что в ходе исследования они стали больше задумываться о происходящем и лучше его осознавать, ощущали поддержку и пр. (Oakley 1979а: 310–317).

Е. Омельченко и др. Женский опыт в российской тюрьме

Приведем пример социологического исследования женского опыта тюремного заключения и возвращения к нормальной жизни, проведенного Центром молодежных исследований «Регион» (Омельченко 2012). В книгу включены истории, рассказанные самими женщинами-заклученными. Исследователи пишут: «Мы участвуем в актуализации и проблематизации темы маргинального женского в социологическом дебате.... мы хотим сделать наших информанток “видимыми”, потому что в социокультурном и политическом контекстах их возможности к презентации практически равны нулю... Важно, чтобы женщины, имеющие опыт тюрьмы, могли сами озвучить собственную жизнь, собственные оценки и взгляды» (Нартова 2012: 145). Истории показывают, в чем заключается именно женский

опыт, связанный с телесностью, с особыми потребностями гигиены, здоровья, питания, лечения, с материнством, сексуальными и эмоциональными отношениями в тюрьме и за ее пределами и пр.

Методологическая рефлексия в приведенном выше фрагменте является критической и феминистской. Исследователи осмысливают тюремное заключение как опыт «уничтожения и уничтожения достоинства» (Омельченко 2012: 8), который имеет выраженную гендерную специфику. В ходе исследования постепенно «вырабатывается новый взгляд <на социальный институт тюремного заключения>, тематическая сензитивность и появляются новые ракурсы слушания» (Сабирова 2012: 76).

Исследовательницы пишут о том, что переживают в ходе реализации проекта: «Общение с людьми, у которых есть опыт, далекий от повседневности собеседника, — это настоящее событие. Первые наши интервью были сопряжены с целым водоворотом противоречивых эмоций и ощущений. С одной стороны, это шок, сочувствие, страх, уважение, восхищение, непонимание. С другой стороны, на фоне всего этого — обнаружение “другой” жизни, где есть преодоление, любовь, борьба, надежда и просто рутин. С каждой последующей встречей открывался незнакомый, невидимый и огромный пласт человеческого опыта» (Сабирова 2012: 76).

1.5. Этическая рефлексия в гендерных исследованиях

Феминистское исследование развивает рефлексивность в отношении этических проблем исследования. Идеалом является осуществление **этики заботы**. Такая позиция предполагает, с одной стороны, уважительное отношение к опыту исследуемых и их личностям, осознание уязвимости и зависимости информанта; с другой — информированное согласие и обеспечение конфиденциальности полученных данных. Эти принципы распространяются на любое исследование социальных действий и человеческого опыта. В их основе лежит базовая квазиврачебная ориентация на минимизацию вреда. Однако истолкование того, что является причинением вреда, может варьировать в широком диапазоне: от создания

угрозы личной безопасности и репутации информанта до причинения страданий и генерации стресса (Olesen 2000). Вред может наносить потенциальная эксплуатация информантов, когда они рассматриваются исключительно в утилитарных соображениях получения академических дивидендов.

В феминистском исследовании этика заботы проявляется во внимании к целостности репрезентации взглядов и опыта информантов. Некоторые исследователи подчеркивают открытость исследовательских целей и реципрокность взаимоотношений, когда исследователь обменивает привилегию вопрошания и доступ к опосредованному рассказчиком опыту на вовлечение и соучастие в проекте. Проект на всех этапах должен быть совместным производством знания. В свою очередь, полученное знание должно способствовать обретению силы исследуемыми (Watts 2006).

Существует как минимум три аспекта доминирования исследователя в процессе производства знания. Во-первых, исследователь является носителем и воплощением власти-знания, претендующего на авторитет. Во-вторых, исследователь выступает в роли интервьюера. Он осуществляет власть, когда формулирует и задает вопросы и требует ответов. В-третьих, в процессе интерпретации исследователь отчуждает полученную информацию от ее первоносителя, расчленяет в анализе, подает и использует в целях, зачастую неясных для тех, кто является объектом изучения. Таким образом, исследовательская коммуникация предполагает социальную дистанцию и чревата (но не обязательно является) когнитивной эксплуатацией информанта.

Феминистское исследование ориентировано на сокращение социальной дистанции и снижение рисков когнитивной эксплуатации информантов. Диалоговая форма, интервью-беседа или интерактивное интервью рассматриваются как приемы, способствующие преодолению отчуждения в ходе исследования. Предполагается включение информантов в обсуждение результатов проекта и процесс интерпретации данных. В таком случае появляется шанс преодолеть отчуждение, возникающее не только в ходе самого полевого исследования, но и в отношении аналитического результата.

Феминистская рефлексия обостряется при изучении групп, находящихся в **уязвимой и подчиненной позиции** (Harding, Norberg 2005: 2011). Социологи считают, что установление более эгалитарных

отношений с информантами имеет не только этический смысл, но и способствует получению более надежных данных об их жизненном опыте (Oakley 1981). Такое внимание к отношениям между исследуемым и исследователем порождало методологические инновации.

А. Каспер. Женщины с раком груди: анализ субъективного опыта

Изучая опыт женщин, живущих с раком молочной железы, Анне Каспер (Kasper 1994) обозначает свою методологию как феминистскую. Вслед за Рейнхарц и Хардинг она утверждает, что феминизм — это общая методологическая установка или перспектива, а методы осуществления эмпирического проекта определяются дисциплинарной принадлежностью. При этом исследовательница считает, что в ряде случаев феминистский подход может создавать новые методы. Вслед за другими авторами (Fonow, Cook 1991) А. Каспер использует гибкие методы сбора данных, отказываясь от жесткой стандартизации. Эти методы основаны на навыке активного выслушивания информанта; отказе от навязывания своего взгляда. В результате применения гибких открытых методов меняются устоявшиеся представления исследователей о прежде умалчиваемом, невидимом травматическом опыте. Это тяжелое заболевание представляет собой угрозу жизни и физической целостности женского тела. Оно до сих пор чревато смертельным исходом. При этом болезнь влечет за собой кризис самоидентификации женщины, поскольку резекция груди в современной гендерной культуре (американской и не только) воспринимается многими как угроза нормативной телесной женственности.

Феминистская перспектива такого исследования заключается в том, чтобы помочь женщинам стать активными агентами собственной жизни, не позволять им сдаваться в условиях тяжелого заболевания, освободить их от уничижающих гендерных идеологий, которые усугубляют физические страдания. Такое исследование опирается на этику заботы, обращая особое внимание на эмоциональную модальность опыта больных женщин. Эмоции, проявляющиеся в исследовательской коммуникации, не должны оставаться за пределами аналитической работы социолога. Они указывают на социальные конфликты жизненного мира, которые должны быть предметом изучения.

В исследовании ставилась задача — понять, как женщины справляются с кризисными обстоятельствами жизни. Предполагается, что изучать важнейшие события жизни женщин можно, только выслушивая их исповедальные признания о пережитом опыте. Качественная методология позволяет информанткам становиться активными участницами исследовательского процесса. Неструктурированное интервью, устная история, этнографические отчеты используются как методы сбора данных. Эти методы оказались практиками роста сознания, которые позволяли участницам переосмыслить опыт заболевания и свою гендерную идентичность.

В ходе исследования травматического опыта А. Каспер сформулировала следующие правила, следование которым рекомендуется при сборе данных.

Каждая женщина — эксперт своей собственной жизни. Исследовательница отказывается от заранее подготовленного путеводителя интервью, полагая, что не следует навязывать собеседнице тематику беседы и обсуждать проблемы, которые важны для социолога, но не всегда значимы для самой женщины. В ситуации интервью оказывается достаточным задать один-два вопроса, чтобы собеседница выбрала тему разговора, следуя собственной логике.

Информированный исследователь. Исследователь должен быть информирован в медицинских и социальных вопросах онкологии, поскольку артикулируемое невежество может повредить коммуникации.

Исследование как сотрудничество. Ход интервью контролируется самой женщиной, она выбирает темы и продолжительность беседы, обсуждает детали опыта, которые значимы для нее. На первое место ставятся потребности женщины, а не сформулированные заранее задачи исследования.

Внимательное выслушивание признается более важным, чем диалог, когда речь идет о травматическом опыте и сензитивных темах. Исследовательница не задавала вопросов о теле, сексуальности, страхе, однако старалась проявить максимальную поддержку, если такие темы затрагивала сама собеседница.

Вербальная коммуникация строится таким образом, чтобы было возможно различить публичные дискурсы (нормы) и личный, глубоко болезненный опыт, который может существенно отличаться

от общественных ожиданий. Так, например, проблемы выживания могут оказаться гораздо более значимыми, чем утрата груди/женственности.

Умение исследователя «быть невидимым» особенно важно при беседе о эмоционально тяжелом опыте, событиях и эмоциях. Женщинам, например, может быть удобнее «говорить» с диктофоном, а не с интервьюером.

Исследователь — защитник женщин. Исследователь занимает позицию поддержки точки зрения собеседниц, стараясь связать в единой смысловой рамке те конкретные события, верования и чувства, которые описывают информантки.

Принцип доверия к интерпретации женщин, которая считается более аутентичной, чем «скептическая» интерпретация исследователя.

Принцип доверия к памяти женщин опирается на традиции устной истории, согласно которой информант отбирает именно те события, которые значимы для него не только здесь и сейчас, но и для формирования представлений о собственной идентичности в целом.

Таким образом, при исследовании сензитивной темы акцент делается на субъективное толкование женщинами своей позиции и жизненного опыта. Это исследование дает возможность понять связь индивидуального опыта, организацию локального института и социального порядка в целом. Э. Келлер полагает, что научный потенциал субъективного подхода заключается в расширении интерпретативного репертуара, а значит — и в новых возможностях научных открытий (Keller 1985; цит. по: Kasper 1994).

Такая позиция в целом показывает значение исследований субъективно переживаемого женского опыта, особенно в тех случаях, когда опыт является сензитивным и травматическим. Исследователь выступает «адвокатом» женщин и рассматривает свою роль как посредническую — способствуя росту самосознания и обретению силы. Далее мы, однако, покажем, что такая позиция, не лишенная романтизации, сопряжена с определенными проблемами и далеко не всегда применима в эмпирических исследованиях.

Как мы уже упоминали, попытки следовать данным принципам в конкретных исследованиях наталкивались на существенные

сложности. Исследователи становились более чувствительными к расхождению между заявленными установками и практиками и вырабатывали контекстуальные решения. При этом сохранялись ориентации на правила рефлексивной этики в исследовательской коммуникации.

ИТАК, обобщим результаты дискуссии о методах в гендерной социологии.

- Гендерная социология изначально тяготела к использованию качественных методов исследования, позднее было признано значение и качественных, и количественных методов (смешанной методологии) в исследовании для получения наиболее полной картины, отражающей положение женщин / гендерных групп.
- Феминистские исследователи предложили инновационные методы исследования, которые обозначаются как акционистские или политически ангажированные, среди них важнейший – группы роста сознания.
- В феминистском исследовании существует особая перспектива, которая предполагает использование широкого спектра методов. Данную перспективу характеризует ориентация на изменение положения женщин / гендерных групп, внимание к множественным механизмам исключения, рефлексивность по отношению к позиции исследователя и способу взаимодействия с исследуемым.
- Исследование характеризуется вниманием к опыту «из первых рук», стремлением дать голос самим женщинам и развивать интерактивные формы исследования. Феминистские исследователи ориентируются на этику заботы, придают особое значение сензитивному, травматическому, ранее невидимому социальному опыту.

2. Проблематизация принципов и прагматические решения

2.1. Всегда ли осознание угнетения способствует обретению силы?

Конкретные эмпирические исследования показали, что в определенных ситуациях осознание несправедливости своего положения может ослабить позиции подчиненных и сделать их более уязвимыми (Millen 1997). Это связано с тем, что многие женщины в условиях патриархата вырабатывают эффективные адаптационные стратегии. Эти стратегии могут быть разрушены в процессе роста сознания, и положение угнетенных резко ухудшится, если структурные изменения так и не произошли, а они начали протестовать в одиночку.

Так, например, успешный профессионал, объявив о своей гомосексуальной ориентации в гомофобном сообществе, может подвергнуться стигматизации и просто потерять работу. Исследователи признают, что не все женщины (или другие гендерные группы) являются безвластными, необходимо принимать во внимание сложность структуры власти и интерсекциональность социальных позиций (Millen 1997).

Ж. Уоттс. «Внутренний аутсайдер»: исследование карьеры женщин-инженеров

Жаклин Уоттс, используя метод глубинного полуструктурированного интервью, исследовала карьеру женщин – гражданских инженеров в Великобритании. Руководствуясь принципами феминистского исследования, Уоттс фокусирует внимание на опыте конкретной профессиональной категории женщин; ее исследование является рефлексивным и интерактивным. Она проблематизирует возможность «обретения силы» и отношения власти в конкретном контексте. Специальными предметами рефлексии становятся доступ в поле, информированное согласие, отношения власти и возможности улучшения положения женщин.

Уоттс не являлась посторонней в своем поле: на протяжении многих лет она работала техническим консультантом на предприятии. Доступ в поле был обеспечен благодаря контактам с администрацией предприятия. Исследовательница отдавала себе отчет в том, что феминистские взгляды непопулярны среди инженеров, и не стремилась во что бы то ни стало заявлять о своей идейной позиции. Предмет ее изучения — низкая представленность женщин в инженерной профессии (5%), структурные барьеры их продвижения и механизмы мужского доминирования.

Женщины-инженеры в ходе интервью описывали различные эпизоды своих профессиональных взаимодействий с коллегами мужского пола как «проявления хищности», «унижающие», «неуместные» и пр. Через феминистские линзы такие ситуации охватываются термином «сексуальное домогательство» и рассматриваются как один из барьеров карьерного продвижения женщин. Именно так интерпретировала ситуацию исследовательница. Однако ее информантки придавали таким эпизодам индивидуальный, а не системный смысл. Столь же индивидуальными были их стратегии приспособления, которые касались внешности, поведения, реакций и пр. Они не считали данные эпизоды важными и влияющими на их профессиональное положение, полагая, что их лучше игнорировать, дистанцируясь от позиции «объекта» или жертвы. Интерпретация сексуальных домогательств как системной характеристики патриархата могла бы поставить под сомнение выработанные ими стратегии индивидуальной адаптации. Автор выявляет стратегии, посредством которых женщины-инженеры приспособляются к взаимодействиям в мужской профессии, не воспринимая ее как патриархатную систему.

Для исследовательницы было исключительно важным сохранение солидарности с информантками и то инсайдерское (внутреннее) знание о мире изучаемой профессии, которое она, по ее словам, постоянно использовала и которое способствовало доверительным отношениям — она не была «чужаком». Рассказывая социологу об опыте унижений, несправедливого, с их точки зрения, отношения, они серьезно опасались нарушений конфиденциальности и анонимности информации. Такие опасения в собственной безопасности приводят к самоцензурированию, деперсонификации и «деконтекстуализации» описаний (см. также Olesen 2000). Женщины

стремились получить возможные гарантии анонимности сообщаемой ими информации, особенно в отношении руководства, от которого непосредственно зависела их карьера (Watts 2006).

2.2. Всегда ли голоса угнетенных помогают интерпретировать структуры власти?

Исследователи показывают, что люди далеко не всегда осознают структурные условия своей жизни (Millen 1997). Их понимание собственного положения ограничено: росту сознания и критическому взгляду часто препятствуют **шоры**, сформированные механизмами социализации и индоктринации подчиненных. Закрывая глаза на проявления сексизма в повседневной жизни — на работе и дома — женщины гарантируют себе безопасность в рамках подчиненной роли (Gorelick 1991). Например, как показывает Дороти Смит, женщины, занимая в компаниях позиции обслуживающего персонала — секретарей и ассистентов, не осознают структурной природы своего подчиненного положения. Не осознают его и мужчины, осуществляющие управление. «Осознание женщинами своего подавления затруднено развитием корпоративного капитализма, при котором локальные события определяются силами, действующими за их пределами» (Smith 1979: 141, 161; Gorelick 1991: 464–465). Иными словами, **подавление не может быть понято только исходя из точки зрения подавляемых, которые сами оказываются слепы в отношении структурного неравенства.**

В качестве варианта решения этой проблемы Дороти Смит (Smith 2005) предлагает развивать **институциональную этнографию** — комплексное исследование связи повседневной жизни организаций и отношений власти-управления. Отношения управления рассматриваются как воплощенные в действиях людей — как тех, кто находится в ситуации подчинения, так и тех, кто осуществляет власть или сопротивляется ей (см.: Campbell 1998; Smith 2005; DeVault 2006).

Дороти Смит развивает позиционный подход в феминистской эпистемологии (см. лекцию 2), согласно которому производство повседневного и социологического знания неизбежно опирается

на определенное мировоззрение, что далеко не всегда осознается познающим субъектом. Исследовательница утверждает, что в процессе познания субъекты руководствуются не только разумом, но и чувствами. С точки зрения Д. Смит, социология призвана изучать практики реально действующих индивидов, осуществляющих и координирующих свою деятельность (Smith 1987). В фокусе внимания — вопрос о том, как повседневная жизнь связана с отношениями управления/власти (координации). Опыт и действия координируются отношениями, выходящими за пределы отдельных персонифицированных ситуаций. Такую координацию опосредуют различные тесты корпораций, правительственной бюрократии, профессиональные и медийные дискурсы (Smith 2005: 1). Отношения управления объективированы в текстах, которые тиражируются социальными институтами. Поэтому необходимо изучать, как тексты используются в конкретных учреждениях, например, в школах, институтах здравоохранения, профессиональных офисах, правительственных структурах (DeVault 1999: 48–49; см. обзор: DeVault 2006).

Таким образом, позиционный подход признает, что исследование, ориентированное исключительно на озвучивание личного опыта, имеет существенные ограничения. Институциональная этнография исследует организацию повседневного опыта, который мыслится как задаваемый структурными отношениями управления, опосредованными текстами.

2.3. Возможно ли достичь эгалитарных отношений в исследовательской коммуникации?

Исследователи часто сомневаются в возможности реализации принципов эгалитарности и сотрудничества с информантами на всех этапах исследования, включая анализ и интерпретацию данных.

Взаимодействие с информантами представляет собой сложную систему коммуникации. Исходя из критической позиции, возможность достичь равенства в процессе производства знания даже на уровне сбора данных во многом признается иллюзией. Утопичность

достижения эгалитарного идеала обосновывается анализом позиции эмпирического исследователя-полевика. Именно исследователь управляет взаимодействием, используя когнитивные и материальные ресурсы. В его арсенале — навыки методологической работы, он наделяет опыт смыслом и помещает индивидов в исторический и социальный контекст (Millen 1997). Попытки эгалитаризации наталкиваются на сопротивление информантов, предпочитающих сохранять дистанцию. В таком случае рефлексивность исследователя, постулированная феминистской методологией, может быть иллюзией или риторической позицией. Остается открытым вопрос о том, кто обладает властью осуществлять репрезентацию опыта угнетенных и какими средствами осуществляется эта репрезентация. Сомнения в возможности получения аутентичных данных выражают постмодернистский скепсис в отношении социального знания (Спивак 2001; Olesen 2000).

Критика эгалитарной утопии феминистского исследования выдвигает альтернативу. Исследователь должен признать неизбежность своей относительно привилегированной позиции в коммуникации с информантом, однако необходимо принимать во внимание следующие обстоятельства. Во-первых, такие привилегии не обязательно предполагают когнитивную эксплуатацию изучаемого индивида, поскольку люди придают смысл своему опыту независимо от исследователя. Во-вторых, привилегии ситуативны и связаны с выполнением профессиональной задачи, востребованной в современном информационном обществе, — производством научного знания (Millen 1997). В-третьих, в некоторых полях позиция исследователя совсем не является доминирующей: напротив, он сталкивается с проявлением власти и авторитета информантов.

Нам близки принципы эгалитарного исследования, и мы стараемся по возможности следовать им в своей эмпирической работе, однако, как любые полевики, мы знаем, что многие из этих принципов являются идеалами, трудно осуществимыми на практике. Попытки построить эгалитарные отношения с информантами могут оборачиваться манипулированием, интенсивное сотрудничество может парализовать исследовательский процесс и пр. Феминистские исследователи могут (и это происходит постоянно) столкнуться с гендерным неравенством и сексизмом, которые

воспринимаются многими женщинами как естественные и выгодные для них. Кроме того, существуют институциональные контексты, когда исследователь оказывается в подчиненном положении по отношению к информанту. Такой вид неравенства появляется в контексте патриархатных отношений, например, когда исследователь — это молодая женщина, а информант — мужчина, представитель элиты.

Многие проблемы, как показывает опыт исследователей, хотя и не имеют однозначного и простого решения, могут быть решены в ходе полевой практики (здесь мы понимаем ее в широком смысле). Эмпирический путь, если и не дает исчерпывающих ответов на методологические вопросы, позволяет осуществлять крайне важную феминистскую рефлексию по отношению к полю, открыто взвешивать «за» и «против» (сотрудничества, заботы и пр.) и обращаться к аналогичному исследовательскому опыту. Одним из интересных образцов методологической рефлексии, который мы используем в учебном процессе, является сборник «Уйти, чтобы вернуться» (Воронков, Чикадзе 2009). На практических занятиях мы просим студентов соотнести рефлексию социологов, представленную в статьях, с их собственным опытом (хотя и необязательно гендерно окрашенным). Надо признать, что среди российских исследователей еще мало обсуждаются этические дилеммы позиции в поле, методы сбора и анализа данных, по поводу которых идет активная полемика в западном научном дискурсе начиная с 1980-х гг.

2.4. Этические дилеммы и новые вызовы

Исследователи признают, что принципы эгалитарного сотрудничества с информантами трудно реализуемы на практике. В полевой работе нередко возникают этические конфликты. На основе своего опыта Джудит Стейси (Stacey 1988: 22–23) описывает две этические дилеммы исследования. Первая связана с неизбежным воспроизводством когнитивной эксплуатации на полевом этапе исследования. Одна из ключевых информанток Стейси была замужней женщиной, истовой (фундаменталистской) христианкой, вовлеченной в лесбийские отношения, которые она тщательно скрывала от окружающих. В ходе полевой работы исследовательница

узнала о тайной лесбийской жизни своей информантки первоначально от ее подруги, а затем и от нее самой. Она ощутила себя в «неаутентичной», неискренней позиции, обладая привилегией знания личных секретов, о которых она должна была молчать. Возник серьезный конфликт между ролью доверенного лица, выслушивающего исповедальный нарратив, с одной стороны и, ролью исследователя-собирающего данных — с другой.

Вторая дилемма касается публикации результатов исследования. Феминистские исследователи предлагают обсуждать финальный текст с информантами, но это не всегда возможно и даже при осуществлении не снимает проблему власти и может привести к разрушительным для проекта последствиям. Стейси решила обсудить с информанткой полученный материал. После длительных переговоров информантка попросила исследовательницу убрать из окончательного отчета о проекте всякое упоминание о ее лесбийских отношениях. (При этом правила анонимности в представлении материала несомненно соблюдались.) Дж. Стейси задает вопрос — как должна феминистская исследовательница действовать в подобном случае? Этические правила уважения к информанту, ориентация на его безопасность, сотрудничество и эгалитарность — требуют выполнения данной просьбы. Однако подобное вычищение текста отчета будет воспроизводить практику гомофобного замалчивания опыта, а также исключит из анализа важнейший компонент «правды» о поле. В любом случае исследователи сталкиваются с существенными сложностями при реализации принципов феминистского исследования. Автор приходит к выводу, что в исследованиях, выполненных в традициях качественной методологии, информанты могут оказаться еще более эксплуатируемыми, чем в «маскулинном» позитивистском исследовании (Stacey 1988: 23–25).

Проблему реализации феминистских принципов на материалах конкретного эмпирического проекта описывает социолог Терри Арденелл. Предметом ее изучения был опыт разведенных матерей и отцов. Она пишет о том, что информанты-мужчины, рассказывая о своих отношениях с бывшими женами, в том числе о практиках домашнего насилия, приведших к разводу, зачастую открыто выражали сексистские взгляды. Само выслушивание и запись таких

рассказов стали для исследовательницы этической проблемой. Она считала, что своим непроведением и выраженной лояльностью к собеседнику невольно поддерживает подобные взгляды. Однако в конечном счете она определила свою задачу как стремление понять, а не просвещать (не развивать сознание) информантов, и высказывала свою феминистскую позицию, только если ей задавали прямые вопросы об этом (Arendell 1997: 359–364).

Среди дилемм, обсуждаемых феминистскими антропологами, — соотношение культурного релятивизма и критики гендерного неравенства. Принцип толерантности и защиты культурного разнообразия (в том числе в отношении патриархальных практик) во многом противоречит феминистским принципам сопротивления сексизму (Walter 1995: 280). Поэтому такая авторитетная исследовательница, как М. Стратерн, высказывает сомнение в возможности реализации феминистских принципов роста сознания и обретения силы в полевом эмпирическом исследовании (Strathern 1988).

ИТАК, обобщим сложности реализации феминистских принципов в эмпирическом исследовании:

- В настоящее время исследователи осторожнее относятся к принципам феминистского исследования, сформулированным в 1970–1980-е гг., которые оказались достаточно сложными в реализации, не всегда отвечают потребностям информантов, не способны обеспечить валидность результатов исследования и оказываются утопичными.
- Исследователи с гораздо большей осторожностью обсуждают вопросы об эмансипирующей силе знания и роли практик осознания неравенства как механизма социальных изменений. Особым вызовом является исследование, объектом которого становятся женщины, не разделяющие феминистских взглядов. Идеал эгалитарности в отношениях исследователя и информанта признается утопичным из-за дифференциала власти (ресурсов) в коммуникации.
- Признается, что сотрудничество и доверительные отношения в поле (позиция инсайдера или «внутреннего аутсайдера») по-

рождают этические дилеммы, связанные со сложностью реализации принципов анонимности и конфиденциальности в социальном исследовании. Ориентация на репрезентацию опыта женщин «из первых рук» имеет ограничения, поскольку угнетенные часто не в состоянии осмыслить структурные механизмы воспроизводства неравенства. Интегрировать структурный уровень в исследования межличностного взаимодействия стремится «институциональная этнография».

- Присутствует постмодернистский скепсис по отношению к самой возможности репрезентации позиций и голосов угнетенных. Вызовом для феминизма является соотношение культурного релятивизма и борьбы с сексизмом. В рамках феминистской этнографии неизбежны моральные дилеммы, связанные с дифференциалом власти, доверительными отношениями и потенциалом эксплуатации информантов.

3.

Гендер, сексуальность и полевая работа

По умолчанию исследовательский процесс предполагает асексуальность и гендерную нейтральность исследователей. Однако далеко не всегда возможно и необходимо такое абстрагирование. Рефлексия в отношении практик полевой работы показывает, что исследователи, как и исследуемые, **не являются гендерно нейтральными и асексуальными** наблюдающими и анализирующими механизмами. Позиция исследователя в поле является личностно определенной. Исследователь(ница) обладает телом, принадлежит к гендерной категории; его (ее) возраст, сексуальность, классовая, гражданская и этническая принадлежность сказываются в исследовательской работе. Позиция в поле и коммуникация с информантами формируются в контексте гендерно маркированных взаимодействий, в том числе сексуально окрашенных, которые включают атрибуцию свойств и ожиданий, динамику отношений

власти и пр. Гендерные характеристики исследовательских взаимодействий являются также важными источниками информации о гендерном порядке. Далее мы рассмотрим на примерах, как конкретно может проявляться гендер и сексуальность в полевой работе.

3.1. Гендер исследователя

Гендерные различия достаточно давно находятся в поле внимания антропологов (например, М. Мид, Р. Бенедикт и др.) и социологов (Чикагская школа и пр.). Однако предметом систематической рефлексии гендерное измерение исследовательского взаимодействия становится в 1970-е гг., а сексуальность — еще позднее. Первоначально исследователи полагали, что в полевой работе женщины, в соответствии с традиционной ролью, обладают некоторыми преимуществами, связанными с усвоенными в ходе социализации коммуникативными навыками: ориентацией на говорящего, умением слушать, способностью завоевать доверие во взаимодействии. При этом в соответствии с патриархатными моделями женщины-исследовательницы воспринимаются как имеющие более низкий профессиональный статус по сравнению с мужчинами. Такие ожидания могут создавать определенные преимущества для получения знания. Так, Уоррен описывает свою полевую работу в суде, когда ей автоматически приписывался статус уязвимой и нуждающейся в опеке представительницы слабого пола, что помогло ей в сборе данных и получении разнообразных разъяснений. С другой стороны, такое позиционирование делало ее уязвимой в отношении навязываемых контактов и форм взаимодействия (включая домогательства) (Warren, Rasmussen 1977: 361–362). В целом считалось, что информанты относятся к женщинам с меньшим подозрением, но одновременно последним сложнее получить доступ в организации с мужским доминированием, они сталкиваются с трудностями при исследовании мужского опыта — сексуальных практик, мужского наркопотребления, гомосексуальности и пр. (Warren, Rasmussen 1977; Golde 1970). Очевидно, что речь идет о гендерных идеологиях и фреймах. Информанты далеко не безразличны к тому, кто их

спрашивает и наблюдает за их действиями — мужчины или женщины. **Их ожидания создают определенный комплекс возможностей и барьеров, которые исследователь должен осознавать в ходе полевой работы.**

Позднее роль женщин-исследовательниц осмысливается не столь однозначно; учитываются ее разнообразные конфигурации. Исследовательницы отмечают, что на практики сбора данных влияет не только пол, но и возраст в сочетании с брачным и материнским статусом. Например, информантки среднего возраста могут отказаться обсуждать опыт сексуальных взаимодействий, беременности, родов и пр. с молодыми незамужними женщинами, поскольку такие разговоры не приняты в данной культуре. За мужний статус и наличие детей помогают обеспечить доступ в поле, навести мосты взаимодействия с информантками схожего статуса. В свою очередь, опыт исследования может изменить взгляды самой исследовательницы, например, стимулировать ее обращать больше внимания на сложности совмещения материнства с другими обязанностями (Warren 2001: 205). Если женщинам легче получить доступ в женские сферы, то гендерная роль мужчины-исследователя связывается с представлениями о мужественности, им легче получить доступ в поле, которое считается опасным или где воспроизводятся гомосоциальные мужские практики (Warren, Rasmussen 1977: 366).

Приведем пример того, как гендерная позиция исследователя сказывается на конкретных исследовательских практиках.

Влияние гендерной позиции исследователя (анализ работы медбратьев)

Исследования работы медбратьев в Калифорнии и Техасе продемонстрировали, что пол интервьюера оказывает дифференцирующее влияние на содержание данных (Williams, Heikes 1993). Это влияние связано с гендерной типизацией рынка труда и повседневными представлениями о мужественности и женственности (повседневными гендерными идеологиями). Для современного общества характерна низкая представленность мужчин среди медицинских работников среднего и низшего звена; эта работа считается «женской»

и не подходящей для настоящих мужчин. Респонденты — медбратья по-разному разговаривали с интервьюерами разного пола; различия были особенно очевидными при ответе на вопросы, касающиеся гендерных различий на рабочем месте: о взаимодействиях с коллегами разного пола или причинах низкой представленности мужчин среди профессионалов, осуществляющих уход за больными.

Объясняя гендерные различия в профессиональных практиках интервьюеру-мужчине, медбратья подчеркивали биологические различия мужчин и женщин: они утверждали, что мужчины по природе своей более приспособлены к уходу в экстренных случаях (*critical care*), а женщины — к рутинному уходу за больными. Когда они разговаривали с интервьюерами-женщинами, то скорее подчеркивали значение личных обстоятельств, определивших выбор профессии. Авторы проекта объясняют такой эффект стремлением следовать **социально приемлемыми нормам взаимодействия** (*social desirability bias*). Биологический аргумент в объяснении гендерных различий в профессиональных практиках мог показаться женщинам-исследовательницам сексистским, и информанты старались не выдвигать его. Напротив, разговаривая с мужчинами, медбратья подчеркивали «естественный» характер различий в работе мужчин и женщин, и таким образом воспроизводили представления о мужественности. В обоих случаях медбратья старались соответствовать социальным нормам гендерного контекста.

Исследователи считают, что необходимо учитывать влияние пола интервьюера при организации сбора данных и анализе интервью. Анализ гендерных взаимодействий в поле должен быть включен в окончательный отчет о результатах исследования. Он поможет понять структурный контекст изучаемых практик, в данном случае — гендерную сегрегацию занятости и сопутствующие гендерные стереотипы (Williams, Heikes 1993).

Некоторые авторы отмечают, что мужчины-информанты склонны в разных формах проявлять властную позицию, когда интервью проводит женщина. Они подчеркивают свой авторитет, демонстрируют экспертную позицию, проявляют себя как руководящие акторы (Pini 2005). В иных случаях мужчины стремятся получить личную информацию об исследовательнице, пытаются сексуализировать исследовательское взаимодействие (Schwalbe, Wolkomir 2001: 94).

Т. Аренделл сравнивает свой опыт проведения интервью с разведенными матерями (60 интервью) и отцами (75 интервью). Мужчины-информанты в ходе интервью четко обозначали свою гендерную роль и старались сократить дистанцию, выясняя у исследовательницы, замужем ли она, имеет ли детей, какие у нее отношения с сыном и его отцом, некоторые приглашали ее поужинать или на свидание; информантки интересовались преимущественно ее опытом материнства. Информанты часто инструктировали исследовательницу, например, как обращаться с записывающей техникой, чего никогда не происходило при взаимодействии с женщинами (Arendell 1997: 350–357). Такое «само-собой-разумеющееся» различие в поведении информантов разного пола — важнейший элемент конституирования гендерных различий в ситуации исследовательского взаимодействия. Даже если исследователь хочет быть гендерно нейтральным, информанты совсем не воспринимают его как чистое *когито*.

Исследование мужчин-руководителей

Молодая исследовательница описывает свой опыт интервьюирования мужчин — руководителей крупной австралийской сельскохозяйственной компании, большинству из которых было более пятидесяти лет (в ходе исследования было взято 15 интервью). В процессе интервьюирования мужчины постоянно демонстрировали свое экспертное знание в дидактической модальности — в нравоучительном тоне просветителя/учителя/отца. Интервью зачастую напоминали мини-лекции (Pini 2005). Анализируя гендерные аспекты исследовательского взаимодействия, автор отмечает, что мужчины, особенно значительно старше ее по возрасту, занимающие руководящие посты в мужских сферах занятости, обозначают свою роль как обучающую/просвещающую, т. е. покровительственно доминирующую.

Данные примеры демонстрируют процесс производства гендера в ситуации интервью. Исследователи указывают, что интервью не является гендерно нейтральной ситуацией, где встречаются абстрактный, лишенный пола ученый и его информант. В ситуации интервью воспроизводятся конвенциональные гендерные роли. Информанты мужского и женского пола следуют установленным

стереотипам соответственно мужского и женского поведения и формируют соответствующие экспектации в отношении информантов. Например, мужчины могут выражать стоицизм по отношению к своему здоровью, воздерживаться от обсуждения эмоционального опыта, интимности, болезней. Болезнь связана с частной жизнью, здоровье обычно не является областью мужской экспертизы, многие мужчины не готовы рассказывать о своем опыте в данной области, хотя некоторые готовы обсуждать систему здравоохранения, врачей, несправедливое отношение к себе или ожидать совета в ходе разговора. Воспроизводство паттернов маскулинности и феминности в исследовательском взаимодействии накладывает существенный отпечаток на интервьюирование и его результаты (Oliffe, Mroz 2005: 258).

Заметим, что в полевой работе могут воспроизводиться не только конвенциональные гендерные модели поведения мужчин и женщин, но и более сложные иерархии мужественности и женственности. Более высокостатусные женщины также могут давать интервью молодым исследовательницам/ям в стиле «мини-лекций», задавая логику беседы. С такими отношениями власти приходилось сталкиваться и авторам данной работы. Кроме того, не все исследователи считают, что мужчины в ситуации интервью занимают и проявляют властные позиции. Существуют разные группы мужчин, разные образцы маскулинности. Так, канадский социолог, исследовавший мужчин, отмечал, что не ощущал проявления конкурентности или агрессивности в репрезентации мужественности среди своих информантов, что могло быть связано с репрезентацией их квир-идентичности или с гомосоциальным взаимодействием (Walby 2010: 646).

3.2. (Гомо)сексуальность исследователя

В полевой работе разыгрываются не только гендерные роли, но может проявляться (проблематизироваться) и сексуальная идентичность исследователя и информанта. Феминистское исследование предполагает, что рефлексия по поводу своей гендерной и сексуальной идентичности и позиции в поле является инструментом

производства научного знания. Социологи и антропологи используют различные тактики управления сексуальной и гендерной идентичностью. Исследователь может скрывать свою (гомо)сексуальность для того, чтобы обеспечить себе доступ в поле или избежать влияния на информантов. Рассмотрим два случая использования противоположных тактик.

Исследование традиционного общества и исследователь-гомосексуал: фальсификация идентичности

Антрополог Ла Пастина в течение трех лет проводил исследование сельских общин в Бразилии, не проявляя своей сексуальной ориентации (La Pastina 2006). Как пишет исследователь, он был открытым гомосексуалом, но понимал, что если заявит о своей сексуальной идентичности в поле, то будет маргинализован в сообществе, и это повлияет на ход исследования. Включенное наблюдение в деревне продолжалось три года. В течение этого времени исследователь представлял себя как гетеросексуала. В последующей рефлексии он пишет, что его решение о самопозиционировании воспроизводило предрассудки гомофобного сообщества. Однако именно такая позиция создавала относительно беспроблемный доступ в сообщество (La Pastina 2006: 732).

Исследование гомосексуалов и исследователь-гетеросексуал: сокрытие и манипулирование идентичностью

Во втором случае социолог, проводя интервью с гомосексуалами-«эскортами» (работниками сферы коммерческого секса) в Канаде, отвечал на постоянно задаваемый ему вопрос о сексуальной ориентации уклончиво и шутивно, стараясь подчеркнуть свою профессиональную асексуальную позицию. Однако социолог обнаружил, что информанты зачастую воспринимали его как потенциального клиента гомосексуальных услуг. Такое наблюдение позволило проблематизировать тактики интервьюирования, связанные с изучением сексуальных отношений (Walby 2010).

В настоящее время гендерная социология исходит из того, что сексуальная идентичность исследователя может оказать влияние на процесс сбора и анализа информации. Существуют темы и поля

эмпирического исследования, которые особенно чувствительны в отношении гендера и сексуальности исследователя. Рефлексия в отношении различных аспектов гендеризации и сексуализации исследовательского взаимодействия позволяет проявить значимые черты социальной организации сексуальности/эротизма/интимности в определенном обществе или гендерной культуре.

ИТАК, обобщим мнения относительно влияния характеристик исследователя на исследовательский процесс.

- Первоначальная позиция «закрытых глаз» в отношении личных характеристик исследователя, его пола, сексуальности, этничности, возраста и проч. сменилась рефлексивностью. Это произошло в ходе осознания значимости субъективности, реципрокности, сотрудничества в полевой работе. Осмысливая полевой опыт, исследователи обратили внимания на влияние гендерных предписаний на коммуникацию с информантами.
- Исследовательское интервью, полевое наблюдение рассматриваются как ситуации, в рамках которых исследователи и информанты действуют в соответствии с гендерными предписаниями.
- Отношения неравенства/власти зависят от контекста — от того, кто, кого и о чем спрашивает, т. е. от возраста, статуса, национальной и сексуальной принадлежности взаимодействующих лиц.

4.

Практические рекомендации для проведения полевого исследования

Сензитивность к гендерным измерениям исследовательской коммуникации может развиваться на всех этапах исследования. Первый этап — доступ к полю — часто вызывает сложности. Однако они могут быть превращены в преимущества. Получено много отказов в доступе к полю и в интервью? Отлично! О чем свидетель-

ствуют эти отказы? Почему женщины/мужчины находят время для ответа на одни вопросы, и не находят — на другие? Каково гендерное измерение таких проблем?

Наш опыт показывает, что в российском контексте женщины охотно дают интервью об организации быта, обеспечении здоровья ребенка, заботе о пожилых родственниках, а мужчины уклоняются от разговоров о рутине домашнего труда (Здравомылова, Роткирх, Тёмкина 2009а). Почему это происходит? В интервью о сексуальной жизни мужчины часто «сбиваются» на абстракции и нормативные суждения, а женщины подробно и в деталях рассказывают о драматическом / романтическом / телесном опыте (Тёмкина 2008). Чем это вызвано? Почему вопрос о контрацепции вызывает у некоторых информанток раздражение, а вопрос об абортах — и вовсе нежелание говорить на заданную тему? Эти «почему» возникают в любом исследовании.

Мы пришли к следующему, казалось бы, простому выводу. Необходимо развивать исследовательскую рефлексивность и представлять ее результаты в финальном отчете по проекту. Необходимо **быть внимательными к отказам от интервью и их гендерному измерению. Такая рефлексивность может показать, как работают гендерные практики и нормы в данном конкретном контексте.** Не стоит оставлять без внимания отказы и иные препятствия в доступе к полю. Постараемся превратить их в материал для обсуждения и постановки следующих вопросов. Может быть, отцы некомпетентны в организации питания и вопросах здоровья, но не хотят это проявить? Может быть, мужчины, следующие паттернам гегемонной маскулинности, считают неуместным рассказывать посторонним о своей интимной жизни или у них нет развитого словаря, который женщины черпают из журналов, романов и повседневных разговоров? Может быть, разговор о контрацепции/абортах воспринимается женщинами как обсуждение их моральных качеств? И так далее. У нас нет готовых ответов — только рекомендация быть бдительными.

Другое напутствие самим себе и нашим коллегам — постараться **быть гендерно чувствительными к тем взаимодействиям, которые осуществляются в полевом исследовании.** Нам представляется, что нужно находить ту формулировку своей задачи,

которая понятна информантам и может их заинтересовать. Возникает вопрос: как это сделать? Какую позицию занять при проведении полевого исследования? Мы не знаем заранее: может быть, информанты захотят помочь молодому исследователю (они сами недавно были студентами, или их дети сейчас заканчивают вузы); возможно, им интересно продемонстрировать свои профессиональные навыки или осмыслить свой жизненный путь; возможно, наши информанты жизненно заинтересованы в исследовании и ждут его результатов, или они не смогли устоять перед обаянием мотивированного исследователя.

Все исследовательские взаимодействия гендерно окрашены. Конвенции гендерного порядка сказываются в отношении к исследователю. Позиция «наивного слушателя» рассматривается как более уместная для молодой исследовательницы, в отличие от исследователя-мужчины зрелого возраста. Профессиональные навыки информанты могут иначе демонстрировать женщине, по сравнению с мужчиной, поскольку им приписывается разный уровень компетенции. Мы должны иметь в виду, что исследователь/ница может восприниматься как сексуальный объект, как актер, который участвует в воспроизводстве гендерных стереотипов или, напротив, содействует их полемке. Гендерные различия проявляются в любой коммуникации — и в исследовательской в том числе. Их практически невозможно нейтрализовать, и потому их нужно сделать инструментом исследования.

Гендерные различия проявляются особым образом при исследовании сензитивных тем. Среди них — темы, которые конвенция относит к сфере личной жизни (сексуальные практики, аборты, разводы, болезни, беременности, роды и пр.), но не только они. В ходе полевой работы возникает вопрос о том, **стоит ли проявлять феминистские взгляды в коммуникации с информантами?** В нашей практике были случаи, когда информанты — представители консервативных общественных движений — могли заподозрить исследователей в феминизме и отказаться иметь с ними дело. Это трудный вопрос. С одной стороны, мы идем в поле не как пропагандисты, а для того, чтобы понять позицию людей и их опыт. С другой — нас действительно могут возмущать, например, сексистские (расистские, ксенофобные, гомофобные и пр.)

взгляды некоторых информантов. Попробуем и эту ситуацию столкновения ценностей превратить в материал для исследовательской рефлексии.

О чем говорит нам, например, опыт молодой женщины-социолога, возмущившейся в ходе интервью двойным стандартом и сексизмом мужчины средних лет, который терпимо, «с пониманием» относится к сексуальной свободе мужчин, считая ее привилегией своего пола, и категорически не приемлет сексуальную свободу женщин? По всей вероятности, такая реакция исследовательницы свидетельствует о том, что ее ценности и ценности ее информанта существенно различаются, если не полностью противоположны. Возможно, эти различия свидетельствуют о поколенческом и гендерном сдвиге в отношении сексуальных норм изучаемого общества. Молодая исследовательница рассматривает двойной стандарт как несправедливость, которая вызывает у нее протест. Делать выводы еще рано (а от возмущения постараемся воздержаться), однако конфликт позиций можно взять на заметку и проверить в ходе дальнейшего исследования.

Другой пример. Нам случалось сталкиваться с отказом исследователей работать с гомофобными или ксенофобными контекстами, противоречащими их убеждениям и вызывающими слишком сильное эмоциональное отторжение. Можно отказаться от таких полей, а можно прислушаться к тому, что такие данные сообщают нам о гендерном порядке — например, о том, что происходит переосмотр ценностей, остро переживается восприятие гомосексуальности, усиливается конфликт гомофобных и толерантных взглядов, происходит артикуляция травмирующего опыта, ранее воспринимавшегося как сугубо приватный и пр.

В заключение сформулируем рекомендации для тех, кто учитывает специфику гендерных исследований и их принципы (DeVault 1999:195–32).

Маржори Дево рекомендует гендерным исследователям создавать собственное би-/мультилингвистическое пространство коммуникации, выходящее за пределы академии и политики (DeVault 1999: 198–202). Это означает, что исследователь должен уметь говорить на разных социолектах: на языке здравого смысла, на конвенциональном языке социологического знания и на языке фемин-

нистских дебатов. Необходим особый навык: умение говорить об исследовании с разными аудиториями, заинтересованной общественностью и информантами. Такой же совет дают сторонники публичной социологии (Burawoy 2014). Если исследователи ориентированы на политический эффект своей научной работы и социальные изменения, необходимо культивировать общение с теми аудиториями, представители которых могут практически использовать результаты исследований и новые знания.

Необходимо быть готовым к вовлеченности и сильным эмоциям, которые могут возникнуть в поле, желательно обращать на них внимание, но не позволять эмоциям нанести ущерб профессиональной социологической работе. Мы не всегда можем предвидеть, какие именно переживания нас ожидают в поле, однако их редко удается избежать. Эмоции могут быть гендерно и сексуально окрашены. Их интерпретация помогает понять не только некоторые свойства гендерного порядка, но и влияние позиции исследователя на коммуникацию в поле.

Феминистское исследование опирается на этические принципы доверительного сотрудничества и эгалитарных отношений в поле. Мы не отказываемся от этих принципов, однако принимаем во внимание проблемы, которые могут порождаться близостью и интимностью, и рефлекслируем по их поводу. Ориентируясь на сотрудничество с информантами, мы стараемся понять его ограничения и зависимость от конкретного контекста, не забывая о том, что сотрудничество гендерно (а иногда и сексуально) окрашено.

Ценности исследователя оказывают влияние на всех стадиях эмпирической научной работы, но желательно, чтобы они не препятствовали профессиональным практикам и не предвосхищали результаты. Необходимо быть готовым к тому, что в обществе, где мы живем и работаем, распространены сексистские и гомофобные взгляды, негативное отношение к феминизму. Наш личный опыт так же, как практики информантов и некоторых коллег, находятся под влиянием структур неравенства, эгалитарные практики могут оказаться не настолько распространенными, как это представляется молодым образованным людям, вооруженным гендерной оптикой.

Выводы

1. Феминистская теория, критический подход в социальных науках, внимание к конкретным обстоятельствам получения эмпирического знания об обществе оказали существенное влияние на то, как формировались принципы феминистского гендерного исследования. Была переосмыслена позиция исследователя в поле и отношения с информантами на разных стадиях научных проектов, гендерные особенности взаимодействия в процессе сбора данных.
2. Ключевые принципы феминистского исследования:
 - политико-академическая направленность;
 - ориентация на улучшение положения и обретение силы информантами; внимание к ранее невидимому — неисследованному — социальному опыту, к повседневности, структурируемой отношениями неравенства и механизмами угнетения и исключения;
 - установка на представление опыта самими женщинами при минимальном вмешательстве социолога;
 - развитие рефлексивной этики в отношении исследовательской коммуникации.
3. Эти принципы способствовали ряду методических инноваций. Среди инноваций особо отмечаются практики группового роста сознания — активистская методология, получившая распространение в 1970–1980-е гг.
4. При использовании различных методов сбора и анализа данных развивается **рефлексивная этика** в отношении исследовательской коммуникации: исследователи осмысливают свою позицию в поле, связанную с личностными характеристиками, стремятся к установлению эгалитарных отношений познающего и познаваемых, к доверительному сотрудничеству в процессе исследования, стремятся способствовать общественным изменениям, улучшающим положение женщин (и других гендерных групп).
5. Отмечается, что сотрудничество и тесное общение с информантами может быть чревато эмоциональными проблемами и моральными дилеммами.

Вопросы для повторения и обсуждения

1. Назовите и проиллюстрируйте на примерах основные принципы феминистского гендерного исследования.
2. Расскажите о методических инновациях в феминистских исследованиях на примере практик групп роста сознания.
3. Что препятствует установлению эгалитарных отношений между исследователем и информантами в полевой работе?
4. Влияет ли и каким образом гендерная позиция исследователя на процесс сбора данных? Приведите примеры конкретных ситуаций.

Основная литература

- Здравомыслова Е., Тёмкина А.* Феминистские рефлексии о полевом исследовании // Лабораториум. 2014. № 1. С. 84–112 (<http://soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/423/1007>; 09.03.2015).
- Рейнхарц С.* Феминистское мультиметодное исследование // Жеребкин С. (ред.) Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 364–385.
- DeVault M.* Introduction: What is Institutional Ethnography? // *Social Problems*. 2006. Vol. 53. N 3 (August). P. 294–298.
- Fonow M., Cook J.* Feminist Methodology: New Applications in the Academy and Public Policy // *Signs*. 2005. Vol. 30. N 4 (Summer). P. 2211–2236.
- Oakley A.* Interviewing Women: A Contradiction in Terms // Roberts H. (ed.) *Doing Feminist Research*. London: Routledge and Kegan Paul, 1981. P. 30–61.
- Olesen V.* Feminisms and Qualitative Research at and into the Millennium // Denzin N., Lincoln Y. (eds.) *Handbook of Qualitative Research*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2000. P. 215–255.
- Reinharz S.* Neglected Voices and Excessive Demand in Feminist Research // *Qualitative Sociology*. 1993. N 16(1). P. 69–76.
- Warren C.* Gender and Fieldwork Relations // Emerson R. (ed.) *Contemporary Field Research Perspectives and Formulations*/ Prospect Heights, IL: Waveland Press, 2001. P. 203–223.

Раздел II. Социологические теории гендерных различий

Лекция 4. Полоролевой ПОДХОД

*Введение — Структурный функционализм и концепция половых ролей —
Основные направления исследований пола/гендера в 1960–1970-е гг. —
Критика и значение подхода — Выводы*

Введение

Полоролевой подход к анализу культурных и социальных моделей мужественности и женственности и различий между группами, определенными по признаку пола, сформировался на базе структурного функционализма, вклад в него также внесли психоанализ и когнитивная психология. Затем он был критически переосмыслен в феминистском ключе. Этот подход господствовал в изучении отношений полов в 1940–70-е гг.

Исходным основанием полоролевого подхода является имплицитное признание биологического детерминизма ролей, отсылающее к фрейдистскому представлению о врожденных мужском и женском началах, закрепленных ранней социализацией и последующим воспитанием. Многие современные исследователи отказываются от того, чтобы использовать его инструментарий, считая

его эссенциалистским, устаревшим и неспособным улавливать динамику, отношения власти, конкретные практики мужчин и женщин и пр. Однако концепты и понятия, разработанные в рамках этого подхода, продолжают использоваться и в теории, и в исследовательской практике, когда речь идет, например, о «балансе ролей», о внутрисемейном разделении труда, разделении труда в организациях или о «гендерном контракте». Важными темами гендерных исследований по-прежнему остаются гендерная социализация, гендерные различия, стереотипы, установки, которые попали в поле исследовательской проблематики именно благодаря полоролевому подходу. Понятие «половой/гендерной роли», многократно раскритикованное и переосмысленное, постоянно возвращается в гендерную теорию, оказываясь востребованным. Так, продолжает переиздаваться книга американского социолога Линдсей Линдзей «Гендерные роли. Социологическая перспектива» (Lindsey 2011 [1997]). Курсы по социологии гендерных отношений, как правило, включают анализ работ основателя полоролевого подхода Т. Парсонса и их феминистскую критику (см., напр.: Тартаковская 2005: 19–33; Воронина 2001: 41–49; Здравомыслова, Тёмкина 2000 и пр.). Поэтому особенно важно понимать, как формировалось и трансформировалось понятие половой роли, как понятие «гендер» постепенно отделялось от понятия «пола», в т. ч. через осмысление социальных «ролей».

В данном разделе рассматриваются теоретические основания ролевого структурно-функционального подхода, получившего широкое распространение в 1940–50-е гг., его развитие в 1960–70-е гг. и вплоть до сегодняшнего дня. Ролевой подход, востребованный в социологии, наиболее активно разрабатывается в рамках психологии гендерных отношений (см. обзор: Клёцина 2004). Мы обращаемся к социологическим источникам 1940–70-х гг., для того чтобы показать логику становления подхода и его последующую критику.

Основные понятия: • функции полов • половые роли • половые различия • социальные ожидания • статус • гендерная идентичность • социализация • ролевой конфликт • гендер • гендерные роли.

1. Структурный функционализм и концепция половых ролей

Общие положения структурного функционализма, которые важны для понимания концепции половых ролей, следующие (см.: Монсон 1992: 31–53):

- Общество рассматривается как система, в которой части определяются по их функциональному значению для целого, поэтому необходимо объяснение внутренних отношений системы, т. е. ее структуры и функций элементов.
- Общество стремится к интеграции на основе общих ценностей и убеждений.
- Общество дифференцировано и стратифицировано.
- Социальное разделение труда является основным механизмом дифференциации, благодаря которому производятся и воспроизводятся различия в социальных позициях (статусах).
- Каждая социальная позиция предполагает определенный набор действий, исполнение которых контролируется обществом (**социальную роль**).
 - Социальная роль представляет собой динамическое измерение социального статуса.
 - Контроль исполнения социальных ролей осуществляется обществом с помощью различных механизмов — положительных и отрицательных санкций.

Социальная роль — совокупность нормативных ожиданий в отношении действий и установок индивидов, занимающих определенную социальную позицию.

1.1. Эмиль Дюркгейм: дифференциация функций полов и солидарность в семье

Работы одного из классиков социологии Эмиля Дюркгейма (Emile Durkheim) интересны для гендерной теории как в плане методологии, так и в плане интерпретации семьи и ролей, пред-

писываемых мужчинам и женщинам. Мы обратимся здесь к двум работам этого автора — «О разделении общественного труда» (Дюркгейм 1991b [1893]) и «Самоубийство. Социологический этюд» (Дюркгейм 1994 [1897]).

Как и большинство мыслителей своего времени, Дюркгейм был убежден в эволюции общественного устройства — движении от дикости к цивилизации. Поскольку с развитием цивилизации социальная дифференциация и неравенство в целом возрастают, эта же закономерность распространяется на отношения полов (феминистскую критику интерпретации половых различий в социальном эволюционизме см.: Ehrenreich, English 2005 [1978]: 128–132). Социолог отмечает: «Женщина тех отдаленных времен вовсе не была тем слабым созданием, каким она стала с прогрессом нравственности» (Дюркгейм 1991b: 58). Чем выше стадия эволюции, тем более выражены различия полов. Постепенно «женщина удалилась от военных и общественных дел... у культурных народов женщина ведет существование, совершенно отличное от существования мужчины» (Дюркгейм 1991b: 61). Демонстрируя характерный для эволюционистов колониальный взгляд на общественное развитие и разделение труда между полами, Дюркгейм противопоставляет «культурным народам» «дикие», «где женщина вмешивается в политическую жизнь» (Дюркгейм 1991b: 59).

В результате эволюции и продолжающегося разделения труда, в основании которого лежат биологические предпосылки, произошла **дифференциация функций полов по принципу дополнительности**: «один из полов завладел эмоциональными функциями, а другой — интеллектуальными» (Дюркгейм 1991b: 61), что отразилось в разделении видов деятельности по половому признаку. Дюркгейм не приводит конкретных примеров подобного разделения, но из его логики следует, что женские функции сосредоточены в основном в домашней сфере, а те виды деятельности женщин, которые можно назвать общественными, связаны с эмоциональным самовыражением (искусство, культура), тогда как мужские — предполагают публичную занятость и большую ориентацию на интеллектуальный труд (профессиональная деятельность, политика, наука).

В работе «О разделении общественного труда» супружеские отношения также рассматриваются из перспективы дифференциа-

ции функций по признаку пола. Здесь, опять же, при отсутствии конкретных примеров у самого автора, мы можем только предположить, какие функции имеются в виду: женская — воспитание детей, домоводство, поддержание родственных и дружеских отношений, мужская — поддержание благосостояния семьи, профессиональная деятельность, участие в общественной и политической жизни. «Изолированные друг от друга мужчина и женщина суть только различные части одного и того же конкретного целого, которое они, соединяясь, восстанавливают. Иными словами, разделение полового труда — вот источник супружеской **солидарности**» (Дюркгейм 1991b: 58). Супружество представляет собой солидарность определенного типа, а именно ту, которую Дюркгейм называет органической. Органическая солидарность формируется через интеграцию различного (в отличие от механической, которая возникает при соединении схожих элементов) и дает устойчивую сплоченность.

Дюркгейм рассматривает **супружество как социальный факт**. Брак — это статистически распространенный феномен, устойчивый тип отношений между полами в человеческом обществе. Особенность социального факта заключается в том, что он действует на членов общества принудительно, вступление в брак поддерживается как социальная норма. Однако функция самого брака различна для мужчин и женщин. В своей работе «Самоубийство», рассматривая брак в целом как снижающий мотивацию к самоубийству институт, Дюркгейм показывает, что брачные отношения содержат потенциал конфликта. «Вкусы, стремления, настроения» мужчины «имеют коллективное происхождение, тогда как у жены они находятся в гораздо более непосредственной зависимости от организма». Институт брака не может удовлетворить одновременно потребности мужчины — «продукта общества» и женщины — «зависимой от природы» (Дюркгейм 1994: 384). Выход состоит в том, что женщина может и должна стать более социальной. Дюркгейм не предполагает, что женщины будут выполнять те же функции, что и мужчины, но считает, что женщина в состоянии исполнять в обществе роль, «которая, будучи чисто женской, была бы, однако, более активной, чем ее нынешняя роль» (Дюркгейм 1994: 384). Т. е. предполагается, что функции полов могут изменяться, но дифференциация функций по полу будет сохраняться.

1.2. Толкотт Парсонс: дифференциация и конфликты половых ролей

Первым крупным социологом-теоретиком, изучавшим социальные роли мужчин и женщин, понимаемые как **половые роли** (sex roles), был Толкотт Парсонс (Talcott Parsons). Интерпретации семьи, половых ролей и социализации исходят из понимания общества как стабильного и солидарного, в основе которого находится разделение труда и дифференциация социальных ролей, в том числе и тех, которые определяются по признаку пола. Разделение ролей в семье обусловлено природными различиями и ранней социализацией мужчин и женщин. Дифференциация ролей, с точки зрения Парсонса, в ходе социального развития усиливается; становится особо значимой взаимодополняемость половых ролей. Отношения полов рассматриваются Парсонсом в контексте института семьи. Наиболее значимые работы, в которых изложены его взгляды на семью и половые роли: «Пол и возраст в социальной структуре Соединенных Штатов» (Parsons 1942); «Система родства в современных Соединенных Штатах» (Parsons 1943); «Американская семья: ее отношение к личности и социальной структуре» (Parsons 1955). Большое влияние на социологию семьи также оказала совместная работа Парсонса и Бейлза «Семейная социализация и процесс взаимодействия» (Parsons, Bales 1955).

Перед интеллектуальным взором Парсонса находится нуклеарная семья американского общества середины XX в., которую он рассматривает как нормативную. Нуклеарная семья основана на браке, представляющем собой гетеросексуальный союз, т. е. союз мужчины и женщины. Семья — это первичная ячейка общества, которая выполняет две основные функции — социализации ребенка и стабилизации взрослого.

Социализация предполагает усвоение ребенком культурных образцов общества, включая образцы поведения, характерные для представителей разных полов. Вторая функция семьи — стабили-

Половая роль — социальные ожидания в отношении поведения людей разного пола. В основе ожиданий лежат представления о биологических различиях мужчин и женщин.

зация — предполагает поддержание эмоционального равновесия личности благодаря отношениям между взрослыми членами семьи. Стабилизация особенно значима в нуклеарной семье индустриального общества, которая относительно изолирована и не имеет поддержки со стороны других родственников.

1.2.1. Дифференциация половых ролей

Социальная дифференциация описывается в структурном функционализме как процесс и результат социального разделения труда, как выполнение различными людьми разных, но дополняющих друг друга задач и ролей. В процессе социализации происходит подготовка людей к выполнению социальных ролей, соответствующих ожидаемой социальной позиции. С точки зрения Р. Линтона (Linton 1942), статья которого опубликована в одном номере журнала со статьей Т. Парсонса (Parsons 1942), статусная позиция определяется на основании как приписанных, так и достигаемых характеристик личности. **Пол и возраст считаются приписанными статусными характеристиками индивида. Общество ожидает от него (нее) исполнения роли в соответствии с возрастной и половой принадлежностью** (Linton 1942: 594). Парсонс показывает, как происходит усвоение норм и меняются социальные ожидания по отношению к представителям разных полов в детстве, юношестве, взрослом и пожилом возрасте (Parsons 1942).

Детская социализация в американском обществе устроена таким образом, что мальчики и девочки, принадлежащие к городскому среднему классу, воспитываются во многом сходным образом. Существуют, однако, и различия в социализации детей разного пола. На детский возраст проецируются представления о дифференциации взрослых ролей. Эти представления проявляются не только в одежде и в играх: исходя из социальных ожиданий, девочки должны быть более послушными и конформными, а мальчики могут быть менее дисциплинированными и нарушать правила. Девочек с самого детства ориентируют на выполнение ролей матери и жены, а мальчиков — на работу в сфере оплачиваемой занятости. Для женщин среднего класса в рассматриваемый период была характерна роль домохозяйки, и девочка постепенно

усваивает ее, усиленно участвуя в домашних делах вместе с матерью и другими домочадцами женского пола. Отец в таких семьях, как правило, работает за пределами домашнего пространства, мальчик не наблюдает за его деятельностью, не может в ней участвовать. Многие представления о мужских ролях имеют абстрактный характер, поскольку их конкретное содержание не доступно для сына (Parsons 1942: 605). Однако отец, трактуемый в духе социологизированного психоанализа, и для девочки, и для мальчика — моральный авторитет, «прототип мужественности», «средоточие родительского давления, направленного на стимулирование возмужания, отказ от инфантилизма, а, следовательно, на усвоение ценностных ориентаций взрослого мира общества». Ожидается, что мальчик, усваивая мужские образцы, достигает определенного уровня компетентности и ответственности для вступления в любовные (супружеские) отношения. Также и женщина может принять на себя семейную роль, только когда она обретет «ощущение ответственности за социализацию своих детей» (Parsons 2002 [1951]: 328, 329).

Следующий этап половой дифференциации — **юношество**. В детском и юношеском возрасте молодые граждане получают среднее и высшее образование. Парсонс исходит из того, что образовательная система в США ориентирована на принцип равенства полов и в ней не наблюдается существенной дифференциации по признаку пола. Однако в других сферах социальной реальности ситуация иная. Дифференциация ролей воспроизводится в молодежной культуре, которая отличается от мира взрослых, в частности, отсутствием ответственности. В этот период жизненного цикла от молодого человека ожидается способность «хорошо проводить время» (а не быть ответственным), спортивные (а не профессиональные) достижения, которые составляют основу привлекательности для противоположного пола. Девушки подчеркивают сексуальную привлекательность, следуя тиражируемым образцам женственности и гламурности (Parsons 1942: 606–607). Подчеркивание сексуальных различий в юности необходимо для поиска партнера и вступления в брак.

Переход к **взрослости** означает отказ от гламурных образцов мужественности и женственности. «Атлетический герой или король

танцев в колледже превращается во взрослого мужчину — прозаичного клерка или юриста» (Parsons 1942: 608). Предполагается, что социально интегрированный мужчина имеет заработок, который является основой его статуса и дохода семьи. Муж в семье выполняет **инструментальную роль** — он обеспечивает доход и престиж семьи, интеграцию семьи в общество. Женщина выполняет **экспрессивную роль**, поддерживая стабильность и эмоциональный баланс внутрисемейных отношений. Ее роль связана с гармонией и солидарностью, отношениями членов друг с другом и их эмоциональным состоянием (Parsons 1964: 59–60). Замужние женщины, согласно этой модели, не имеют оплачиваемой работы, их статус связан с супружеством, зависит в первую очередь от занятости и достижений мужа. Жене достаются функции управления домохозяйством, которые могут быть названы «псевдозанятостью», поскольку могут быть замещены наемным персоналом. Домохозяйство и забота — это главное содержание взрослой женской роли в «утилитарном» разделении труда, что делает модель домохозяйки для взрослой женщины нормативной, т. е. социально предписываемой.

Примеры идеологии нормативных половых ролей и «семейных ценностей», которые транслировались в разных руководствах по домохозяйству в 1950-е гг., приводит И. Тартаковская (2008). Эксперты рекомендуют женщинам в семейной жизни и домашнем быту следовать правилам, которые подчеркивают их зависимость от супруга, необходимость обслуживать его, «не задавать вопросов о его действиях», «не сомневаться в его суждениях», и помнить, что «он — глава семьи».

Поскольку нуклеарная семья относительно изолирована от других родственных связей, на женщину ложится полная ответственность за воспитание детей. Усиливается эмоциональная привязанность ребенка к матери. Парсонс отмечает, что половые роли претерпевают изменения, в частности, происходит процесс «профессионализации» роли

Интенсивное материнство — современная культурная модель материнских практик, которая является детоцентристской, опирается на экспертное знание о воспитании ребенка, требует от матери существенных временных, финансовых и эмоциональных вложений.

матери по отношению к детям, которая выражается в рационализации заботы на основе научных подходов. Формируется тренд, впоследствии названный **интенсивным материнством** (Hays 1996), при котором мать выступает основным агентом заботы о детях, эта забота опирается на советы экспертов и является затратной по времени, труду, эмоциональным и материальным вложениям.

Как Парсонс объясняет полоролевые различия? В работе «Американская семья» он пишет: «Фундаментальное объяснение распределения ролей между биологическими полами заключается в том, что вынашивание и выкармливание детей создает преимущественную связь между матерью и маленьким ребенком, что в свою очередь предполагает, что мужчина, лишенный этих биологических функций, должен специализироваться в другом, инструментальном направлении» (Parsons 1955: 23; цит. по: Парсонс 1997).

Дифференциация половых ролей обеспечивает интеграцию семьи как социальной системы, уменьшает соревновательность супругов за статус, снижает вероятность конфликтов. При таком разделении становится «меньше возможностей для развития зависти супругов друг к другу и чувства неполноценности каждого из них» (Parsons 1943: 35).

Однако статус семьи в целом как домохозяйства, напомним, определяется по статусу мужа в сфере занятости. Поэтому, пишет Парсонс, в западной культуре существует тенденция определять женскую роль как зависимую, женщины не действуют от своего имени, они не имеют собственности и не заключают контракты. Такая асимметрия в распределении ресурсов является источником внутрисемейного напряжения (см. ниже). При этом нормативно брак характеризуется равенством и взаимностью, в нем нет жестко структурированных образцов доминанции (Parsons 1943: 33–36).

Обсуждая социальную организацию **пожилого возраста**, Парсонс отмечает, что для него характерна изоляция от наиболее значимых социальных структур. В первую очередь этот процесс затрагивает мужскую роль. Во-первых, изоляция является следствием нуклеаризации семьи и проявляется в том, что взрослые дети становятся независимыми от родительской семьи и покидают ее, организуя собственное домохозяйство. Во-вторых, изоляция является результатом прекращения трудовой деятельности и выхода на

пенсию, когда мужчина-добытчик перестает выполнять свои основные функции, связанные с профессиональной принадлежностью. Мужчины пожилого возраста оказываются изолированными от тех видов деятельности и интересов, которым была посвящена вся их предшествующая жизнь (Parsons 1943: 616).

1.2.2. Напряжения и конфликты половых ролей

Несмотря на функциональность дифференциации половых ролей для поддержания стабильности семьи и ее связи с обществом, Парсонс отмечает напряжение, которое вызывает разделение ролей на инструментальную и экспрессивную в контексте нуклеаризации семьи и разделения профессиональной и домашней сфер (Parsons 1942: 609–611; Parsons 1943: 35–37). Разделение ролей и, как следствие, ассиметричные отношения в браке и сфере занятости являются источником неудовлетворенности, внутрисемейных конфликтов, фрустрации (Parsons 1943: 34, 36).

Речь идет о развитом индустриальном обществе середины XX в. В таком обществе роль женщины-домохозяйки как псевдопрофессия обладает более низким статусом, чем мужская; сама роль относительно лабильна, некоторые ее функции передаются нанятым работникам, если в семье имеется такая возможность (Parsons 1942: 609–610). Домохозяйка, по крайней мере в высшем и высшем среднем классе, может не вести хозяйство и не осуществлять уход за ребенком единолично, делегируя часть своей ответственности оплачиваемым помощникам. Но освобождение от части домашних обязанностей не решает проблемы ассиметричных отношений в семье и зависимости женщины от мужа.

Если домашняя роль вызывает напряжение и является потенциальным источником конфликта, то существуют ли альтернативы? Разумеется, часть женщин занята в сфере оплачиваемого труда. Однако, как правило, в США середины прошлого века это были незамужние женщины, вдовы, разведенные и те, чьи дети уже выросли. Женщине предписывается поддерживать баланс между профессиональной и семейной ролью, при этом профессиональная роль не должна быть преобладающей. В ином случае полноценная профессиональная занятость женщины могла бы приводить к

конкуренции в семье за профессиональный статус, опасной для солидарности семейной единицы (Парсонс 2000: 368). Те женщины, профессиональный статус которых был сопоставим со статусом мужчин, в основном являлись незамужними, а профессионально-должностной статус замужних женщин был ниже статуса их мужей. «Женщины имеют работу, а не карьеру», — пишет Парсонс (Parsons 1943: 35).

Существуют другие роли, которые могут исполнять женщины, кроме роли домохозяйки. Они могут быть связаны с развитием культурных интересов женщины (искусство, музыка, дизайн), с благотворительностью в отношении детей и больных людей. Женщина может быть также компаньонкой (составлять компанию другим женщинам в путешествиях, походах по магазинам, развлечениях и занятиях). Такие альтернативы — назовем их «благотворительницей», «светской женщиной» — становятся актуальными, когда подрастают дети, однако они недостаточно институционализированы и выбор их ограничен (Parsons 1942: 613). Женщины в обществе с высокой ценностью индивидуальных достижений, по сути, принимают только одно значимое жизненное решение — выбор брачного партнера. И если замужних женщин не удовлетворяет роль домохозяйки и матери, имеющиеся альтернативы не могут обеспечить им достаточно высокого индивидуального статуса и признания в обществе.

Многие женщины, отмечает Парсонс, отвечают на напряжение, создаваемое ограничениями женской роли, следованием гламурным образцам, пытаясь обрести значимость через сексуальную привлекательность, неврозами или избыточной, навязчивой заботой о доме. Результатом напряжения может стать невротичное поведение (Parsons 1942: 623, 1943). Это то, что позже феминистка либерального направления Бетти Фридан в своей работе «Тайна женственности» (1994 [1963]) обозначит как **«проблему, не имеющую названия»** (см. далее).

Мужская роль в интерпретации Парсонса связана с престижем, достижениями и властью, однако и она сопровождается ограничениями и вызывает напряжение. Мужчина не имеет возможности развивать другие интересы, поскольку его основная энергия, эмоции и время тратятся на работу, содержание его роли оказывается специализированным и узко ограниченным. Из-за профессиональной

специализации у мужчины мало общих интересов с женой, и это порождает напряжения и конфликты в семье. Мужчина также имеет мало оснований для дружбы с женщинами, которые воспринимаются им только в контексте сексуальных отношений, а не как личности. От признания напряжений и ограничений половых ролей всего один шаг до последующей феминистской критики сексуальной объективации женщины и критических исследований маскулинности.

1.3. Мирра Комаровски: конфликт женских ролей

Американский социолог Мирра Комаровски (Mirra Komarovsky) несколько десятилетий изучала конфликты и напряжения женских и мужских ролей в разных социальных слоях (Komarovsky 1946, 1953, 1964, 1985, 1973). В своей ранней работе на основе анализа автобиографических нарративов и интервью со студентками колледжа автор показывает, что в 1940-е гг. в США молодые женщины ориентировались одновременно на две противоречащие женские роли, которые она называет «женственной» (традиционной) и «современной», т. е. имеет место ролевой конфликт (Komarovsky 1946). Соответственно, студентки постоянно сталкивались с необходимостью удовлетворять противоположные социальные ожидания, соответствующие этим ролям. Этот тезис созвучен положению Т. Парсонса о напряжениях, вызванных ограничениями половых ролей.

Женственная роль проявляется в таких моделях, как «гламурная девушка», «домашняя девочка», «молодая леди» и пр. Существуют разные вариации этой роли, однако все они предполагают, что замужество и семья являются нормативной составляющей роли женщины, и соответствующая роль для мужчин — роль добытчика. Вторая — современная женская роль — допускает преодоление полоролевой границы и предписывает женщинам следовать тем же образцам поведения, которым следуют мужчины соответствующего возраста в сфере профессиональной деятельности. Конфликт между «женственной» и «современной» ролями сказывается на отношении к учебе и работе, социальной жизни, отдыху. Автор приводит многочисленные цитаты, в которых девушки рассказывают о том, какие оценки дают им родители. Если их поведение не

соответствуют традиционным ожиданиям, то они слышат неодобрение. Ориентация исключительно на современную роль не поощряется. «Ты становишься слишком образованной и интеллектуальной, чтобы быть привлекательной для мужчин», — говорят такой девушке окружающие. Молодой человек авторитетно говорит своей подруге: «Я не думаю, что тебе надо делать карьеру»; другой делится своими намерениями: «Моя жена будет сидеть дома, и это сделает ее счастливой» (Komarovsky 1946: 187). Конечно, находятся молодые мужчины, которые высказывают несколько иную точку зрения, соглашаясь с желанием девушки строить профессиональную карьеру, но на определенных условиях. Исследование показывает, что многие студентки предпочитают скрывать свои академические успехи в коммуникации с мужчинами, демонстрируя свою неосведомленность, оставляя за ними последнее слово. Студентки, таким образом, подчиняются неписаному правилу, согласно которому в паре мужчина должен быть более профессионально успешным, чем женщина.

Полоролевые ожидания и феминистские идеи в США 1950-х гг.

Голливудский фильм «Улыбка Моны Лизы» (2003, реж. Майк Ньюэлл) рассказывает историю молодой преподавательницы истории искусств Кэтрин Энн Уотсон, которая работает в консервативном частном женском колледже Уэлсли в 1953 г. Успешных выпускниц женского колледжа общество в лице преподавателей и родителей ориентирует на замужество, материнство и роль домохозяйки. Уроки по домоводству считаются важнейшими для подготовки к этой роли. Уотсон пытается внушить своим студенткам, что они не должны ограничивать свои жизненные перспективы ролью домохозяйки и приносить в жертву супружеской и материнской роли профессиональную самореализацию. Она верит, что возможен баланс ролей. Однако идеи мисс Уотсон кажутся окружающим странными и несвоевременными: они не находят отклика среди большинства студенток и порицаются администрацией. Под давлением руководства Уотсон уходит с работы. Однако ее усилия не напрасны. Студентки признают, что Кэтрин заставила их посмотреть по-новому на окружающий мир и собственное будущее, раздвинуть гендерные границы.

Комаровски анализирует конфликт между различными ролевыми ожиданиями, с которыми сталкивается молодая женщина. Такие социальные институты, как родительская семья и высшее учебное заведение, ожидают от студентки освоения «современной» роли. Одновременно родительская семья и социальное окружение требует, чтобы ее поведение соответствовало традиционной «женственной» роли. Вспомним проведенный Парсонсом анализ молодежной культуры, допускающей равенство в институтах образования и дифференцированной по полу во взаимодействиях. В результате, пишет Комаровски, возникает неопределенность выбора роли и уязвимость молодых образованных женщин, поскольку требования образования и занятости противоречат требованиям конвенциональной женственности (Komarovsky 1946).

Полоролевой конфликт

Социальные ожидания по отношению к женщинам в 1960-е гг. наглядно описаны в романе Кэтрин Стокетт «Прислуга» (Стокетт 2011). Героиня романа – Скитер – заканчивает колледж в 1960-е гг., в то время как многие ее однокурсницы оставляют учебу, чтобы освоить роль жены. Мать героини недоумевает, почему ее дочь, которая тайно хочет стать (и в конечном счете становится) писательницей, не устраивается на такую работу, где можно найти мужа. Потенциальный жених исходит из таких же представлений, предполагая, что ведение рубрики по домашнему хозяйству в газете связано со стремлением Скитер выйти замуж. Работа героини, так или иначе, связывается ее окружением с ориентацией на замужество, а не на профессиональную карьеру.

В качестве более близкой российскому читателю версии полоролевого конфликта вспомним повесть Натальи Баранской «Неделя как неделя» (Баранская 1969). В 1960-е гг. для советских женщин, о которых идет речь, не был характерен выбор между работой и домом, они, как работающие матери, должны были совмещать данные роли (Роткирх, Тёмкина 2007). Однако между этими ролями также постоянно возникал конфликт. Ожидалось, что работающая мать – а именно такую модель женской роли представляет героиня повести – должна эффективно организовывать заботу о детях и выполнять свои профессиональные обязанности. Она при этом находится в постоянном стрессе, выстраивая сложные

стратегии совмещения потребностей детей и семьи с одной стороны, и рабочие обязанности – с другой. Ситуация осложняется тем, что это происходит в условиях советского дефицита товаров и сервиса.

Последующие исследования показали, что у женщин, ориентированных в первую очередь на замужество, ролевой конфликт выражен в меньшей степени, чем у тех, кто планирует совместить карьеру и замужество (Wallin 1950; цит. по: Komarovsky 1973: 873). Меньшая конфликтность ролей существует и в рабочем классе по сравнению со средним, поскольку семьи настроены на более традиционные образцы (Komarovsky, Philips 1964).

Половые роли в среде рабочего класса в 1960-х гг., как показывает крупномасштабное исследование семей «синих воротничков» (Komarovsky 1964), в основном традиционные, они не так противоречивы, как в среднем классе. Комаровски обнаруживает, что роль домохозяйки в рабочей среде не вызывает тех фрустраций, которые существуют среди женщин среднего класса. Рабочий класс испытывает напряжение не в силу конфликта между традиционными и современными половыми ролями. Напротив, именно сохранение традиционных норм вызывает напряжение в семье и способно породить конфликт, поскольку не соответствует изменяющимся социальным нормам, задаваемым средним классом. Потребность в интимности не удовлетворяется в рамках брака. Традиционные нормы оказываются дисфункциональными для семьи. В среде рабочего класса модели брака как партнерства или дружбы жены и мужа в этот период не имеют распространения; супруги, особенно жены, в нуклеарных семьях не получают эмоциональной поддержки, мужчины и женщины работают и проводят свободное время в сегрегированных сферах, общаясь преимущественно с представителями своего пола. В рабочем классе половые роли остаются традиционными, и это также вызывает напряжение.

1.4. Бетти Фридан: феминистская критика женской роли

С конца 1960-х гг. звучит критика полоролевого подхода, обозначая проблематику неравенства, интерес к женскому дви-

жению, феминизму, к интерпретации барьеров и дискриминации, к категории власти и ресурсов. Феминистский подход не рассматривает половые роли как взаимодополняющие и функциональные, но делает акцент на их иерархии и отношениях неравенства.

Феминистская критика считает, что классический структурно-функциональный анализ половых ролей является нормативным, не предусматривающим изменения половых ролей и упускающим из виду неравенство полов и отношения власти.

Так, в книге, ставшей классической, феминистка либерального направления Бетти Фридан посвящает одну из глав «функционалистским заморозкам», критикуя, с одной стороны, Парсонса (а фактически — то общество, которое он анализирует) за то, что для женщин не предусматривается иных ролей, кроме домохозяйки, с другой — М. Комаровски — за то, что она не смогла

избежать функционалистского предположения о необходимости адаптации к существующему порядку. Фридан показывает, что нормативная модель с мужем-добытчиком и женой-домохозяйкой в США 1960-х гг. ведет к напряжениям и фрустрациям. При этом важными для феминизма признаются работы антрополога функционалистского направления Маргарет Мид (Фридан 1994 [1963]: 184–189). Маргарет Мид на основе этнографических исследований в Новой Гвинее показала, что мужчины и женщины в разных культурах выполняют разные роли, в том числе и противоположные, опровергнув тезис об универсальности половых ролей (Мид 1988 [1935]). Под прицел феминистской критики попадают и психоаналитические подходы к женственности (см. далее).

Либеральное направление женского движения проблематизировало нормативность роли «домохозяйки». Феминистская критика подчеркивает, что нормы, предписывающие женщине роль домохозяйки, закрепляют такие характеристики ее положения, как экономическая зависимость; приоритет материнской и супружеской, т. е. семейных, ролей. В результате таких ожиданий одинокие, бездетные женщины или карьерно успешные женщины оказываются маргинализированными и воспринимаются как отклонение от нормы, а домохозяйки (в США 1960-х гг., принадлежащие к среднему

классу и часто с высшим образованием) чувствуют фрустрацию от ограничения своей роли.

Проблема многих благополучных домохозяек, или «проблема, которая не имеет названия», может подталкивать их к алкоголизму, постоянным адюльтерам, использованию транквилизаторов и быть причиной развития психических заболеваний. Однако такие отклонения считались индивидуальными и трактовались в психоаналитическом ключе. Единственное, о чем мечтали женщины в 1950–60-е гг., — пишет Фридан, «быть идеальными женами и матерями <...> они боролись только за то, чтобы заиметь и удержать мужа», а если «у женщины возникала проблема, она знала, что, должно быть, что-то не так либо с ее замужеством, либо с ней самой» (Фридан 1994 [1963]: 53). Фридан обнаружила, что многие вполне благополучные домохозяйки ощущают одиночество и пустоту, поскольку они ограничены своей частной жизнью и не могут осознать ловушку, в которую попали (Фридан 1994 [1963]: 54–55).

Феминизм в своей либеральной версии не только критикует, но и адаптирует тезисы Т. Парсонса о напряжении половых ролей для анализа угнетения женщин и мужчин предписанными им традиционными нормами и стереотипами. Меняется фокус анализа половых (гендерных) отношений: **акцент делается на измерение неравенства, на обоснование возможности ролевых изменений, выхода женщины за пределы домашней роли.** Для этого были нужны законодательные изменения, направленные на равенство в оплате труда, в образовании, в доступе к ресурсам, которые были начаты в 1960-е гг. под влиянием женского движения (Брайсон 2001: 166–170; см. также лекцию 12). Феминистки стараются направить усилия на изменение социальных ожиданий по отношению к половым ролям и изменение процессов социализации, в ходе которых роли усваиваются.

ИТАК, повторим основные тезисы, сформулированные классиками полоролевого подхода, и основные пункты феминистской критики:

- Дюркгейм, исходя из эволюционного представления о развитии общества, формулирует тезис о дифференциации функций полов: женщины осуществляют эмоциональные, а мужчины — интел-

лектуальные функции. Разделение труда признается основой солидарности в обществе и в браке.

- Парсонс, следуя логике Дюркгейма, показывает, что дифференциация половых ролей (мужчины выполняют инструментальную роль, а женщины – экспрессивную) необходима для интеграции и социальной стабильности общества и семьи. Пол и возраст являются приписанными статусными характеристиками. Половые роли видоизменяются в разных возрастных группах.
- Парсонс показывает, что и мужчины, и женщины ограничены своими нормативными ролями, что является источником конфликтов и напряжений.
- Комаровски исследует ожидания в отношении женских ролей и обнаруживает у среднего класса противоречие традиционных и современных представлений о женственности и женской роли.
- Положения полоролевого подхода подвергаются критике со стороны феминистских авторов, в центре внимания которых находятся неравенство и дискриминация женщин. Феминистская критика считает, что классический структурно-функциональный анализ половых ролей является нормативным, не предусматривающим изменений половых ролей и упускающим из виду неравенство полов и отношения власти.

2.

Основные направления исследований пола/гендера в 1960–1970-е гг.

Исследования половых ролей получили дальнейшее развитие в 1960–1970-е гг. Основные направления исследований и дискуссия широко представлены в обзорной литературе по социологии и гендерным исследованиям (Hochschild 1973; Huber 1973; Lipman-Blumen, Tickamyer 1975; Lopata, Thorne 1978; см. также: Komarovsky 1992; Коннелл 2000 [1987] и пр.). Авторы связывают рост интереса

к этой тематике в первую очередь с демографическими и структурными изменениями в сфере занятости. Массовый приток женщин в сферу оплачиваемого труда, рост продолжительности жизни, уменьшение размера семьи, появление женского движения — указываются социологами в качестве значимых факторов, привлечших внимание исследователей к женским и мужским ролям. Усиливается влияние феминистской мысли на социологию (подробнее см. лекцию 1). Исследователи обсуждают различные аспекты женской роли: образование, оплачиваемую занятость, фертильность, домашний труд; появляется также анализ мужских ролей.

Далее мы представим обзор направлений исследований половых ролей, которые активно обсуждались в социологической и психологической литературе в этот период. К ним относят: изучение половых различий, исследования социализации мальчиков и девочек, половых ролей и норм, изучение статуса женщин как социальной группы. Мы опираемся здесь в первую очередь на литературу конца 1960-х — начала 1980-х гг., но иногда также привлекаем более поздние источники, в которых данные направления исследований получили дальнейшее развитие.

2.1. Исследование половых различий

Исследования половых различий, проводимые преимущественно психологами, являются значимыми для объяснения дифференциации мужских и женских ролей.

В фокусе их внимания находятся индивидуальные характеристики личности. Классической является работа психологов Е. Маккоби и К. Джаклин «Психология половых различий» (Maccoby, Jacklin 1974), в которой обобщаются исследования половых различий темперамента, поведения и когнитивной сферы. На русском языке всесторонний критический обзор исследований по этой тематике представлен психологом Ириной Клёциной (Клёцина 2004).

В психологии анализируются когнитивные, мотивационные, нравственные и поведенческие различия между мужчинами и женщинами (Hochschild 1973; Lipman-Blumen, Tickamyer 1975). Мужчины и женщины рассматриваются как целостные группы, социально-культурные категории, гомогенные по своей внутренней

структуре. В рамках данного подхода утверждается, что половая принадлежность влияет на то, как люди действуют и воспринимают мир. На межличностном уровне женщины рассматриваются как более эмоциональные, зависимые, физически более слабые, импульсивные и пр. Мужчины определяются как рациональные, независимые, более сильные, склонные к агрессивным действиям, логическому мышлению, стратегическому планированию.

В чем же выражаются половые различия? В сфере поведения фиксируется бóльшая агрессия у мальчиков, конформность у девочек. В когнитивной сфере у девочек более развиты вербальные, а у мальчиков — пространственные и математические способности. Девочки лучше решают некоторые творческие задачи, чем мальчики. Однако мальчики со временем показывают лучшие результаты в целом, их успехи связаны с лучшим контролем импульсов, агрессивностью, соревновательностью, ориентацией на достижения. На основании исследований мотивации в 1970-е гг. была сформулирована концепция боязни успеха у женщин. Девушек ориентируют на избегание успеха, поскольку достигательные ориентации и соответствующие им практики отождествляются с мужественностью.

В сфере исследования нравственного сознания важным является исследование американской феминистки, когнитивного психолога Кэрол Гиллиган (Gilligan 1982; Гиллиган 2000 [1982]). Гиллиган различает процедурную (мужскую) и отношенческую (женскую) модели морали. Она показывает, что при решении моральной дилеммы девочки в большей степени склонны договариваться, а мальчики ориентируются на формальные правила (их соблюдение или нарушение). Согласно когнитивному психологу Лоренцу Кольбергу, которому оппонирует Гиллиган, высшая ступень нравственного развития предполагает решение моральной дилеммы через обращение к формальным правовым процедурам. Ориентация женщин на сотрудничество, взаимопонимание, сопереживание и заботу, а не на кодифицированные правила, с точки зрения Гиллиган, — это не показатель неразвитого нравственного сознания и отклонения от (мужской) нормы, а свидетельство существования морали другого типа (см. об этом подробнее в лекции 10). Ее текст декларирует инаковость женского взгляда на мир, которые мужчины не могут разделить в силу различий социализации. Впоследствии

выводы Гиллиган также подвергались критике за эссенциализм и неправомерное обобщение и постулирование универсалий нравственного сознания по признаку пола.

Уже в 1970-е гг. исследователи обращают внимание на недостатки исследований психологии полоролевых различий. Как отмечают американские социологи Джин Липман-Блюмен и Энн Тикеймер, исследования половых различий фрагментированы, разрознены, контекстуальны и при этом претендуют на крупные обобщения. Исследователи часто игнорируют тот факт, что внутригрупповые различия больше, чем различия между группами, выделяемыми по признаку пола, т. е. различия между разными категориями женщин (или мужчин) могут быть бóльшими, чем различия между мужчинами и женщинами (Lipman-Blumen, Tickamyer 1975: 301).

Как показывает социолог Эми Вортон (Wharton 2012), в 1970-е гг. академические исследования половых различий рассматривались также как политический проект. Исследователи были убеждены, что научный анализ поможет устранить половые стереотипы и представления, которые утверждают вторичность женщин по отношению к мужчинам. Это направление исследований успешно развивается и по сей день: исследуется огромное количество личностных характеристик, способностей и поведенческих ориентаций, различающихся или сходных у мужчин и женщин, например такие, как заботливость женщин и агрессивность мужчин (Wharton 2012: 27–28).

В 1960–1970-е гг. предлагаются разные объяснения подобных различий. Исследователи объясняют различия психологических характеристик и действий различиями гормонов, хромосом, внутренних органов, инстинктов, генов. Социологи и психологи подчеркивают влияние социума, подчеркивая связь различий с обществом и его культурой. В фокус рассмотрения попадают социальные ожидания и процессы социализации.

2.2. Социализация: механизм воспроизводства половых ролей

Аналитическая привлекательность понятийного аппарата полоролевого подхода для феминизма и исследований половых различий объясняется тем, что этот подход подчеркивает роль меха-

низмов социализации в объяснении различий положения женщин и мужчин в обществе. Процессы социализации и структурные условия (дискриминирующие в определенных аспектах один пол и поощряющие другой) как бы «обрабатывают» биологическую половую дихотомию. Поведение мужчин и женщин различно, поскольку оно соответствует разным социальным ожиданиям. Исследователи показывают, как эти ожидания воспроизводятся в различных социальных институтах: в школе, семье, профессиональном сообществе, средствах массовой информации и культурной продукции (см., напр.: Lindsey 2011; Берн 2002).

Социализация исследуется в разных возрастных группах, при этом особое внимание уделяется детству и юности. **Полоролевая социализация** включает две взаимосвязанные стороны: а) освоение принятых моделей мужского и женского поведения, отношений, норм, ценностей и стереотипов; б) воздействие общества, социальной среды на индивида с целью привития ему определенных правил и стандартов поведения, социально приемлемых для мужчин и женщин (Денисова 2002).

Полоролевая социализация — процесс усвоения женских/мужских ролей.

Освоение половых ролей продолжается и во взрослом возрасте (Lipman-Blumen, Tickamyer 1975: 304–307). Социализация осуществляется «значимыми другими» в семье, значимую роль играют массмедиа (телевидение, печать, интернет) и молодежная культура. Исследователи отмечают, что с младенцами разного пола с момента рождения и установления биологического пола обращаются по-разному. С девочками больше разговаривают, их больше держат на руках, с мальчиками обращаются более жестко, объятия не приветствуются. Как показывают различные исследования, в детском саду более жестко контролируется выполнение половой роли мальчиками, чем девочками. Позднее школа, группы сверстников, средства массовой информации оказывают влияние на полотицизированное поведение. Когда дети подрастают, различия подчеркиваются еще больше (Lipman-Blumen, Tickamyer 1975: 303–305). В подростковом возрасте юноши получают больше позитивных оценок за демонстрацию черт, ожидаемых от мужчин, в том числе

за ориентацию на достижения. Мальчикам предоставляется больше возможностей для независимых действий: им разрешается играть за пределами дома, возвращаться позднее и пр. У мальчиков больше автономии, чем у девочек, их побуждают к вовлеченности в действия за пределами домашнего пространства. Девочкам в большей степени предписывается забота о доме и членах семьи. Взрослые традиционные роли репрезентируются в СМИ, культурных продуктах, психологических руководствах, медицинских справочниках и инструкциях и пр.

Социальные институты транслируют **стереотипы**, связывая маскулинность с одними типами личных качеств и видами деятельности (например, с рациональностью, силой и материальным обеспечением семьи), а женственность — с другими (например, с эмоциональностью, слабостью и заботой) (о стереотипах см.: Клэцина 2004: 246–285). Стереотипы — через информационное и нормативное принуждение — обеспечивают соответствие поведения социальным ролям (Берн 2002: 80).

На вопрос о том, каков конкретный механизм усвоения половых различий и ролей, психологи предлагают различные ответы, в зависимости от школы, к которой они принадлежат. Среди них — психоаналитическая теория, теория социального научения, когнитивного развития, а также теория гендерной схемы (см.: Бем 2004 [1983]: 308–313).

2.2.1. Полоролевая социализация: психологические подходы

В психоаналитической теории основной рассматриваемый процесс — это идентификация ребенком себя с родителем своего пола. Усвоение половых ролей в психоаналитических подходах объясняется способами прохождения фаллической фазы психосексуального развития, в течение которой разрешается эдипов комплекс и формируется Эго (см. в частности Фрейд 1989а, 1989б). Эдипов комплекс — это фаза раннего психологического развития индивида, на которой ребенок ощущает сильное чувство любви к своей матери и одновременно чувство ненависти к своему отцу, потому что отец обладает сексуальными правами на мать и символически угрожает мальчику кастрацией. Комплекс преодолевается, когда мальчик

подавляет эротическое влечение к матери и антагонизм по отношению к отцу. Так формируется мужественность. Эти процессы иначе происходят у девочки. «Согласно Фрейду, эдипово развитие девочки основывается на принятии своего подчиненного кастрированного положения, отвращении, гневе и разочаровании в матери и принятии отца в качестве объекта любви, из-за чего мать воспринимается как сексуальная соперница» (см.: Тайсон Ф., Тайсон Р. 2006: 290). Маленькую девочку формирует «зависть к пенису», она разрывает связь с матерью, которая считается ответственной за его отсутствие. Отказ от матери происходит через ненависть, которая затем частично преодолевается. Женственность реализуется в стремлении родить ребенка мужского пола, обладающего пенисом, определяется как пассивная (в отличие от активной мужественности). Социальные интересы у женщины более слабые (вспомним Дюркгейма), способность к сублимации влечений меньше, чем у мужчины, склонности к нарциссизму выше (Фрейд 1989а: 384). У женщины формируется относительно слабое чувство справедливости и *суперэго* (сверх-Я, т. е. способность к самоконтролю). *Супер-Эго* — это одна из трех структур личности, наряду с *Ид* (Оно) и *Эго* (Я), это психическая система, функцией которой является установление и сохранение моральных норм, а также желаемых целей и идеалов. *Эго* обозначает переживаемое чувство себя и психическую систему, в функции которой входят организация и синтез личности, регуляция влечений и адаптация к реальности. *Ид* — это система, включающая в себя инстинктивные влечения, т. е. мотивационные силы, побуждающие психику к активному поиску удовлетворения (см.: Тайсон Ф., Тайсон Р. 2006).

Теория социального научения утверждает, что поведение человека формируется позитивным подкреплением среды. Усвоение половых ролей происходит через процессы подкрепления ожидаемого от мальчиков и девочек поведения посредством вознаграждения и наказания. Поведение соответствует стереотипам, характерным для конкретной культуры. К мальчикам и девочкам относятся по-разному, их поощряют и наказывают за разное поведение. Данная теория рассматривает социализацию как процесс внешнего воздействия на личность, ребенок является относительно пассивным реципиентом.

Теория когнитивного развития рассматривает ребенка не в качестве пассивного объекта социального воздействия, а как активного участника усвоения социально одобряемого для соответствующего пола поведения. Главная информация поступает от взрослых. Ребенок узнает, что существует два пола, и включает себя в одну из двух категорий. После того как ребенок определил свой пол, он(а) начинает выбирать то поведение, которое является социально одобряемым для мальчика/девочки (см.: Клэцина 1998).

2.2.2. Феминистские интерпретации социализации

Феминистские авторы в конце 1970-х — начале 1980-х гг. критически переосмысливают психоаналитические и когнитивные теории. Они предлагают иной взгляд на формирование половых различий под влиянием социальных институтов (в первую очередь семьи) и культуры. Среди заметных фигур — Н. Ходоров и С. Бэм. В этот период авторы уже используют термин «гендер», о котором речь пойдет дальше.

В феминистском ключе психоаналитические теории переосмысляются в классической работе американского социолога и психоаналитика Нэнси Ходоров «Воспроизводство материнской заботы. Психоанализ и социология гендера» (Chodorow 1978; в русском переводе см.: Чодороу 2006; см. также лекцию 1). Термин *mothering* в заглавии книги Ходоров *Reproduction of Mothering* иногда переводится на русский язык как «материнство», но на наш взгляд, точнее переводить его словосочетанием «материнская забота». Этим термином обозначается совокупность практик, связанных с материнским уходом за ребенком. Ходоров ставит в центр рассмотрения взаимоотношения ребенка не с отцом, а с матерью. Она переосмысливает фрейдовскую трактовку эдипова комплекса и социологизирует ее. Она ставит вопросы: почему женщины осуществляют материнскую заботу? Как формируется личность женщины? И показывает, что девочка в процессе формирования *Эго* никогда полностью не разрывает доэдипову связь с матерью, и соответственно основу женской идентичности составляет направленность на человеческие отношения, которые впоследствии воспроизводятся во взаимодействиях с собственными детьми. Мальчик, напротив, для

обретения половой идентичности должен полностью разорвать связь с матерью и «отказаться» от направленности на отношения. Основа его личности — независимость и автономия. Таким образом, мужчины становятся неспособными к осуществлению систематических практик заботы по отношению к собственным детям.

Объект исследования Ходоров — нуклеарная семья среднего класса, в которой мать является домохозяйкой, обеспечивает основную заботу о детях и потому является центральным объектом эмоциональной привязанности, передавая именно девочке в процессе социализации навыки и потребность в материнстве и человеческих отношениях. Социализация может измениться, если изменится осуществление родительской заботы и увеличится вовлечение в нее отца. Ходоров видит политическую задачу феминизма в изменении характера родительских отношений материнства и отцовства. Ходоров не считала психоанализ универсальным и указывала на необходимость принимать во внимание культурные и исторические условия. Она критиковала Фрейда за нормативные представления о женственности, характерные для патриархатного общества.

Феминистские новации в интерпретации половых различий и их усвоения связаны с исследованиями американского психолога Сандры Бем. В 1970-е гг. она предложила рассматривать **андрогинию** на основе эмпирически выявляемых качеств индивидов, и затем предложила теорию **гендерной схемы** (схематизации) для интерпретации способа усвоения различий. Бем разработала шкалу измерения мужественности (маскулинности) и женственности (фемининности) (*Sex*

Androgyny — сочетание качеств мужественности и женственности в одной личности.

Role Inventory). На основании исследований она утверждала, что индивид может обладать и женскими, и мужскими свойствами. Опрашиваемым предлагался список качеств, которые в это время приписывались мужественности (например, уверенный в себе, независимый, напористый, пр.), женственности (например, умение уступать, застенчивый, сопереживающий и пр.) или считались нейтральными (серьезный, надежный, пр.), и просили оценить наличие данных характеристик у себя (Бем 1974, 1983; Бем 2004: 168–174; опросник см.: Клэцина 2003а: 277–280). Кроме людей с выраженными

качествами фемининности и маскулинности, были обнаружены те, у кого не выражены ни маскулинные, ни фемининные черты (недифференцированный тип), а также носители одновременно выраженных и мужественных, и женственных черт. Последние были названы автором андрогинами. Концепция андрогинии представляла собой вызов гендерной поляризации, рассматриваемой в психологических подходах (Бем 2004: 178.) Бем утверждала, что то, что мужские черты выступают стандартом и нормой — это свойство **андроцентризма**, т. е. центрированности на мужской культуре, где мужское понимается как норма, а женское как отклонение от этой нормы (Бем 2004: 281, см. также лекции 1, 2).

Позднее Бем сместила фокус анализа на концепцию освоения гендерно-схематизированной информации или гендерной схематизации, т. е. усвоения личностью гендерной поляризации, существующей в культуре (Бем 2004: 178). Она отталкивается от тезиса о формировании половых различий, а также от теорий социального научения и когнитивных подходов, и показывает, что ребенка обучают поляризации (полотипизированному поведению), т. е. восприятию и использованию информации в соответствии с гендерными схемами. Схема — это когнитивная структура, которая организует индивидуальное восприятие, поиск и усвоение информации. Гендерная схема «сортирует» поведение и качества, соотнося их с женскими или мужскими характеристиками. Ребенок не является исключительно пассивным реципиентом. Осваивая схему, дети осваивают и те качества, которые связываются с их собственным полом. Бем показывает, что половые различия являются способом организации восприятия и взгляда на мир, при этом усваиваются не просто различия, но и неравенство (Бем 1983; Бем 2004).

Советский популярный дискурс о гендерной социализации

Приведем пример нормативных представлений о социализации девочек в научно-популярном дискурсе в СССР (Губа 2010). Катерина Губа провела анализ руководств по формированию «правильной женственности» — текстов популярного руководства «Для вас, девочки», выдержавшего несколько многотиражных изданий в позднесоветский период. Исследовательница, вслед за

авторами книг, выделяет три сферы активности девочки-подростка: ведение домашнего хозяйства, следование канонам привлекательности и контроль сексуальности. «Инструкция» отсылает к господствующей модели советской женственности — модели «работающей матери» (см. лекцию 6). Девочку целенаправленно готовят к совмещению профессиональной деятельности с домашней работой и материнством при приоритете последних. Автор отмечает, что «отсылка к профессиональной реализации девочки встречается немного: лишь на двух страницах звучат призывы серьезно отнестись к выбору профессии, от которой зависит и духовная удовлетворенность трудом, и положение в обществе, и будущее материальное положение <...> советы по домашнему хозяйству занимают треть книги, охватывая приготовление пищи, уборку, шитье, вязание, и в совокупности представляют собой ролевую модель домашней хозяйки». Автор приходит к следующему выводу: роль хозяйки и матери репрезентируется как первичная для девочки, а оплачиваемая занятость — как вторичная (Губа 2010: 263). Девочка, овладевая ролью «хорошей хозяйки», должна освоить практические навыки разнообразного мелкого домашнего ремонта и починки, мало знакомые современному поколению, но востребованные в обществе дефицита потребительских товаров и сервиса. Иными словами, роль и подготовка к ней адаптируются к конкретным экономическим и социальным условиям.

Какие же качества приписываются идеалу женственности? Среди достоинств девочки называется ее привлекательность, которая заключается прежде всего в естественной красоте, скромности и богатом внутреннем мире. В этом тексте привлекательность не связывается с сексапильностью; инструкция рекомендует девочкам избегать сексуальных контактов до начала «серьезных отношений» и/или вступления в брак. Автор указывает, что сексуальная жизнь представлена в руководстве как легитимное условие последующей беременности и материнства — истинного предназначения будущей женщины.

В исследовании показано несоответствие дискурса о правильной женственности и практик совмещения профессиональной и домашней ролей, которое требовалось от советских женщин. Хотя девочкам в позднесоветский период нужно было готовиться к балансу ролей в модели «работающая мать», в популярном руководстве приоритет отдавался освоению семейной роли.

2.3. Эмпирические исследования половых ролей и норм

Исследование норм и ролей — важное направление социологии, которое активно развивается в 1960–1970-е гг. (Hochschild 1973). Роли обозначают поведение, ожидания, нормы или все это вместе (Lipman-Blumen, Tickamyer 1975: 303). Ключевыми, с точки зрения Липман-Блюмен и Тикеймер, являются нормативно одобряемые ожидания относительно поведения мужчин и женщин и отношения, которые связаны с процессом принятия роли.

В 1970-е гг. продолжают исследоваться нормы, определяющие роли, разделение труда между полами, ролевой конфликт, ролевые модели, девиантные роли. Изучаются семейные и профессиональные роли женщин (отчасти мужчин — см., напр.: Komarovsky 1973), их дилеммы и изменения. В фокусе исследований чаще всего находятся женщины среднего класса. Многие из этих исследований опираются на представления о полоролевой дифференциации, разработанные Парсонсом, его описания ролей как инструментальных и экспрессивных. Однако, в том числе под влиянием феминистских движений, все чаще проводятся исследования, показывающие вовлеченность женщин в сферу оплачиваемого труда (Lopata 1971; Hochschild 1973: 1016).

Большое число исследований в эти годы было посвящено сложному балансу и конфликту между двумя ролями современной женщины — семейной и трудовой. Социологов интересует, как профессиональная занятость замужней женщины-матери влияет на воспитание детей и его организацию, на разделение труда в семье и удовлетворенность браком (напомним, что согласно Т. Парсонсу, карьера женщины-матери считалась дисфункциональной для семьи и общества). Изучаются изменения в организации домохозяйства, распределение власти и ресурсов в семьях с двумя работающими родителями. Обнаруживается, например, что удовлетворенность браком выше, если муж придает семье большее значение, чем работе, а жена считает одинаково значимыми и работу, и семью. При этом статусное неравенство в доходах, престиже и власти между супругами становится менее значимо с точки зрения статуса семьи (Safilios-Rotshchild 1976: 59). Арли Хохшильд,

в дальнейшем известная исследовательница эмоциональной работы и заботы, обобщает результаты исследований, посвященных влиянию на детей работы матери за пределами дома, например, на успеваемость в школе или склонность к правонарушениям. Однозначного ответа в литературе не дается. Некоторые исследования обнаруживали позитивное влияние, другие — негативное, и третьи — эффекта не находили (Hochschild 1973: 1012).

Трудовые роли женщин рассматриваются в первую очередь в контексте их ограничений и противоречий. Исследования показывали, что женщины работают преимущественно клерками или воспитателями. Немногочисленные женщины-юристы специализируются в области семейных отношений, женщины-врачи — в педиатрии и психиатрии (Lipman-Blumen, Tickamyer 1975: 308). Исследователи обнаружили, что многие женщины, которые стремятся построить карьеру, скорее вовлечены в сферу занятости, которую Липман-Блюмер и Тикеймер, вслед за другими авторами, называют «гетто женских квазипрофессий». Социальная работа, воспитание и уход за детьми, преподавание в младших классах воспринимаются в обществе как традиционная женская сфера занятости, не полностью соответствующая статусу профессии (Lipman-Blumen, Tickamyer 1975: 308). Кроме женских сфер занятости, в этот период исследуется занятость женщин в так называемых мужских профессиях, служба в вооруженных силах (Hochschild 1973: 1017). Доказывается, что женщинам трудно достичь высокого профессионально-должностного статуса, поскольку этому препятствуют многочисленные структурные барьеры. В качестве последних выделяются, с одной стороны, культурные модели женственности (фемининности), предполагающей пассивность и выполнение экспрессивной роли, и структурная дискриминация и типизация занятости по признаку пола — с другой. Женская работа оплачивается ниже по сравнению с мужской (Huber 1973: 765). Позднее барьеры женской занятости получили название вертикальной/горизонтальной сегрегации и «стеклянного потолка» (см. главу 9).

Основываясь на интервью и психологическом тестировании студентов колледжа уже в 1970-е гг., Комаровски показывает, что мужчины готовы признать интеллектуальные способности и воз-

можность академической карьеры женщин, однако они не готовы к интеллектуальному превосходству своей спутницы (Komarovsky 1973, см. также: Komarovsky 1976). Исследовательница приводит высказывания, описывающие смятение и неловкость мужчин, сталкивающихся с профессиональным или интеллектуальным преимуществом женщин: «Я случайно услышал, как она объясняла подруге положение Канта, о котором накануне говорила, что оно ей непонятно и кажется путанным. Теперь она выражалась так ясно и точно, что я почувствовал себя несколько уязвленным и глупым» (Komarovsky 1973: 874). Молодые люди хотят, чтобы девушки соответствовали новым нормам интеллектуальности, но не превосходили их по уровню. Некоторые студенты демонстрировали ориентацию на эгалитарные отношения с девушками и допускали некоторое превосходство девушки. Комаровски приходит к выводу, что интеллектуальные качества уже не всегда считаются неженственными. Интимные отношения в 1970-е гг. предполагают интеллектуальный обмен и общие интересы. На смену нормативным ожиданиям интеллектуального превосходства мужчины приходят партнерские отношения в паре. Автор заключает, что средний класс оказывается новатором в отношении половых ролей, он задает тенденцию дальнейшего развития.

Представления студентов о желаемом балансе женских ролей отличались заметным разнообразием. Комаровски выделила следующие варианты установок молодых мужчин по отношению к работающим женам. «Традиционалисты» ориентируются на то, что первоочередные роли замужних женщин связаны с домохозяйством; «псевдофеминисты» согласны, чтобы жены работали, но предъявляют такие требования к их занятости, которые невозможно выполнить. Большинство составили «модифицированные традиционалисты», которые предполагают, что жена не работает с момента рождения ребенка до того, пока он не пойдет в школу. Они готовы оказывать помощь в домохозяйстве, но не видят никакой замены материнской роли и заботе о ребенке. Последняя позиция — «феминистская», когда мужчины готовы значительно модифицировать свои роли для того, чтобы развивалась карьера их жен; таких мужчин было меньшинство. Комаровски делает вывод о том, что ослабевает идеологическая поддержка пред-

ставлений о жестком разделении ролей в семье, но сами эти представления сохраняются. Мужчины ориентированы на интеллектуальное и эмоциональное партнерство в браке, но при этом сохраняется представление о том, что основную долю семейного заработка обеспечивает муж. Напомним, что речь идет о 1970-х гг., когда роли начинают меняться под влиянием социальных изменений и женского движения, преимущественно среди молодого образованного среднего класса — т. е. как раз той группы, к изучению которой обращается автор.

Таким образом, в 1970-е гг. ситуация в среднем классе меняется, мужчины допускают возможность равных партнерских отношений, однако их ожидания по отношению к женским ролям остаются противоречивыми. Исследования половых ролей в этот период показали трудность баланса ролей, приоритет семейной роли для женщины, неопределенность влияния занятости на воспитание детей, влияние занятости на брак, занятость женщин в «женских» профессиях, барьеры в сфере занятости.

Немного юмора: отношение мужчин-социологов к женской карьере (1973 год)

В 1970-е годы становится ощутимым влияние на общество женского движения. Социологи констатируют, что женщины занимают низкие профессиональные позиции, их труд оплачивается ниже. В предисловии к тематическому номеру «Американского журнала социологии», посвященном исследованиям положения женщин, редактор Джоан Хубер рассуждает об отношении коллег-мужчин к карьерам женщин в социологии. Несмотря на то, что социологи-мужчины критикуют многие социальные и психологические предрассудки, они настороженно относятся к вопросу о дискриминации женщин в сфере профессиональной занятости и возможности изменения домашних женских ролей. Независимо от степени «прогрессивности» их политических и научных убеждений, они не готовы менять собственные гендерные установки. Исследовательница предполагает, что на вопрос о том, стоит ли открывать больше детских садов, чтобы дать возможность женщинам проявить себя в поле науки и снизить гендерную дискрими-

нацию, мужчины могут отреагировать следующим образом (Huber 1973: 765–766).

Простое отрицание. Утверждают, что на данном факультете женщины никогда не подвергались дискриминации. И если среди преподавательского состава социологов-мужчин больше, то этот факт объясняется недостаточным числом женщин, имеющих соответствующую квалификацию.

Простая паранойя. Доказывают, что если женщинам дать такие возможности, то любая женщина, даже недостаточно квалифицированная, вытеснит мужчину.

Классический либерализм. Приветствуют профессиональную занятость своей супруги в качестве офисного работника (секретарши) или учительницы. Уложив детей спать и закончив домашние дела, она помогает мужу править рукописи.

Предпринимательский индивидуализм. Считают, что мужчина должен материально обеспечивать семью, а женщина — заботиться о детях. Воспитание детей дошкольного возраста — дело семьи, дети не должны воспитываться в детских садах.

Псевдорадикалы. Готовы к серьезным трансформациям общества (которые уничтожат дискриминацию по полу), пока это не касается их собственной семьи. Они нервничают, когда положение женщин в США уподобляют положению чернокожих американцев.

Гуманисты. Их симпатии на стороне женщин, они понимают, что женщин эксплуатируют, и испытывают из-за этого угрызения совести, но при этом считают, что надежды на изменение существующих механизмов гендерной социализации утопичны, так как мужчины не обладают навыками заботы о детях, а если женщины откажутся от домашних, и прежде всего, материнских забот, то человечество просто вымрет.

Мужская роль определяется обществом как инструментальная роль добытчика. Уже на ранних фазах изучения мужских ролей исследователи выявляют две особенности: конфликты ожиданий по поводу ролевого поведения и множественность моделей мужского поведения (Komarovsky 1946, 1950, 1976). В 1970-х гг. фокус исследований смещается: все более обсуждаются ограничения и напряжения мужской роли. Напряжение роли выражается в том, что

мужчинам приходится вступать в жестокие отношения конкуренции между собой, эксплуатировать женский домашний труд, разрушать окружающую среду, воевать, и далеко не все чувствуют себя при этом комфортно. Узость инструментальной роли, приписанной мужчинам, связывается с патриархатными структурами общества. Позднее на основе анализа напряжения ролей формулируется представление о «кризисе маскулинности».

В рамках полоролевого подхода особенно примечательны исследования психолога Джозефа Плека (Pleck 1976, 1981), который отвергает натуралистическое объяснение мужского поведения и рассматривает привилегии мужчин в современном обществе как результат формировавшегося веками полового разделения труда. Используя основные термины подхода — роли, нормы, санкции, девиации, напряжения ролей, Плек пытается отказаться от биологического детерминизма, делая акценты на соответствие или несоответствие поведения социальным ожиданиям и позициям. Роли интерпретируются как усваиваемые в процессе социализации, и потому подверженные изменениям. Соответственно, мужские роли претерпевают изменения (см. также: Carrigan, Connell, Lee 1985: 570–573).

Исследования ролей мужчин критикуются на тех же основаниях, что и исследования женских ролей. Поведение не всех мужчин соответствует предписаниям, однако в данном случае описываются нормы и ожидания, а не реальное поведение. При нарушении норм поведение описывается как нефункциональное, как «девиация», однако причины этих девиаций связываются только с неудачами социализации личности.

2.4. Женщины как номинальная социальная группа

Роль задает набор действий, определяемых **статусной позицией**. Каков же статус женщин как индивидов и как социальной категории? — задают вопрос исследователи в 1970-е гг.

Половая стратификация в структурном функционализме описывается следующим образом. С точки зрения ранга мужские роли

оцениваются выше, чем женские. Власть мужчины основывается на собственности, а женская — на обслуживании. Власть и доминанция связаны с распределением ресурсов, позиция женщины характеризуется недостатком независимости, собственного дохода и возможности вести переговоры на равных (Lipman-Blumen, Tickamyer 1975: 313–316).

Американская исследовательница Джоан Акер (Acker 1973: 937–939) реконструирует на основе структурного функционализма (и отчасти марксизма) логику определения социального статуса и позиции женщины в США в 1970-е гг. следующим образом:

- семья — это единица стратификационной системы;
- социальная позиция семьи определяется статусом мужчины — главы домохозяйства;
- женщины живут в семьях, их статус определяется статусом мужчины, к которому они «приписаны» в стратификационной системе, статус женщины равен статусу мужа;
- женщины имеют собственный статус, только если они не связаны с мужчиной;
- женщины не равны мужчинам во многих смыслах, но это не значимо для стратификационной системы.

Акер подвергает критике каждое из этих утверждений. Первое положение исходит из того, что все живут в семьях, однако статистические данные показывают, что по крайней мере каждый десятый гражданин США проживает в домохозяйстве, состоящем из одного человека. Определение позиции семьи в соответствии со статусом ее главы-мужа проблематично, поскольку 2/5 домохозяйств не имеет главы-мужчины. Третье положение опровергается тем, что определение статуса женщины как производного от статуса мужа невозможно для незамужних женщин, чей статус определяется их личным доходом и образованием.

Что касается зависимости статуса женщины от статуса связанного с ней мужчины (четвертое и пятое положения), важно принимать во внимание следующее. Одним из ключевых критериев определения статуса индивида в современном обществе является позиция в сфере оплачиваемого труда; при этом общество не принимает во внимание неоплачиваемый труд женщин в домохозяйстве. Статус женщины может зависеть не только от оплачиваемого

мой занятости, но и от ее положения в сообществе, вовлеченности в благотворительность, стиля жизни и пр.

Женщины не считаются значимыми для стратификационной системы, поскольку для их позиции характерны меньшее благосостояние, власть и престиж и они имеют ограниченный доступ к высшим позициям в профессионально-должностной иерархии. Однако, как полагает Акер, анализ социальной позиции женщин чрезвычайно важен для исследования стратификационной системы, поскольку, например, бедность широко распространена в домохозяйствах с главами-женщинами, т. к. они не имеют доступа к благам (Acker 1973: 937–939).

Каково положение женщин как статистической группы или социальной категории? Являются ли они социальным меньшинством, классом или даже кастой?

Исследователи, которые определяют женщин как одно из социальных **меньшинств**, обосновывают свое видение **структурной дискриминацией** женщин и распространенными стереотипами, имеющими характер предрассудков.

Женщины обладают типичными характеристиками угнетенных социальных групп — они сами воспроизводят стереотипы, препятствующие их интеграции в некоторые сферы публичной жизни. В этом отношении положение женщин часто сопоставляют с позицией чернокожих в расистском белом обществе, показывая сходства и различия сексизма и расизма. При этом исследователи подчеркивают, что, в отличие от других

социальных меньшинств, женщины не образуют отдельного сегрегированного сообщества и являются статистической группой, в рамках которой сильны различия, связанные с классовой, расовой и этнической принадлежностью (см. обзор: Lipman-Blumen, Tickamyer 1975: 310; Hochschild 1973: 1018–1020).

Исследователи, использующие категорию «класс» для концептуализации социального положения женщин, опираются в первую

Структурная гендерная дискриминация — организация разных сфер общества (политики, рынка труда, образования, социальной политики, семьи, пр.), которая непреднамеренно создает неравные возможности для лиц разного пола.

очередь на марксистскую традицию. Они подчеркивают, что женщины занимают особое место в системе отношений производства и воспроизводства. Они вовлечены в труд, который не считается производительным и не оплачивается (напр.: Lenski 1966, цит. по: Lipman-Blumen, Tickamyer 1975: 310).

Некоторые авторы рассматривают женщин как особого рода **касту или сословие**, подчеркивая таким образом жесткость барьеров социальной мобильности, оправдываемую идеологией биологических и психологических различий между полами (Hochschild 1973: 1020–1022). Социальные роли в кастовом и сословном обществах определены не достижением, а рождением; выход за пределы нормативных предписаний затруднен и связан с личными рисками. Сословие женщин занимает подчиненную позицию в социальной иерархии патриархатного общества, и далеко не всегда это подчинение осмысливается как угнетение.

Позиция женщин в целом связана с тем, что либо они встроены в патриархатную модель общественного устройства по правилам подчинения мужчинам, либо переходят на позиции, характерные для соревновательной модели, что сопровождается сопротивлением и конфликтами. Женщины, выходящие за пределы сословного статуса, бросают вызов сложившемуся балансу власти; при этом они опираются на освоенные ими ресурсы образования, квалификации, собственности и символического престижа.

В 1960–1970-е гг. в рамках академических исследований половых ролей началось осознание проблем неравенства в сочетании с ростом интереса к женскому движению, в том числе как социальному феномену (см. также лекцию 1). Среди многочисленных феминистских работ, к которым было привлечено внимание под влиянием женского движения, работы Симоны де Бовуар (1997 [1949]), Бетти Фридан (1994 [1963]), Кейт Миллет (1994 [1970]), Жермен Грир (Greer 1971) и Суламифь Файерстоун (Firestone 1970). Социологи, в первую очередь североамериканские, ссылаются на феминистских авторов, развивая аргументы о дискриминации и неравенстве (Gould, Kern-Daniels 1977; Hochschild 1973; Lipman-Blumen, Tickamyer 1975).

Критика положения женщин повлияла на социологическую перспективу. Подчеркивались барьеры, критиковалась дискри-

минация в сфере занятости, структурная дискриминация, законодательно закрепленное неравенство. Было обозначено наличие полоролевых стереотипов и социализации, которые сужают понимание женственности. Социологи пишут об исключении женщин из рынка оплачиваемой занятости, о женском движении, в фокусе которого — дискриминация на рынке труда (Huber 1973: 764), о сексизме и неравенстве (Acker 1973: 936, 943). Усиливается критическое отношение к понятию «половые роли», к полоролевому подходу, к структурному функционализму в целом (Gould, Kern-Daniels 1977), что мы и рассмотрим далее.

2.5. Терминологические инновации 1970-х гг.

В конце 1950-х гг. американские психиатры ввели термин «гендер», пытаясь разделить биологический пол и «социальный пол» — ту надстройку, которую общество и культура приписывают обладателям определенных гениталий, навязывая «мужскую» или «женскую» идентичность. Интерес к гендерной идентичности связан в первую очередь с исследованиями транссексуалов и гомосексуалов, которые продемонстрировали возможность расхождения между биологическим полом и самоопределением (самоидентификацией) личности. Популяризатором термина стал психиатр Роберт Столлер, выпустивший книгу «Пол и гендер» (Stoller 1968).

Такая категориальная инновация не осталась незамеченной. С середины 1970-х гг. развивается дискуссия о терминологии социологических исследований отношений мужчин и женщин. Обсуждаются понятия пола, половой роли, в оборот вводится категория «гендер» и сопутствующие ей термины — гендерные роли, идентичности, уклады, системы, порядки, контракты и пр. В начале дискуссии обнаруживается семантическая размытость и неясность используемых категорий. Обсуждение терминов становится одним из симптомов подрыва теоретической гегемонии полоролевого подхода и становления нового, социально-конструктивистского исследовательского направления, борющегося за место в академическом поле (см. лекцию 5).

В 1970-е гг. социологи пытаются определить, что такое «гендерные роли». Некоторые авторы считают, что этот термин имеет

достаточно неопределенный и противоречивый статус (см., напр.: Lipman-Blumen, Tickamyer 1975: 302–303). Они предполагают различение таких категорий, как пол, половая идентичность, половые роли и соответственно гендер, гендерная идентичность, гендерные роли, но эти различия не всегда ясны. Терминологическая неясность связана с тем, что социология гендера и пола является новаторской, быстро развивающейся областью знания, для которой характерны концептуальные конфликты, противоречия и отсутствие консенсуса по поводу понятийного аппарата (Gould, Kern-Daniels 1977: 182).

Социологи критикуют термин «половая роль» и полоролевой подход в целом (Lopata 1976: 172–174; Lopata, Thorne 1978). Многочисленные исследования, проведенные в рамках концепции «половых ролей», показывают, что половая идентичность влияет на все или почти все социальные роли. Значит, понятие «половая роль» бессмысленно. Более адекватны термины, позволяющие различать «социальную роль» и «половую идентичность», под которой понимается осознание половой принадлежности (Lopata 1976: 172). Исследователи приходят к выводу, что ролевая теория, хотя и является важной для понимания некоторых социологических аспектов пола и гендера, не обеспечивает адекватной методологии, в том числе для исследования социального взаимодействия. Вывод 1970-х гг. — развитие теории гендера и пола должно в целом повлиять на социологическую теорию, которая ограничена и искажена в той степени, в которой она не включает понимание гендера и пола (Gould, Kern-Daniels 1977: 185–186).

Исследователи показывают непоследовательность использования терминов «пол» и «гендер» в этот период (Gould, Kern-Daniels 1977; Lipman-Blumen, Tickamyer 1975). Так, Энн Оукли определяет пол как биологические различия между мужчинами и женщинами, а гендер — как социальные характеристики (Oakley 1972, цит. по: Gould, Kern-Daniels 1977: 183); Джанет Чафец обозначает «гендером» биологические характеристики, а к полу относит социальную роль (Chafetz 1974, цит. по Gould, Kern-Daniels 1977: 183). Заметим, что возобладала в конечном счете позиция Оукли, но это не было очевидным в середине 1970-х гг., когда термин «половая роль» использовался, чтобы подчеркнуть обучаемое, культурно и социально заданное поведение.

В ходе дискуссии по поводу терминологии и подхода к изучению половых различий в 1970-е гг. происходит различие биологических и социальных характеристик пола — с этим, так или иначе, соглашается большинство исследователей «половых ролей». Признаются различия между биологическим приписанным полом и идентичностью, которая может быть вариативна. Для обозначения идентичностей, а также ролей начинает активно использоваться термин «гендер».

Авторы приходят к выводу, что категория «пол» обозначает биологическую дихотомию мужского и женского, определенную хромосомами и по большей части неизменную. Термин «гендер» служит для обозначения тех свойств и феноменов, которые социально признаны как маскулинные и фемининные, они социально закреплены, но изменяемы (Gould, Kern-Daniels 1977: 183–184). Иными словами: **биологически определенный пол неизменен, а социально обусловленный гендер — изменчив**. Авторы делают оговорку, указывая на особый случай транссексуалов, который показывает социальную динамику гендерной идентичности уже после того, как человеку приписан «неизменный» пожизненный пол (Gould, Kern-Daniels 1977: 183–184).

Таким образом, социология половых ролей — это та область знания, которая отсылает к биологии, анатомии и сексуальности. Социология гендерных ролей изучает социальные роли мужчин и женщин, ценности и поведение, задаваемые определенным обществом. Гендерные роли социальны, а сексуальность рассматривается как характеристика биологическая. Заметим, что такая трактовка сексуальности впоследствии также была подвергнута критике.

Приведенные примеры показывают, как постепенно формируется представление о гендере как обозначении социальных характеристик мужественности и женственности. Постепенно в дискуссиях выкристаллизовывалась первоначально неустойчивая и весьма неопределенная терминология гендерной теории. Дальнейшее становление гендерной терминологии и подхода происходит через феминистскую критику теории половых ролей, через дальнейшее различение пола как совокупности биологических характеристик и гендера — как социокультурных. Однако и такое разделение впоследствии также было подвергнуто критике.

Гендерная социология инкорпорировала социально-психологическую традицию исследования половых различий и связанные с ней исследования гендерных стереотипов. Теории социализации помогают осуществить гендерный анализ на уровне исследования личности, индивида. Гендерная социализация рассматривается как двусторонний процесс, в рамках которого происходит взаимодействие объектов социализации — т. е. как индивидов, которые усваивают предписываемые характеристики и нормы, так и агентов, т. е. тех, кто осуществляет воздействие (Wharton 2012: 37–38, 26–58; см. также: Клёцина 2004).

ИТАК, сделаем выводы относительно истории и содержания исследований половых ролей:

- В 1960–1970 гг. в фокусе внимания социологов и психологов находятся половые различия, социализация, половые роли и статус женщин. Делается акцент на границах между группами мужчин и женщин, без выделения различий внутри каждой из групп.
- Половые различия обнаруживаются исследователями на когнитивном, мотивационном и поведенческом уровнях и в сфере морали. Предлагаются как биологические, так и социальные объяснения половых различий.
- В процессе социализации индивиды усваивают роли и различия, приписываемые их биологическому полу. Важнейшая роль в социализации принадлежит семье, а также школе, группам сверстников и средствам массовой информации.
- Феминистская критика показывает, что в процессе социализации усваиваются не просто различия полов, но и их неравенство. Позиция женщин как социальной группы рассматривается как позиция меньшинства, класса, касты.
- Исследования половых ролей показывают трудности баланса ролей, приоритет женской семейной роли, барьеры и полотилизацию в сфере занятости. Критикуется идея производного статуса женщины, определяемого семейным положением и статусом мужа.

- Происходит своего рода тестирование термина «гендер» применительно к ролям и идентичностям на фоне критики теории половых ролей. Происходит постепенное терминологическое разделение биологического пола и гендера как социальной и культурной характеристики.

3.

Критика и значение подхода

Социологи утверждают, что термин «половые роли» не может претендовать на статус аналитического понятия (Lopata, Thorne 1978; см. также: Lopata 1976). Критика начала развиваться уже в 1970-е гг., и в настоящее время социологи разделяют ее основные положения. Обобщенная критика представлена в работе Р. Коннелл, автора, с которым связано развитие исследований маскулинности и структурно-конструктивистского подхода (Коннелл 2000 [1987]; см. главу 6 и 8).

1. Термин «роль» используется слишком широко. Исследователи насчитывают до шестидесяти вариантов его употребления (см. Komarovsly 1992: 302), включая роль заботы о детях, роли родственников, сексуальные роли, рекреационную роль, не говоря уж о ролях добытчика и хранительницы очага (см. Коннелл 2000: 259).

2. Терминология ролей не может быть полностью применена к анализу гендерных отношений. Гендер, или обучаемое поведение, дифференцирующее людей в соответствии с полом, не является ролью в таком смысле, в каком ролью является учитель, сестра или друг. Гендер, как раса или возраст, глубже, менее изменчив, влияет на более специфичные роли. Так, учительница отличается от учителя значимым в социологическом смысле образом: у нее, скорее всего, ниже зарплата, ниже статус и меньше достижений. Поэтому гендер иногда определяют как «базовую роль», «нефокусированную роль», «диффузную статусную характеристику». Быть

женщиной означает не социальную роль, а всеобъемлющую идентичность и набор самоощущений, которые определяют выбор или приписывание окружением социальных ролей и исполнение женщинами общих для обоих полов ролей отличным от мужчин образом (Lopata, Thorne 1978: 721).

3. Термин «половая роль» маскирует отношения власти и неравенства, он имеет деполитизирующий эффект (Stacey, Thorne 1985: 307; Lopata, Thorne 1978). Язык ролей, оставаясь функционалистским, является препятствием для развития феминистского подхода в социологии. «Половые роли» предполагают концептуализацию по принципу **«разные, но равные»**, т. е. взаимодополняющие. Поэтому социологи не используют ролевой подход для анализа, например, классовой или расовой структуры. На осознание сексизма потребовалось больше времени, чем на осознание неравенства, связанного с классом и расой (Lopata, Thorne 1978). Теория ролей не в состоянии объяснить, как мальчики и девочки усваивают институциональные образцы неравенства. Приведем пример. Когда исследователи рассматривают процесс социализации и усвоения половых ролей, то в их фокусе — мать, обучающая дочь домохозяйству (индивидуальный уровень и уровень интеракции). Однако за пределами анализа остается социальное устройство домохозяйства (институциональный уровень), которое поддерживает гендерные различия и неравенство в распределении обязанностей и ответственности (Ferree, Hall 1996: 935).

4. Термин «роль» привлекает внимание не столько к социальной структуре, сколько к индивиду. Полоролевая теория статична. В ее рамках движущей силой социальных изменений выступает индивидуальный дискомфорт (Коннелл 2000; Stacey, Thorne 1985). Для того чтобы понять изменения, а особенно их движущие силы и структурные условия, нужны другие аналитические инструменты.

5. Подход сводит разнообразные проявления мужского и женского к дуализму ролей. Все женщины объединяются одной ролью — домашней, экспрессивной, ориентированной на установление внутренней гармонии в семье; все мужчины — инструментальной, ориентированной на поддержание связи между семьей и внешним миром (Коннелл 2000). В качестве основания любых половых ролей рассматриваются биологические различия. Аргументация строится

следующим образом. Женщины занимают профессиональные позиции преподавателей или социальных работников, поскольку выполняют экспрессивную роль, в основе которой лежат предпочтения, соответствующие их природе. Полоролевой подход, даже критически переосмысленный в феминистском ключе, остается эссенциалистским, поскольку в подходе сохраняется фундаментальная биологическая интерпретация половых различий и строящихся на их основании половых ролей.

6. «Половые роли», «полоролевые стереотипы», «полоролевая социализация» часто описываются так, как будто они существуют, а не являются аналитическими конструктами (Lopata, Thorne 1978). Исследования ориентируются на абстрактный идеальный стандартизированный случай нуклеарной семьи с общепринятым разделением труда по половому признаку, модель выступает нормативной. Отклонения (например, работающие или одинокие женщины) трактуются как девиации.

Полоролевой подход стал первой теорией, объясняющей функционально обусловленное различие мужской и женской ролей в семье и обществе. Он позволил применить понятия половых различий, социализации, ролей и статусов к интерпретации положения женщин и мужчин в обществе. В рамках этого подхода были выявлены конфликты половых ролей с другими социальными ролями, психологические и социальные последствия противоречий между образцами мужественности и женственности и стратегиями молодого образованного послевоенного поколения.

Основные положения полоролевого подхода суммирует Р. Коннелл. К ним относятся:

1. Аналитическое разделение личности и положения, которое она занимает в обществе.
2. Выделение набора действий или типов ролевого поведения, закрепленного за социальным положением.
3. Ролевые ожидания, или нормы, определяют, какие действия соответствует данному положению.
4. Ролевые ожидания поддерживаются референтными группами.
5. Поведение обеспечивается при помощи санкций — наград, наказаний, положительных и отрицательных подкреплений (Коннелл 2000: 258–259).

Что же позволил сделать данный подход?

1. Он отошел от интерпретации биологических различий и сделал акцент на разные социальные ожидания по отношению к мужчинам и женщинам, которые оказывают влияние на их поведение.
2. Связал социальную структуру с формированием личности через понятие социализации.
3. Содержал в себе потенциал политических изменений, был использован либеральным феминизмом для реформирования школьных программ, лоббирования законов о гендерном равноправии (Коннелл 2000: 260).

Несмотря на критику полоролевого подхода, в гендерных исследованиях постоянно продолжают говорить о ролях, хотя и видоизменяя это понятие. Понятие «роль» присутствует и в некоторых вариантах социального конструктивизма, где роли, с одной стороны, анализируются с акцентом на процессе их «выучивания» актором и исполнения в контексте коммуникации, а с другой — на структурном уровне — описываются в терминологии гендерного контракта, баланса ролей и пр. Анализ разделения труда, горизонтальной и вертикальной сегрегации, политического участия также не может обойтись без анализа ролей в более современном понимании.

Переосмысляя теорию половых ролей и ее критику в 1990-х гг., М. Комаровски пишет, что концепт ролей является неотъемлемым, хотя и не всегда оптимальным, аналитическим инструментом исследований гендера. При этом ни одна парадигма не достаточна для решения разных концептуальных задач (Komarovskiy 1992: 302). Комаровски утверждает, что предписания роли являются не психологическим измерением личности — в чем часто упрекают теорию, а социальными и культурными феноменами. В ролевом анализе присутствует не только индивидуальное, но и структурное измерение. Анализ ролей связан с расовыми, религиозными, образовательными, т. е. структурными характеристиками. Акцент на роли позволяет проводить исторические и сравнительные исследования (Komarovskiy 1992: 306–307, 310).

Интерпретации дифференциации половых ролей как функциональной для семьи и общества, а затем и их критика, возникли в

американском контексте и развивались в Северной Америке и в Западной Европе. Однако аналогии существовали в СССР и существуют в современной России. Как замечает российский социолог И. Тартаковская (Тартаковская 2005), интересная судьба постигла структурный функционализм в Советском Союзе. Исследовательница пишет: «Эта теория важна и как некий образец, которому более или менее соответствовала советская социология семьи — любопытно, что неназванный вслух подход Парсонса (“здоровая семья — здоровое общество”) вполне вытеснил в этом разделе социологии классический марксизм, от которого осталась лишь фразеология. <...> Семья, как ячейка общества, должна была прежде всего быть функциональной для целей государства. Но желаемый баланс так и не был достигнут (как и в Америке)» (Тартаковская 2005: 33).

Данный подход не утрачивает своего значения для анализа современного российского общества. «Дифференциация функций по признаку пола — основа семейной гармонии» — этот тезис, сформулированный Дюркгеймом в 1893 г. и развитый Парсонсом в середине XX в., оказывается востребованным в 2000-е гг. в российском публичном дискурсе, декларирующем, что гармония в семье достигается, если представители каждого пола выполняют социально предписанные для их пола функции. Представления о традиционных половых ролях, интерпретируемых в духе Парсонса, широко распространены на уровне здравого смысла, в медиа, в политике и в социальных науках. Они бытуют среди образованного среднего класса (см., напр.: Бороздина 2012). Признается необходимой интеграция семьи в общество исходя из стандартизированного представления о нуклеарной семье с двумя родителями, взаимодополнительности ролей мужчин и женщин в семье (см., напр.: Чернова 2010). От женщин во многом ожидается выполнение экспрессивных ролей в приватной и публичной сферах, от мужчин — инструментальных. Утверждается необходимость социализации детей для выполнения нормативных половых ролей, а некоторые роли (такие как добровольная бездетность или отказ от гетеросексуальности) — признаются девиантными и санкционируются негативно (вплоть до законодательного санкционирования).

ИТАК, обобщим кратко основную критику и значение полоролевого подхода:

- Ролевой подход критикуется за широкое и неопределенное употребление концепта «роль», нормативность и абстрактность, невозможность помыслить отношения власти и социальные изменения. Подход сводит многообразные проявления мужского и женского к дуализму ролей.
- Гендер как всеобъемлющая идентичность не является ролью, так же как раса или классовая принадлежность.
- Ролевой подход позволил сделать акценты на социальные аспекты половых ролей: социализацию, социальные ожидания, напряжения. Тем самым он способствовал осознанию социальной природы гендерных различий и давал импульс борьбе с гендерными стереотипами и несправедливым гендерным устройством.

Выводы

1. Полоролевой подход в рамках структурно-функционального анализа основывается на биологически детерминированном и социально обусловленном разделении ролей между мужчинами и женщинами (инструментальная vs экспрессивная). Такое разделение служит интеграции семьи как подсистемы в общество и обеспечивает ее стабильность.
2. Понятие «половой роли» связывается с социальными ожиданиями и позициями в социальной структуре, а также санкциями общества за неисполнение приписанной на основании биологического пола социальной роли.
3. Полоролевой подход позволил осознать напряженность и потенциальную конфликтность социальных ожиданий и ролевых требований к женщинам и мужчинам, а также зависимость статуса замужних женщин от статуса мужчин и уязвимость социальную позицию женщин вообще.

4. Социализация как усвоение стереотипных половых различий и ролей происходит на протяжении всего жизненного цикла, но особенно важна социализация в детстве. С точки зрения психоаналитических теорий формирование различий происходит через разрешение эдиповой ситуации, теорий социального научения — через поощрение и наказание поведения, когнитивных теорий — через отнесение себя к определенному полу и активное усвоение социально одобряемого поведения. Феминистские авторы критикуют теории социализации, которые исходят из патриархатных и андроцентричных норм, при которых поведение мальчика и нормы мужественности являются стандартом.
5. Стремление отделить биологические характеристики пола от социально-культурных приводит к употреблению понятия «гендер» для обозначения связанной с полом идентичности и критике полоролевого подхода. В феминистски ориентированных гендерных исследованиях акцент делается на воспроизводстве неравенства, связанного с половыми различиями и гендерными ролями, а также с механизмами социализации.
6. Критика ролевого подхода оказала влияние на дальнейшее развитие гендерных исследований, включая исследования маскулинности, и способствовала тому, что может быть названо сменой социологической парадигмы (см. лекцию 5).

Вопросы для повторения и обсуждения

1. Как используется понятие «роль» в структурном функционализме для объяснения половых различий?
2. Каковы функции семьи? Прокомментируйте положение о том, что современная семья находится в кризисе.
3. Какова дифференциация ролей в детстве, юности, взрослом и пожилом возрастах?
4. Какие напряжения/конфликты вызывает разделение половых ролей? Как это объясняют Т. Парсонс и М. Комаровски? Приведите примеры напряжений, используя инструментарий данного подхода.

5. Какие половые различия фиксируют исследователи и как они их объясняют?
6. В чем заключаются проблемы применения концепта «роль» для анализа пола/гендера?

Основная литература

- Клэццина И.* Психология гендерных отношений. Теория и практика. СПб., Алетея, 2004.
- Gould M., Kern-Daniels R.* Toward a Sociological Theory of Gender and Sex // *The American Sociologist*. 1977. Vol. 12. N 4. P. 182–189.
- Komarovsky M.* Cultural contradictions and sex roles // *American Journal of Sociology*. 1946. Vol. 52. N 3. P. 184–189.
- Komarovsky M.* Cultural Contradictions and Sex Roles: The Masculine Case // *American Journal of Sociology*. 1973. Vol. 78. N 4. P. 873–884.
- Lipman-Blumen J., Tickamyer A.* Sex role in transition: A Ten-Year Perspective // *Annual Review of Sociology*. 1975. Vol. 1. P. 297–337.
- Lopata H., Thorne B.* On the Term “Sex Roles” // *Signs*. 1978. Vol. 3. N 3. P. 718–721.
- Parsons T.* Age and Sex in the Social Structure of the United States // *American Sociological Review*. 1942. N 5 (Oct.). Vol. 7. P. 604–616.
- Parsons T.* The American Family: Its Relation to Personality and to the Social Structure // *Parsons T., Bales R.* Family, Socialization and Interaction Process. Glencoe, IL: Free Press, 1955.

Лекция 5. Социальный конструктивизм²

Введение — Интеракционистский и этнометодологический анализ гендерных различий — «Создание гендера»: социально-конструктивистский подход — Значение и критика подхода — Выводы — Приложение. Анализ категоризации взаимодействий: методика исследования гендерной идентичности в сфере сексуальных отношений

Введение

Интеракционистская и этнометодологическая интерпретации гендера (позже во многом интегрированные в теорию социального конструирования гендера) связаны, с одной стороны, со сменой социологической парадигмы в 1960–70-е гг. (переходу от исследования структур к исследованию взаимодействий на микроуровне), а с другой стороны — с активным влиянием женского движения на академические исследования половых различий.

В середине 1960-х гг. американский социолог Питер Бергер и немецкий социолог Томас Лукман, основываясь на феноменологической философии, расширяют социологическое понимание знания, включая в него не только теоретические концепты, но и обыденное знание, т. е. весь запас навыков, опытов и стереотипов, которым

оперирует человек в мире повседневности (Бергер, Лукман 1995 [1966]). Предметом социологии становится вырабатываемый в процессе взаимодействия здравый смысл, поддерживающий социальный порядок. Повседневность рассматривается как интерпретируемая людьми, она наделяется смыслом через типизации и обобщения, через взаимодействие посредством языка. Этот процесс интерпретации и наделения повседневности смыслами, определяющими соответствующее поведение людей, получает название **социального конструирования реальности**.

В гендерных исследованиях на базе драматургического интеракционизма И. Гофмана и этнометодологии Г. Гарфинкеля (также отталкивающихся от феноменологии) сформировалась теория **социального конструирования гендера** («создания гендера»).

В среде феминистски ориентированных исследователей гендера эта теория получает широкое распространение во второй половине 1980-х гг. Политически осознанное переживание несправедливости становится стимулом для формирования нового теоретического подхода, в фокусе которого — анализ отношений власти и неравенства, создаваемых во взаимодействии. Социальная теория видится как научное обоснование для изменения гендерного порядка и соответствующих коллективных действий, т. е. наделяется политическим потенциалом.

В ходе становления гендерной терминологии в 1970-е гг. в феминистской мысли возобладало представление о том, что гендер является культурным коррелятом пола, в основании которого находятся природные (анатомические) характеристики, что пол и гендер соотносятся как вешалка и висящая на ней одежда (Nicholson 1994: 81). Постепенно под влиянием феминистской критики и политически ориентированного женского движения происходит проблематизация биологических оснований пола, подвергается сомнению тот факт, что отношения, складывающиеся между полами в обществе, являются производными от принадлежности к биологическому полу, что все социальное —

Социальное конструирование реальности — конструирование значений во взаимодействиях. Основной тезис — социальная реальность воспроизводится людьми в процессах интерпретации и формирования знаний о ней.

² Фрагменты данной лекции опубликованы в статьях «Социальное конструирование гендера как методология феминистского исследования» (Здравомыслова, Тёмкина 2007i); «Социальное конструирование гендера: феминистская теория» (Здравомыслова, Тёмкина 2001a).

предопределено биологически и поэтому считается естественным и нормальным (как предполагает биологический детерминизм). Утверждается, что гендер — **это достигаемый, а не приписанный статус, мужественность и женственность, мужское и женское различаются в разных контекстах, наполнены различным содержанием опыта и смыслами.** Женское движение, а за ним и академический феминизм, критикуют внеисторизм и эссенциализм (сущностную неизменность) сложившихся отношений между полами и социальными группами, различающимися по биологическим признакам.

Сомнение в том, что пол и гендер различаются как приписанный и достигаемый статусы, приводит к новой интерпретации соотношения этих понятий. Гендер определяется как причина и результат повседневных взаимодействий, типизируемых как мужские и женские и контролируемых обществом. Задачей исследователя становится выяснить, каким образом создается мужское и женское во взаимодействии, в каких сферах и каким образом обретается и проявляется знание о гендерных различиях.

Во второй половине 1980-х гг. в идеологии второй волны женского движения был пересмотрен доминирующий тогда феминистский дискурс **женского универсализма.** Декларация женской общности, выражаемая обращением «сестры» и категорией «женщина», была поставлена под сомнение. На этом этапе вызов доминирующей феминистской позиции сформулировали представительницы феминизма чернокожих американок. Женский опыт, утверждали они, не одинаков для всех женщин, а имеет локальный характер. В ответ на доминирующий феминистский дискурс возникают национальные, локальные и этнические феминизмы. Иллюстрацией этой позиции является высказывание афроамериканской феминистки *белл хукс*, которая утверждает, что в большинстве текстов, написанных белыми женщинами по женскому вопросу начиная с XIX в., авторы пишут о людях (вообще), а имеют в виду белых людей, при этом говорят «женщины», но имеют в виду белую женщину (*белл хукс* 2000; *bell hooks* 1984). Единственная возможность стать видимыми и слышимыми для *других* женщин заключалась в переосмыслении теоретических оснований той концепции, которая оставила их опыт за пределами публичного дискурса — дискурса о справедливости и правах человека.

Социальный конструктивизм стал ответом интеллектуального сообщества на эти вопросы. Становятся востребованными теории микроуровня, изучающие формирование гендера в определенных локальных контекстах и в процессах взаимодействия. Исследователи проясняют основания существующих гендерных отношений, отвечая на вопрос, как возможны гендерные отношения в данном конкретном обществе или социальном классе, каким образом они создаются, принимая вид естественных, и каким образом могут быть перестроены.

Парадигма социального конструирования гендера изменила общий взгляд на интерпретацию гендерных различий в социальных науках. Статья Кэндэс Уэст и Дона Зиммермана «Создание гендера» (*Doing Gender*, см.: Уэст, Зиммерман 2000 [1987]), которую, как вспоминают авторы, в течение десяти лет отвергали ведущие научные журналы, впоследствии оказалась самой цитируемой из всех публикаций журнала «Гендер и общество» за двадцать пять лет (*Jurik, Siemsen* 2009: 72). Как мы отмечали в предыдущей лекции, полоролевой подход к концу 1980-х гг. подвергается сокрушительной критике из-за нормативизма, статичности, невнимания к отношениям власти. Парадигма, однако, как показывает история публикации, сопротивлялась изменению. И тем не менее, анализ производства гендерных различий не на уровне структур, а на микроуровне повседневных взаимодействий постепенно все больше привлекал внимание исследователей. Поломки в повседневном исполнении предписанных моделей мужского и женского поведения стали той основой, на которой начала выстраиваться новая интерпретация гендера. **Гендер стал восприниматься, во-первых, как производимый (конструируемый) и, во-вторых, как несводимый только к двум вариантам (мужскому и женскому).**

Подход «создание гендера», или феминистская социально-конструктивистская трактовка гендера, в настоящее время становится расширительным и многоуровневым, распространяется на анализ социальных институтов, взаимодействий, идентичностей, дискурсов (это рассматривается в лекции 7). Пока в фокусе нашего внимания находятся в основном этнометодологическая и интеракционистская интерпретации «создания гендера».

- Основные понятия:** • создание гендера • гендерный дисплей
- рекрутирование идентичностей, • пол/категоризация/гендер
 - атрибутирование/идентичность/роль • социальная подотчетность
 - производство различий • интерсекциональность • демонтаж гендера • гендерная асимметрия.

1. Драматургический интеракционизм Ирвина Гофмана: взаимодействие и гендерный дисплей

Среди общих положений, которые характеризуют данный подход, отметим следующие:

- В фокусе внимания — взаимодействие лицом к лицу, формальные структуры общения, повседневная рутинная.
- Участники социального взаимодействия производят определенный образ, контролируя (сознательно или бессознательно) впечатление о себе. «Я» (*Self*) — продукт исполнения (все проявления деятельности участника в эпизоде) в ситуации соприсутствия, соотнесенный с ролями.
- Социальная роль — это свод правил и обязанностей, связанных со статусом, личность является продуктом исполнения и способна дистанцироваться от роли, «исполнение» влияет на других участников взаимодействия (Гофман 2000 [1959]).
- Создание образа зависит от доступа к ресурсам, к овладению чертами (свойствами), желательными для данной культуры, ограничение ресурсов может быть продемонстрировано на примере тотальных институтов (казармы, монастыри, психиатрические клиники и пр.), где человек лишается ресурсов для исполнения и презентации *Self*.

- Социальная жизнь рассматривается как спектакль, игра (калькуляция), ритуал.
- Социальный опыт управляется **интерпретативными рамками (фреймами)**, т. е. принципами организации, которые определяют значения социальных событий и управляют ими.

Методология анализа конструирования гендера во взаимодействии опирается на драматургический интеракционизм Ирвина Гофмана (Erving Goffman). Две работы этого американско-канадского социолога непосредственно посвящены гендерной тематике. Первая — «Гендерная реклама» (*Gender Advertisements*) — была первоначально опубликована в виде статьи в сборнике *Studies in the Anthropology of Visual Communication* (Исследования антропологии визуальных коммуникаций, см.: Goffman 1976; см. также: Goffman 1979); она включает часто цитируемый раздел о гендерном дисплее (на русском языке: Гофман 2001 [1979]). Вторая — статья «Устройство отношений между полами» (*The Arrangement between the Sexes*, Goffman 1977), опубликованная в журнале *Theory and Society* («Теория и общество»). В этих работах социальная организация отношений между полами рассматривается в контексте изучения публичного порядка и анализа ситуаций взаимодействия.

Фрейм — схема интерпретации, которая задает значения социальных действий и управляет ими.

1.1. Производство гендерных различий во взаимодействиях в публичном пространстве

Гендерные различия — или просто гендер — проявляют себя как базовая характеристика порядка публичного взаимодействия, который Гофман часто называет публичным порядком. Один из ярких примеров Гофмана, иллюстрирующий создание гендерных различий в пространстве, — сегрегация общественных туалетов, обозначаемых буквами Ж и М или релевантными пиктограммами, в отличие от приватного пространства, где отсутствует разделение. Этот пример показывает, что гендерные различия определяются

не биологией, а напротив — пространственное разделение производит различия в поведении мужчин и женщин. К таким же примерам производства различий в социальном пространстве относятся комнаты для переодевания, гимнастические залы, отделы в магазинах. При этом женские пространства выглядят иначе, они больше украшаются, тем самым выражая (и производя) женские качества (Goffman 1977: 315, 316). В традиционных обществах пространственная гендерная сегрегация выражена гораздо сильнее: мужская и женская половины дома, «женские» и «мужские» места в публичных церемониях (например, на рыцарских турнирах) — это свидетельства гендерного порядка и механизмы его создания.

Не только ситуации и среда создают условия для производства гендерных различий. Индивиды сами ищут способы их выражения. Так, женщины могут искать подходящую сцену для демонстрации слабости, зависимости, технической некомпетентности, или наоборот, компетентности в действиях, имеющих отношение к домашнему обслуживанию (Goffman 1977: 324).

Различия между полами проявляются в различной степени уязвимости их представителей в публичном пространстве (Goffman 1977: 328). Женщин не обучают сражаться, применять физическую силу, их ориентируют на пассивные способы избегания опасности и борьбы. И поэтому, столкнувшись с угрозой физического насилия, женщины менее способны сопротивляться ей. Женщины больше подвергаются вербальным и невербальным оценкам их сексуальной привлекательности и сексуальным домогательствам в публичном пространстве (Gardner 1980, цит. по: West 1996). Уязвимость, иными словами, предстает также как выражение конвенционального гендерного поведения.

Чтобы осмыслить конкретную ситуацию межличностного взаимодействия, в которой проявляется мужественность и женственность, Гофман вводит понятие **гендерного дисплея**. Гендерный дисплей проявляется в телесной идиоме, символическом, стиле и содержании общения.

Сам термин «дисплей» Гофман заимствует из этологии — науки о животных. Животные определенными телесными действиями — угрожающим рыком или ласковым мурлыканьем — сообщают о своих намерениях и состоянии — агрессивном или мирном. Дис-

плеи — и у людей, и у животных — подготавливают и поддерживают коммуникацию, вырабатывают модус и стиль взаимодействия (Гофман 2001 [1979]: 308–309). Гофман и его последователи опираются на представления о дисплее как о естественном выражении идентичности в контексте взаимодействия.

Социальные практики, которые обычно предстают как последствия естественных половых различий, для Гофмана являются способом производства гендера в интеракции. «Если гендер определить как культурно заданный коррелят пола (не важно, биологически или социально обусловленного), тогда гендерные дисплеи относятся к конвенциональным изо-

бражениям этих коррелятов» (Гофман 2001: 309). Гендерный дисплей как механизм создания гендера на уровне взаимодействий должен быть «исполнен» таким образом, чтобы партнеры по коммуникации были правильно идентифицированы, т. е. как женщины/мужчины с уместным стилем и поведением в конкретной ситуации. Быть мужчиной и женщиной и проявлять это в дисплее — значит быть социально компетентным человеком, вызывающим доверие и вписывающимся в коммуникативные практики, приемлемые в данной культуре. Гофман, перефразируя Маркса, писал, что не религия, а гендер является опиумом для народа, он встроен в систему любых взаимодействий и «является одной из наиболее глубоко укорененных характеристик человека» (Гофман 2001: 327). При этом гендерный дисплей — это не выражение естественной сути мужского и женского, а конституирование и утверждение различий между социальными позициями мужчин и женщин, это способ производства гендерной идентичности, а также неравенства и власти. Женщины во взаимодействии занимают субординированную позицию, сходную с позицией ребенка во взаимодействии со взрослым.

Гендерный дисплей выполняет функцию контроля за социально подотчетным (т. е. постоянно оцениваемым относительно норм и правил) поведением мужчин и женщин. В любых видах деятельности индивиды подотчетны именно как женщины и мужчины,

Гендерный дисплей — многообразие представлений и проявлений «мужского» и «женского» в межличностном взаимодействии; основной механизм создания гендера в процессе взаимодействия лицом к лицу.

а не просто как бесполое индивиды, обладающие неким социальным статусом и выполняющие определенные роли (например, родителей или профессионалов). Принадлежность к категории пола является основанием для того, чтобы одобрить или осудить действия индивида как матери или отца, босса или его секретарши и пр. Когда индивиды создают гендер, процесс подотчетности имеет и институциональный, и интерактивный характер.

Уэст, одна из авторов работы «Создание гендера», развивает методологию Гофмана в феминистской перспективе (West 1996). Она утверждает, что наблюдаемые и фиксируемые различия между мужчинами и женщинами являются следствием организации институтов, и гендерный дисплей — не выражение природного полового диморфизма, а выражение институциональных гендерных различий. Таким образом, те феномены, которые ранее обозначались как половые различия, следует осмысливать в категориях гендерных различий (West 1996).

1.2. Гендерный дисплей и анализ рекламы

Одна из работ Гофмана, оказавшая большое влияние на дальнейшее развитие гендерной социологии, посвящена исследованию рекламы. Эмпирическое исследование Гофмана основано на анализе около 500 рекламных и иных фотографий, две трети книги представляют собой фотографии и краткие комментарии к ним.

Гофман показывает, какие именно приемы визуального изображения производят гендерные различия и субординации. Первый прием — относительный размер изображения. Мужчины, как правило, изображаются более высокими, чем женщины, что выражает их относительно более высокий социальный статус. Второй прием — функциональное ранжирование: мужчины изображаются в более активных ролях, чем женщина. Третий прием — различные презентации телесности. Женщины чаще прикасаются к себе, что призвано свидетельствовать об их уязвимости. С другой стороны, мужчины изображаются в протекционистских позициях — они наклоняются, обнимают, поддерживают, исполняя дисплей защитника в отношении представительницы «слабого» пола.

Еще одним из изобразительных приемов является демонстрация уклонения женщин от активного участия в принятии решений. Отстранение от обсуждений при принятии решений в конкретной ситуации, допустимое для женщины в патриархальном обществе, выражается в жестах, указывающих на ее уязвимость и сокрытие эмоций. Например, женщина изображается прикрывающей рот, опускающей глаза, следующей за мужчиной.

Все эти изобразительные приемы составляют суть так называемой **визуальной ритуализации гендерной субординации**, когда женщины изображаются в позах, выражающих подчинение и уважительное послушание мужчине, принимающему решения, берущему на себя ответственность и готовому к защите.

Идеи анализа рекламы могут быть использованы в контент-анализе, в частности, гендерного господства и подчинения (Smith G. 1996). Исследователи осознают, что категории гендерного дисплея требуют дополнительной операционализации (Mooney, Brabant, Moran 1993: 626). Гендерные характеристики рекламы, предложенные Гофманом, не вполне удовлетворяют требованиям кодирования, поскольку не являются взаимоисключающими и исчерпывающими. Работы Гофмана скорее рассматриваются как концептуально вдохновляющие, а не как буквальное методологическое руководство, хотя исследователи используют те описания дисплеев, которые приводятся в анализе гендерной рекламы. Признается, что существует потенциал для дальнейшей систематизации и расширения аналитического фрейма Гофмана (Smith G. 1996; Wallis 2011).

Подход Гофмана используется и разрабатывается при анализе различных визуальных репрезентаций — поздравительных открыток, изображений женщин, мужчин, детей, семьи в рекламе, в мультфильмах, в мужских и женских журналах и пр. (см., напр.: Bell, Milic 2002; Kang 1997). Идентифицируются, например, традиционные и современные гендерные образы, новые фигурации гендерных различий, которые отличаются от описанных Гофманом. Женщины могут прямо смотреть на собеседника, изображаются в полный рост и пр. (Smith G. 1996). Однако субординированные гендерные позиции в значительной мере сохраняются, хотя и меняют свое выражение. Гендерный дисплей продолжает выполнять роль границы, отделяющей мужское от женского (см.: Wallis 2011: 163; Суковатая 2004).

Современные исследования показывают, как производится сексуализация и объективация женского тела, различия мужских и женских ролей (Wallis 2011: 162). Анализ, например, музыкальных видео показывает, что гендерный дисплей исполнителей музыкальных произведений изображает женщин как уязвимых и нуждающихся в защите мужчин, как более сексуализированных и провоцирующих своей одеждой и манерой поведения (Wallis 2011). В целом идеи гендерной рекламы инкорпорируются в систематический анализ различных коммуникативных ситуаций, в которых производятся гендерные различия.

1.3. Производство гендерного неравенства в разговорах

Как указывает Уэст, немногие феминистские исследователи буквально следовали методологии Гофмана (West 1996: 358), однако общий принцип гендерной асимметрии интеракции оказался важным для анализа различных ситуаций. Исследователи показывают, что во взаимодействии женщины выполняют «поддерживающую работу»; они прилагают больше усилий для направления и поддержания разговора. Это проявляется не только в вербальной коммуникации, но также в мимике и жестах. При этом поддерживающая работа женщин в разговоре так же невидима, как их работа в домохозяйстве.

Социологи показали, что организация разговора между мужчинами и женщинами схожа с организацией разговора между взрослыми и детьми (West, Zimmerman 1977). В обоих вариантах вербальной коммуникации участники взаимодействия, обладающие более высоким статусом (соответственно мужчины и взрослые) чаще прерывают тех, чей социальный статус считается более низким (женщин и детей). Гофман, напомним, также сопоставляет гендерный дисплей во взаимодействии женщин и мужчин с взаимодействиями детей и взрослых (Гофман 2001). Ребенка (женщину) можно прерывать, ребенок имеет право на эскапизм — он(а) может отключиться от происходящего, он(а) может неожиданно заплакать или засмеяться, спрятаться за взрослого от опасности, он(а) может атаковать взрос-

лого, будучи уверенным (уверенной) в отсутствии ответного удара. Взрослые (мужчины) оберегают детей (женщин) от опасности, контролируют свои высказывания в присутствии детей (женщин). Последнее особенно касается «грубых» тем (обсуждение бизнеса, денег, секса цензурируется), не допускается обсценная лексика. «Любящий защитник всегда наготове, не столько для того, чтобы защищать, сколько чтобы ограждать ребенка от реальности, “отменять” эту реальность, ограничениям и требованиям которой подчинена его собственная жизнь» (Гофман 2001: 319). Обучаясь таким правилам взаимодействия, люди усваивают правила иерархии. Есть и цена, которую нужно платить за защиту — ребенок (женщина) является объектом ограничений, приказаний, контроля, к их суждениям не относятся всерьез. Такие формы «мягкого» контроля и ограничений — это формы предписанных взаимодействий между мужчинами и женщинами, характерные для изучаемого Гофманом публичного порядка (Гофман 2001: 317–322). Заметим, что эти формы могут меняться в разных контекстах (например, в гендерно эгалитарном обществе, при неавторитарном воспитании ребенка и пр.).

В дальнейшем Уэст и Зиммерман пришли к важному выводу о том, что повторяющиеся прерывания партнера в беседе (как и другие иерархические особенности коммуникации) являются не столько следствием низкого статуса последнего, сколько средством **установления (создания)** статусных различий, способом демонстрации властных отношений в интеракции лицом к лицу (Уэст, Зиммерман 2001 [1987]).

Опираясь на идеи Гофмана, исследователи рассматривали явление переключения предмета разговора (West, Garcia 1988). Они обнаружили асимметрию, при которой большинство переключений инициировали мужчины, тем самым избегая несогласия или реагирования на вопросы собеседницы. В результате получали развитие те темы, которые хотел развивать мужчина. Например, когда женщина рассказывала о своих планах на обучение, ее прервали, а когда она говорила о том, что иногда ведет себя иррационально, ей дали договорить до конца (West 1996: 360). Иными словами, развитие конвенциональной темы о женских особенностях получило продолжение, а развитие гендерно нейтральной темы — нет. Исследование показало, что властные отношения проявляются в

разговоре между мужчиной и женщиной, одновременно производя и воспроизводя гендерные структуры.

Феминистские исследования вербального взаимодействия, выполненные в традиции конверсационного анализа (анализа разговора), внесли значимый вклад в развитие гендерной социологии. Кратко резюмируем, в чем он заключается. Во-первых, исследователи выявили микросоциальную гендерную структуру власти в интеракции, проявляющуюся в образцах слушания, прерывания и переключения разговора. Во-вторых, объяснили, каким образом гендерный дисплей производится и считывается как естественное выражение идентичности, и тем самым заложили основы деконструкции как методологической процедуры. В-третьих, объяснили, каким образом гендерные различия упорядочиваются институциональными устройствами.

ИТАК, гендерный подход в рамках драматургического интеракционизма утверждает следующее:

- Гендер – это социальный механизм создания и поддержания различий и неравенства по признаку пола.
- Гендерное исполнение (дисплей) встроено в социальные институты – системы социальных взаимодействий.
- Гендерный дисплей конвенционален и способствует воспроизводству социального порядка, основанного на представлениях о мужском и женском в данной культуре.
- Исполнение и распознавание гендерного дисплея – одна из необходимых социальных компетенций личности. Гендер означает социально подотчетное поведение во взаимодействии в определенном контексте. Мужчины и женщины, как компетентные члены общества, знают, как они должны выглядеть и вести себя в соответствии с половой категорией, к которой они приписаны.
- Аналоги гендерной власти – это отношения взрослых и детей, когда первые опекают вторых, относятся к ним как к зависимым существам и ограничивают их автономию.

- Иерархии во взаимодействиях, в том числе речевых, являются не следствием различий статусов, а механизмом установления статусных различий, способом создания власти.
- Визуальная медиапродукция рассматривается как репрезентация, которая не отражает, а производит гендерные иерархии через жесты, позы, взаиморасположение мужчин и женщин.
- В социальный порядок встроено гендерное неравенство, однако его невозможно преодолеть, не разрушив основания самого порядка.

2.

Этнометодологические исследования гендера

В фокусе внимания этнометодологических исследований находится изучение методов **организации повседневности и фонового знания**, т. е. неосознанных представлений и ожиданий по поводу рутинных взаимодействий. Основные положения этнометодологии:

- Для изучения фонового знания используются специальные приемы сознательного нарушения нормального хода повседневности или анализируются те случаи, где поломки произошли без участия исследователя (этнометодологические поломки).
- Предполагается, что фоновые ожидания поддерживаются через категоризацию и координацию взаимодействий.
- Предполагается, что в непроблематизированных случаях люди ведут себя как социально компетентные члены общества, исследуется то, как эти знания усваиваются и как контролируется следование фоновым ожиданиям (подотчетность).

2.1. Этнометодология Гарольда Гарфинкеля: исследование трансгендерного перехода

Социальный конструктивизм в гендерной социологии опирается на этнометодологический подход американского социолога Гарольда Гарфинкеля (Harold Garfinkel), а именно на его анализ транссексуального (трансгендерного) перехода, известного как «случай Агнесс» и описанного им в работе «Исследования по этнометодологии» (*Studies in Ethnomethodology*, Garfinkel 1967; Гарфинкель 2007 [1967]). В 19-летнем возрасте Агнесс, которая воспитывалась как мальчик, поменяла идентичность и приняла решение стать женщиной. В 1958 г. она обращается в госпиталь Университета Калифорнии (Лос-Анджелес) по поводу хирургического вмешательства, где и становится объектом медицинского и этнометодологического наблюдения Г. Гарфинкеля, Р. Столлера (который позже и введет в научный оборот термин «гендер») и пр. В период, предшествующий операции, она сталкивалась с необходимостью: 1) убедить медицинский персонал в том, что она «реальная» женщина, 2) презентировать себя и жить в обществе как женщина, 3) скрывать наличие мужских гениталий (West, Zimmerman 2009: 113). Выполнение этих задач требовало значительных усилий когнитивного и эмоционального характера. Считается, что в конечном счете Агнесс успешно справилась с задачами трансгендерного перехода и стала жить жизнью нормальной полноценной женщины. Однако в приложении к главе 5, после того, как книга была сдана в печать, Гарфинкель делает дополнение: впоследствии Агнесс призналась в том, что она не была биологически неполноценным мужчиной, но принимала тайком эстрогены — факт, который она ранее отрицала (Гарфинкель 2007 [1967]: 309–312).

Для Гарфинкеля данный случай — это демонстрация поломки биологического пола как этнометодологический прием, позволяющий выявить основные правила повседневной жизни. Агнесс скрывает свое биологическое и социальное происхождение, меняет место жительства и круг знакомых, осваивает приемы того, как «быть женщиной» во взаимодействиях с друзьями, коллегами, женихом, медицинским персоналом. Она уверяет врачей в том, в чем убеждена сама: ее пенис — это «ошибка природы», и она хочет исправить ее и безопасно жить в обществе, которое признает

только гендерную дихотомию, разделяющую население на 100-процентных женщин и 100-процентных мужчин. Для этого она осваивает множественные женские практики, обретая в этом социальную компетентность, и выявляет таким образом их социальное происхождение и внебиологичность.

Случай Агнесс, описанный Гарфинкелем, стал хрестоматийным в литературе, посвященной производству (созданию) гендера. По степени известности, как пишет впоследствии Р. Коннелл, этот случай сопоставим с сюжетом «человека-волка» во фрейдизме, который также вдохновил множество авторов, представителей различных научных дисциплин (Connell 2009a). В психиатрии Агнесс фигурировала как пример мужского транссексуализма (Stoller 1968); в социологии она стала «звездой» этнометодологии Гарфинкеля, в феминистском гендерном анализе она — ключевая фигура в исследованиях Кесслер и Маккенны (Kessler, McKenna 1978), Уэст и Зиммермана (2000 [1987]).

Исследования транссексуальности — и трансгендера — оказались чрезвычайно значимыми для развития гендерных исследований. Они помогли увидеть работу механизмов различения мужчин и женщин, приписывания им разных свойств и характеристик, вменения им различных поведенческих моделей, т. е. создания конвенциональных гендерных границ. Конвенциональное поведение социально подотчетно, в нем проявляется социальная компетентность членов сообщества, что выявляют экспериментальные или «естественные» поломки такого поведения. Анализ опыта транссексуалов помог также понять, как жестко работает гендерная матрица, контролируя отклонения от того, что названо нормой. Конвенциональное исполнение и обозначение гендера необходимы для поддержания взаимодействий и рутины повседневной жизни.

2.2. Анализ производства гендера в групповой дискуссии

Этнометодологические приемы позволяют выявить методические процедуры, с помощью которых члены общества идентифицируют друг друга как женщин или мужчин. Приведем пример исследования

(Speer 2005a, 2005b). По просьбе модератора участники групповой дискуссии комментировали серию изображений мужчин и женщин, в том числе изображения мужчин-боксеров и мужчин в балете, женщин, играющих в регби и пр. Исследовательница, опираясь на этно-методологические процедуры, анализировала, как участники беседы объясняют то, что вызывает напряжение при обсуждении изображений, и как они приписывают когерентную гендерную идентичность индивиду, изображенному на картинке. **Гендерная атрибуция** реализуется в ходе группового обсуждения: она проявляется в комментариях участников, при идентификации образов (например, как гея), при обозначении («он», «она»), при преодолении сомнений в идентификации, если таковые возникают. Автор показывает, что некоторые интеракционные процедуры, с помощью которых атрибутируется гендер, противоречивы, участники могут затрудняться в категоризации, подыскивая для нее дополнительные объяснения. Например, при описании изображений мужчин, исполняющих танец «маленьких лебедей», участница охарактеризовала изображение как постмодернистское, тем самым выведя его за рамки бинарных оппозиций. Другая участница постаралась избежать гендерных оценок при описании женщин, играющих в регби. Затем она сказала, что все больше женщин играет в регби в настоящее время, тем самым осуществив гендерную категоризацию и придав ей нормативный статус.

Участники обсуждения считали, что если они выскажут некорректные оценки, то тем самым не только неправильно идентифицируют гендер, но их также сочтут некомпетентными участниками беседы. Обозначение гендера нужно не только для корректной атрибуции, но и для поддержания интеракции. Члены сообщества выражают свою ориентацию на гендерную атрибуцию как морально подотчетный факт. Они восстанавливают нормативный порядок половой дихотомии. Когда участники группы обсуждают отклонения от нормы, они неизбежно дают оценки таким девиациям, будучи подотчетными участниками взаимодействия. Данный эксперимент показывает, что гендерная атрибуция индивидов или изображений происходит во взаимодействии и поддерживает его (Speer 2005b).

Таким образом, анализ групповых дискуссий позволяет выявить процедуры, при помощи которых осуществляется **гендерная категоризация**.

2.3. Анализ категоризаций взаимодействия

Анализируя свои беседы с Агнесс, совершавшей трансгендерный переход, Гарфинкель реконструировал свойства «человека с нормальным полом», показывая, как нормативная сексуальность/гендер осуществляется (производится) через разговор и поведение. Нормативные гендерные практики поддерживаются в рутине социальной жизни. Анализ категоризаций взаимодействия — это методика эмпирического исследования, которая позволяет изучить структуру «здорового смысла» (Stokoe 2003, 2004). Этнометодологи, описывая способы поддержания «естественных фактов» социальной жизни, ссылаются на практическую категоризацию. Практическая категоризация конституирует наши знания о гендерной идентичности. Анализ категоризации позволяет на микроуровне выявлять основные параметры культурных различий, в т. ч. «гендеризацию» повседневной жизни.

Механизмы категоризации связывают язык, гендер и социальный порядок. В повседневной жизни мы пользуемся сложившимися понятиями и категориями, чтобы определить смысл наших действий и взаимодействий. Ситуационное исполнение гендера представляет собой управление поведением и соотнесение его с нормативными концепциями мужественности и женственности. Так, например, исследования Уэст и Зиммермана показали, что мужчины доминируют в интеракции, поскольку они доминируют в обществе (West, Zimmerman 1977; Zimmerman, West 1975). Таким образом, анализ категоризации признается важным методом, позволяющим выявлять, как участники конструируют и поддерживают свое поведение по отношению к конвенциональным гендерным ожиданиям, тем самым поддерживая общий дискурс, который оформляет гендерный мир (Stokoe 2003).

Мы приводим в наших исследованиях примеры анализа категоризации взаимодействий на материале биографических интервью, посвященных сексуальной жизни (Здравомыслова, Тёмкина 2007b; см. приложение к данной лекции). Анализ категорий, с помощью которых индивид вписывает себя и свои действия в сложившийся гендерный порядок, позволяет показать, какими средствами создается гендерная и сексуальная идентичность в биографическом рассказе.

ИТАК, в этнометодологической перспективе гендерный подход предстает следующим образом:

- Гендерные различия и гендерная идентичность производятся благодаря подотчетности и рутинному исполнению предписаний нормативной мужественности и женственности.
- Рассогласование гендерной атрибуции, идентичности и роли рассматривается как поломка «естественного порядка».
- Производство гендера изучается с помощью таких методологических приемов, как анализ категоризаций и анализ разговоров; при этом решающее значение при сборе данных играет метод наблюдения.

3.

«Создание гендера»: социально-конструктивистский подход

3.1. Сьюзен Кесслер и Венли Маккенна: развитие этнометодологического подхода

Книга американских психологов Сьюзен Кесслер и Венли Маккенны «Гендер. Этнометодологический подход», которая внесла заметный вклад в развитие подхода, была опубликована почти через десять лет после издания сборника эссе по этнометодологии Г. Гарфинкеля (и за десять лет до публикации статьи «Создание гендера» Уэст и Зиммермана, цитирующих их книгу) (Kessler, McKenna 1978).

Кесслер и Маккенна, развивая подход Гарфинкеля, выдвигают следующие положения. В западном обществе существование двух и только двух полов принимается как само собой разумеющееся. В современной европейской культуре в основе нормативной концепции пола лежат коллективные представления о проявлении естественного природного диморфизма. Эти верования поддержи-

вают взгляд на мужественность и женственность и отношения между мужчинами и женщинами как на объективные, фактические, внеситуационные характеристики. В случае, когда принадлежность индивида по полу проблематизирована, т. е. ее нельзя однозначно установить, становится спорным и статус такого индивида как нормального компетентного члена общества.

Г. Гарфинкель (Гарфинкель 2007 [1967]: 132–135), а за ним и Кесслер и Маккенна, показывают основные характеристики **биологического детерминизма как мировоззренческой позиции** (Kessler, McKenna 1978: 113–114).

- Гендерная бинарная дихотомия. Существует два и только два гендера: мужской и женский.
- Гендер неизменен. Женщина всегда останется женщиной, то же самое касается и мужчины.
- Определение гендера происходит на основе гениталий (женщина — это индивид с вагиной, мужчина — с пенисом).
- Исключения гендерной дихотомии — это патологии и ненормальности.
- Не существует никаких переходов из одного гендера в другой, кроме игровых и церемониальных (маскарад, театр).
- Каждый индивид должен быть отнесен к определенной гендерной категории (не бывает индивидов, которые не были бы атрибутированы по гендерному признаку).
- Дихотомия мужское/женское является **естественной** по своему происхождению. Мужчины и женщины существуют независимо от критериев того, что определяется в обществе как **мужское** и **женское**.
- Принадлежность к одному или другому гендеру является **естественной**. Быть мужчиной или женщиной — это не следствие принятия решения.

Однако, как показывают Кесслер и Маккенна, гендерная дифференциация в социальной жизни не исчерпывается дихотомией «м» и «ж». Кесслер и Маккенна исследуют случаи, когда первичные и вторичные половые признаки не совпадают и приписать гендер (т. е. определить соответствующий пол) индивида непросто (см. также описание исследований Кесслер и Маккенна: Киммел 2006: 168–172). К какой половой категории отнести человека с пенисом,

женской грудью, круглыми бедрами, без телесного волосяного покрова и с длинными волосами? Как определить пол коротко подстриженного человека с женскими половыми органами, но без вторичных половых признаков? Идентификация таких случаев, исходя из нормативных представлений о естественной половой дихотомии, сильно затруднена. Исследователи показывают, что при описании изображений людей, имеющих противоречащие друг другу половые признаки, гендерная атрибуция означает в первую очередь генитальную атрибуцию, а генитальная атрибуция — это в первую очередь атрибуция пениса и вагины.

Исследователи изобретают емкую метафору «культурные гениталии». Это понятие обозначает признаки, с помощью которых осуществляется приписывание пола, — прическа, тембр голоса, язык тела. Как показывают случаи транссексуалов, культурные гениталии индивида могут не соответствовать анатомическим.

Уэст и Зиммерман, соглашаясь с Кесслер и Маккенна, впоследствии описывают наше повседневное приписывание гендера следующим образом. «Наши действия основаны на моральной уверенности в существовании мира, разделенного на два пола. Мы не думаем, что “большинство людей, обладающих пенисом — мужчины, но, может быть, некоторые из них не являются мужчинами” или “большинство людей, одетых как мужчины, обладают пенисом”. Скорее, мы считаем само собой разумеющимся, что пол и категория половой принадлежности конгруэнтны, что, зная второе, можно дедуцировать все остальное» (Уэст, Зиммерман 2000: 202).

Кесслер и Маккенна утверждают, что конструирование гендера является сложным многосоставным процессом, не единовременным (разовым), но представляющим собой совокупность дискретных процедур конструирования. Мы называем этот феномен гендерной прерывностью. Исследователи различают атрибуцию и ее частный случай — приписывание гендера/пола в момент рождения, гендерную самоидентификацию/идентичность и гендерную роль, которые не обязательно совпадают друг с другом (Kessler, McKenna 1978: 8–12). Рассмотрим их по порядку.

Приписывание пола в момент рождения — это особый случай атрибуции, которая происходит только один раз, на основе гениталий новорожденного. Если допущена ошибка, в дальнейшем

будет произведена реатрибуция, которую скорее нужно назвать реконструкцией, поскольку ребенок должен обрести новый гендер и новую историю.

Гендерная идентичность — это индивидуальное определение собственной принадлежности к полу, или самоатрибуция. Критерием является самовосприятие человека, которое согласно общественным правилам предполагает жесткий выбор между двумя возможностями самоопределения, промежуточные варианты не допускаются (невозможно «не знать», «иметь обе идентичности», «ни одну из них»). Как показывают исследования, у некоторых индивидов атрибуция и идентичность не совпадают. Последующие исследования, вдохновленные постструктурализмом и квир-теорией (см. лекцию 1), подтверждают, что вариации идентичностей могут быть достаточно многочисленными, идентичность становится неопределенной и подвижной. Основой идентификации является не бинарная оппозиция, а **спектр**, который включает как фиксированные идентичности, так и разрушение или отказ от идентичности, трансгрессивные, подвижные, пластичные, нестабильные, мобильные, податливые идентичности и пр. (Connell 2012b: 863–864).

Гендерная роль — это роль в социологическом понимании, т. е. набор предписаний и ожиданий относительно надлежащего поведения индивида, занимающего определенную социальную позицию и находящегося в определенной ситуации. Такое понимание близко к полоролевому подходу. Гендер в западной культуре трактуется как предписанная роль (по рождению). Эта роль имеет всепроникающий, сквозной характер. Роли определяются социальными ожиданиями, которые носят характер стереотипов. Авторы, однако, в отличие от представителей полоролевого подхода, выражают сомнение в том, что дихотомия гендерных ролей является естественной.

Для случая транссексуала, описанного Г. Гарфинкелем, характерно расхождение атрибуции половой принадлежности и гендерной идентичности. Агнесс определяли как мужчину, ее самоатрибуция и ролевое поведение были женскими. Она исходила из того, что нормальный естественный порядок гендерно дихотомичен, и добивалась права безопасно жить в нем как женщина. Она повседневно постоянно была занята тем, чтобы убедить общество в своей женской идентичности. Поэтому Гарфинкель называет Агнесс методологом-практиком,

который, попадая в проблемную ситуацию гендерного сбоя, начинает осознавать механизмы производства социального порядка и гендера.

Рассогласование атрибуции, идентичности и роли создают проблему распознавания и обозначения гендерной категории. Коммуникативные сбои, связанные с неопределенностью распознавания гендерной принадлежности, позднее приводят Уэст и Зиммерман в работе «Создание гендера» (1987). Чувство замешательства и тревоги, вызванное невозможностью определить пол-гендер действующего лица, активно используется в художественных произведениях, театре и кинематографе, например в фильмах «Грязная игра», «Тутси», «М. Баттерфляй» (Киммел 2006: 171).

Почему сложности гендерной идентификации приводят людей в замешательство, если только они не обозначены как игра, перформанс, маскарад? Как показывают этнометодологи, причина заключается в том, что они нарушают рутину социального порядка, который выглядит естественным и конвенционально приемлемым. «Гендерное беспокойство» затрудняет **нормальную коммуникацию**, необходимую для поддержания социального порядка. Гермафродиты и транссексуалы трактуются в рамках такого мировоззрения как досадная ошибка природы. «Ошибки» природы подлежат коррекции; таким образом восстанавливается естественный порядок, обозначенный в приведенных выше восьми пунктах.

3.2. Кэндэс Уэст и Дон Зиммерман: создание гендера в повседневном взаимодействии

Для того чтобы выяснить, каким же образом создается, контролируется и контролируется гендер в рамках социального порядка, американские феминистские социологи К. Уэст и Д. Зиммерман в работе «Создание гендера» (Уэст, Зиммерман 2000 [1987]), ставшей основополагающей для данного подхода, аналитически различают три главных понятия:

- биологический пол (sex),
- приписывание пола (категоризация по полу),
- гендер.

Биологический пол — это совокупность биологических признаков, которые являются предпосылкой отнесения индивида к

тому или иному биологическому полу. **Категоризация по полу** или приписывание пола в отношении индивида — это социальный процесс. Он означает исполнение (дисплей) и распознавание социального регулируемых признаков пола, таких как поведение, одежда, манера держать себя. Наличие или отсутствие соответствующих первичных половых признаков еще не гарантирует того, что индивида будут относить к определенной категории по полу. Категоризация сходна с атрибуцией, включая самоатрибуцию (идентичность), в определении Кесслер и Маккенны. Отношение между половой категорией и **гендером** — это отношение между признанием принадлежности к половой категории и постоянной подотчетностью культурным концепциям поведения (Уэст, Зиммерман 2000; West, Zimmerman 2009: 115–116).

Различение пола, категоризации по признаку пола и гендера позволяют исследователям выйти за пределы интерпретации пола как биологической данности, константы, **приписанного статуса, противопоставленного гендеру — достигаемому статусу**. Гендер мыслится как результат повседневных взаимодействий, требующих постоянного исполнения и подтверждения, он не обретается или не достигается раз и навсегда в качестве неизменного статуса, а постоянно производится и воспроизводится в коммуникативных ситуациях. Одновременно данное «социальное производство» скрывается и выдается обществом и культурой за проявление некоей биологической сущности. В ситуациях коммуникативных сбоев самый факт «производства» и его механизмы становятся очевидными (например, случай Агнесс).

Гендер — система межличностного взаимодействия, посредством которой создаются, подтверждаются и воспроизводятся представления о различиях мужчин и женщин, мужского и женского как о базовых характеристиках социального порядка.

Каким образом конституируется категория принадлежности к полу, мы можем понять, лишь проанализировав механизмы работы той или иной культуры. Отсюда становится ясным, что гендерные отношения и гендерные различия — это конструкты той культуры, в рамках которой они работают. Или — иными словами — **работа культуры по приписыванию половой принадлежности и называется гендером**.

Одним из самых значимых тезисов конструктивизма является тезис об **инкорпорированности властных отношений в гендерные**. В современном обществе отношение мужского и женского — это отношение различия, сконструированного как неравенство возможностей. Асимметрия отношений подчеркивается гендерным дисплеем, который маскирует дискриминацию под различие. Большинство ситуаций взаимодействия демонстрируют разные шансы для мужчины и женщины, причем в публичной сфере шансы мужчины очевидно выше.

Данная методология влечет за собой постановку определенных исследовательских задач. Прежде всего необходимо выявить **ресурсы создания гендера**. Если мы рассматриваем гендерные различия и идентичность как постоянно создаваемое взаимодействие, то необходимо рассмотреть те средства, которые могут быть использованы обществом для того, чтобы создать мужское и женское как неравное. Ресурсы, которые неравно распределены в обществе, сознательно и бессознательно используются действующими лицами во взаимодействиях для получения преимуществ и утверждения своего места в обществе. Предметом анализа феминистских социальных конструктивистов является процесс создание гендера в разных сферах социальной жизни — экономике, политике, образовании, семье, сексуальной жизни и пр. Так, даже в рамках одного и того же набора профессиональных действий мы сталкиваемся с трудно артикулируемым различием в стиле мужского и женского исполнения — гендерным дисплеем. Соответственно, задача исследования — выяснить, как стилевые особенности влияют на шансы улучшения социальной позиции. Или, например, в сфере образования для конструктивистов важно, какие образцы мужественности и женственности создаются в учебниках, в разных предметных областях, в пространстве школы, как осуществляется педагогический процесс и взаимодействие между учениками, в целом — как система образования создает, поддерживает и трансформирует различия между группами людей, определяемых по полу. Изучая гендерные отношения на микроуровне межличностного взаимодействия, феминистские исследователи в дальнейшем приходят к заключению о том, что гендер конструируется также на мезоуровне социальных институтов и макроуровне социальной системы.

Анализ социального производства пола показывает, что гендерные отношения представляют собой отношения стратификации. Таким образом, конструктивистский взгляд на гендерное измерение взаимодействия приводит к методологически обоснованному отказу от предшествующих концепций социально-половых различий — концепции социальных ролей (гендерных ролей) и психологических половых различий.

С точки зрения конструктивистов, понятие гендерной роли является неудачным и аналитически ошибочным. Социальные роли встроены в социальные институты и в принципе сводимы к набору действий, ожидаемых от индивидов и групп, которые занимают определенные социальные позиции. Один и тот же человек в одной ситуации выполняет роль врача, в другой — супруга (супруги), в третьей — спортсмена (спортсменки). При этом гендерная вариация присутствует в исполнении каждой из ролей. Таким образом, гендер оказывается квазиролью, которая пронизывает все существующие ролевые спецификации, является базовой идентичностью, если говорить другими словами, на которую нанизываются все другие. В этом отношении **гендер** является категорией, подобной **этничности**, — она так же обуславливает и пронизывает конкретные роли личности или социальной группы.

Гендер несводим также и к совокупности психологических черт личности (соответственно, мужских или женских). Сторонники конструктивизма утверждают, что психологизация гендерных различий и идентичностей препятствует анализу гендерного устройства социальных институтов. Гендерные отношения как отношения неравенства по признаку пола встроены в социальный порядок таким образом, что приписывание психологических черт является лишь аспектом этих отношений.

3.3. Рекрутирование гендерных идентичностей

Понятие рекрутирования гендерной идентичности предлагается в социально-конструктивистской перспективе как альтернатива полоролевой социализации (Уэст, Зиммерман 2000). Д. Кахилл исследует поведение детей дошкольного возраста в различных

игровых ситуациях и приходит к выводу, что в ходе гендерной самоидентификации ребенок определяет себя прежде всего как социально компетентного субъекта. Ребенок называет себя мальчиком или девочкой прежде всего для того, чтобы представить себя взрослым в общении с другими людьми. Оппозиция детского — взрослого, безгендерного — гендерно специфического может быть проанализирована на примере игровой ситуации. Окружающие взрослые первоначально определяют детей младшего дошкольного возраста как маленьких, зависимых, беспомощных. В какой-то момент в процессе взросления каждый отдельный ребенок отказывается от этого статуса нерационального, социально некомпетентного существа. Перед ребенком открыта возможность идентифицировать себя с группой через отнесение себя к категории по полу: можно называться (стать) либо мальчиком, либо девочкой. Характерный пример: девочка семи лет каждый раз в общественном транспорте, когда о ней говорят «Осторожнее, здесь ребенок», — отвечает без запинки: «Я не ребенок, я девочка».

Аналогичный пример приводит Кахилл, анализируя следующую ситуацию. Мальчик примеряет ожерелье перед зеркалом, но хочет, чтобы этого никто не видел. Подходит воспитательница и говорит: «Ты хочешь это надеть?» Мальчик отвечает: «Нет, это носят девочки». — «Но это носит и король», — отвечает воспитательница. Ребенок возражает: «Я не король, я мальчик». Суть аргумента Кахилл в том, что мальчик выбирает свою гендерную идентичность сознательно, он рекрутируется в категорию принадлежности по полу, потому что хочет использовать ресурс компетентности, присущий взрослым. Для того чтобы стать взрослым, для того чтобы стать существом, принадлежащим к этому социальному порядку, он может быть только мужчиной или женщиной (Cahill 1986; изложение см.: Уэст, Зиммерман 2000: 211–212).

Таким образом, возможности конструктивистской интерпретации гендерного порядка приводят к переформулированию теории социализации в категориях рекрутирования (конструирования) гендерной идентичности. При анализе процесса гендерной социализации акцент делается на активность научаемого индивида. Субъект своими действиями создает гендерные правила и гендерные отношения, а не только усваивает и воспроизводит их.

Формирование гендерной идентичности у ребенка

Социолог О. Паченков, опираясь на этнометодологический подход, на материалах автоэтнографии показывает, как происходит формирование гендерной личности человека с раннего возраста и как гендерные представления родителей могут приходиться в противоречия с представлениями социального окружения (Паченков 2005). В фокусе внимания автора — гендерная социализация его дочери. Он анализирует взаимодействия родителей, взаимодействия между ребенком и другими взрослыми, между ребенком и другими детьми, между ребенком и родителями. Родители не придерживаются традиционного гендерного разделения труда, девочка видит, что и папа и мама готовят, убирают, забирают ее из детского сада и пр. Родители также стараются не прививать ребенку жесткие гендерные стереотипы, одевая ее не так, «как положено», а так, как удобно.

Однако такие правила в семье приходят в противоречия с теми правилами, которые девочка наблюдает во взаимодействиях с другими взрослыми и с детьми, которые часто неправильно определяют ее пол. В результате девочка становится более чувствительной к тому, как она одевается, в какие игрушки она играет и пр. Когда круг общения расширяется и в него уже входят не только родители, ребенок начинает усваивать образцы поведения, которые могут приходиться в противоречия с практиками и установками семьи. Влияние родителей перестает быть тотальным, хотя и не утрачивает свою значимость (Паченков 2005: 64).

Исследователь-отец приходит к выводу, что девочка в возрасте пяти лет компетентна в идентификации половой принадлежности окружающих людей, она осознает (и конструирует) свой пол как женский, но спокойно пересекает гендерные границы. Она не имеет четкого представления о гендерном разделении ролей в семье, поскольку оба родителя выполняют все виды работ в доме. Исследователь делает вывод: девочка усвоила приемлемые гендерные образцы, что позволяет ей нормально осуществлять коммуникацию с людьми, избегая проблем самоидентификации и идентификации. Но для ее социализации также характерна гибкость, подвижность — она в состоянии представлять себе разные взаимодействия и дисплеи мужчин и женщин.

3.4. Создание различий

Представление о гендере как о социальном конструкте предполагает, что и пол, и гендер производны от социального контекста. Социальная реальность гендерных отношений структурирована другими социальными отношениями, значимыми для воспроизведения существующего социального порядка, основанными на разделении по расовому (этническому) и классовому признакам. Так, например, черные мужчины и черные женщины одновременно подавляются белыми женщинами и мужчинами; при этом в семьях низшего класса черные женщины могут доминировать над черными мужчинами.

Уэст и Финстермейкер (West, Fenstermaker 1995a) развивают теорию множественного социального неравенства: гендерного, расового и классового. Они объясняют, каким образом множественное неравенство воспроизводится в ситуациях взаимодействия. В широко цитируемой работе «Производство различий» (*Doing differences*) гендер, раса и класс рассматриваются как взаимосвязанные социальные механизмы производства неравенства (West, Fenstermaker 1995b, 2002). Данный подход является одним из вариантов ответа на критику эпистемологии белого феминизма (позднее он переформулируется как интерсекциональный анализ).

Уэст и Финстермейкер, рассматривая гендер как социально подотчетную характеристику, подчеркивают следующее. Социальная подотчетность распространяется не только на действия, которые соответствуют нормативным концепциям, но и на те, которые являются девиантными. Это вопрос **постоянного оценивания действий относительно норм**. Действия выполняются в контексте определенных обстоятельств, предполагающих и производство, и признание социальных характеристик. Когда индивиды создают гендер, процесс подотчетности имеет и институциональный, и интерактивный характер.

Раса рассматривается Уэст и Финстермейкер как создаваемая в процессе взаимодействия категория, которая агрегирует разные истории, разное географическое происхождение, разные культуры в некое непротиворечивое целое. Такие обобщения становятся основаниями расовых категоризаций в повседневности. Так же, как

и в случае половой категории, внешние, визуально считываемые признаки считаются индикаторами расовой принадлежности. Этнометодологическая перспектива позволяет показать, что действия членов социума подотчетны расовой категоризации. Раса мыслится не как индивидуальная природная характеристика, а как исполняемая членами общества совокупность действий. И раса, и гендер предполагают ситуационное согласованное исполнение, эти признаки не изолированы друг от друга, а предъясняются и считываются во взаимодействии одновременно. Например, чернокожих мужчин полиция останавливает в общественных местах чаще, чем белых мужчин и чернокожих женщин (West, Fenstermaker 1995a: 25). В российском контексте 2010-х гг. данный аспект ярко проявляется, например, при опознании дисплея представителя другой культуры, на основании чего ему приписывается статус «мигранта» и по отношению к нему осуществляются негативные санкции (например, проверки на улицах города), при этом в первую очередь, как и в примере из США, проверяются и подвергаются санкциям мужчины, которым приписываются данные характеристики. Осуществление (исполнение) расы состоит в создании различий между индивидами, которым приписываются разные расовые категории, и придания этим различиям статуса «естественности». Тем самым поддерживаются институциональные структуры расового неравенства.

Гендерные и расовые различия в социальном контексте

Приведем пример из романа Кэтрин Стоккет «Прислуга» (речь идет о 1960-х гг. на американском Юге), а именно конкретный эпизод взаимодействия на основе расовых признаков. Чернокожая женщина, прислуга, поздно вечером возвращается домой на автобусе, в котором находятся еще двое белых и двое черных мужчин. Когда водитель обнаруживает, что дорога перекрыта, он отдает указание: «Цветные, выходите, для вас тут конечная остановка!... Белые, скажите, куда вам надо. Постараюсь подвезти поближе» (Стоккет 2011: 254). Различение по признаку расы выглядит в глазах присутствующих само собой разумеющимся. Гендерные различия проявляются после того, как чернокожие пассажиры покинули автобус, и один из них – мужчина – предлагает женщине проводить ее до дома.

Социально-конструктивистский подход расширяет свое исследовательское поле, задаваясь вопросом, как создаются и поддерживаются не только гендерные границы и идентичности, но и расовые/этнические, классовые, сексуальные и пр. Сначала исследователи говорят о сложных формах социального конструирования гендерных позиций с учетом разнообразных параметров, определяющих статус. Постепенно укореняется термин **интерсекциональность** (см. лекцию 1). Его вводит в академический лексикон представительница черного феминизма, юрист по специальности, Кимберле Креншо (Crenshaw 1981) в контексте обсуждения эксплуатации и экономической маргинализации черных американок, опыт занятости которых обуславливается их расовой, гендерной и классовой позициями. Она определяет интерсекциональность в рамках конкретного исследовательского и политического проекта как «многомерность разнообразного жизненного опыта маргинализированных субъектов» (Crenshaw 1989: 139). Конструктивистская версия интерсекционального анализа делает объектом изучения практики и идентичности конкретных социальных групп, положение которых определяется пересечением нескольких переменных.

Интерсекциональность: раса, класс и гендер

Для иллюстрации категории «интерсекциональности» обратимся еще раз к роману «Прислуга». Речь идет об отношениях белых женщин-домохозяек с чернокожей прислугой в 1960-е гг. на американском Юге. Черные женщины обслуживают белых, и их опыт (опыт прислуги) остается невидимым и неозвученным в обществе до тех пор, пока молодая белая женщина Скитер Филан не начинает записывать их рассказы. Символическая граница воспроизводится на уровне взаимодействий, в сегрегации пространства, поддерживается институционально и дискурсивно. Одна из служанок, Минни, повторяет правила, которым она научилась от матери: никогда не обсуждать с белой леди свои проблемы, белая леди не должна видеть, как она пользуется туалетом, нужно пробовать еду отдельной ложкой, иметь свою собственную посуду (Стоккет 2011: 55). Чернокожим предписывается пользоваться отдельными туалетами для прислуги, и эта сегрегация оправдывается «естественными» соображениями здоровья и благополучия белых семей.

Сторонница сегрегации объясняет «Это же просто опасно. Всем известно, что у них совсем другие заболевания, не такие как у нас» (Стоккет 2011: 15). Туалеты для черных выступают физическим маркером различий (вспомним Гофмана), в данном случае не гендерных, а расовых и классовых. Практики превосходства благополучных белых над неблагополучными черными выглядят «естественными». Классовое неравенство подчеркивает расовое господство, но оно не полностью совпадает с гендерным, поскольку белые домохозяйки контролируют чернокожую прислугу обоего пола.

Таким образом, мы видим, как происходит формирование гендерных различий на уровне повседневных практик. В низших классах черной расы работают и мужчины и женщины. Однако Минни — одна из главных героинь романа — с иронией говорит о том, что ее муж ведет себя так, «будто он единственный, кто содержит семью, а я просто так, ради развлечения подрабатываю» (Стоккет, 2011: 64), хотя ее заработок в общем бюджете не менее важен. Гендерные внутрисословные различия строятся через разные виды работ, которые осуществляют женщины и мужчины, а также через насилие, которому систематически подвергается Минни.

Используя интерсекциональный анализ, исследователи пытаются уловить и обозначить взаимообусловленность множественных форм различия и неравенства. Интерсекциональность позднее оказалась аналитическим инструментом, позволяющим приблизиться к решению сложной исследовательской задачи: выявить, каким образом различные механизмы социального разделения и производства неравенства (прежде всего по критериям расы, класса и гендера) переплетаются и взаимно конституируют друг друга. Перед исследователем ставятся, например, следующие вопросы:

- Как гендеризируется расовая позиция индивида и группы в конкретном обществе?
- Как расовые различия воздействуют на гендерные позиции?
- Что значит быть черной женщиной или черным мужчиной, например, во Франции или женщиной азиатского происхождения в России?
- Как категории расы и гендера связаны с производством классовой позиции?

При этом — в соответствии с феминистской традицией — основное внимание уделяется тем позициям в социальном пространстве, которые являются негативно привилегированными и создаются различными механизмами угнетения и социального исключения. Приведем пример.

В марте 2014 г. российская инициативная группа «За феминизм» при поддержке Гендерной фракции партии «ЯБЛОКО» объявила конкурс на звание «Сексист года — 2013». Победителем в номинации «Сексизм в рекламе» стала компания «АльфаСтрахование», разместившая более 400 билбордов в 23 городах России, изображающих женщин в национальных костюмах и содержащих рекламные тексты следующего содержания: «Купил немку? Застрахуй ее быстро и без прелюдий!» Для непосвященного читателя проясним, что речь идет на самом деле не о покупке женщины, а о покупке машины, произведенной в той или иной стране. Однако эксперты обратили внимание на лингвистическую двусмысленность, обыгранную такого рода креативной рекламой. Они отметили, что «концепция рекламной кампании закрепляет сексуальную объективацию женщин, а также является неявной пропагандой торговли женщинами с целью сексуальной эксплуатации (проституции). Кроме того, эта реклама имеет отчетливый расистский характер» (http://www.yabloko.ru/news/2014/03/06_0; 09.03.2015).

Таким образом, интерсекциональный анализ репрезентации — рекламного продукта — выявляет связь этнических и гендерных параметров в производстве дискриминирующих текстов.

Возникает вопрос о том, может ли **класс** быть рассмотрен как ситуационное исполнение, осуществляется ли классовая категоризация в повседневной жизни? Уэст и Финстермейкер показывают, что подотчетность индивида классовой категории имеет иной механизм по сравнению с расой и гендером. Классовая принадлежность определяется не по биологическим признакам. Тем не менее, в том обществе, которое изучают авторы, бедность приписывается тем, кто не работает, не имеет амбиций, является неудачником; богатство рассматривается как результат личных усилий, талантов и инициативности. Т. е. повседневный здравый смысл вырабатывает некие «объективные» индикаторы классовой принадлежности,

которые могут быть вычленены в ситуативных взаимодействиях. Американская писательница Айн Ренд, идеолог индивидуализма и рационального эгоизма, представила бедных и богатых в романе «Атлант расправил плечи» как людей с подчеркнуто разными качествами, амбициями, интеллектом, стилем. Они противоположны не только по целям и способам их достижения, но и по своим моральным качествам (Ренд 2012 [1957]). Здесь о классе можно говорить как о категории людей, наделяемых на уровне здравого смысла «естественностью» статуса бедных и богатых.

Исполнение класса, основанное на институционализированном неравенстве, опирается на трактовку классовой категории как нормальной и естественной. Социальное различие по классовому признаку предстает как легитимный способ организации социальной жизни. Это различие пересекается с гендерным. Например, от матерей, принадлежащих к разным социальным классам, общество ожидает исполнения разных материнских практик. Белые богатые женщины нанимают нянь для ухода за своими детьми. Эти няни в американском обществе часто бывают мигрантками или чернокожими. За детьми этих нянь в это время ухаживают их старшие дети или другие родственники. Для филиппинской няни «естественно» быть хорошей заботливой квазиматерью для чужих детей и хорошей матерью для своих, зарабатывая деньги на их содержание (Parrenas 2001). Для белых женщин-домохозяек высшего класса «естественно» не осуществлять рутинный уход о своих детях в определенных контекстах, а перепоручив его прислуге, включаться в заботу только время от времени. Низшие классы в определенные периоды перепоручают заботу о детях старшим детям и другим женщинам. В XX в., когда возобладала концепция «интенсивного материнства» (преимущественно материнской ответственности за детей, с большими эмоциональными, материальными и временными вложениями), она в целом распространилась на все классы американского общества, хотя саму заботу женщины из разных классов понимают и осуществляют по-разному (Hays 1996).

Исполнение класса, расы и гендера различаются по содержанию и результатам. Однако механизмы воспроизводства неравенства по этим признакам сходны. Для них значимы следующие черты:

- Редукция многообразия к однозначным категориям, которая приводит к конституированию «различий» — основе неравенства. Всем представителям гендерной группы, расы, класса приписываются одинаковые качества (внутренняя гомогенность), в первых двух случаях на основании биологического сходства.
- Одни и те же виды деятельности (роли) приобретают разный смысл в зависимости от контекста (например, материнство богатых белых и бедных чернокожих).
- В более поздних версиях интерсекциональность становится важнейшей категорией анализа многомерности жизненного опыта маргинализированных групп/ субъектов, положение которых определяется пересечением нескольких переменных.

3.5. Возможен ли демонтаж гендера и гендерного неравенства?

Если исходить из теоретической посылки о конструировании гендера, то становится возможным выдвинуть положение о его реконструировании и изменении. Границы между мужским и женским поведением, представления об отношениях мужественности и женственности подвержены изменениям. Гендерный дисплей может быть средством подтверждения и разрушения установленного гендерного порядка.

В 2007 г. была опубликована статья американского социального психолога Фрэнсин Дейтч, название которой, как она пишет, по случайному совпадению повторяет название книги Джудит Батлер 2004 г. — *Undoing gender* (Deutsch 2007; Butler 2004). Этот термин еще сложнее перевести на русский язык, чем *doing*, он может означать уничтожение, прекращение создания, деконструкцию, демонтаж и пр. Для нас важно понять, что он означает по существу и как строится аргументация «демонтажа» гендера.

Дейтч отталкивается от интерпретации создания гендера как воспроизводства нормативных представлений о мужчинах и женщинах, мужественности и женственности. С точки зрения Дейтч, теория создания гендера успешно объясняет подчинение кон-

венциональным гендерным нормам и стереотипам (через подотчетность) и недостаточно успешно объясняет сопротивление гендерным паттернам и их изменение (это «теория гендерной конформности», по мнению Дейтч). Сам термин «создание» (букв. «делание») указывает скорее на то, что различия создаются, а не преодолеваются. Тем самым Уэст и Зиммерман, а за ними и многие последователи, показывают постоянное воспроизводство критикуемого ими гендерного неравенства, даже если описываются ситуации изменения конвенциональных ролей — женщины-руководители или мужчины-домохозяева (Deutsch 2007: 110–111). Сопротивление гендерным ожиданиям — если осуществляется — остается маскируемым, а источник возможного сопротивления — неясным. Индивидуальные стратегии не могут изменить систему структурной дискриминации. В то время как для преодоления гендерного неравенства, по мнению Дейтч, акцент в исследованиях должен быть на «неделании» гендера.

Чтобы проанализировать возможности демонтажа гендера, Дейтч ставит следующие вопросы: могут ли различия становиться «менее гендерными»; во всех ли ситуациях взаимодействия гендер релевантен; всегда ли производство гендера связано с неравенством; как институциональный и интеракционный уровни совместно производят изменения; может ли пространство интеракции быть местом зарождения изменений гендера.

Во-первых, Дейтч показывает, что за несколько десятилетий произошли изменения, которые хотя и не сгладили полностью гендерные различия, но явно уменьшили гендерное неравенство. Например, приход женщин в сферы нетрадиционной женской занятости или на руководящие позиции изменил восприятие различий мужчин и женщин, а новые подходы к родительству и воспитанию сократили различия как между социализацией мальчиков и девочек, так и в гендерном разделении семейного труда. Т. е. лонгитюдные исследования показывают сокращение гендерных различий.

Во-вторых, сомнительным для Дейтч представляется тезис о том, что действия людей всегда и везде подотчетны гендерным нормам, восприятие индивидов всегда предполагает распознавание их как мужчин и женщин. Согласно такой точке зрения, на любого человека мы смотрим через линзы гендера: няня — это женщина, механик — мужчина. Однако эту позицию можно оспорить и развить.

Мы исходим из того, что общество располагает сложной системой социальной категоризации, которая соответствует разным критериям социальной дифференциации. Вопрос заключается в том, всегда ли гендер автоматически выступает базовой характеристикой и не конкурирует ли приписывание пола с другими атрибутами, такими как приписывание расовой, этнической, возрастной категории и пр. Этнические и расовые характеристики могут восприниматься как более значимые в ситуации дискриминации по этим признакам. Таким образом, для определенных ситуаций другие категории могут оказаться более значимыми, чем гендер. Как показывают исследователи, в одних контекстах стереотипические черты пола являются центральными, а в других — нет (Ridgeway, Correll 2004:526).

В современном обществе многие институциональные взаимодействия являются гендерно нейтральными. Например, таковыми могут быть профессиональные электронные коммуникации или коммуникации в институциональных ситуациях, связанные с профессиями юриста или социолога (впрочем, и этот тезис можно оспорить — см. дискуссию об этом в лекции 9). В некоторых ситуациях гендерные различия становятся ритуальными и диффузными и не оказывают влияния на успехи в профессиональной деятельности.

Всегда ли важен гендер?

Вспомним популярный сериал «Тайны следствия» (2001–2013). Главная героиня Мария Шевцова — успешный следователь, а затем — заместитель прокурора. Она инициативна, успешна, обладает выдающимися профессиональными качествами. Хотя ее женственность (гендерный дисплей) постоянно подчеркивается модной одеждой и заботой о близких, как профессионал она скорее выглядит гендерно нейтральным персонажем.

В-третьих, основной тезис Дейтч связан с оппонированием понятию «создание гендера» как неизбежно связанному с созданием неравенства, т. е. неравного распределения власти. Однако, например, на уровне межличностных взаимодействий в паре гендерные различия могут воспроизводиться, не воспроизводя неравенство.

Так, в некоторые практики родительства устоявшееся в семье разделение труда между отцом и матерью не предполагают подчинение или угнетение.

В-четвертых, этнометодологический конструктивистский подход анализирует создание гендера в первую очередь на микроуровне социальных взаимодействий. Однако гендер создается на различных уровнях. Чтобы объяснить гендерные различия, необходимо теоретическое осмысление работы гендерных категорий на уровнях взаимодействий, социальных структур и среднем уровне (Lorber 1994; Ridgeway, Correll 2004; Ridgeway 2011). Так, например, политика гендерного равенства и соответствующее законодательство или политика предприятий, дружественных по отношению к семье, порождают структурные изменения, которые влияют на межличностные взаимодействия, формируя новые институционализованные ситуации.

При анализе структур видны, например, такие изменения, как выработка политики равенства в оплате труда и дружественной к семье политики на рабочем месте. Это влияет на взаимодействия, в которых женщины уже не рассматриваются как менее компетентные по сравнению с мужчинами. Единичные случаи изменений могут поощрять других к копированию и таким образом постепенно вести к изменениям (трангрессии) гендерных границ, порождать коллективные действия, направленные на изменения институтов.

Дейтч предлагает использовать термин «создание гендера» для описания взаимодействий, которые производят гендерные различия и неравенство, и термин «**демонтаж гендера**» — для описания взаимодействий, которые их сокращают. При этом Дейтч признает, что полностью отказаться от гендерных категоризаций невозможно, т. к. гендер является базовой идентичностью. Демонтаж гендера — это процесс производства гендерных различий без производства неравенства.

Еще один вариант демонтажа гендера (*degendering*) представлен в работе Джудит Лорбер «Разбивание чаши: демонтаж гендера и феминистские изменения» («*Breaking the Bowls: Degendering and Feminist Change*»; Lorber 2005). Исследовательница опирается на тезис о том, что феминистская теория и практика направлены на

достижение гендерного равенства и изменение динамики взаимодействий между мужчинами и женщинами, устранение дисбаланса в политике и контроле над ресурсами. Феминизм рассматривается как вызов естественности представлений о мужском и женском, мужественности и женственности. Лорбер утверждает, что в поддержании гендерного неравенства решающая роль принадлежит государству и бюрократическим структурам. При этом гендерная категоризация одновременно определяет социальный статус и идентичность и оформляет их повседневное взаимодействие и организационные практики.

Социальная категоризация индивидов — основа гендерного социального порядка — сопротивляется индивидуальным вызовам и инновациям в поле гендерных дисплеев. Власть такова, что люди действуют в соответствии с правилами гендерных структур, не осознавая этого. Мы производим гендер, поскольку усвоили свое место в гендерном устройстве общества, или гендерном социальном порядке. Сложившиеся практики поддерживают социальный порядок. Но они также могут менять его. Каким образом?

Чтобы произвести гендерную революцию, считает Лорбер, необходимо подвергнуть критике систему бинарных оппозиций гендера, которые глубоко укоренены в повседневности и социальной организации большинства обществ (Lorber 2005: 18). Отказ от производства гендера является формой сопротивления (Lorber 2005: 33–38). **Дегендеризация** — это сознательная стратегия и политический проект. Она предполагает, что в социальных институтах и в конкретных институциональных ситуациях не происходит приписывания задач в соответствии с традиционными представлениями о мужском и женском, мужественности и женственности, т. е. о гендерных ролях (о реализации проекта и барьерах см. лекцию 9). В организациях, школах, малых группах, во взаимодействии, в языковых практиках избегают отсылок к нормативным представлениям о половых категориях. В данных контекстах вы не услышите таких словосочетаний, как «тебе как женщине»; «настоящий мужчина должен», «любая мать так бы сделала». Дегендеризация пронизывает и лингвистические практики. Именно в контексте этого — политического по своей сути — проекта используются новые языковые маркеры позиций в интимных и семейных отношениях, такие

нейтральные термины, как партнер, компаньон, любимый человек. В воспитательных практиках в отношении детей отказываются от таких нормативных суждений, как «мальчики не плачут», «девочки не дерутся». Лорбер полагает, что в идеале дегендеризация поможет демилитаризации, ориентации на мирное разрешение конфликтов, развитию человеческого капитала и пр.

Язык, считает Лорбер, — это главный инструмент гендерной революции. Неслучайно в тех обществах, где в постсоциалистический период гендер, понимаемый как традиционная мужественность и женственность, становится важным ресурсом достижения успеха, в языке появляется огромное число штампов и стереотипов о том, что такое настоящая женщина и настоящий мужчина.

Существуют и иные трактовки, отчасти терминологического характера, когда ликвидация неравенства означает отказ от производства гендера. Так, социолог Рисман считает, что индивиды могут перестать производить гендер, т. е. разрушить сложившиеся паттерны мужественности и женственности, проявляющиеся в различных взаимодействиях (Risman 2008). Уэст и Зиммерман (West, Zimmerman 2009) отвечают на это, что разрушение существующих гендерных моделей означает не столько разрушение гендера (люди все равно остаются подотчетными ожиданиям, предъявляемым в отношении категории пола), сколько его **переопределение** (*redoing*). Могут измениться лишь структуры подотчетных ожиданий в отношении категории пола, но сама подотчетность останется.

ИТАК, резюмируем, что нам дает социально-конструктивистский подход к исследованию половых различий:

- Повседневное приписывание пола происходит на основе символов («культурных гениталий»), отсылающих к биологическим и физическим различиям, независимо от их наличия/отсутствия. В повседневности идет постоянный процесс атрибутирования и категоризации по признаку пола, что воспринимается как необходимое условие поддержания социального порядка.
- Бинарная оппозиция полов предполагает однозначность полов-гендерной атрибуции, т. е. совпадение гендерного атрибутирования (мальчика — на основе наличия пениса, девочки — на-

личия вагины), идентичности (осознает себя как лицо мужского/женского пола) и роли (ведет себя как мужчина/женщина). Однако приписанный гендер/пол, гендерная самоидентификация и роль могут не совпадать в отдельных случаях, которые нормативный порядок признает девиацией.

- Гендерные различия и гендерная идентичность мыслятся как социальный конструкт; его носители – морально подотчетные, компетентные члены общества, обладающие рутинными знаниями о том, что такое надлежащее гендерное поведение, гендерный дисплей и пр. Факт «производства гендера» становится очевидным в случае коммуникативного сбоя, поломки сложившихся образцов поведения.
- Гендерные отношения конструируются как отношения социального неравенства, приводящие к неравенству возможностей. Наблюдаемая в интеракциях гендерная асимметрия – причина и результат институциональных гендерных различий. Гендерные отношения – это отношения стратификации, в основе которых лежат отношения власти.
- Гендерные отношения – продукты конкретной культуры. Отношения между мужским и женским, представления об этом отношении могут изменяться.
- Рекрутирование гендерной идентичности предполагает активность индивида, который участвует в производстве правил гендерных взаимодействий, статусов и иерархий.
- Гендер рассматривается во взаимосвязи с другими социальными механизмами производства неравенства. Интерсекциональный анализ концентрирует внимание на ключевых социальных разделениях по таким критериям, как: гендер, этничность/раса, класс, возраст, сексуальная ориентация и гражданство. Однако в зависимости от контекста и проблематики исследования актуализируются и другие параметры различения и стратификации.
- Теория создания гендера позволяет поставить вопрос о демонтаже гендера, дегендеризации, пересоздания, деконструкции гендера. Идеи дегендеризации имеют политический характер; они ориентированы на разрушение гендерных иерархий

4.

Значение и критика подхода

4.1. Применение теории «создания гендера»

Социально-конструктивистский подход «создание гендера» оказал огромное влияние на развитие гендерных исследований. Статья Уэст и Зиммермана стала классикой гендерной социологии. На данный момент (май 2015 г.) ее цитирование в google scholar превысило 7300 раз. Этот подход активно используется в эмпирических исследованиях, однако сохраняются различные точки зрения по поводу того, что такое производство гендера и какие методы пригодны для исследования данного процесса. На основе анализа социологических статей, в которых используется понятие «создание гендера», опубликованных с 1987 по 2005 год, было выделено три основных варианта использования данного концепта (Wickes, Emmison 2007).

К первому направлению относятся эмпирические исследования, проводимые методом наблюдения за процессами, происходящими в естественном окружении, когда гендер создается во взаимодействии лицом к лицу (например, во время игры в футбол мужчины взаимодействуют друг с другом иначе, чем женщины). Авторы считают, что данная методология более всего соответствует оригинальной постановке вопроса о создании гендера, но в их выборке оказалось только 10 процентов публикаций, основанных на таком подходе. Данное направление получает развитие в анализе дискурса и пр. (Wickes, Emmison 2007: 329). Предполагается, что только тщательная фиксация происходящего (а не полевые записи) и только непосредственное наблюдение взаимодействий (а не рассказ в интервью об этом взаимодействии) может дать возможность исследовать производство гендера (Kitzinger 2009: 96).

Ко второму направлению авторы относят исследования, которые проводятся методом интервью и в которых аналитик получает данные о практиках производства гендера через рассказ информанта, т. е. отчет о них. С точки зрения авторов, результат говорит не о производстве гендера, а об особенностях производства нарратива о создании гендера.

К третьему направлению отнесены исследования, которые ритуально упоминают словосочетание «создание гендера» как кодовую категорию. Таковыми, например, являются некоторые исследования, проведенные количественными методами, когда фактически речь идет о гендерных ролях в домохозяйстве, а не о создании гендерных различий и проявлении гендерной идентичности в социальных практиках. Ритуальные референции демонстрируют признание значимости подхода, но не следуют его методологии в строгом смысле.

Сами Уэст и Зиммерман придерживаются расширительной трактовки методов исследования. В дискуссиях они поясняют, что изучение механизмов создания гендера не должно ограничиваться этно-методологией и анализом разговоров. Можно использовать любой метод, который улавливает категоризацию, осуществление гендера, отчетность категориям. Такими методами могут быть систематический анализ неструктурированных интервью, анализ дневников, этнографические наблюдения и пр. (West, Zimmerman 2009: 116–117).

Иными словами, дискуссия идет между «пуристами» (сторонниками применения «оригинального» этнометодологического подхода) и сторонниками расширительной трактовки подхода и метода, которой придерживаются в настоящее время и авторы классической статьи.

В 2009 г. журнал «Гендер и общество» (Gender & Society) организовал на своих страницах дискуссию, посвященную работе «Создание гендера», ее влиянию на социологию и гендерные исследования. Спустя двадцать лет после публикации это небольшая статья оценивалась как теоретический сдвиг в интерпретации гендерных отношений. Сам термин и лежащий в его основании подход стали влиятельными, они используются и цитируются в таких дисциплинах, как социология, педагогика, криминология, теории коммуникаций и культуры, политические науки и менеджмент (Wickes, Emmison, 2007: 311).

В целом в ходе дискуссии были сформулированы следующие выводы (Jurik, Siemsen 2009; см. также: Deutsch 2007: 107–108).

- Работа *Doing gender* и последовавший за ней парадигматический поворот в гендерных исследованиях ослабили позиции полоролевого подхода.

- Сместился фокус от усвоения и производства различий в процессе социализации к созданию гендера через взаимодействия на протяжении всей жизни.
- Сместился фокус исследований: от структурной детерминированности и распределения ресурсов к изучению социальных взаимодействий.
- Исследователи признали многообразие способов создания гендерных различий в разных культурных контекстах и институционализированных ситуациях.
- Эмпирические исследования, выполненные в этой традиции, направлены на анализ гендерной дифференциации и стратификации на уровне рутинной повседневной деятельности.
- Данный подход способствовал возвращению исследований гендера и расы в эмпирическую и теоретическую социологию.
- Исследователи стали изучать возможности деконструкции или демонтажа гендерных различий как дискриминирующих.

4.2. Критика подхода

К ограничениям подхода в настоящее время исследователи относят следующие (см. обсуждение на страницах журнала «Гендер и общество» в 1995 г.: Symposium 1995; см. также: West, Fenstermaker 1995b; Smith 2009; Jurik, Siemsen 2009):

- Нехватка инструментария для осмысления исторических процессов создания гендерного неравенства и его преодоления, а также сопротивления устойчивому производству гендера и изменения гендерного порядка. Данный подход подчеркивает поддержание и воспроизводство нормативных концепций.
- Недостаточный анализ роли агента, интенциональности и рефлексивности в процессе создания гендера.
- Трудности концептуализации гендера, расы и класса как основных категорий, обозначающих социальные различия и неравенство, сложности в соотношении интеракции лицом

к лицу и структурной дискриминации. Расизм, патриархат и капитализм как системные характеристики общества в основном остаются за рамками анализа на микроуровне, акцент делается на процесс производства неравенства, а не на его результат и структурную обусловленность.

- Отсутствие консенсуса относительно эмпирических методов изучения процесса создания гендера и гендерного неравенства.

Особое внимание исследователи обращают на недостаточное изучение **сексуальности и тела** в анализе создания гендера и переосмысленных «биологических» характеристик без возвращения к эссенциалистским трактовкам. Для понимания реального опыта людей, с точки зрения Д. Смит (Smith 2009), недостаточно таких категорий, как «создание гендера» и «создание различий». Индивиды переживают гендер как телесный опыт, например, в контексте сексуальных взаимодействий, во время беременности, родов, грудного вскармливания. Опыт неравенства — это также реальный телесный опыт. Джеймс Мессершмидт (Messerschmidt 2009) высказывает сходную точку зрения. Он считает, что подход «создание гендера» должен развиваться, включая анализ телесности. В исследованиях производства гендера среди подростков белого рабочего класса (Messerschmidt 2009, 2000, 2004) он обнаруживает, что тела вовлечены не только в производство, но и в пересмотр гендерных различий. Некоторые девочки, например, пытаются «уменьшить женственность». Их телесный дисплей «стирает женственность» через отказ от соответствующих социально предписанных атрибутов. Они выбирают мальчишеский стиль одежды, который скрывает грудь, шею, ноги и пр. Таким образом они не стремятся выразить мужской дисплей, но пересматривают рамки конвенционального дисплея женственности.

Исследования показывают, что тело является активным агентом социальной практики производства гендера. Телесный опыт при этом создает возможности и границы управления гендерной идентичностью. Тела могут делать одно и не могут делать другое. Производство гендера осуществляется через тело (например, о телесных практиках российской молодежи и конструировании гендера см.: Нартова, Омельченко 2008; Омельченко, Нартова 2013).

Еще одно основание для критики заключается в отсылке к «созданию», которое как метафора скорее подразумевает целенаправленное действие, чем нерелективные практические действия людей, убежденных в естественности проявлений половой принадлежности (Thorne 1995). Однако именно это положение находится в основании данного подхода — в производстве гендера не существует «сознательного» предварительного плана и его целенаправленного осуществления.

ИТАК, обобщим вклад социально-конструктивистских теорий в гендерные исследования.

- Социальный конструктивизм в гендерной теории изначально опирался на феноменологию, этнометодологию и драматургический интеракционизм. В его фокусе находились взаимодействия, фоновые знания и рутина повседневности. Впоследствии он приобрел расширительное толкование, стал применяться к анализу дискурсов, социальных институтов и пр.
- Теория «создания гендера» ознаменовала собой теоретический сдвиг в интерпретации гендера, который задал вектор развития феминистских социологических исследований в последние десятилетия XX в.
- Теория «создания гендера» позволила исследовать гендер как результат социальных взаимодействий и работы институтов, увидеть процесс производства гендерного неравенства и возможные варианты смягчения гендерной асимметрии.
- Социально-конструктивистский подход способствовал развитию интерсекционального анализа гендерных отношений.
- Ограничения данного подхода (слабость объяснения структурной дискриминации, происхождения гендерных стереотипов, трудность концептуализации гендера, расы и класса как основных стратификационных осей, недостаточное внимание к телесности и пр.) послужили стимулом для развития гендерной теории, в первую очередь через объединение разных перспектив и уровней анализа.

Выводы

1. Драматургический интеракционизм, этнометодология и теория «создания гендера» утверждают, что отношения между полами и модели мужественности и женственности социально сконструированы. Они воспроизводятся благодаря подотчетности акторов социальным нормам и рутинному исполнению предписаний нормативной мужественности и женственности. При этом исследователи различают биологический пол и социально приписанный пол (категоризация на основе «культурных гени-талей»).
2. Гендерное отношение конструируется как отношение социального неравенства, приводящее к неравенству возможностей. Наблюдаемая в интеракциях гендерная асимметрия — причина и результат институциональных гендерных различий. Отношения между мужским и женским, представления об этих отношениях могут изменяться, т.к. гендерные отношения — продукты конкретной культуры.
3. В повседневности идет постоянный процесс атрибутирования и категоризации по признаку пола, что воспринимается как необходимое условие поддержания социального порядка и поэтому приобретает видимость «естественности». Соответственно, нарушения гендерного порядка (отказ от бинарности полов, нарушение соответствия биологического пола, идентичности и роли, трансгендерность и пр.) интерпретируются как социальные отклонения.
4. Социальный конструктивизм отходит от концепции гендерной социализации и предлагает концепт активного рекрутирования гендерных идентичностей.
5. Подобно гендеру, раса/этничность и класс рассматриваются как категории, создаваемые в процессе социального взаимодействия и стратифицирующие общество. Гендер должен рассматриваться во взаимосвязи с другими категориями неравенства.
6. Выдвигаются научные и политические проекты разрушения гендерного неравенства — дегендеризации, демонтажа гендера, отхода от бинарных гендерных оппозиций и пр.

7. Социальный конструктивизм привел к парадигматическому сдвигу в гендерных исследованиях — смещению внимания от половых ролей к производству гендерных отношений на уровне взаимодействий, обратил внимание на взаимосвязанность различных социально конструируемых категорий неравенства. Однако в рамках этого подхода сложно объяснить структурные изменения гендерных отношений, структурную дискриминацию и вклад различных категорий в конструирование неравенства в ситуациях взаимодействия.

Вопросы для повторения и обсуждения

1. Что такое гендерный дисплей? Приведите примеры.
2. Как соотносятся пол, гендер, категоризация и роль?
3. Опишите процесс социального конструирования гендерных различий на примере конкретного социального взаимодействия.
4. Каковы последствия этнометодологического поворота в гендерных исследованиях?
5. Каково применение драматургического интеракционизма в гендерных исследованиях?
6. Что такое демонтаж гендера?

Основная литература

- Гарфинкель Г.* Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007.
- Гофман И.* Гендерный дисплей // Жеребкин С. (ред.) Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 306–335.
- Здравомыслова Е., Тёмкина А.* Социальное конструирование гендера как методология феминистского исследования // Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2007. С. 9–33.
- Уэст К., Зиммерман Д.* Создание гендера // Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 193–220.

- Deutsch F.* Undoing Gender // *Gender & Society*. 2007. N 21(2). P. 106–127.
- Kessler S., McKenna W.* Gender: an ethnomethodological approach. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1978.
- Lorber J.* Breaking the Bowls: Degendering and Feminist Change. New York: W.W. Norton & Company, 2005.
- Silverman D.* Interpreting Qualitative Data. London: Sage, 1993.
- West C., Fenstermaker S.* Doing Difference // *Gender & Society*. 1995. N 1. Vol. 9. P. 8–37.

Приложение.

Анализ категоризации взаимодействий: методика исследования гендерной идентичности в сфере сексуальных отношений

В данном параграфе представлена исследовательская процедура **«анализ категоризации взаимодействия»** — методика анализа текста, разработанная в рамках социально-конструктивистского подхода. Данная методика адаптирована нами для изучения конструирования идентичности на материале биографического интервью.

Предметом нашего исследования является формирование гендерной идентичности. Напомним, что в рамках социально-конструктивистского социологического подхода создание гендерной идентичности понимается как производство гендера в контексте социальных взаимодействий, посредством которых утверждается и воспроизводится представление о различиях между мужчинами и женщинами, мужским и женским поведением, мужественностью и женственностью как базовое для социального порядка.

Исследователи Э. Губа и Я. Линколн (Guba, Lincoln 1998) выделяют следующие особенности применения социально-конструктивистской парадигмы в эмпирических **гендерных** исследованиях, опирающихся на феминистские принципы.

1. Целью таких исследований является выявление тех конструктов, которые создаются индивидами в процессе взаимодействия, включая конструкты, производимые исследователями, которые являются не только экспертами, но и участниками процесса «производства социальной реальности».
2. Позиция исследователя рассматривается как ангажированное, заинтересованное участие. Парадигма конструктивизма исходит из признания того, что установки исследователя влияют на конечный научный результат. Исследователь вовлечен в процесс реконструкции множественности голосов: он в состоянии озвучить свою собственную позицию и дать возможность услышать голоса других участников.
3. «Социальные факты» рассматриваются как продукты сложных дискурсивных практик. Соответственно предметом анализа становятся системы репрезентаций, социальные и материальные практики, идеологические эффекты (Schwandt 1998). Гендерная идентичность является одним из «социальных фактов», который подлежит реконструкции.
4. Повседневное знание опирается на использование категорий, посредством которых придается смысл интересующему опыту и происходит его типизация. Для исследователя становится принципиально важным, каким образом участники процесса взаимодействия типизируют повседневность.

Подобные подходы к изучению идентичности получили распространение также в рамках культурной антропологии и в социолингвистике. Так, российская исследовательница гендерных стереотипов в языке А. Кирилина анализирует, как картина мира, фиксируемая языком, включает приписывание мужчинам и женщинам определенных качеств и оценку этих качеств (Кирилина 1999: 90–96). Особенность социологического подхода состоит в том, что анализ гендерной идентичности, создаваемой в тексте, становится анализом социальной реальности повседневного взаимодействия.

Процедура анализа текста

Процедура анализа текста — «анализ категоризации взаимодействий» — была разработана на основе техники «анализа разговора» (*conversational analysis*), получившей распространение в рамках

этнометодологии (Garfinkel 1967; Sacks, Schegloff, Jefferson 1974; West, Zimmerman 1982). Предметом анализа разговоров являются вербальные процедуры, посредством которых участники взаимодействия осуществляют коммуникацию. Действующие лица при этом рассматриваются как методологи-практики, которые обладают компетентностью в осуществлении и интерпретации своих действий. Взаимодействие успешно осуществляется в том случае, когда его участники следуют практическим правилам повседневности, в том числе и на вербальном уровне, и интерпретируют поведение друг друга как нормальное. Техника **анализа разговора** использовалась при исследовании коммуникаций в разных контекстах: между родителями и детьми, врачами и пациентами, мужчинами и женщинами (Sacks 1972).

Одним из вариантов этой техники стала методика, которую мы называем «**анализом категоризации взаимодействий**» (*membership categorization device*³), разработанная Х. Саксом (Sacks 1974). Сакс и вслед за ним Д. Силверман (Silverman 1993) исследуют, как в текстах «производятся» описания социальной реальности, обеспечивающие взаимопонимание участников взаимодействия. Используя категории (т. е. понятия, выражаемые лексемами) для описания повседневной жизни, индивиды тем самым придают смысл действительности, вырабатывают интерсубъективные значения, обеспечивающие взаимное понимание и общий фон интерпретации происходящего. «Социальная жизнь, — замечает Силверман, — в отличие от иностранных фильмов, не сопровождается субтитрами» (Silverman 1993: 82). Смыслы взаимодействий вплетены в ткань повседневности. Задача исследователя — реконструировать эти смыслы: снабдить субтитрами социальную жизнь, чтобы осмыслить ее социологически.

Интервью представляет собой текст, содержащий категории, посредством которых индивид описывает социальные взаимодействия как понятные их участникам, т. е. наделенные смыслом. Мы предлагаем здесь адаптированный вариант методики, который был апробирован при анализе биографического интервью, посвященного сексуальному опыту (см. ниже).

³ Данный перевод названия методики не является дословным, а передает смысл процедуры анализа текста.

Для реконструкции процесса создания в тексте гендерной идентичности мы выполним три шага.

Шаг 1. Выделим категории, которыми пользуется рассказчица при описании действующих лиц, фигурирующих в описании ее собственного сексуального опыта. Данные категории чаще всего представлены в виде местоимений, имен существительных и прилагательных.

Дэвид Силверман рассматривает категории как способы описания событий и действующих лиц, посредством которых происходит их осмысление, т. е. идентификация, классификация, типизация. Используем пример, приведенный Силверманом. В тексте одна и та же женщина может описываться как «стройная блондинка, мать пятерых детей» (1) и как «тридцатидвухлетняя преподавательница» (2) (Silverman 1993: 81). Таким образом, эта женщина идентифицируется в категориях семейных ролей (1) и в категориях профессиональной деятельности и возрастной группы (2). В ходе дальнейшего анализа текста исследователь может определить, какие качества и действия связаны с разными моделями классификации женщины. В нашем случае мы будем выделять категории, на которых построен рассказ о (гетеро)сексуальном опыте информантки.

Анализ категоризации взаимодействия опирается на принципы социального конструктивизма, подразумевающие, что речевые практики перформативны, т. е. создают и воспроизводят порядок публичного взаимодействия. В связи с этим методика предполагает следование двум правилам. Во-первых, исследователь исходит из того, что используемая рассказчиком категория принадлежит к некоторому более общему родовому классу категорий (*collection*). Так, например, категория *преподавательница* (использованная для идентификации женщины) относится к классу *профессия*, категория *мать* — к классу *семья*, категория *тридцатидвухлетняя* — к классу *возраст*. Во-вторых, исследователь исходит из правила *семантической консистентности* (*consistency*) повествования. Суть этого правила заключается в том, что в нарративе рассказчик сохраняет некоторую логику изложения и объединяет категории в рамках одного смыслового блока, иными словами, говорит связно и не допускает абсурдизма. Когда речь идет о семье, профессии, мы

ожидаем, что рассказ будет связан именно с этой темой, если нет специального указания на то, что «консистентность» нарушена и текст намеренно носит абсурдистский характер.

Шаг 2. Выделим лексемы, обозначающие виды действий и отношений, которые рассказчица связывает с данными категориями (*category-bound activities*); ими чаще всего являются глаголы и отглагольные формы. Лица и события, описываемые в повествовании, обозначенные определенными категориями, связываются в тексте с определенными видами действий и отношений. Реконструируя эти связки, мы выявляем те смыслы, которыми наделяются повседневные взаимодействия.

Шаг 3. Реконструируем моральные оценки, которыми наделяются данные категории и соответствующие им действия и отношения. При этом мы (исследователи) исходим из того, что можно назвать правилом морального суждения. Оно заключается в том, что любое описание опыта рассматривается как содержащее (явно или неявно) его моральную оценку. Исследователь исходит из того, что рассказчик постоянно оценивает, правильно или неправильно осуществление данных действий со стороны лиц, обозначенных категориями. Так, в примере, приводимом Силверманом, правильным действием со стороны преподавателя является обучение, правильные действия матери заключаются в воспитании детей. И те и другие действия, с точки зрения рассказчика, морально оправданы и не подвергаются сомнению. Рассказчики приписывают определенные моральные смыслы происходящему и тем самым (вос)производят нормативный порядок.

Техника анализа выглядит следующим образом. Обсуждение **транскрипта** биографического интервью осуществляется группой исследователей. Таким образом соблюдается принцип **триангуляции**, т. е. обеспечивается перекрестная интерпретация фрагментов текста несколькими исследователями. Сначала участники самостоятельно читают полный текст интервью. После этого наступает стадия групповой работы. В выбранном для анализа фрагменте текста выделяются смысловые **секвенции**, т. е. содержательно законченные эпизоды — смысловые единицы текста, следующие друг за другом в определенной последовательности (Flick 2006; Рождественская 2012; Семенова 1998: 227).

Исследователи хотят выяснить, как каждая из секвенций помогает ответить на поставленный ими вопрос. В групповой работе выделение секвенций происходит следующим образом: один из участников читает текст вслух до тех пор, пока словом «стоп» его не остановит кто-либо, идентифицировавший смысловую единицу и предлагающий код для ее обозначения. Затем обсуждаются все возможные (разумные) интерпретации категорий, связанных с ними действий, отношений и оценок, до тех пор, пока не устанавливается консенсус по этому поводу. Иногда такой консенсус установить невозможно, что фиксируется исследователями, и для дальнейшего уточнения они прибегают к сопоставлению разных фрагментов текста или к дополнительной информации, которая может прояснить смысл.

Итак, обратимся к анализу конкретного текста. Фрагменты текста взяты из глубинного фокусированного интервью о сексуальности, которое проводилось в рамках российско-финского проекта «Социальная трансформация и культурная инерция в России» (Санкт-Петербург, 1996–1997). В исследовании было собрано 25 биографий городских образованных женщин трех возрастных категорий: шесть биографий женщин 57–63 лет, 1934–1940 гг. рождения; десять биографий женщин 32–48 лет, 1949–1965 гг. рождения; девять биографий женщин в возрасте 22–31 года, 1966–1975 гг. рождения. Интервью было посвящено широкому спектру вопросов, касающихся сексуальной жизни, и включало следующие темы: формирование знаний о сексуальной жизни, первый сексуальный опыт, брачный сексуальный опыт, параллельные сексуальные отношения, стабильные и случайные сексуальные отношения. Задавались вопросы, касающиеся разговоров о сексе с партнером, любви, отношения к адюльтеру, сексуального насилия, детского сексуального опыта, ревности, контрацепции, аборт, деторождения, менструации, климакса, ЗППП, контрацепции, сексуальных техник, гомосексуализма. Стоит отметить, что интервьюером была женщина, значительно младше по возрасту, чем информантка (которой на момент интервью было 47 лет), но в данном случае разница в возрасте не мешала установлению коммуникации, а помогала, т. к. информантка была нацелена «рассказать все» младшему поколению, которое думает, что в «в СССР секса не было».

«Производство гендера»: анализ фрагментов текста

Задача анализа данного текста — выявить способы конструирования гендерной идентичности в интервью о сексуальной жизни. Разумеется, для того чтобы выполнить поставленную задачу, нужно проанализировать весь текст интервью. Здесь мы останавливаемся только на нескольких фрагментах, чтобы продемонстрировать эвристические возможности предлагаемой методики.

Прежде всего необходимо очертить жизненный путь информантки на основании данных интервью и прилагаемой стандартизированной анкеты. Мы анализируем биографию женщины (1950 г. р.), получившей высшее образование в области естественных наук и работающей в коммерческом секторе экономики в бизнесе. Информантка, назовем ее Марией, разведена, имеет ребенка от первого брака, в течение брака и после него у нее были постоянные и случайные внебрачные сексуальные партнеры. В ходе интервью Мария характеризовала свое сексуальное поведение как ориентированное прежде всего на получение сексуального удовольствия, что вызвало наш интерес, поскольку нетипично для данной возрастной категории российских женщин, большинство из которых в рассказе о своей сексуальной жизни придерживаются таких культурно приемлемых сценариев сексуальности, как брачный, романтический, коммуникативный. В исследовании, проведенном одним из авторов данной публикации ранее, биография Марии рассматривалась как представляющая гедонистический сценарий сексуальности, автономной по отношению к супружеству и дружеским отношениям (подробное описание сценария см.: Тёмкина 2008).

Рассмотрим, как происходит гендерная самоидентификация рассказчицы на примере нескольких фрагментов интервью. Основываясь на описанной выше методике, мы реконструируем: а) **категориальный ряд**, используемый информанткой для описания **себя, мужчин и женщин**, фигурирующих в ее рассказе; б) **действия и отношения**, которые информантка связывает с данными категориями; в) **оценки** этих действий и отношений, присутствующие в тексте.

Ниже представлен первый фрагмент текста, разделенный для удобства анализа по строкам, каждая из которых пронумерована.

Фрагмент 1

- 1 В: Какие партнеры вам нравятся?
 2 О: Здесь очень много проблем. У меня очень большие
 3 трудности с сексуальными партнерами. Даже если мне мужчина
 4 очень нравится, даже если я имею намерение выйти за него
 5 замуж. То все равно фантастические проблемы. Я бы сказала,
 6 что у 99 % мужчин, с которыми я общалась, у них проблемы в
 7 сексе. Не у меня — у них. У них секс сводится к
 8 семяизвержению — больше ни к чему. Они совершенно не
 9 могут раскрыть женщину, они совершенно не могут ее довести
 10 до экстаза и сами войти в экстаз. Они абсолютно этого не
 11 понимают. Причем они думают, что здесь надо работать
 12 больше членом. А собственно говоря, секс — это голова и
 13 руки. А член здесь не причем. Он может быть и очень
 14 маленький, и семяизвержение быстро наступать, но не этим
 15 достигается вся радость общения между мужчиной и
 16 женщиной. Это невозможно им объяснить, они этого не
 17 понимают. Если он совершил половой акт, и у него хорошо
 18 произошло семяизвержение, то он считает, что все понял, все
 19 познал в женщине и доставил ей массу удовольствия. Ничего
 20 подобного. Он ничего не знает об этой женщине. Это
 21 большинство мужчин. Редко встречаются такие мужчины,
 22 которые знают, что женщину можно довести до белого каленя
 23 и в ответ получить фантастическое удовольствие. Это очень
 24 редко встречается. Причем для этого совершенно не требуется
 25 духовное родство, или близость, или интеллект общий.
 26 Требуются совершенно простые вещи: любовь к телу той самой
 27 женщины, с которой он общается. Он из этого тела может
 28 извлечь фантастическую музыку.

Рассмотрим, как в этом фрагменте происходит конструирование Я информантки. Отметим, прежде всего, что Мария относит себя к категории гетеросексуальных женщин, которые имеют опыт множественных сексуальных отношений с мужчинами. Поскольку информантка определяет себя через отношения с партнерами, категоризация мужчин как сексуальных партнеров становится формативным элементом ее гендерной самоидентификации. Ка-

тегоризация мужчин носит характер классификации. Информантка выделяет разные типы сексуальных партнеров на основании их личностных и сексуальных свойств, а также на основании тех отношений, которые у нее с ними возникали или могли возникнуть (по ее версии). Далее мы представим предлагаемую ею классификацию мужчин и связанные с ними свойства и отношения.

Прежде всего, **мужчины** определяются как реальные или потенциальные **сексуальные партнеры**. Свое отношение к ним М. описывает через лексему **нравятся**. Это определение стимулировано вопросом интервьюера (1).

Особую группу сексуальных партнеров составляют потенциальные мужья — те сексуальные партнеры, которые не только ей **нравятся**, но за которых **она имеет намерение выйти замуж** (4–5).

Далее Мария выделяет два типа мужчин по критерию наличия у них **проблем в сексуальных отношениях**:

- мужчины, которые имеют **проблемы в сексе и составляют большинство** (99%, по оценке М.) (5–7);
- мужчины, которые этих проблем не имеют, **которые встречаются редко и очень редко** (21, 23–24).

Отношения, связывающие информантку с большинством сексуальных партнеров, описываются как вызывающие **большие, фантастические проблемы, трудности** (2–3, 5). Информантка определяет свои отношения с мужчинами как **проблемные**. **Проблематизация** сексуальных отношений объясняется тем, что партнеры Марии сами имеют проблемы, связанные с сексуальной сферой. Категория **проблемы в сексе** становится атрибутивной характеристикой мужчин.

Рассмотрим далее действия и отношения, приписываемые Марией большинству мужчин. Эти атрибуции важны для ее гендерной самоидентификации, поскольку обозначенные ею проблемы сексуальной жизни мужчин становятся компонентом ее сексуального опыта.

По мнению Марии, проблемы большинства мужчин в сексуальной жизни заключаются в том, что: **они не могут раскрыть женщину, не могут ее довести до экстаза, не могут сами войти в экстаз** (8–10).

Это означает, что степень сексуальной удовлетворенности женщин оценивается как достаточно низкая и зависимая от действий мужчин.

Мужчины абсолютно этого не понимают (10–11). Мария отмечает, что, как правило, мужчины не осознают наличия проблемы сексуальной неудовлетворенности своих сексуальных партнеров.

Информантка отмечает, что большинство мужчин не понимает природы сексуального взаимодействия. Для их сознания характерна неверная интерпретация сексуальности (8–10). В данной секвенции мы обнаруживаем, что мужчины этой категории и Мария придерживаются противоположных концепций сексуальности. Именно поэтому сексуальные отношения оказываются **фантастической проблемой**. Для большинства мужчин сексуальное взаимодействие — это **работа члена**, определяемая анатомо-физиологическими особенностями, которые конкретизированы как **размер полового органа мужчины, скорость семяизвержения** (7–8, 13–14).

Если секс для мужчины представляет собой анатомо-физиологический акт — он считает, что **все понял, познал женщину** (18–19). Однако с таким мужчиной, как считает информантка, не может быть достигнута **радость общения** (15). Мужчина, который принадлежит к большинству, становится ответственным за проблемность сексуального общения. В данном фрагменте Мария позиционирует себя как объект, зависимый от представлений и действий своих сексуальных партнеров. При этом шансов на беспроblemные отношения остается очень мало, постольку ее трудности являются следствием сексуальных проблем, которые присутствуют у подавляющего большинства мужчин.

На основании вышеизложенного мы можем сделать некоторые предположения о конструировании гендерной идентичности Марии. Информантка рассказывает редкую для женщин ее поколения историю «сексуального раскрепощения». При этом она конструирует свою гетеросексуальную идентичность по двум параметрам: через **интерпретацию сексуальности** и через **позиционирование себя в сексуальных отношениях с партнерами**, т. е. через когнитивные механизмы и реальный опыт.

Пропустим несколько строк (которые также должны быть проанализированы при сплошном чтении интервью), чтобы ответить на вопрос, а каким образом возможны «правильные сексуальные отношения», каким образом **достигается радость общения** (15) между сексуальными партнерами с точки зрения нашей информантки.

Для **правильных сексуальных отношений**, удовлетворяющих женщину, считает она, необходимо выполнение нескольких условий. Прежде всего, нужен партнер, наделенный особыми качествами, а именно для такого мужчины характерна **любовь к телу женщины, с которой он общается** (26–27), из этого тела **он может извлечь фантастическую музыку** (с. 27–28). Такое отношение не обязательно предполагает **духовное родство, близость, интеллект** (25).

Предлагая свою интерпретацию **правильных гетеросексуальных отношений**, Мария продолжает позиционировать себя как зависимую от сексуального партнера. Удовлетворенность сексуальными отношениями зависит от того, найдется ли правильный партнер. Итак, сексуально активная женщина (какой предстает Мария в тексте автобиографического интервью) позиционирует себя как объект, т. е. как реципиент мужской сексуальности. Удовлетворенность сексом зависит от мужских действий, желаний и интерпретаций. Далее исследователь может обнаружить в тексте все фрагменты, в которых женщина позиционирует себя как объект и проанализировать ее идентичность в таких случаях.

Обратимся еще к одному фрагменту интервью и проанализируем его по той же методике.

Фрагмент 2

- 1 И я их всех учу сексу. Потому что те мужчины, которых я
- 2 выбираю, которые мне симпатичны, с которыми я продолжаю
- 3 поддерживать отношения, как правило, сами очень любят
- 4 поговорить со мной о сексе.

В этом фрагменте Мария позиционирует себя как активного агента поля сексуальности. Рассмотрим те действия, которые она приписывает себе в этом поле. Мария **выбирает сексуальных партнеров**, которые ей симпатичны, **с ними она поддерживаются**

отношения (1–3). Информантка позиционирует себя не только как активного агента сексуальных отношений, она выступает как эксперт, обладающий знанием того, что составляет смысл истинной сексуальности. Кроме того, она не только эксперт, знающий, что правильно и что неправильно (см. фрагмент 1), но и учитель. **Она обучает своих сексуальных партнеров сексу** (1). Она претендует на доминирующую позицию в сфере сексуальных отношений. Следующим этапом может стать анализ всех эпизодов, в которых Мария позиционирует себя как активный и доминирующий агент сексуальных отношений.

Итак, если в первом фрагменте Мария описывает себя как женщину, чье сексуальное удовольствие зависит от представлений мужчин о сути сексуального взаимодействия, то во второй секвенции она репрезентирует себя как активную, ответственную и доминирующую женщину.

Кажется, что представленные в данных фрагментах конструкции гетеросексуальной идентичности Марии противоположны. С одной стороны — она позиционирует себя как объект сексуального желания и действий мужчин, чьи представления о сексуальном удовольствии существенно отличаются от ее представлений. С другой стороны, она представлена как активный творец своих сексуальных отношений. Зафиксировав такое противоречие, исследователи ищут его разрешение при дальнейшем анализе текста.

Рассмотрим еще один фрагмент интервью.

Фрагмент 3

- 1 А он считает, что я злая, коварная, противная, издевающаяся и
- 2 вообще, феминистка, и вообще, дрянная баба, которая третирует
- 3 мужиков — дьявол в женской юбке. Он себя чувствует
- 4 несостоятельным. И всякое мое замечание воспринимается им
- 5 как оскорбление, у него даже на глазах появляются слезы от
- 6 обиды.

В данном фрагменте Мария описывает, как ее воспринимает большинство мужчин, сексуальные отношения с которыми порождают фантастические проблемы, суть которых в различных интерпретациях этих отношений. Конкретный партнер, о котором

идет речь в данном фрагменте, является «типичным» представителем 99% **не могущих и не умеющих доставить женщине радость в сексе** (фрагмент 1).

Такой партнер оценивает Марию через совокупность негативных характеристик, считает ее **злой, коварной, дрянной бабой, феминисткой** (1–3). Причины этого связаны с ее активной позицией и претензией на сексуальное доминирование: она не только **учит сексу** (фрагмент 2), она осуществляет контроль, делая партнеру **многочисленные замечания** (4). Такой партнер характеризуется как **чувствующий себя несостоятельным** (3–4), **оскорбляющийся и обижающийся до слез** (5–6).

Итак, активная и доминирующая позиция Марии в сексуальной сфере рассматривается партнером как коммуникативный вызов. Анализ третьего фрагмента существенно дополняет наше знание о конструкте гендерной/сексуальной идентичности информантки. Ее активная и доминирующая роль в сфере сексуальных отношений порождает конфликт и сбой в коммуникации с большинством сексуальных партнеров. Эти партнеры, понимающие сексуальные отношения как анатомо-физиологический акт, не способные доставить женщине наслаждение, общаясь с Марией, ставят под угрозу свое представление о сексуальности.

Таким образом, на примере анализа фрагментов одного интервью мы можем сделать некоторые предположения об основаниях гендерной идентичности информантки. Гендерная идентичность в сексуальной сфере основывается, во-первых, на противопоставлении мужской и женской интерпретации сексуальных отношений. Мария относит себя к категории гетеросексуальных женщин, имеющих множественный опыт сексуальных отношений. Она позиционирует себя как женщина, обладающая истинным знанием о сути сексуальных отношений. Сексуальные отношения можно развивать и совершенствовать, если обучать мужчин-партнеров правильным сексуальным практикам. Основная задача — научить мужчин ориентироваться на сексуальное удовольствие женщины, а не просто удовлетворять свое желание. Большинство мужчин руководствуется редуцированным представлением о сексуальных отношениях — и это порождает проблемы в сексуальных отношениях пары.

Во-вторых, анализ интервью показывает, что отношения в сексуальной сфере всегда репрезентируются Марией как гендерная асимметрия. Она исходит из того, что во взаимодействии мужчины и женщины, как правило, доминирующую позицию занимает мужчина. Доминирование проявляется в том, что его представление о сексуальных отношениях навязывается партнерше, и в том, что ответственность за сексуальное удовлетворение женщина также возлагает на него. В том случае, когда информантка переопределяет свою позицию и претендует на доминирование во взаимодействии, возникает угроза коммуникативного сбоя для сексуальных партнеров. Итак, сексуальная идентичность Марии — это проблематизированная женская (гетеро)сексуальность, претендующая на изменение правил игры, сложившихся в сфере сексуальных отношений. Возможности этих изменений она видит на пути общения мужчин к **правильному знанию о сексе** путем их обучения. Роль **эксперта** и **учителя** она готова взять на себя. Такое самопозиционирование делает ее сексуальный опыт проблемным. Это выражается в том, что она демонстрирует свое недовольство отношениями с партнерами и рассказывает о недовольстве партнеров ею. При этом не нарушается базовое гетеросексуальное основание гендерного конструкта.

Итак, данный метод анализа текста позволил нам реконструировать некоторые основания гендерной идентичности информантки, которые мы рассматриваем как интересубъективные, т. е. на индивидуальные типичные структуры смыслов, выходящие за пределы личного опыта.

Данную методику можно использовать как «поисковую», когда исследователю предстоит только выявить, какие категории используются участниками взаимодействий для описания той или иной сферы социальной реальности, или для решения конкретных задач, при которых нужно определить, как происходит «строительство» тех или иных сторон мира повседневности.

Лекция 6. Структурно- конструктивистский ПОДХОД

Часть 1. Гендер как структура и практика⁴

Введение — Основания структурно-конструктивистского подхода — Рейвен Коннелл: гендерный порядок — Гендерный контракт — Гендерное измерение категории гражданства — Этакратический гендерный порядок в СССР/Росси — Выводы — Приложение 1. Гендерное гражданство и абортная культура в СССР — Приложение 2. «Материнский капитал» как социальная поддержка: отношения граждан и государства

Введение

В данной лекции мы рассмотрим структурно-конструктивистский подход в гендерных исследованиях, активно разрабатывавшийся в 1990–2000-е гг. Этот подход во многом опирается на общесоциологические теории французского исследователя Пьера Бурдьё (теория практик) и английского исследователя Энтони Гидденса (теория структуриации), которые концептуально интегрировали

⁴ Версии фрагментов данной лекции представлены в статьях «Объединительный (структурно-конструктивистский) подход в гендерных исследованиях» (Здравомыслова, Тёмкина 2007с); «Советский этакратический гендерный порядок» (Здравомыслова, Тёмкина 2007f); «Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России» (Роткирх, Тёмкина 2007); «Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России» (Тёмкина, Роткирх 2002).

уровень практического действия и уровень социальных структур (т. н. прагматический поворот, повлиявший в конце XX в. на все социальные науки). В нем переосмыслиется подход производства гендера, сформулированный Уэст и Зиммерманом на основе критического чтения Гофмана и Гарфинкеля. Иногда мы называем этот подход в гендерных исследованиях интеграционным или объединительным.

В данной лекции нам необходимо вернуться к некоторым концепциям, которые рассматривались ранее, поскольку они получают новую интерпретацию через критическое переопределение. При анализе гендерных отношений в русле структурно-конструктивистского подхода исследователи стремятся объединить анализ на разных уровнях. Поэтому мы начинаем лекцию с описания трех уровней анализа гендерных различий/отношений — индивидуального (на уровне личности), интеракционного, структурного. Затем мы переходим к рассмотрению вариантов многоуровневого (объединительного) анализа гендерных различий.

В фокусе данной лекции — работы австралийского социолога Рейвин Коннелл,⁵ которая активно разрабатывает структурно-конструктивистский подход в гендерной теории. Ее монография «Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика» (Connell 1987; Коннелл 2015) является одной из самых цитируемых книг по гендерной тематике. Это вариант теории практик, который позволяет анализировать гендерные отношения, с одной стороны, как совокупность практик, с другой стороны — как совокупность структурных моделей власти, разделения труда, эмоциональных и сексуальных отношений и репрезентаций. Предполагается взаимообусловленность практик и структур (см. также: Connell 2002). Опираясь в том числе на более поздние работы Коннелл «Мужественности» (Connell 2005 [1995]), «Мужчины и мальчишки» (Connell 2000) «Гендер» (Connell 2002), «Гендер: в мировой перспективе» (Connell 2009b) (см. на русском: Коннелл 2000 [1987], 2001, 2005, 2012 [1987]),

⁵ Рейвин Коннелл (RW Connell, урожденная Роберт Уильям Коннелл) сменила пол с мужского на женский, будучи уже известным социологом с изрядным количеством публикаций. Поэтому в библиографии могут встречаться ссылки на Роберта Коннела (Robert Connell), а некоторые названия русскоязычных статей в ссылках содержат склонение фамилии в мужском роде (например, «подход Коннелла»).

мы покажем, как интерпретируются структурные основания гендерных отношений в настоящее время.

Еще одним из вариантов структурно-конструктивистского подхода к анализу гендерных отношений является теория «гендерных контрактов» (Hirdman 1991; Rantalaiho 1994). Гендерный контракт определяется как совокупность гендерных ролей и практик, задаваемых экономическими структурами, государственной политикой, нормами и идеологией. Данный концепт активно разрабатывается и используется скандинавскими исследователями. Он также оказался эвристичным для анализа советского контекста и доминирующего контракта «работающая мать», который обозначает поддержку государством баланса ролей женщины.

Как версию структурно-конструктивистской парадигмы мы выделяем также исследования «гендерного гражданства». Это понятие разрабатывается такими авторами, как Нира Ювал-Дэвис (Yuval-Davis 1997; Yuval-Davis, Werbner 1999), Сильвия Волби (Walby 1994) и другими. Оно отсылает к гендерно маркированным правам и обязанностям граждан и государства по отношению друг к другу и следующим из них социальным практикам. В научной дискуссии ставятся вопросы о специфике гражданских прав женщин, и прежде всего репродуктивных прав, гендерное гражданство рассматривается через призму анализа процессов миграции, прав сексуальных меньшинств, межнациональных браков, международного трафика и торговли людьми, положения в зонах военных конфликтов, участия женщин в политических и общественных движениях, службы в армии и пр. Здесь мы рассматриваем общую постановку вопроса о гендерном гражданстве.

Используя понятия гендерного порядка, контракта и гражданства, мы описываем советский гендерный порядок как этакратический, сочетающий традиционные и эгалитарные структуры и практики, показывая, как видоизменялась гендерная политика на разных этапах строительства социалистического общества, как формировался и видоизменялся базовый гендерный контракт, как государство определяло гендерное гражданство и какие стратегии использовали мужчины и женщины в этом структурном контексте.

В данной лекции мы рассматриваем те варианты объединительной парадигмы, которые делают акцент на структурном уровне

производства гендера. В следующей лекции мы рассмотрим те варианты, которые сосредоточены на анализе гендерных практик и конструировании гендера в процессе взаимодействия в определенных структурных условиях (институциях). Разумеется, граница двух вариантов является условной, некоторые аргументы авторов и положения подходов различаются только нюансами. Оба варианта отсылают нас к многоуровневому и многомерному анализу, к теориям практик и структурам как ограничениям. Однако исторически они складывались по-разному, и в их фокусе находятся разные аспекты гендерных отношений.

Основные понятия: • гендерная система • гендерный порядок • структурные модели гендерного порядка • гендерный режим • гендерное гражданство • гендерный контракт • этакратический гендерный порядок • контракт «работающая мать» • гендерные практики.

1. Основания структурно- конструктивистского подхода

1.1. Уровни анализа гендерных отношений

Гендерные различия анализируются исследователями на нескольких уровнях:

1. индивидуальном уровне,
2. интеракционном (уровне социального взаимодействия),
3. структурном (институциональном) уровне.

На **индивидуальном** уровне гендерный анализ предполагает выяснение того, что люди делают и какими чертами они обладают как мужчины и женщины. В центре внимания исследователей находится изучение и измерение различий в качествах, способностях и образцах поведения мужчин и женщин, с одной стороны,

и интерпретация происхождения этих различий — с другой (Wharton 2012: 25–26).

По мнению американского социолога Джудит Лорбер (Lorber 1994: 30), гендерный анализ на индивидуальном уровне предполагает изучение широкого спектра феноменов. Согласно Дж. Лорбер, **гендер** — это не единая целостная сущность, а сложное образование, включающее различные компоненты, проявляющие себя на уровне индивидуального статуса, на уровне взаимодействий и на уровне структур. С ее точки зрения, на индивидуальном уровне в ходе гендерного анализа учитываются следующие параметры.

Категория пола, к которой приписывается младенец при рождении на основе идентификации гениталий. В современном обществе категоризация пола индивида становится пренатальной в связи с развитием технологий определения пола плода и генного тестирования. Категория пола может быть изменена с помощью хирургического вмешательства или благодаря дополнительному исследованию специалистов (в случае неопределенности).

Гендерная идентичность — гендерное самоопределение индивида как члена общества (работника или члена семейной ячейки).

Гендерный брачный и репродуктивный статусы — предполагает следование правилам интимных отношений, зачатия, беременности, ролей в системе родства или отказ от них.

Гендерная сексуальная ориентация — социально и индивидуальные обусловленные паттерны полового желания, сексуальных чувств, практик и идентификаций.

Гендерные черты личности — интернализированные паттерны социально нормативных эмоций, встроенные в семейную структуру и сформированные практиками родительства.

Гендерные процессы — социальные практики научения, которые считаются гендерно приемлемыми (или неприемлемыми в случае протеста или тестирования), **создание гендера** определенной статусной группы в отношении с другими.

Гендерные убеждения — усвоение гендерной идеологии или сопротивление ей.

Гендерный дисплей — презентация себя как мужчины или женщины с помощью одежды, прически, косметики и других телесных маркеров, которые воспринимаются с помощью органов чувств.

Индивид рассматривает все компоненты гендерного статуса в единстве как конгруэнтные и соответствующие визуальным физиологическим параметрам. Реальная комбинация генов и гениталий, различий гормонального фона в пренатальный подростковый и взрослый период и способность к деторождению могут не являться конгруэнтными и не соответствовать приписанному полу индивида, его гендерной идентичности, сексуальной ориентации, семейной и трудовой ролям, гендерному дисплею или чертам личности. Индивидуальная идентичность представляет собой комбинацию основных приписанных статусов гендера, этничности, вероисповедания и социального происхождения и достигаемых статусов, таких как: уровень образования, профессия или род занятий, брачный статус, родительство, престиж, власть и богатство. Приписанные статусы существенно ограничивают или создают возможности индивидуальных достижений, а также уменьшают или увеличивают степень притягательности этих достижений для индивида (Lorber 1994: 30–31).

Гендерное неравенство **на индивидуальном уровне** анализа рассматривается как воплощенное в индивидуальных телесных/половых различиях. Этот подход в феминистской интерпретации фокусируется на барьерах и ограничениях социализации, на том, как индивиды (в первую очередь женщины) формируют свои идентичности, предпочтения и привычки.

Гендерный анализ на уровне личности во многом складывался под влиянием полоролевого подхода и психологических исследований мужественности и женственности. Гендерные/половые различия объясняются социализацией, в ходе которой индивиды обретают фемининную и маскулинную идентичность и усваивают соответствующие гендерные роли (Ferree, Hall 1996: 934).

Современные исследователи переосмысливают классическое понимание социализации как процесса научения, в ходе которого индивид является пассивным объектом различных социальных воздействий. В настоящее время подчеркивается активная избирательная и трансформирующая позиция личности в процессе усвоения социальных норм и ролевых паттернов (см. лекцию 5 о рекрутировании гендерных идентичностей). В современных обществах гендерные нормы перестали быть однозначными и жестко предписанными. В процессе социализации дети и подростки

могут принимать одни нормы и отвергать другие, девочки и мальчики «жалуются, шутят, фантазируют и сомневаются по поводу гендерных вопросов» (Connell 2002: 78). В современных исследованиях необходимо учитывать то, чего не принимали в расчет традиционные модели социализации: удовольствие в гендерном научении, сопротивление гегемонным нормам, трудности и несогласование разных аспектов формирования и проявления гендерной идентичности.

В настоящее время образ Я (*self*) и личность рассматриваются как сложная развивающаяся структура, для которой характерны противоречия, внутренние разрывы и пр. (Connell 2002: 91). Сексуальная идентичность в современных исследованиях рассматривается как фрагментированная, вариативная и отчуждаемая, существуют разные практики, субкультуры и идентичности (Weeks 1986), что представляется особенно важным для интерпретации гендерных различий гетеро- и гомосексуальных идентичностей и практик.

На **интеракционном** уровне изучаются ситуационные характеристики взаимодействия, в рамках которого создаются гендерные различия (см. лекцию 5). При таком взгляде внимание в большей степени уделяется социальному контексту конкретных ситуаций, чем чертам личности. В отличие от предыдущего подхода, в котором предполагается относительная стабильность гендерных различий, в данном случае учитываются вариации поведения и реакций, которые зависят от контекста. Контекст включает других участников и характеристики ситуации взаимодействия (например, организацию пространства и материально-вещную среду в целом) (Wharton 2012: 57–61). Процесс создания гендерных различий во взаимодействии рассматривается как воспроизводящий или преодолевающий гендерное неравенство и гендерные границы.

На уровне социальных взаимодействий, концептуализация которого восходит к классической работе Уэст и Зиммермана, подчеркивается постоянная гендерная подотчетность поведения социальным ожиданиям (Уэст, Зиммерман 2000 [1987]). Во взаимодействии осуществляется категоризация всех участников по признаку пола. Эта категоризация обозначает постоянный процесс создания гендера. Гендер создается и выражается через дисплей — образцы поведения и организационные практики (Chafetz 1997).

В современных трактовках внимание уделяется тому, каковы ожидания участников взаимодействия по поводу проявления гендерной идентичности. Предполагается, что на основе гендерной категоризации происходит активизация стереотипов и образцов поведения в соответствии с ожиданиями и статусными характеристиками.

На **уровне социальной структуры** (которая иногда отождествляется с системой институтов) гендерные характеристики рассматриваются не как черта индивида или формат взаимодействия, а как структурный принцип социальной системы. Социальные структуры задают возможности и ограничения производства гендерных различий. Структуры считаются относительно независимыми от индивида и его мотиваций. Анализ гендерных различий на структурном уровне позволяет сделать акцент на неравенстве, которое закреплено в распределении ресурсов, в доступе к привилегиям, благам, власти, автономии.

На этом уровне анализа внимание уделялось роли культуры и идеологии в формировании гендерных различий. Каузальные механизмы гендерных различий и неравенства связываются с различными структурными переменными: демографическими (уровень рождаемости, показатели фертильности, плотность населения и пр.), экономическими (доступ женщин к оплачиваемой занятости, уровень горизонтальной и вертикальной сегрегации), политическими (представленность женщин в политических структурах, гендерная чувствительность законов, уровень допустимого насилия в семье и пр.) (Chafetz 1997: 107). Важным в целом является фокус на гендерно маркированные границы между публичной и приватной сферами и внутри каждой из них, например, внутри организаций (Acker 1990, 2006a) или внутри семьи. В русле структурных подходов (структурный функционализм, марксизм, структурализм) демонстрируется связь разнообразных социальных и культурных факторов и институтов с гендерной системой и неравенством.

Анализ гендерных процессов на уровне отдельных социальных институтов (*gendered institutions*) исходит из того, что гендерные различия воспроизводятся в разных секторах социальной жизни — в экономике, правовой сфере, политике, церковных, образователь-

ных и медицинских учреждениях и пр. Исторически позиции в этих институтах долгое время занимали в основном мужчины при минимальном присутствии в них женщин. Поэтому долгое время социальные институты не рассматривались сквозь оптику гендерного подхода. Исключение составлял институт семьи, в рамках которого и определялась социальная роль женщин.

Дж. Лорбер выделяет следующие структурные компоненты гендера (Lorber 1994: 31).

Гендерные статусы — признанные в обществе гендерные различия, нормы и ожидания в отношении мужественности и женственности, проявляемые в поведении, жестах, лингвистическими средствами, эмоционально и физически. Оценка гендерных статусов зависит от исторического развития конкретного общества.

Гендерное разделение труда — приписывание домашнего и производительного труда индивидам, имеющим различный гендерный статус. Разделение занятий по гендерному признаку способствует общественной оценке гендерных статусов — чем выше статус, тем более престижен вид занятости, тем выше она оценивается и вознаграждается.

Гендеризованная система родства — семейные права и обязанности, встроенные в каждый гендерный статус системы родства. Статусы в системе родства фиксируют и усиливают различия в престиже, объеме и характере власти между различными гендерными группами.

Гендерные сексуальные сценарии — нормативные паттерны сексуального желания и сексуального поведения, предписанные различным гендерным статусам. Представители господствующей гендерной позиции обладают большими сексуальными привилегиями. Члены подчиненных гендерных групп могут стать объектами сексуальной эксплуатации.

Гендерные личности — совокупность личностных характеристик, моделируемых гендерными нормами, предписывающими определенными модусы действий и чувств. Нормы поддерживаются социальными ожиданиями, регулируемыми взаимодействиями лицом к лицу.

Гендерный социальный контроль — формальное и неформальное одобрение конформного гендерного поведения и стигма-

тизация, социальная изоляция, наказание и медицинская коррекция неконформного поведения.

Гендерная идеология — оправдание гендерных статусов и различий в их оценке. Господствующая идеология стремится к подавлению критики, представляя оценку как естественную и единственно возможную.

Гендерные образы — культурные репрезентации гендерных различий и их воплощение в символическом языке и художественной продукции, которые воспроизводят и легитимизируют гендерные статусы. Культура, как правило, обеспечивает резервуар ресурсов для гендерной идеологии (Lorber 1994: 31).

Структурный анализ гендерных различий связан с марксистским различием сфер **производства и воспроизводства** (Acker 1992: 567). Если производство — это сфера создания товаров и прибыли, то воспроизводство — это сфера восстановления человеческих ресурсов. Под **воспроизводством** исследователи понимают действия и оценки, поведение и чувства, обязанности и отношения, связанные с постоянным, повседневным поддержанием жизни (Laslett, Brenner 1989: 382). При индустриальном капитализме более высокий статус придается сфере производства, в то время как воспроизводство (репродукция) считается второстепенным. Жесткие гендерно маркированные границы производства и воспроизводства определяют более низкий статус женщин, чьи роли определяются как преимущественно семейно-воспроизводственные. Государственный социализм советского типа также выше оценивал позиции мира производства, а социальные позиции женщин в сфере оплачиваемого труда при социализме ниже по квалификационным, должностным и доходным критериям.

Анализ неравенства на структурном/институциональном уровне получил широкое распространение в гендерных исследованиях. Так, исследуется гендерное неравенство на рынке труда, в политике, в образовании, в таких институциях, как школы, суды, госпитали, сообщества, церковь, брак и пр., а в настоящее время анализ неравенства включает не только национальный, но и региональный и глобальный уровни (транснациональные корпорации, международное управление и агентства, международные медиа, включая интернет, глобальные рынки и пр.) (Connell 2002: 111–112).

В процессе становления гендерных исследований фокус смещался от индивидуального и структурного уровня к уровню социального взаимодействия (этнометодология и интеракционизм, социальный конструктивизм). Позднее данные уровни стали рассматриваться как взаимосвязанные, что порождает интерес к теориям практик. Это позволило изучать гендер как социальный процесс создания гендерных различий через взаимодействие, категоризацию, осуществление практик и/или перформативных актов в контексте социальных структур и институтов, а также их (вос)производство.

Таким образом, в фокусе объединительных подходов — различные уровни анализа гендера в их взаимосвязи. Взаимовлияние структур и практик — важнейший процесс структурного конструирования (структуриации, в терминологии Э. Гидденса) гендера. Процессуальность производства гендера мы рассмотрим подробнее во второй части лекции. А сейчас обратим наше внимание на структуры, задающие гендерные практики и поддерживаемые ими.

1.2. Структуры и практики: объединительная парадигма

Исследователи гендерных отношений, основываясь на концепциях Пьера Бурдьё и Энтони Гидденса, обращаются к интерпретации индивида как стратегически действующего лица, к изучению того, «что люди делают, когда они конструируют социальные отношения, в которых живут» (Коннелл 2000: 275). Важными понятиями в гендерном подходе являются понятия **агента**, **структуры** и **стратегии**. Рассмотрим кратко, как они интерпретируются в работах П. Бурдьё и Э. Гидденса.

Бурдьё рассматривает социальную реальность как многомерное социальное пространство (Бурдьё 2001). Это пространство можно представить в виде совокупности полей. Каждое поле организовано распределением определенного вида капитала или группы ресурсов. Распределение капиталов в поле образует объективные структуры, которые поддерживаются и изменяются действиями агента. Объективное положение (позиция) индивида или группы в соци-

альном пространстве определяется совокупным объемом ресурсов, которые находятся в его распоряжении в разных социальных полях.

Социальная реальность имеет двойственный характер. С одной стороны, она описывается как распределение ресурсов (капиталов), социальных мест и институтов, которым соответствуют способы присвоения престижных материальных и идеальных благ. С другой стороны, социальная реальность мыслится как набор представлений, систем значений и практик агентов. Объективные представления выражают и поддерживают знание индивидов и групп о своей позиции в обществе. Такое знание своего положение в обществе Бурдьё называет чувством собственного места или диспозицией. Чувство места необязательно бывает осознанным, тем не менее, оно определяет жизненные стратегии индивидов и групп в социальном пространстве. Жизненные стратегии могут быть представлены как совокупность практик, осознанно или непреднамеренно приводящих к определенному результату.

Совокупность диспозиций индивидов и групп Бурдьё обозначает термином **«хабитус»** (инкорпорированный класс, коллективная память, куммулятивное знание, накопленное в ходе жизненного пути индивида). Посредством хабитуса структура, продуктом которой он является, управляет практикой (Бурдьё 2001: 102). Стратегии действующего агента воспроизводят общественный порядок и общественные структуры и изменяют их.

Сходную методологию разрабатывает английский социолог Э. Гидденс в рамках **теории структуриации** (Гидденс 2003 [1984]). Действия индивидов и групп в обществе ограничены объективными или структурными условиями, однако эти же ограничения выступают как возможности осуществления действий. Социальные

Хабитус, с одной стороны, является «слепком» объективных структур, порождающих и организующих практики, с другой стороны, является источником импровизированных действий, приводящих к изменению социальной структуры.

Термин *«структуриация»*, введенный Э. Гидденсом, используется для описания взаимообусловленности структурных условий и социальных действий.

структуры, по Гидденсу, описываются как ресурсы и правила взаимодействия в рамках социальных институтов. Ресурсы множественны и разнообразны; к ним относятся материальные и нематериальные условия действия (знания, материальное обеспечение, социальные связи, управленческие возможности и пр.). В ходе своих действий социальные агенты пользуются ресурсами не всегда осознанно. Что касается правил, то они представляют собой некие формулы (законы), согласно которым осуществляются повседневные практики. Такие правила могут быть формализованными и неформальными. Формализованные правила представлены в законах, инструкциях и прочей официальной документации. Их выполнение строго контролируется. Нарушение формальных правил влечет за собой жесткие негативные санкции (наказание). Неформальные или фоновые правила, которые регулируют все сферы общественной жизни, не обязательно эсплицированы. Эти правила складываются и осваиваются в повседневной жизни. Они являются само собой разумеющимися до тех пор, пока кто-нибудь их не нарушает. Следование неформальным правилам также контролируется обществом, но этот контроль носит менее очевидный

характер. Правила и ресурсы лежат в основе осуществления практик, которые таким образом воспроизводят социальную структуру и социальные институты. Гидденс подчеркивает активность действующего агента: будучи ограничен структурами, он одновременно воздействует на них, может видоизменять их или создавать новые.

Одним из ключевых для объединительной парадигмы, а впоследствии и для гендерной теории, является понятие **стратегия**. Важнейшей задачей социальных исследователей оказывается изучение индивидуальных и групповых стратегий, которые могут быть как осознанными, так и не осознаваемыми.

Сочетание структурного и конструктивистского подходов в теориях практик позволяет понять взаимообусловленность структурных условий и социальных действий, предпринимаемых ак-

Стратегия – совокупность действий агента, направленных на достижение цели. Агент использует различные ресурсы и следует правилам взаимодействия, характерным для данного социального контекста.

тивными, рефлексивными (осознающими), стратегически действующими агентами. Р. Коннелл подчеркивает, что исследования гендера — это исследования **практик** (Connell 1987: 61–66). Женственность и мужественность интерпретируются как процессы выстраивания практик, способных претерпевать изменения под воздействием гендерных структур (власти, разделения труда, систем репрезентации, эмоциональных и сексуальных отношений) (см. далее: Connell 2002).

Практики – это набор действий, рутинно осуществляемых и воспроизводимых в повседневной жизни в определенном контексте.

ИТАК, что нам дает рассмотрение гендера как многоуровневого феномена:

- Методологически различаются структурный (институциональный), индивидуальный (личностный) и интеракционный (взаимодействия) уровни гендерного анализа.
- На индивидуальном уровне в фокусе внимания исследователей находятся гендерные различия, наблюдаемые в индивидуальных характеристиках и поведении, а также практики, идентичности и процессы социализации. Гендерные различия и неравенство объясняются тем, что индивиды усваивают разные нормы, ценности и стереотипы. В современных исследованиях подчеркивается активность человека в процессе усвоения ролей, неогерентность установок и ожиданий.
- На уровне взаимодействия в фокусе находится процесс категоризации по признаку пола, социальная подотчетность исполнения гендерного дисплея в соответствии с социальными конвенциями.
- На структурном уровне гендер – это интегральная характеристика социальной организации. Рассматриваются структуры общества, разделение труда по признаку пола, культура и пр. как порождающие гендерные различия и неравенство. Это позволяет исследовать неравенство, укорененное и воспроизводимое в структурах и институтах.

- Исследования практик позволяет уловить процессуальный характер конструирования гендерных различий (границ), т. е. изучать то, как гендер постоянно определяется и переопределяется в повседневных действиях, речевых актах, отношениях и пр.

Теперь мы переходим к рассмотрению вариантов структурно-конструктивистского подхода. Первый вариант, теоретически разрабатываемый Р. Коннелл, делает акцент на взаимодействии структур и практик, отталкиваясь от работ Бурдьё и Гидденса. Мы также используем анализ структур и практик при описании гендерного порядка, гендерных контрактов и, с определенными оговорками, гендерного гражданства. Второй вариант, который представлен в работах С. Риджвей и ряда других авторов, делает акцент на анализе гендерных фреймов и процессуального характера производства гендера. Его мы рассматриваем в следующей лекции.

2.

Рейвин Коннелл: гендерный порядок

2.1. От гендерной системы — к гендерному порядку

Понятие «гендерный порядок» — центральное для данной версии структурного конструктивизма. Оно вырастает из критики понятия «**гендерная система**», получившего распространение в феминистской мысли и гендерной теории с 1970-х гг. Понятие «гендерная система» было введено в оборот феминистским антропологом Гейл Рубин в работе «Обмен женщинами: заметки о “политической экономии” пола» (Рубин 2000 [1975]), которая в своем анализе опиралась на структурализм французского лингвиста и антрополога К. Леви-Стросса, марксистский и психоана-

литический подходы. Структурализм используется для анализа системы угнетения, связанной с системами родства и брака, в основе которых находится обмен женщинами. Марксизм, прочитанный феминистскими теоретиками, позволяет связать поло-гендерную систему с историческими изменениями в отношениях собственности. Психоанализ позволяет распознать структуры бессознательного, воспроизводящие иерархию отношений между полами.

Под гендерной системой понимается совокупность относительно устойчивых структурных механизмов преобразования биологических различий в социально организованные границы между полами (Рубин 2000 [1975]: 91). Феминистские исследователи утверждают, что гендерная система современных обществ характеризуется устойчивым набором основных характеристик. К ним относятся: социально обусловленное разделение полов, обязательная гетеросексуальность, разделение предписаний на женские и мужские, ограничение женских прав и жесткий социальный контроль женской сексуальности.

Согласно К. Рензетти и Д. Курран, гендерная система включает три взаимосвязанных компонента: **социальную конструкцию гендерных категорий** на основе биологического пола; **половое разделение труда**, в соответствии с которым мужчинам и женщинам предписываются разные виды деятельности; **социальное регулирование сексуальной сферы**, позитивно оценивающее одни формы сексуального поведения и негативно — другие (Renzetti, Curran 1992: 2, 16). Под гендерной системой понимается многоуровневый феномен, включающий символические репрезентации мужественности и женственности; нормативные концепции (религиозные, правовые, образовательные, научные), которые создают интерпретации значений символов; социальные институты и организации, регулирующие поведение; субъективную идентичность. Посредством этих социальных механизмов мужчины и женщины разделяются на две социальные категории (см. также: Скотт 2001 [1986]).

Гендерная система — набор социальных механизмов, с помощью которых общество преобразует биологическую сексуальность в продукты человеческой деятельности.

Критикуя теорию половых ролей, Коннелл предлагает использовать теории практик, которые дают понимание переплетения жизни отдельного человека и социальной структуры, а также историчности гендера (Коннелл 2000: 274–278; Connell 1987: 61–64). Автор отказывается от термина «гендерная система», отсылающего к согласованности элементов в духе структурного функционализма. Согласованность теперь интерпретируется как историческая композиция, сходная с музыкальной, в которой сложные элементы соединяются и взаимодействуют друг с другом. Структуры предстают не такими жесткими и устойчивыми, а практики — не полностью заданными структурами (Connell 1987: 116–117). На смену понятию «гендерная система» приходят понятия «**гендерного порядка**» и «**гендерных режимов**».

Институционально обусловленная ситуация взаимодействия предполагает гендерное измерение, т. е. правила социально организованного различия полов — правила мужественности и женственности. Р. Коннелл (Connell 1987, 2000, 2002, 2009b, 2011), применяя теорию практик к анализу гендерных различий, рассматривает процесс взаимной обусловленности действий агентов и социальных структур, где структуры складываются исторически, а женственность и мужественность предстают как постоянно создаваемые конфигурации социального взаимодействия. Таким образом, социолог переносит фокус исследования на изучение процесса структуриации гендерных практик.

«**Гендерный порядок**», по мысли Коннелл, может стать понятием, способствующим преодолению методологического разрыва между структурным и практическим уровнем концептуализации общества. Этот термин призван связать анализ институционально заданных условий социального действия и повседневных практик действующих лиц. Эти образцы фиксируются в социологическом дискурсе как гендерно маркированные социальные институты и практики (Connell 1987: 111–143).

Структурные модели разделения труда, власти, организации эмоций и сексуальности, репрезентаций, которые рассматриваются далее, воспроизводятся как на уровне общества в целом (гендерный порядок), так и в конкретных социальных институтах (**гендерные режимы**) (см. также: Тартаковская 2007).

2.2. Структурные модели гендерного порядка

Коннелл рассматривает четыре основных структурных механизма, обуславливающих конфигурацию гендерных практик в обществе. Это механизмы социального разделения труда, структура властных отношений, структура эмоциональных отношений (катексис), а также структура символического порядка (Connell 1987, 2002).

Структуры, или структурные механизмы, понимаются как устойчивые правила, позволяющие игрокам использовать ресурсы, значимые в социальном поле, и занимать определенные позиции в системе неравного распределения ресурсов. Структуры действуют двояко — они ограничивают действия индивидов и групп и создают возможности действовать. Структуры определяют диапазон возможных действий и стратегий и могут быть изменены с помощью действий, направленных на подрыв и пересмотр сложившихся правил (Connell 1987, 2002; Коннелл 2012).

2.2.1. Гендерное разделение труда

Механизм гендерного разделения труда закрепляет определенные виды деятельности за категориями людей, выделяемыми по признаку пола: ряд профессий и видов оплачиваемого труда маркируются как мужские, другие — как женские, одни виды домашнего труда предписываются женщинам, другие — мужчинам (см. лекцию 9). Наблюдается **вертикальная и горизонтальная гендерная сегрегация занятости**. При этом структурные различия проявляются как отношения неравенства. Примерами гендерного неравенства является дискриминация по полу при найме на работу, в профессиональной подготовке и продвижении по службе, разрыв в оплате труда и квалификационно-должностных позициях между обобщенными категориями работников мужского и женского пола, сравнительно низкая оплата труда в тех видах занятости, которые определяются в обществе как женские. Механизм гендерного разделения видов деятельности действует таким образом, что неоплачиваемый домашний труд и повседневная забота о детях, больных и престарелых членах общества становится уделом женщин (см. лекции 9 и 10).

2.2.2. Структура власти

Категория власти — ключевая для гендерной социологии. **Структура власти представляет собой устойчивые отношения господства и подчинения.** Господствующие позиции сосредоточены на высших этапах государственных, бизнес- и военных иерархий. Господство осуществляется через механизмы институционального и персонализированного насилия, принуждение, убеждение и контроль. Действия этих механизмов пронизывают публичную и приватную сферы, они действуют в семье, воспроизводятся в сфере репродуктивного поведения и сексуальных отношений. Физическая, интеллектуальная и финансовая власть функционирует как структура, создающая ограничения практик, осуществляющая посредством положительных и отрицательных санкций контроль над их «правильным» исполнением. Понимание власти как возможности контроля над действиями и взаимодействиями связано с **распределением ресурсов.**

Гендерная социология, опираясь на феминистскую теорию, рассматривает власть преимущественно как угнетение, которое проявляется в механизмах эксплуатации, принуждения, насилия, дискриминации, маргинализации и других формах социального исключения (см. лекцию 1). Механизмы субординации женщин как социальной категории меняются и соответствуют разным типам патриархата и разным институциональным контекстам. Правовая дискриминация, угнетение, осуществляемое с помощью насилия, сменяются более цивилизованными формами исключения, связанными с работой идеологического аппарата господства, с социально-психологическими механизмами групповой динамики. Наиболее устойчивым повседневным механизмом исключения является моббинг (от англ. — *mobbing*, травля). Это понятие в феминистской правовой теории употребляется наряду с терминами «моральная дискриминация» (*moral discrimination*) и «моральное давление» (*moral harassment*). Моббинг — это способ исключения индивида или меньшинства, который далеко не всегда поддается регистрации в исследовательском поле. Его маркером может быть общественное или групповое осознание этого явления, подобно тому, как дедовщина как механизм поддержания системы старшинства в армии проблематизируется только при злоупотреблении авторитетом.

2.2.3. Структура сексуальных и эмоциональных отношений

Коннелл исходит из того, что сексуальность конструируется социально. Структура **катексиса**, которую автор описывает, отталкиваясь от психоаналитических теорий, — это правила, организующие эмоциональные и сексуальные отношения в обществе. Катексис — термин, заимствованный из переводов текстов Фрейда на английский язык. В психоанализе он означает энергию, сцепленную с объект-представлением или с психической структурой. В социологической теории термин использовался Т. Парсонсом. По Коннелл, катексис — это конструирование «эмоционально заряженных социальных отношений к объектам (другим людям) в реальном мире» (Коннелл 2012; Connell, 1987: 112). Эмоции и сексуальные отношения управляются правилами, которые регулируют выбор объектов желания, гегемонию гетеросексуальности, модальность сексуальных, дружеских, брачных и родительских практик. Исследователи анализируют трансформацию интимных отношений в поздней современности, уменьшение двойных гендерных стандартов в сексуальной сфере, значение «чистых отношений» и негетеросексуальной любви. Важное место в исследованиях занимает анализ романтической любви и ее трансформации (Giddens 1993). В фокусе социологов также находятся эмоциональная работа и коммерциализация заботы (Hochschild 1983, 1994, 2003; см. также лекции 9 и 10), классовые основания романтических отношений, значение эмоциональных навыков, признания самовыражения, потребности в интимности и счастье (Illouz 1997, 2007, 2012; о социологии чувств/любви см. также: Bauman 2003; Beck, Beck-Gernsheim 1995; Duncombe, Marsden 1993; Featherstone 1999; Jackson 1993).

2.2.4. Структура символического порядка

Гендерная структура символического порядка проявляется в создании значений и репрезентациях иерархии множества образцов мужественности и женственности. Коннелл ссылается на постструктуралистские подходы, в т. ч. на работы французского

психоаналитика Ж. Лакана, подчеркивая значение дискурсов и системы значений в организации гендерных практик. Общество рассматривается как система значений, которые являются носителями социальных интересов. В данном случае важными являются гендерные значения. Когда речь идет о мужчинах или женщинах, в этом участвуют системы интерпретаций, аллюзий, подтекстов, намеков и пр. Значения этих слов значительно шире, чем собственно биологических категорий. Особая роль в производстве гендерных значений принадлежит языку. Гендерный символизм присутствует в стиле одежды и жестах, кино и фотографии, он встроен в культуру и окружающую среду. Символический порядок включает гендерную атрибуцию, описанную этнометодологами, приписывание индивидов к категориям по признаку пола. Репрезентация гендерных границ и моделей мужественности и женственности в российских культурных нарративах описаны И. Тартаковской (Тартаковская 2005), С. Ушакиным (Ушакин 2002), Ж. Черновой (Чернова 2002, 2003а, 2003б, 2003с, 2004), А. Усмановой (Усманова 2001, Усманова 2007), Е. Ярской-Смирновой (Ярская-Смирнова 1999, 2001б) и многими другими.

2.2.5. Структурные модели в гендерных режимах

На уровне отдельных социальных институтов гендерный порядок проявляется в разнообразных гендерных режимах (иногда используется термин «гендерный уклад») (Connell 1987: 120). В качестве примеров Р. Коннелл приводит гендерные режимы таких социальных институтов, как школа, семья, государство, подростковое сообщество, локализованные взаимодействия в рамках городского пространства и пр. В эмпирических исследованиях гендерный режим рассматривается через структуры власти, разделения труда, эмоциональных и сексуальных отношений, символического порядка. В некоторых случаях структуры анализируются через правила и ресурсы, которые задают практики и воспроизводятся ими, в других — акцент делается на гендерные стратегии агентов. Коннелл, рассматривая в качестве примера различные исследования семьи, выделяет как минимум три структуры. Во-первых, анализируется разделение труда в семье и домохозяйстве и за его пределами,

оплачиваемый труд, который чаще выполняют мужчины, и неоплачиваемая работа в доме, которую чаще выполняют женщины. Во-вторых, исследователей интересуют отношения и неравномерное распределение власти в семье и за ее пределами. Констатируются большие объемы власти у мужчины, однако женщины имеют власть над детьми, контролируют домохозяйство. Важным проявлением власти является насилие. В-третьих, рассматриваются эмоциональные отношения внутри семьи, например отношения отца и сыновей (Connell 1987: 121–125).

Гендерные режимы улицы и поезда

На улице существуют такие же структуры гендерных отношений, как и в семье или государстве, хотя они структурированы менее жестко. Исследователи показывают, что есть виды деятельности, которые осуществляют преимущественно женщины, — они катают детские коляски, ходят по магазинам. Большинство проституток — это женщины. Вождение автобусов и фургонов, небольшие преступления и починка велосипедов, полицейский контроль — осуществляются преимущественно мужчинами. Улица — это место, где женщины чаще испытывают угрозы, избегая прогулок в определенных местах и в определенное время суток. Молодые мужчины также могут быть объектами насилия. Улица, крупные магазины — это места сексуальной типизации, которая представлена в рекламе. Мужчины и женщины на улице создают свой дисплей. Улица — это своего рода спектакль, демонстрирующий широкий спектр образцов маскулинностей и фемининностей, при этом отношения геев, например, демонстрируются не повсеместно, а только в определенных местах (Connell 1987: 132–134).

Приведем пример российского исследования с использованием аналитического подхода Коннелл — исследование гендерного режима поезда (Гредновская, Дадаева, Ерофеев 2003). Исследователи рассматривают поезд как социальное пространство, анализируют гендерную структуру вагонов, правила игры, по которым устанавливаются взаимоотношения. Пространство вагона, хотя и выглядит гендерно нейтральным, фактически является гендерно маркированным. Так, тамбур — это скорее мужское пространство, а нижние полки — скорее женское. Исследователи показывают, что

коммуникация пассажиров также гендерно маркирована — от выбора собеседника до определения тем разговоров (с женщинами скорее разговаривают о семье и детях, с мужчинами — о работе, политике и спорте), гендерно маркированы и некоторые способы времяпрепровождения, так, женщины больше читают книги, а мужчины — газеты. Гендерную специфику имеют виды занятости лиц, обслуживающих поездку. Исследователи определяют профессию проводника как преимущественно женскую. В ее обязанности входят работы, аналогичные работам по дому, одновременно это невысоко оплачиваемая занятость. Другая группа — сотрудники милиции, это преимущественно мужчины, которые осуществляют контроль, от них, в частности, может требоваться применение физической силы. Социальное пространство вагона, делают вывод авторы, имеет ярко выраженную гендерную окраску.

2.3. Исторические изменения структурных моделей

Гендерные различия в рамках структурно-конструктивистской парадигмы рассматриваются как исторически изменчивые. Такой взгляд подрывает веру в то, что маскулинность и фемининность — это неизменные природные характеристики, а отношения между полами представляют собой историческую константу. Данные категории не являются фиксированными, они формируются под влиянием социальных процессов, в которых участвуют общественные движения, религиозные течения, политические партии, индивиды, институты образования, религия, семья, рынок, национальные государства, этнические сообщества и пр. (Connell 2002: 68–69). Под влиянием феминистских и левых общественных движений изменяются отношения власти между группами, определяемыми по признаку пола, гендерные границы теряют свою однозначность, становятся более сложными, подвижными и ситуационными. При этом структуры патриархата остаются достаточно устойчивыми в одних сферах (например, в силовых структурах), и менее — в других (например, в некоторых бывших «мужских» профессиях) (Connell 2000).

Гендерные отношения в сфере разделения труда претерпевают существенные изменения. Во второй половине XX в. все больше

женщин вовлекается в сферы мужской занятости, однако гораздо в меньшей степени наблюдается приток мужчин в так называемые женские профессии и сферу домашней заботы. Изменения не являются равномерными, существует противоречие, отмечает Коннелл, между правовым обеспечением равных возможностей и статистически фиксируемым распределением доходов (Connell 2002: 72).

Изменения происходят в сфере **социальной организации эмоциональных и сексуальных отношений**. Повседневная забота (о детях, о пожилых), предписываемая ранее женщинам, становится коммерциализированной и делегируется оплачиваемым работникам частного и общественного сектора. Отцы, вовлеченные в заботу о новорожденных, существенно расширяют диапазон эмоциональной работы. Противоположный тренд — «эмоциональное похолодание» (Hochschild 2003a: 13–29), при котором в обществе поздней современности осуществляется меньше эмоциональных инвестиций в отношения, происходит отказ от заботы при возрастании потребности в ней. Изменяются представления о женской сексуальности и практики ее регуляции: использование контрацепции позволяет отделить секс и сексуальное удовольствие от репродукции, снижаются двойные гендерные стандарты: женщины так же, как и мужчины, вступают в добрачные сексуальные отношения, повышается значение секса и выбора брачного партнера, браку предшествуют сожителство и пр. (см. Тёмкина 2008; Кон 2010a). Становятся легитимными негетеросексуальные формы эмоциональной и сексуальной привязанности. Глобальное распространение получает и консервативная реакция на изменения: так, реакцией на легализацию абортот становятся глобальные движения «пролайф», на легализацию гомосексуальных браков — движения, требующие их запрета. В обществах поздней современности (Россия не исключение) идет борьба между признанием новых трендов и сопротивлением изменениям. Консервативные критики либерализации сферы сексуальных отношений видят в них разрушение традиций и устоев сообществ и призывают к ограничению абортот и контрацепции, использования новых репродуктивных технологий, гомосексуальных браков и пр.

Символические отношения становятся не только сферой изменений, но и сферой борьбы за культурное признание и фор-

мирование новых образцов мужественности и женственности в СМИ, шоу-бизнесе, популярном и артхаузном кино и пр. Современный кинематограф (например, фильмы П. Альмодовара или Э. Ли) привнесли и сделали публичными образцы ненормативных сексуальностей. Массмедиа, и особенно электронные, способствуют тому, что новые образцы мужественности и женственности получают глобальное распространение. Это касается как гламурных образцов сексуальности, так и репрезентации квир-сексуальности или трансвеститов. В 2014 г. образ Кончиты Вурст, победительницы конкурса «Евровидение», получившей лейбл «женщины с бородой», проблематизировал в массовом сознании гендерную бинарность. Широко используются «экзотизированные» гендерные образы, которым, в соответствии с колониальным воображением, придается эротический смысл в рекламе. Не менее широко используются образы традиционной женственности (женщины-матери с тремя детьми) и традиционной мужественности (воин-защитник) — в продвижении семейных и национальных ценностей, в призывах к увеличению рождаемости и пр.

В современных обществах гендерные изменения происходят во всех сферах, данные изменения необязательно являются равномерными и однонаправленными. Например, телевизионная программа может быть посвящена анализу деятельности женщин — лидеров государств, а в рекламных паузах зрителю предлагается созерцать «слабых», полуобнаженных и эротически соблазнительных женщин, демонстрирующих такой деловой аксессуар, как наручные часы.

ИТАК, резюмируем основные положения объединительной парадигмы в версии Р. Коннелл:

- В рамках структурно-конструктивистской (объединительной) парадигмы на смену понятию «гендерная система» приходит «гендерный порядок», который рассматривается как многоуровневый феномен, включающий структуры (правила действия и распределение ресурсов) и социальные взаимодействия (практики).

- В фокусе исследования находится процесс структуризации гендерных отношений и практик. Используются понятия «гендерный порядок» (исторически сформированная иерархически организованная система отношений между полами на уровне общества) и «гендерный режим» (система отношений на уровне социальных институтов).
- Основные структурные механизмы, обуславливающие конфигурацию гендерных практик в обществе, — это механизмы социального разделения труда, структура власти, структура эмоциональности и сексуальности, структура символического порядка.
- Все структуры гендерного порядка претерпевают исторические изменения, при этом изменения являются внутренне конфликтными и неравномерными.

3. Гендерный контракт

3.1. Феминистская критика теории общественного договора

Термин «гендерный контракт» введен в гендерную теорию и социологию феминистскими критиками политической теории общественного договора. Как указывает Кэрол Пэйтман, современное (западное) гражданское общество является патриархальным, и общественный договор в нем гендерно маркирован. Он закрепляет принципы **мужского братства**, или мужского порядка, в котором все граждане (т. е. мужчины) получают равные права, преодолев патриархальную возрастную субординацию между **отцом и сыном** (Пэйтман 2005 [1988]). При этом правила либерального общественного договора сохраняют патриархальный аспект патриархальных отношений, а именно воспроизводят **вторичный подчиненный статус женщин**. Традиционные отношения в браке,

распределение обязанностей в семье, разделение труда в публичной и частной сфере предстают как добровольный общественный контракт равноправных агентов. Однако имплицитно этот общественный договор всегда основывается на системе гендерной иерархии, подкрепленной идеологией **естественного предназначения полов**. Отношения между полами регулируются ad hoc, т. е. выстраиваются на основании традиционных эссенциалистских взглядов. Половой контракт создавал и продолжает создавать гендерно маркированные границы между публичной и частной сферами — мужчинам приписывается доминирование в публичной жизни, в политических и экономических институтах, которые рассматриваются как ключевые для организации общественного устройства; частная сфера сводится к семейной, и акцентируется семейное предназначение женщины. Вследствие того, что в теориях общественного договора подчиненный статус женщин не ставился под сомнение, феминистские исследователи, использующие термин «гендерный контракт», обращают свое внимание в первую очередь на положение женщин в обществе, тем самым озвучивая ранее умалчиваемое.

3.2. Понятие «гендерный контракт» в социологии

Шведская исследовательница Ивонн Хирдман определяет гендерную систему как совокупность **гендерных контрактов** (Hirdman 1991: 190–191). Скандинавские феминистки, используя термин «гендерный контракт», привлекали внимание к социальной политике государства благосостояния 1960–70-х гг., в которой гендерные роли, практики и репрезентации переопределялись под воздействием общественных движений и публичных дебатов. Понятие «гендерный контракт» разрабатывалось в 1990-е гг. для описания доминантных типов отношений между полами и их динамики.

С точки зрения финского социолога Л. Ранталайхо, **гендерный контракт** — это правила взаимодействия, права и обязанности, определяющие разделение труда по признаку пола в сферах про-

изводства и воспроизводства и взаимно ответственные отношения между женщинами и мужчинами, в т. ч. принадлежащими к разным поколениям (Rantalahti 1994: 14). Воспроизводство рассматривается как социально стратифицированная сфера, в рамках которой создаются и поддерживаются иерархические отношения между социальными группами, выделяемыми в том числе по признакам пола и возраста (принадлежности к поколению).

В современном обществе гендерные контракты зависят от разделения труда в оплачиваемой сфере занятости, в частной сфере и между ними; эти сферы, в свою очередь, зависят от социальной политики государства (в первую очередь поддержки родительства/материнства), наличия рыночных регуляторов, структуры семьи и пр. В соответствии с гендерным контрактом определяется, в частности, кто и за счет каких ресурсов осуществляет организацию домашнего хозяйства и уход за детьми в семье и за ее пределами: это может быть неработающая мать, финансово обеспечиваемая мужем; наемные работники, осуществляющие заботу и оплачиваемые из зарплаты одного или обоих супругов; родственники, оказывающие бесплатную помощь; государство через систему бесплатных детских учреждений и пр.

Понятие гендерного контракта отсылает к культурным схемам, которые оформляют мужскую и женскую нормативность на пересечении сфер семьи, рынка труда и государства. Гендерный контракт поддерживается социальными институтами, находит выражение в практиках и символических репрезентациях гендерных границ, ролей и идентичностей в конкретных культурно-исторических контекстах. Он также регулирует сексуальные отношения и репрезентации сексуальности. Один из типичных гендерных контрактов — гетеросексуальные отношения между мужем-добытчиком и женой, ответственной за повседневную заботу в семье (Sa'ar 2009: 451; ср. нормативные роли, описанные Парсонсом, см. лекцию 4). Эта модель коренится в семейно-брачных отношениях, но распространяется на представления и практики маскулинности и фемининности в обществе в целом. Контракт изменяется, когда женщина, частично или полностью, вовлечена в сферу оплачиваемой занятости, т. е. и мужчина, и женщина участвуют в материальном обеспечении семьи. Государство может поддерживать родительство/

материнство через систему социальных пособий и льгот. Забота о детях перераспределяется между разными агентами — государственными или частными детскими учреждениями, нянями, родственниками (в российской культуре — чаще всего бабушками), отцом. Важным также становится доступ к бытовой инфраструктуре за пределами домохозяйства (питание и пр.) и найм обслуживающего персонала в домохозяйстве (уборка и пр.).

3.3. Вариативность гендерных контрактов

Мы продемонстрируем вариативность контрактов на примере, который приводит английская исследовательница Р. Кромптон. Она описывает гендерное разделение труда в континууме традиционных — эгалитарных моделей (контрактов) гендерных отношений. Под разделением труда понимается соотношение оплачиваемой работы и заботы (*caring work*), т. е. деятельности в сфере воспроизводства.

Гендерные отношения

традиционные
 ↓
 эгалитарные

1. Однокарьерная семья [*мужчина — добытчик, женщина — домохозяйка*]
2. Двухкарьерная семья [*двойная частичная занятость женщин в сфере оплачиваемого труда и домашней заботы*]
3. Двухкарьерная семья [*государство берет на себя функцию заботы*]
4. Двухкарьерная семья [*домашняя забота осуществляется с использованием рыночных механизмов*]
5. Двухкарьерная семья [*мужчина и женщина принимают равное участие в домашней заботе*]

Первая модель представляет нормативные условия женской субординации, характерные для традиционной модели гендерных отношений и контракта «жена — домохозяйка, муж — добытчик». Вторая модель описывает ситуацию, при которой женщина совмещает частичную занятость в публичной сфере с традиционной ответственностью за заботу и домохозяйство. Муж остается основным добытчиком. Когда женщина включается в полную занятость на рынке труда (третья и четвертая модели), происходят существенные изменения в гендерном порядке: обслуживание и забота осуществляются либо при поддержке государства и социальных служб, либо через рыночные механизмы **домашней экономики** (няни, частные детские сады). Государство может компенсировать оплату детских садов, например прямые дотации или возврат налогов. Наиболее эгалитарной является модель гендерного контракта, при которой женщина и мужчина принимают равное участие в оплачиваемой и домашней работе (Crompton 1999). Сходные модели гендерных укладов описаны немецкой исследовательницей Биргит Пфау-Эффингер (Пфау-Эффингер 2000).

Гендерные контракты различаются в своей основе — в зависимости от вовлеченности женщин в сферу оплачиваемого труда и мужчин в сферу домашней заботы. Гендерный контракт формируется под воздействием различных систем и мер социальной политики, направленных на социальную поддержку (или отказ от нее) матерей, семей или лиц с родительскими обязанностями (Esping-Andersen 1989; Чернова 2013). Он отсылает к взаимодействию рынка, государства и семьи, указывая на позиции женщины, которые зависят от поддержки мужа, семьи, положения на рынке труда или государства (Gottfried 2000; O'Reilly, Spee 1998). Гендерный контракт включает и культурное измерение, связанное с желаемыми или типичными представлениями о гендерных ролях и формах семьи в конкретном обществе, с определенными моделями материнства, отцовства, родительства.

Концепция гендерного контракта, понимаемая достаточно широко, позволяет включить в анализ отношения родительства. Родительство рассматривается как система отношений или социальный институт, относительно независимый от семейно-брачных отношений. Это связано с тем, что родительские практики могут

исполняться не только людьми, состоящими в брачном союзе и имеющими собственных биологических детей, но и принимать иные формы. К таким формам относятся родительство разведенных супругов, приемное родительство, внебрачное родительство, родительство людей, состоящих в гомосексуальном союзе и пр. Исследователи анализируют специфику материнского и отцовского родительства в разных обществах и социальных группах. Отношения родительства в значительной мере определяют гендерные контракты отцовства (см. главу 8 о маскулинности) и материнства (о материнстве см. феминистские исследования: O'Reilly 2007; Oakley 1979b, 1980; Rich 1976; Чодороу 2006 [1978]; Hays 1996; Kawash 2011; о разных типах родительства в контексте семейной политики см.: Чернова 2008).

Необходимо отметить, что вышеприведенное описание контрактов не является исчерпывающим. Иные контексты могут задавать иные конфигурации разделения ролей в семье, в сфере оплачиваемой занятости и между ними. Так, на основе эмпирических исследований мы показывали, что в современной Армении и Таджикистане агентами гендерного контракта, принимающими участие в организации заботы о детях и домохозяйстве, выступают не только муж, жена и государство, но и члены расширенной патриархальной семьи и окружающего сообщества (Тёмкина 2008). Не включены в эти схемы и иные образцы семейной организации, например, полигамия.

Таким образом, гендерные контракты в основном различаются в зависимости от вовлеченности женщин и мужчин в сферы оплачиваемого труда и домашней заботы и осуществления родительства и могут быть помыслены в континууме более и менее традиционных моделей разделения труда между сферой оплачиваемой занятости и домохозяйством и в каждой из этих сфер.

3.4. Изменения гендерных контрактов в Европе и Северной Америке

Изменения гендерных контрактов были обусловлены трансформациями, произошедшими в обществе позднего модерна. Фордистская эра характеризовалась преимущественно контрактом

добытчика. В постфордистскую эру, для которой характерны неопределенность, гибкость и децентрализация трудовых отношений, формируются новые отношения между трудом и капиталом, однако и они во многом наследуют контракт «мужчины-добытчика, женщины-домохозяйки» (Gottfried 2000). Становление государства благосостояния, общества массового потребления, развитие нового женского движения и дебаты в политических партиях, контрацептивная революция и повышение образованности женщин на Западе — проблематизировали вопросы сексуальности, пола, возраста и традиционный гендерный порядок в целом, а затем повлияли на его радикальное изменение (Lennerhed 1994). В 1950-е гг.

увеличивалось количество женщин, занятых в сфере оплачиваемого труда, усиливалась социальная политика, в 1960-е гг. гендерные роли стали предметом общественного дебата. В 1970-х гг. были изменены налоговые системы и законодательство, касающееся ответственности за детей, создавались детские учреждения и дома для престарелых, модернизировалось домохозяйство, развивались система питания за пределами дома и пр.

На материале Скандинавских стран и Финляндии исследователи показывают, как происходит переход от **контракта социального материнства женщин** (*women's social maternity*), при котором от женщины ожидалось выполнение в первую очередь традиционных ролей в семейной сфере и за ее пределами, к **контракту материнства, совмещенного с оплачиваемой работой** (*wage working maternity*), предполагающим расширение ролей женщины в сфере занятости, которые более не сводимы к традиционным (см., напр.: Hirdman 1991). Важную роль в изменении контракта сыграли детские дошкольные учреждения, позволившие матерям активнее участвовать в сфере оплачиваемого труда, продвигаться по служебной лестнице, конкурировать с мужчинами на рынке занятости. В конце XX в. в Скандинавии возросло и участие отцов в заботе о детях. Если в 1970-е баланс ролей рассматривался как исключительно женский

Государственный феминизм — политика равных прав и возможностей в отношении женщин, осуществляемая государством, включающим проблемы социального положения женщин в политическую повестку дня.

вопрос, то в 1990-е — это и вопрос участия отца в воспитании и распределении заботы внутри семьи. Переопределяется отцовство и маскулинность, хотя забота все еще остается преимущественно материнской и социальная политика родительского выбора не изменяет основы контракта (Leira 2002). Новая интерпретация гендерных ролей в рамках контракта равенства в Скандинавии была закреплена политикой **государственного феминизма** (Gelb 1989).

В США и Великобритании в 1970-е гг. распространение получила модель **двухкарьерная семья / использование рыночных механизмов для воспроизводства**, которая предполагала работу обоих супругов и использование платных сервисов по уходу за детьми и способствовала уменьшению гендерного неравенства (Crompton 1999).

Изменения гендерных контрактов происходят тогда, когда женщины и мужчины активно переопределяют модели мужественности и женственности, реагируя на экономические изменения и изменения условий своей жизни. Переопределение гендерных границ связано также и с политическими условиями и условиями гражданства, достижением компромиссов между теми группами, которые продвигают гендерное равенство на рынке труда и в домохозяйстве (женское движение, рабочее движение, их коалиции и пр.), и теми, кто сопротивляются ему (O'Reilly, Spee 1998: 276).

Гендерные контракты обладают устойчивостью, укорененной в культурных схемах, они могут продолжать воспроизводить патриархатные отношения, несмотря на то, что меняются исторические условия и распределение ресурсов по признаку пола. Конструкция маскулинности и фемининности как иерархической оппозиции достаточно адаптивна к изменяющимся условиям и ситуациям (Sa'ar 2009: 496; Gottfried 2000; Leira 2002; о семейной политике см. также: Чернова 2008, 2012).

ИТАК, что нового дает нам теория гендерных контрактов:

- Феминистская критика позволила выявить гендерный аспект либеральной теории социального договора, который рассматривается как «половой контракт», предписывающий женщине вторичный статус.

- Понятие «гендерный контракт» в феминистской интерпретации используется для обозначения доминантных типов отношений между полами, определяющих разделение труда по признаку пола в сферах производства и воспроизводства.
- Гендерный контракт определяется социальной политикой в отношении семьи и родительства, взаимодействием рынка, государства и семьи в сфере социального воспроизводства. Вариативность контрактов может быть представлена в континууме от традиционных до эгалитарных.
- Изменение контрактов в индустриальном мире описывается как переход от контракта «мужчины-добытчика, женщины-домохозяйки» к вариативным и более эгалитарным контрактам, однако контракты обладают относительной устойчивостью.

4. Гендерное измерение категории гражданства

Еще одна полезная аналитическая категория для анализа гендерного устройства общества — гендерное гражданство. Гражданство в социологии понимается как совокупность гражданских (основные индивидуальные права и свободы), политических (право политического участия, право избирать и быть избранным) и социальных прав (право на государственное социальное обеспечение) и обязанностей, определяющих взаимоотношения граждан и государства (Marshall 1950). Гражданские права в Западной Европе были завоеваны к концу XVIII в., политические — в XIX, а социальные — в XX в. Однако эта историческая логика не является линейной и универсальной.

Социологическое понимание гражданства предполагает не только государственное регулирование прав и обязанностей членов общества, но и практики граждан, формирующиеся во взаимодействии с государством по поводу прав (Turner 1990), а также принадлежность к моральному сообществу и разделение его ценностей.

Гражданство рассматривается как категория, описывающая степень интегрированности или включения индивида в сообщество, как совокупность практик и идентичность (Siim 2000). Таким образом, словарь гражданства зависит от социального и политического контекста и от исторических тенденций и постоянно расширяется благодаря требованиям социальных групп, осознавших свои права и требующим от государства гарантии их реализации. Недавним примером расширения диапазона гражданских прав является юридическое признание права на гражданские браки для представителей сексуальных меньшинств в ряде европейских стран.

4.1. Гендерная трактовка категории гражданства

Как показали феминистские исследователи, категория гражданства является гендерно маркированной (Lister 1997; Walby 1994; Werbner, Yuval-Davis 1999; Yuval-Davis 1997). Гражданский статус мужчин и женщин до сих пор различается даже в правовом смысле; отношения мужчин и женщин с государством, гражданами которого они являются, складываются по-разному и в диахроническом, и в синхроническом разрезе. Исторически женщины получали права не в той же последовательности, как мужчины. Политические права были получены ими в начале и середине XX в., однако гражданские права, например репродуктивные (право на аборт), все еще находятся под вопросом во многих странах. Феминистские исследователи отмечают, что социальные права и социальную поддержку от государства женщины получают часто раньше политических. При этом в разных исторических контекстах женщины могут иметь (или не иметь) равные с мужчинами гражданские, политические и социальные права, они могут быть выделены в особую категорию граждан, наделенную особыми «положительными» и «отрицательными» привилегиями.

В категориях гражданства осмысливаются отношения члена общества и государства, гражданином которого он является. Зависимость женщин и мужчин от политики благосостояния, государственное позиционирование их места в семье и обществе проблематизируют гражданство как гендерную категорию. Семья, коллективы, социальные группы выступают опосредующими звень-

ями между гражданином и государством (Werbner, Yuval-Davis 1999). Для женщин гражданские права так или иначе связаны с семьей, деторождением и совмещением их с другими гражданскими правами. В феминистских исследованиях обсуждается противоречие между равными правами всех индивидов и особыми правами женщин (защита материнства, беременности, пр.). Проблематизируется дилемма равенства (всех граждан) или справедливости (приоритеты для групп граждан с особыми проблемами и потребностями).

4.2. Нира Ювал-Дэвис: женщины, гражданство и нация

Исследователи различают пассивное и активное гражданство (Yuval-Davis 1997). **Пассивное гражданство** определяется как обеспечение прав, использование разными категориями граждан форм социальной поддержки, выделяемой государством на постоянной или временной основе. Термин «пассивное» предполагает позиционирование члена общества как получателя (реципиента) прав и благ, гарантированных социальным договором. **Активное гражданство** предполагает участие граждан в коллективных действиях, развитие гражданских инициатив, общественных движений, некоммерческих организаций, которые стремятся добиться правового статуса или гарантий реализации прав. Активное гражданство опирается на ресурсы развитого гражданского общества, добивающегося прав и борющегося за возможности их реализации. В этом ключе изучаются женские движения разной направленности и деятельность неправительственных организаций, включающих гендерную повестку дня. В последнее время в глобальном и национальном масштабе внимание исследователей привлекает международное ЛГБТ-сообщество, переопределяющее права граждан гомо/би/транс-сексуальной ориентации; движения в защиту репродуктивных прав женщин (прочойс); инициативы в поддержку равных прав родителей разного пола и сексуальной ориентации. Однако проблематика активного гендерного гражданства включает не только либеральные и эгалитарные инициативы. Внимание исследователей привлекают консервативные движения, отстаивающие традиционные и эссен-

циалистские представления о гендерном устройстве, семье, сексуальности и репродукции. Примером консервативных инициатив является движение в защиту прав неродившегося ребенка (пролайф). В современной России политическая активность женщин включает широкий спектр действий, в том числе религиозные инициативы, с одной стороны, феминистские — с другой (см. лекцию 12). Тематика гендерного гражданства связана также с национальными движениями, глобализацией и миграцией. Она включает и вопросы службы в армии, положения беженцев, антивоенного движения женщин.

В своем фундаментальном труде «Гендер и нация» Нира Ювал-Дэвис рассматривает, каким образом государство конструирует гендерное гражданство женщин (Yuval-Davis 1997). Государство исключает женщин из одних видов деятельности, но, с другой стороны, интегрирует их, приписывая по крайней мере три гражданских функции — биологического, культурного и политического (вос)производства нации и сообщества. Рассмотрим подробнее.

Биологическое воспроизводство связано с «естественной» ролью женщин, которая означает вынашивание и рождение детей, т. е. женщины занимаются биологическим воспроизводством нации/национального сообщества. Исследовательница рассматривает дискурс «человеческих ресурсов», в котором цель национального сообщества обозначается как увеличение его численности; мальтузианский дискурс, в котором главным приоритетом является уменьшение численности; евгенистический дискурс, который ставит своей целью улучшение качества нации путем поощрения рождаемости в одних группах и уменьшения в других. Каждый дискурс связан с определенной социальной и репродуктивной политикой государства (поощряющей или ограничивающей рождаемость), адресатом которой является женщина, наделяемая ответственностью за реализацию интересов нации в биологическом воспроизводстве. Исследовательница приводит пример Китая, где в 1950-е гг. продвигалась политика увеличения рождаемости, а в 1970-е меры были направлены на то, чтобы семья ограничилась одним ребенком.

Автор показывает, что в культурном воспроизводстве важную роль играют женщины. Они воспроизводят границы и различия между сообществами, передают культурные образцы детям, выступают символами национальных границ (Родина-мать). Женщины

могут выступать носителями национальной чести, что накладывает формальные или неформальные ограничения на сексуальную и брачную жизнь (например, недопустимы или нежелательны браки с представителями других этнических групп). Разные культурные политики задают разные позиции женщин в национальном сообществе, гендерно маркированными являются мультикультурализм, расизм, политика ассимиляции и пр.

Политическое (гражданское) воспроизводство нации связано с тем, что женщины рассматриваются как включенные в общность граждан. Внимание привлекается к наличию или отсутствию прав и обязанностей, к моральной принадлежности и участию в сообществе, к активному/пассивному гражданству. Существуют права и правила, которые относятся только к женщинам, которые не являются неизменными (например, отпуск по уходу за ребенком раньше был исключительно женской прерогативой, в последние десятилетия все больше стран допускают предоставление отпуска и отцам детей). Государство различает разные категории женщин в зависимости от их статуса (определяемого религиозной, этнической или сословной принадлежностью) и может наделять их разными правами. Женщины рассматриваются в целом как важные агенты строительства наций и сообществ, как граждане с особыми правами и обязанностями.

Проблематика национального строительства и гендерного гражданства активно обсуждается и в отношении стран постсоветского пространства (см. Гапова 2005, 2011; Жеребкина 1996; Zhurzhenko 2011, 2012).

ИТАК, резюмируем вклад концепта «гендерное гражданство»:

- Категория гендерного гражданства обозначает различия статусов, прав и обязанностей мужчин и женщин. Специальные права женщин опосредованы семейными и материнскими обязанностями.
- Государство приписывает женщинам функции биологического, культурного и политического (гражданского) воспроизводства нации.
- Движения за репродуктивные, социальные и гражданские права связаны с активным гендерным гражданством.

5. Этакратический гендерный порядок в СССР/России

Категория «гендерного гражданства» используется нами для анализа гендерного порядка в СССР, понимаемого как социальная организация половых различий. Гендерный порядок можно рассматривать как статусный гражданский порядок, который характеризуется неравным распределением благ и престижа по признаку приписанного пола.

5.1. Государство и стратегии повседневности

5.1.1. Роль государства

Гендерный порядок в советском обществе обозначается как этакратический, т. е. в значительной степени определяемый государственной политикой и идеологией, задающими возможности и барьеры для действий людей (Здравомыслова, Тёмкина 2007f). Советское государство, создавая гендерный порядок, изменяло принципы гендерной политики на разных этапах социалистического строительства (см. также: Градскова 2005; Лapidус 2005 [1978]).

Государство выступает институтом, осуществляющим гендерное регулирование, как гегемонный агент контроля гендерных отношений в обществах советского типа, которые характеризуются плановой экономикой, отсутствием рыночных институтов, жестким регулированием разных сфер социальной жизни, включая частную сферу, гендерные роли, образцы мужественности и женственности и сексуальность. Государственное управление гендерными отношениями реализуется с помощью двух типов механизмов. С одной стороны, государство осуществляет нормативное принудительное регулирование, проводя политику гендерных различий в законодательных актах. С другой стороны, оно создает идеологический аппарат принуждения, контролирующей гендерные отношения через доминирующие официальные дискурсы, задавая рамки репрезентаций.

5.1.2. Нормализующий дискурс

Обсуждая роль государства в воспроизводстве социального неравенства и стратификации, такие марксистские теоретики, как Антонио Грамши и (позднее) Луи Альтюссер, особое внимание уделяют идеологической гегемонии правящего класса, или идеологическому репрессивному аппарату. Идеологический репрессивный аппарат не использует прямые механизмы принуждения; через институты воспитания и образования, проникая в частную сферу, используя современные технологии индоктринации (СМИ, радио, ТВ), он формирует установки и представления людей о правилах и практиках социального взаимодействия. Впоследствии сходные идеи развивает М. Фуко в своей теории дискурса как власти-знания, дисциплинирующей тела в социальном пространстве. Особое внимание Фуко уделяет двум структурным элементам дискурса власти (официального дискурса): нормативным и нормализующим суждениям (см. также: Лебина 1999).

Нормализующие суждения власти, регламентирующие повседневную жизнь, обнаруживаются при анализе документов общественных организаций, официальных СМИ, текстов, рекомендованных комиссиями коммунистической партии по агитации и пропаганде, научных текстов. Нормализующие суждения формулируют эксперты разного профиля — медики и психологи, специалисты по научной организации труда, биологи и пр. В случае советского общественного устройства эксперты, опираясь на авторитет Науки, подтверждают и санкционируют партийные решения, влияющие на жизнь обычных людей. В гендерном дискурсе особенно значима роль медицинской экспертизы, которая предлагает рецепты правильного трудового, репродуктивного и сексуального поведения работающих матерей. Советский нормализующий дискурс имеет свои особенности, связанные с политикой цензуры, отсутствием свободных средств массовой информации, политической индоктринацией граждан.

Нормативные суждения власти, т. е. законы, подкрепляются механизмами их реализации и контроля исполнения. Создаются партийные структуры, призванные проводить в жизнь политику партии-государства (например, женотделы, женсоветы), организуется

публичный дискурс — профессиональный и массовый (научно-популярные кампании и агитационные кампании — АГИТРОП), запускаются мобилизующие кампании, организующие советскую общественность (под названием массовых инициатив или общественных движений — «походов») и осуществляющие репрессивные меры в отношении нарушителей нормы. Все эти структуры создают кластер нормализующих суждений, они не только формулируют правила поведения, но и контролируют исполнение этих правил, используя дискурсивные техники клеймения и морального осуждения.

5.1.3. Стратегии повседневности

Несмотря на государственную машину нормализации и репрессивного контроля, тоталитарный идеал управления не был достижим, и конкретные люди, принадлежащие к разным средам и социальным общностям, вырабатывали разнообразные жизненные стратегии. Исследовательница повседневности сталинского периода Шейла Фицпатрик выделяет несколько стратегий, реализуемых советскими гражданами: стратегии эмиграции, эскапизм, пассивные и активные формы сопротивления и приспособления (Фицпатрик 2001a, 2001b). Индивидуальные и семейные стратегии вырабатывались на основе знания явных и скрытых правил игры, характерных для советских социальных институтов. Эти правила осваивались, создавались и затем воспроизводились, советские люди приспособлялись к своим нуждам.

В отношении гендерной идеологии граждане также использовали разные стратегии, чтобы приспособляться, сопротивляться или по возможности избегать вовлечения в контролируемое государством дискурсивное пространство, а также вырабатывать свои тактики повседневной жизни.

5.2. Этапы гендерной политики в СССР/России

В работах российского социолога Игоря Кона и американской исследовательницы Гейл Лapidус предложена периодизация партийно-государственной политики в отношении сексуальности

и женщин (Кон 1997, 2005, 2010; Lapidus 1978). Схожую периодизацию, основанную на выделении нескольких поколений советских людей, имевших разную социализацию и повседневный опыт, предлагает финская исследовательница Анна Роткирх (Роткирх 2011; Rotkirch 2000).

Исследователи выделяют три периода советской гендерной политики (доминирования гендерных порядков). **Первый этап** датируется 1918 — началом 1930-х гг. Кон определяет его как период большевистского экспериментирования в сфере сексуальности и семейно-брачных отношений. Гейл Лapidус называет его периодом политической мобилизации женщин. **Второй этап** — 1930-е — середина 1950-х гг. — концептуализируется как тоталитарная андрогиния, как период экономической мобилизации женщин. **Третий этап** — середина 1950-х — конец 1980-х гг. — приходится на период политической оттепели, начало которого датируется XX съездом КПСС, кампаниями массового жилищного строительства и новой постановкой женского вопроса, связанного с программой решения демографического кризиса в стране. Следующий этап начинается в период политических и экономических реформ конца 1980-х гг., когда существенным образом меняется роль государства в регулировании социальных отношений вообще и гендерных в частности.

5.2.1. Дефамилизация и политическая мобилизация женщин

Данный этап называют периодом большевистского экспериментирования в сфере сексуальности и семейно-брачных отношений, периодом политической мобилизации женщин или периодом женсоветов. Это радикальный революционный этап советской политики, целью которого являлось высвобождение женщины из патриархальной семьи и подчинение ее интересам советского государства. Иначе говоря, речь шла о формировании новой женщины — гражданки советского государства.

В дискурсе власти выдвигается программа решения так называемого «женского вопроса» как вопроса политического. Женский вопрос, сформулированный в отечественном дискурсе в 1860-е гг.

российскими либералами и революционными демократами, в новых условиях был переформулирован большевиками. Женщины были определены как особая категория граждан, имеющая значимые отличия по сравнению с категорией мужчин. Отличия женщин в дискурсе большевистской власти позиционируются как репродуктивно-биологические и социально-политические. С одной стороны, женщина представлена как «отсталый элемент», а значит потенциальная угроза коммунистическому строительству; поэтому женщины стали объектом целевой государственной политики. С другой стороны, женщины рассматриваются как потенциальные матери, в качестве каковых они должны быть мобилизованы пролетарским государством.

Политика нового женского гражданства представлена рядом нормативных актов и политических кампаний, призванных вовлечь женщину в советскую публичную сферу, превратить ее в члена советского трудового коллектива: мать, работницу и общественницу. Эта политика нацелена на преобразования во всех сферах общественной и частной жизни. Частная жизнь становится прощаемой для революционной воли и политического надзора. Семейная и интимная жизнь граждан нового общества должна быть перестроена в соответствии с коммунистическими принципами.

В сфере занятости труд на благо социалистического отечества стал государственной повинностью и основой большевистского определения гражданства. Женщина-работница, занятая на социалистическом производстве, стала экономически независимой от мужчины, который утратил экономическую позицию главы патриархальной семьи. Конституция 1918 г. декларировала гендерное равенство — право на равную оплату за равный труд мужчины и женщины.

В сфере политики с 1920-х гг. устанавливается система квот для женщин трудящихся классов как отдельной категории населения. Будучи отсталым элементом, женщины стали объектом позитивной дискриминации — политики избирательной поддержки их социального продвижения. Учреждаются женские отделы в партийных органах разного уровня, организуются кампании политической мобилизации женщин — делегатские движения.

В сфере семейно-брачных отношений были предприняты радикальные меры, призванные существенно изменить отношения между полами. Первыми декретами советской власти церковь была отделена от государства, был аннулирован церковный брак, правовые последствия стал иметь лишь гражданский брак, зарегистрированный в органах местной администрации, ЗАГСх. Разрушалась традиционная религиозно-церковная легитимация супружеских отношений. Либерализация развода усиливала хрупкость брачных отношений.

В области репродуктивных и сексуальных отношений одной из поразительных по своей радикальности мер большевистской гендерной политики была легализация медицинского аборта (1920 г.). Большевистский гендерный проект предполагал, что родительские воспитательные функции во многом возьмут на себя советские коммунальные учреждения. Любовь трактуется как вид сексуальной энергии, который можно сублимировать в разных формах общественно-полезного труда. Санкционируется свобода сексуальных отношений, хотя Ленин подвергает критике теорию «стакана воды», сводящую любовные чувства к удовлетворению половой потребности (жажды) (Кон 2005: 170).

В повседневной жизни данный период характеризуется смешением старого и нового быта, традиционных и новых образцов поведения, разломом поколений и соответствующих нравов. Государственная мобилизация населения приводит к вынужденному номадизму советских граждан и сказывается в воспроизводстве традиционной поляризации ролей в семейно-брачном укладе.

Декларированная задача раскрепощения и просвещения женщины предполагала **искоренение** привычных практик частной жизни, в том числе материнских и супружеских. В этом заключался главный стратегический ход советского государственного проекта: разрушить границу между приватной и общественной жизнью, сконструировать коллективизированного советского гражданина, отказавшегося от ценностей и привычек индивидуализма во имя построения светлого коммунистического будущего. Частное было политическим, идеологически продвигался приоритет коллективного интереса перед личным.

Итак, на первом этапе советской гендерной политики, поднявшей и декларативно разрешившей «женский вопрос», женщина

была во многом выведена из-под контроля традиционной семьи, ей были предписаны обязанности работницы и матери и предложена прямая — не опосредованная брачным и семейным статусом — поддержка советского государства. Идеология освобождения женщин, воплощаемая через законодательные изменения, кампании «за новый быт», дебаты в женских организациях, никогда не была реализована полностью. В 1920-е гг. во многих социальных слоях, особенно в деревне и в этнических сообществах, сохранялся традиционный гендерный уклад, с соответствующими религиозными практиками и патриархальными устоями.

Последствия большевистской политики решения женского вопроса были противоречивы: государство, разрушая семью, санкционируя свободу сексуальных отношений, способствуя развитию медицинской экспертизы в сфере сексуального и репродуктивного поведения, создавая новые гендерные модели и поддерживая женские организации, рисковало утратить контроль над гражданами. Семья переставала быть легко вычленимой единицей государственного учета и контроля. Либеральное законодательство позволяло гражданам манипулировать и даже злоупотреблять семейными статусами в своих адаптивных стратегиях. Свободная сексуальность представляла угрозу репродуктивному здоровью. Аборт стал привычной практикой советских женщин. Гендерный контракт и его условия были пересмотрены в контексте репрессивной советской модернизации 1930-х гг.

5.2.2. Стабилизация этакратического контракта «работающая мать»

Второй этап (1930-е — середина 1950-х гг.) описывается как экономическая мобилизация женщин. Начало этого периода соответствует первым пятилетним планам индустриализации и коллективизации, а затем официальной декларации, согласно которой женский вопрос в Советском Союзе был решен. Символическая граница данного периода гендерной политики — запрет абортов в 1936 г. и отмена запрета в 1955-м, обозначившая либерализацию государственной репродуктивной политики. Это этап государственной мобилизации гендерного гражданства, который привел к ста-

билизации этакратического (навязанного государством) контракта «работающая мать», во многом поддерживавшегося репрессивными мерами государства.

Новый период гендерной политики совпадает с советской репрессивной модернизацией, политикой форсированной индустриализации, коллективизации и «окультуривания» советских граждан. Процессы индустриализации, коллективизации и часто сопутствующие им принудительные миграции, «трудовая повинность» и политика массовых репрессий существенно видоизменяют тип семейных отношений. Формируется поколение, для которого характерно умалчивание интимного опыта, преподносимое как добродетель (Роткирх 2011; Rotkirch 2000). В 1936 г. постановлением ЦИК и СНК СССР запрещаются аборты (кроме прерывания беременности по медицинским показаниям). Женщина лишается возможности совершить репродуктивный выбор. Предоставляются льготы многодетным и одиноким матерям, расширяется сеть родильных домов, яслей и детских садов, усиливается уголовное наказание за неплатеж алиментов, ужесточается процедура развода, позднее (1944 г.) делегитимизируются фактические браки, запрещается регистрация отцовства внебрачных детей (Гендерная экспертиза 2001: 105). Все эти меры направлены на укрепление официальных браков, организованных вокруг принудительного материнства советских гражданок. Официальный дискурс утверждает, что гражданская доблесть женщин заключается в сочетании материнства с общественно-полезным трудом. В период форсированной индустриализации при низкой производительности труда государство использует женскую рабочую силу как трудовой ресурс. В это время отменяются многие льготы для женщин на производстве — запреты на работу в ночные смены и в тяжелых условиях труда; создаются движения за овладение так называемыми мужскими профессиями. Двойная мобилизация женщин легитимизируется в понятиях гражданского долга и женского предназначения в контексте подготовки к войне с мировым империализмом с опорой на идеологию осажденной страны.

Именно в это время развивается официальный дискурс советской суперженщины. Формула двойной нагрузки становится частью нормализованного властью стереотипа женственности, который усвоили многие поколения советских гражданок.

Наиболее массовая стратегия граждан в этот период — пассивное приспособление к изменяющимся требованиям гендерного гражданства, укрепление семьи как убежища от государственного контроля и в целях выживания. «Неустойчивые и опасные условия жизни делали семью крепче, т. к. ее члены чувствовали потребность сплотиться во имя самосохранения» (Фицпатрик 2001а: 169). Опору семейного уклада составляли женщины разных поколений. Для описания такого уклада Анна Роткирх использует понятия матрифокальности и расширенного материнства, которые выражались в поддержке семейных уз и обязанностей за счет межпоколенческих связей женщин — бабушек, матерей и дочерей (Роткирх 2011: 143–149; Rotkirch 2000: 115–117).

В советской семье в условиях постоянного дефицита потребительских товаров по-прежнему востребованы традиционные функции разделения труда между полами. Женщины организуют быт в условиях экономики дефицита: достают товар, используя гендерно специфические социальные сети, обладающие высоким уровнем прочности и надежности, компенсируют дефициты сервиса. У мужчин есть своя специализация: востребуются их навыки в традиционно мужских видах работ по дому, требующих технических знаний, строительных навыков и физической силы. Женщины при этом выполняют «тройную» роль — к материнству и работе добавляется исполнение роли домашнего обслуживающего персонала.

5.2.3. Политическая либерализация и кризис этакратического гендерного порядка

Этакратический характер советского гендерного порядка сохраняется и в периоды хрущевской «оттепели» и брежневской «стагнации»: государство остается главным агентом регулирования занятости, семьи, формирования и изменения официальных дискурсов, интерпретирующих женственность и мужественность.

Контракт работающей матери остается доминирующим. СССР становится страной, где совершается первый демографический переход — начинают доминировать малодетные семьи (хотя и сохраняются весьма значительные различия по республикам). Так, например, исследование репродуктивных установок жительниц

Москвы в 1970 г. показало, что абсолютное большинство женщин ориентированы на малодетную семью; 25 % хотели бы ограничить семью одним ребенком, 50 % — двумя детьми. При этом среднее число детей у обследованных женщин составило 1,4 ребенка, а желаемое — 2,48 (Киселева 1978: 13).

Советские демографы и социологи фиксировали, что СССР занимает первое место в мире по уровню занятости женщин в общественном производстве. По переписи населения 1970 г. 82 % всех женщин трудоспособного возраста (от 16 до 54 лет) работали в различных отраслях народного хозяйства. В числе рабочих и служащих женщины составляли 51 %, а среди специалистов с высшим и средним образованием — 59 % (Киселева 1978: 10). Наиболее высоким был удельный вес женщин в таких отраслях, как здравоохранение — 84 %, торговля и заготовки — 76 %, просвещение — 73 %, связь — 68 %; органы государственного и хозяйственного управления — 65 %; наука и научное обслуживание — 50 %. Преимущественно женщины были заняты в непроизводственных отраслях. Этот структурный дисбаланс демонстрирует феминизацию определенных видов занятости и существующее гендерное разделение труда.

В этот период происходит ограниченная либерализация гендерной политики, частичное восстановление частной жизни (приватной сферы) и формирование специфической неформальной публичной сферы, т. е. дискурса, оппонировавшего официальному.

Либерализация гендерной политики связана в первую очередь с декриминализацией абортов в 1955 г. и усилением государственной поддержки материнства и баланса ролей работающих женщин. Кодекс РСФСР о браке и семье 1968 г. отменил большинство репрессивных законодательных актов сталинского периода. Была упрощена процедура развода, восстановлена возможность установления отцовства (Гендерная экспертиза 2001: 106).

Новая гендерная политика допускала принятие самостоятельных решений по поводу деторождения. Государство делегирует медицинским учреждениям и семье (в первую очередь женщине) функции контроля над политикой деторождения. Однако эта политика не подкрепляется сексуальным образованием, доступностью надежных современных контрацептивных средств. В результате складывается **абортная контрацептивная культура**, при которой

медицинский аборт становится массовым опытом и основным способом контроля репродукции и планирования семьи (см. приложение 1). Либерализация репродуктивных прав в этот период сопровождается их недостаточной институциональной обеспеченностью. В результате массовая практика абортотворения сопровождалась репродуктивной и сексуальной эмансипацией советских женщин.

Государство осуществляет пронаталистскую социальную политику и проводит идеологию, отождествляющую «правильную женственность» с материнством. Многочисленные, но незначительные по величине льготы беременным и матерям в 1970-е — 1980-е гг. призваны не только стимулировать деторождение, но и обеспечить возможность баланса ролей работающей матери. Происходит натурализация женской роли — продвижение идеологии материнства как естественного предназначения. Вместе с тем социальная инфраструктура (медицинские, детские дошкольные учреждения, сфера бытового обслуживания) не соответствует потребностям семьи и женщин, заставляя осуществлять собственные стратегии по адаптации к структурным проблемам.

Социологи в 1972 г. пишут, что матери, воспитывающие несовершеннолетних детей, тратят на домашнюю работу в неделю от 30 до 40 часов и свободного времени в неделю у них остается 10–15 часов (Гордон, Клопов 2013 [1972]). Гендерный дисбаланс в распределении домашней работы в молодых семьях объясняется недостатками развития инфраструктуры заботы и патриархатными пережитками. Но в целом рассматривается как гендерная норма, соответствующая потребностям и предрасположенностям женщин.

Гендерный дисбаланс в советской семье

Приведем в пример советский фильм «Карантин» (1983, реж. И. Фрэнк), где мать пятилетней девочки и научный сотрудник («малоденькая и малооплачиваемая») не может сделать выбор — прервать вторую беременность (и продолжать писать диссертацию) или родить второго ребенка. Ее муж и свекр считают, что женщинам вообще можно «запретить писать диссертации», а свекровь — что «ради детей приходится от многого отказываться». При этом, когда садик закрывается на карантин, даже первого ребенка оказывается

некуда деть, потому что папа, бабушки-дедушки и даже прабабушки и прадедушки оказываются заняты своими делами и не могут помочь в данный момент. Каждый вечер, когда нужно решать, с кем же останется девочка завтра, провоцирует рефлексию о распределении ролей и ответственности в семье:

— Зачем ты родила ребенка? — спрашивает муж жену, правящую свою рукопись за кухонным столом.

— Я думала, что я замужем.

— ... что, по-твоему, — быть замужем.

— Это значит не быть матерью-одиночкой. Это значит — тебе половина и мне половина. <...>.

— Но я не могу завтра, — кричит муж из-за своего рабочего стола, — и послезавтра тоже!

Собирается семейный совет, который должен вынести вердикт — сохранять беременность или нет. Будущая мать оказывается единственной, кто против (на приеме у врача у нее вырывается «Я не хочу!»). Она, по мнению мужа, «забыла, для чего ее Бог сотворил». Возмущенный дедушка потрясает черновиками диссертации молодой женщины и проповедует: «Зачем тебе ... все это? Лучше бы занялась воспитанием детей!», а муж в радостном возбуждении разбрасывает по комнате листы ее рукописи. При этом обе бабушки — высококвалифицированные специалисты, до сих пор востребованные на работе и гордящиеся тем, что они смогли вырастить детей (не без помощи своих родителей), несмотря на необходимость работать. Иными словами, решение о том, рожать или нет ребенка (сохранять ли беременность), во-первых, не является само собой разумеющимся. Во-вторых, при принятии данного решения, в котором задействованы все члены семьи, центральными оказываются вопросы о предназначении женщины и балансе ролей, который представлен как проблематичный: молодая женщина заинтересована в своей карьере, в то время как все остальные члены расширенной семьи видят ее в первую очередь в роли матери. В-третьих, баланс ролей возможен только при постоянном оказании межпоколенческой помощи, которая также является проблематичной.

При такой нагрузке на работающих матерей и нехватке времени — основного ресурса жизнедеятельности человека — ис-

пользование социальных сетей, родственных связей, прежде всего межпоколенческих, является, как и прежде, повседневной практикой. Явочная приватизация или приватизация услуг, оказываемых государственными учреждениями, также становится массовой стратегией.

Ограниченная либерализация гендерной политики подкрепляется **частичной «реабилитацией личной жизни» (приватной сферы)**, в первую очередь связанной с политикой массового жилищного строительства 1960-х гг. Семья становится автономной единицей; повседневные интимные отношения, воспитание детей, организация быта выходят за пределы постоянного контроля соседатаев — соседей по коммунальной квартире, зачастую и родственников из старшего поколения. Контроль за «правильным» осуществлением мужественности и женственности в большей степени, чем прежде, делегируется семье и ближайшему социальному окружению. При этом сохраняется роль трудового коллектива в контроле гендерных отношений. Семья вступает в своего рода «конкурентные» отношения с государством, стимулируя проблематизацию гендерных ролей в публичном дискурсе.

В официальных дискурсах доминирует интерпретация семьи как «основной ячейки» общества, для которой характерно разделение ролей по признаку пола; на женщину возлагаются основные обязанности по воспитанию детей и заботе-обслуживанию. Одновременно в дискурсе проблематизируется совмещение ролей матери и работницы, положение одиноких матерей (см., напр., анализ прессы за 1984 г.: Tartakovskaya 2000). Мужская роль также проблематизируется в связи с невозможностью осуществления роли монопольного кормильца и защитника (Здравомыслова, Тёмкина 2002b).

5.2.4. Постсоветские трансформации: неотрадиционализм

В дальнейшем, в период политических и экономических реформ конца 1980-х — начала 1990-х гг., существенным образом меняется роль государства в регулировании социальных отношений вообще и гендерных в частности. Для современного российского общества характерны не только классовые стратификационные процессы,

но и актуализация социальных различий, обусловленных внеэкономическими параметрами — этничностью, полом, возрастом, собственно гражданским статусом.

Трансформация гендерного порядка осуществляется в контексте изменений социальной структуры общества, становления российского национального государства, изменения политической системы, трансформации экономического строя, разрушения советских идеологий и изменения роли социальной политики. Постсоветские трансформации разрушили структурные основы советской эмансипации (поддерживаемой идеологией и социальной политикой), одновременно сохранив практики совмещения женских ролей, укорененные в повседневности и востребованные рыночными условиями. В этом контексте гендерное гражданство претерпевает изменения как на политическом и идеологическом уровнях, так и на уровне повседневных практик.

Меняется законодательство; в системе семейного права происходит гендерно сбалансированное переопределение родительских обязанностей; институты социальной политики испытывают последствия бюджетного дефицита и рыночных реформ, сказывающиеся на уменьшении их вклада в обеспечение жизни российских граждан. Растет вес семьи как экономической единицы общества, повышается значимость домашнего хозяйства в создании экономического статуса семьи. Происходит изменение стратификационной картины общества, которое становится классовым. Образуются разные имущественные группы, образ жизни и семейные уклады которых существенно различаются. С этими процессами связана дифференциация моделей домохозяйства и гендерных контрактов. Формируется новый символический порядок, в котором присутствуют различные, зачастую конфликтующие между собой идеологии, включающие различные репрезентации мужественности и женственности. В обсуждении проблем гендерного гражданства включаются новые общественные силы: политические акторы, общественные и религиозные организации, глобальные информационные агенты, профессиональные сообщества, СМИ и пр.

Новые идеологии эксплицитно или имплицитно апеллируют к некоему представлению о «традиции», нуждающейся в возрождении, и о «естественном» предназначении женщин и мужчин. В по-

исках прошлого происходит усиление традиционализма в интерпретации ролей мужчины и женщины. Неотрадиционализм в гендерном отношении предстает как поиск традиций истинной женственности и истинной мужественности, которые могут быть легитимно приняты как новые социальные роли.

Однако существуют разные трактовки «традиции» и природы женственности, варьирующие в зависимости от системы референций (того, что именно считается традицией в общественном дискурсе). В феминистском дискурсе традиционными считаются представления о женщине как домашней хозяйке, жизненный мир которой сконцентрирован вокруг обязанностей заботливой супруги, матери, хранительницы домашнего очага. Таков идеально-типический норматив буржуазного семейного устройства со свойственным ему патриархатным разделением половых ролей мужчины-кормильца и женщины-домохозяйки. В 1990-е гг. в дискурсе получает распространение миф о западной женщине — домохозяйке, реализующей женское желаемое, т. е. традиционное, предназначение. Этот миф противоречит массовым практикам совмещения ролей во второй половине XX в.

Массовый опыт российских женщин определяется их значительным вкладом в семейный бюджет, сочетанием разных видов занятости в сфере производства и воспроизводства. Традиция «женщины-домохозяйки» для российского общества представляется исключением, показателем социального престижа, в то время как устойчивые укорененные практики связаны с «традицией» (по крайней мере на протяжении четырех поколений) «работающей матери».

Различные оценки гендерного традиционализма отражены и в академическом дискурсе. Многие исследовательницы российского общества в 1990-е гг. видели в российской трансформации симптомы патриархатного ренессанса или неотрадиционализма (Посадская 1996; Воронина 1988, 1993; Мезенцева 1992; Римашевская 2006 и др.). Практика, политика и экономика гендерных различий/неравенства затрагивают не только экономическую сферу, но и сферу, связанную с различными статусными характеристиками. Симптомы усиления гендерного неравенства — вытеснение женщины из публичной сферы, возвращение в сферу домохозяйства, феминизация

бедности и безработицы, вытеснение женщин из политической сферы. Патриархатные тенденции проявляются в дискриминации женщин в сфере оплачиваемой занятости, в частности при найме на работу, когда женщина оценивается как «социальный инвалид», неспособный эффективно выполнять функции работника; сексуальные домогательства и незащищенность женщины от насилия. В 2010-е гг. идеи «естественного женского предназначения» стали активно продвигаться представителями религиозных институтов и сообществ, на государственном уровне, ученые заговорили о консервативном повороте.

С другой стороны, исследователи показывают контртенденции, которые связаны с успешными стратегиями женщин в рыночных условиях, с ростом общественной активности женщин, с продвижением женщин в некоторых отраслях бизнеса. Иными словами, происходит усиление дискурсивного неотрадиционализма, но при этом появляется новое пространство для женщин, в котором возникают новые стратегии, ведущие к успеху. При этом в условиях структурного неравенства происходит мобилизация специфических женских ресурсов сексуальной привлекательности и традиционной женственности. Демонстративная сексуализация различий становится чертой современной гендерной репрезентации (в случае женственности и случае мужественности).

Наблюдается разнообразие образцов мужественности и женственности, включающее симптомы и равенства (эгалитарности), и поляризации и дискриминации полов. Для российского контекста характерна специфическая система референций гендерного неотрадиционализма, в которой мы выделяем две основные идеологии. Одна из них связана с либеральной традицией, эссенциализирующей половые различия, другая — с советской государственнической традицией «работающей матери», опирающейся на целевую социальную политику. В 2010-е гг. усиливаются референции к религии и морали как основам традиционной женственности и женской роли.

Идеология неолиберального гендерного традиционализма основана на противоречивом сочетании двух принципов: равноправия и природного различия полов. С одной стороны, признается, что женщины имеют равные с мужчинами права, они могут ориентироваться на различные роли, становиться профессионалами,

домохозяйками, сочетать разные обязанности согласно своему выбору. С другой стороны, утверждается, что женщины обладают отличными от мужчин природно обусловленными склонностями и имеют особое предназначение, ограничивающие их карьерные возможности, поэтому женщины не стремятся к равному с мужчинами продвижению в публичном пространстве. Общественное устройство в целом неосознанно ограничивает карьерное продвижение женщин, поскольку поддержание домохозяйства и воспитание детей интерпретируются как частно-семейное дело граждан, не предполагающее государственного вмешательства. Ядром концепта гендерно нейтрального гражданства в этом случае является система равных прав и обязанностей мужчин и женщин в публичной сфере. Особые социальные права женщин, связанные с их ролью в системе социального воспроизводства и поддержании приватной сферы, в этом дискурсе интерпретируются как **социальная инвалидизация**, приводящая к вытеснению женщин из публичной сферы. В массмедиа образцы неолиберального традиционализма представлены подчеркнута женственными образами бизнесвумен и домохозяек.

Неогосударственнический традиционализм позиционирует женщин как особую категорию граждан, нуждающуюся в патерналистской социальной политике и отвечающую за воспроизводство нации (см. приложение 2). В рамках этой идеологии подчеркивается, что у женщин есть гендерно обусловленная гражданская функция — демографическое воспроизводство. Воспитание детей и поддержание домохозяйства интерпретируется как предмет государственного интереса, поддержки и заботы. Утверждается, что в период трансформаций женщина оказывается жертвой: поскольку государство не обеспечивает ее патримониальной поддержкой, она не может быть полноценной работающей матерью, т. е. полноценной гражданкой. Ядром гендерно сензитивного гражданства в таком дискурсе является система целевых социальных прав, гарантируемых мужчинам и женщинам, призванным выполнять свой «общественный долг». На женщин возлагается функция поддержания традиционных семейных ценностей и морали. В 2010-х гг. на государственном уровне подчеркивается значение традиционной семьи, характеризующейся наличием двух супругов, гетеросексуаль-

ными отношениями, наличием двух и более детей, связью поколений. В постсоветский период претерпевают изменения и гендерные контракты.

5.3. Контракт «работающая мать» в российском контексте

Концепты «**гендерный контракт**» и «**контракт “работающая мать”**» используются при анализе гендерных отношений в России и некоторых других постсоциалистических странах (Айвазова 2001; Здравомыслова 2003; Здравомыслова, Тёмкина 1996, 2006; Мещеркина 2002а, 2002; Тёмкина, Роткирх 2002; Роткирх, Тёмкина 2007).

Исследователями был выделен базовый контракт советского общества — «**работающая мать**», при котором государство берет на себя обеспечение институциональных условий для баланса (совмещения) общественной и семейной ролей женщины. Общественная роль женщины предполагает оплачиваемую занятость в сфере общественного производства. Ее семейная роль включает неоплачиваемый домашний труд и выполнение экономически и символически значимых функций супруги и матери с опорой на социальные сети родства и дружбы.

Контракт «работающая мать» поддерживался государственной политикой, идеологией и социальными институтами, обеспечивающими совмещение ролей работницы и матери. Модель семьи была конституирована государством, которое регулировало жизненные условия, миграцию и профессиональную мобильность, а также несло ответственность за социальное обеспечение и поддержку семьи через поддержку материнства и детства. Данный контракт был этакратическим и подразумевал, что мобилизованные государством труд женщин и материнство являются гражданским долгом. От любой женщины как советской гражданки ожидалось выполнение и роли матери, заботящейся о детях и семье, и роли работницы. Отцы в таком гендерном контракте занимают периферийное место. Данный контракт стабилизировался в 1930-е гг. и претерпевал незначительные изменения до 1980-х гг. Официальный контракт не был монолитным, хотя абсолютное большинство жен-

щин было ориентировано на материнство и занятость в сфере оплачиваемого труда, согласно закону и экономической необходимости. В возрасте максимальной занятости (30–40 лет) доля работающих женщин превышала 90%, т. е. была почти тотальной (Обзор занятости 2002: 57–58).⁶

Государственная поддержка баланса предписанных женских ролей осуществлялась институтами «социальной заботы». В позднесоветский период к ним относились система бюджетных организаций («бесплатных» для граждан): детские сады, школы, медицинские учреждения, а также система материнских социальных льгот и выплат — оплата декретного отпуска и отпуска по уходу за ребенком, больничных листов по уходу, специальная поддержка одиноких и многодетных матерей и пр. Исследования показывали, что сами женщины ориентированы на модель работающей матери. Изучение аттитюдов, проведенное в 1970 г. на московской выборке, продемонстрировало, что 77% женщин ориентировано на совмещение профессиональной жизни и материнских обязанностей, и лишь немногим более 19% высказали желание при экономической возможности стать домохозяйками (Киселева 1978: 12).

Особенностью советского гендерного порядка является постоянное воспроизводство разрыва между официальной идеологией и практиками повседневности (см. также: Gal, Kligman 2000). Начиная с 1970-х гг. в советском обществе разрыв повседневности и идеологии приобрел систематический и повсеместный характер. В описании советского гендерного порядка для нас представляются значимыми различия официальных и повседневных (неформальных, «теневых») правил гендерных взаимодействий. Женщины должны были мобилизовывать все доступные ресурсы для выполнения обязанностей: бабушки и другие родственники, с одной стороны, блат и связи, с другой, — были важнейшими ресурсами для обеспечения заботы и функционирования советского быта в условиях дефицита (мест в детском саду, качественных предметов потребления и услуг, жилья и пр.) Реальные повседневные практики работающей матери/семьи предполагали тройную нагрузку, включающую мобилизацию сообщества, матрифокальность и постоян-

ное маневрирование в условиях дефицита (мы обозначили реальные практики, используя метафору теневого гендерного контракта). Эти практики позволяли обеспечить совмещение ролей, опираясь и рассчитывая не только на государство. Правила повседневности складывались как непреднамеренные последствия официального контракта. Через них происходило приспособление к структурным напряжениям приватной и публичной сферы.

Каковы же последствия? Во-первых, на женщину возлагалась основная ответственность за воспитание детей, уход за пожилыми, бытовое обслуживание семьи, компенсирующее недостатки социального сервиса и хронического дефицита. В связи с этим формировалась семья, в которой центральной контролирующей фигурой была женщина, — **матрифокальная семья**, женщина могла быть относительно экономически независимой от мужчины, получали распространение практики одинокого и внебрачного материнства.

Стабилизации данного контракта способствовали тенденции приватизации и автономизации семьи, возрастания роли социальных сетей в позднесоветский период. Стратегии выживания усиливали традиционные гендерные роли и разделение труда между полами и поколениями, мужественность и женственность становились культурным ресурсом (Watson 1993: 472, 482; Rotkirch 2011; Rotkirch 2000; см. также: Фицпатрик 2001а; Здравомыслова 2003).

Повседневность «работающей матери»

Пример организации повседневности «работающей матери» описан в повести Н. Баранской «Неделя как неделя» (1969). В жанре квазидокументальной дневниковой прозы автор представляет типичную неделю «работающей матери». Героиня повести — рассказ ведется от первого лица — 28-летняя Ольга Воронкова, замужняя мать двоих детей, научный сотрудник химического института. Автор описывает организацию повседневной жизни в нуклеарной городской семье профессионалов, которая не может рассчитывать на помощь представителей старшего поколения. Ольга любит свою работу, и для того чтобы совмещать ее с семейными заботами, ей приходится постоянно выстраивать не слишком эффективные стратегии совладания с повседневностью: это опоздания в детский сад и на работу, покупка продуктов и посещения парикмахерской

⁶ Благодарим демографа Сергея Захарова за эти данные.

в обеденный перерыв, личные договоренности на работе и в детском саду. Женщина фактически не имеет свободного времени. Постоянное утомление, спешка, напряжение, чувство вины преследуют героиню. Поддержку ей оказывает любящий муж, женские дружеские сети, дети посещают дошкольные учреждения. Однако в этой, казалось бы, эгалитарной семье очевиден дисбаланс семейных обязанностей. Молодой муж уверен в том, что жене лучше полностью посвятить себя семье; в том, что его служебное продвижение более важно, чем ее профессиональные успехи, в том, что именно на ней лежат обязанности домашнего быта. Напряжение женских ролей создает потенциал супружеского конфликта (между мужем и женой по поводу родительских и семейных обязанностей), конфликта на работе, материнской фрустрации.

Кроме того, в обществе существовал невидимый **маргинальный гендерный контракт**, под которым мы подразумеваем те гендерные практики, которые криминализировались, были морально порицаемыми или медикализировались. Такие гендерные паттерны поведения, как отказ от материнства, от занятости в сфере общественного труда, от брака, гетеросексуальности и пр. существовали в запрещенных и/или закрытых сообществах — среди заключенных, проституток и гомосексуалов, в некоторых субкультурах андерграунда и были объектами потенциальных репрессий и потому оставались скрытыми и/или умалчиваемыми в публичном дискурсе. Такие практики фигурировали в публичном дискурсе как «социальные проблемы», их обсуждение происходило только в профессиональных дискурсах или в виде критики «пережитков», «тлетворного влияния» буржуазного общества.

Итак, советский гендерный порядок может быть проанализирован как совокупность трех взаимосвязанных гендерных контрактов, а именно: официального (легитимного), повседневного (теневое) и маргинального.

Изменения постсоветского общества с конца 1980-х гг. повлекли за собой и трансформацию гендерных отношений. В постсоветском гендерном порядке государство утрачивает роль монопольного агента, формирующего гендерный контракт, частично разрушается система социальной и идеологической поддержки материнства.

Развитие рыночных механизмов способствовало дифференциации гендерных норм и практик в разных социальных слоях, формированию новых гендерных идеологий и интерпретаций женственности и мужественности. Реконфигурация официальных, повседневных и нелегитимных правил советского времени приводит к формированию новых гендерных контрактов с разными правилами, практиками и идеологиями.

Гендерные контракты 1990-х гг. стали вариативными: «работающая мать», «женщина-профессионал», «домохозяйка», «гламурная женщина». Эти контракты в разной степени поддерживались либеральной патриархатной идеологией, рыночными институтами и социальной политикой, которая во многом сохраняла прежние черты. Происходит реконфигурация официальных, повседневных и маргинальных правил советского времени. Несмотря на структурные изменения и возникновение новых практик, более устойчивыми оказываются правила организации жизни, восходящие к советским гендерным контрактам. На символическую доминанцию претендуют те роли, которые были ранее периферийными. Некоторые ценности и стили жизни западного типа соответствовали идеалам позднесоветского времени. В частности, женщина цивилизованного (западного) мира предстает в качестве (буржуазной) домохозяйки, которую обеспечивает муж. Этот образ коррелирует с советскими ценностями семьи-дома, потребительскими образцами, стабильностью и с ностальгией по настоящим мужчинам (см. лекцию 8). Напротив, контракт гендерного равенства и образ женщины-феминистки получает в основном негативные коннотации с последствиями эмансипации советского времени.

Официальный контракт работающей матери стал основанием для формирования контрактов работающей матери, карьерно-ориентированной женщины и (матери-)домохозяйки. Сексуальность, ранее ограниченная закрытыми сообществами, становится важнейшим компонентом формирующихся контрактов.

Обязанность участвовать в общественном производстве сменилась экономической необходимостью обеспечения семьи, которая потребовала от женщины активизации роли работницы, как в случае одинокого материнства, так и в случае семьи, состоящей из двух добытчиков. Контракт включает материнство, но акцент де-

лается на работе (заработке). Ослабление системы государственной поддержки привело к мобилизации социальных сетей и родственников, обслуживающих домохозяйство и осуществляющих уход за детьми в то время, когда женщина ищет разнообразные источники заработков с целью поддержки семьи. Контракт **работающей матери** остается контрактом, «заключенным» внутри расширенной семьи и социальных сетей. Мужчина в таких контрактах часто маргинализируется (как это показала, например, Ярошенко в исследовании бедных семей: Ярошенко 2002b).

Другим вариантом трансформации роли работника является контракт **карьерно-ориентированной женщины**. В этом случае ответственность женщины за обслуживание семьи не препятствует карьере. Организация домохозяйства и воспитания детей становится предметом переговоров с родственниками и наемными работниками (преимущественно с женщинами), а также включает использование платных институтов здравоохранения и образования. При этом ответственность за организацию домохозяйства остается женской обязанностью (см. лекцию 10).

Третий вариант реконфигурации контракта **работающей матери** — превращение его в контракт **домохозяйки**, обеспечиваемой мужем, выполняющим роль добытчика. Обслуживание, материнство и забота формируют ядро женской идентичности. Кроме того, в это ядро включается сексуальная привлекательность, которая ранее в значительной степени находилась в сферах теневых и нелегитимных контрактов.

Бывшие маргинальные контракты становятся легитимными, хотя и морально не одобряемыми. Проституция, порнография и гомосексуальность получают репрезентацию в публичном дискурсе. Рыночные механизмы превратили сексуальность и потребление в предмет торга и обмена, что находит выражение в **спонсорском контракте** и **контракте гламурной женщины**. Женственность, не связанная с материнством, являлась противоположной советским образцам и стала альтернативной советскому гендерному порядку, стилю жизни родителей и контракту «работающая мать». Позиция **спонсируемой** женщины неприемлема для представительниц средних и старших поколений, одновременно именно этот образ в разных вариантах претендовал в 1990-е годы на гегемонию. Два

последних контракта предполагают, что мужчина становится доминирующим агентом, располагая властными и материальными ресурсами поддержки материнства / женской сексуальной привлекательности. В первых двух контрактах основными агентами являются женщины-матери, родственники, социальные сети и наемные работники, и только иногда — мужчины (см. подробнее: Тёмкина, Роткирх 2002).

В 2010-е гг. государство усилило патерналистскую политику в отношении поддержки материнства, а также моральное продвижение религиозных ценностей, носящих патриархальный характер и жестко определяющих гендерные границы. При этом усиливаются и коммерциализированные тренды обеспечения повседневной семейной заботы (найм нянь, домработниц). Гендерный контракт «работающей матери» по-прежнему предполагает помощь родственников, но рыночные возможности позволяют использовать труд наемного персонала. При этом экономические возможности найма домашних работников определяются классовой принадлежностью. Многие женщины осваивают роль домашней хозяйки, которая в российском обществе только оформляется. Женщина-профессионал использует ресурсы оплачиваемого домашнего труда, доступные в условиях развития рыночных отношений; женщина-мать ограничивает свою занятость (если имеет другие источники существования). При этом все они, с одной стороны, пользуются государственной поддержкой, а с другой, считают ее недостаточной и прибегают к рыночным услугам и/или используют помощь старших поколений в семье.

ИТАК, подведем итоги рассмотрения (пост)советского гендерного порядка:

- В гендерном порядке советского общества важнейшим агентом было государство, которое в значительной степени определяло возможности и ограничения в действиях людей. Советское государство выделяло женщин в отдельную категорию граждан. Гендерное гражданство советского периода предполагало обязанности женщины как матери и как работницы и права на социальную поддержку со стороны государства.

- В соответствии с гендерной политикой, проводимой государством, и повседневными стратегиями выделяются три периода советской гендерной политики (доминирования гендерных порядков): период дефамализации — политическая мобилизация женщин, период стабилизации этакратического контракта «работающая мать» и период политической либерализации и кризиса этакратического гендерного порядка.
- Базовый контракт советского периода — «работающая мать» — носил этакратический мобилизующий характер, предполагая совмещение ролей матери и производительной силы при частичной поддержке государственного социального обеспечения и помощи старшего поколения.
- В постсоветский период гендерные контракты 1990-х гг. стали вариативными: «работающая мать», «женщина-профессионал», «домохозяйка», «гламурная женщина».
- В постсоветский период женщины также выделяются в отдельную категорию граждан, получающих поддержку от государства, но пронатализм государственной политики является фрагментарным.

Выводы

1. Структурно-конструктивистская парадигма, делающая акцент на взаимодействии структур и практик, чрезвычайно эвристична для социологического анализа гендерного порядка в разных обществах и исторических контекстах, включая российский. В ней преодолевается разрыв между структурными измерениями и практическим действием агента и подчеркивается их взаимообусловленность.
2. Структурные модели — разделение труда, власть, катексис, символический порядок — позволяют исследовать взаимообусловленность гендерных структур и практик. Гендерный по-

- рядок (режим) необязательно является когерентным, в нем могут сосуществовать разные правила.
3. Концепт гендерного контракта позволяет показать, как происходит гендерное разделение труда в сферах домохозяйства и оплачиваемой занятости и между ними, кто и за счет каких ресурсов осуществляет заботу и организацию быта. Кроме модели, предполагающей экспрессивную роль домохозяйки и инструментальную роль добытчика, формируются и другие модели — под влиянием государственной социальной политики, ориентированной на поддержку определенных форм семьи и родительства, а также в зависимости от доступности рыночных механизмов осуществления заботы и/или помощи старших поколений и других родственников.
 4. Государственная политика осуществляется исходя из представлений и практик гендерного гражданства, которое может наделять женщину особыми правами, ожидая от нее биологического и культурного воспроизводства нации. Гражданские обязанности и права женщины могут быть связаны в первую очередь с материнством или с комбинацией ролей.
 5. В советский период от женщины ожидалось совмещение ролей и исполнение контракта работающей матери, при этом гендерная политика, представления о гражданстве и повседневные стратегии граждан менялись на разных этапах гендерной политики.
 6. Гендерный порядок не является целостным и непротиворечивым, изменения на одном уровне могут не совпадать с изменениями на других, могут происходить в прямо противоположных направлениях, как, в частности, в постсоветском пространстве.
 7. Не вполне ясен механизм конкретного воспроизводства структур через осуществление практики — например, как конкретно происходит разделение видов работ в домохозяйстве или на рабочем месте на мужские и женские, как это разделение воплощается в устойчивые правила и в конечном счете — в застывшие структуры.

Вопросы для повторения и обсуждения

1. Что такое гендерный порядок, гендерный режим и гендерный контракт как аналитические инструменты и способы эмпирического анализа?
2. Каковы гендерные особенности категории и практик гражданства?
3. Каковы особенности гендерного порядка и гендерных контрактов советского и постсоветского общества?
4. Проведите анализ гендерного режима конкретного социального института.

Основная литература

- Здравомыслова Е., Тёмкина А.* Объединительный (структурно-конструктивистский) подход в гендерных исследованиях // Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2007. С. 56–67.
- Киммел М.* Гендерное общество. М.: РОССПЭН, 2006.
- Коннелл Р.* Структуры гендерных отношений / пер. Т. Барчуновой // Неприкосновенный запас. 2012. № 3 (83). С. 11–41 (<http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/k3.html>; 10.03.2015).
- Тартаковская И.* Гендерная теория практик: подход Р. Коннелла // Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2007. С. 34–55.
- Тёмкина А., Роткирх А.* Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4–15.
- Connell R.* Gender. Cambridge: Polity Press; Malden: Blackwell Publishers, 2002.
- Hirdman Y.* The Gender System // Andreasen T. et al. (eds.) Moving on. Aarhus: Aarhus Univ. Press, 1991. P. 187–207.
- Yuval-Davis N.* Gender & Nation. London; Thousand Oaks: Sage, 1997.

Приложение 1. Гендерное гражданство и абортная культура в СССР

Женское гражданство определяется целевой политикой, гендерными идеологиями, проявляется в устойчивых практиках женщин. Рассмотрим подробнее репродуктивные и социальные права. Советское государство, несмотря на закрепленное в нормативных документах равенство полов, осуществляло различие граждан по признаку пола и создавало рамки гендерно поляризованного гражданства. От женщины — гражданки СССР требовалось осуществление материнства как гражданского долга, таким же долгом являлись и производительный труд, и общественная работа на благо коллектива и государства. Выполняя эти обязанности, женщина имела права на социальное обеспечение (мы оставляем в стороне его размер и качество).

Политика в отношении абортных — один из аспектов государственного конструирования советской женственности. Напомним, что советская власть декриминализовала медицинскую операцию прерывания беременности в 1920 г., в 1936 г. аборт был запрещен, в 1955 г. — запрет был снят. В позднесоветский период операция аборта стала массовым опытом советских женщин, наиболее популярным механизмом контроля рождаемости. «Динамика числа абортных в СССР свидетельствует о том, что СССР — едва ли не единственная страна, где демографический переход в области рождаемости происходил и продолжает происходить за счет широчайшего распространения искусственных абортных» (Попов 1991: 121). Практика абортных была массовой, и несмотря на то, что имела физиологически и психологически травмирующий характер, воспринималась как единственный выход из безвыходного положения нежелательной беременности, «выбор без выбора».

Составляющей гражданства было законодательно закрепленное право на аборт, что в сочетании с отсутствием других эффективных мер контрацепции и сексуального просвещения породило абортную контрацептивную культуру. Право на аборт — одно из ключевых

репродуктивных прав. Однако надо помнить, что это не единственное репродуктивное право. К таковым относятся также право на медицинскую и социальную поддержку беременности, родительства и материнства, право на информацию о контрацептивах, возможности их использования и пр.

В позднесоветское время аборт рассматривался как естественная составляющая женского опыта. Государству не удавалось значительно повысить рождаемость начиная с 1960-х гг. Рутинизации аборта способствовала массовость этой практики в позднесоветский период (см. таблицу), простота бюрократического оформления, отсутствие морализаторского дискурса, нехватка сексуального просвещения и эффективных современных средств контрацепции. Стараясь избежать и деторождения, и процедуры аборта в государственных клиниках (как правило, осуществляемой без обезболивания), женщины находили возможности либо обратиться к нелегально практикующим частным образом врачам, либо обеспечить себе персонализированное особое отношение со стороны медицинского персонала, опираясь на механизмы взятки и блата.

Число абортов на 1000 женщин 15–49 лет (Попов 1991)

	1975	1989	1985	1988
СССР	105,7	107	100,3	87
РСФСР	126,3	122,8	123,6	105,2

Таким образом, одним из аспектов отношения государства и женщин в позднесоветский период были рутинизированные массовые практики абортов, позволявших регулировать репродуктивное поведение. В современном обществе абортная культура постепенно уступает место иным практикам контроля рождаемости (Здравомыслова 2009а).

Приложение 2. «Материнский капитал» как социальная поддержка: отношения граждан и государства

На примере программы «материнского капитала» рассмотрим, каким образом государство в современной России транслирует свою версию гендерного контракта и формирует концепцию гендерного гражданства. Согласно государственной программе стимулирования рождаемости — программе выделения «материнского капитала», женщина, родившая второго (и каждого следующего) ребенка в период с 1 января 2007 г. до 31 декабря 2016 г., имеет право по достижении ребенком трехлетнего возраста на получение от государства денежной суммы («материнского капитала»), подлежащей регламентированному расходованию и индексированию (Постановление 2006; Бороздина, Здравомыслова, Тёмкина 2012). И хотя в правовых и официальных документах начиная с 1993 г. используется гендерно нейтральный язык и адресаты помощи обозначаются как семьи и граждане с родительскими обязанностями, по факту именно матери оказываются распорядителями родительского капитала, который по-прежнему именуется в обществе «материнским».

Размер материнского капитала в 2006 г. равнялся 250 тысячам рублей, а к 2014 г. был индексирован до 429 тысяч 408 рублей. По мысли законодателей, женщина может использовать деньги строго определенным образом — вложить в строительство жилья, в обучение детей или в накопительную часть собственной пенсии. Как показало наше исследование (2011–2012 гг., было собрано 41 интервью в Волгограде, Ленинградской и Московской областях с информантами, имеющими от двух до семи детей, 36 женщин и 5 мужчин, возраст от 22 до 48 лет), наиболее адекватным использованием материнского капитала гражданам представляется улучшение жилищных условий. «Квартирный вопрос» в целом является одним из аргументов при принятии решения о рождении детей (Бороздина, Здравомыслова, Тёмкина 2012). Материнский капитал,

хотя и является специфической мерой демографической политики, рассматривается семьями в более широком контексте государственных программ по поддержке молодых семей, родительства и, конкретно, материнства (декретные выплаты, региональные разовые и ежемесячные выплаты на ребенка, детские пособия и пр.).

Сквозной мотив полученных интервью — это отношение граждан к государству и государства к гражданам по поводу социальной поддержки. В целом граждане одобряют поддержку материнства и родительства как принципы социальной политики, воспринимая их в качестве проявлений легитимного государственного патернализма. Информанты считают, что государство должно выполнять свои обязательства перед гражданами, особенно если оно их декларирует и идеологически обосновывает, апеллируя к гражданскому долгу как мотивации расширения семьи. Если осуществляемая политика является пронаталистской (т. е. поощряющей рождаемость) и способствует воспроизводству гендерных границ (что имеет своим следствием продолжительное неучастие женщин в сфере оплачиваемой занятости) — то женщинам, с их точки зрения, должна быть обеспечена достаточная социальная поддержка для профессионализации материнства.

Сравнивая нынешнюю ситуацию с ситуацией конца 1990-х — начала 2000-х гг., информанты отмечают увеличение суммы пособий и благоприятные изменения в социальной политике. Но данные перемены не воспринимаются ими как устойчивые и надежные, а главное, влияющие на репродуктивные решения семьи. Государственная помощь рассматривается гражданами скорее в качестве определенного «бонуса», который с одной стороны, поддерживает семью, а с другой — демонстрирует символическую значимость материнства и родительства в государственной идеологии. Однако проводимая социальная политика критикуется за нечувствительность к актуальным нуждам семей, а также за избыточный бюрократический контроль, демонстрирующий недоверие государства к своим гражданам (подозрения в отношении нецелевого использования средств).

Обсуждая программу социальных выплат, граждане демонстрируют институциональное недоверие к государству, его намерениям и его инициативам. Оно также критикуется ими за непоследователь-

ность и декларативный характер социальной политики. В частности, провозглашая свою поддержку деторождения, исполнительная власть, однако, не обеспечивает институциональной поддержки воспитания детей. Обнаруживаются сложности с устройством детей в детские сады и ясли и их недостаточное количество, ожидается переход на платное школьное образование. Это рассматривается нашими информантами как факты, противоречащие заявлениям о помощи молодым семьям. В результате государственная семейная политика описывается гражданами как не подкрепленная устойчивыми механизмами реализации. Данная критика связывается семьями с несправедливым, неуважительным отношением государства к гражданам.

В данной ситуации многие наши информанты, руководствуясь индивидуалистическими взглядами, подчеркивают отличие своего опыта от опыта советских поколений: российское общество устроено таким образом, что они сами должны отвечать за свои жизни и управлять ими, не полагаясь на государственную поддержку и заботу. Такое опытное знание подтверждает суждение исследовательницы Линды Кук (Cook 2007), которая отмечает, что до середины 2006 г. в России происходила либерализация социальной политики, вследствие которой ответственность перекладывалась с государства на самих граждан и новые структуры, такие как страховые кампании. При этом пособия направлялись нуждающимся на основе контроля их уровня материального благосостояния (малоимущие, люди в тяжелой жизненной ситуации и др.). Материнский капитал не противоречит данному тренду — его задача, как мыслят граждане, — символическая, и только во вторую очередь — материальная поддержка родительства.

Информанты считают, что государство не реализует в достаточной мере свою пронаталистскую идеологию. Сумма получаемого по данной программе сертификата, так же, как и размер других пособий (даже с учетом щедрых региональных выплат, например, в Петербурге), несопоставимы с затратами на воспитание ребенка и с заработной платой, которой лишается мать, всецело посвятившая себя заботе о детях. В целом такая семья, полностью зависящая от заработка мужа (не всегда высокого, стабильного и гарантированного), становится экономически и психологически уязвимой.

Также возрастает нагрузка на отца семейства по обеспечению прожиточных средств для неработающей жены и нескольких детей. Недостаточна, с точки зрения информантов, и институциональная поддержка совмещения трудовой занятости и родительства — предприятия не предоставляют гибких графиков работы, не функционируют механизмы повышения квалификации для женщин, не хватает детских садов, иными словами, нет поддержки баланса ролей. Вследствие этого возникает тенденция выталкивания женщин в ловушку материнской роли. Вместе с тем, социальная политика не создает и потенциала для развития практик вовлеченного отцовства.

В данной ситуации «материнский капитал» оказывается той мерой, которая — в совокупности с другими мерами социальной политики — способствует выходу женщин из сферы оплачиваемой занятости на продолжительный период времени (как неподкрепленный инфраструктурой и эгалитарной гендерной идеологией). Средства, перечисляемые государством по сертификату материнского капитала, могут лишь незначительно компенсировать потери матери (в карьере, стаже, зарплате, пенсии и пр.), символически подтверждая общественное значение ее роли.

На наш взгляд, современную семейную и демографическую политику можно назвать гендерно традиционалистской. Она сохраняет преемственность советской семейной политики, однако фокусируется на материнской роли, а не на балансе ролей работающих родителей, женское гражданство связывается в первую очередь с материнской ролью. Эта политика подчеркивает символическое значение семьи, понимаемой крайне узко и традиционно, ее легитимности для укрепления нации, в частности, через решение демографической проблемы.

Лекция 7. Структурно- конструктивистский ПОДХОД

Часть 2. Гендер как фрейм и институт

*Введение — Гендер как первичный культурный фрейм коммуникации —
Гендерные практики — Гендер как социальный институт —
Критика и значение подхода — Выводы*

Введение

В этой лекции представлен современный вариант структурно-конструктивистского подхода, который активно разрабатывался в 2000–2010-е гг. и является его авангардом. Развитие подхода связано с концептуальной интеграцией разных уровней анализа гендерных различий и акцентом на процессуальность производства гендера.

Американская исследовательница Сесилия Риджвей доказывает, что **гендер оформляет (фреймирует, от англ. frame) социальные взаимодействия в контексте определенных социальных институтов**. Риджвей и другие авторы утверждают, что **первичными гендерным фреймами** являются гендерные верования, образованные на основе стереотипов восприятия. Такие фреймы позволяют участникам мгновенно распознавать коммуникативную ситуацию

и действовать в соответствии с этим. К первичным фреймам, с точки зрения Риджвей, относятся гендер, возраст, раса. Мгновенное распознавание является основой для беспроблемной коммуникации и координации действий. Его условие — автоматическое приписывание всем мужчинам и женщинам определенных черт, противопоставленных друг другу. Гендерные фреймы могут представлять различия между полами как иерархические или эгалитарные. Гегемонные гендерные верования в западных и в российском обществах описывают различия как иерархические, в категориях двойного стандарта, а альтернативные — как эгалитарные. Гендерные верования проявляются на индивидуальном уровне (гендерные стереотипы конкретного индивида и соответствующая гендерная идентичность), на интеракционном уровне (рутинизированные практики, формальные и неформальные правила взаимодействий) и на уровне структур (представленном во взаимодействии в виде контекста, задаваемого социально-экономическими структурами и гендерными идеологиями). При этом между разными уровнями возможны противоречия и рассогласования, не все верования и не во всех контекстах являются гегемонными. Дальше эти положения будут прояснены.

Развитие подхода предполагает **уточнение теории практик**. Теория практик позволяет подчеркнуть процессуальность производства гендера в ситуациях взаимодействий, позиционирование гендера (или гендерных различий) относительно друг друга, нереплексивное практическое осуществление и перформативность в различных институциональных контекстах, т. е. в ситуациях, когда индивиды подчинены структуре взаимодействия в рамках определенного института — семьи, школы, организации, что наделяет их разными ролями, статусами, властными ресурсами и т. п., что, в свою очередь, может оказывать влияние на гендерное измерение взаимодействия. Так, в одном институциональном контексте (например, рабочее место) гендерная организация взаимодействия может сильно отличаться от гендерного фрейма в другом контексте (например, магазин). Практики производства гендера телесно воплощены и осуществляются в соответствии с правилами, предполагающими распределение власти и ресурсов между институциональными позициями.

Исследователи стараются создать общую картину, интегрирующую анализ гендерных различий на разных уровнях, каждый из которых ранее анализировался автономно или считался базовым. Как мы показывали раньше, в ролевом подходе гендер рассматривался в первую очередь на индивидуальном уровне, в интеракционистском — как производимый в ситуации взаимодействия. Анализ на структурном уровне позволял сделать акценты на сегрегации рынка занятости, неравенстве в доступе к ресурсам и благам. Объединительная парадигма — структурно-конструктивистский подход, представленный в работах Коннелл, ориентируется на анализ взаимного порождения практик и структур, с фокусом на рефлексивность агента и способность к преобразованиям. В рассматриваемом в этой лекции варианте — условно его можно назвать институционально фреймовым — развивается представление о гендере с учетом всей сложности взаимосвязей разных уровней и компонентов, акцент делается на то, как формируются практики (включая телесные) в институциональных контекстах через гендерное форматирование. Перед исследователями стоит задача найти способ «собрать» вместе разные уровни анализа как «головоломку», которая может помочь выйти на новый уровень концептуализации.

Как считает Патрисия Мартин, гендерная теория находится в авангарде исследований, которые изучают в неразрывной связи и сцепленности социальные институты, взаимодействия и практики реальных, телесно воплощенных людей, которые, говоря и действуя, конституируют социальные институты (Martin 2004: 1251). Сам гендер также может быть истолкован как устойчивый набор воспроизводящихся практик, т. е. тоже как социальный институт. Большинство исследователей рассматривают устойчивые воспроизводящиеся правила, процедуры, рутину, а также ресурсы как основные характеристики социального института.

Необходимо сказать о некоторых ограничениях данного изложения.

Во-первых, рассматривая два разных варианта структурно-конструктивистского подхода, мы совершаем некую искусственную операцию по проведению границ между ними. Данные аналитические разделения (гендер как практики или гендер как структура,

или институт, или фрейм) отчасти являются условными, все подходы так или иначе признают укорененность гендера в повседневных действиях и категоризациях через относительно устойчивые институты. В некоторых своих положениях они различимы только в нюансах, в других — делают разные акценты и используют разную методологию и терминологию. Заметим также, что, хотя мы, вслед за Коннелл, предпочитаем использовать концепт «гендерного порядка», авторы, на которых мы опираемся в данной лекции, часто говорят о «гендерной системе». Иногда эти термины в современном контексте являются синонимами.

Во-вторых, сама терминология, которая используется в данной лекции, не является «отстоявшейся» в гендерных исследованиях. Идут постоянные дебаты, в частности о том, как интерпретировать и операционализировать гендер как социальный институт/социальную структуру. Понятие «институт», как и «структура», имеет чрезвычайно широкое и не вполне определенное применение. Так, Барбара Рисман считает термин «институт» слишком неопределенным, отсылающим к семье как институту, или к корпорации как институту, и поэтому определяет гендер как социальную структуру. Такой взгляд, с ее точки зрения, дает возможность, с одной стороны, приблизить анализ структуры гендера к основополагающим структурам общества, таким как экономика и политика, а с другой — показать, что структура воздействует на индивидуальный выбор и интеракции, но индивид имеет возможность создавать или модифицировать структуры (Risman 2004: 431, 433). Другие исследователи, напротив, предпочитают использовать термин «социальный институт» (напр.: Martin 2004), и их аргументы мы рассмотрим далее.

В-третьих, особенные сложности существуют с передачей сути подхода на русском языке. Большую трудность в переводе на русский язык представляет основной тезис С. Риджвей о том, что правила институтов воспринимаются и формируются под воздействием гендерных представлений («*framed by gender*») (Ridgeway 2011). Мы говорим о гендерном форматировании, обрамлении, оформлении, фреймировании, в данном случае принципиальным является постоянство процесса. Нам необходимо показывать процессуальность, поэтому возникают такие слова, например, как «делание», «говоре-

ние», «гендерное оформление». Достаточно сложно передать на русском языке суть понятия «гендер как социальный институт». Более точным в большинстве случаев является понятие «гендерные различия», в других — «гендерный порядок», англоязычные авторы сами говорят о сходстве данных терминов. Это не взаимоисключающие понятия, однако их употребление связано с разными фокусами исследования: термин «гендерный порядок» в большей степени относится к институционализации различий на уровне структур, а «гендерные различия» — к процессу их осуществления. Мы здесь стараемся расшифровать, какой акцент важен в конкретном случае. Мы иногда используем понятие «институции» как синоним институциональных контекстов для того, чтобы отличать их от интерпретации гендера как социального института. Часто встречающийся далее пример организаций или организационных структур — это один из примеров институций.

Основные понятия: • гендерные убеждения и практики • гендерные фреймы • институциональный контекст • фреймирование • гендер как социальный институт.

1. Сесилия Риджвей: гендер как первичный культурный фрейм коммуникации

Основная идея монографии Сесилии Риджвей «Гендерное форматирование: каким образом гендерное неравенство сохраняется в современном мире» (*Framed by gender: How gender inequality persists in the modern world*; Ridgeway 2011) заключается в том, что социальные институции (такие, например, как семья, корпорация, профессия и пр.) обрамляются (фреймируются) гендером, и этот процесс означает постоянное следование **гендерным верованиям** (в другой терминологии — представлениям, убеждениям, здесь это синонимы), заключенным в **культурные фреймы**. Организационные

структуры (как и другие контексты) поддерживают культурные верования или могут способствовать их постепенным изменениям (Ridgeway 2009: 153–154). Сами верования формируются через постоянную автоматическую категоризацию (вспомним интеракционистский подход Уэст и Зиммермана), в основе которой лежат, во-первых, границы между категориями (мужчина — это не-женщина,

а женщина — это не-мужчина), и во-вторых, отнесение конкретных людей к абстрактным категориям (стереотипизация). Глубоко укорененные культурные верования в прирожденные различия между мужчинами и женщинами проявляются в том, что реальные мужчины и женщины помещаются в простые абстрактные категории (Ridgeway, Correll 2004: 513). Гендерная категоризация (вспомним Гарфинкеля) делает членов общества подотчетными и обеспечивает беспроблемную коммуникацию и координацию действий. Гегемонные (см. далее) культурные фреймы не только распределяют людей по гендерным категориям, но и присваивают им неравные статусы, связанные с различными ожиданиями.

От женщин не ожидают (хотя и допускают) выдающихся успехов в математике, физике, искусстве и пр. Те женщины, например, которые, вопреки массовым ожиданиям, собираются стать Нобелевскими лауреатами (мы уверены, что таких будет становиться все больше и больше), должны не только добиться выдающихся научных результатов, но и постоянно преодолевать сопротивление верований и культурных фреймов, которые обрамляют институциональные контексты семьи, профессионального сообщества, дружеских сетей. Им неизбежно придется столкнуться с проблемами коммуникации, выстроенной на основе верований и стереотипов, которые начисто отрицают для женщины возможность получить Нобелевскую премию или ее эквиваленты по естественным или точным наукам. Они также столкнутся с необходимостью сформулировать особую модель своего я, которая поможет справиться с давлением гегемонных гендерных фреймов. Допущенные исключения (например, Мария Склодовская-Кюри) — это уже зазор для динамических изменений

Гендерный фрейм — первичный механизм означивания, с помощью которого общественные структуры получают гендерное форматирование.

и формирования альтернативных верований, а в дальнейшем и культурных фреймов, и новых категоризаций.

1.1. Гендер как первичный фрейм и основа коммуникации

Гендер является **первичным культурным фреймом**, задействованным при формировании разнообразных ролей и идентичностей. Риджвэй и Коррелл анализируют взаимосвязи микро- и макроуровней гендера, обращаясь к понятию фрейма, разработанному И. Гофманом. Под фреймом понимается принцип организации, который определяет значения социальных событий и управляет ими (Ridgeway, 2001, 2009, 2011; Ridgeway, Correll 2004). Фрейм обеспечивает координацию действий через рутинную категоризацию (признание и поддержание) гендерных различий и их институциональное воплощение. Согласно Гофману (1967), для координации необходимы общие разделяемые знания, которые используются как основа совместных действий. Общее знание формируется культурой. Риджвэй полагает, что коммуникация опирается на культурные значения определенного типа, которые позволяют действующему лицу категоризировать и определять себя и других в конкретной ситуации для того, чтобы действовать и координировать действия (Ridgeway 2007). Некоторые культурные категории должны быть настолько просты, чтобы они могли быть мгновенно применены как инструменты фреймирования (форматирования) к любому индивиду, определяя его позицию в социальном пространстве. Как показывают когнитивные теории, существует несколько первичных категорий восприятия личности в обществе, к которым относится и пол/гендер. Системы категоризаций построены на контрастах и различиях. Бинарные различия мужского/женского являются первичным фреймом для категоризации; таким же первичным фреймом может быть возраст и раса. Данные категории мы

Гендер рассматривается как *первичный культурный фрейм*, который координирует поведение и организует социальные отношения, задействуется при создании и выражении любых идентичностей.

автоматически и мгновенно накладываем на любого человека, что помогает осуществлять беспроблемную коммуникацию.

Проясним, как гендерные фреймы связаны с координацией действий. Восприятие человека по признаку пола связано с культурными верованиями относительно каждой из дихотомических половых категорий. Эти культурные верования основаны на стереотипах по отношению к мужчинам и женщинам. Гендерные стереотипы — это верования относительно того, что представляют собой типичные мужчина и женщина. Мы все знаем эти стереотипы, даже если лично их не разделяем. При взаимодействии мы исходим из таких стереотипов, ожидая, что люди придерживаются тех же верований, и оценивая их в соответствии с ними (Ridgeway 2009: 147–149). Культурные верования действуют как правила для координации поведения на основе гендера (Ridgeway, Correll 2004).

Таким образом, первичный культурный фрейм связан с **верованиями** на основе стереотипов, которые управляют нашими ожиданиями от людей, категоризируемых как мужчины и женщины. Так, для нас врач или педагог — это не просто профессионал, это всегда женщина или мужчина. Институциональные взаимодействия в поликлинике или школе — это всегда взаимодействия с мужчинами или женщинами. Эти взаимодействия необязательно сильно различаются, но они обязательно предполагают отнесение человека к гендерной категории, а также автоматическое приписывание ей гендерных стереотипов. Шахтера мы воспринимаем как мужчину, исходя из интерпретации профессии как исключительно мужской, от этой роли ожидается проявление мужских качеств, например физической силы. Няня автоматически воспринимается как женщина, от которой ожидается проявление женских качеств, например заботливости. И такие верования, основанные на стереотипах, выступают основой категоризации людей по признаку пола. Гендерные фреймы позволяют понимать себя и других непротиворечивым образом, они выступают первичными для идентификации и поддержания ситуации и правил. Гендер как первичный фрейм приносится в организационные роли и идентичности даже в том случае, если формально эти роли гендерно нейтральны и не требуют дифференциации, а различия между разными женщинами и разными мужчинами больше, чем между мужчинами в целом и женщинами

в целом. В частности, гендерные представления действуют, даже если для институционального контекста важны исключительно профессиональные качества человека. В гендерно нейтральную роль врача привносится ожидание большей заботы по отношению к пациенту, если этот врач — женщина, и ожидание более высокого уровня профессионализма, если этот врач — мужчина. При обслуживании беременных ожидается, что гинеколог-женщина может проявить свой личный опыт и пр. (см. лекцию 11).

Рутинная деятельность определения себя по отношению к другому через различие происходит автоматически, однако этнометодологи продемонстрировали, что категоризация в повседневности социально конструируема (Гарфинкель 1967; Уэст, Зиммерман 2000 [1987]; Kessler, McKenna 1978; Ridgeway, Correll 2004: 514–515).

Иными словами, гендер осмысливается как базовая идентичность, которая задействуется при выполнении любых ролей. Поэтому гендер рассматривается как первичный культурный (телесно распознаваемый) фрейм, который через рутинную категоризацию на основе культурных верований позволяет поддерживать беспроблемную коммуникацию. Эта категоризация «позиционна», она осуществляется через границы и отношение к другому: мужчины есть не то, что женщины, и наоборот. При распознавании женщинам и мужчинам приписываются универсальные стереотипические черты, которые упрощают коммуникацию и координацию действий (например, от женщин ожидается большая заботливость, и если во взаимодействиях нужно ее проявить, то это будет ожидать от женщины, а если нужно физическое усилие, то рутинным образом обратятся к мужчине).

Координация действий задается индивидуальными и институциональными фреймами. Способ, которым гендерные фреймы влияют на гендерную структуру общества, — это **встраивание гендерных значений в институциональные практики, процедуры и роли**.

1.2. Гегемонные гендерные верования и неравенство

Гендерные различия встраиваются в иерархию не сами по себе, а благодаря действию **социальных механизмов, через которые институционализируются и усваиваются гегемонные**

культурные верования. Усвоенные гендерные верования определяют то, как люди оценивают себя и других (например, способность к заботе или физическую силу), и тем самым задают сценарий своих действий, поддерживающих базовые культурные фреймы.

Поясним, что понимается под **гегемонными гендерными верованиями**. Использование гендера как первичного культурного фрейма для определения людей связано с различиями. Различия, которые поддерживаются рутинной категоризацией, не обязательно означают неравенство, они становятся иерархичными благодаря действию социальных механизмов. Различия превращаются в неравенство, когда они начинают обозначать характеристики более высоких и низких статусных групп. В случае гендерных различий группа с более высоким статусом — это мужчины. Координация действий в таком случае предполагает и производит не только различия, но и неравенство. Гендерная система (в терминологии данных авторов, см. Ridgeway, Correll 2004: 511) конструирует различия и организует неравенство на основе различий. В соответствии с верованиями, основанными на стереотипах, мужчины имеют привилегии и получают выгоды (некоторые женщины получают их также). Это гегемонные верования.

В соответствии с гегемонными культурными верованиями, укорененными в стереотипах, мужчины в ряде ситуаций (например, в политике, бизнесе, в сфере высоких технологий, в армии, в спорте и пр.) наделяются более высоким статусом, чем женщины. Риджвей говорит о гегемонных верованиях по двум причинам. Во-первых, они институционализированы в средствах массовой информации, законах, политике и организационных практиках. Во-вторых, содержание гендерных верований, которое претендует на универсальность, на самом деле представляет опыт и интерпретации гендера доминирующих групп в обществе, в первую очередь белого среднего класса. Одновременно существуют и гендерные верования, которые Риджвей называет альтернативными, — феминистские, характерные для этнических меньшинств и мигрантов и пр. (Ridgeway 2009).

Различные исследования демонстрируют наличие устойчивых стереотипов, через которые воспринимаются и описываются мужчины и женщины в современном обществе. В целом мужчины считаются более инструментально ориентированными и более

активно действующими, женщинам приписываются ориентации на заботу, отношения, от них ожидается эмоциональная вовлеченность в коммуникации, склонность к компромиссам. Гендерные верования представляют такие стереотипы как универсальные, сводя описания как женщин, так и мужчин к ограниченному набору характеристик (Ridgeway, Correll 2004: 513; Ridgeway 2011).

Гегемонные верования воплощены в нормах институций и социальных контекстах — политическом, профессиональном, образовательном, спортивном, медицинском и пр. Гендерные представления носят характер убеждений; их могут продвигать акторы, имеющие власть и ресурсы (например, политики, общественные и религиозные деятели, писатели, блогеры и пр.). Люди развивают представления о себе в соответствии с верованиями и ожиданиями и ориентируются на соответствующую компетентность во взаимодействиях и других контекстах. В определенных ситуациях и институциях от мужчин будет ожидать более высокая компетентность только в силу принадлежности к гендерной категории. Так, например, происходит в вооруженных силах или в ИТ-корпорациях, где правила гендерно специфицированы (в первом случае) или формально гендерно нейтральны (во втором). Независимо от формальных правил, от женщин и мужчин часто ожидают разные навыки и уровни компетенции, а мужчины и женщины ведут себя (или не ведут) в соответствии с такими ожиданиями.

Именно так работает власть гендера / гендерного порядка. Усваивая первичные гендерные фреймы, индивиды ниже (или выше) оценивают свои способности и возможности по отношению к определенным видам деятельности, приписанным другой гендерной категории. Женщины, например, считают себя менее способными к математике или физике, а мужчины считают, что они — как мужчины — менее способны к уходу за грудными детьми или эмоциональной работе.

Люди добровольно применяют по отношению к себе и другим гендерные фреймы, которые включают неравенство и иерархию, поскольку эти фреймы укоренены в культурных верованиях и поддерживаются организационными структурами. Как показывает Рисман, социальная структура не воспринимается как подавляющая, если мужчины и женщины считают себя разными, не сравнивают

свои жизненные шансы и не рассматривают себя как равных. «В мире, где анатомия пола используется для выстраивания разделения людей на типы, сама дифференциация ограничивает требования и ожидания гендерного равенства». Если не существует двойного стандарта — не существует оснований для гендерного неравенства и угнетения (Risman 2004: 432). Женщины часто принимают власть патронажа, имеют от нее выгоды. Женщины принимают вторичный статус в обмен на социальное одобрение, экономические выгоды для себя и своих детей, «патриархатные дивиденды» — см. лекцию 1 (Risman 2004: 437–438; см. также: Bourdieu 2001; Здравомыслова, Тёмкина 2007d).

То, как гендерные культурные верования влияют на поведение и социальные отношения в институциональном контексте (непосредственно через гендерные фреймы индивидов или опосредованно, через бюрократические процедуры, в которые эти верования встроены), будет подробнее рассмотрено в лекции 9. Здесь мы представим два иллюстративных примера.

Феномен «стеклянного потолка». Массовое убеждение в том, что именно мужчины должны занимать ключевые позиции на верхних этапах управленческой иерархии, препятствует женщинам занимать руководящие позиции. Если же женщины их занимают, то те же верования порождают сопротивление и недовольство их действиями как руководителей.

Другой пример — **барьеры профессионального продвижения женщин с детьми.** Хотя эти барьеры в первую очередь порождены условиями организации работы и заботы о детях (например, наличие/отсутствие детских садов и возможности гибкого графика работы), однако и в этом случае действуют гендерные верования, которые выделяют женщин с детьми в особую категорию. Если женщины в целом рассматриваются как более ориентированные на отношения и заботу, чем на продвижение и заработок, то матерям такие установки приписываются еще в большей степени. Поскольку профессиональная компетенция связывается именно с ориентацией на решение инструментальных задач, матери считаются заведомо менее компетентными, чем женщины, которые не имеют детей, и тем более мужчины. Образ женщины с детьми противоречит образу идеального работника капиталистического

общества, в котором не проводится политика поддержки работников с семейными обязанностями. Исследователи отмечают: «стоит добавить в резюме фразу — “имеет двухлетнего ребенка”, как компетенцию оценивают ниже» (Ridgeway, Correll 2004: 526).

1.3. Альтернативные гендерные верования

Гендерные верования и практики не являются целостными и непротиворечивыми; существуют контексты, в которых проявляются альтернативные верования и возможности сопротивления. Относительная независимость и несовпадение разных уровней производства гендера содержит потенциал социальных изменений. Жесткость гендерных категорий на уровне структур, интеракций и идентичности, хотя и неравномерно, но уменьшается. Так, утверждая, что хирургия или патологическая анатомия — это мужская профессия, и искренне в это веря, современная российская женщина может быть превосходным хирургом или патологоанатомом. Верования, которые являются основой гендерной категоризации, в этом случае остаются устойчивыми. От женщин не ожидаются выдающиеся успехи в этих областях медицины. Конкретные действия таких женщин могут не укладываться в гегемонные культурные верования и являются альтернативными. В ряде случаев таким женщинам, как и, например, успешным женщинам-политикам, оказывается легче признать себя исключением, чем проблематизировать первичный гендерный фрейм, согласно которым хирургия, патанатомия или политика считаются мужской, т. е. не женской работой. При этом координация действий в семье успешной женщины может происходить на основе гегемонных верований, когда она осуществляет основную заботу, что позволяет относительно беспроблемно поддерживать гендерные верования и культурные фреймы в целом. Гендерные верования и практики могут противоречить друг другу, не проблематизируясь при этом на уровне личности или институционального контекста.

Спротивляться гегемонным гендерным верованиям достаточно сложно. Социальная цена отказа от дихотомичной категоризации в пользу индивидуализированного выбора может быть слишком

высока. Однако некоторые люди лично придерживаются альтернативных гендерных верований, существуют институциональные контексты с альтернативными гендерными представлениями, и таких контекстов становится все больше (Ridgeway, Correll 2004: 514–520). В некоторых социальных средах не воспроизводятся культурные верования, которые жестко противопоставляют мужчин и женщин, их компетенции и возможности. Бюрократические правила в организациях могут быть гендерно нейтральными или даже направленными на продвижение женщин в мужской профессии. Люди далеко не всегда ведут себя в соответствии с гегемонными верованиями в то, что такое типичный мужчина и типичная женщина. На гендерные практики сильное влияние оказывают гендерные рамки организации (правила и возможности).

Участие отца в родах: гендерные установки и российский контекст

Для иллюстрации мы используем и переинтерпретируем наше исследование об участии отца в родах (Ангелова, Тёмкина 2009). В современной России допускается присутствие отца ребенка на родах, что является альтернативой по отношению к гегемонным культурными верованиям, идентифицирующим роды как женское (не мужское) дело. Однако практическая реализация таких альтернативных верований зависит от организационных возможностей и правил конкретного роддома – мужчина (или другой родственник) допускается к родам, только если имеется отдельный родзал, который чаще всего предоставляется платно. Гегемонные гендерные верования институционально формируют устройство роддома, в котором не предполагается и не ожидается присутствие и участие отца в родах. Альтернативные верования, связанные с представлениями о новом родительстве и отцовстве у образованного среднего класса, частично меняют гендерное форматирование роддома, и отцов начинают туда допускать, хотя и ограниченно и на определенных условиях. Условия – оплата отдельного родзала – таковы, что они доступны только обеспеченным слоям высшего и среднего класса. Практики, основанные на альтернативных верованиях, требуют использования ресурсов, которые доступны не всем социальным слоям. Однако уже не происходит автоматическая кате-

горизация мужчины как недопустимого участника родов и приписывание ему тех качеств, которые делают такое участие и присутствие в роддоме невозможным. Кроме того, особенности контекста (нехватка персонала и ресурсов в роддомах) подталкивают мужчин к исполнению ролей помощника и медиатора между женщиной и медицинским персоналом. Будущих отцов приглашают на специальные лекции, отцам объясняют, чем они могут помочь в процессе родов, и готовят к этому. Мужчины становятся все более частыми посетителями роддомов – проживают вместе с роженицей и ребенком в отдельной семейной палате, навещают рожениц после родов, некоторые из них приходят на консультации вместе с женщинами. Эти практики непреднамеренно меняют культурные стереотипы и индивидуальные верования о родах как немужском деле и о роддоме как немужском (за исключением медперсонала) пространстве.

В относительной независимости и несовпадении разных уровней (институционального, индивидуального и интеракционного) производства гендера содержится потенциал социальных изменений. Кроме того, именно такие зазоры создают возможности сознательного сопротивления гегемонным фреймам, как это происходит, например, в левых, женских и ЛГБТ-движениях. Исследования организаций показывают, что в современном обществе возможно существование гендерных различий (как и расовых, этнических) без неравенства. Джоан Акер утверждает, что некоторые профессиональные организации, например НКО, руководствующиеся демократическими целями, считают гендерное неравенство нелегитимным и стараются его минимизировать. Многие организации провозглашают свою приверженность антидискриминационным практикам в найме на работу, продвижении и оплате в соответствии с принципами гендерного равенства. В таких учреждениях целенаправленно проводится политика разнообразия (*diversity*), т. е. соблюдаются принципы равной представленности мужчин и женщин (Acker 2006a: 452–454). Т. е. форматирование организации становится гендерно недифференцированным, правила и процедуры не основываются на категоризации людей по признаку пола, хотя индивидуальные гендерные верования могут оставаться гегемонными.

Культурные представления работают как верования и убеждения. Они воздействуют не только на работодателя, но и на работников независимо от их способностей. Выбирая профессиональную карьеру или работу, люди постоянно, хотя и необязательно осознанно, сравнивают себя с представителями своего и противоположного пола, и это влияет на их поведение на рабочем месте, запросы и требования. Идя на поводу у стереотипов, женщины, по сравнению с мужчинами, редко выбирают высоко оплачиваемую карьеру, которая требует подготовки в математике и технических науках, поскольку считается, что в этих дисциплинах они значительно уступают мужчинам (Ridgeway, Correll 2004: 523–527).

Однако гендер (гендерные различия, гендерный порядок) — не является статичным. На него воздействуют общественные движения (феминистские и контрфеминистские), интеллектуалы, средства массовой информации, государственная политика, религия и образование и пр. Как показывают эмпирические исследования, современные молодые люди могут гораздо свободнее развивать свой потенциал за пределами традиционных ролей, беспрепятственно сочетая эгалитарные (альтернативные) верования в одних контекстах и традиционные (гегемонные) в других (о различных постсоветских контекстах см., напр.: Тёмкина 2008). Современные мужчины и женщины перестают действовать в рамках традиционных сценариев (Risman 2009). Под воздействием консервативного дискурса могут, напротив, усиливаться и воссоздаваться традиционалистские образцы поведения.

Как показывают Риджвэй и Коррелл, в современных обществах гендерные изменения связаны с последствиями массового вовлечения женщин в сферу оплачиваемого труда. В связи с этим изменились ожидания в отношении гендерного статуса женщин и, как следствие, изменились предписания нормативной мужественности. Инструментальная компетенция перестала приписываться исключительно или преимущественно мужчинам. Жесткость разделения гендерных категорий на уровне структур, интеракций и идентичности, хотя и неравномерно, уменьшается. При этом в целом гендерные границы сохраняются, поскольку воспроизводится реляционная категоризация гендерных категорий по принципу — женщина является тем, чем не является мужчина, и наоборот. Сохраняются укорененные в

культуре убеждения в существовании базовых различий мужского и женского, при одновременном признании относительного выравнивания уровней компетентности индивидов, принадлежащих к разным гендерным категориям (Ridgeway, Correll 2004: 528).

1.4. Семья: гендерное форматирование

Семья рассматривается как арена для поддержания или изменения культурных верований относительно мужчин и женщин и их неравенства (Ridgeway 2011: 127–137). Хотя современные женщины тратят меньше времени на домашнюю работу, чем женщины предыдущих поколений, а мужчины, соответственно, больше, затраты времени на организацию домохозяйства и заботу у женщин остаются в два раза выше, чем у мужчин (Ridgeway 2011: 128). В тот период, когда формировались представления об образе идеального работника, интенсивно вовлеченного в работу, формировались и представления об образе интенсивного материнства (Haas 1996; Williams 2000). В соответствии со стереотипами, женщины непосредственно связываются культурными фреймами с заботой и моральной ответственностью за нее.

Исходя из того, что гендер является первичным фреймом и способом координации совместных действий, он не просто присутствует в семье или форматирует ее. Гендер (гендерные различия) — это то, что организует семью (в данном случае речь идет о гетеросексуальных семьях). Гендер, во-первых, всегда релевантен семье (в отличие от рабочего места, которое может быть гендерно нейтральным). Во-вторых, и выбор партнера, и долгосрочное взаимодействие всегда гендерно окрашены, хотя на них влияют различные аспекты личной идентичности. На взаимодействия постоянно оказывают влияние стереотипы и гегемонные верования, их влияние особенно заметно, когда в семье появляются дети. Мужчины считаются лучшими добытчиками и гарантами финансовой стабильности семьи, чем женщины. Мужчины могут заботиться о детях, однако в этой позиции они часто чувствуют себя уязвимыми, поскольку забота культурно эссенциализирована как женская. Именно женщина отвечает за заботу о детях, осуществляя интен-

сивное материнство, включающее большие затраты времени, труда, денег и эмоциональных сил, обретение специальных знаний о развитии детей, получаемых у экспертов, именно мать несет постоянную ответственность за благополучие ребенка в целом. Женщине приписываются те компетенции в данной области, которыми, как правило, не обладают мужчины (Haas 1996).

В XX в. произошло много изменений. Люди могут разделять альтернативные верования и действовать в соответствии с ними в семье, однако это не означает, что полностью исчезает давление гегемонных верований и простых категоризаций. В семье должны выполняться многообразные виды деятельности: приготовление пищи, поддержание порядка, уход за детьми, пожилыми членами семьи и домашними животными, покупки, стирка, оплата счетов, ремонт, наладка техники и пр. Гендерные верования обеспечивают возможности автоматически распределять эти виды деятельности. Многие эгалитарные пары продолжают следовать тому разделению труда, которое предполагается в гегемонных схемах. Этому способствует то, что навыки и опыт мужчины и женщины, как правило, гендерно окрашены вследствие социализации, и рутинно легче им следовать, чем их нарушать, например, в организации заботы о детях. Кроме того, выполняя задачи в соответствии с гегемонными фреймами, мужчины и женщины поддерживают статус компетентных членов общества, как мы показывали в лекции 5. Приготовление пищи, например, может рассматриваться как проявление заботы о семье, подтверждающее женственность в собственных глазах и глазах окружающих.

Рутинная работа по дому становится символическим исполнением культурных идей, которые связаны не только с гендерными различиями, но и с неравенством статусов и власти. Гегемонные культурные верования стимулируют женщин к тому, чтобы нести основные издержки по заботе, посвящая себя семье, а мужчин — к тому, чтобы максимизировать оплачиваемую занятость. Последняя наделяет их властью, ресурсами и уважением за пределами дома. Несмотря на то, что дети очень важны для общества, женщины не получают сопоставимой власти, ресурсов и уважения за пределами дома, а на рабочем месте они «штрафуются» за материнство (см. подробнее лекцию 9) (Ridgeway 2011: 127–137).

ИТАК, подытожим основные положения концепции гендера как первичного фрейма:

- Гендер является первичным культурным фреймом, задействованным при формировании разнообразных ролей и идентичностей. Фрейм обеспечивает координацию действий через рутинную категоризацию (признание и поддержание) различий (женщина – это не мужчина), их институциональное воплощение.
- Фрейм связан с культурными верованиями, которые управляют ожиданиями и поведением. Верования формируются на основе стереотипов. Гендерная структура общества воспроизводится через первичные гендерные фреймы, организующие социальные отношения.
- Существуют гегемонные и альтернативные культурные представления. В соответствии с гегемонными культурными верованиями, гендерная категоризация означает неравенство, когда различия обозначают характеристики более высоких и низких статусных групп.
- Гендерные различия на основе гегемонных культурных верований формируют институциональные контексты. Социальные институции могут воплощать гегемонные верования, воспроизводя различия (пример роддома или профессии), а могут быть гендерно нейтральными. Институциональные контексты не обязательно целостны с точки зрения гендерного оформления.

2. Гендерные практики

Для рассмотрения подходов, которые уточняют применение теорий практик, необходимо еще раз кратко обратиться к представлениям Р. Коннелл, которая ввела их в гендерные исследования в начале 1980-х гг. (см. лекцию 6). Теория практик «дает понимание переплетения жизни отдельного человека и социальной структуры» (Коннелл 2000: 275; Connell 1987: 61). Конструирование маскулинности и фемининности — это процессы конфигурации практик,

осуществляемые во времени и находящиеся под воздействием различных гендерных структур (власти, разделения труда и катексиса, репрезентаций). Осуществление практики коренится в прошлом и задает будущее.

В подходе, который рассматривается в данной лекции, подчеркивается интерактивная динамика, при которой осуществление практик происходит в реальном времени и пространстве, в совокупности эпизодов взаимодействия, в действиях и словах (говорении). Практики могут осознаваться в разной степени, они могут быть неосознанными или, напротив, сознательно направленными на определенную цель. Рутинные нерелексивные практики могут воспроизводить дискриминацию без всякого намерения (Martin 2003, 2004). Исследователей интересует, как осуществляется процесс гендерного различия. Они рассматривают институционализированную гендерную систему социальных практик, которая помещает людей в две разные категории — мужчин и женщин — и поддерживает социальные отношения неравенства (Ridgeway, Correll 2004: 510).

2.1. Процессы производства гендерных практик

Барбара Поджио, как и некоторые другие авторы, считает необходимым сделать акцент на действиях (в их постоянстве и последовательности), которые осуществляют акторы, производя гендер. В фокусе оказываются **процессы** практического осуществления и проговаривания гендерных различий в коммуникации (*doing and saying*). Опираясь на уже известные нам принципы этно-методологического подхода (лекция 5), исследователи, как мы покажем далее, обращают внимание на характеристики социального института, в рамках которого постоянные действия осуществляются и разговоры ведутся по определенным правилам.

Б. Поджио выделяет **четыре концептуальные модели** процесса создания гендерных различий, которые дополняют друг друга и должны быть интегрированы при анализе гендерных различий на разных уровнях социальной реальности (Poggio 2006: 226–229).

- **Создание гендера** на уровне ситуативного взаимодействия (*doing gender*).

- **Позиционирование гендерных различий** в пространстве культурных представлений с помощью категорий, создающих границы мужественности и женственности (*positioning gender*).
- **Практическое осуществление гендера** — динамический аспект конструирования гендера (*practicing gender*).
- **Перформативность гендера** — производство через курсы и повторяющиеся речевые акты (*performing gender*).

2.1.1. Создание гендерных различий во взаимодействии

Данный подход подробно рассматривался в лекции 5. Здесь подчеркнем лишь то, что гендер определен как постоянное рутинное методическое исполнение (Уэст, Зиммерман 2000 [1987]); в фокусе анализа находится деятельность, управляемая нормативными предписаниями, соответствующими категории пола. Различается пол, категоризация по признаку пола и гендер. Важным для дальнейших рассуждений является аналитическое выделение в данном подходе категоризации по полу, которая означает постоянное присвоение и исполнение характеристик мужского и женского в социальном взаимодействии. Категоризация, необходимая для коммуникации, — это производство различий, в случае гендера — это производство неравных, иерархичных различий через взаимодействие (в патриархальном контексте).

2.1.2. Позиционирование гендерных различий

Гендерная позиция рассматривается как относительная (*relative*), определяемая социально-культурным контекстом (Alkoff 1988). Люди позиционируют себя по отношению к позициям других в диалогической конструкции взаимодействий. Гендерная идентичность конструируется через сравнение, в котором мужчины и женщины позиционируют друг друга как альтернативные категории, т. е. принадлежность к одной категории предполагает непринадлежность к другой. Таким образом индивиды конструируют гендерные идентичности через создание границ. Этот процесс, однако, не только когнитивный, он предполагает и практические телесно воплощенные действия. Категоризация происходит в определенных контекстах, которые являются гендерно отформатированными.

Риджвей и Коррелл рассматривают контекст как арену, находясь на которой, люди определяют себя по отношению к другим, для того чтобы осуществлять действия (Ridgeway, Correll 2004: 511–512). Контекст социальных отношений охватывает ситуации взаимодействия и гендерные представления, т. е. описания мужчин и женщин, мужественности и женственности, заданные культурой. При таком подходе важны не только убеждения и представления (о которых всегда шла речь при исследовании гендера), но и сегмент социального пространства (например, предприятие, офис, школа, семья, больница), в рамках которого реализуются гендерные различия. Гендерные верования и пространство позиционирования гендерных границ связываются через механизмы категоризации по полу. По мнению Риджвэй и Коррелл, приписывание к половой категории — это процесс, который осуществляется в любом взаимодействии. Такая первичная категоризация наиболее проста — она представляет собой выбор одной из двух четко определенных бинарных оппозиций. Определение индивида по признаку пола осуществляется в рутинной нерелексированной деятельности, настолько привычной и мало осознаваемой, что она воспринимается как естественная (Ridgeway, Correll 2004: 514). Если мы посмотрим вокруг себя, то первое, что мы увидим — это женщин и мужчин, даже если в поле нашего зрения находятся коллеги, медицинские работники или просто прохожие. Гендерное исполнение (дисплей) стилизуется в соответствии с культурными верованиями относительно проявления гендера. В любой ситуации гендерные верования задействуются (или могут быть задействованы) для оценки и интерпретации поведения и облика человека. Гендер — это не роль и не идентичность, данные от рождения, это постоянное социальное производство мужчин и женщин относительно друг друга в соответствии с культурными верованиями.

2.1.3. Практическое осуществление гендера

Усложняя анализ, исследователи различают практики создания гендерных различий (*gendering practices*) и практическое осуществление гендерных различий (*practicing gender*) в конкретных институтах (Martin 2003, 2004). Практики создания гендера отсылают к

интерпретации Р. Коннелл (см. выше), а под «осуществлением практик» подразумевается более динамический аспект конструирования гендера. Этот процесс изменчив во времени и зачастую не рефлексивен (Martin 2003: 342; Martin 2004: 1262). В данном случае акцент делается на телесные рутинные действия, которые могут осуществляться без дискурсивной рефлексии. Практическое осуществление гендера — это демонстрация мужественности и женственности. Особый женский стиль работы является иллюстрацией гендеризованной практики. Динамический аспект производства гендера (гендерных различий) выражается в акценте на процессах создания, маневрирования, мобилизации, исполнения, представления и пр. Такие действия сопоставимы с тем, как работает хабитуса (термин П. Бурдьё, см. лекцию 6).

Практическое осуществление гендера происходит, когда люди говорят или действуют, оно происходит как эмергентное, без определенной интенции «производить гендер», оно укоренено в прошлом опыте, через него осуществляется подотчетность аудитории и воспроизводятся отношения власти.

2.1.4. Перформативность гендера: дискурсивное производство

Этот подход связан в первую очередь с именем американского философа Джудит Батлер (Butler 1990; Батлер 2000). Опираясь на теорию речевых актов Джона Остина, она утверждает, что речевые действия создают то, что описывают. Человеческое действие не является «натуральным», не определяется природой. Иллюзия природной сути, — утверждает Батлер, — создается в процессе самого действия. Гендер производится, и в этом взгляды Батлер не противоречат взглядам социальных конструктивистов, которые вслед за Уэст и Зиммерманом делают акцент на создании гендера во взаимодействии. Однако для сторонников перформативного подхода важно то, что **производится не только гендер, но и пол**. Отрицается существование додискурсивного тела и идентичности

Перформативность гендера — постоянное производство бинарных оппозиций мужественности и женственности с помощью телесных практик и повторяющихся речевых актов.

человека. Гендер, производимый через дискурс, маркирует тело. Гендер как культурный знак непрерывно дает указания полу (телу), как себя вести, что чувствовать, какое сексуальное желание испытывать. Непротиворечивое с точки зрения культуры соединение пола/гендера/сексуального желания составляет нормативную гетеросексуальную матрицу. Через принудительную связь пола/гендера/желания культурными и дискурсивными средствами создается гендерная идентичность. Идентичность — как фикция или маскарад — производится через язык и действие, ее играют, исполняют, стилизуя тела в жестких дихотомичных фреймах, превращая дискретные гендеры в закон и средствами культуры исключая все, что не соответствует нормативной матрице.

Для дальнейшего анализа гендера является важным уточнение теории практик, которое связано с динамичностью (процессуальностью) практик. Гендерная категоризация, осуществляемая во взаимодействии, рассматривается как процессуальная. Практики описываются как постоянное производство позиций мужчин и женщин относительно друг друга, в этом случае также подчеркивается контекстуальность и отсутствие предзаданности.

2.2. Гендерные практики и телесность

Исследователи гендерных отношений обращают внимание на материальные аспекты практик и взаимодействий «реальных» людей, обладающих телами, которые говорят и действуют, производя гендер и конституируя социальные институты с помощью гендерных маркеров (см.: Martin 2004: 1250–1251; Acker 1990; Connell 1987; Lorber 1996, 1999).

Правила институциональных взаимодействий рассматриваются как воздействующие на телесные практики женщин и мужчин. Так, телесные практики беременности, родов, боли и удовольствия по-разному регулируются и переживаются женщинами разных социальных слоев в разных ситуациях и культурах (см. лекцию 11). Тело является гендерно маркированным, так же, как и маркированным возрастом, классом, этничностью, расой, сексуальной ориентацией и другими значимыми признаками социальных различий.

Дискурс о теле: гендер и профессия

Российская исследовательница Александрина Ваньке анализирует дискурс о мужском теле рабочих, офисных работников, военнослужащих. Для мужчин, занятых в профессиях физического труда, тело представлено в следующем горизонте значений: как ресурс физической силы и выносливости, источник заработка, уязвимый и истощаемый ресурс, которым рабочий не может распоряжаться произвольно. Этому ресурсу угрожают структурные риски, связанные с характером и содержанием труда, риски возрастных изменений. Рабочие видят в своем теле капитал, который присваивается нанимателем. Для офисных работников тело ассоциируется с ресурсом интеллектуального труда, рассматривается как продукт потребительских вложений, телесный опыт характеризуется гиподинамией, телесные риски и телесная эксплуатация не рефлексированы. Основа дискурса о мужском теле участников боевых действий включает навыки, полученные в условиях боевых действий, избегания рисков ранений и гибели, способность контролировать эмоции страха (Ваньке 2013).

Анализ гендерных различий непосредственно связан с интерпретацией телесных структур (Shilling 1993; Turner 2008 [1984]). Гендерные практики неизбежно отсылают к той сфере социальной реальности, которая является фундаментальной для категорий мужского и женского, мужественности и женственности. Этим базисом является репродуктивная сфера социальной жизни (Connell 2002: 48). Соответственно, гендерные отношения могут быть определены как «структура социальных отношений, в центре которых находится репродуктивная сфера, и набор практик (управляемых этой структурой), который превращает репродуктивные различия между телами в социальные процессы» (Connell 2002: 10).

Основные взгляды на телесные репродуктивные различия формировались на всем протяжении гендерных исследований. Они могут быть представлены как последовательное развитие трех моделей, которые представляют три поколения осмысления соотношения телесных и гендерных различий (Connell 2002: 30–40).

- **Социо-биологический подход, или теория половых различий**, — модель естественных различий мужского и

женского тела и производных от них мужских и женских ролей.

- **Модель «вешалки», или «модель двух сфер»,** — различие анатомического тела, соответствующего биологическому полу, с одной стороны, и социально-культурного гендера, с другой.
- **Модель гендера как дискурсивной или символической системы,** которая образует социальные и культурные смыслы телесных различий.

Рассмотрим эти подходы поочередно и отметим, что в феминистской теории в настоящее время превалирует третья модель, а в гендерной социологии — вторая и третья интерпретация соотношения телесных и гендерных различий.

Социо-биологический подход рассматривает тело как машину, производящую половые различия. Биологические характеристики индивида в целом рассматриваются как независимые от социальных обстоятельств, хотя и признается, что социальные процессы могут оказывать влияние на природное тело. Так, например, новые репродуктивные технологии могут воздействовать на тело, способствуя зачатию и деторождению. В сфере репродукции мужским и женским анатомическим телам приписываются разные роли, на них накладываются разные социальные ожидания (см. лекцию 4). Как показала С. де Бовуар в книге «Второй пол» (1997 [1949]), различные биологические функции в процессе воспроизводства — присущая женщинам способность к деторождению — формируют социальные и культурные отличия женщины от мужчины. Женщина отождествляется со своим репродуктивным телом, становясь Другой, объектом по отношению к разуму, субъекту, мужчине.

В феминистской мысли 1970-х гг. сформировалось представление о том, что общество формирует на основе телесных репродуктивных различий полов систему гендерного неравенства. В качестве альтернативы исследователи рассматривают эгалитарные гендерные образцы, например, в теории андрогинии Сандры Бем (см. лекцию 4).

Вторая модель интерпретации телесных различий — **«модель двух сфер»** — может быть представлена с помощью метафоры

«вешалки» (Nicholson 1994: 81). Анатомические телесные различия устойчивы — они выполняют функцию каркаса — вешалки. На основе этого каркаса формируются культурные модели мужественности и женственности и соответствующие им роли. Идея двух сфер оказалась востребованной, в частности, в исследованиях женского репродуктивного здоровья: практики беременности и деторождения рассматриваются антропологами и социологами как определяемые культурой и социальными структурами (см. лекцию 11).

На смену этим подходам, под влиянием М. Фуко и постструктуралистского феминизма, переосмысляя С. де Бовуар, приходит понимание телесных различий как **деривата дискурсивной символической системы**. Система современного знания распределяет людей по категориям, ключевую роль в этом играют профессии, такие как медицина, психология, криминология, и социальные институты, такие как тюрьмы, больницы и школы и пр. Утверждается, что символическая структура гендеризуется, когда символические знаки указывают на репродуктивные различия мужчин и женщин.

Природное тело, вслед за Бовуар, Дж. Батлер интерпретирует как исторический конструкт. Гендерное тело — тело мужчины и женщины — рассматривается как продукт дисциплинарных практик, которые собственно и производят различия. Сформированный культурой гендер задает и воспроизводит телесные практики пола, он «указывает», каким образом тело должно осознавать себя, как себя вести и что чувствовать, например, гетеро- и гомосексуальным людям (Butler 1990). Гендер — «это стиль, способ существования тела, наше собственное представление о теле как о культурном знаке» (Батлер 2005: 296). Такой подход не оспаривает биологических признаков тела, но имеет дело с теми значениями, которые тело приобретает во всех физических проявлениях в контексте исторического опыта (Батлер 2005: 292–293).

Тела являются не только объектами дисциплинирования. Они не только послушны, но и активно участвуют в трансформациях, обретении опыта, поиске удовольствий, преодолении страданий. Пластическая хирургия или атлетические практики сознательно используются людьми в преобразовании тел. Репродуктивная сфера телесных взаимодействий не является раз и навсегда заданной,

тела выступают ареной борьбы культурных и политических смыслов, индивидуального воздействия и структурных ограничений, они трансформируются в своем социальном воплощении. Однако, «человек не становится воплощением определенного гендера путем свободного, ничем не ограниченного выбора, так как гендерная идентичность управляется определенным набором строгих табу, условностей и законов» (Батлер 2005: 296).

Таким образом, в гендерных исследованиях третьего поколения телесные репродуктивные различия мужчин и женщин перестают осмысляться как естественные. Их форматирование культурой и социумом становится все более сложным процессом. Телесность рассматривается как неотъемлемая структура, которая проявляется и на индивидуальном уровне (каждая личность обладает телом), и на институциональном. Социальные институты и практики уже не рассматриваются как без- или надтелесные. В них действуют люди, обладающие телами, правила институциональных взаимодействий рассматриваются как воздействующие на телесные практики. Тело — это инкорпорированный гендер.

ИТАК, обобщим, каким образом теория практик развивается в институционально-фреймовом подходе:

- Анализ практик позволяет понять производство, позиционирование, осуществление и исполнение гендера как постоянные, заранее не предзаданные, контекстуально обусловленные, зачастую нерелексивные и телесные процессы.
- Анализ гендерных различий связан с интерпретацией телесных структур, в центре которых — репродуктивные различия. Гендерные тела могут трансформироваться, однако этот процесс не является свободным выбором, поскольку тела управляются системой жестких ограничений.
- Повторяющиеся устойчивые практики конституируют социальные институты, соответственно, набор гендерных (гендеризованных) практик может быть проинтерпретирован как социальный институт гендера.

3. Гендер как социальный институт

Анализ гендера (гендерных различий) как социального института включает изучение воспроизводства и динамики практик. Исследователи показывают, что гендерные различия не только формируются социальными структурами (институтами), но и сами действуют как социальные институты, как наборы устойчивых образцов действия и фреймов, через которые происходит институционализация практик. Такое измерение подчеркивает Дж. Лорбер, говоря о том, что **гендер — это социальный институт, воплощенный в социальных процессах повседневности и социальных организациях, процессы гендеризации пронизывают основные социальные структуры** (Lorber 1994: 30–31, Lorber 2000). Гендер — это определенное измерение и один из принципов организации многих социальных структур, которые могут быть гендеризированы в разной степени.

Гендерные различия устойчиво воспроизводятся на разных уровнях: в статусных иерархиях, в общественном разделении труда; в системе родства, в сексуальных сценариях; в приписывании характеристик личности; в механизмах социального контроля; в идеологиях и культурных репрезентациях. Гендерные различия вездесущи и всемогущи. Гендер рассматривается как социально конструируемая **стратификационная система** (Connell 2002; Ferree, Lorber, Hess 1999; Risman 1998; Martin 2004 и пр.).

Американский социолог Патрисия Мартин развивает представления о гендере как социальном институте, адаптируя теорию практик и опираясь на концепции Гидденса и других социальных теоретиков, а также на авторов, ранее рассматривавших институты в гендерной теории — Коннелл, Лорбер и др. Аналогично Коннелл, акцент у Мартин делается на практики, правила, власть и воспроизводимость института. Беря за основу концепцию Лорбер, Мартин выделяет множественные характеристики, которые должны рассматриваться во взаимо-

Гендер как социальный институт — это совокупность устойчиво воспроизводимых гендерных практик, регулируемых правилами и механизмами социального контроля.

связи друг с другом, но акцент делается на конституировании института и постоянстве осуществления данного процесса. За основу берется определение социального института как совокупности правил, ресурсов, процедур, воплощенных в рутинных, повторяющихся практиках. Практика отвечает на ситуацию и одновременно трансформирует ее, таким образом воспроизводя институты (Martin 2004: 1255–1262; Connell 1987: 140; Acker 1992; Ridgeway 2001; Lorber 1994). Институционализируясь, гендерные практики принимают надындивидуальный характер.

В интерпретации взаимосвязи действий агента и структуры для гендерных исследований значимой является **теория структуры** Э. Гидденса (см. лекцию 6; Гидденс 2003 [1984]: 38–74). Гидденс делает акцент на цикличность и повторяемость практик, поддерживающих социальные институты, которые, в свою очередь, задают направление индивидуальных действий. Гендер рассматривается как совокупность социальных практик, порождающая новую реальность, которая становится основой для последующих действий. Следуя логике Гидденса, Коннелл утверждает, что наши действия, порождаемые социальными структурами, унаследованными от прошлого, создают тот социальный мир, в котором мы живем. Социальный мир не является перформативной иллюзией, он становится новым фактом. Гендер как социальная практика не перформативен, — утверждает Коннелл, а *онтоформативен*. Это означает, что социальные практики порождают новую реальность, которая становится основой для новых действий (Connell 2011: 4; Connell 2012: 866). Институты и индивиды взаимно конституируют друг друга, они не могут разделяться на макро- и микрофеномены (Гидденс 2003 [1984]). Мартин опирается на аналогичные представления о воспроизводстве и порождении новой реальности, воспроизводящей и порождающей действия.

Мартин рассматривает характеристики социального института, которые применяет к анализу гендера (Martin 2004). Среди них — социальное происхождение институтов, их воспроизводство во времени и пространстве. Институты могут содержать внутренние противоречия, включать конфликтующие практики, они постоянно изменяются. Институты организованы распределением власти, в них воспроизводятся определенные социальные позиции, харак-

теризующиеся особыми ожиданиями, правилами и нормами, которые конституируются агентами (Martin 2004: 1256–1259).

Гендер как социальный институт, с точки зрения автора, имеет социальное происхождение. Он конституируется людьми, которые через взаимодействия развивают постоянно воспроизводящиеся практики и смыслы. Гендер как институт закрепляет в правилах (гендерном порядке) различные повторяющиеся гендерные практики, создает ограничения для одних гендерных действий и открывает возможности для других, воспроизводит социальную иерархию позиций различных групп, определяемых по признаку пола, а также по другим классовым и статусным признакам (раса, этничность, возраст, состояние здоровья и пр.). Практики, соответствующие позициям, регулируются культурными гендерными нормами. Гендер конституируется агентами, имеющими **материальные тела**, которые выступают важнейшими элементами социальных отношений. Индивиды осуществляют гендерные практики, подчиняются правилам или изменяют их, воспринимая себя как мужчин или женщин, а свои тела — как мужские или женские. Позиция, определяемая гендером, воспринимается как личностная идентичность и реализуется на уровне индивидуального опыта, который усваивается и осмысливается в категориях мужского и женского, мужественности и женственности. Гендер легитимируется идеологией, которая поддерживает представления о правильности и необходимости социального устройства, практик и отношений.

Гендер как социальный институт организуется конфликтующими гендерными практиками, конфигурация которых представляет собой продукт действий людей, занимающих разные социальные позиции, обладающих разными идентичностями. Осуществляемые гендерные практики не являются когерентными, в одном обществе они могут варьировать от традиционных (в религиозных сообществах) до постфеминистских/постмодернистских (в феминистских или ЛГБТ-сообществах). Несмотря на устойчивость, гендер как институт постоянно трансформируется благодаря появлению и распространению новых практик и неинтенциональным последствиям действий агентов. Гендер как социальный институт воспроизводит и воспроизводится **распределением власти**; одни институциональные позиции предполагают привилегии и преиму-

щества для занимающих их индивидов (чаще это гетеросексуальные мужчины), а другие — подчинение и менее выгодное положение. **Разные группы имеют разные ресурсы и возможности определять правила.** Важнейший аспект исследования гендера — изучение механизмов, с помощью которых в институтах воспроизводится власть и неравенство, поддерживается приоритет одних практик по отношению к другим. Исследователи показывают, что политические системы, несмотря на изменения второй половины XX в., во многом сохраняют структуры мужского доминирования, власти и контроля (Ferree, Hall 1996: 933). Гендер — это часть **политического процесса** (в частности, государство поддерживает определенный тип семьи, перераспределяет ресурсы между мужчинами и женщинами, например через социальную политику и пр.). Важнейшую роль играет современное государство, которое кодифицирует гендер через политику, законодательство и идеологии, создает гендерные статусы в разнообразных институциональных контекстах (Martin 2004: 1258–1259).

В целом данный подход — это вызов дуализму макро- и микро-подходов, структуры и практики, он связывает интерпретацию структуры как набора ограничений и действия — как осуществляемого индивидом выбора. Утверждается, что в условиях структурных ограничений — гендерных предписаний и стереотипов — женщины и мужчины могут выбирать варианты действий и взаимодействий, однако возможность выбора задается определенными условиями (структурой). Социальная структура влияет на действия опосредованно — через восприятие акторами своих интересов и непосредственно — через ограничения выбора (Risman 2004: 432). Гендерный перформанс может исполняться на уровне привычки, реализуя культурные нормы как само собой разумеющиеся, а может осуществляться осознанно; производить гендер можно и протестным образом, с иронией (Risman 2004: 435). Структуры задают выбор и действия, но индивидуальные и коллективные действия и смыслы могут изменять и модифицировать структуры.

По Риджвей, **гендер — это институционализованный система социальных практик, конституирующих социально значимые различия мужского и женского и организующих неравенство в терминах данных различий** (Ridgeway 2001: 637).

Разделение труда в домохозяйстве, сегрегация рабочих мест, гендерные различия в статусах и позициях — все это создается и поддерживается множественными процессами, которые действуют одновременно, они часто относятся к разным уровням анализа, в результате чего выделение только одного процесса не является достаточным (Ridgeway, Correll 2004: 512).

В результате процессуальной работы гендера (как социального института) определен гендерный порядок или режим обретают относительно устойчивый характер (как структуры).

В целом гендер как социальный институт мыслится как комплексный феномен. Нам предстоит понять, как работает данный подход, сложная задача которого заключается в необходимости учитывать разные уровни и параметры анализа в постоянной динамике. Приведем мысленный эксперимент, отталкиваясь от положений американских социологов Сесилии Риджвэй и Шелли Коррелл. Они исходят из того, что гендер, как и другие многоуровневые системы различий и неравенства (класс, раса, этничность), включает культурные верования и распределение ресурсов на макроуровне, образцы поведения и организационные практики на интеракционном уровне, самость и идентичность — на индивидуальном уровне (Ridgeway, Correll 2004: 510–511). Предположим, что люди задумали и начали создавать новую организацию, в которой еще не сформированы гендерные правила. Однако эти правила, чаще всего неосознанно, уже существуют на уровне межличностных взаимодействий (интеракционный уровень), индивиды уже являются носителями гендерных верований (индивидуальный уровень). Соответственно, в процессе создания нового учреждения — университета, НКО или бизнес-фирмы (структурный уровень) — через множественные социальные взаимодействия индивидов гендерные правила будут имплицитно привнесены в новую организацию, закреплены в ней (как гендерный режим), и затем будут транслироваться ее новым членам, влияя на найм, продвижение и зарплату (интеракционный уровень). Так действует гендер как социальный институт. Гендерные верования воплотятся в институциональные правила, организационную структуру, управленческий стиль, классификацию рабочих мест и административные требования. Бюро-

кратическая отчетность, формальные процедуры и требования могут остаться гендерно нейтральными, т. е. не различаться для мужчин и женщин (Ridgeway, Correll 2004: 524), в идеологии организации может быть даже провозглашено гендерное равенство. Это, однако, не означает, что гендерные верования не будут на уровне неформальных правил влиять на рабочие взаимодействия.

Участники, находясь в новом контексте и определенным образом организуя работу и разделение труда, опираются на те институциональные схемы, с которыми они уже знакомы. Отношения между женщинами и мужчинами воплощают гендерные верования, и это оказывает воздействие на организационные процедуры и правила, которые участники формируют для достижения своих целей. Иногда инновационный характер деятельности может заставить их пересмотреть привычные схемы, в том числе гендерные стереотипы. Однако в целом эти стереотипы глубоко укоренены и управляют поведением людей бессознательно, если люди не отслеживают их рефлексивно (Ridgeway 2011: 171–174).

Таким образом, институционализация гендерных практик в большей или меньшей степени воплощает стереотипические верования на индивидуальном уровне, исключая/интегрирующие женщин/мужчин в способы социальных взаимодействий и бюрократические устройства организаций. Верования воспроизводятся в социальных сетях, влияющих на неформальный доступ к информации, и в бюрократических правилах, действующих на основании нейтральной рациональности, но также воплощающих предрассудки своих членов (см. подробнее лекцию 9). Процесс институционализации различий не прекращается, даже если люди покидают одни институциональные контексты и создают новые. При этом правила могут трансформироваться, а гендерные верования — становиться более нейтральными.

ИТАК, подытожим основные положения гендера как социального института:

- Гендер рассматривается как социальный институт — как совокупность правил, ресурсов и процедур, воплощенных в рутинных воспроизводимых практиках в институциональных рамках.

- Следуя теории структуризации, гендер рассматривается как совокупность социальных практик, порождающих новую реальность, которая становится основой для последующих действий.
- Гендер как социальный институт определяется через следующие критерии: наличие повторяющихся практик; протяженность во времени и пространстве; регулирование практик через их ограничение или поощрение; воспроизводство взаимосвязанных социальных позиций, связанных с распределением власти; конституирование через практики телесно воплощенных агентов; создание идентичностей членов института; воспроизводство идеологии, конфликтующих представлений и практик внутри института; способность к постоянным изменениям.
- Гендер как социальный институт рассматривается на разных уровнях: индивидуальном, интеракционном и структурном, в их взаимосвязи.
- При использовании категории гендерных практик (или института) мы подчеркиваем их процессуальный характер. Категория «гендерный порядок» подчеркивает статичный характер этих отношений.
- Для того чтобы понять работу гендера как социального института, в исследовании необходимо учитывать не только разные уровни анализа, но и сам процесс постоянного производства гендера в условиях структурных ограничений.

4.

Критика и значение подхода

Термины «структуры/институты» востребованы в современных гендерных исследованиях, однако они критикуются по следующим причинам.

Во-первых, под гендерными структурами понимают структуры самого разного уровня. Чаще всего рассматриваются макроуровни экономики, политики, идеологии и религии, однако структурами

считаются и организации, порождающие гендерное неравенство, и социальное взаимодействие, диктующее иерархические образцы и пр. Структурная терминология становится чрезвычайно широкой по охвату: она применяется ко всем уровням социальных отношений: макро-, мезо- и микроуровням. Не вся терминология в данном подходе «отстоялась» и имеет непротиворечивый характер. Напротив, «структуры» часто (но не всегда) синонимичны «институтам», а гендерные институты — гендерному порядку.

Во-вторых, термин «социальный институт» является достаточно неопределенным и имеет множественные толкования. Он применяется к таким макроструктурам, как экономика, политика, образование, культура, он используется для описания формализованных организаций, таких как школа, больница и пр. Узкий взгляд на институт, как указывает Мартин, в середине XX в. связывал их с ценностями, нормами, верованиями, идеями, более широкий в более поздний период — с практиками и ресурсами. Существуют аналитические сложности в разграничении структур и институтов, с одной стороны, и институтов (как норм, убеждений и идей) и организаций (как совокупности практик и структур), с другой (Martin 2004: 1249–51, 1254). Иногда этот смысл — *institution* — передают переводом «институция», которым мы также пользуемся. Соответственно интерпретация гендера как социального института также остается размытой.

В-третьих, на русском языке не всегда получается говорить о «гендере», и нам приходится иногда уточнять, идет ли речь о практиках осуществления гендера, гендерных различиях или о гендерном порядке, поскольку за термином «гендер» скрываются все эти значения, которые проясняет только контекст их использования. Кроме того, данный подход, хотя и предлагает многообразные варианты постановки и решения эмпирических задач, однако может порождать трудности при практическом использовании в силу достаточно сложной аналитической конфигурации и пока еще недостаточной разработанности.

Использование структурно-конструктивистского подхода имеет также ряд неоспоримых преимуществ.

Во-первых, данный подход позволяет помыслить гендерные различия как комплексный социальный феномен, как «пазл»,

состоящий из разных фрагментов, которые исследователи связывают воедино. Подход, объединяющий структурный, интерактивный и индивидуальный уровни, с точки зрения Рисман (она называет его гендерной структурной теорией — *Gender Structure Theory*), обладает существенными аналитическими преимуществами, позволяя помыслить наличие множественных взаимосвязей между образом Я, нормативными ожиданиями, влияющими на образцы взаимодействий, и институциональными правилами. При этом каждая исследовательская традиция исследует «свои деревья, осознавая наличие леса». «Деревьями» могут быть культурные ожидания, гендерная идентичность, образцы взаимодействия или институциональные регуляторы, которые объединяет общий «лес» — гендер как социальный институт и структура во взаимообусловленности всех связей (Risman 2004: 433–434).

Во-вторых, подход позволяет отказаться от редукционистских монокаузальных моделей, которые объясняют гендерные правила либо экономикой, либо политикой, либо идеологиями и коллективными представлениями. Мартин утверждает, что взгляд на гендер как на социальный институт в современном понимании привлекает внимание исследователей ко многим характеристикам: практикам, отношениям власти, барьерам, идеологии и пр., обращая внимание на сложность и многоликость гендерных различий (Martin 2004: 1261).

В-третьих, такой подход превращает науку в накопительную, прекращая споры о том, какой уровень производства гендера и его исследования является базовым (Risman 2004: 434), а также обвинения друг друга в том, что исследуется «неправильный» аспект гендера (Martin 2004: 1264–65). Ослабевает опасность сведения гендера к его отдельным характеристикам. Мартин делает даже такое смелое предположение, что при данном подходе уменьшается противоречие между построением, позитивизмом, дискурсивным подходом и пр.

В-четвертых, данный подход эвристичен в отношении исследования социальных изменений и динамики. Как показывает Рисман, он позволяет выделить те зоны социальной реальности, в которых происходят изменения, и исследовать именно их. Социологи исходят из того, что практики не меняются полностью и

одновременно, патриархальные правила и правила гендерного равенства могут сосуществовать на определенном отрезке времени, в одной институции и даже в одном человеке. Институциональные изменения могут быть результатом индивидуальных или групповых действий, хотя сами институты являются достаточно устойчивыми во времени и пространстве. Институциональные изменения, в свою очередь, воздействуют на верования, культурные ожидания, идентичности, практики — так развивается цикл изменений (Risman 2004: 434–435). Изменения становятся возможными благодаря некогерентности институциональных контекстов, диверсифицированному характеру практик, которые могут противоречить друг другу (Martin 2004: 1265). Данный подход позволяет помыслить неравномерный и фрагментированный характер гендерных изменений, продвигаемых различными социальными акторами.

Изменения гендерных практик становятся эмпирическими вопросами конкретных исследований, позволяющих понять, какие именно процессы привели к тем или иным изменениям. Например, мы можем поставить вопрос о том, как формируются эгалитарные гендерные практики современной городской молодежи в России, учитывая то, что они формируются при организации быта и заботы, но не на уровне консервативной идеологии. Молодые отцы все чаще присутствуют на родах, однако эта практика связана не только с эгалитарными ориентациями, но и с прагматическими задачами обеспечить безопасность в условиях нехватки ресурсов медицинских учреждений и доверия к ним. Практики меняются, а традиционалистская гендерная идеология может сохраняться (Ангелова, Тёмкина 2009). Другой пример: некоторые молодые отцы хотели бы постоянно участвовать в заботе о маленьком ребенке. Однако организация сферы оплачиваемой занятости, в которую встроены гендерные верования о мужской роли добытчика, а также организация сферы домохозяйства, в которую встроены гендерные верования о матери, стремящейся полностью брать на себя уход за детьми, существенно ограничивают распространение таких практик (Авдеева 2012). Конкретные исследовательские сюжеты позволяют выявить, что сдерживает гендерные изменения, а что им способствует.

Анализ гендерных различий позволяет использовать методологию интерсекциональности, предполагающую анализ взаимо-

обусловленности социальных институтов, таких как этнические и расовые различия, социальный класс, сексуальность, возраст и пр. (Ferree, Hall 1996). Понимание гендера как института делает более заметным социальный характер гендерных различий (Martin 2004: 1266). Интегративный подход позволяет рассмотреть гендерное неравенство как воспроизводимое и на уровне структуры, и на уровне взаимодействия, и на уровне агента.

Данный подход вызывает воодушевление у многих исследователей. Он позволяет не только «складывать» головоломку, не заботясь о том, какой уровень является первичным и самым важным, и кто из исследователей — самым «правым», но эмпирически ставить и решать конкретные вопросы. Он позволяет, в соответствии с усложнением социальных процессов в современных обществах, включать разные уровни анализа, а также находить между ними нестыковки и разрывы, которые в свою очередь могут содержать потенциал социальных изменений. Этот подход позволяет видеть за структурами реальных, телесно воплощенных женщин и мужчин, и одновременно понимать ограничения, связанные с универалистской категоризацией всех людей на мужчин и женщин, поддерживающей различия (главная, а то и единственная характеристика женщины — это то, что она не мужчина, а мужчины — то, что он не женщина).

Вернемся к Нобелевской премии. Теперь стало понятным, что женщинам ее получить еще сложнее, чем предполагалось во введении — слишком много уровней, слишком много правил и стереотипов, слишком много барьеров, слишком много механизмов работают на воспроизведение жестких стереотипов, верований и категоризаций (согласно которым выдающиеся технические достижения — не женские, и достигает их, как правило, не женщина). Обрамление гендера в контекстах, поддерживающих такие представления, происходит телесно и неинтенционно. Но между этими уровнями, правилами, стереотипами есть и множественные зазоры и множественные рассогласования. И агент действует не только неинтенционно, производя гендер, агент способен к рефлексии и стратегическому действию (что подчеркивается в предыдущем варианте структурно-конструктивистского подхода), к слому старых правил и порождению новых, в том числе тех, согласно которым выдающиеся достижения — это достижения и женщин (в том числе

имеющих детей), и мужчин (в том числе осуществляющих заботу о детях), даже если для этого придется пожертвовать некоторыми гендерными различиями и стереотипами.

Женщин среди лауреатов Нобелевской премии не так уж мало — 47 (по разным категориям, включая премии мира, литературу, физиологию и медицину, экономику, химию и физику) среди 876 человек. За всю историю Нобелевской премии по физике ее лауреатами стали только две женщины — Мария Кюри в 1903 г., ставшая также первой женщиной — лауреатом Нобелевской премии вообще, и Мария Гёпперт-Майер (США) в 1963 г. И обе — в соавторстве (http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/lists/women.html; 14.10.2014). Пока мы готовили данный текст к изданию, в 2014 г. впервые за 78-летнюю историю Филдсовская премия (самая престижная награда в математике) была присуждена женщине. Обладательницей награды за выдающийся вклад в динамику и геометрию римановых поверхностей стала математик из Ирана Мариам Мирзахани. В 2014 г. Нобелевскую премию по физиологии и медицине получила норвежская исследовательница Мей-Бритт Мозер в соавторстве с супругом (<http://www.nobelprize.org/>; 10.03.2015). Теперь — дело за новым поколением, и вся надежда на него!

Выводы

1. В современных подходах значимой становится концептуализация гендерных различий на разных уровнях: институциональном, интеракционном, индивидуальном. Структурно-конструктивистские подходы в разных вариантах анализируют, каким образом институты вообще и гендерный порядок в частности ограничивают и задают возможности действия индивидов, которые являются не бесплотными единицами, а телесно воплощенными мужчинами и женщинами, усвоившими определенные практики, верования и нормы.
2. В подходе, который мы рассматривали в этой лекции, важным является взгляд на производство гендера (гендерных различий) как на процесс. Гендер предстает как динамический процесс

категоризации, взаимодействия, нерелексивного осуществления практик, перформативного действия. Гендер рассматривается как первичный культурный (телесно распознаваемый) фрейм, который, через рутинную постоянную автоматическую категоризацию на основе культурных верований, позволяет поддерживать беспроблемную коммуникацию. Эта категоризация «позиционна», она осуществляется через отношение к другому: мужчины есть не то, что женщины, и наоборот. При распознавании женщинам и мужчинам постоянно, автоматически и мгновенно приписываются универсальные стереотипические черты, которые упрощают коммуникацию и координацию действий. Такие черты приписываются даже при осознании того, что конкретные люди могут ими не обладать.

3. Гендерные различия выстраиваются в иерархию благодаря действию социальных механизмов, через которые институционализируются и усваиваются гегемонные культурные представления. Различия становятся неравенством, когда им приписываются разные статусы в соответствии с культурными верованиями. Усвоенные гендерные верования определяют то, как люди оценивают себя и других (например, способность к заботе или физическую силу), и тем самым задают действия, которые поддерживают базовые культурные фреймы. Так происходит гендерное обрамление различных институциональных контекстов.
4. Гендерные верования и практики противоречивы; существуют контексты, в которых проявляются альтернативные представления и возможности сопротивления. В относительной независимости и несовпадении разных уровней производства гендера содержится потенциал социальных изменений. Жесткость гендерных категорий на уровне структур, интеракций и идентичности в современном мире, хотя и неравномерно, но уменьшается.
5. Практики, через которые осуществляется (производится, позиционируется, исполняется) гендер, телесно воплощены, контекстуально обусловлены, чаще всего нерелексивны. Повторяющиеся воспроизводящиеся практики конституируют гендер как социальный институт.

6. Гендерные различия устойчиво воспроизводятся на разных уровнях: в статусных иерархиях, в разделении труда в разных сферах социальной жизни и между ними; в системе родства и семейной жизни, в сексуальных сценариях; в приписывании определенных характеристик личности; в механизмах социального контроля; в идеологиях и культурных репрезентациях.

Вопросы для повторения и обсуждения

1. Как работает гендер в качестве культурного фрейма? Приведите пример конкретного институционального контекста.
2. Каким образом гендер как социальный институт воспроизводится через осуществление практик и телесную воплощенность?
3. Как происходят изменения гендерного порядка (режима), что им препятствует и что способствует? Приведите примеры.

Основная литература

- Lorber J. *Paradoxes of Gender*. New Haven, CT: Yale Univ. Press, 1994.
- Martin P. *Gender as Social Institution // Social Forces*. 2004. Vol. 82. N 4 (June). P. 1249–1273.
- Martin P. "Said and Done" versus "Saying and Doing": Gendering Practices, Practicing Gender at Work // *Gender & Society*. 2003. Vol. 17. N 3 (June). P. 342–366.
- Poggio B. Editorial: Outline of a Theory of Gender Practices *Gender // Work & Organization*. 2006. Vol. 13. Issue 3 (May). P. 225–233.
- Ridgeway C. *Framed by Gender: How Gender Inequality Persists in the Modern World*. New York: Oxford Univ. Press, 2011.
- Ridgeway C., Correll S. Unpacking the Gender System: A Theoretical Perspective on Gender Beliefs and Social Relations // *Gender & Society*. 2004. N 18(4). P. 510–531.
- Risman B. *Gender as a Social Structure: Theory Wrestling with Activism // Gender & Society*. 2004. N 18(4). P. 429–450.

Лекция 8. Конструирование маскулинностей и исследования мужчин⁷

Введение — Исследования мужчин и маскулинностей: общие положения — Гегемонная маскулинность: понятие и исследования — Изменения в положении мужчин в современном обществе — Мужские движения — Маскулинности в российском контексте — Выводы

Введение

Исследования мужчин и маскулинностей — относительно автономная сфера гендерных исследований. Некоторые авторы называют данное направление «мужскими исследованиями» (*men's studies*) по аналогии с «женскими исследованиями». Однако большинство считает, что такая симметрия вводит в заблуждение, поскольку «женские исследования» — это проект познания субординированной группы. Более подходящим названием признается «исследования мужчин и маскулинностей» или «критические исследования мужчин». Авторы стремятся показать, что эти исследо-

⁷ Фрагменты лекции опубликованы в статьях: «Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе» (Здравомыслова, Тёмкина 2002b); «Настоящий мужчина» (Тёмкина 2013b).

вания вдохновлены феминистскими исследованиями женщин, но не являются просто параллельными им (Connell, Hearn, Kimmel 2005: 2–3). Мы согласны с данной интерпретацией.

Коннелл определяет **маскулинность** как позицию в гендерных отношениях, практики, которые используются мужчинами и женщинами для занятия и удержания этой позиции, и эффекты, которые оказывают такие практики на телесный опыт, личность и культуру (Connell 2005 [1995]: 71). Женщины как категория присутствуют в данном определении, поскольку маскулинность не всегда определяется по отношению к фемининности и противопоставляется ей, но и предполагает определенные иерархические отношения между мужчинами и женщинами. В русском языке существует соответствие слову «маскулинность» — «мужественность», однако оно скорее отсылает к черте характера, поэтому здесь мы, вслед за И. Коном, в основном используем термин «маскулинность» (Кон 2009b).

Общественные движения, проблематизирующие предписания мужского поведения, возникли первоначально в контексте мобилизации новых левых и контркультурных инициатив. Такие движения ставили перед собой задачу эмансипации от узких традиционалистских трактовок мужской роли, боролись против такого варианта сексизма, как дискриминация и эксплуатация мужчин в условиях патриархата. В 1970-е гг., вторя аналогичным феминистским инициативам, возникают группы роста сознания мужчин. В центре внимания исследователей и активистов — дискриминация мужчин, и прежде всего нарушение прав отцов после развода. В ряде случаев права мужчин и женщин противопоставляются. Некоторые группы мужчин выступают против права женщин на аборт и пр. (Carrigan, Connell, Lee 1985: 569, 573–575).

Исследования маскулинности активно развиваются с 1980-х гг. под влиянием женских и феминистских исследований, мужских движений, а также развития теоретического направления социального конструктивизма. Последние декады XX в. стали свидетелями изменений нормативных моделей и поведенческих паттернов маскулинности. Анализируя эти изменения, исследователи связывают их с тремя группами обстоятельств: изменением социального положения женщин (женщины все более вовлекаются в сферу

оплачиваемой занятости); постепенным включением экспрессивных компонентов в мужскую роль (мужчины все более вовлекаются в заботу); развитием мужских движений и движений геев.

Дальнейшие исследования мужчин связаны с признанием того, что маскулинности социально конструируются, производятся и воспроизводятся; они рассматриваются как изменчивые во времени и пространстве, в разных обществах, ситуациях и стадиях жизненного курса. Исследователи подчеркивают, что отношения между мужчинами характеризуются гендерной властью, а гендер пересекается с другими социальными характеристиками (Connell, Hearn, Kimmel 2005: 3).

Большое влияние на переосмысление маскулинности оказало гей-движение, которое поставило под сомнение тезис о само собой разумеющейся гетеросексуальной норме. Дихотомия гетеро/гомосексуальности становится центральным символом ранжирования типов маскулинности. В этой логике возникает важный концепт «гегемонной маскулинности», который дает возможность осмыслить вариативность моделей мужского поведения; субординацию и угнетение патриархатом определенных категорий мужчин. Исследователи обращают внимание на различия между идентичностью и повседневными действиями, изменяется и интерпретация гомосексуальности (Carrigan, Connell, Lee 1985: 586–587).

Исследования мужчин и маскулинности относятся к категории критических исследований (см. лекцию 1); они вносят существенный теоретический вклад в осмысление гендерных различий и гендерного порядка. Хотя у данных исследований существует особая перспектива, авторы признают, что маскулинность не является когерентным изолированным объектом, на который направлена «наука о маскулинности» (Connell 2005 [1995]: 67). Взгляд на маскулинность через взаимодействие социальных структур и практик (т. е. в парадигме структурного конструктивизма) не только развивает данное направление исследований, но и обогащает гендерную социологию в целом. В фокус попадает гендерно окрашенный опыт мужчин, принадлежащих к разным группам по критериям расы, возраста, экономического положения, сексуальности. Это требует исследования множественных маскулинностей, а также их иерархий (что подготавливает появление и распространение кате-

гории «интерсекциональность»). Появляются и впоследствии широко используются понятия «гегемонной» и «субординированной» маскулинности, «кризиса маскулинности».

Еще одна заслуга данного подхода — это теоретический и эмпирический фокус на подвижности и исторической изменчивости представлений (в том числе гегемонных) и практик. Именно на этих аспектах мы и сосредотачиваемся в данной лекции. Вышеупомянутые категории используются и при анализе российского гендерного порядка, и в дальнейшем мы приведем примеры исследований с их применением. За пределами нашего рассмотрения остаются исследования, которые имеют отношение к постструктуралистскому и квир-подходам, получающим все большее распространение, в том числе и в исследованиях мужчин.

Основные понятия: • маскулинность • гегемонная маскулинность
• несостоявшаяся маскулинность • кризис маскулинности • конструирование маскулинности.

1.

Исследования мужчин и маскулинностей: общие положения

Социальные исследования мужского поведения начались задолго до становления отдельного направления, с 1920-х гг. (Carrigan, Connell, Lee 1985). Особые группы мальчиков и мужчин попадали в фокус исследований, когда их поведение оценивалось как «социальная проблема». Так, девиантное поведение подростков (особенно мужского пола) социологи объясняли феноменом «отсутствующего отца». Такая модель мужского родительства предполагает редкое и фрагментарное присутствие отца в семье, вызванное его погруженностью в сферу оплачиваемого труда, удаленную от домохозяйства (см., напр.: Thrasher 1927, Whyte 1943). Позднее для

исследований мужчин стали значимыми положения Толкотта Парсонса о половом разделении инструментальных и экспрессивных ролей, теории социализации и психоаналитические представления об усвоении ролей и формировании личности.

Под влиянием феминизма в 1970-е гг. в США исследования мужских ролей получают широкое распространение. Чтобы проиллюстрировать контекст 1970-х гг., когда мужчины осваивали феминистскую теорию, приведем пример, описанный известным американским социологом, исследователем маскулинности Майклом Месснером. В 1970-х гг., обучаясь в университете и слушая курс по «социальному неравенству», Майкл был поражен тем, что в США, стране равных возможностей, женщины получают на одну треть меньше, чем мужчины, за ту же работу. Он написал эссе, в котором анализировал причины гендерного неравенства, развил идеи женского равноправия, и получил высокую оценку. Тем же летом он подрабатывал на уборке городских парков и обнаружил странный, на первый взгляд, феномен. На этой работе в основном были заняты молодые женщины — студентки. Они зарабатывали меньше, чем юноши, работающие на уборке, но это казалось вполне справедливым, поскольку их рабочий день был короче, чем у мужчин. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что все хорошо оплачиваемые подработки диспетчер давал мужчинам. Когда Майклу предложили дополнительную работу (и заработок) и он был готов согласиться, работавшая вместе с ним студентка заинтересовалась: почему хорошо оплачиваемые подработки всегда достаются мужчинам. Она увидела в таком распределении несправедливость, считая, что и женщины могут делать такую же работу. Однако Майкл понимал ситуацию иначе. Он пишет: «Я почувствовал себя уязвленным <...> и сказал <...> довольно громко: “Тоже мне, Глория Стайн!” (американская феминистка и журналистка. — Прим. авт.), и услышал в ответ: “Не говори, чего не понимаешь, Майк” <...> И в этот момент я осознал, что на самом деле я много знаю об этом <...> я только что написал об этом прекрасную работу <...> Почему же я не смог использовать эти знания и занял оборонительную позицию?» Вспоминая этот, казалось бы, незначительный эпизод своей юности, исследователь отмечает, что в то время он еще не умел совмещать интеллектуальную по-

зицию и практику, не знал, что «личное — это политическое». Он воспринимал мужские институциональные привилегии как само собой разумеющееся явление. Именно институциональные условия гендерного неравенства впоследствии оказываются в центре критических исследований мужчин и маскулинностей (Messner 1997: 3–4).

Исследования мужчин развиваются на фоне критики полоролевой парадигмы. Социологи отказываются от языка описания, присущего ролевой теории, утверждая, что категория «мужская роль» является аналитически слабой и неэвристичной, не учитывает сложность и разнообразие гендерных отношений. Вместо этого они выдвигают тезис об иерархии разнообразных паттернов маскулинности — нормативных моделей и конфигураций практики (Carrigan, Connell, Lee 1985). Речь идет уже не о маскулинности, но о маскулинностях. Многообразие образов маскулинности подтверждают, в частности, этнографические данные, показывающие существенные различия гомосексуальных практик, с одной стороны, и доминирующих — с другой (см., напр.: Гилмор 2005). В некоторых контекстах гомосексуальные практики признаются обычным способом поддержания маскулинности, а в других — несовместимыми с той, которая считается «подлинной». На интерпретацию маскулинности существенное влияние оказывает принадлежность к этнической группе и классу. Существуют маскулинности белых и черных, рабочего и среднего класса и пр. Различия обнаруживаются не только между разными контекстами, но и внутри одного — в школе, на рабочем месте, в сообществе могут существовать разные способы обучения тому, что значит быть мужчиной, как должно действовать мужское тело.

В центре внимания — **разнообразие мужского опыта и образцов маскулинности**, модели маскулинности как гендерно маркированной социальной категории. Исследуются особенности мужского опыта (по сравнению с женским), его противоречивость и детерминированность социальными структурами (Coltrane 1994: 42). По мере роста влияния феминистской критики на социальную теорию исследователи стали интересоваться не только тем, как женщины усваивают определенные паттерны поведения в процессе социализации, но и тем, как мужчин с самого детства учат быть

агрессивными и соревновательными, сдерживаться в проявлении чувств и уклоняться от эмоциональной работы (Coltrane 1994: 43). Под влиянием феминистского психоанализа анализируются механизмы воспроизводства гендерного неравенства в процессе первичной социализации.

В 1980-е гг. в фокус исследований попадают разделение труда и отношения власти. Критические гендерные исследования мужчин и маскулинностей показывают, что мужчины в целом получают преимущества от субординации женщин, хотя в конкретных ситуациях женщины могут иметь бóльшую или равную власть, например, в домохозяйстве. Признается то, что существуют разные маскулинности, и они также находятся в отношениях субординации, пересекаясь с классовыми и расовыми отношениями. Формы маскулинностей и их взаимодействия в исторической перспективе — это результат коллективной деятельности производства социальных групп и идентичностей, а не биологических особенностей (Carrigan, Connell, Lee 1985).

Понятие маскулинность — относительная категория, обретающая смысл в контексте гендерных различий как противопоставленная категории «фемининность» («женственность»). «В культуре, не рассматривающей женщин и мужчин как носителей полярных характеров, не существует, по крайней мере принципиально, понятия маскулинности в том смысле, которым оперирует современная европейская/американская культура» (Connell 2005 [1995]: 68). Интерпретация «маскулинности» связана с тем, как понимается гендер — как половая роль, взаимодействие или социальная практика, ограниченная структурными условиями (Connell 2000: 17–18). В последнем случае «маскулинность» интерпретируется как социальный конструкт. **«Маскулинности — это конфигурации практик в гендерных отношениях, это структура, которая включает крупномасштабные институты и экономические отношения, а также взаимодействия лицом к лицу и сексуальность**. Маскулинность институционализируется в такой структуре, а также является аспектом индивидуального характера или личности» (Connell 2000: 29). В дальнейшем в рамках структурно-конструктивистского подхода исследуются механизмы создания разных версий маскулинности на разных уровнях социальной системы: институциональное

воспроизводство и артикуляция, организации и практики взаимодействия, а также индивидуальное выражение мужской идентичности и ее интерпретации. Маскулинность соотносится с мужскими телами, но она ими не определяется, она встроена в гендерные режимы таких институтов, как армия, корпорация, семья, здравоохранение, школа, она существует в культуре как позиция в процессе репрезентации, в структурах языка и других символических систем. Исследователи учитывают глобальные и локальные контексты воспроизводства гендерного неравенства.

Маскулинность изучается в контексте структуры насилия, преступного поведения, в отношении к здоровью, в мире спорта и физической активности, в вооруженных силах, в отношении к гражданству и пр. (Hearn, Kimmel 2006: 56, 65). Особое направление представляют исследования гомосексуального опыта: формирование гомосексуальной идентичности, сообщества, гомофобия, борьба за права геев и пр. Внимание уделяется новым трендам мужского родительства, обозначаемым как **вовлеченное** или участвующее отцовство, при котором отец вовлекается в повседневную заботу о ребенке и гендерные нормы становятся более эгалитарными (см., напр.: Авдеева 2012; Ангелова, Тёмкина 2009). Важно иметь в виду, что практики маскулинности, хотя и обладают устойчивостью, но, тем не менее, постоянно меняются, в результате чего возникают новые образцы (Connell 2000: 28–29).

Исследователи развивают различные теоретические подходы к исследованию мужских ролей и маскулинностей (подробнее об этом см. Connell 2005 [1995]; Holter 2005; Бёрд 2008; Кон 2009а; Тартаковская 2005). В рамках структурно-конструктивистского подхода, широко распространенного в гендерной социологии, подчеркивается: 1) значимость структурных параметров определения мужских практик; 2) многообразии паттернов мужского поведения; 3) иерархичность моделей маскулинности как культурных образцов и паттернов действия (Connell 1987; Кон 2009а). Некоторые виды мужских практик считаются наиболее успешными и престижными. Для анализа неравенства в отношении маскулинности исследователи используют понятия «гегемонная», «субординированная» и «маргинализованная» (мы рассматриваем их далее), а также некоторые другие.

Среди заметных авторов — британские исследователи Дж. Херн, Д. Морган, северо-американские М. Кауфманн, Дж. Мессершмидт, австралийский социолог Р. Коннелл. Среди российских исследователей стоит отметить И. Кона, С. Жеребкина, С. Ушакина, И. Костерину, Ж. Чернову, Е. Мещеркину, И. Тартаковскую, Н. Пушкареву и др. (см. обзор: Кон 2009b, Тартаковская, 2005, Бёрд 2008, Ушакин 2002a).

Книга «Маскулинности» (*Masculinities*) Р. Коннелл (Connell 2005 [1995]), признанная классическим исследованием маскулинности, посвящена истории и теории исследований мужчин. Автор анализирует эмпирические исследования, опираясь на понимание гендерного порядка как варианта социальной структуры, т. е. на структурно-конструктивистский подход. Позже в книге «Мужчины и мальчики» (Connell 2000) автор развивает представления о культурных моделях и социальных паттернах мужественности. Не менее фундаментальной является работа российского исследователя И. Кона «Мужчина в меняющемся мире» (Кон 2009b), в которой модели мужественности, характерные для российского общества, анализируются в глобальном контексте социально-культурных изменений. Свой подход И. Кон обозначает как междисциплинарный и нацеленный на преодоление границы между эволюционной биологией и гендерными исследованиями.

Институционализация исследований мужчин сопровождается формированием собственного поля периодических изданий. Англоязычные журналы *Men and Masculinities* («Мужчины и маскулинности»), *Journal of Men's Studies* («Журнал мужских исследований»), *International Journal of Men's health* («Международный журнал мужского здоровья») являются заметными маркерами институционализации этого направления исследований. Большинство из них доступны в электронных базах данных.

В целом исследования маскулинности в 2000-е гг. характеризуются следующими чертами (Connell 2005 [1995]; Holter 2005; Hearn, Kimmel 2006):

- Они составляют интегральную часть критически ориентированных гендерных исследований, объектом их изучения являются практики и культурные паттерны маскулинного поведения.

- Маскулинность рассматривается как эксплицитно гендерно маркированный феномен, который является продуктом и условием социального конструирования, производится и воспроизводится социально-культурными механизмами.
- Критикуются нормативные представления о единственно правильной универсальной биологически и/или культурно заданной модели маскулинности. Исследователи исходят из признания разнообразия паттернов мужественности, которые изменяются во времени (история) и пространстве (культура), в ходе жизненного цикла индивида, в биографиях отдельных мужчин, маркируются социальными средами и этническими группами.
- Подчеркивается связь отношений власти и моделей маскулинности; маскулинность как гендерная категория рассматривается в контексте пересечения с другими социальными характеристиками мужчин, такими как классовая, расовая или этническая принадлежность, сексуальность (Hearn, Kimmel 2006: 57, 65).

2.

Гегемонная маскулинность: понятие и исследования

2.1. Гегемонная маскулинность

Социологи начали использовать понятие «гегемонная маскулинность» в начале 1980-х гг. (Connell 1983, 1982). Первое систематизированное описание «гегемонной маскулинности» приводится в статье Карригана, Коннела и Ли «Развивая новую социологию маскулинности» (*Towards a New Sociology of Masculinity*) (Carrigan, Connell, Lee 1985: 591–592). Гегемонная маскулинность представляет собой механизм функционирования патриархата, который гарантирует легитимность подчиненного положения женщин (Connell 2005 [1995]: 77; см. также: Бёрд 2008: 19).

Ключевым в данном понятии является термин «**гегемония**». Вслед за философами-неомарксистами Антонио Грамши и Луи Альтюссером авторы используют это понятие для обозначения **символического идеологического господства**, которое находит выражение в культуре, в повседневной жизни и практиках взаимодействия (Connell 1987: 184). Данный термин используется, чтобы подчеркнуть критическое отношение исследователей к патриархатной маскулинности и предписанным обществом мужским ролям. Символическое господство — престиж определенных паттернов мужественности — закрепляется в идеологии, в религиозных доктринах, практиках первичной и вторичной социализации, культурных репрезентациях, на уровне субъективной идентичности. Эти образцы воспроизводятся в продукции СМИ, структуре заработной платы, дизайне жилища, политике налогообложения и пр. Основная характеристика гегемонии — **консенсус в отношении господства**.

Гегемонная маскулинность — конфигурация гендерных практик, приписываемых мужчинам, обладающим наивысшим социальным престижем; социальный механизм, с помощью которого определенные категории мужчин занимают позиции власти и благополучия.

Концепт гегемонной маскулинности включает следующие характеристики (Carrigan, Connell, Lee 1985; Connell 1987, 1995; Donaldson 1993; Кон 2009b):

- Господство (власть) над женщинами и другими маскулинностями.
- Гетеросексуальность.
- Идеологии и культурные репрезентации, которые навязывают предпочтительные образцы маскулинности с помощью приема героизации. Они находят выражение в образах героических мужчин, воплощенных в продуктах массовой культуры: СМИ, рекламе, сагах, балладах, вестернах, триллерах и пр. Все гендерные идеологии включают некий образ «настоящего мужчины», который задает стандарты сравнения, позволяющие ранжировать практики, а значит, и категории мужчин, которые им следуют.
- Культурно идеализируемые представления об эксклюзивных, т. е. присущих только мужчинам, психологических качествах,

таких как: брутальность, агрессивность, конкурентоспособность, достижительность, рациональность. Соревновательность в сочетании с рациональностью наиболее явно институционализированы в сфере бизнеса. Подчеркивается нормативный характер представлений, которые не являются статистически наиболее распространенными и соответствуют реальным практикам лишь небольшого числа мужчин.

- Гегемонная маскулинность может быть описана как приемлемая в обществе мужская стратегия достижения успеха и субъективное ощущение успеха.
- Гегемонная маскулинность формируется под воздействием государства, которое поддерживает представления об успешных и приемлемых моделях мужественности, задавая рамки героизации мужского поведения, а также криминализирует или способствует формированию негативного восприятия определенных типов маскулинности. Государство также поддерживает гегемонную маскулинность механизмами социальной политики, например, запрещая или разрешая гражданские браки гомосексуалов.

Многоуровневый анализ гегемонной маскулинности позволяет выявить механизм ее воспроизводства в разных сферах социальной жизни — в мире оплачиваемого труда и досуговой деятельности, в сексуальной жизни и сфере заботы о зависимых членах семьи, а также в нерелексивуемых рутинных действиях (Connell, Messerschmidt 2005: 842). В современных США гегемонная маскулинность описывается с помощью следующих характеристик социального положения. Это властная позиция, позволяющая осуществлять господство над женщинами и субординированными/маргинализованными мужчинами. Для нее характерен стабильно высокий уровень материальной обеспеченности, позволяющий поддерживать домохозяйство по крайней мере на уровне среднего класса. С этой позицией ассоциируются высокий образовательный и профессиональный статус, подтвержденный дипломом колледжа и сертификатом о профессиональной подготовке. Такую позицию занимают исключительно гетеросексуальные мужчины, подтверждающие свою сексуальную ориентацию, как правило, браком (Hodges, Budig 2010: 723).

Р. Брэннон выделяет следующие устойчивые выражения, которые задают социальные предписания успешной маскулинности в Америке (Brannon 1976; цит. по: Кон 2009b; см. также: Lindsey 2011 [1997]: 225, 228):

1. «Не быть неженкой» (“no sissy stuff”) — мужчина должен вести себя подобающим образом, не проявлять слабости, допустимые только для женщин.
2. «Большой босс» (“the big wheel”) — настоящий мужчина должен стремиться к главенству и опережать других мужчин.
3. «Крепкий дуб» (“the sturdy oak”) — мужчина должен быть сильным и уметь постоять за себя.
4. «Задай им жару» (“give ‘em hell”) — мужчина должен быть решительным в достижении своих целей и не бояться использовать насилие.
5. «Мужчина-мачо» (“macho man”) — мужчина должен быть сексуально умелым, агрессивным и наступательным.

Отражением гегемонной маскулинности является парная для нее модель женственности. Эта модель широко тиражируется СМИ, ее стержнем является подчеркнутое противопоставление мужскому образцу. Она предполагает подчиненное положение в отношении с мужчинами, демонстрацию качеств, предписываемых слабому полу в сочетании с конвенциональными ролями супруги, матери и гетеросексуальной привлекательностью. Структурное основание культурной конструкции «настоящей (подчеркнутой) женственности» — ее подчиненное положение в отношении гегемонной маскулинности, что типично для символической системы патриархатного гендерного порядка. «Настоящая женственность» — это культурная конструкция. Из-за субординации женщин как группы в целом речь не идет о гегемонной женственности, аналогичной мужественности. Коннелл проясняет этот тезис таким образом. Во-первых, хотя одни женщины могут доминировать над другими, у них нет таких объемов власти, которые обеспечивают институционализированные отношения гегемонии и субординации. Во-вторых, у них отсутствует возможность доминировать над другим полом (Connell 1987: 187–188).

Гегемонная позиция приносит мужчинам выгоды, которые Коннелл называет «**патриархатными дивидендами**» (Connell 2005

[1995]: 82). Эти дивиденды, или преимущества, встроены во властные и статусные позиции, занимаемые успешными мужчинами, и поддерживаются структурным экономическим неравенством

между мужчинами и женщинами (Connell 2000: 25). Мужчины заинтересованы в сохранении существующих гендерных границ, которые воспроизводят их экономическую и политическую власть и более высокий статус относительно женщин в целом (Бёрд 2008: 20).

Патриархатные дивиденды – преимущества, которые сопутствуют властным и статусным позициям в патриархатном гендерном порядке.

Преимущества гегемонии доступны не всем мужчинам, а только тем, кто занимает позиции, приносящие дивиденды. Р. Коннелл показывает, как производятся иерархии мужественности в современном обществе (Connell 1987, 1995, 2000). В патриархатном социальном порядке не только женственность вторична по отношению к мужественности, но и среди паттернов мужественности существует гегемонный образец, по отношению к которому другие модели оказываются подчиненными (Connell 2005 [1995]: 78). Таким образом, анализ гендерных различий распространяется на разные варианты маскулинности и отношения между ними. Гегемонная маскулинность постоянно должна себя подтверждать и воспроизводить символически, поскольку в современном обществе она вызывает сопротивление субординированных групп (Carrigan, Connell, Lee 1985: 598).

2.2. Иерархия маскулинностей

Наличие разных маскулинностей не означает то, что они являются равными, напротив, в исследованиях подчеркиваются иерархические отношения, когда некоторые маскулинности доминируют, а другие субординированы или маргинализированы (Connell 2000: 10–11).

Гендерные отношения — это отношения **доминирования и субординации**. Гегемонная маскулинность работает как механизм исключения. Отношения власти выражены в первую очередь в

отношениях гетеро- и гомосексуальных мужчин. В современной Америке и Европе доминируют гетеросексуальные мужчины, а гомосексуальные — субординированы, и это касается не только стигматизации, но и материальных практик. Субординированные группы оказываются политически и культурно исключенными, против них часто направлены насильственные и оскорбительные действия (заметим, что в некоторых обществах ситуация меняется, однако в других она остается прежней). В патриархальной структуре именно гомосексуалы исключаются из гегемонной маскулинности, при этом их наделяют некоторыми качествами фемининности. Однако это не единственная маскулинность, которая субординирована. Некоторые мужчины и мальчики, обозначаемые уничижительными оборотами речи, такими как «девчонка», «баба», «плакса», «слабак», «сосунок», «маменькин сынок» — здесь заметны символические отсылки к женственности, — также исключаются из гегемонии. Такие лейблы призваны оскорбить адресата, определить его действия и занимаемую им позицию в обществе как неподобающую, не соответствующую стандартам правильного мужского поведения. В таких стратегиях вербального снижения статуса язык гендерной власти пользуется двумя дискурсивными приемами. Первый прием заключается в приписывании такому неполноценному мужчине женских черт и сигнификации его зависимости от женщин. Второй прием описывает отклонение от нормы мужественности через референцию к гомосексуальности.

Отношения неравенства между различными категориями мужчин формируются с помощью другого механизма — **маргинализации**, которая связана с расовыми и классовыми отношениями. Коннелл использует этот термин применительно к отношениям между доминирующими и субординированными классами или этническими группами. Маргинализация всегда относительна, она может существовать и внутри субординированных групп, например, на основании гомосексуальности (пример — чернокожий гомосексуал по отношению к другим черным мужчинам, которые находятся в субординированной позиции по отношению к белым). Она действует избирательно, выделяя группы на пересечении различных параметров. Так, например, чернокожие атлеты в США могут быть

примером гегемонной маскулинности, но чернокожие мужчины в целом не занимают позицию превосходства (Connell 2005 [1995]: 80–81). Такая маскулинность формируется в тех социальных слоях, которые занимают низкие позиции на социальной лестнице. Среди них — представители рабочего класса, маргинализованные этнические группы и локальные сообщества, т. е. те категории мужчин, для которых характерна нехватка ресурсов и власти в контексте ее глобального распределения (Connell, Messerschmidt 2005: 847–848).

Данные типы отношений, гегемонии, доминации/субординции, с одной стороны, и маргинализации, с другой, создают рамку для анализа особых групп маскулинностей. Коннелл подчеркивает, что гегемонная и маргинализованные маскулинности являются не фиксированными типами, а конфигурацией практик, порождаемых в определенных ситуациях и структурах (Connell 2005 [1995]: 76–81). В понятие маскулинности, предполагающее иерархию «настоящих» и всех остальных мужчин, которые не соответствуют критериям гегемонной нормы, заложена «несостоятельность», или «несостоявшаяся маскулинность» (*failed*), которая будет рассмотрена далее.

2.3. Направления исследований гегемонной маскулинности

В современных исследованиях значение уделяется следующим аспектам маскулинности:

- Гендерные иерархии. Подчеркивается, что гегемония в иерархии маскулинностей не исчерпывается мужским господством над женщинами; гендерные иерархии множественны: отношения неравенства распределяют различные категории мужественности и женственности на разных позициях символической иерархии.
- География маскулинностей. В разных культурных контекстах конфигурация маскулинности находится под влиянием локальных и транснациональных процессов. На локальном уровне гегемонная маскулинность конституируется во

взаимодействиях в семье, организациях, сообществе, на региональном — на уровне культуры национального государства, на глобальном — в мировой политике, транснациональном бизнесе и медиа.

- Телесная воплощенность гегемонии. Модели маскулинности — это не просто идеологические фантомы, они телесно воплощены в практиках спортивных состязаний и питания, в отношении к собственному здоровью, проявляются в насилии одних мужчин над другими. Исследователи изучают конкретные сюжеты, посвященные мужской телесности в мире физического труда (Donaldson 1991; Ваньке 2014), отношению мужчин к здоровью (Sabo, Gordon 1995), подростковому насилию (Messerschmidt 2000).
- Динамика маскулинности. Маскулинность как феномен гендерного порядка дифференцирована. Она конституируется в рамках институционализованного жизненного цикла мужчины, различается в разных возрастных группах — молодых мужчин, мужчин среднего и пожилого возраста, формируется через отношения с мужчинами и женщинами, с отцами, сыновьями и дочерьми, через вовлечение в заботу о детях. Одни образцы поддерживают патриархатный порядок, другие его подрывают. Формируются модели маскулинности, которым соответствуют новые образцы и стратегии гендерных отношений (например, эгалитарные партнерские союзы, отцы, вовлеченные в повседневный уход за ребенком — см. далее) (Connell 2010, 2012). Модели маскулинности изменчивы, при их изучении необходимо учитывать историческую динамику гегемонной маскулинности (Connell, Messerschmidt 2005: 831).

Категория «гегемонная маскулинность» широко используется в конкретных эмпирических исследованиях в самых разных полях — от изучения образования и психотерапии до анализа преступности и насилия (Connell, Messerschmidt 2005: 830–832). Исследователи выявляют механизмы осуществления гегемонии, изучают различия моделей маскулинности и способы их изменения. Изучаются образцы маскулинности, характерные для конкретных институциональных контекстов: в школах, в армии, в спорте, в бюрократии

тических организациях, в семье, в сфере здоровья и сексуальных отношений (Connell, Messerschmidt 2005: 833–834; Connell 2002; Kimmel 2005; Hochschild 2003b [1989]). Исследователи показывают, как действуют механизмы гегемонии. Например, в СМИ позитивно представляется один тип маскулинности, в то время как субординированные группы остаются невидимыми, стигматизируются или криминализируются.

Исследования показывают последствия следования идеалам гегемонной маскулинности и обозначают «цену», которую за это приходится платить мужчинам. Реализация предписаний этого культурного идеала отрицательно коррелирует с показателями продолжительности жизни и состояния здоровья (Кон 2008, 2009, 2010b; Тартаковская 2010b; см. также лекцию 11). Такие социально ожидаемые от мужчин качества, как достижительность и агрессивность, находят свое проявление в ориентациях на занятие позиций в сферах тяжелого и высокоответственного труда, которые сопряжены с физическими нагрузками и стрессами. Это оценивается исследователями как факторы риска для здоровья мужчин. Кроме того, распространенным является представление о том, что забота о здоровье несовместима с истинной мужественностью.

Еще один фактор риска — подавление эмоций в соответствии с предписаниями гегемонии. Эмоциональное измерение гегемонной маскулинности анализирует британский социолог Виктор Зайдлер. Он описывает механизмы отчуждения мужчин от своих эмоций, инструментализацию мужского тела. Исследователь отмечает, что отождествление разума и сознания с маскулинностью приводит к отрицанию тела, сексуальности и эмоциональной жизни, «которые исключаются как элементы “животной природы”, требующей контроля» (Зайдлер 2012: 85). Мужественность предполагает умение скрывать свои эмоции, проявление которых отождествляется со слабостью и женственностью. «Правильные мужчины» в западной культуре осуществляют постоянный самоконтроль и контроль над своим телом и сексуальностью для подтверждения своей идентичности. Мужчины не только подавляют эмоциональное выражение, но зачастую и не осознают и не понимают своих чувств, которые могут выражаться в агрессивных и насильственных формах действия (см. также: Seidler 2006a, 2006b).

2.4. Критика понятия «гегемонная маскулинность»

Несмотря на широкое распространение понятия «гегемонная маскулинность», критики указывают на ряд проблем, связанных с его использованием (Connell, Messerschmidt 2005; Demetriou 2001). Выделим основные пункты критики (Connell, Messerschmidt 2005: 836–845).

1. Критики отмечают, что понятие гегемонной маскулинности **эссенциализирует** мужское поведение, т. е. воспроизводит представление об универсальной мужской сущности. Оно неявно опирается на принцип гетеронормативности и закрепляет его. Однако, как показывают исследования, не существует единого нормативного стандарта маскулинности, поэтому в ряде случаев речь идет о гегемонных маскулинностях.
2. Гегемонная маскулинность зачастую предстает как **внеисторичная фиксированная модель**, в то время как реальные практики поведения мужчин претерпевают серьезные изменения и опираются на изменяющиеся структуры.
3. Отмечается двойственность и неопределенность термина, который используется для обозначения двух различных феноменов — **культурной модели маскулинности и практик мужского поведения**. Если термин используется для обозначения культурного идеала, то его трудно операционализировать и соотносить с реальной жизнью мужчин. Реальный опыт мужчин с уникальными биографическими особенностями чаще всего остается за пределами концептуализации. Коннелл отмечает, что достаточно мало мужчин могут соответствовать образцам, предписываемым гегемонной маскулинностью. Большинство мужчин ориентируется на гегемонные образцы, но не могут их реализовывать. Повседневные практики предполагают постоянный компромисс с женщинами, а не прямую доминацию и выражение власти (Connell 2005 [1995]: 79–80).
4. Понятие часто используется без учета принципа **интерсекциональности**. Оно является **нечувствительным к пересечению разнообразных институциональных факторов** (гендера,

расы, класса, национальности и пр.), которые определяют конфигурации отношений множественного неравенства (Holter 1997, 2003).

5. Понятие предполагает представление о **целостности и когерентности мужского субъекта**, способного осуществлять определенные стратегии. При этом внутренние противоречия и расщепленность субъекта, занимающего позицию гегемонии, остаются за пределами анализа.
6. Многие авторы рассматривают гегемонную маскулинность как совокупность **негативно оцениваемых характеристик**, как синоним угнетения, сексизма, мачизма, насилия. В таком случае из данного понятийного поля исключаются «позитивные» качества, такие как обеспечение семьи, отцовство, принятие на себя ответственности, выполнение требующих большого напряжения работ и пр.

Концепты маскулинности приобретают разные смыслы в различных контекстах. Неолиберальные и неоконсервативные идеологии актуализируют свойственные им гендерные модели. Религия, этноцентризм, призывы к безопасности оказывают влияние на идеалы маскулинности. Процессы глобализации делают открытыми локальные гендерные порядки для внешнего влияния, давления и трансформации. Формируются новые коалиции мужчин и возникают попытки установить новые гегемонии (Connell, Messerschmidt 2005).

Таким образом, критики отмечают ригидность типологии, разрывы между культурным уровнем репрезентаций и реально проживаемым опытом мужчин, сложности операционализации понятия, недостаточную чувствительность контекстуальных институциональных факторов и факторов изменений, преувеличение целостности и когерентности субъекта, способного осуществлять стратегии, а также исключительно негативную окраску и невозможность помыслить позитивную гегемонную маскулинность. В связи с этим они отказываются от использования этого термина и утверждают, что век гегемонной маскулинности уже прошел и изменения современных гендерных отношений не оставили места для патриархатного монолита мужского господства.

ИТАК, обобщим:

- Гегемонная маскулинность — это совокупность механизмов, с помощью которых определенная категория мужчин поддерживает позиции власти и благосостояния, производит и легитимирует господство над женщинами и другими группами мужчин.
- Гегемония мыслится как идеология и культурные представления, а также как совокупность практик и стратегий, направленных на поддержание доминирующих позиций в определенных институциональных контекстах. Множественность моделей маскулинности и их иерархия описываются как отношения гегемонии, доминации /субординации и маргинализации.
- Современные исследования делают акцент на механизмах поддержания гендерных иерархий, культурном разнообразии маскулинностей, их телесном воплощении и динамике.
- Критики концепта гегемонной маскулинности отмечают неопределенность и нечеткость его границ, противоречия между уровнем репрезентаций и практик, преувеличение целостности субъекта, недостаточный учет институциональных факторов.

3.

Изменения в положении мужчин в современном обществе

3.1. Кризис патриархата и утрата привилегий

Гендерные различия и социальные границы, с помощью которых общество маркирует разделение полов, в современном обществе подвергаются существенным изменениям. Они становятся пористыми и менее жесткими. Одним из аспектов трансформации гендерных различий являются изменения в положении мужчин. Конечно, они непосредственно связаны с изменением положения

женщин, но в данном случае мы хотим аналитически выделить те структурные изменения, которые повлияли на уменьшение относительного веса характеристик, которые традиционно приписывались «настоящим» мужчинам.

Первое. Изменение структуры рынка труда в постиндустриальном обществе выражается в относительном уменьшении видов занятости, предписанных мужчинам, в том числе связанных с физическими усилиями. Возрастает роль сервисной экономики и экономики, основанной на знаниях. А это значит, что модель гегемонной маскулинности подвергается эрозии. Кроме того, рабочие практики становятся гибкими, в современном обществе люди несколько раз в течение трудовой жизни меняют не только место работы, но и профессию. В настоящее время исследователи говорят о прекарности (от англ. *precarious* — нестабильный) рабочих позиций, которые характеризуются социальной незащищенностью и отсутствием гарантированных доходов (Стэндинг 2014). Это значит, что представление о том, что карьерный рост или стабильная работа на всю жизнь является основой маскулинной идентичности, претерпевает изменения.

Второе. Изменения в семье и моделях интимной жизни отражаются во многих показателях. Растет число разводов, в том числе и тех, инициаторами которых выступают женщины. Растет число домохозяйств с одним родителем, и часто им является мать. Это бросает вызов патриархатной семье, где главой семьи по умолчанию считается мужчина, снижается значимость позиции отца-добытчика в домохозяйствах. Супружество, родительство и семья становятся все более автономными друг от друга формами социальных отношений.

Третье. Происходят изменения в положении женщин на рынке труда, в политике, в образовании, в семье и в обществе в целом, женщины достигают успеха в борьбе за свои права и эмансипацию (Morgan 2006: 111–112). Эти изменения оказывают влияние на представления и реальный опыт мужчин и женщин. Конструкции маскулинности становятся все менее когерентными, менее доминантными и менее безусловными.

Как показывают исследователи, многие группы мужчин ощущают напряжения гендерной роли и невозможность соответствовать ее

нормативным предписаниям. Они испытывают постоянное недовольство собой и окружающими в связи с невозможностью отвечать ожиданиям общества и предписаниям роли (основного добытчика и главы семьи). Если ранее образцу главы семьи не соответствовали практики мужчин с низким социально-экономическим статусом и цветных мужчин, образцу гетеросексуала — практики геев, то в 1990-е гг. образцу главы семьи все менее соответствуют практики более привилегированных групп среднего и высшего среднего класса белых гетеросексуальных мужчин, в СМИ все чаще описываются «рассерженные белые мужчины».

Исследования российских гендерных отношений показали, что многие мужчины продолжают считать себя добытчиками (главами семьи), даже если их жены работают и на равных участвуют в финансовом обеспечении семьи (Тартаковская 2002, 2003). Идентификация себя как добытчика оборачивается для мужчин в случае безработицы потерей символического статуса и негативными эмоциями, с которыми они не умеют справляться, поскольку гендерная социализация не научила их этому (Kaufman 1994; Levant 1997). Многие мужчины не хотят сотрудничать с женщинами, разделяя домашние заботы, поскольку видят в этом разрушение гендерных границ и утрату своих патриархатных привилегий (Kaufman 1994). Мужчины не подготовлены к заботе и эмоциональной работе, т. к. гендерная социализация ориентировала их на другие цели — достижения и конкурентоспособность (Levant 1997). Массовому привлечению мужчин к повседневным домашним заботам, которые по-прежнему составляют «вторую смену» для женщин, препятствуют устойчивые представления о гендерных границах как основе личного достоинства мужчин и женщин, которые разделяют и первые и вторые (Hochschild 2003b [1989]).

Мужчины, лишившиеся своего властного статуса, рассматриваются как жертвы социальных изменений, среди которых значительную роль играет женская эмансипация и тренды гендерного равноправия и равенства (Morgan 2006: 121–122). Одной из реакций на утрату властной позиции и привилегий являются консервативные движения и подходы, которые в той или иной степени хотят восстановить традиционные нормы и образцы поведения (Messner 1997).

В современном обществе возрастает непонимание того, что значит быть мужчиной, но это не означает, что мужчины утратили ключевые позиции, например, в экономике и политике. Патриархатные дивиденды могут становиться более проблематичными, менее стабильными и доступными, но, как полагает Р. Коннелл, они продолжают существовать и считаются нормой патриархатного порядка (Connell 2005 [1995]).

3.2. Кризис маскулинности

«Начиная с 1970-х гг. на Западе, а затем и в России стали говорить и писать о том, что традиционный мужской стиль жизни, а возможно, и сами психические свойства мужчин не соответствуют современным социальным условиям, что мужчины сдают свои главенствующие позиции или что им приходится платить за них слишком высокую цену. Этот синдром получил название “кризиса маскулинности”» (Кон 2009b). **Кризис маскулинности** — это обозначение утраты гегемонии патриархатной модели маскулинности.

Конфликты и напряжения мужской роли были отмечены уже Парсонсом (см. выше и главу 4). В современном обществе они связываются в первую очередь с утратой монополии мужчин на позицию кормильца семьи (добытчика) и растущей вовлеченностью женщин в сферу оплачиваемого труда и политики. В обществе, где мужчины и женщины вносят сопоставимый вклад в семейный бюджет и семейное благополучие, а социальное государство берет на себя обязательства обеспечивать

Кризис маскулинности — несоответствие практик мужчин нормативным образцам гегемонной маскулинности, в частности — утрата роли основного добытчика и соответствующих привилегий (патриархатных дивидендов).

(хотя бы частично) помощь в заботе об экономически уязвимых группах, меняется относительный престиж традиционной инструментальной роли мужчины.

Кризис маскулинности обсуждается на индивидуальном и на социальном уровне, на уровне дискурса и на уровне коллективных практик (Morgan 2006, Kimmel 1987b). На дискурсивном уровне — это

признание того, что нормативная модель маскулинности не реализуется. На институциональном уровне и уровне практик обнаруживаются следующие современные тренды, способствующие кризису мужской роли: женщины массово вовлекаются в сферу оплачиваемой занятости, растет их экономическая, репродуктивная и сексуальная независимость от мужчин. Кризис рассматривается на социальном уровне, обозначая массовую коррозию и смену образов маскулинности, когда образы желаемого поведения перестают соответствовать структурным условиям. Для описания практик мужчин, которые не в состоянии соответствовать образцам гегемонной маскулинности, используется понятие «несостоявшаяся маскулинность» (см., напр.: Тартаковская 2003). Иногда эти понятия используются как синонимы — кризис на уровне системы, а несостоявшаяся маскулинность — на групповом или индивидуальном уровне.

Морган отмечает, что кризис маскулинности — это прежде всего кризис привычного гендерного порядка и традиционной мужской идеологии, которая перестала соответствовать изменившимся социально-экономическим условиям и создает социально-психологические трудности как для женщин, так и для самих мужчин (Morgan 2006; цит. по: Кон 2010b). При описании кризиса осознается разрыв между ожиданиями мужчин и их реальными практиками: белые мужчины среднего класса в современном западном обществе более не являются монопольными добытчиками для семьи, какими были их отцы и какими они сами надеялись стать (Levant 1997; Pleck 1995). Мужчины не контролируют женскую способность к деторождению, и даже в сфере интимных отношений инициатива у них перехвачена. Усиливается ролевая неопределенность по признаку пола, соответственно изменяются отношения власти между мужчинами и женщинами. Кроме того, женщины стали активными субъектами в сфере электоральной политики, и этот сдвиг также привел к изменению относительной значимости мужской позиции. Все эти изменения поставили под сомнение гегемонию патриархатной модели маскулинности. В настоящее время с ней конкурируют иные образцы мужского поведения, которые по старым меркам были бы отнесены к вариантам субординированному/маргинальному, не соответствующим тому, что предписано настоящим мужчинам.

Хотя понятие «кризис маскулинности» широко используется в современной литературе, оно остается весьма неопределенным по своему смыслу. Его используют как для описания позиций, ролей и самоидентификации по признаку пола, так и для обозначения слома устойчивых властных отношений, утраты ранее доминировавшими группами конвенциональных патриархатных дивидендов — власти, престижа и материальных выгод (кризис патриархата). Р. Коннелл указывает на то, что термин «кризис» характеризует когерентность разрушаемой системы, в то время как маскулинность не является системой — это конфигурация практик внутри системы гендерных отношений. Поэтому, с его точки зрения, логичнее говорить о кризисе патриархатного гендерного порядка в целом, а не о кризисе маскулинности (Connell 2005 [1995]: 84).

3.3. Новые модели маскулинности

Феминистский анализ рассматривает традиционную патриархатную маскулинность (культурные модели и практики) как систему ограничений и рисков самореализации для мужчин (Kimmel 1987a; Pleck 1981). Идеология маскулинности пересматривается, и репродуктивные телесные различия полов не считаются преградой для равенства и вовлеченности в заботу, которая ранее связывалась исключительно с экспрессивной ролью женщин, воспитанных для того, чтобы стать матерями и супругами.

Многие мужчины сегодня отвергают нормы и практики, согласно которым их единственная или первичная роль — это роль добытчика. Некоторые мужчины хотели бы активнее участвовать (и уже участвуют) в домашней работе и заботе о детях, хотя существует достаточно много барьеров на пути реализации этих целей (Chesley 2011; Smith, Winchester 1998). Исследователи отмечают формирование новой модели маскулинности в индустриальном мире и обсуждают феномен «новых» мужчин. Игорь Кон, опираясь на исследования немецких социологов (Zulehner, Volz 1998), показывает различия между «новыми» мужчинами и мужчинами-традиционалистами. Для традиционалистов главное — это оплачиваемая работа, они обеспечивают семью, а эмоциональную заботу о детях

считают делом женщины — супруги и матери семейства. «Новые мужчины» не только не чураются так называемой женской работы, но и не стесняются проявлять свои эмоции, обсуждать свои переживания и даже готовы заботиться о своем здоровье. Они менее склонны к насилию и терпимее относятся к альтернативным стилям жизни, их не угнетает успешность их жен и подруг. В больших городах «новых» мужчин больше, чем в маленьких городах и деревнях. Политически традиционалисты тяготеют к правому, а «новые» мужчины — к левому крылу. «По большинству показателей “новые мужчины” выглядят социально и психологически благополучнее остальных. Чтобы успешно жить и работать в современных условиях, мужчина должен стать мягче и терпимее. Тем не менее, гендерные отношения остаются проблематичными», — делает вывод И. Кон. Проблемы связаны с тем, что, несмотря на принятие принципа гендерного равенства, разделение труда в семье и в сфере занятости во многом остается традиционным, а заинтересованность женщин в гендерном равенстве более высокая по сравнению с мужчинами (Кон 2009b: 123).

Все более мужчины ориентируются на эгалитарные отношения в партнерском союзе, на равный с матерями вклад в заботу о ребенке и уход за ним (подробнее см.: Connell 2005 [1995], 2000; Кон 2009b), на эмоциональную вовлеченность в межличностные отношения. Однако такие установки далеко не всегда реализуются. Партнерским практикам препятствуют старые традиционные образцы идеологии и структурные ограничения (например, на рынке занятости). Исследователи отмечают, что лишь некоторые мужчины становятся «заботящимися» отцами и берут на себя больше обязанностей по заботе в семье (LaRossa 1989). Такие практики мужского родительства обозначаются как «вовлеченное» или «участвующее» отцовство (Клёцина 2009). Забота в этом случае включает постоянное внимание к нуждам и потребностям ребенка, начиная с родов и подготовки к ним (Авдеева 2012; см. также: Ангелова, Тёмкина 2009; Клёцина 2009). В современных исследованиях изучается влияние вовлеченного отцовства на благополучие ребенка и семьи, с одной стороны, и на психологическое и эмоциональное благополучие мужчины, с другой. В центре внимания исследователей оказываются практики вовлеченного отцовства и их трансформации, а также структурные

барьеры и условия воспроизводства данной модели (Гурко 2003; Клѐцина 2009; Кон 2009а; Кон 2009b; Coltrane 1996, 2000, 2004; Krampe 2009; Wall, Arnold 2007). Организация труда во многих видах занятости препятствует вовлеченному родительству (и отцовству, и материнству), однако рабочие позиции, которые требуют интенсивной занятости и постоянной ответственности, занимают в первую очередь мужчины, и потому этот барьер срабатывает в первую очередь по отношению к отцовству. Исследователи в целом полагают, что к традиционной модели (когда сохраняется норма мужчины-добытчика, а за заботу в большей степени отвечает мать) больше тяготеют мужчины рабочего класса, даже те, кто более активно участвует в заботе о ребенке. Эгалитарная модель отцовства (которая предполагает сочетание профессиональной занятости и вовлеченности в заботу наравне с матерями) характерна для среднего класса. Однако реальная картина оказывается гораздо более сложной (см. Shows, Gerstel 2009).

Различные модели отцовства в США

Исследователи отмечают, что идеология вовлеченного отцовства, которой придерживаются представители среднего класса, часто расходится с их повседневными практиками, и это связано с характером их труда. Так, социологи Шоуз и Герстель показывают, как некоторые представители среднего класса (в их выборке — врачи), выражая эгалитарные взгляды в отношении родительства, осуществляют практики «публичного отцовства», т. е. регулярно присутствуют на мероприятиях, в которых принимают участие их дети. При этом они редко участвуют в рутинной деятельности по уходу за детьми, их режим занятости является достаточно напряженным, и профессиональные задачи (забота о здоровье пациентов) являются для них приоритетными. Мужчины-профессионалы являются, как правило, основными кормильцами в семье. В случае если их жены также работают, часть заботы о детях делегируется оплачиваемым домашним работникам (няням). Иные практики демонстрируют технические работники в медицине (техники). По сравнению с врачами, они занимают более низкие позиции в профессиональной и образовательной иерархии, их

заработки ниже. Они в большей степени осуществляют «приватное отцовство», участвуют в повседневной заботе наравне со своими супругами, зачастую организовывая домашнюю работу «посменно» (посменно организована и их оплачиваемая занятость), на принципах очередности с другими членами семьи. Их вклад в семейный бюджет сопоставим с вкладом их жен, а режим работы позволяет учитывать интересы семьи. Именно вторая модель отцовства в данном случае позволяет говорить об изменениях в организации заботы (Shows, Gerstel 2009).

Отцовство изменяется в контексте изменения родительства в целом, которое становится более поздним, более сознательным и более интенсивным (об интенсивном материнстве см. Naus 1996). Эти процессы происходят в последние десятилетия, как в западных странах, так и в России. Меняется отношение к детям, родительство становится детоцентристским, т. е. ребенок признается личностью с индивидуальными потребностями, и родители (в первую очередь, мать) ориентируются на их удовлетворение. Наблюдаются и тенденции изменения отцовства. Исследователи показывают изменения представлений и практик мужчин, которые происходят в современной России. В городском образованном классе возникают новые образцы и практики маскулинности. Мужчины принимают участие в родах, вовлекаются в заботу о ребенке на ранних стадиях жизненного цикла, осуществляют эмоциональную работу. Однако существуют барьеры, препятствующие осуществлению таких практик, среди них — гендерные стереотипы, организация сферы занятости и медицины.

Участие отца в родах (Россия)

В России за последние десять лет все более распространенным становится присутствие отца при родах ребенка. Практики семейных родов могут включать подготовку будущих отцов к деторождению. Будущие родители совместно посещают женские консультации, ходят на курсы по подготовке к родам, принимают решения о выборе роддома. Отцы присутствуют на родах, активно участвуют в уходе за новорожденным — т. е. все более вовлекаются

в те практики, которые ранее считались эксклюзивно или преимущественно женскими или делегированными медицинскому персоналу.

Распространенная практика участия отцов в родах свидетельствует об ослаблении поляризации отцовских и материнских ролей, увеличении многообразия конкретных практик родительства и постепенном формировании модели «сознательного родительства» (Гурко 1997, 2000).

На материалах эмпирического исследования, проведенного в Петербурге, Евгения Ангелова и Анна Тёмкина выделяют две базовые модели участия отца в родах (Ангелова, Тёмкина 2009). Эти модели различаются по следующим критериям: интерпретация участниками совместных родов, степень подготовленности будущего отца к родам и степень его вовлеченности, способ взаимодействия супругов во время родов, разделения их гендерных ролей и пр. Модель активного участия («я как будто сам родил») предполагает, что в дородовой период партнеры занимаются поиском информации, посещают курсы подготовки к родам, устанавливают доверительные отношения с акушеркой и врачом. Отец в такой ситуации — это партнер, эксперт, его присутствие означает совместное переживание опыта, который осознается как значимый для дальнейшей жизни семьи. Оно также компенсирует недостатки организации ухода в родильном доме. Вторая модель предполагает ситуативное, в значительной степени формальное участие отца; в этом случае он лишь незначительно подготовлен и остается достаточно пассивным в течение самих родов. Его участие не является целенаправленной стратегией партнеров («просто на месте событий был»). Однако присутствие отца в роли контролера или наблюдателя имеет важное функциональное значение обеспечения надзора и достижения безопасности.

Практика присутствия отца при родах имеет различные вариации и различные социальные смыслы. В ряде случаев она связана с трансформацией гендерного порядка, переосмыслением отцовства/родительства и гендерных ролей. Практика активного участия в родах включает отца в воспитание и уход за детьми на более ранних стадиях; такие «новые отцы» более ориентированы на заботу о детях, партнерство и эмоциональную работу. Вторая модель участия не предполагает глубокой вовлеченности мужчины,

его поведение в большей степени ориентировано на моду, а также продиктовано необходимостью контролировать работу медицинского персонала в условиях недостатка доверия к институтам медицины в России. Для этой модели не характерно существенное изменение практик отцовства, она не влечет за собой значимых последствий для изменений гендерного порядка в сфере родительства.

Вовлеченное отцовство в России

Как показывает А. Авдеева, модель вовлеченного отцовства предполагает, что отцу предписывается исполнение не только роли защитника и добытчика, но и постоянное активное участие в процессе бытового ухода за детьми. Основными характеристиками заботы являются внимание к потребностям ребенка как личности, готовность незамедлительно реагировать на его запросы, аффективная вовлеченность, повседневная рутинная практика следования его потребностям, часто за счет своих личных интересов.

Однако реализации практик вовлеченного отцовства в условиях современной России препятствует ряд институциональных барьеров. Во многих семьях, несмотря на ориентацию на выполнение функций заботы, мужчины продолжают оставаться основными добытчиками, а разделение обязанностей по ведению домашнего хозяйства в семье остается традиционным (Авдеева 2012: 98). Для многих семей подобное разделение обязанностей является наиболее эффективным, т. к. часто уровень заработной платы мужчины значительно выше уровня реальной или возможной оплаты труда его супруги. Помимо этого, во многих семьях женщины придерживаются традиционной гендерной идеологии, семья и материнство выступают для них важнейшей сферой самореализации и основанием престижа: они стараются сохранить монополию материнской заботы. Вовлеченное/ответственное отцовство в России не встречает реальной институциональной поддержки (в отличие, например, от стран Северной Европы). Об этом свидетельствуют незначительный размер пособий по уходу за ребенком, гендерное неравенство в сфере занятости, когда работодатели не оформляют отцам отпуск по уходу за ребенком и больничные листы (в случае полной семьи) (Авдеева 2012).

ИТАК, подведем итоги рассмотрения концепта гегемонной маскулинности и альтернативных моделей маскулинности:

- Гегемонная маскулинность — это конфигурация практик, сопряженная с властными позициями определенных групп мужчин по отношению к другим мужчинам и женщинам и способ удержания данных позиций. Гегемония мыслится как идеология и нормативные представления, а также как определенные практики и стратегии, направленные на поддержание доминирующих позиций в определенных институциональных контекстах, среди которых важнейшее место занимают условия, формируемые государством, и позиции на рынке занятости.
- Гендерные иерархии множественны: отношения неравенства распределяют различные категории мужественности и женственности на разных позициях символической иерархии. Гегемонная маскулинность работает как механизм исключения.
- Кризис маскулинности концептуализируется как несоответствие практик мужчин нормативным образцам гегемонной маскулинности, в частности — как утрата роли основного добытчика и соответствующих привилегий (патриархатных дивидендов). «Кризис маскулинности» — это кризис привычного гендерного порядка и традиционной маскулинной идеологии, которая перестала соответствовать изменившимся социально-экономическим условиям и практикам.
- Формируются новые модели маскулинности, не связанные исключительно с ролью добытчика. Многие мужчины активно участвуют в домашней работе и заботе о детях, хотя существует достаточно много барьеров для осуществления таких практик.
- Изменения предписаний и практик мужчин не являются когерентными, некоторые из них меняются, другие остаются традиционными. Существуют различные институциональные барьеры для изменения ролей: сохранение неравенства в сфере оплачиваемой занятости, традиционалистской идеологии, отсутствие поддержки со стороны государства и работодателей и пр.

4. Мужские движения

Ответом на ослабление гегемонии и активность женского движения стали мужские движения, получившие развитие в последней трети XX в. Эти движения связаны с изменениями позиций мужчин в обществе. Некоторые из них выражают негативное отношение к феминизму, а другие, такие как мифопоэтическое движение, дистанцируются от него. М. Месснер (Messner 1997) выделяет следующие движения мужчин, которые стали особенно заметными в 1990-е гг. на Западе: мифопоэтические и христианские, освободительные движения и движения за права мужчин, профеминистские, движения меньшинств, в фокусе которых — политика идентичности (см. также: Тартаковская 2005: 153–162).

4.1. Мифопоэтические и христианские движения

Данные движения рассматриваются как реакция на проблему «феминизации» мужчин. Феминизация мужчин описывается как разрушительный современный тренд изменения мужского поведения, в результате которого утрачиваются характеристики настоящей мужественности и мужчины приобретают черты, которые традиционно ассоциируются с так называемыми женскими моделями поведения. Решение проблемы сторонники движения видят в обращении к доиндустриальным образцам рыцарства. Ответственность за феминизацию современных мужчин приписывается движениям геев, феминизму, сексуальной революции и ослаблению традиционной семьи, механизмам отчуждения, присущим модернизации в целом.

Одним из основных текстов **мифопоэтического движения** является книга Роберта Блая «Железный Джон: книга о мужчинах» (*Iron John: A Book About Men*, см.: Bly 1990), подчеркивающая роль ритуалов в мужской инициации. Мужчины осознают цену инструментальной роли, которая в индустриальную эпоху привела к отчуждению отцов от сыновей, мужчин друг от друга. Цель движения — восстановление утраченных связей, важная роль в этом принадлежит ритуалам, восстанавливающим «архетипические образцы

мужественности». Движение основывается на эссенциалистских представлениях о различиях мужчин и женщин, его участники полагают, что голоса мужчин должны быть озвучены и услышаны, так же, как и голоса женщин. Движение стремится восстановить традиционную гегемонную маскулинность (Messner 1997: 17–24).

Христианское движение «Верные слову» также подчеркивает различия между мужчинами и женщинами, и утверждает, что социальные позиции полов должны различаться. В качестве нормативной модели продвигается традиционная патриархальная семья, главой которой является мужчина. Если мифопоэтическое движение скорее позиционирует себя как аполитичное, то в христианских движениях провозглашаются политические цели возврата к дофеминистскому периоду и периоду, предшествовавшему движениям геев (Messner 1997: 24–35).

4.2. Движения эмансипации и движения за права мужчин

В 1970-е гг. возникают мужские группы роста сознания, в движении эмансипации (**освободительном движении**) признается проблема сексизма, от которого страдают как женщины, так и мужчины. Многие участники движения — психологи, которые критикуют и ограниченность ролей, эмоционально и функционально обедняющих мужской опыт. Констатируется противоречие: мужчины имеют институциональную власть, но большинство из них ее никак не ощущают или ощущают как навязанное бремя гиперответственности. Освободительное движение фокусирует внимание на механизмах социализации и изменениях, которые сделают возможным эмоциональную самореализацию мужчин и будут способствовать тому, чтобы они стали компетентными в межличностных отношениях.

Движение за права мужчин привлекает внимание к издержкам выполнения мужчинами приписанных ролей. Цена мужской гегемонии выражается в более короткой продолжительности жизни и в проблемах здоровья. Мужчины рассматриваются как жертвы (см. выше про кризис маскулинности) порнографии, проституции, ритуалов ухаживания, сексистских средств информации, обвинений

в домогательствах. Поднимается вопрос о правах отцов при разводе, об ограничении абортов, для чего используется риторика равных прав и антифеминистские лозунги.

4.3. Профеминистские мужские движения

Их идеология построена на идее сопротивления мужским привилегиям, воспроизводящимся в современных обществах. Используется радикальный феминистский дискурс о расизме, сексизме, насилии, доминации мужчин, который позволяет формулировать риторику групп «мужчины против насилия», «против сексизма» и пр. Другой дискурс — социалистический феминизм — делает акценты на структуры власти, классовое неравенство и рассматривает множественные маскулинности, включая измерения класса, расы, этничности и пр. (Messner 1997: 49–62).

4.4. Движения и политика идентичности

В фокусе движения чернокожих мужчин находится расовая политика идентичности, которая связана с осознанием расизма и негативных последствий расовых стереотипов. Движения, которые Месснер называет движениями **консервативных эссенциалистов**, исходят из представлений о естественных различиях мужчин и женщин, полагая необходимой борьбу за подлинную (гегемонную) мужественность, которой лишены чернокожие мужчины. Феминизм при этом считается угрозой для семьи и единства сообщества. Другое движение — **радикальные редуционисты**, признавая равенство мужчин и женщин, отдает приоритеты борьбе с расизмом и капитализмом, считая, что феминизм как буржуазное течение скорее разделяет, чем объединяет женщин (Messner 1997: 63–88).

Освободительное движение геев с 1970-х гг. своим существованием подрывает базовый компонент гегемонной маскулинности и гендерного порядка — гетеронормативную матрицу сексуальных отношений. Движение выступает за индивидуальные гражданские права геев, его участники требуют отношения к себе как к «нормальным» людям с такими же семейными ценностями

и конвенциональными ролями, как и гетеросексуальное большинство. Они требуют таких гражданских прав, как право на вступление в брак, право на родительство. Нормализация гомосексуальности в обществе рассматривается как защитная стратегия.

Требования геев близки к требованиям чернокожих мужчин, которым отказывали в полноценной мужественности, считая их маскулинность субординированной и маргинальной (Messner 1997: 82–83). Движения пытаются добиться легитимации и признания маскулинности особых категорий мужчин. При этом движение геев ориентируется на сексуальное освобождение, и в отличие от лесбийского, не так легко находит союзников среди феминисток. Критики подчеркивают, что движение тяготеет к универсализации мужской гомосексуальности, в то время как существуют социальные различия между возрастными, расовыми и классовыми группами мужчин-гомосексуалов (Messner 1997: 87).

ИТАК, подведем итог обзора истории мужских движений.

- Изменения в положении мужчин в обществе и ослабление гегемонии приводят к возникновению мужских движений разной направленности.
- Среди них выделяют феминистские, антифеминистские и не идентифицирующие себя через феминизм. Мужские движения прямо или косвенно связаны с изменением положения женщин в обществе.

5. Маскулинности в российском контексте: анализ дискурсов

Мы применили концепты гегемонной маскулинности и кризиса маскулинности в своих исследованиях множественности и иерархичности маскулинностей в позднесоветском и постсоветском обществах. Наш анализ маскулинностей и их иерархий основан на исследованиях, опирающихся на разные типы источников, появившихся в

разные периоды. В одном случае это анализ критического дискурса (публицистика и социологические данные), во втором — мужские журналы, в третьем — биографии, и в четвертом — художественная литература. Это, разумеется, влияет на исследовательские фокусы: так, на основе опубликованных медийных текстов мы больше говорим о представлениях, на основе биографий (в том числе в литературных репрезентациях) — о практиках. Однако для нас важно то, что разнообразный материал и исследования позволяют получить достаточно наглядное представление о моделях маскулинностей и общих тенденциях изменения представлений и практик.

5.1. Кризис маскулинности в позднесоветском контексте (конец 1960-х — 1980-е гг.)

5.1.1. Виктимизация мужчин

«Кризис маскулинности» в позднесоветском дискурсе понимается как метафора, за которой скрывается признание социальной болезни общества. Дискуссия о кризисе маскулинности началась статьей советского демографа Б. Ц. Урланиса в «Литературной газете» в 1968 г. (Урланис 1968). В 1970-е и 1980-е гг. дискуссия продолжалась, были сформулированы следствия кризиса маскулинности: низкая продолжительность жизни мужчин по сравнению с женщинами, самодеструктивные практики, выражающиеся в так называемых вредных привычках (пьянство и алкоголизм, курение, «неумеренность в еде»), несчастные случаи как «печальная “привилегия” именно мужчин» (Урланис 1978), рост заболеваемости среди мужчин и пр.

Совокупность аргументов, с помощью которых доказывался тезис о кризисе маскулинности, выстраивалась в своеобразную теорию виктимизации мужчин, согласно которой мужчины рассматривались как пассивные жертвы собственной биологической природы или структурно-культурных обстоятельств. Мужчины в этом дискурсе — жертвы, которых трудно назвать активно действующими, творящими свою судьбу социальными агентами. В дискурсе указывается на демографический дисбаланс, который вызван

войнами, репрессиями, в целом низкой продолжительностью жизни и высокой смертностью мужчин по сравнению с женщинами (Урланис 1969). «Мужчины в среднем живут на 10 лет меньше, чем женщины» (Урланис 1978). Другой аргумент — *биологический*: мужчины как биологический вид менее жизнеспособны, чем женщины. Третий аргумент — *модернизационный*: развитие технологий несет угрозу для мужчин, что вызвано большей по сравнению с женщинами вовлеченностью мужчин в публичную сферу. Во всех индустриальных странах продолжительность жизни мужчин меньше, чем женщин (в 1970-х гг. существовало несколько исключений в странах третьего мира, в которых индустриализация еще не принесла разрушительных для жизни мужчин результатов) (Урланис 1969).

Демографический дефицит мужчин в советском обществе привел к повышению их символической стоимости и к проблематизации маскулинности. Критики обсуждали социальные последствия кризиса маскулинности, к ним были отнесены кризис семейных отношений, показателем которого был рост числа разводов; психологические и социальные перегрузки, характерные для женщин, воспитывающих детей без отцов (Урланис 1970). Один из основателей советской социологии семьи А. Харчев писал в 1979 г.: «Пьянство мужей вышло на первое место среди мотивов разводов, возбуждаемых по инициативе женщины... алкоголизм стимулирует, с одной стороны, адюльтер, с другой — импотенцию» (Харчев 1979: 230). Массовая безотцовщина, по мнению исследователей, привела к формированию специфических образцов мужественности. Брутальная маскулинность, склонность к насилию, — считали советские исследователи, соглашаясь в этом с западными, — есть результат воспитания мальчиков в подростковых гомосоциальных средах, где нет воздействия старших мужчин и идет компенсаторное развитие мужской личности. В 1980 г. советские педагоги В. Каган и Д. Исаев писали: «Воспитывающиеся без отца мальчики либо усваивают “женский” тип поведения, либо создают искаженное представление о мужском поведении как антагонистически противоположном женскому и не воспринимают всего того, что пытается привить им мать. В обоих случаях складывается вульгаризированное представление о мужском поведении как агрессивном, грубом, резком и жестоком» (Исаев, Каган 1979: 29).

Невозможность исполнения традиционных мужских ролей, связанная с ограничениями либеральных прав (собственности, политических свобод, свободы совести), имплицитно считается причиной разрушения истинной мужественности, хотя открыто этот тезис не заявлялся вплоть до конца 1980-х гг. Наше исследование показало, что «кризис маскулинности» является дискурсивным фактом, т. е. общепризнанным в позднесоветском критическом дискурсе (Здравомыслова, Тёмкина 2002b). В либеральном критическом дискурсе фрагментарно обсуждались недостатки советского общества и предлагались возможные альтернативы социальных изменений. Этот дискурс находил место как в социологических и демографических изданиях, так и в общественной публицистике того времени. Базовым правилом позднесоветского критического дискурса было правило эзопова языка, или правило метафоры. Частичная критика режима проблематизировала те аспекты советской реальности, которые казались второстепенными и несущественными — отношение к труду, положение семьи, некоторые аспекты образа жизни (например, курение или потребление). В этом дискурсе обсуждались и отношения между полами, роли мужчин и женщин.

5.1.2. Недоступные нормативные модели маскулинности

Общество рассматривало мужчин послевоенного возрастной когорты как неудачников по сравнению с нормативными моделями гегемонной маскулинности. Мужчинам в позднесоветском дискурсе приписывалось состояние относительной депривации (неудовлетворенности, возникающей из-за несоответствия результата ожиданиям). Кто же те успешные другие, с которым сравнивался позднесоветский мужчина и по отношению к которым он испытывал относительную депривацию, т. е. ощущал свое положение как недостойное и невыносимое? Нам удалось выделить несколько нормативных моделей гегемонной маскулинности, или систем референции, которые присутствовали в критическом либеральном дискурсе (вне либерального дискурса модели успешного советского дискурса могли быть представлены героями труда, космонавтами, выдающимися учеными или деятелями искусства и пр., но их мы

здесь не рассматриваем). Две из них — ретроспективные ностальгические модели героев прежних дней. Другая — синхроническая — идеальная модель западного мужчины. Рассмотрим их подробнее.

Герой (гегемонная советская маскулинность)

Одной из ретроспективных нормативных моделей выступал культовый образ мужчины предшествующего поколения, **образ отца**. Настоящий мужчина — участник героической индустриализации страны и Великой Отечественной войны. Этот образ тиражировался советским кинематографом, литературой, изобразительным искусством как положительный социально-антропологический тип⁸. Позднее Юрий Левада реконструирует следующие его черты. В первых, он представляет собой некоторое исключение, он существенно отличается от мужчин всех других обществ и времен. Его ценностная ориентация может быть названа государственно-патерналистской; дело, которому он служит, — это дело государственной важности. Государственная служба — его основной долг. Его жизненный путь — это путь солдата-освободителя, строителя могучей державы. Жизнь советского мужчины предшествующего поколения наполнена смыслом. Служение родине (государству) — его мужское призвание. Это служение достойно вознаграждается — он становится героем. Еще одна черта данного культурно-антропологического типа — способность к мужской дружбе в сочетании с готовностью подчинения, которую Левада (1993) называет иерархическим эгалитаризмом. Она предполагает соединение жесткой субординации с этосом товарищества. Догматизм и нетерпимость — также типичные черты такого типа личности, которые в положительном варианте рассматриваются как верность принципам. Психологические черты этого типа мужчины производны от его основной военно-защитной функции.

⁸ Социально-антропологический тип имеет следующие признаки: характеристики, которые ему приписываются, должны быть широко распространены, они могут выполнять функцию доминанты, т. е. быть доминирующими в общественном мнении, признаки должны быть устойчивыми и когерентными и выполнять функцию социально-культурного стандарта, который подкреплён механизмами социального контроля (Левада 1993: 10–12).

Героизм — существенная черта **отца** позднесоветского мужчины. Героизм отца проявляется в борьбе с очевидным врагом, в готовности пожертвовать своей жизнью, отказаться от частной жизни, в создании могучей военизированной супердержавы. Он прославляется как защитник отечества. Именно **отец** является чистым культурно-антропологическим типом «простого советского человека». По мнению Е. Мещеркиной, базовый маскулинный архетип солдата, воина — один из кирпичиков, из которых была построена крепость тоталитаризма (Мещеркина 1996). Как пишет Кон, конструкция гегемонной маскулинности советского общества была связана с героизмом, подвигами и самопожертвованием во имя общего дела и коммунистического будущего. «Главным свойством “настоящего мужчины” была подразумеваемая постоянная готовность отдать жизнь за Родину или за поддерживаемые официальной идеологией ценности. Причем такое самопожертвование необязательно должно было произойти в контексте защиты от внешних врагов — “мирная жизнь” по динамике и идеологии максимально приближалась к военной мобилизации (например, пресловутые “битвы за урожай” имели своих героев и даже жертв, гибнувших при попытке спасения горящей сельхозтехники)» (Кон 2009b). Итак, гегемонная советская маскулинность рассматривается сквозь призму государственного служения, в первую очередь милитаристского.

Женщина рядом с этим героем предстает как подруга жизни, которую защищают, которая ждет коротких встреч, но одновременно сама совершает трудовые подвиги во имя Отечества. В рамках критического дискурса погибший на войне или в сталинских лагерях отец оказывается привлекательным образом, о котором можно только ностальгически мечтать. Парным нормативным женским образом становится женщина как представительница «слабого пола», который нуждается в защите. В действительности объектом защиты является не девушка, а патриархатная власть (Синельников 1998).

Мужик и аристократ (традиционная русская маскулинность)

Другая ретроспективная нормативная модель, к которой обращается критический дискурс, включает две версии образа тра-

диционной русской маскулинности. Первая версия — **российский мужик**. Привлекательная фигура патриархального крестьянина-труженика, собственника, общинника и философа — представлена убедительнее всего в прозе писателей-деревенщиков, получившей наибольшую популярность в 1970-е гг. (Распутин, Солоухин, Белов, Абрамов).

Другая модель — **дворянин-аристократ**, который в своих действиях руководствуется принципами сословной гражданской чести. Такой герой был представлен классической российской литературой, с которой советские дети знакомились в рамках обязательной образовательной программы средней школы по литературе. Мифологизация дворянина-декабриста характерна для либерального дискурса познесоветского периода. Структура этого образа реконструирована польской исследовательницей М. Оссовской и классиком тартусской семиотической школы Ю. Лотманом. Статус аристократа-дворянина предполагает некоторый набор прав и обязанностей, которые составляют кодекс чести настоящего мужчины данного сословия. Мужчина-аристократ — гарант и защитник чести женщины — представительницы слабого пола. «С дамами человек чести учтив и заботится об их репутации» (Оссовская 1987: 145–146). Ритуал и символ защиты мужской чести — поединок, дуэль. Жесткие требования дворянского кодекса чести были вписаны в патриархатную структуру сословного общества, где женщине отводилась роль слабого пола, который мог быть представлен или защищен в публичной сфере мужчиной.

Реконструкция дворянского и декабристского кодекса чести стала предметом академического интереса и общественной дискуссии именно в 1960–1970-е гг. В либеральном дискурсе познесоветского периода образ утраченной мужественности аристократа был дополнен реконструкцией повседневных практик и кодекса чести одного специфического типа аристократии — декабриста. Лотман утверждает, что декабристы создали новый тип российского человека (т. е. мужчины) (Лотман 1992: 299).

Согласно Лотману, декабристы были ориентированы на идеалы гражданской доблести, воспетой античной республикой. Для стиля декабристов характерно соответствие слова и дела, позиции и поведения. Повседневная жизнь декабристов становится полити-

ческим действием — она представляется как символ их протеста против светского общества и самодержавного государства. Воссоздавая недостижимый для советского мужчины-интеллектуала идеал, Лотман подчеркивает, что суждения декабристов никогда не были морально нейтральными — самые повседневные поступки они обсуждали в терминах моральной дихотомии между тиранией, подлостью и либерализмом, героизмом (Лотман 1992: 305). Романтический образ декабриста предполагал также дебоширство — которое считалось выражением либерального мировоззрения. Мир «разгульного поведения» представлялся как автономная сфера личной свободы, мужского товарищества, вольнодумства, считался признаком гражданской добродетели — потенциалом политического протеста (Лотман 1992: 319). Культ экзальтированной мужской дружбы, основанной на общих идеалах, противопоставлялся другим отношениям (с женщинами и членами семьи).

Такая нормативная модель патриархатного мужчины была поддержана в советской историографии дополняющим образом женственности в культе жен декабристов. Согласно нормам обычного права, следование за ссылаемыми мужьями было традиционной формой поведения (Лотман 1992: 314–315). Однако в либеральном познесоветском дискурсе следование за мужем наделялось смыслом героического добровольного выбора со стороны жен, которые должны разделить судьбу мужа — декабриста-диссидента.

Недостижимый идеал настоящего мужчины-декабриста, противостоящего деспотизму и тирании, равно как и его хабитус, сочетающий уверенность в себе, любезность, куртуазность, дебош, был мечтой советской интеллигенции и пропагандировался лучшими образцами советского творчества. Воспевание этого образа мы находим в текстах культовых фигур бардов — Окуджавы и Высоцкого. Герои песен Окуджавы — кумира советских шестидесятников — это офицеры царской армии, герои наполеоновских войн, либеральная аристократия XIX в. Кавалергарды, дуэлянты, гусары — герои Отечественной войны 1812 г. — считались носителями разделяемых всеми либеральных идеалов. Интериоризованный либералами этос декабриста предполагает, что «не покупается честное имя, талант и любовь» (Окуджава).

Ковбой (западная гегемонная маскулинность)

Критический дискурс 1960-х гг. был ориентирован на образы мужчин, тиражированные в западном массовом искусстве, на образы, создаваемые классическими произведениями Ремарка и Хемингуэя, кинематографом, журналом «Иностранная литература». Это образ ковбоя, независимого, благородного, уверенного в себе, одинокого, строящего жизнь в согласии с кодексом чести, готового и способного защитить слабого. Такой герой противопоставит несправедливости общественного устройства в одиночку или с верными друзьями. Его жизнь — одиссея, полная приключений, опасности, борьбы и побед. Женщина связана с этим мужчиной через отношения любви, как партнер она исключена из его мира. Этот концепт маскулинности предполагает веру в индивидуальную свободу, силу автономной личности. М. Оссовская отмечает, что образ ковбоя из вестернов во многом подобен образу средневекового рыцаря (Оссовская 1987: 164).

Такие образы мы находим в американских вестернах: культовым фильмом советских стилист была «Великолепная семерка» (1960). Гегемонный образ мужественности, культивируемый либеральным дискурсом — это образ гетеросексуального мужчины, профессионала, выполняющего мужскую работу, сексуально активного и финансово состоятельного, жестко отделяющего себя от женского мира, мира семьи и эмоций. Он отделяет себя и от тех мужчин, которые занимают более низкое положение в социальной иерархии и неспособны к соответствующим подвигам. Мужчину может ожидать верная ему красавица, но этот элемент модели не является обязательным.

5.1.3. Сила «слабого пола»: маскулинизация женщин

Кроме нормативных моделей, в позднесоветском критическом дискурсе фигурировала еще одна система референций, отсылающая к образу и практикам советской женщины. Тезис о **кризисе маскулинности** дополняется тезисом о **кризисе женской роли**, обусловленном советской политикой в отношении женщин. Социально-защитная политика представляла женщин как граждан(ок) особого типа, которые в силу своих биологически заданных гражданских обязанностей нуждаются в государственной поддержке. Мужчины

оказываются депривированными не только по сравнению с недосягаемыми моделями успешных мужчин, но и по сравнению с эмансипированной, социально защищенной женщиной, обладающей сильными позициями в приватной сфере, в первую очередь в качестве матери, и менее политически уязвимой в публичной сфере.

Женская эмансипация рассматривается в либеральном дискурсе как негативный результат советской гендерной политики. Эмансипация создает специфический социально-антропологический тип суперженщины — «работающей матери» (Роткирх, Тёмкина 2007). Этот образ подвергается критике либералами (Баранская 1969). Признается, что эмансипация привела женщину в советскую публичную сферу, сохранив за ней властные преимущества в семье. Советская женщина доминирует в приватной сфере, а мужчина оказывается в ней зависимыми и некомпетентным. Критика проблематизирует независимость женщины и преимущества, которые она получает благодаря государственной политике, разрушающей патриархатные нормы. Социальная политика направлена на защиту женщины, как работница и мать она имеет множество льгот и привилегий. В соответствии с советским законодательством женщина имела преимущества при разводе, отцовские права ущемлялись, что давало возможность женщинам манипулировать мужчинами при разрешении семейных конфликтов.

Позиция мужчины в позднесоветском либеральном дискурсе представлялась как более уязвимая по сравнению с позицией женщины. Это было связано с тем, что в либеральном критическом дискурсе, по существу патриархатном, женщина рассматривалась как слабый пол, как зависимая от мужчины-кормильца и защитника, главы семьи, в то время как советская повседневность противоречила этому образу. Женщина оказывалась во многом экономически независимой от мужа и отца. Кроме того, она сама «вступила в сделку» с государством как мать, противопоставляя себя мужчине-отцу. Прямой контракт женщины с государством основывался на идее ее биологического предназначения и мобилизации ее продуктивной и репродуктивной силы: государство поддержало независимость женщины от мужчины (о советском гендерном контракте см. лекцию 6).

В критическом дискурсе подчеркивалось, что рядом с эмансипированной советской женщиной мужчине сложно выступить с

позиции сильного пола. Так, например, А. Харчев писал в 1979 г.: «В условиях сопровождающего эмансипацию женщин интенсивного духовного развития женской молодежи ровесники современных невест не всегда оказываются способными выполнять по отношению к ним функции “сильного пола” в сфере знаний, интеллекта, вкуса» (Харчев 1979: 209).

Этот тезис нашел свое выражение в критике маскулинизации женщин. Соответственно был выдвинут аргумент феминизации мужчин. Харчев отмечает «у части мужской молодежи симптомы феминизации, инфантилизм, отсутствие самостоятельности» (Харчев 1979: 209). Положение женщины делало ее ответственной, сильной и способной к управлению другими, к которым относились и мужчины, находившиеся в зависимости от женской заботы. Женская забота — забота матери и супруги — оказалась ресурсом власти и часто рассматривалась как насилие.

В рамках критического дискурса утверждалось, что рядом с советской женщиной советский мужчина оказывался зависимым, подавленным и манипулируемым, т. е. депривированным. Советские матери и жены — это представители сильной позиции. Критика в дискурсе гендерной субординации выражалась в культивировании образа мужчины, склонного к супружеским изменам, готового к любовным похождениям. Власть женщины рассматривалась как угроза истинной мужественности. Женщины — матери и жены — объявлялись ответственными за неосуществленную маскулинность.

Если в позднесоветском дискурсе гегемонная маскулинность описывалась как недостижимый образец, то в 1990-е гг. исследователи показывают формирование новых образов маскулинности и практик мужчин, которые могут претендовать на гегемонию. Трансформационные реформы в России стали рассматриваться как шанс утверждения некоей настоящей мужественности, которая не могла реализоваться в позднесоветское время. Либеральные критики, создававшие идеологию перестройки, предполагали, что новый порядок даст возможность развиваться гегемонной патриархатной маскулинности автономного, независимого, собственника, для которого открыты возможности, предоставляемые всеми демократическими свободами, и который возвращает женщину в рамки традиционной роли.

5.2. «Настоящие мужчины» и «неудачники» (1990-е гг.)

5.2.1. Гегемонная маскулинность: мужская работа и престижное потребление

В 1990-е гг. исследователи описали новые образцы поведения успешного мужчины: экономически благополучного, имеющего устойчивый доход, занимающего высокую позицию в профессионально-должностной иерархии, способного поддерживать соответствующий статусу потребительский стиль, режим телесности и сексуальных отношений. Такие образцы задают гендерную идеологию «настоящего мужчины» и делают ее привлекательной для многих, если не для большинства.

«Настоящий мужчина» независим и успешен. Как показывают исследования «мужских журналов» 1990-х гг., идеал мужчины, транслируемый российскими СМИ того периода, — это гетеросексуальный женатый материально обеспеченный мужчина, которому свойственны профессионализм, наступательность, соревновательность (Ушакин 2002а; Чернова 2003а). Он выполняет настоящую мужскую работу (Чернова 2003а: 200–202; Чернова 2003с; Мещеркина 2002b).

Анализ материалов мужских журналов, как показывает Ж. Чернова (Чернова 2003с, см. также: Чернова 2003а, 2003b), позволяет утверждать, что сфера профессиональной занятости становится основной для образа «настоящего» мужчины. Конституирующими признаками гегемонной маскулинности в сфере профессии являются «настоящая» мужская работа, высокий профессионализм, доход и статус. Исследовательница показывает, что, согласно медиарепрезентациям, «мужскую» работу выполняют кадровые военные; бизнесмены, предприниматели; топ-менеджеры и собственники; политики; спортсмены; а также творческие работники. Главный критерий — успех. «Подлинно мужские занятия в этом мире: управлять, защищать, всегда и во всем быть первыми», — утверждает один из авторов журнала «XXL» (цит. по: Чернова 2003с: 279). Нормативные сферы профессиональной занятости российского мужчины сходны с теми, которые предписываются мужчинам в

индустриальном западном обществе. Они представляют собой наиболее престижные как в символическом, так и материальном измерении профессии. Профессиональные позиции гарантируют высокий имущественный статус, успешность «настоящего» мужчины делает его «победителем». «Настоящий мужчина просто обязан быть успешен, иначе мы говорим о чем-то другом», — неоднократно декларируют авторы журнала «Медведь» (цит. по: Чернова 2003с: 280).

«Настоящего мужчину» характеризует особый престижный стиль потребления, умение одеваться соответственно статусу (Ушакин 2002а; Чернова 2003b). Он модно одет и имеет соответствующие аксессуары (часы «ролекс», машину BMW, квартиру с евроремонтom, отдых на Канарских островах и пр.). Номенклатура (марка и стоимость) материальных атрибутов, обладание которыми предписывается настоящим мужчинам, охватывает практически все сферы жизнедеятельности: средства передвижения (автомобили, мотоциклы, яхты, скутеры, катера и др.), оружие, аудио- и видеотехнику, парфюмерию, алкогольные напитки и табачные изделия, одежду, часы, очки, зажигалки, мобильные телефоны и прочие аксессуары и т. д. Сфера потребления является одной из конституирующих областей современной российской мужественности. Главная особенность представленного в мужских журналах стиля потребления — его элитарность, престижность, демонстративный и гедонистический характер (Чернова 2003b).

В 1990-е гг. появляются репрезентации других видов маскулинности, претендующих на привлекательность и успешность. П. Романов (2002) (см. также: Кон 2009а) показывает, что формируется модель так называемой «бандитской маскулинности», которую характеризует жесткость, агрессивность, насилие. П. Романов показывает эту конструкцию на примере фильма «Брат» (реж. А. Балабанов, 1997), герои которого — «мужчины, помещенные в условно-стандартные маскулинные ситуации, связанные с насилием, преодолением преград, завоевательной сексуальностью, достижениями и борьбой за власть» (Романов 2002: 610). Близкий образ — «настоящий мужик», «реальный пацан», он же «уличный грубиян» в терминологии Роткирх (2011: 249–253), — это тип маскулинности, который зиждется на способности применить физическую силу,

настоять на своем, быть агрессивным, brutальным и бесстрашным. Настоящий мужик — защитник слабых, способный лично решить проблемы несправедливости, не прибегая к правовым механизмам. Мужик — настоящий мужчина, поведение которого соответствует образцам патриархата. В период усиления власти государства, с конца 1990-х гг., появляются новые кинематографические герои, «не менее крутые, но более идейные и организационно связанные с государством новые силовики: “агенты национальной безопасности”, “менты”, разведчики и иные сотрудники спецслужб» (Кон 2009b).

Таким образом, образцы успешной маскулинности 1990-х гг. подразумевали, с одной стороны, стабильное экономическое благополучие, высокие профессиональные позиции и уровень потребления. Это профессионал, все статусные характеристики которого приближены к типу современной гегемонной маскулинности западного мужчины — автономного, рационального, владеющего собственностью и имеющего либеральные права. Образ мужественности оформляется стилистически — тиражируемым в средствах массовой информации обликом физически сильного, здорового, богатого, дорого и со вкусом одетого мужчины. С другой стороны, важное место в дискурсе занимают образцы «бандитской маскулинности» и образы борцов за справедливость методами прямого насилия.

5.2.2. Несостоявшаяся маскулинность: профессиональное поражение и маргинальность

В 1990-е гг. гегемонная маскулиная позиция во многом основывается на профессиональном и экономическом успехе, измеряемом прежде всего денежными ресурсами и их эквивалентами. Утрата или нехватка этих ресурсов предстает в постсоветском гендерном символизме как утрата качеств «настоящего мужчины» (Ашвин 2001; Ashwin, Lytkina 2004). На индивидуальном уровне невозможность достигнуть гегемонной маскулинности осмысливается как устойчивое ощущение относительной депривации, которое переживают мужчины, — чем дальше от идеала, тем сильнее ощущается несостоятельность. Те модели мужского поведения, которые не соответствуют принятым в данной культуре в данный

момент нормам мужского успеха, исследователи обозначают термином **несостоявшаяся маскулинность**. Иерархию маскулинностей, таким образом, можно представить как ранжирование от «настоящего мужчины» до «несостоявшегося» по социально определяемым показателям «мужской» успешности (заруботок/ресурсы, гетеросексуальность, власть/способность применять силу и пр.).

Ирина Тартаковская показывает, что основная характеристика «несостоявшейся маскулинности» связана с признанием своего поражения в сфере трудовой занятости и профессиональной карьеры. Как правило, свой переход в категорию неудачников такие мужчины объясняют изменениями экономической ситуации в России в 1990-е гг. Среди тех, кто описывает себя как неудачники, — безработные и мало зарабатывающие, «смирившиеся неудачники», «несправедливо обиженные», алкоголики, эскаписты и пр. (Тартаковская 2003). Центральным, но не единственным признаком такой символической позиции является невозможность обеспечить достойный заработок и выполнение роли добытчика, поддерживающего достойное материальное положение членов своей семьи (Тартаковская 2003: 44–48). «Мужчинам, которым не удалось доказать свою состоятельность хотя бы в двух отношениях — быть признанным как профессионал, мастер своего дела, и/или уметь зарабатывать деньги, достаточные чтобы прокормить семью, остается только прозябать, жаловаться на жизнь и неблагоприятные обстоятельства, искать маргинальные способы самоутверждения, нередко — просто спиваться» (Тартаковская 2010b). Тартаковская показывает, что профессионализм и заработок находятся в центре маскулинной идентичности, и их отсутствие осознается как угроза личной состоятельности (Тартаковская 2003: 68–69). Это демонстрирует обаятельный герой книги А. Иванова «Географ глобус пропил» (2005, написана в 1995) и одноименного фильма (реж. Велединский, 2013). Автор делает вывод о том, что проект успешной маскулинности предполагает не только хорошо оплачиваемую профессиональную работу, но и признание своей состоятельности со стороны членов ближайшего социального окружения.

Постсоветская версия несостоявшейся маскулинности связана не только с проблемами на рынке труда, но и с недостатком позитивных версий легитимного маскулинного сценария. «Традици-

онные критерии того, что значит быть “настоящим мужчиной”, значительно подорваны советским, а в особенности позднесоветским опытом. Можно сказать, что для таких мужчин главным (и единственным) оставшимся критерием мужественности служит отличие от женщин: эта “остаточная” маскулинность определяется скорее через отрицание, чем наличие сущностно необходимых черт: мужчина — это *не* женщина» (Тартаковская 2003: 69).

5.3. Гегемонная и субординированная маскулинность: неустойчивые границы (2010-е гг.)

Гегемонная маскулинность 2010-х гг. еще ждет своего исследования. Но чтобы уловить некоторые тенденции, мы рассмотрим репрезентации мужских образов в современных романах, получающих высокую оценку в виде литературных премий и привлекающих внимание читателей: «Немцы» (Терехов А., 2012, премия «Нацбест»), «Крестьянин и тинейджер» (Дмитриев А., 2013, премия «Русский букер»). Обратимся к ним как к примерам, представляющим дискурсивную конфигурацию маскулинности (Тёмкина 2013b).

Первый пример — маскулинность высших слоев — успешная, эффективная, рациональная — претендует или могла бы претендовать на гегемонию. Главный герой романа «Немцы» — экономически состоятельный преуспевающий мужчина среднего возраста, не лишенный обаяния и способный к глубоким чувствам. Он может обеспечить себе и своим близким многие блага, к которым стремятся граждане — доступ к дорогому потреблению, высокое качество жизни (жилищные условия, медицинское обслуживание, отдых, пр.). Он в известном смысле профессионал, по крайней мере, в совершенстве владеет правилами игры своей сферы занятости. Он встроен в систему, его компетенция востребована, и он может многим диктовать свои условия, подчиняя их не столько своей воле, сколько правилам игры. «Добрый. Мастер своего дела. И деликатные вопросы умеет решать», — рекомендует его коллега (Терехов 2012: 104). «Он может все, что захочет» — считает его вторая жена (Терехов 2012: 444). До определенного времени он

считает окружающий мир «прозрачным, постижимым и подвластным ему» (Терехов 2012: 444).

Однако власть, которой обладает герой, не представлена в романе как легитимная, т. е. безусловно признанная другими. Она обеспечена прямым и косвенным насилием, вплоть до использования физической силы. Она держится на жесткой субординации между начальниками и подчиненными и на коррупции внутри системы. Герой романа — чиновник московской префектуры. Вся его жизнь организована вокруг распределения больших денег, которые «пилят» или «заносят начальству». Его стиль жизни отражает идеалы элитного потребления. Он делает роскошный ремонт жилья, заботится о матери и близких, обеспечивая им все внешние признаки благополучия.

Однако его карьера, благополучие, власть, позиция — основа гегемонной маскулинности — проблематизируются автором романа. Главная цель и забота героя — удержаться на достигнутой позиции, «не выпасть из системы». Это стратегия «господина», презирающего массу и испытывающего панический страх перед вполне реальной перспективой утраты своих привилегий и превращения в раба. Если выпадешь из системы — «не будет ничего» (Терехов 2012: 428). Герой охвачен паникой по поводу потери основ своей гегемонии. Он осознает, что его позиция нестабильна, что он живет в эпоху формирования нового сословного общества, в котором проведены жесткие границы между элитным меньшинством и безвластной массой. «Сейчас окончательно делится народ — кто встроился, пойдет навсегда вверх, остальные навсегда — вниз» (Терехов 2012: 429). Герою романа страшна перспектива оказаться внизу социальной лестницы: «сдавать квартиру, самим ехать за кольцевую», «скидки ловить», «откладывать на отдых», страшно представить, что будет, «если у тебя заболит мать и потребуются операция» (Терехов 2012: 429–430). За материальные и символические блага, сопутствующие позиции, борьба идет буквально не на жизнь, а на смерть.

Маскулинность, претендующая на гегемонию, выстраивается за счет порабощения (субординации) других мужчин и диктует им закон массы: «Вы — стадо баранов! Вы не видите, что волки вокруг! Слабых будут резать!» (Терехов 2012: 440). Однако «волк»-одиночка легко теряет свою силу, ибо она определяется не им, а Системой,

которая не поддается индивидуальному контролю и действует по своим жестоким правилам, исключая тех, кто не готов подчиняться. Позиция тех, кто обладает атрибутами успеха, не может быть описана в категориях гегемонной маскулинности, поскольку она неустойчива, не считается легитимной и по сути сама остается подчиненной. Не поддается контролю и частная жизнь героя, несмотря на все его административные усилия и силовое давление.

Контрастные на первый взгляд модели маскулинности представлены героями романа «Крестьянин и тинейджер». Крестьянин из далекой деревни и молодой москвич, прячущийся от армии в этой деревне, — представляют собой примеры несостоявшейся мужественности. Оба они неудачники. Крестьянин Панюков страдает от постоянных болей в ногах. Он в одиночку выживает в вымершей деревне, где нет мобильной связи и интернета. В его поведении мало романтизма. Чтобы удержать свою невесту, он совершает над ней сексуальное насилие. «Хороший и непьющий мужик» (Дмитриев 2013: 254) держит корову, иногда незаконно рубит лес, и не из-за денег, а потому, что невозможно отказать «хозяину» (Дмитриев 2013: 254) — председателю поселковой администрации, от которого зависит вся жизнь (вспомним главного персонажа предыдущего романа). Автор уподобляет иерархию социальных позиций сословному расслоению. За незаконную вырубку Панюков попадает в «барщину» (Дмитриев 2013: 254) к начальнику милиции. «Были рабы и будем рабами», — объясняет он свое субординированное место в сложившейся социальной иерархии (Дмитриев 2013: 255), признавая картину неравенства, воспроизводимую «немцем», героем романа Терехова. Москвич Гера презирает его за такую позицию, но сам вынужден подчиняться субординации, скрываясь у него от призыва.

Личная жизнь Геры тоже терпит крах. В конце повествования автор дает своим персонажам шанс совершить поступок, который может изменить их социальную позицию и субординацию, однако читателю достаточно трудно в это поверить. Иерархия маскулинностей в данной случае — это иерархия высших бюрократических позиций, утверждающая себя через насилие над всеми остальными. Власть хотя бы над своей жизнью и обстоятельствами для всех них проблематична.

А что же женщины? Они и их чувства — это искомая награда, но ни один из этих персонажей не получает ее. Жена «немца», расставшись с мужем, требует от него денег и препятствует общению с дочерью. Дочь — главная привязанность героя — не хочет видеть отца. Все интересы молодой возлюбленной сосредоточены на ремонте ее роскошной квартиры. Второстепенные персонажи — коллеги по работе или представительницы власти — сексуализированные хищницы. Потребление и борьба за ресурсы — удел женщин в такой патриархатной системе. Главный ресурс — это близость (в первую очередь интимная) — к сильным мира сего («Немцы»). Ни крестьянину, ни московскому тинейджеру (тинейджер он скорее не по возрасту, а по степени инфантильности) награда также не достается. Саня, невеста Панюкова, уходит к другому, спивается и погибает. До гибели она не прекращает заботиться о бывшем женихе. Татьяна, московская подруга и любовь Геры, не прекращает связь и заботу о другом возлюбленном, пожилым человеке с либеральными идеалами начала 1990-х гг., чья мужественность также проблематизирована. Удел этих женщин из разных социальных слоев парадоксален — они продолжают заботиться о любимых и при этом утрачивают способность к романтическому переживанию любви.

Неустойчивость гегемонной позиции (легко трансформирующейся в субординированную) оборачивается не только невозможностью быть независимым от государства добытчиком и управлять своей жизнью, которую подминает под себя обезличенная власть силовых структур и персонифицированная власть начальства. Она оборачивается разрушением чувств, романтических связей и, в экстремальном варианте, — драматическим крушением самой жизни и мужчин, и женщин. Сходные репрезентации представлены и в фильме «Левиафан» (реж. Звягинцев, 2014).

Парадоксальным образом и мужчины из высших слоев, и мужчины из низкоресурсных групп воспринимают себя как подчиненных даже не системе, а «господам», обладающим не диффузной, а вполне конкретной и практической властью, которая утверждается с помощью физического и символического насилия. Благополучие — удел волков, господ, избранных, т. е. тех мужчин, которые готовы применять насилие. Однако на позиции успеха трудно удержаться,

господа могут легко превратиться в рабов. Гегемония оказывается призрачной фикцией, а любые позиции — и высшие, и низшие — уязвимыми.

Писатели чутко реагируют на социальные феномены. Представляя российские образцы успешной маскулинности («Немцы»), они демонстрируют ее призрачность, нехватку легитимности, неустойчивость позиции. И в этом она оказывается близка моделям субординированной маскулинности. Гегемонная маскулинность в культурном пространстве должна быть привлекательной, соблазнять, заставлять себе подражать и воспроизводить свои образцы. На основе анализа этих репрезентаций мы можем сделать следующие выводы: неономенклатурная система поддерживает идею гегемонной маскулинности, которая не имеет под собой реальных оснований. Блага оказываются эфемерными, а персонажи — беззащитными. Они уничтожают сами себя (и не только себя), устойчиво воспроизводя систему, их порождающую.

ИТАК, резюмируем наше рассмотрение образов маскулинности советского и постсоветского периодов:

- Российские исследователи используют концепты «гегемонная маскулинность» и «кризис маскулинности», когда в поле их внимания оказываются различные варианты норм и практик мужского поведения.
- Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе описывается как невозможность исполнения традиционных мужских ролей, связанных с отсутствием условий — ограничениями либеральных прав. Тезис о кризисе маскулинности выстраивался в своеобразную теорию виктимизации мужчин, согласно которой мужчины рассматривались как пассивные жертвы собственной биологической природы или структурно-культурных обстоятельств. Позиция мужчины сопоставляется с образами успешных других, среди которых герои-защитники родины, русские мужики и аристократы и западные ковбои.
- Гегемонная маскулинность 1990-х гг. связывается с успешностью в профессиональной сфере (в том числе в теневой экономике),

высоким статусом и материальным благополучием, престижным потреблением, а также с физической силой и возможностью применять насилие.

- Гегемонные образцы маскулинности в 2000-е гг. связаны с успешностью, материальным благополучием, обладанием властью, но они характеризуются нехваткой легитимности и неустойчивостью позиции.

Выводы

1. Маскулинность рассматривается как социально производимая, как конфигурация практик в гендерных отношениях, это структура, которая включает институты и взаимодействия лицом к лицу.
2. Исследователи показывают, что существуют иерархии и множественные типы маскулинностей. Гегемонная маскулинность рассматривается как механизм реализации господства над женщинами и другими группами мужчин. Гегемония мыслится как идеология и нормативные представления, а также как определенные практики и стратегии, направленные на поддержание доминирующих позиций в определенных институциональных контекстах.
3. Отношения гегемонии/доминации, субординации и маргинализации — это отношения неравенства между разными группами мужчин.
4. В современных обществах изменяется положение мужчин, многие из которых утрачивают привилегии. Невозможность следовать устоявшимся нормативным предписаниям приводит к неудовлетворенности. Утрата гегемонии патриархатной модели маскулинности называется кризисом маскулинности.
5. Многие современные мужчины отвергают нормы и практики, согласно которым их единственная или первичная роль — это роль добытчика. Формируется новая модель, которая предполагает заботу, активное отцовство и пр., однако такая модель

не является устойчивой и когерентной. Тенденции изменения отцовства наблюдаются и в России.

6. Среди новых тенденций последней трети XX в., которые связаны с изменением положения мужчин в обществе и ослаблением гегемонии, — мужские движения. Среди них выделяют феминистские, антифеминистские и не идентифицирующие себя через феминизм.
7. В российском контексте кризис маскулинности позднесоветского общества связывается с невозможностью исполнения традиционных мужских ролей и ограничением либеральных прав. Гегемонная маскулинность 1990-х гг. предполагает высокий профессиональный статус, материальное благополучие и престижное потребление, готовность использовать физическое насилие. Границы между гегемонными и субординированными группами в 2000-е гг. становятся размытыми из-за неустойчивости и нехватки легитимности модели гегемонной маскулинности.

Вопросы для повторения и обсуждения

1. Каковы характеристики гегемонной, субординированной и маргинализованной маскулинности?
2. Как связаны утрата патриархатных привилегий и мужские движения?
3. Каковы характеристики кризиса маскулинности, как они связаны с изменениями положения мужчин в современном обществе? Приведите примеры из российского контекста.

Основная литература

- Бёрд Ш. Теоретизируя маскулинности: современные тенденции в социальных науках // Наслаждение быть мужчиной: западные теории и постсоветские практики / под ред. Ш. Бёрд и С. Жеребкина. СПб.: Алетейя, 2008.
- Здравомыслова Е., Тёмкина А. «Кризис маскулинности» в позднесоветском дискурсе // Ушакин С. (сост.) О муже(Н)ственности. М.: НЛО, 2002. С. 432–451.
- Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009 (http://www.e-reading.link/bookreader.php/104262/Kon_-_Muzhchina_v_menyayushchemsya_mire.html; 10.03.2015).

Тартаковская И. Смертельная ноша маскулинности // Демоскоп Weekly. 2010. № 425–426 (<http://demoscope.ru/weekly/2010/0425/analit02.php>; 10.03.2009).

Carrigan T., Connell R., Lee J. Toward a new sociology of masculinity // *Theory and Society*. 1985. N 14 (5). P. 551–604.

Connell R. *Masculinities*. Cambridge: Polity Press; Sydney, Allen & Unwin; Berkeley, Univ. of California Press. 1995.

Connell R., Messerschmidt J. Hegemonic Masculinity: Rethinking the Concept // *Gender & Society*. 2005. Vol. 19. N 6. P. 829–859.

Messner M. *Politics of Masculinities: Men in Movements*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1997.

Раздел III.

Гендерный подход в тематических исследованиях

Лекция 9.

Гендерные различия в сфере занятости

Введение — Гендерные различия в сфере занятости: многоуровневый подход — Гендерное неравенство в сфере оплачиваемой занятости — Гендерные различия в организациях и на рабочем месте — Гендерная специфика трудовой мобильности — Изменения на рынке труда и гендерные различия — Произошла ли гендерная революция в сфере занятости? — Выводы

Введение

Зададим простой вопрос. Какого пола в нашем представлении биолог? Юрист? Журналист? Социолог? Нелепый вопрос, на первый взгляд. Но можно задать тот же вопрос о других видах занятости: какого пола няня, учитель младших классов, шахтер, водитель-дальнобойщик. В таком контексте вопрос перестает быть бессмысленным, и ответ на него готов. Однако дело обстоит сложнее, например, с профессией врача. Если педиатр — это скорее женщина, то хирург — мужчина. Участковый врач — это женщина, а заведующий больницей — мужчина (разумеется, всегда существуют исключения). Какого пола инженер, программист, чиновник? А какого пола повар? Для работы гендерного социологического воображения необходимо уточнение. О чем идет речь: если о работе в заводской столовой, то мы, скорее всего, скажем — женщина, а в престижном

ресторане — мужчина. Такие примеры показывают, что профессия и рабочее место далеко не всегда гендерно нейтральны, они «содержат в себе» пол, причем неочевидным образом. Почему, например, профессии архитектора и социолога оказываются в нашем представлении гендерно нейтральными, а воспитатель яслей или библиотекарь — явно гендеризованные занятия, и мы ожидаем увидеть на этих рабочих местах женщину? А на месте руководителя, напротив, увидеть женщину скорее не ожидаем.

Вспомним кинематографический пример культового фильма позднесоветского времени — главную героиню «Служебного романа» (реж. Рязанов, 1977), директора учреждения — Людмилу Прокофьевну Калугину. Она — идеальный работник, полностью посвящающая себя профессии. Она преуспевает на службе, приходит на работу первая и уходит последняя, ее авторитет не вызывает сомнения. Она требует оценивать сотрудников на основе универсальных деловых качеств, а не дружеских отношений или семейных обстоятельств. Однако ее качества как работника противопоставлены женственности. Калугина представлена как «одинокая, немолодая, некрасивая женщина», потерпевшая неудачу в личной жизни. По словам ее заместителя, она — «директор, а не женщина», по оценкам сотрудников — «мырма» и «старуха» в 36 лет. Образ Калугиной подчеркнуто провоцирует недоумение и жалость, до тех пор, пока ее не преображает равнодушие, а затем и любовь к Новосельцеву, возвращая ей женственность облика, привычек и стиля общения с сотрудниками. Зритель узнает, что на работе она задерживается, потому что она одинока и ей некуда пойти вечером, стало быть, возможно, ее карьера — результат вынужденных, а не желаемых действий. Обретая «женское счастье», Калугина изменяется, она может не ответить на звонок министра, проспять начало рабочего дня и пр. Восстанавливая женственность, она утрачивает качества безупречного руководителя.

Руководить, однако, можно, и оставаясь женственной, как демонстрирует образ 40-летней героини другого советского хита — «Москва слезам не верит» (реж. Меншов, 1979), Екатерины Тихомировой. Но «женское счастье» и в этом случае оказывается труднодоступным для героини: ее высокий статус и начальственный стиль становятся препятствием для счастливой семейной жизни.

В XXI в. все больше женщин становятся руководящими работниками (меняются и кинематографические образы успешных женщин), однако мужчины так и не идут работать в начальную школу и детские сады. Эти различия сохраняются и в западноевропейских странах и США, несмотря на последовательно проводимую политику гендерного равенства в конце XX — начале XXI в.,

и в России, где политика гендерного равенства в настоящий момент является достаточно противоречивой (см. лекцию 7). Почему же гендерная структура занятости и разделение труда воспроизводятся относительно устойчивым образом?

Разделение труда — центральная категория в понимании гендерных различий и гендерного порядка. При

этом имеются в виду такие разные аспекты этого процесса, как **разделение труда между домашними заботами и оплачиваемой занятостью, дифференциация занятий внутри домашней сферы и внутри сферы оплачиваемого труда**. В середине XX в. семья среднего класса мыслилась через половое разделение ролей между супругами — женщина в ней является домохозяйкой, выполняя экспрессивную роль, а мужчина — добытчиком, исполняя инструментальную роль. Т. Парсонс рассматривает разделение труда по признаку пола как функциональное, т. е. способствующее семейной солидарности и интеграции семьи в общество. Статус семьи определяется профессиональной позицией мужчины, а женщины, если и работают, то на низкооплачиваемых должностях и только в определенных фазы жизненного цикла (до замужества и деторождения и после того, как дети становятся самостоятельными) (см. лекцию 4). Гендерные различия и сегрегация выглядели как естественные, не требующие специального объяснения и оправдания. Логика за этим стояла довольно простая: женщины рожают детей и заботятся о них, они не могут и не хотят полноценно работать, и если они и работают — то преимущественно в определенных областях «женской занятости» и в определенные периоды жизни, когда не требуется забота о детях. Поэтому в целом женщины на рынке труда не вы-

Гендерная структура занятости — распределение мужчин и женщин по отраслям, профессиям, позициям, оплате труда, режимам работы, условиям профессиональной мобильности и пр.

держивают конкуренции с мужчинами. Такая гендерная структура занятости воспринималась как функциональная для индустриального общества, что воплощалось в законах и практиках. Например, наниматели могли формально запретить замужним женщинам занимать определенные позиции, платить им меньше, закрывать доступ к определенным возможностям карьерного продвижения (поездкам, бонусам). Такая ситуация в первой половине XX в. была характерна для среднего класса, задававшего гендерные идеалы, в то время как многие женщины рабочего класса работали наравне с мужчинами в силу экономической необходимости.

В 1960–70-е гг. благополучная образованная домохозяйка среднего класса постепенно стала тяготиться вторичностью своего статуса. Возросли притязания женщины, и была осознана несправедливость отчуждения ее от ресурсов, престижа и социальных связей, которыми обладает мужчина, действующий в публичной сфере (Фридан 1994 [1963]; см. также лекцию 1). Такая система стала осознаваться, — пишет в 1976 г. американский социолог Джин Липман-Блюмен, — как доминирующий (гендерный) порядок, который основывается на контроле мужчин над ресурсами, включая землю, деньги, образование, занятость, политические и семейные связи (Lipman-Blumen 1976: 16). В таком же ключе определяет патриархат радикальная ветвь феминистской теории 1970-х гг. (Миллет 1994 [1970]).

Под влиянием структурных изменений в сфере оплачиваемой занятости, образовании, законодательстве и феминистского движения второй волны происходит некоторое перераспределение ресурсов. Женщины получают доступ к образовательным, трудовым и финансовым ресурсам (Lipman-Blumen 1976: 16–18; см. также: Lipman-Blumen 1975). Американский социолог М. Киммел пишет: «Самое существенное изменение в гендерных отношениях в сфере труда носит количественный характер — сдвиг в гендерном составе рабочей силы. В XX в. женщины появились во всех секторах рынка труда и в беспрецедентных количествах» (Киммел 2006: 275). Увеличивается число женщин среди юристов, врачей и преподавателей университетов. В настоящее время в индустриальных странах подавляющее большинство женщин работает. Предрассудки и дискриминация в сфере оплачиваемой занятости считаются нелеги-

тимными в современной западной культуре. В России ситуация более сложная, большинство женщин работают, дискриминация запрещена, однако гендерное равенство не входит в приоритетные направления развития в XXI в. — на данный момент (2015 год) на федеральном уровне не существует закона о гендерном равенстве. Закон «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации» принят в первом чтении в 2003 г. и отклонен в 2012 г.

Женщины остаются неравномерно представленными в структуре занятости: их гораздо больше среди учителей, медсестер и социальных работников, т. е. в тех сферах занятости, которые предполагают заботу, помощь, высокую степень эмпатии — качества, которые исторически связываются с женскими навыками (Lindsey 1997: 253–257), и низкую зарплату. Под «женскими» профессиями и рабочими местами мы здесь понимаем те сферы, где большинство составляют женщины и/или те, где востребуются стереотипно женские качества — забота, эмпатия и пр. Внутри фирм, учреждений и организаций на рабочих местах также сохраняются повседневные практики гендерного неравенства.

Крупномасштабные изменения структуры занятости ставят перед исследователями гендерных отношений новые вопросы. Формируется обширная тематика исследований сферы экономики, оплачиваемой занятости, организаций, рабочих мест в гендерном измерении. Рынок труда и его вертикальная (по позициям) и горизонтальная (по сферам занятости) сегрегация, гендерное неравенство в доступе к ресурсам, структура занятости и рабочей силы, дискриминация, феминизация бедности, гендерные различия зарплат и доходов, барьеры в бизнесе и руководстве, феномен «стеклянного потолка» (невидимых препятствий для продвижения), совмещение ролей, сексуальные домогательства на работе, глобальное измерение неравенства и пр. — все эти феномены и процессы и составляют область исследований гендерных различий в сфере оплачиваемого труда (см. Ашвин 2000, 2001; Инглэнд 2001; Калабихина 2005, 2008; Мезенцева 2001а, 2001б; Римашевская 1996; Ржаницина 2001; Тартаковская 2002, 2003, 2004; Ярошенко 2002; Acker 1990; Ashwin 2000; Bergmann 2005, 2011; Cockburn 1988; Connell 1987; Crompton 1999, 2006; England 1982, 1984; Hearn 1993; Lindsey 1997).

Учебники и хрестоматии по гендерным исследованиям и по социологии включают такие разделы, как «Теоретические подходы к гендерной экономике» (Мезенцева 2001б), «Женщина и мужчина в экономической сфере» (Калабихина 2005: 137–156), «Публичная сфера и гендерное разделение труда» (Тартаковская 2005: 171–188), «Гендер и рабочее место» (Lindsey 1997: 246–266), «Гендеризированное рабочее место» (Киммел 2006: 274–314), «Труд», «Производственные отношения» (Connell 1987: 99–107; 2002: 60–62), «Гендерное форматирование на работе» (*Gendering at work*, см.: Ridgeway 2011: 92–126), «Женщины и работа» (Гидденс 1999: 474–476). Сфера современных исследований обширна, здесь мы сосредоточимся на производстве гендерных различий в организациях и на рабочем месте, на гендерных аспектах трудовой мобильности и на вопросе о том, произошла ли гендерная революция в сфере занятости.

Основные понятия: • гендерная типизация занятости • вертикальная и горизонтальная сегрегация • дискриминация • «стеклянный потолок» • гендерное разделение труда • гендерные предпочтения работника и работодателя • эмоциональный труд • сексуальные домогательства • прекарная занятость.

1. Гендерные различия в сфере занятости: многоуровневый подход

Как мы показывали ранее, гендерные различия мыслятся современными социологами как устойчивые системы категоризаций, которые создаются сложными и неочевидными механизмами воспроизводства позиций, распределения власти и ресурсов на разных уровнях: структур, взаимодействий, индивида (см. лекцию 7). Организация или любая другая аналитическая единица, — пишет Акер, гендеризована, это означает, что преимущества и барьеры, эксплуатация и контроль, действия и эмоции, смыслы и идентич-

ности управляются через различия мужского и женского. Гендер — это интегральная составляющая данных процессов (Acker 1990: 146).

Гендеризированные процессы осуществляются и анализируются в разных сферах. Условно их можно разделить следующим образом. При изучении сферы оплачиваемой занятости изучается гендерная структура занятости. При изучении организаций в фокусе находятся гендерные режимы институций, формальные и неформальные гендерные практики, гендерный состав, гендерная категоризация при приеме на работу и продвижении в карьере, организационная логика и пр. При исследовании гендеризированного рабочего места исследуются взаимодействия и индивидуальный уровень, кто занимает рабочее место (мужчина, женщина, или оно гендерно нейтрально), какие гендерные верования предполагаются, какие предубеждения существуют, как исполняется гендер и как это влияет на эффективность работы и построение карьеры и пр. Эти фокусы разделяются достаточно условно.

Изучая устройство организаций и иерархий рабочих мест, Джоан Акер выделяет пять взаимосвязанных механизмов производства гендерных различий на разных уровнях (Acker 1990: 146–147).

1. Механизм разделения труда производит гендерные различия в различных **социальных структурах** (рынок, государство, семья, организация). В организациях, в частности, мужчины обычно занимают более высокие позиции (вертикальная сегрегация), чем женщины. Гендерные различия являются результатом действий различных акторов (в том числе и самих работников) и поддерживаются организационными практиками. Практики воспроизводят гендерные границы. Хотя фирмы нового (инновационного, сетевого) типа и введение новых компьютерных технологий приводят к уменьшению гендерных различий, однако исследователи приходят к выводу о том, что в целом сохраняется представление о мужской работе как о более, а о женской — как о менее престижной и квалифицированной (Cockburn 1983, 1985). И мужчины и женщины в одних (преимущественно женских) профессиях оплачиваются ниже, а в других (преимущественно мужских) — выше.

2. **Символические репрезентации** поддерживают гендерное разделение труда, выражая его средствами языка, идеологии, массовой культуры. СМИ формирует и распространяет определенные

образы мужественности и женственности. Например, успешный бизнесмен, как правило, представлен в образе успешной маскулинности, а женщины в бизнесе представлены как персоны, освоившие «мужские» навыки ведения дела и тем самым бросающие вызов сложившимся гендерным различиям.

Успешным женщинам приходится особенно тщательно подчеркивать внешние признаки женственности, поскольку сам успех и занятие ими высоких позиций проблематизируют различия. Но существуют и новые тенденции. Уже не каждую женщину-полицейского журналисты спрашивают о семейном положении, восстанавливая тем самым ее имидж женственности (хотя мужчину-полицейского об этом не спрашивают никогда). Не всякая профессия предстает как полотиципированная, хотя некоторые виды занятости не оставляют СМИ равнодушными. Особый интерес для медиа представляют женщины в «мужских профессиях» — девушка-кадет, женщина в спецназе, женщина-пилот и т. п. Общественное мнение через СМИ пытается соотнести эти феномены с традиционной гендерно типизированной моделью занятости, присваивая им либо статус исключительности, либо статус патологии.

3. Гендерные различия производятся **во взаимодействиях лицом к лицу**, в т. ч. с помощью вербальных практик, в разговорах между женщинами и мужчинами и в контексте общения в однородной по полу группе (см. лекцию о социальном конструктивизме). В целом, в организациях мужчины чаще принимают решения и осуществляют действия, а женщины в большей степени оказывают эмоциональную поддержку окружающим, которая может быть включена в список их профессиональных обязанностей, например, обязанностей стюардесс, медсестер, нянь (Hochschild 1983). Социальные сети и неформальные отношения рассматриваются как важный ресурс продвижения в организациях. Однако исследования показывают, что такие сети зачастую имеют гомосоциальный ха-

Горизонтальная гендерная сегрегация занятости — разделение отраслей и сфер занятости на мужские и женские. Отрасли, где преобладают мужчины, как правило, выше оплачиваются.

Вертикальная сегрегация — феномен мужского доминирования на высших профессионально-должностных позициях.

рактер (Lirman-Blumen 1976). Сети, построенные по принципу «мужского клуба», ограничивают профессиональное продвижение женщин (Киммел 2006: 295).

4. Гендерные различия в сфере занятости поддерживаются механизмом производства индивидуальной **гендерной идентичности**. Трудовые процессы задействуют гендерное самоопределение и самовыражение, т. е. интерпретацию мужественности и женственности самими индивидами. Выражая свою гендерную идентичность на рабочем месте, работники выбирают соответствующий вид работы и стиль поведения, одеваются в соответствии с представлением о приемлемом коде поведения для мужчин и женщин. В обществе рефлексивной поздней современности, как отмечает Кромптон, все более значимым становится внешность, стиль, имидж. Стилизованная презентация себя становится ресурсом, а такая презентация всегда гендерно выражена (Crompton 2006: 259–260).

5. Гендерные различия встроены в **организационную логику (или культуру организаций)**. Формально организации предстают как гендерно нейтральные учреждения, однако они воспроизводят гендерные различия через правила, контракты, документы, оценку и оплату труда. Рабочие места и требования, предъявляемые к работникам на бумаге, представлены как абстрактные, безличные, а значит внетелесные, внегендерные категории. Однако абстрактное рабочее место занимают конкретные работники, и во многих организациях руководство отдает предпочтение тому работнику, которому приписывается большая надежность и компетентность. Таким работником чаще является мужчина, особенно в тех случаях, когда его жена осуществляет заботу о детях и домашнем хозяйстве (Acker 1990: 149). Логика организации лицемерна. Бюрократическая машина создает модель универсального бесполого работника, но как только работник становится «реальным», у него/нее появляется и тело, и сексуальность, и гендер. Как показали исследователи, логика организации может требовать от сотрудницы сексуализации дисплея (см. лекцию 5), а в сфере обслуживания ключевое значение приобретает выполнение эмоциональной работы (Hochschild 1983). «Концепт универсального работника исключает и маргинализует женщин, которые не могут, практически по определению, приоб-

рести качества идеального работника, поскольку в этом случае они должны вести себя (добавим — и часто ведут. — *Прим. авт.*) подобно мужчинам» (Acker 1990: 150). Концепт организационной логики привлекает внимание к тому, как иерархии рационализируются и легитимируются в организациях. Гендерный анализ организационной логики предполагает изучение правил, описание требований, исследование гендерных различий оплаты труда и поощрений, через которые осуществляется контроль рабочих мест (Acker 1990; Williams, Muller, Kilanski 2012).

ИТАК, какие выводы нам дает многоуровневый подход к анализу гендерных аспектов занятости?

- Оплачиваемая занятость, организация, рабочее место — это гендеризованные сферы, хотя это не всегда признается.
- Гендерные различия производятся в различных социальных структурах — на уровне символических репрезентаций, во взаимодействиях и на уровне идентичности, а также, когда речь идет об организациях, — через их культуру (организационную логику).

2.

Гендерное неравенство в сфере оплачиваемой занятости

2.1. Объяснения гендерного неравенства

Гендерная сегрегация проявляется «в концентрации мужчин и женщин в различных профессиях, отраслях, на разных должностях и уровнях в иерархии рабочих мест», она становится «половым разделением наемного труда, в соответствии с которым женщины и мужчины выполняют различные задачи или те же самые задачи, но под разными названиями, в разное время и в разных местах» (Reskin 1996; цит. по: Киммел 2006: 284).

Среди объяснений гендерного неравенства в сфере занятости важное место занимает анализ как индивидуальных, так и семейных предпочтений работников и работодателей. Акцент на индивидуальном и семейном выборе делают, во-первых, неоклассические экономические теории семьи, которые объясняют традиционное гендерное разделение труда как итог рациональной стратегии в условиях рыночных отношений. Во-вторых, ряд социологических теорий подчеркивают индивидуальные нормы или предпочтения как наиболее значимые факторы в определении гендерных моделей занятости (Crompton 2006: 254).

В первом варианте в центре внимания находится семья. Теория человеческого капитала Беккера является одной из версий неоклассической экономической теории, в ней семья предстает как солидарный рациональный актор, который стремится максимизировать полезность своих действий, эффективность вложения того человеческого капитала, которым она располагает (Becker 1991). Согласно этой логике, инвестиции человеческого капитала, которые предполагают занятость женщин, невыгодны семье, поскольку женщины неизбежно прерывают свою карьеру при рождении ребенка. Внутри семьи действует принцип альтруизма, в отличие от рынка, и поэтому разделение труда способствует выгоде семьи как целого (фактически тезис очень близок к тому, который формулирует Парсонс). Тезис о «семейном альтруизме» и «рыночном эгоизме» подвергается феминистской критике, как требующий допущения о рациональном выборе, на основе которого семья максимизирует функцию полезности, а совокупный доход распределяется равномерно между членами семьи и не существует оснований для конфликтов (см.: Мезенцева 2001а: 246–251, 2001б: 116–121). Феминистские исследователи, напротив, подчеркивают асимметрию власти, прав, социальных норм и собственности в семье (Crompton 2006: 255).

Другие исследователи фокусируются на значении, которое имеет индивидуальный выбор в современном обществе: часто женщины делают выбор, отличающийся от выбора мужчин, например, они предпочитают оставаться дома и не работать за его пределами. Такое видение закрывает глаза на несвободный характер выбора, обусловленный экономическим статусом семьи, социальной политикой, условиями совмещения занятости и материнства (напри-

мер, доступные детские сады, развитие рынка домашнего труда) (Hakim 2000).

Феминистские критики, однако, в целом говорят о том, что **семейные и личные предпочтения формируются под влиянием структур патриархата**. «Альтруизм», который должна проявлять женщина в семье, и «правильный выбор» между семьей и карьерой встраиваются в патриархатную концепцию женственности. Моральная рациональность — **представления о правильной женственности** — заставляет женщин в одних контекстах предпочитать профессиональную роль, в других — выбирать материнскую роль, а в третьих — ориентироваться на совмещение оплачиваемой занятости и домашних обязанностей (Duncan, Edawrds 1999; Duncan 2005). В контексте **моральной экономики** рациональность в отношении материнства выражается в предпочтениях, которые формируют женщины в соответствии с принятыми в обществе или социальном слое представлениями о правильном, достойном материнстве. Так, например, афро-карибские матери, совмещающие роли, полагают, что это хороший образец для детей и достойная модель материнства. Белые матери предпочитают материнскую роль как моральный образец (Hays 2006). Женщины-мигрантки считают своим долгом материальное обеспечение детей, в то время как об их детях в стране исхода заботятся другие родственники (Ehrenreich, Hochschild 2002; Здравомыслова 2012). Советские женщины совмещали материнство с оплачиваемой занятостью и рассматривали такую модель женственности как нормативную (Здравомыслова, Тёмкина 2007f). Как именно достигается баланс ролей — зависит не только от индивидуальных или семейных предпочтений, но и от социальной политики, в частности — от доступности детских садов, культурных и нормативных предписаний, ограничений рынка труда, политики конкретных организаций, помощи расширенной семьи или соседской общины и пр. Кроме того, возможности баланса ролей определяются классовой позицией женщины и семьи, к которой она принадле-

Моральная экономика — совокупность неформально действующих норм, регулирующих поведение и выбор, осуществляемый личностью. Представления о правильной женственности заставляют женщин осуществлять выбор социальных ролей.

жит, — социологические исследования показывают, что женщины с более низким уровнем образования, занимающие более низкие позиции, чаще покидают сферу оплачиваемой занятости, когда у них рождаются дети (Rake, Davis, Joshi 2000; цит. по: Crompton 2006: 257; см. об этом далее). Участие в оплачиваемой занятости зависит, таким образом, от модели материнства и баланса гендерных ролей.

Английский социолог Р. Кромптон (Crompton 1999, 2006) объясняет гендерный разрыв в квалификации и оплате труда господством идеологии домашнего предназначения женщины (*domesticity*). Это идеология предполагает, что основные обязанности за повседневную домашнюю заботу о членах семьи лежат на женщине. Современный экономический порядок, который часто обозначают как **неолиберальный** (см., напр.: Харви 2007), еще больше интенсифицирует требования на рабочих местах и делает их еще более трудновыполнимыми для людей с домашними обязанностями. Феминистские

исследования, как пишет Кромптон, обращают внимание в первую очередь на барьеры гендерного равенства в сфере занятости, которые проявляются на уровне индивида, организации и рынка труда в целом (Crompton 2006: 258; Cockburn 1991). Эти барьеры непосредственно связаны с идеологическим конструктом — нормативным представлением об идеальном работнике, полностью посвящающем себя трудовой занятости.

Известная исследовательница гендерных отношений Паула Инглэнд (2001: 388–389) объясняет **гендерную типизацию занятости и гендерные разрывы**, во-первых, дискриминацией и патриархатными культурными нормами, которые ограничивают доступ женщин к мужским сферам занятости, статусам, власти и доходам. Например, представление о воинской службе как о «неженском деле» ограничивает возможности карьерного роста женщин в этой сфере занятости. Во-вторых, гендерные разрывы в профессиональных статусах и доходах мужчин и женщин связаны с низким престижем и низким материальным вознаграждением

Неолиберализм — идеология и политика, предполагающая, что индивид может достигнуть благополучия, применяя свои предпринимательские способности в условиях свободного рынка при определенных институциональных ограничениях — сильного права собственности, свободного рынка и свободной торговли.

тех видов деятельности, которые считаются женскими, т. е. дискриминация заложена в символической и экономической структуре занятости, типизированной по полу. Труд женщины-бухгалтера, работающей в армейской структуре, будет оплачиваться ниже, чем труд многих других профессионалов этой отрасли, а сфера школьного образования, где преобладают женщины, имеет гораздо меньше ресурсов, нежели вооруженные силы или нефтяной бизнес. Подчеркиваются недоступность мужской (престижной) работы и непрестижность женской, позиции на рынке считаются изначально гендеризированными.

Гендерный разрыв (gender gap) в оплате труда, должностных и квалификационных позициях — статистические показатели, фиксирующие различия в оплате труда, должностных и квалификационных позициях женщин и мужчин.

Как показывают исследователи, в 2000-х гг. в США женщины все еще преобладают в низкооплачиваемом сервисе, а мужчины — в высокооплачиваемых профессиях (Blair-Loy, Pecenco, Cech 2013). Выделяется несколько причин такого дисбаланса в оплате труда. Феминистские исследователи подчеркивают барьеры, которые препятствуют гендерному равенству в сфере занятости, рассматривают их действия на институциональном, интеракционном и индивидуальном уровнях. На институциональном уровне, даже несмотря на программы **диверсификации** (т. е. поощрения найма представителей разного пола и расовой принадлежности), сохраняется разное отношение к женщинам и мужчинам. Фирмы могут прямым или косвенным образом ограничивать найм и продвижение женщин (Correll, Benard, Paik 2007; Ridgeway 2011). Это проявляется в личных предрассудках, которые воплощаются во взаимодействиях членов организаций, а также в неравенстве, структурно встроенном в профессию, т. е. в предпочтении и преобладании лиц определенного пола в целом и/или на руководящих должностях. Цитируем феминистку Линди Нохлин: «...Вопрос о равенстве женщин <...> — это вопрос не о сравнительной благорасположенности или противодействии отдельных мужчин и не о вере или неверии в себя отдельных женщин, но скорее о самой природе наших институциональных структур и о том мировоззрении, которое они навязывают связанным с ними людям» (Нохлин 2005).

2.2. Гендерные различия и эмоциональный труд

Когда мы анализируем эмоциональную работу/труд, гендерные различия особенно заметны. В сервисной экономике, характерной для общества поздней современности, возрастает значение взаимодействия с клиентами, при котором нужно проявлять и контролировать определенные эмоции, и это включается в требования, предъявляемые к работникам. Наиболее известный пример — работа стюардесс, которые должны демонстрировать и проявлять дружелюбие и стремление помочь пассажирам. Арли Хохшильд, исследовавшая их труд, в работе «Управляемое сердце: коммерциализация человеческих чувств» пишет о том, что эмоциональный стиль сервиса является неотъемлемой частью самого сервиса (Hochschild 1983: 5). Кроме выполнения непосредственных действий, стюардессы осуществляют то, что социолог назвала эмоциональной работой. Последняя определяется как «управление чувствами для того, чтобы поддерживать публично наблюдаемый дисплей тела и лица. Эмоциональная работа оплачивается, и поэтому имеет меновую стоимость» (Hochschild 1983: 7). «Профессионалы склонны управлять своими эмоциями в целях более успешного выполнения работы и получения денежных вознаграждений. Это и есть эмоциональный труд, который является расширением понятия эмоциональной работы, означающего управление эмоциями в частной сфере общества <...> Хохшильд называет **эмоциональным трудом** (*emotional labor*) эмоциональную работу, которая осуществляется в разных родах занятий и профессий, т. е. является частью оплачиваемого труда, является оплачиваемой или денежной эмоциональной работой» (Симонова 2013а: 340–341). Правила чувств (*feeling rules*) устанавливают способы и обязательства эмоциональных обменов (Hochschild 1983: 56). Правила относятся к социетальным нормам чувств и их выражению в определенных ситуациях, а управление эмоциями — к тому, как люди работают для приспособления к данным нормам (Wharton 2009: 148–149).

Эмоциональная работа отличается от расходования физических или интеллектуальных усилий, вовлекая не только тело или разум, но и человеческую субъективность в целом. Такой труд требует особых свойств личности и проявления особых качеств при взаи-

модействии с другими людьми (см. обзор: Lively, Heise 2004; Thoits 1989; Wharton 2009, 2012; Симонова 2012, 2013).

Эмоциональная работа полотиципизирована. Эмоциональный труд характерен для многих видов деятельности, которые осуществляют женщины, и он регулируется не только культурой и социумом, но и работодателями. Гендерные различия характерны для сферы занятости «эмоционального пролетариата» (Macdonald, Sirianni 1996; цит. по: Wharton 2012: 206), к которому относятся низкооплачиваемые и низкоквалифицированные наемные работники сервиса (они часто находятся в уязвимой, социально незащищенной позиции). От них требуется проявление дружелюбия, уважения и почтения к клиентам, они должны заботиться об их нуждах, быть приятными и предусмотрительными. Исполнение дисплея по отношению к потребителям сервиса постоянно контролируется вышестоящими, проверяющими. Типичный пример — работники гостиничного сервиса. Женщины считаются более предпочтительными на таких видах работ, чем мужчины (Wharton 2012: 206–7; 2009: 152). К их телам и внешнему виду могут предъявляться особые требования (*body labor* или *beauty service work*, см.: Kang 2003).

Эмоциональный труд рассматривается как составная часть профессии, предполагая его включение в выполнение рутинных задач. Осуществление эмоциональной работы в трудовом процессе влияет на структуру организаций, динамику власти и статуса работников (Wharton 2009: 155).

Управление эмоциями осуществляют и такие профессионалы, как адвокаты или врачи, от которых ожидается аффективная нейтральность и внимание к нуждам клиентов/пациентов или, напротив, персонифицированная забота (Abbott 1988; Freidson 1994; Smith, Kleinman 1989). Особой группой являются люди, осуществляющие заботу в сфере оплачиваемой занятости: медсестры, няни, акушерки (Hunter 200; Hunter, Deery 2008; Симонова, Ядрова 2013). Оплачиваемая забота о детях и пожилых — еще одна разновидность занятости, в которой ожидается выполнение эмоциональной работы (см. лекцию 10; Здравомыслова 2009b; Галиндабаева 2010). Эмоциональная работа зачастую является незамечаемой обществом, способность ее осуществлять (например, в работе няни, заботящейся о детях, инвалидах или пожилых людях) приписывается женщинам

и низшим слоям как естественное предназначение, которое не требует специальной профессиональной подготовки, социальной защиты и высокой оплаты, труд становится прекариатным. Эмоциональная работа может быть включена в профессиональные обязанности как само собой разумеющееся, например, в труд секретарей. Однако исследования показывают, что неформальные требования к рабочим обязанностям различаются в разных контекстах.

Труд секретарей

Труд секретарей, который считается преимущественно женским, предполагает персональное обслуживание, включая «домашнюю работу» в офисе, выполнение «эмоциональной работы» и заботы, проявление уважения и поддержку статусного соответствия. Иногда секретарей обозначают как «офисных жен» (Kanter 1977a; Pringle 1989; Truss, Goffee, Jones 1995).

Социолог О. Чепурная (2005) изучала труд женщин-секретарей в Петербурге. Исследовательница выделяет два типа секретарской работы: личный секретарь (персональный ассистент) и секретарь офиса, который подчиняется нескольким руководителям. Исследование показывает, что для секретарей в России характерно выполнение неформальных домашних обязанностей, исполнение квазисемейной роли домохозяйки, жены или матери. Личные секретари ощущают свою зависимость от начальника, они считают свое положение производным от авторитета руководителя, при этом не имеют возможности повышать свой собственный статус, если не меняют места работы. Секретари офисов в большей степени стараются ограничиться формальными обязанностями, отделяя от них личные поручения.

Секретарская работа гендерно маркирована. Эту профессию выбирают в основном молодые женщины, их роли соответствуют культурным фреймам традиционных женских профессий, в которых могут быть важны сексуальная привлекательность, неформальные отношения, эмоциональная работа. В неформальные обязанности личного секретаря входит забота о начальнике, поддержание отношений уважения и доверия, а также статуса руководителя (Чепурная 2005).

Такие данные особенно интересны для сравнительных исследований. Кросс-национальное исследование К. Трасс, Р. Гоффи и Г. Джонса в Англии, Германии и Франции (Truss, Goffee, Jones 1995) показало, что в секретарской работе в Германии взаимодействие начальника и секретаря наиболее гендерно стереотипизировано и включает неформальную заботу, во Франции секретари в большей степени выполняют формализованные функции, Англия занимает промежуточное положение. Таким образом, исследования показывают, что женская профессия секретаря в разных контекстах предполагает включение неформальных отношений заботы, которые предписываются женской роли.

ИТАК, существуют различные объяснения гендерных различий и неравенства в сфере оплачиваемой занятости:

- Гендерное неравенство в сфере занятости объясняется как семейными, так и индивидуальными предпочтениями членов семьи/работников. В первом случае акцент делается на рациональный выбор, согласно которому семье выгоднее, чтобы женщины инвестировали человеческий капитал в домашнюю заботу, а не в карьеру. Во втором – подчеркивается индивидуальный выбор, который женщина добровольно делает в пользу семейных обязанностей.
- Феминистские критики показывают, что такие предпочтения и выбор заданы структурами патриархата и моральной экономикой, в контексте которых женщина действует в соответствии с социальными ожиданиями, правилами и нормами. На индивидуальный выбор оказывает влияние конкретная социальная политика, ситуация на рынке труда, способ организации баланса гендерных ролей и пр. Вовлеченность в занятость на рынке труда зависит от конкретной модели материнства.
- Гендерный разрыв связывается с господством идеологии домашнего предназначения женщин, которая затрудняет выполнение требований, предъявляемым к работнику в сфере оплачиваемой занятости.

- Гендерный разрыв в должностных и квалификационных позициях и в оплате труда — это следствие дискриминации, ограничений доступа женщин в сферы мужской занятости и низкого престижа / низкой оплаты труда в женской профессиях.
- Дисбаланс в оплате труда связан с барьерами на институциональном, интеракционном и индивидуальных уровнях.
- Эмоциональный труд означает управление эмоциями в сфере оплачиваемой занятости. Такой труд полотиципизирован, он характерен для многих видов деятельности, которые осуществляют женщины. Женщины в современном обществе составляют большинство «эмоционального пролетариата».

3.

Гендерные различия в организациях и на рабочем месте

В данном параграфе мы анализируем то, как формируются и поддерживаются гендерные различия в организациях и на рабочем месте, как верования и культурные фреймы влияют на предпочтения работодателей и работников, на динамику взаимодействий.

3.1. Культурные фреймы

Американский социолог Сесилия Риджвей рассматривает гендерные различия в организациях (фирмах, предприятиях, учреждениях), опираясь на понятие гендера как первичного культурного фрейма (рамки) (см. лекцию 6).

Напомним, по определению Риджвей, гендер — это культурный фрейм, координирующий поведение и организующий социальные отношения людей как мужчин и женщин (Ridgeway 2009: 147). Гендерные категоризации и фреймы позволяют упростить взаимодействия в разных сферах, в том числе в сфере занятости, на конкретном

рабочем месте, сделать взаимодействия более понятными и предсказуемыми. Например, от индивида, который категоризирован как мужчина, независимо от других качеств, ожидается большая физическая сила или возможность задерживаться на работе допоздна. Кроме того, предполагается большая склонность к технической работе и более высокие карьерные устремления. От людей, объединенных в категорию «женщина», независимо от конкретных качеств и обстоятельств, в целом ожидается меньшая профессиональная амбициозность, наличие домашних обязательств и пр. В профессиональных взаимодействиях врач или повар категоризируются по признаку пола, что делает межличностные контакты более предсказуемыми. От врача-мужчины будут ожидать определенные отличия в поведении по сравнению с врачом женского пола, например, он скорее будет работать в ночную смену и на круглосуточных дежурствах. Таким образом, институциональные правила рассматриваются как гендерно маркированные (Ridgeway 2011). Сфера оплачиваемой занятости — это центральная арена, положение на которой обеспечивает доступ к ресурсам и позициям, связанным с властью, который, в свою очередь, связан с культурными верованиями (убеждениями), в том числе гендерными (см. лекцию 7).

Верования (можно их назвать стереотипами) определяют гендерные различия в сфере занятости в терминах мужского превосходства, что находит свое статистическое подтверждение в более высоких у мужчин профессионально-должностных позициях, зарплатах, объемах ответственности. Потенциальные работники определенным образом обучаются и ищут работу, а заключив договор — определенным образом взаимодействуют с окружающими. Наниматели ищут работников, формулируют требования к рабочим местам, интервьюируют людей, принимают решения, впоследствии взаимодействуют с ними и продвигают их по службе. Весь этот процесс предполагает категоризацию людей по признаку пола. Во всех рабочих отношениях акторы автоматически категоризируют окружающих и самих себя, опираясь на конвенциональные гендерные верования. Эта категоризация важна для интерпретации и координации действий, хотя она воспринимается как само собой разумеющаяся. Наниматели и сами работники считают, что женщина не подходит для многих видов занятости. Гендерно маркированные

предпочтения могут касаться самых разных профессий или позиций, которые с большой вероятностью не будут предложены женщине, соответственно, она также не получит надбавки, дополнительной оплаты, не обретет новых навыков/знаний, не расширит круг профессионального общения и пр.

Сегрегация в современном индустриальном мире, как правило, не закреплена формальными правилами, которые в большинстве случаев являются гендерно нейтральными. Сегрегация — это структура, которая постоянно воспроизводится через те процессы, при которых и соискатели, и наниматели помещают мужчин и женщин в разные позиции при найме на работу и продвижении по службе.

3.2. Гендерные различия при приеме на работу

Представления о гендерных различиях, как показывает Риджвей, ярко проявляются в процессе поиска и приема на работу (Ridgeway 2011: 100–106). Следуя логике рациональной эффективности, наниматели хотят нанять наилучших кандидатов. Как показывает Риджвей, обобщая результаты различных исследований, наниматели формируют представление об идеальном или предпочтительном работнике, и гендерный фрейм влияет на их выбор, хотя необязательно эксплицитно. Няни и секретари обладают женскими чертами, шахтеры — мужскими. Менеджеры — скорее мужскими, хотя от них могут требоваться и женские — коммуникабельность, доброжелательность. От юриста или менеджера могут требоваться сочетание мужских и женских характеристик. В одних ситуациях (например, когда фирма нуждается в росте и усилении) наниматель сделает акцент на компетентность и достижительность, и тогда предпочтительный образ будет скорее мужским. В другом случае (когда положение фирмы стабильно) акцент ставится на коммуникабельность и сотрудничество, и тогда воображаемый образ скорее будет женским. Там, где большинство сотрудников — женщины, «воображаемый работник» — это женщина, и их будут нанимать с большей вероятностью, и наоборот. Если требуется сотрудник с коммуникативными качествами, скорее наймут женщину, если с достижительными — мужчину, причем наниматель необязательно

это полностью осознает. Иными словами, найм работника всегда гендерно окрашен, даже если это не проявляется эксплицитно и если законодательно пресекается дискриминация по признаку пола (Ridgeway 2011: 102–103).

Вопрос о том, какого пола дизайнер, архитектор или социолог, можно переформулировать более корректно, спросив о том, что ожидается на конкретных рабочих местах, кроме профессиональных навыков, — амбициозность или эмпатия, достижительность или коммуникабельность, работа с объектами или с людьми, сверхурочная работа или гибкий график.

Итак, гендерная сегрегация при найме — это процесс, при котором работникам мужского или женского пола отдается предпочтение в зависимости от того, представители какого пола преобладают в данной сфере занятости, является ли вид занятости «женским»/«мужским» и какие качества ожидаются от работника в конкретной ситуации, с учетом положения фирмы. Гендерная сегрегация формируется под влиянием состояния рынка труда в целом.

3.3. Профессиональные предпочтения в зависимости от гендера

Что касается соискателей на рабочее место, то их предпочтения также оформляются гендерными фреймами и вносят вклад в поддержание существующих различий. Устойчивые представления о том, к какому виду деятельности более приспособлены мужчины, а к какому — женщины, усваиваются в ходе социализации, и люди оценивают себя в соответствии с этими верованиями. Так, девочки, которые объективно имеют одинаковые успехи с мальчиками в математике, субъективно оценивают свои способности ниже (Ridgeway 2011: 107). Срабатывают гендерные фреймы различий, которые настраивают и направляют мальчиков и девочек, мужчин и женщин на разные виды деятельности.

На выбор вида деятельности оказывают влияние не только те нормы, которые усваиваются в ходе социализации, но и контекст затрат и вознаграждений, которые связаны с определенной дея-

тельностью. Рабочие места, которые занимают мужчины и которые оплачиваются выше, являются привлекательными для женщин, ориентирующихся на продвижение и высокую оплату труда. В результате ряд профессий, в которые приходят женщины, становятся гендерно нейтральными — медицина, архитектура, право и пр. У многих женщин существует мотивация для того, чтобы искать рабочее место в сферах мужской занятости, однако для мужчин не характерна мотивация поиска работы в сфере женской, менее оплачиваемой и менее престижной занятости. В результате гендерная композиция рабочих мест изменяется следующим образом: женщины в большей степени приходят в мужские сферы занятости, чем мужчины — в женские (Ridgeway 2011: 108–109).

3.4. Динамика взаимодействий на рабочем месте

Гендерные стереотипы и половая категоризация действуют и на уровне внутригрупповой динамики и культуры на рабочем месте (Ridgeway 2011: 109–114). Взаимодействия в группе устроены

в основном по принципу «гомосоциального воспроизводства». Джин Липман-Блюмен определяла **гомосоциальность** как предпочтение взаимодействия с лицами своего пола, когда мужчины предпочитают общаться с мужчинами, а женщины — с женщинами. Мужские позиции в обществе в целом и в сфере занятости оцениваются выше, чем женские

(Lipman-Blumen 1976: 16–17). Принимая мужчин на рабочие места и помогая их продвижению, и работодатель, и работники, осознанно или нет, способствуют воспроизводству престижа сферы занятости/профессии. Кроме того, члены группы отдают предпочтения тем, кто имеет сходные с ними характеристики, они в большей степени им доверяют и включают их в свои социальные сети. Работник стремится взаимодействовать с теми, кто занимает более высокие позиции, обладает большими объемами информации и ресурсов,

Гомосоциальность — социальная психологическая установка на предпочтение общения с людьми своего пола.

Гомосоциальная среда — социальная среда, однородная по половому признаку.

в большей степени может влиять на карьеру. На рабочем месте высокие статусные позиции чаще занимают мужчины, и по принципу гомосоциального воспроизводства другие мужчины чаще, чем женщины, оказываются в мужских социальных сетях, тем самым получая доступ к информации, распределению ресурсов и продвижению (Ridgeway 2011: 110–111).

Во многих синеворотничковых сферах (связанных с физическим трудом на производстве), как показывает Бергман (Bergmann 2005, 2011), освоение трудовых навыков происходит на рабочем месте, и мужчины будут скорее обучать других мужчин, чем женщин (и наоборот). Кроме того, появление на рабочих местах людей, которые категоризируются как *иные*, может восприниматься как угроза сложившейся солидарности и престижу мужественности. Это происходит, например, в мужских армейских коллективах. Вспомним борьбу за право воевать наравне с мужчинами женщины-лейтенанта, которую постоянно пытаются исключить из равных в фильме «Солдат Джейн» (реж. Р. Скотт, 1997).

Другой пример — феномен **токенизма** (*tokenism*, термин Р. Кэнтер [Kanter 1977a, 1977b]), обозначающий **символический** найм представителей меньшинств, при котором сохраняются стереотипические представления о них и их положение фактически остается неравноправным). Например, женщин нанимают в профессии с мужским доминированием именно как женщин, в результате чего они занимают особые ниши, выполняя типичную для женщин работу, и не получают статуса, сопоставимого с мужчинами (см.: Zimmer 1988: 65, Yoder 1991). Такая «показуха» укрепляет, а не разрушает межгрупповые границы, поскольку увеличивает разрыв между показательным исключением из правила и преобладающим большинством (Киммел 2006: 298). Отметим, что такие процессы наблюдаются и в женских профессиях, когда там появляется мужчина.

На гендерные особенности динамики взаимодействий на рабочем месте оказывает влияние также его культура. Поддержание

Токенизм — привлечение к работе в организациях представителей меньшинств из соображений политической корректности, при котором сохраняются стереотипические представления об их вторичном статусе.

гендерных границ происходит в определенных институциональных условиях. Конкретные способы, которыми поддерживаются границы, варьируют в зависимости от правил рабочего места: там, где доминируют структуры мужской власти, акцент делается на стереотипические маскулинные способы взаимодействия — агрессивность, жесткие переговоры, соревновательность. Структуры женского доминирования сензитивны к семейным проблемам, проявлению чувств, личным привязанностям и пр., но последние встречаются гораздо реже. Культура рабочего места оказывает влияние на интерпретацию рабочих обязанностей, на то, как и для чего они выполняются. Гендерная культура влияет и на работников, и на нанимателей, она создает барьеры для лиц определенного пола. Категоризация по признаку пола через разнообразные социальные отношения порождает целый набор часто невидимых барьеров для лиц определенного пола, т. е. для воспроизводства гендерного неравенства (Ridgeway 2011: 113–114).

Гендерные представления работодателей и работников в России

На основе интервью с мужчинами и женщинами (Самара, 1999), для которых актуален поиск работы, были выявлены представления о гендерных различиях при приеме на работу (Козина 2002). Большинство информантов считали, что женщины при поиске работы и попытках трудоустройства испытывают большие трудности, чем мужчины.

В тот период происходила реструктуризация ВПК, наблюдался упадок отраслевых показателей в целом, сокращение рабочих мест для инженеров и технических работников, в т. ч. тех, которые ранее занимали женщины, выполнявшие «мужскую работу» в советское время. Нередки ситуации, — отмечает автор, — когда гендерный образ рабочего места настолько устойчив, что пол претендента представляется нанимателю само собой разумеющимся, не требующим отдельного уточнения. Цитата из интервью: «Я в одно место ходила устраиваться. Вакансия во вредный цех была, но не указано было, кто нужен, женщина или мужчина. Когда руководитель увидел, что я женщина, очень удивился и отказал, сказал, что хочет на это

место мужчине. Хотя работу оператора спокойно может выполнять женщина, и я эту работу знаю».

Автор отмечает, что в этот период наблюдается трансформация целого ряда традиционно «женских» или «гендерно нейтральных» рабочих мест в «мужские», когда в новом бизнесе востребуются некоторые качества, приписываемые мужчинам, например физическая сила: «Допустим, специальность называется менеджер. Если принимают мужчину, то он в то же время начинает и груз (тяжести) переносить, т. е. хозяин его заставляет в этом плане работать, а женщину он не может заставить работать (таким образом).

Большинство опрошенных предполагали наличие гендерных различий в работе. Мужская работа характеризовалась ими как тяжелая, связанная с нагрузками, к ней относили грузчика, черно-рабочего, строителя, шахтера и пр. Неквалифицированная женская связывается со сферой домашнего труда: уборщица, нянечка, мойщица посуды. «Мужской» образ профессии ассоциируется с работами, связанными с риском, ответственностью, работой с техникой. «Женский» — с социальной сферой, детьми, конторской работой. Гендерное неравенство в профессиональной сфере предстает как «естественное» различие. В обществах, где действуют правовые ограничения занятости женщин на работах с тяжелыми и вредными условиями труда (в СССР и РФ), такие представления имеют юридическую легитимацию. Однако, как показывает исследование, люди могут отказываться от традиционных представлений о «мужской» и «женской» работе в реальной жизненной ситуации.»

В 1990-х гг. в России традиционные гендерные верования, которые обнаруживались у работодателей, проявлялись на фоне оттока женщин из сферы промышленного производительного труда. Исследования женщин на топ-менеджерских позициях показывают, что «женщины согласны брать на себя “груз” кризисных предприятий, причем таких, которые не привлекательны для крупных бизнесменов» (Чирикова 2003). Женщины допускались к кризисному управлению, решению конфликтной ситуации, а затем они возвращались на второстепенные позиции. Подобная ситуация показана в фильме «Женщин обижать не рекомендуется» (Ахатов 1999). После внезапной гибели отца школьная учительница оказывается владелицей контрольного пакета акций судоходной компа-

нии. Она возглавляет компанию и спасает ее, после чего возвращается из бизнеса в школу.

В 2010-х гг. эксперты высказывают мнение о том, что «женщины-руководители в России более работоспособны и ответственны. Они обладают более высокими коммуникативными навыками и стратегическим мышлением. Женщины успешно руководят малым бизнесом» (<http://www.kommersant.ru/doc/2493772>; 10.03.2015).

3.5. Институционализация и рутинизация гендерных различий

Работа осуществляется в условиях организационных и институциональных ограничений, работники ориентируются на гендерные представления в той степени, в которой последние являются важными в ситуации на рабочем месте. В некоторых ситуациях доминируют стереотипические верования, что демонстрирует женский труд няни и мужской труд шахтера. В других ситуациях стереотипические верования не столь важны, они могут быть диффузными и неявными, например, в профессии биолога, юриста, архитектора, социолога.

Ключевую роль в производстве гендерных различий играет институциональная структура. Риджвей считает, что рутинные и сильно бюрократизированные виды деятельности в меньшей степени подвержены влиянию гендерных фреймов. Рабочие на конвейере или в бизнес-корпорации выполняют гендерно нейтральные задания. Определенность и предсказуемость действий задана технологическим процессом, а не выражением гендера. Однако гендерные фреймы могут быть встроены в структуру производства на уровне отраслей и цехов, когда предполагается работа мужчин на сборке автомобилей или в отделах продаж бизнес-корпораций, а женщин — в швейном производстве или в отделах управления персоналом. Однако эти фреймы подвижны.

Организационные структуры могут задавать более гибкие гендерные рамки, это касается, например, деятельности преподавателя, врача или журналиста. В современном индустриальном мире гендерная маркировка профессий и рабочих мест ослабевает, правила

не детализированы. В такой ситуации гендерный фрейм активнее задействуется на уровне межличностных взаимодействий работников и клиентов. Например, гендерный дисплей может быть использован для создания образа «строгой учительницы» или «преподавателя — своего парня», образа «внимательного врача» или «врача, дистанцированного от пациента», «дизайнера, ориентирующегося на вкус потребителя» или «дизайнера, продвигающего свое мнение» и пр. Исторически разные сферы и организации занятости обладают разными ресурсами и властными возможностями, и это влияет на гендерные предпочтения и различия даже при отсутствии личных предпочтений и предрассудков. Ожидается, что педиатр и участковый врач — это скорее женщина, а хирург и главный врач — скорее мужчина. Имеющие опыт управления информанты, проинтервьюированные в ходе исследования гендерных различий в корпорациях в России, считают, что женщины гораздо более исполнительны и менее конфликтны (Попкова, Тартаковская 2011). Мы можем предположить, что от женщин-менеджеров ожидается исполнительность и конформность. Логика инструментальной рациональности требует относиться к работникам как бестелесным ролевым исполнителям, а не как к представителям гендерных категорий. Технологии представлены как универсальные и недискриминирующие. В настоящее время довольно редко за одинаковую работу на одинаковых позициях женщинам и мужчинам платят разную зарплату (сфера неформальной экономики, теневой занятости в данном случае не рассматривается). Однако на индивидуальном уровне и на уровне взаимодействий сохраняются стереотипические представления о гендерных границах. Идеальный работник скорее похож на мужчину, который готов полностью посвятить себя работе целиком. Женщины в силу гендерных убеждений и необходимости совмещать семью и работу оказываются там, где меньше платят и где меньше конкуренция. Разница в доходах возникает из-за того, что больше женщин, чем мужчин, занимают низкоквалифицированные позиции или заняты в менее доходных секторах экономики.

Институционализация гендерных различий в организациях предполагает воспроизводство способности действовать либо в качестве мужчины, либо в качестве женщины, т. е. рутинизацию гендерно маркированных практик (гендерных практик). Действия

рутинизируются на уровне телесной привычки и осуществляются «автоматически» (*practicing*), они представляют собой непроблематизируемые навыки, аналогично процессу плавания, игры на пианино, езды на велосипеде (см. лекцию 7). Гендерно маркированные практики понимаются как процессы, посредством которых поддерживаются гендерные различия, в том числе на рабочем месте. В фильме «Служебный роман» рабочий день всех женщин (за исключением директора) начинается с «наведения марафета» (макияжа), и это, по словам главного героя, — обязательный ритуал. Бубликов — начальник отдела — постоянно с грустью провожает взглядом изящных женщин, поднимающихся по лестнице, под которой расположено его рабочее место. И все это, хотя и иронически, вплетено в рабочие взаимодействия. Гендерные практики не проблематизируются, они привычны и выглядят для актеров естественными и незначимыми.

Практики в целом трудно улавливать и исследовать (вспомним эксперименты Гарфинкеля, которые направлены на разрушение привычного хода событий, в том числе гендерных практик [Гарфинкель, 1967; см. лекцию 5]). Социологи проблематизируют гендерную нейтральность правил работы. Мартин показывает, что в профессиональной деятельности на индивидуальном уровне и на уровне интеракций мужчины и женщины взаимно конструируют друг друга, и эти процессы влияют на их действия. Анализ данных процессов помогает понять, как конкретно поддерживается неравенство в организациях (Martin 2003). Исследуя телекоммуникационные, инженерные и иные корпорации в США, где официально заявлено гендерное равенство, Мартин рассматривает, как производятся различия, как исполняется гендер в разговоре (настойчиво воспроизводится или отрицается). Автор анализирует, каким образом гендерные маркеры становятся легитимным при обсуждении конкретных проблем и выполнении конкретных действий в корпорациях. Гендерная рутина не замечается и не проблематизируется. Но если происходит ее поломка, это вызывает сильные, чаще всего негативные, эмоции участников взаимодействия. Гендерные практики ориентированы на социальную подотчетность, на соблюдение сложившихся гендерных норм. Их нарушение на рабочем месте подвергается санкциям, которые могут быть мягкими или жесткими.

Санкции осуществляют все действующие лица, независимо от половой принадлежности.

Мартин приводит примеры, на первый взгляд, рутинных эпизодов рабочих взаимодействий. Разговаривают два вице-президента компании, в этот момент звонит телефон, и мужчина — вице-президент просит женщину — вице-президента ответить на звонок. Он делает это автоматически, соотнося себя с гендерным фреймом, согласно которому от женщин ожидается поддерживающая и обслуживающая работа. Коллега отвечает на телефонный звонок также автоматически, поскольку действует согласно правилам гендерного фрейма, т. е. как женщина, а не как равный по статусу вице-президент. Однако затем она осознает этот эпизод как проявление субординации и высказывает собеседнику свое недовольство (Martin 2003).

Другой эпизод — вице-президент рассказывает в интервью, что при деловых встречах ему часто приходится ужинать с мужчинами — деловыми партнерами, но он избегает ужина с партнерами-женщинами такого же ранга, поскольку он женатый человек и христианин и не хочет дать повод для слухов или ложных толкований. Из такого, казалось бы, само собой разумеющегося действия, включающего гендерную категоризацию женщины как сексуального объекта, следует то, что в его неформальных деловых сетях (в «мужском клубе») оказываются мужчины, но не женщины. Бизнесмен в деловых связях осуществляет гендерно окрашенные, а не нейтральные практики, отсекающие женщин от неформального общения, руководствуясь семейными и религиозными ценностями (Martin 2003: 345–349).

Подразумевается, что люди могут практиковать гендер как сознательно (это не обязательно означает цель и план), так и неосознанно. Избегание ужина с женщинами-партнерами — это осознанное, морально окрашенное действие. Мы оставляем в стороне откровенно сексистские высказывания по поводу женского предназначения и способностей женщин к работе, однако и они, разумеется, являются осознанными. Они не перестают производить гендерные различия, даже если просто выражают дурной вкус говорящего. Другие действия могут быть неосознанными, например, просьба равному по статусу сотруднику женского пола выполнить

обслуживающую работу. В российском контексте осознание гендерного неравенства на уровне практик недостаточно рефлексировается, поскольку весь наш опыт говорит о том, что выполнять некоторую обслуживающую работу или осуществлять некоторую заботу об окружающих для женщин на рабочем месте — это нормально и морально, данная рутина делает взаимодействия менее формальными, психологически комфортными и менее конфликтными.

Разные социальные позиции связаны с разными **объемами власти и ответственности**, и это влияет на опыт и сознание работающих людей. Позиции у женщин, как правило, ниже, объемы власти — меньше. Неравное распределение власти в организациях может привести к злоупотреблениям. Гендерные злоупотребления связаны с феноменом **сексуальных домогательств** (*harassment*)

на рабочем месте, которые означают форму дискриминации. С одной стороны, требования сексуального характера могут быть условием принятия на работу, сохранения рабочего места или продвижения по службе, с другой, — они могут проявлять враждебность среды, вытесняющей или исключаящей сотрудника, препятствуя выполнению рабочих задач (Welsh 1999). Домогательствам могут подвергаться как женщины, так и мужчины, но исследования показывают, что к первым это относится гораздо чаще (Padavic, Reskin 2002; цит. по: Wharton 2012: 212).

В российском контексте феномену сексуальных домогательств посвящено очень мало исследований. З. Хоткина анализирует случаи домогательства в 1990-е гг. на промышленных предприятиях (1996). Материалы А. Клёцина показывают, что сексуальным домогательствам могут подвергаться и мужчины, и женщины (Клёцин 1998). В обоих случаях сексуальные домогательства рассматриваются в основном как злоупотребления служебным положением, которые предполагают действия сексуального характера или склонение подчиненных к нежелаемому ими сексуальному взаимодействию.

Сексуальные домогательства на рабочем месте (сексуальные преследования на работе) — сексуальные предложения, требования «сексуальных услуг» и прочие вербальные и физические действия сексуальной направленности, выдвигаемые в качестве условия найма, сохранения работы и профессионального продвижения или вытеснения сотрудника.

Однако сексуальные домогательства могут осуществляться не только в контексте профессионально-должностной иерархии, но и между равными по статусу работниками.

ИТАК, подведем итоги рассмотрения производства гендерных различий в контексте организаций и рабочей ситуации:

- Категоризации на основе верований и культурных фреймов определяют гендерные различия в организациях и во взаимодействиях на рабочем месте.
- Производство гендерных различий при найме на работу означает то, что работникам определенного пола отдается предпочтение в зависимости от того, является ли вид занятости «женским»/«мужским», и того, какие качества ожидаются от работника. Профессиональные предпочтения в зависимости от гендера при устройстве на работу связаны с его представлениями о том, к какому виду деятельности более приспособлены мужчины, а к какому — женщины.
- Гендерные стереотипы и половая категоризация действуют на уровне внутригрупповой динамики и культуры рабочего места. Взаимодействия, построенные по принципу гомосоциального воспроизводства, поддерживают гендерные различия. Гендерные фреймы встроены в структуру производства, воспроизводятся на уровне стереотипов и исполнения дисплеев.
- Институционализация гендерных различий в организациях предполагает рутинизацию гендерных практик, которые выглядят естественными и незначимыми. Гегемонные гендерные верования проявляются в работе организаций, управлении, распределении рабочих задач, бюрократических правилах и пр.
- Организационная логика и структура конкретного вида деятельности может уменьшать или усиливать гендерный разрыв.
- Неравное распределение власти в организациях может привести к злоупотреблениям. Гендерные злоупотребления связаны с феноменом сексуальных домогательств на рабочем месте, которые означают форму дискриминации.

4. Гендерная специфика трудоустройчивости

4.1. Невидимые барьеры и механизмы трудоустройчивости

В сфере занятости, в определенных контекстах, существуют невидимые механизмы, которые служат барьерами на пути продвижения по карьерной лестнице лиц определенного пола, или напротив, способствуют их продвижению. Рассмотрим их. В литературе по гендерной сегрегации рабочих мест и сферы занятости обсуждается феномен «стеклянного потолка» (Lorber 1994: 227–230). Этот феномен отсылает к ситуации, когда женщинам намекают, что руководящая или некоторая другая работа включает очень высокие требования, ее лучше выполнит сотрудник другого пола, или другим способом дают понять, что гендерная принадлежность влияет на профессиональные достижения и продвижение.

Лорбер указывает, что к «стеклянному потолку» относятся невидимые барьеры, сдерживающие продвижение по карьерной лестнице женщин, которые **имеют соответствующие мотивации, амбиции и квалификации** (Lorber 1994: 227). По ее мнению, «причина того, что женщины-врачи зарабатывают меньше, чем мужчины, кроется в системе профессионального патронирования и субсидирования, которая выводит их за пределы престижных специализаций, и в братствах, сложившихся внутри американских медицинских учреждений, которые не дают женщинам рекомендаций в лучшие интернатуры и на хорошие должности в больницах и не посылают к ним пациентов» (Lorber 1975: 82; цит. по: Киммел 2006: 292–293).

«Стеглянный потолок» — невидимые препятствия для профессионального продвижения определенных групп (в частности, женщин) в условиях отсутствия открытой дискриминации.

Термин «стеклянный потолок» был впервые употреблен в 1986 г. в *Wall Street Journal* (Wharton 2012: 208) в статье, описывающей невидимые барьеры, с которыми сталкиваются женщины и цветные по мере приближения к руководящим долж-

ностям. В США в 1991 г. была создана комиссия министерства труда по вопросам «стеклянного потолка», цель которой — устранение искусственных барьеров, действующих при найме, продвижении по службе и увольнении кадров, основанных на личностных и корпоративных предубеждениях (Киммел 2006: 296–297; см. также: Лорбер 1994). Опираясь на доклад комиссии, Киммел определяет «стеклянный потолок» как **искусственные барьеры, основанные на отношениях или сложившихся в организациях предубеждениях, которые препятствуют продвижению квалифицированных работников на руководящие должности**» (Киммел 2006: 294). Барьеры на пути продвижения женщин на более высокие позиции являются невидимыми (Lindsey 1997: 263). Риджвей считает, что невидимыми препятствиями могут быть и гендерные предубеждения работника, процедуры оценки труда, а также самооценка работника (Ridgeway 2011: 114–115).

Следующее препятствие для женской карьеры — **«материнская стена»**, т. е. барьеры, связанные с материнством (или другими семейными обязанностями) (Ridgeway 2011: 117–119; см. также: Correll, Benard, Paik 2007). Матерей считают менее компетентными и менее вовлеченными в работу. Зарплата работающей матери в США уменьшается на 5 процентов с каждым ребенком по сравнению с бездетными женщинами. Коррелл и др. показывают, что отношение к женщинам, имеющим детей, влияет на оценку их навыков, компетенции, на найм и размер первоначальной зарплаты (данные получены в ходе эксперимента). Менее высокую зарплату (точнее, ту дельту, которая не доплачивается из-за материнства) называют **«материнским штрафом»** (*motherhood wage penalty*) (Correll, Benard, Paik 2007).

Возникает конфликт между ожиданиями, предъявляемыми к матери (приоритет заботы о ребенке и семье, осуществление **«интенсивного материнства»**) [Haas 1996]) и к работнику (приоритет работы). Этот конфликт существует на уровне культуры, в то время как на индивидуальном уровне для женщин «работа все более становится домом, а дом — работой» (Hochschild 1997). У отцов такого конфликта на уровне культуры не существует, т. к. их основная роль — это роль добытчика (конфликт при этом все более проявляется на уровне практик, например, отцов, вовлеченных в заботу

о детях [см. лекцию 8]). Матери в целом имеют более низкий статус как работники по сравнению с бездетными женщинами. Особенно остро противоречия ощущаются женщинами, которые находятся в мужских профессиях или занимают позиции, типичные для мужчин. Именно там феномен «стеклянного потолка» становится особенно ощутимым на личном уровне.

Феномен «стеклянного потолка» выражает ограничения в продвижении женщин. Как пишет Мартин (Martin 2003), для достижения успеха в карьере женщины должны работать день и ночь, «как мужчины», ставить приоритеты карьеры выше семьи, в результате чего они рискуют подвергнуться осуждению за нарушение культурных фреймов и отказ, хотя бы и частичный, от женственности. В ином случае, когда они не выходят за пределы культурных фреймов, их успехи будут, скорее всего, ниже, чем у коллег мужского пола. Однако продвижение по должностной лестнице привлекательно для женщин, поскольку высокие позиции вознаграждаются властью, статусом и ресурсами. Героини-руководители из советских фильмов живут в хороших по меркам того времени квартирах, они не испытывают нехватку средств; директор Екатерина Тихомирова («Москва слезам не верит») имеет собственную машину, директора Людмилу Прокофьевну Калугину («Служебный роман») возит на машине персональный шофер; они без труда могут купить (достать) себе модную и дефицитную одежду и пр. Профессионально ориентированным женщинам приходится приспосабливаться к противоречивым требованиям успешного работника (особенно в сферах мужской занятости) и культурным требованиям к женственности — Екатерина работает в женской сфере (директор текстильной фабрики), ее облик отвечает требованиям женственности. Людмила Прокофьевна (возглавляющая институт статистики, более гендерно нейтральную организацию) до поры до времени пренебрегает данными требованиями, что ведет к формированию образа «мымры» и «не женщины, а директора».

Описывая механизмы, препятствующие продвижению женщин по профессионально-должностной лестнице, Дж. Лорбер приводит феномен Сальери и эффект Матфея (Lorber 1994: 236–40). «**Феноменом Сальери**» исследовательница обозначает невидимый саботаж карьерного роста и признания женщин. Она отталкивается в

своих рассуждениях от образа Сальери и действия пьесы П. Шеффера «Амадеус» (известен фильм по этой пьесе — «Амадеус», реж. М. Форман, 1984). Сальери не критикует Моцарта открыто, но отказывается его рекомендовать богатым клиентам, предлагает платить ему меньше и т. д. Таким образом он исподтишка препятствует успеху Моцарта. Лорбер показывает, как стратегии протекционизма в отношении женщин с семейными обязанностями препятствуют их успеху и признанию. Протекционизм влияет на представление об уровне их компетенции как недостаточной в глазах окружающих и понижает их самооценку. Ограждение женщин от плодотворной критики, профессионального продвижения, принятие решений о том, какие рабочие задачи она в состоянии решить, а какие ей не по плечу, — все эти аспекты патерналистской опеки в целом препятствуют профессиональному росту женщин.

Метафора «**эффект евангелиста Матфея**» используется впервые Р. Мертоном и обозначает потенциальное преимущество, которое имеют уже известные профессионалы по сравнению с менее известными. Мертон показал, что при одинаковом качестве текста выше будет оценена статья более известного человека. Название связано с цитатой из Евангелия от Матфея: «*Всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет*» (Мф. 25, 29). Этот эффект не имеет явной гендерной направленности, но защищает интересы людей, уже продвинувшихся в разных иерархиях. Поскольку женщин среди них меньше, он имеет гендерные последствия. Если в целом женщины занимают менее престижные позиции, то на них меньше ссылаются, их мнение меньше звучит и меньше учитывается, и таким образом воспроизводится их более низкий статус. Два этих феномена — две стороны одной медали: те, кто получают выгоды от эффекта Матфея, получают признание коллег, это улучшает репутацию, финансирование и вознаграждение. Те, кто испытывает на себе эффект феномена Сальери, остаются непризнанными, они не получают ресурсов для карьеры.

Исследования гендерных различий в сфере занятости обращают внимание на особенности продвижения мужчин в женских профессиях. Иногда мужчины покидают женские профессии, поскольку они чувствуют в них угрозу своей маскулинности. Дискриминиру-

ющие фреймы при этом накладываются на мужчин не внутри профессии (как на женщин в мужских сферах), а извне, когда публика присваивает мужчинам в женских профессиях лейблы слабаков, их считают женственными и безынициативными (Williams 1992: 261). В других случаях они быстро перемещаются на более высокие или более престижные позиции, связанные с управлением. Приход мужчины, например, в школу, на социальную работу или в библиотеку, на должность медбрата — приветствуется, и мужчина быстро продвигается по профессиональной лестнице. Американский социолог Кристина Вильямс показывает, что когда мужчины приходят в такие организации и профессии, где они составляют меньшинство, на этапе найма их встречает отношение наибольшего благоприятствования. Половая принадлежность скорее является преимуществом, хотя иногда существуют и формальные ограничения в приеме мужчин. Их продвижению способствует **«стеклянный эскалатор»**, который незаметно подталкивает к движению вверх по карьерной лестнице, мужчины в целом считаются более подходящими для лидерства и занятия более высоких позиций в профессии, их поддерживают коллеги и руководители, хотя и не всегда и не на всех уровнях. Художница-феминистка Линди Нохлин так описывает гендерную вертикальную сегрегацию в «женских» профессиях: «В конце концов совсем немного на свете областей деятельности, действительно “запретных” для мужчин, если только уровень их работы в этих областях достаточно высок, ответствен и хорошо вознаграждается; мужчины, чувствующие потребность в “женской” заботе о детях, становятся педиатрами или детскими психологами, причем рутинную работу у них делает женщина-медсестра; те, кого тянет к кухонному творчеству, могут стать прославленными шеф-поварами; и, наконец, мужчины, стремящиеся выразить себя в том, что часто называют “женским” творчеством, могут стать живописцами или скульпторами, а не музейными смотрителями или керамистами-любителями, как это часто бывает с женщинами в той же ситуации; а в мире науки много ли мужчин согласится променять свои ставки преподавателей и исследователей на нищенски оплачиваемые работы по совместительству — лаборантки, машинистки, няни или домработницы?» (Нохлин 2005). Фреймы гендерных различий в профессиях встроены не

только в организации и в индивидуальные предпочтения нанимателей и работников, но и в общественное мнение.

В современном российском дискурсе можно слышать сожаление по поводу недостатка мужчин среди учителей в средних школах и детских садах, и соответственно, отсутствия там «настоящего» мужского воспитания. При этом авторы таких высказываний не замечают важного структурного обстоятельства, связанного напрямую с гендерными фреймами. Мужчины пойдут в школы тогда, когда нормативные предписания не будут требовать от них исполнения роли «настоящего» мужчины в женской профессии и уровень зарплат в среднем образовании повысится.

В настоящее время (Williams 2013) концепция «стеклянного эскалатора» уточняется, во внимание принимаются не только гендерные, но также классовые, расовые и сексуальные характеристики. Например, исследователи показывают, что стеклянный эскалатор не действует для чернокожих медбратьев, которые считаются менее квалифицированными, чем женщины-медсестры, от них не ожидают лидерства (Wingfield 2009; цит. по: Williams 2013: 615–616). Интерсекциональный подход позволяет уточнить, что эскалатор быстро «поднимает вверх» тех мужчин, маскулинность которых в большей степени соответствует гегемонным расовым и сексуальным образцам.

Еще одна метафора, которая применяется по отношению к мужчинам — **«стеклянный подвал»**. Как считает Уоренн Фаррелл, мужчины являются его жертвами, т. к. именно они вынуждены работать в самых опасных и тяжелых профессиях, и в этом, с его точки зрения, заключается дискриминация по признаку пола (Farrell 1993: 105–106, цит. по: Киммел 2006: 297). Мужчины «заперты» в этом анклав не только в силу недостаточного образования и отсутствия лифтов мобильности, но и в силу представлений о маскулинности, отождествляемой с физической силой и тяжелой работой (см. лекцию 8). Мужчины не только не покидают такую работу (например, на стройках или нефтяных платформах), но и пренебрегают правилами безопасности, что делает работу еще более опасной. Идеология мужественности требует от них стойкости, они не хотят прослыть слабаками. Киммел не согласен с тем, что «стеклянный подвал» обозначает дискриминацию, поскольку уровень

оплаты в таких видах занятости высокий, а женщины туда часто не допускаются (Киммел 2006: 298).

Эти метафоры отражают сложности борьбы с гендерными стереотипами (даже если речь не идет о продвижении, а просто о «немужских» или «неженских» профессиях), с невидимыми барьерами, которые достаточно сложно осознавать и преодолевать. Несмотря на отсутствие формальной дискриминации («бетонных» стен и потолков) и внедрение политики гендерного равенства на государственном уровне в некотором числе стран, равенство оказывается «видимым», но не всегда достижимым, а барьеры — остаются невидимыми, поэтому востребуются метафоры «стекла» (которое, заметим, может быть достаточно хрупким). Все более актуальными становятся исследования не на уровне, например, законодательства, а на уровне интеракции и верований, где продолжает воспроизводиться представление о мужском и женском предназначении, труде, качествах, дисплее и пр. Важными являются конкретные контексты, в некоторых стереотипы сохраняются, в других — их значение уменьшается. Приведем пример.

Гендерные различия в корпорациях

В исследовании стратегий менеджеров среднего звена российских и международных корпораций (в Москве и Самаре) было обнаружено, что молодые женщины-менеджеры не менее амбициозны и ориентированы на карьеру, чем мужчины той же профессиональной и возрастной страты. Пилотажное исследование показывает, что хотя в корпоративном бизнесе сохраняются элементы дискриминации в виде «стеклянного потолка», но в 2000-е гг. значение традиционных гендерных представлений снижается. Уже в 1990-е гг. произошло достаточно массовое продвижение женщин на средний уровень управления корпорациями, что повлекло определенные изменения. Если раньше женщины рекрутировались в основном на позиции, связанные с управлением персоналом и коммуникацией, то сейчас они все более активно проникают в другие сферы работы корпораций, в подразделения, занимающиеся продажами, еще недавно преимущественно мужские по составу работников. По мере того, как женщины осваивают традиционно мужские подразделения, их шансы на занятие командных долж-

ностей в бизнесе возрастают. В результате, как пишут авторы, «стеклянный потолок» поднимается довольно высоко. Женщины — успешные менеджеры на ответственных позициях перестают быть исключением из правила, их присутствие в корпоративном мире более не проблематизируется. Корпорации, особенно международные, имеющие штаб-квартиры в развитых странах Запада, представляют возможности для реализации профессиональных стратегий амбициозных молодых женщин, которые успешно конкурируют с мужчинами. Информанты отметили также, что в российских бизнес-корпорациях наличие социальных связей, родственных связей, покровителей зачастую важнее других факторов, в том числе пола. В целом гендерные барьеры для карьерного продвижения женщин в корпорациях не исчезли, но они перестают быть непреодолимыми (Попкова, Тартаковская 2011).

4.2. Синие воротнички: мобильность и гендерные барьеры

Исследователи показывают, что гендерные изменения происходят в обществе неравномерно (England 2010); образ жизни некоторых социальных групп изменяется гораздо больше, чем других, в некоторых сферах изменений больше, чем в других. В то время, когда одни группы становятся более эгалитарными — это в первую очередь образованные слои общества, в других сохраняются традиционные образцы — это преимущественно менее образованные и менее ресурсные группы. Хотя получает распространение эгалитаризм и представление о том, что все граждане независимо от пола должны иметь равный доступ к рабочим местам и образованию, в основном сохраняются эссенциалистские представления (т. е. культурные верования в фундаментальные и естественные гендерные различия, см.: Charles, Bradley 2009: 925).

Часто можно услышать аргумент, что женщины сами не хотят или не могут осуществлять синие-воротничковые виды работ, требующие физических усилий (синие воротнички — это работники физического труда). Считается, что у женщин нет мотивации к такой работе (автомеханика, слесаря, водителя, сантехника, шахтера

и пр.), которая «не предназначена для женщин», нарушает гендерные границы (культурные фреймы). Занятость женщин в таких профессиях легитимируется только военной или квазивоенной мобилизацией. Важный фактор преодоления гендерного неравенства — ориентация на восходящую мобильность, когда женщины разрушают сложившиеся границы и приходят в профессии, где раньше большинство составляли мужчины. Идеология равных возможностей и индивидуализм стимулирует женщин на профессиональный и должностной рост. При этом сохраняются эссенциалистские представления о том, что женщины и мужчины имеют разные склонности и способности. Женщины предпочитают не нарушать гендерные границы мира занятости, если существуют перспективы роста в так называемых женских профессиях.

Покажем, какие стратегии осуществляют женщины из разных слоев общества, если они ориентируются на восходящую профессиональную мобильность. Женщины из рабочей среды хотят занять более высокие позиции, чем их матери, которые работали, например, уборщицами. Они получают образование и находят «женскую» работу клерка или в сервисе (иногда их обозначают как «розовые воротнички»), которая является более престижной, хотя и менее оплачиваемой, чем «мужские» синеворотничковые позиции, например, водителя или рабочего промышленного предприятия. Для женщин уход из швей в секретарши означает восходящую мобильность, при этом гендерные границы сохраняются — они не покидают сферу женской занятости.

Однако для среднего класса не существует достаточных каналов мобильности в традиционных сферах, если матери современных женщин были библиотекарями, секретарями или учителями (или просто домохозяйками). Поэтому, если женщины среднего класса ориентированы на восходящую межпоколенческую мобильность, т. е. на улучшение своих позиций по сравнению с матерями, то они должны овладеть теми профессиями, которые в обществе маркируются как мужские (Blair-Loy, Resenco, Cech 2013). Мотивации и возможности мобильности различаются в разных социальных классах: они выше у женщин, имеющих высшее образование; именно они чаще нарушают гендерные границы, разделяющие рынок занятости на мужские и женские работы.

Нарушение гендерных границ

У героини романа «Прислуга» (Стокетт 2011) Скитер в 1970-х гг. на американском Юге мать — домохозяйка, отец — преуспевающий фермер. Карьера после окончания колледжа, которую видит для нее мать, — это временная работа в банке, пока молодая женщина не найдет себе мужа. Героиня хочет стать писательницей, начинает работать в газете, в рубрике, посвященной ведению домашнего хозяйства. Она тайно пишет книгу о жизни чернокожей прислуги, нарушая все мыслимые расовые границы того времени — интересуясь повседневной жизнью афроамериканцев, неформально общаясь с ними и даже запросто бывая в их домах. В конечном счете Скитер получает работу в издательстве в Нью-Йорке. Такая профессиональная мобильность осуществляется вопреки культурным гендерным фреймам местного сообщества — она вступает в мужскую профессию. Однако профессиональное продвижение и нарушение гендерных границ контекстуально, оно более допустимо в Нью-Йорке по сравнению с американским Югом.

Гендерная сегрегация в профессиях физического труда обусловлена производством телесных различий. Маскулинность и фемининность производится через телесные практики (Crawley 2011; Crawley, Foley, Sheehan 2008). Как показывает Кокберн (Cockburn 1981), физический труд структурируется через маскулинность. Норма физически сильного мужчины распространяется на всех мужчин; такой фрейм маскулинности поддерживается созданием машин и механизмов индустриального мира, которые требуют больше физической силы, чем та, которой в среднем обладают женские тела, независимо от реальных способностей конкретных мужчин и женщин. Там, где требуются существенные затраты физического ручного труда, преобладают работники мужского пола — хотя и не всегда и не везде. В синеворотничковой сфере, в том числе на высокооплачиваемых позициях, мало женщин, и ресурсы сконцентрированы в группе по принципу физической силы и соответствующих навыков (см. выше о «стеклянном подвале»). Законодательно утвержденные ограничения занятости женщин в профессиях с тяжелыми и вредными условиями труда, характерные для советского и российского трудо-

вого права, закрепляют эти границы. Нарушения такого культурного фрейма рассматриваются как вынужденная маскулинизация женщин, оправдываемая только в контекстах нехватки мужской физической силы или военной мобилизации. Женщины на лесоповале, женщины в угледобыче, женщины в оранжевых жилетах, работающие на строительстве железной дороги, — все эти виды работ рассматриваются как несоответствующие культурным нормам женской занятости и препятствующие исполнению репродуктивной функции женщин. Тем не менее женщины из уязвимых групп (мигрантки, низшие слои) массово работают в тяжелых условиях труда, на их рабочих местах отсутствуют элементарные удобства, они лишены многих социальных гарантий.

Исследователи выделяют механизмы, которые сдерживают вовлечение женщин в профессии, основанные на использовании физического труда. Как показывает Бергман (Bergmann 2005, 2011), политика равенства действует гораздо эффективнее по отношению к женщинам с высшим образованием, чем к рабочему классу. Поясним, в чем заключаются антидискриминационные меры в отношении среднего класса. Еще в 1960-е гг. в Западной Европе и США считалось, что женщины не обладают достаточной мотивацией для получения позиций в сфере права, в медицине, бизнесе, и их количество составляло там лишь несколько процентов. Многие образовательные учреждения были закрыты для женщин, в других существовали ограниченные квоты, и получить профессиональную подготовку было достаточно трудно. С 1972 г. законодательно было установлено, что образовательные учреждения, получающие федеральное финансирование, должны отказаться от любой дискриминации по признаку пола. После этого большое число женщин вошло в такие профессии, как врач, юрист, менеджер, и эти профессии постепенно перестали связываться с потерей женственности. В 1980-х гг. женщины составляли около четверти молодых специалистов в таких профессиях, в 2000-е гг. — около половины (Bergmann 2005: 90). Дискриминация в образовании и при найме сократилась, хотя, как мы показывали раньше, сохранились другие формы — в продвижении, зарплате и пр. (Gorman 2005). Возможность получать образование трактуется как решающий фактор преодоления гендерного неравенства.

Однако таких форм образования и антидискриминационных мер не существует при подготовке синих воротничков, особенно там, где требуется в первую очередь мускульная сила. В отличие от системы профессиональной подготовки в высших учебных заведениях, обучение в таких специальностях, как автомеханик, шахтер, водитель почти не изменилось с 1960-х гг. (речь не идет о тех специальностях, которые требуют серьезной профессиональной подготовки). Хотя существуют подготовительные курсы по некоторым рабочим специальностям, обычно квалификация приобретает на рабочем месте, когда старшие коллеги или наставники обучают принятого на работу новичка конкретным действиям. Если управляющий считает, что работники-мужчины в цехе, мастерской или автопарке не будут обучать женщину, он, скорее всего, примет решение не брать ее на работу.

Почему мужчины могут препятствовать включению женщин в свое однородное по признаку пола профессиональное сообщество? Дело в том, что появление женщин на мужской работе рассматривается как угроза мужской солидарности и престижу профессии в глазах работников. Отношение к чужаку — человеку другого пола или расы — всегда настороженное. Он воспринимается как способный нанести ущерб групповой сплоченности, и с ним могут отказаться сотрудничать. Управленцы не заинтересованы в найме работника, кооперацию с которым будут саботировать другие сотрудники. Еще одна проблема — это сексуальные домогательства как один из многих способов сделать положение женщин некомфортным и небезопасным в мужской среде (Mossio 2009). Эти обстоятельства существенно ограничивают доступ женщин в такие сферы занятости, даже если наниматели и работники не разделяют сексистских взглядов.

ИТАК, что мы выяснили относительно гендерной специфики трудовой мобильности?

- В сфере занятости существуют невидимые механизмы, которые служат барьерами на пути продвижения по карьерной лестнице лиц определенного пола («стеклянный потолок» для женщин в мужских профессиях, «материнская стена»), или напротив, спо-

собствуют их продвижению («стеклянный эскалатор» для мужчин в женских профессиях).

- Сохранение гендерного неравенства связано с различием каналов профессиональной мобильности, доступным разным социальным группам. Женщины из среднего класса улучшают свои позиции, занимая места в мужских профессиях, преодолевая гендерные границы занятости. Женщины из рабочего класса улучшают свои позиции, получая образование и оставаясь в женских сферах, гендерные границы и неравенство при этом сохраняются.
- Среди причин сохранения гендерного неравенства в синеворотничковых профессиях — конструирование маскулинного тела, в отличие от женского, как физически сильного, обученного соответствующим навыкам. Женщины ограничиваются в доступе к работам, где предполагается использование физической силы. Мужская синеворотничковая среда сопротивляется тому, чтобы обучать женщин и сотрудничать с ними. Сопротивление мужского профессионального сообщества препятствует вовлечению женщин в данные виды деятельности.

5.

Изменения на рынке труда и гендерные различия

5.1. Общество поздней современности и прекарная занятость

Начиная с 1960-х гг. происходят существенные изменения рынка труда, которые оказывают влияние на положение женщин и мужчин. Эти изменения включают законодательные антидискриминационные меры и механизмы создания равных возможностей.

В 1963 г. в США принят закон о равной оплате труда за равный труд (или поправка к «Закону о справедливых трудовых стандартах»), который запрещает работодателям выплачивать разную зарплату за одинаковую работу; в 1964 г. 7-я статья «Закона о гражданских правах» (Закон о гражданских правах 1991) гарантирует отсутствие дискриминации на основании расы, пола и этнического происхождения. В закон включены положения о сексуальных домогательствах на работе. В 1980–1990-х гг. признается важность политики рабочего места, дружественной по отношению к семье и позволяющей совмещать интересы семьи и работы (гибкий рабочий график, родительский отпуск), увеличивается число компаний, организующих детские учреждения для сотрудников (Киммел 2006: 309–312). (Анализ законодательства по устранению дискриминации см.: Шведова 2004; о России: Завадская 2001; о странах западной Европы и семейной политике см. также: Чернова 2008; о Скандинавии: Степанова 2004; Ellingsæter, Leira 2006.)

В последней трети XX в. происходят существенные изменения в обществе; теперь его называют обществом поздней рефлексивной современности с высокой плотностью технологических и социальных нововведений (Гидденс 2011 [1990]; Giddens 1991), сетевым обществом, в котором получают распространение сетевые, цифровые информационные технологии (Кастельс 2000; Castells 1997, 2000). Существенно преобразуется рынок труда, положение в нем индивида, представления индивида о самом себе как о работнике, личности и пр. Сервисная экономика начинает преобладать над производством, уменьшается спрос на физическую силу и увеличивается — на высокопрофессиональные знания и навыки работы с клиентами, условия работы в целом становятся более гибкими. Новый проектный дух, который критически описывают исследователи Л. Болтански и Э. Кьяпелло, — дух современной стадии капитализма — пронизывает сферы занятости (Болтански, Кьяпелло 2011). Проектные формы занятости (временные, надомные, внештатные, по подвижному графику, договорные) новых профессионалов являются гибкими, эластичными, они востребуют инициативность, увеличивают спрос на коммуникабельность, пластичность и включенность в широкие социальные сети. Они направлены на сотрудничество в человеческих отношениях, в них важно наличие доверия, сочувствия и кооперации.

Такая организация труда предполагает, что работник должен легко переходить из одного проекта в другой, легко вписываться в команды и сам их создавать. Многие проекты не предполагают постоянного личного присутствия сотрудников и делают возможным заочную коммуникацию и домашнюю работу. Такая занятость может в целом оказаться «выгодной» для женщин, облегчая сочетание домашних обязанностей, предписанных культурным фреймом женственности, и оплачиваемой работы. Однако проектные формы предполагают также высокую степень глобальной мобильности, отказ от стабильности и постоянного места жительства (более распространенными становятся временное жилье, временное партнерство и пр.), способность управлять временем, быстро перемещаться по мере формирования проектного спроса, свободно располагать своим временем. Эти требования, напротив, делают такие формы занятости проблематичными для женщин, если они остаются ответственными за заботу в семье. Более мобильные люди эксплуатируют немобильных, и хотя Болтански и Кьяпелло не пишут подробно о гендерных различиях, можно предположить, что первые — это скорее мужчины, а вторые — скорее женщины.

Исследовательница гендерного аспекта занятости Р. Кромптон показывает, что в современном обществе гендерные стереотипы в целом становятся слабее. Гибкая занятость, которая характерна для современного рынка сервиса и инноваций, может благоприятствовать вовлеченности женщин. Однако на фоне возрастающей интенсификации труда человек, работающий неполный день, имеет меньше шансов в карьерном росте. А таким человеком чаще оказывается женщина. Рынок, особенно фирмы, «дружественные к семье», предоставляет возможности матерям работать неполный день, но одновременно для успешного продвижения требуется приоритет работы над остальными обязанностями, полная вовлеченность и увеличение продолжительности рабочего времени (Crompton 2006: 265–266). Чтобы быть успешной, женщина должна вести себя как «суррогат мужчины» (Crompton, Le Feuvre 1996; Crompton 1999).

В современных условиях неолиберализма, глобализации и изменения технологий, согласно М. Хардту и А. Негри, начинает преобладать аматериальный (нематериальный) интеллектуальный

труд — труд, который производит услуги, продукты культуры, знание и коммуникации. «Здравоохранение, например, основано преимущественно на аффективном труде и заботе о больных, а индустрия развлечений нацелена на то, чтобы вызвать эмоции и манипулировать ими» (Хардт, Негри 2004: 274). Понятие аффективного труда, отмечают авторы, близко к феминистской интерпретации женской работы и телесного труда (Хардт, Негри 2004: 274), добавим — эмоционального труда и заботы. В постфордистскую эпоху, для которой характерны гибкие и децентрализованные формы нестандартизированных трудовых отношений, труд становится **прекарным** (прекаритетным) (англ. *precarious work* — нестабильная занятость) (Beck 2000; Bourdieu 2003; Кастельс 2000; Kalleberg 2009). Его характеризует негарантированная оплата, нерегламентированное рабочее время, отсутствие социальных гарантий, рост самозанятости, расширение сферы применения индивидуальных и краткосрочных контрактов, уменьшение социальной солидарности. Прекаризация в постфордистскую эпоху получает распространение во всех секторах экономики, однако ей особенно подвержены женщины, мигранты, цветные, те, кто заняты на менее квалифицированных позициях, зарабатывают меньше — для них более характерна частичная занятость, в том числе неформальная занятость, их меньше защищают профсоюзы (Vosko 2000; Young 2010). Прекаризация свойственна незащищенному, невидимому, низко оплачиваемому труду женщин, включая заботу и эмоциональный труд, осуществление которого считается для женщин естественным (см. лекцию 10, Стэндинг 2014: 110–120). Занятость женщин (родителей), совмещающих домашние обязанности с работой, также становится прекарной в силу ориентации (вынужденной или добровольной) на неполный рабочий день или гибкий график.

Таким образом, общество поздней современности в целом и неолиберальный климат в частности существенным образом реконфигурируют рынок труда и требования к рабочей силе. Условия уже не являются однозначно неблагоприятными для женщин, как это было до принятия антидискриминационных законов. Сегрегация и неравенство продолжают сохраняться, усиливаясь в одних контекстах и ослабевая в других.

5.2. Гендерные различия в стартапах

Гендерное неравенство и воспроизводство гендерных различий связаны с организационной логикой и культурой рабочего места, как мы показывали выше. Однако что же происходит, когда возникают новые организации и новые рабочие места, на которых востребуется новый тип работника? Например, развитие интернета сделало востребованной профессию программиста веб-сайтов. Люди могут собраться вместе и создать некий продукт, находясь за пределами организаций, как первая компьютерная компания родилась в гараже. Изменяются принципы организации работы, управление все более обретает вид не вертикальный, а командный или сетевой. Новые рабочие места, например, формируются в стартапах, которые занимаются инновационными разработками и внедрениями. На новых рабочих местах возникают новые гендерные структуры и процедуры. Каким образом это происходит в тех профессиях и организациях, которые являются новыми и инновационными и не несут в себе изначально стереотипических гендерных верований?

Участники, находясь в новом контексте и определенным образом организуя работу и разделение труда, опираются на те институциональные схемы, с которыми они уже знакомы. Отношения между женщинами и мужчинами воплощают гендерные верования, и это оказывает воздействие на организационные процедуры и правила, которые участники формируют для достижения своих целей. Иногда инновационный характер деятельности может заставить их пересмотреть привычные схемы, в том числе гендерные стереотипы. Однако в целом эти стереотипы глубоко укоренены и управляют поведением людей бессознательно, если люди не отслеживают их рефлексивно (Ridgeway 2011: 171–174).

На основе эмпирических исследований социологи выделили две различные тенденции гендерного форматирования в стартапах в информационно-технологической отрасли и в области биотехнологии (Baron et al. 2007; Ridgeway 2011: 174–180). В первом случае гендерные различия являются значимыми для успешности (выражаемой, в частности, в наличии патентов у мужчин и женщин), во втором — незначимыми. Авторы объясняют это наличием/от-

сутствием жестких гендерных стереотипов и организационной логикой небольших фирм, которая может быть более/менее благоприятной для карьеры женщин по сравнению с крупными корпорациями.

В области информационных технологий (ИТ) стартапы — это небольшие фирмы, занимающиеся телекоммуникациями, созданием интернет-проектов, разработкой программного обеспечения и пр., многие из которых основаны по сетевому принципу. Их предшественники — крупные инженерные корпорации. ИТ-индустрия — это область технических наук и математики, которые в американской культуре достаточно жестко связаны с качествами, приписанными мужчинам согласно стереотипу «женщины не способны к математике». В области ИТ преобладают мужчины. Ожидания в отношении лиц разного пола и их задачи существенным образом различаются, воспроизводятся сложившиеся гендерные стереотипы и верования сотрудников. Организационная логика также не способствует продвижению и успешности женщин. Женщины быстрее продвигались на управленческие позиции в крупных корпорациях, чем в стартапах, поскольку бюрократия в корпорациях, действующая по формальным правилам, уменьшала влияние личных предрассудков на карьерный рост. Для женщин — программистов и инженеров сетевой принцип организации новых фирм оказывается неблагоприятным для продвижения, поскольку неформальная культура взаимодействия в стартапах формируется по принципу «мужского клуба», воспроизводит гендерные стереотипы и исключает женщин. Успехи женщин меньше, чем у мужчин, как в крупных корпорациях, так и в стартапах (в частности по числу патентов: женщины имеют в целом гораздо меньше патентов, чем мужчины, и многие из них не имеют ни одного).

В области биотехнологий новые небольшие фирмы, возникшие в 1970–80-х гг., существенно отличались от своих предшественников — фармацевтических компаний — сетевой структурой и инновационными целями. В этот же период увеличивалось число женщин, которые получили образование в области естественных наук. Биология в Америке не так сильно связана с достижениями одного пола, как технические науки, науки о человеке являются более гендерно нейтральными, чем «мужская» математика. Состав и

культура этих фирм не связана с одним полом, а ожидания в отношении мужчин и женщин различаются несущественно. Т. е. стереотипы не такие жесткие. Новая организационная логика и сетевая структура не следуют принципам «мужского клуба», они способствуют тому, что информация широко распространяется и работники, независимо от пола, имеют к ней равный доступ. Женщины в таких фирмах получают больше преимуществ по сравнению с крупными иерархическими фармацевтическими корпорациями. Условия для карьерного роста женщин оказываются более благоприятными в стартапах, чем в университетах и фармацевтических компаниях. В частности, в исследуемых случаях все женщины, как и мужчины, имеют патенты (хотя в целом мужчины имеют больше патентов). Все эти факторы существенно уменьшают, хотя и не ликвидируют полностью гендерное неравенство в биотехнологических стартапах (Smith-Doerr 2004; цит. по: Ridgeway 2011).

ИТАК, подытожим тренды изменений в гендерном аспекте занятости.

- Общество поздней современности предъявляет новые требования к рабочей силе и создает новые возможности для гендерного равенства. На рынке оплачиваемой занятости растет спрос на те качества, которые в соответствии с культурными верованиями ожидаются от женщин. Однако неолиберальная экономика порождает сегменты неустойчивой прекарной занятости с невысокой оплатой труда, нерегламентированным рабочим временем, без социальных гарантий. Прекаризация все больше охватывает женщин.
- Новые организации сетевого типа и инновационной направленности (стартапы) могут способствовать большей эффективности работы и продвижению женщин (как это происходит в области биотехнологий), а могут препятствовать (как это происходит в области ИТ). Гендерные фреймы зависят от контекста и от организационной логики. В первом случае увеличивается число женщин, уменьшается роль стереотипов, а сетевые принципы организации способствуют доступу к информации всех сотрудников, независимо от пола. Во втором случае ситуация противоположная.

6. Произошла ли гендерная революция в сфере занятости?

Гендерная революция — это метафора, обозначающая коренные структурные преобразования гендерного порядка (см. также лекцию 1). При этом зачастую речь идет об изменениях, разрушающих патриархатное устройство, способствующих достижению гендерного равенства и справедливости. Обсуждая проблематику гендерной революции в сфере занятости, исследователи отвечают на вопросы о том, как изменились шансы мужчин и женщин в профессиональном продвижении, существует ли гендерный дисбаланс в профессиональном мире, как организованы гендерные различия на предприятиях, в фирмах и организациях; к каким последствиям для гендерного равенства приводит воспроизводство гендерных различий на рабочем месте. Рассмотрим аргументы «за» и «против» на примере США.

6.1. Аргументы «за»: революция совершилась

Исследователи признают, что во второй половине XX в. произошли радикальные изменения. Женская занятость значительно увеличилась; стал доступным контроль над деторождением; женщины являются равноправными выпускниками университетов: увеличилось число женщин с докторскими степенями, в том числе в таких дисциплинах, как право, медицина, бизнес; многие аспекты дискриминации стали противозаконными; все больше женщин участвуют в сфере политического управления (England 2010). В России процессы массового выхода женщин в сфере оплачиваемого труда начались раньше, чем в Западной Европе и Северной Америке. Они датируются периодом форсированной индустриализации 1930-х гг.

В 2012 г. американская журналистка Ханна Розин опубликовала книгу «Конец мужчин и возвышение женщин» (Rosin 2012). Она считает, что революция, за которую боролись феминистки, в США свершилась. Постиндустриальное общество, утверждает автор,

создает новые возможности для женщин, в нем снижается потребность в физической силе и ее ценность. Главные качества, которые востребуются, — это интеллект и коммуникабельность. Гендерные границы сохраняются, но не приводят к неравенству. Если мужчины не хотят идти в развивающиеся отрасли образования и сервиса, поскольку они являются женскими, то женщинам более не приходится соревноваться с мужчинами в дружественной к ним сервисной экономике / секторе образования. Добавим, что в современном обществе женщины в мужских профессиях стигматизируются в меньшей степени, чем мужчины — в женских (сравним предположительные оценки высказывания «моя дочь — машинист/физик» и «мой сын — няня/фотомодель»). Фирмы, которыми руководят женщины, — более успешны, поскольку все более востребуются креативность и сотрудничество. Женщины доминируют в образовании, на работе, в домохозяйстве, даже в любви и на работе, — считает автор, и это порождает проблемы для нового поколения мужчин (см. лекцию 8).

Итак, основной аргумент в пользу того, что гендерная революция произошла, — это количественное увеличение занятости женщин в мужских профессиях. Другой аргумент заключается в том, что в современном мире именно женские качества и области занятости стали цениться выше.

6.2. Аргументы «против»: революция не состоялась

Исследователи, которые оппонировали автору книги «Конец мужчин и возвышение женщин» и аналогичным взглядам, приводят конкретные данные исследований, в частности, занятости в США, согласно которым женщины составляют 21 % научных работников, занятых в бизнесе и промышленности. В университетах лишь 16 % женщин занимают профессорские позиции. В медицинских профессиях женщины составляют 34 % среди врачей и 91 % — среди сестер. В юридических фирмах, хотя профессионально занятые женщины составляют до 45 %, среди равноправных партнеров их 15 % (Blair-Loy, Pecenco, Cech 2013).

Опираясь на статистические данные, Сесилия Риджвей формулирует ключевой вопрос: почему в современном мире, несмотря на существенные изменения, гендерные различия все еще связаны с предрассудками и неравенством? Система неравенства, — пишет она, — продолжает существовать в Соединенных Штатах, несмотря на множественные трансформации общества. Женщины массово вышли на рынок оплачиваемой занятости, в настоящее время они не только занимают устойчивые позиции занятости, но и работают в прежде исключительно мужских сферах — на позициях врачей, адвокатов, управленцев высшего звена, офицеров вооруженных сил. Почему же, несмотря на это, гендерное неравенство выживает (Ridgeway 2011: 3)?

Чарлз и Бредли показывают, что на современную гендерную сегрегацию оказывают влияние, во-первых, гендерный эссенциализм, имеющий значительное распространение даже в наиболее либерально-эгалитарных контекстах (добавим — это характерно и для России), во-вторых, ценностная система, которая создает возможности и стимулы для выражения гендерной идентичности (Charles, Bradley 2009). Эссенциализм остается крайне важным в структурировании жизненного опыта, ожиданий, намерений (Fenstermaker, West 2002; Correll 2004; Ridgeway 2006). Более того, в западной культуре, в обществах позднего модерна, где существует высокая ценность самовыражения и жизненного выбора, эссенциалистские гендерные верования становятся ресурсом самореализации. Мужчины и женщины ориентируются на гендерно различные способы самовыражения, в т. ч. в образовании, сфере занятости, профессии, в спорте и досуге, хотя существуют возможности универсалистской трансгрессии гендерных границ. Современные индивиды поддерживают верования в гендерные различия, которые воплощены во всех организационных структурах и интеракционных контекстах, включая семью, рынок труда и образование (Charles, Bradley 2009). Гендер — это способ оформления всех социальных отношений, даже в тех обществах, где широко распространены принципы эгалитаризма.

В статье «Гендерная революция: неочевидная и украденная» Инглэнд пишет о том, что коренные структурные преобразования в сфере занятости начались в западном мире в 1960-е гг., однако

революция оказалась неочевидной, и даже «украденной» (England 2010). Женщины вошли в мужские профессии, однако сохранилась относительно низкая оценка той работы, которую традиционно выполняют женщины. Как считает Инглэнд, есть несколько показателей того, что революция не завершена и заблокирована.

Во-первых, женская занятость возростала во второй половине XX в., но в 2000-е гг. этот рост прекратился. Отметим, что в России после 1990-х гг. исследователи отмечали отток женщин из оплачиваемой занятости, росла вовлеченность женщин в сферу неформальной теневой экономики (Хоткина 2000; Мезенцева 2001б: 163–181).

Во-вторых, если женщины выходят на рынок труда, то это не означает, что мужчины дают «симметричный ответ» — посвящают себя заботе в той мере, что и женщины. Увеличивается число женщин в мужских профессиях, но мужчины не стали выбирать женские. В частности мужчины редко выбирают филологические специальности, педагогику и — обратим внимание — социологию в качестве главных предметов в университетах (напомним, что до 1960 гг. социология была преимущественно мужской наукой — см. лекцию 1). Более того, в 1970-е наблюдался отток женщин при получении образования из специальностей, которые считались женскими, а фактически являлись непривлекательными и низкооплачиваемыми (England, Li 2006: 667–69, 673). И мужчины и женщины в одних профессиях (преимущественно женских) оплачиваются ниже, а в других (преимущественно мужских) — выше, поэтому есть стимулы для обоих полов занимать места во вторых. Поскольку традиционный женский труд оценивается ниже и в материальном, и в символическом выражении, а мужчины не хотят получать низкие зарплаты или подвергаться стигматизации, они неохотно идут в женские профессии. Даже несмотря на феномен мужского «стеклянного эскалатора», занятость в женских работах чревата понижением статуса и предполагает более низкое вознаграждение.

В-третьих, гендерная сегрегация занятости является результатом сложившихся эссенциалистских представлений о мужественности и женственности, согласно которым работа на низкооплачиваемых рабочих местах и приоритетные ориентации на семью и

материнство выглядят как индивидуальный выбор, как осознанное выражение «подлинного женского я».

В-четвертых, изменения гораздо больше касаются образованных женщин, чем занятых в сфере низкоквалифицированного ручного труда. Сфера физического и низкоквалифицированного труда столь же сегрегирована, как и в 1950-е гг., женщины при этом занимают особые сферы precarious труда.

Выводы

1. Гендерные различия в сфере занятости аналитически рассматриваются на разных уровнях. Феминистские исследователи объясняют различия структурами патриархата; гендерной идеологией и моральной экономикой, диктующей женское предназначение; социальной политикой, дискриминацией и ограничениями в доступе в престижные мужские сферы занятости, а также организационной логикой (культурой) на рабочем месте.
2. Для многих видов деятельности характерен эмоциональный труд, который является полотиципизированным и приписывается преимущественно женщинам, в том числе в precarious сферах занятости.
3. Гендерные различия представляют собой первичный фрейм координации социальных отношений. Распространенные в обществе представления о мужественности и женственности имеют характер устойчивых убеждений, или верований, которые оформляют социальные действия. Процесс создания гендерных различий осуществляется на рабочем месте путем вписывания гендерных значений в структуры и практики, через которые организуется работа. Акторы опираются на гендерные верования о статусах и чертах личности, которые постоянно активизируются на рабочем месте, упрощая сложные обстоятельства.
4. Практики найма и отбора работников, неформальные правила продвижения и роста квалификации, культура взаимодействия

между коллегами и самооценка работников являются гендерно окрашенными. Принимаемые решения основываются на гендерных стереотипах, их поддерживает организационная логика фирм и практики.

5. Формальные бюрократические правила могут снижать значимость личных предубеждений, а неформальные правила и убеждения продолжать воспроизводить структурные феномены «стеклянного потолка» для одного пола и «стеклянного эскалатора» для другого. В новых инновационных организациях, которые не так жестко связаны с бюрократическими правилами, может уменьшаться влияние стереотипов, а может усиливаться эффект «мужского клуба», ограничивающего продвижение женщин — это зависит от конкретного контекста. Барьеры на пути продвижения по карьерной лестнице различаются в разных классах.
6. В обществе поздней современности возможности участия в сфере оплачиваемой занятости для женщин увеличиваются благодаря законодательным антидискриминационным мерам и механизмам равных возможностей. Однако в эпоху постфордистской децентрализации трудовых отношений женский труд все более становится прекарным. Гендерная революция не завершилась, поскольку сохраняется низкая материальная и символическая оценка женской работы, особенно низкоквалифицированной, заботы и эмоционального труда.

Постскриптум

Итак, представим себе, что нам нужно угадать, какого же пола социолог N? Чтобы эмпирически обоснованно ответить на этот вопрос, нам нужно провести небольшое исследование конкретного случая. Необходимо, например, выяснить, какое образование получено (включая диссертацию, если имеется, — и сколько лет прошло до защиты), в какое количество мест рассылалось резюме, сколько раз приглашали на интервью и сколько раз отказывали; в какой фирме работает N, является ли эта фирма большой корпорацией, крупным центром (например РАН) или сетевым предприятием, каков половой состав работающих; каковы профессиональные

достижения этого человека, какая у него зарплата по сравнению со средней по организации. Желательно выяснить, насколько значимы в данной организации неформальные рабочие сети, как часто и по каким поводам этот социолог встречается со своими коллегами во вне рабочее время и какого они пола; как часто N ездит в командировки и работает сверхурочно; как часто отказывался от повышения по службе и как часто выслушивал намеки на то, что другие люди (другого пола) лучше справляются с решением управленческих задач.

Дизайн исследования можно откорректировать, включить или исключить определенные параметры. Как предложили магистры ФПНиС ЕУСПб при обсуждении этого примера, для определения контекста можно выяснить гендерную структуру профессии, т. е. каков процент социологов-женщин, по базам данных (например Санкт-Петербургской Ассоциации социологов [<http://www.sociologists.spb.ru>; 10.03.2015]), в социологической элите, в рейтингах цитирования; выяснить, кто руководит крупными проектами, каков уровень зарплат преподавателей, кого посылают преподавать в отдаленные филиалы на ранние пары, кто выполняет роль «офисной жены» и пр. Поскольку на социологических факультетах большинство составляют женщины, было также высказано предположение о том, что социология воспринимается как женская профессия, наряду с филологией и психологией, и вписывается в культурные фреймы образованной жены и домохозяйки.

Мы не будем выяснять никаких характеристик частной жизни этого человека. Мы оставим в стороне особенные барьеры на пути карьеры (например, болезни). Мы оставим в стороне и барьеры на пути исследования — например, вопросы защиты информации, и представим себе воображаемый случай. Предположим, у N опубликовано три книги, два раза за последние пять лет менялось место работы или происходило повышение в должности, каждый раз с увеличением зарплаты. Или N имеет десять статей в соавторстве, двадцать лет на одном месте в институте академии наук, зарплата ниже средней. Дает нам это догадку? И какую? А если наша догадка неверна, то какие еще обстоятельства мы должны принять во внимание, чтобы определить, какого пола этот социолог?

Вопросы для повторения и обсуждения

1. Через какие процессы производятся гендерные различия в сфере занятости?
2. Как категоризация влияет на поиск и найм работников, на динамику взаимодействий на рабочем месте?
3. Что такое «стеклянный потолок»? Как он работает?
4. Почему в синеворотничковой сфере изменения происходят медленнее, чем в среднем классе?
5. Приведите конкретные примеры категоризации, которые содержатся в объявлении о найме на работу. Можем ли мы опознать пол предполагаемого работника, если он в объявлении не упомянут? Каким образом?

Основная литература

- Кастельс Р.* Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. СПб.: Алетейя, 2009.
- Киммел М.* Гендеризированное рабочее место // Киммел М. Гендерное общество / пер. с англ. О. Оберемко, И. Тартаковской. М.: РОССПЭН, 2006 (2000). С. 274–314.
- Хардт М., Негри А.* Империя / пер. с англ., общ. ред. Г. В. Каменской, С. М. Фетисова. М.: Праксис, 2004.
- Acker J.* Hierarchies, Jobs, Bodies: A Theory of Gendered Organizations Reviewed work(s) // *Gender & Society*. 1990. Vol. 4. N 2. P. 139–158.
- Charles M., Bradley K. Indulging our gendered selves: Sex segregation by field of study in 44 countries // *American Journal of Sociology*. Vol. 114. N 4. P. 924–976.
- Crompton R.* Gender and work // Davis K., Evans M., Lorber J. (eds.) *Handbook of Gender and Women's Studies*. London: Sage, 2006. P. 253–271.
- Hochschild A.* The managed heart: Commercialization of human feeling. Berkeley: Univ. of California Press, 1983.
- Ridgeway C.* Framed by Gender: How Gender Inequality Persists in the Modern World. Oxford Univ. Press. 2011. P. 92–126, 171–181.
- Vosko L.* Temporary Work: The Gendered Rise of a Precarious Employment Relationship. Toronto: Univ. of Toronto Press, 2000.
- Williams C.* The glass escalator: hidden advantages for men in the “female” professions // *Social problems*. 1992. Vol. 39. N 3. P. 253–267.

Лекция 10.

Гендерные различия и социология заботы

Введение — Гендерный подход в исследованиях заботы — Исследования практик заботы: тренды и тематика — Нормативные теории заботы — Стратегии преодоления гендерного неравенства в практиках заботы — Выводы

Введение

В практиках повседневной заботы и ухода в самых разных институциональных контекстах непропорционально больше заняты женщины фактически во всех обществах. И в семье, и в сфере оплачиваемого труда устойчиво воспроизводится гендерный дисбаланс, наблюдается феномен феминизации практик заботы. Профессиональную и институциональную заботу выполняют в основном женщины: работают нянями, домработницами, акушерками, воспитательницами в детских садах, медсестрами и сиделками на дому, в медицинских учреждениях и домах для престарелых. Гендерный дисбаланс в практиках домашней заботы сохраняется и при массовом вовлечении женщин в сферу оплачиваемого труда. Он воспроизводится даже в тех обществах, где политика гендерного равенства и поддержка социального государства имеет устойчивые традиции и достижения — такими являются Скандинавские страны.

Сложившееся в патриархатном обществе гендерное неравенство в осуществлении заботы усиливается тенденциями неолиберальной политики, при которой рыночные механизмы считаются наиболее эффективными для решения социальных проблем и государственная социальная поддержка сводится к минимуму. Если в обществе доминируют консервативные идеологии и традиционные представления о гендерных ролях, то основными акторами непосредственной заботы считаются семьи, а в них — женщины, которым приписывается большая компетентность в выполнении этих функций и готовность выполнять заботу бесплатно. Именно поэтому проблематика заботы находится в центре гендерных и женских исследований начиная с конца 1970-х гг. Исследователи отвечают на вопросы: что такое забота как тип деятельности; почему именно женщины выполняют повседневную заботу; каковы гендерные, этнические, расовые, возрастные и классовые маркеры заботы, кто реально осуществляет практики первичного ухода и долгосрочной заботы о зависимых членах общества; как складываются отношения власти в практиках долгосрочной заботы, каковы режимы организации заботы, принятые в тех или иных обществах; как возможно преодолеть гендерное неравенство в практиках заботы и способствовать росту ценности заботы в современном обществе.

Долгое время повседневная забота рассматривалась социологами в двух ипостасях: как семейная роль, которую конвенционально выполняют женщины, и как домашний труд в сфере воспроизводства. Первая интерпретация характерна для функционалистской теории половых ролей, вторая — для марксистской социальной теории.

В начале XXI в. проблематика заботы, первоначально находившаяся на периферии академического внимания, оказывается в центре интереса не только в гендерных исследованиях, но и в основном русле социологии (Rummary, Fine 2012). Майкл Файн в своей монографии «Общество заботы?» (*Caring society?*), обращаясь к контекстам развитых социальных государств, выделяет внешние структурные и внутриакадемические факторы, способствующие современному буму исследований заботы (Fine 2007). Интеграция проблематики заботы в поле социологии происходит под воздействием гендерных исследований, изучения социальной политики

государств всеобщего благосостояния (*welfare states*) и давления общественных движений, борющихся за социальные права разных категорий граждан, в том числе тех, кто занят долгосрочным уходом за зависимыми членами семьи. В настоящее время эта тематика занимает одно из самых заметных мест в социологии, ее можно найти в разных предметных областях — исследованиях гендера, старости, родительства и детства, медицины и здоровья, общественных движений и социальной политики.

Академические приоритеты формируются под влиянием макросоциальных трендов. Массовая вовлеченность женщин в сферу оплачиваемого труда, социально-демографические тренды старения населения и нуклеаризации семьи, развитие женского движения и движений за социальные права повлекли за собой следующие эффекты. Доступность домашней заботы, осуществляемой как неоплачиваемая семейная роль женщин разных поколений, стала сокращаться. Нуклеаризация семей привела к резкому сокращению вклада представителей старшего поколения (бабушек и дедушек) в заботу о внуках, и, с другой стороны, — к снижению вовлеченности детей в поддержку стареющих и немощных родителей. В этом же направлении работает тренд массовой занятости женщин, для которых актуальной оказывается проблема баланса занятости и домашних обязанностей. В связи с этим дефицитом или кризисом организации домашней заботы возникла потребность ее концептуализировать и развивать политику обеспечения как домашней, так и институциональной заботы. Социальные институты в современном обществе все в большей мере берут на себя ответственность за благополучие граждан, забота о которых традиционно осуществлялась в рамках семьи.

Формирование академического интереса к заботе происходит под воздействием социальной политики. Развитие и проблематизация социального государства сопровождается дискуссией о социальных правах, среди которых — право граждан на получение социальной поддержки со стороны общественных институтов и государства. С другой стороны, исполнители первичной заботы также стали добиваться признания и поддержки со стороны государства и сообщества. Тренды постарения населения и сокращения рождаемости в развитых обществах приводят к возникновению

исследовательского интереса к обеспечению благополучного старения и роли институализированной заботы в отношении граждан старшего возраста.

Забота универсальна, но не является естественным внеисторическим процессом. Социолог Арли Хохшильд отмечает, что в современном капиталистическом обществе (конца XX — начала XXI вв.), где доминируют ценности индивидуализма и рыночная логика пронизывает все сферы социальных отношений, наблюдается двойной дефицит заботы: в межличностных отношениях и на институциональном уровне. Нехватка заботы описывается через метафору **глобального похолодания** (Hochschild 2003b). В связи с этим феминистские авторы формулируют политическую и идеологическую задачу — продвижение ценностей заботы, развитие и воспитание практик заботы, признание заботы как условия существования человека и общества. Такой политический и интеллектуальный проект предполагает исследование и развитие этики заботы, эмпирическое изучение сложившихся практик заботы, убеждение людей в необходимости брать на себя ответственность за заботу о других членах общества и шире — обо всех существах, которые нуждаются в поддержке и не могут существовать на условиях полной автономии.

В данной лекции мы рассмотрим концептуализацию понятия заботы в рамках гендерных исследований и феминистской теории, обсудим основные тренды изменения практик заботы, представим различные подходы к изучению заботы в разных контекстах.

Основные понятия: • забота • этика заботы • логика заботы
• феноменологическая модель заботы • броня заботы • пенальти заботы • феминизация заботы • режим заботы.

1. Гендерный подход в исследованиях заботы

1.1. Определения заботы

Что такое забота как социальный феномен? На этот вопрос сложно ответить. Термин имеет множество значений в повседневном словоупотреблении, в общественном и в академическом дискурсах. Забота рассматривается как **совокупность практик** непосредственного **телесного ухода**, как **повседневный труд** удовлетворения потребностей уязвимых и зависимых членов общества, как **форма социальных отношений**, как **моральный принцип**, лежащий в основе отношений между людьми в демократическом обществе, как **логика**, упорядочивающая разнообразные взаимодействия с зависимыми людьми.

Термин «забота» приходит в гендерные исследования из повседневной речи и социальной политики в конце 1970-х гг. Первоначально он используется для обозначения повседневных практик ухода и обслуживания близких людей в контексте домохозяйства, замещая такие понятия, как женская роль в семье и домашний труд воспроизводства. Изучается феминизация и гендерное неравенство в практиках повседневной заботы, а также последствия такого феномена для развития политики равенства и социальной справедливости. Позднее этот термин распространяется все шире, охватывая внедомашние локальности и других акторов — не связанных отношениями родства и супружества (Rummery, Fine 2012; Graham 1991). При этом внимание уделяется гендерной структуре заботы, а позже — с развитием концепта интерсекциональности — изучению того, как пол, раса-этничность и класс сказываются в организации заботы в разных контекстах.

В настоящее время такие категории, как поставщик заботы, исполнитель заботы, адресат и получатель заботы, первичная долгосрочная забота, отношения заботы, забота как эмоциональная работа и труд любви, забота как ценность являются легитимными терминами академического дискурса. Некоторые из этих понятий инкорпорированы в программы социальной политики в различных

странах и стали идеологическими конструктами. Так, например, понятие «поставщик заботы» или «гражданин с обязательствами семейной заботы» (*carer*) используются в правовых документах и при сборе статистических данных, при переписи населения в странах ЕС, Великобритании, Канаде, Австралии, при обследовании положения семей и ситуации людей старшего возраста.

Государства всеобщего благосостояния формируют социальный заказ на изучение организации заботы, выясняя, *кто* и *как* осуществляет уход за зависимыми членами общества. Государственная статистика учитывает число граждан, обеспечивающих заботой и уходом зависимых членов семьи (детей, пожилых людей, людей с проблемами здоровья), что позволяет проанализировать, как вовлеченность в практики повседневной заботы связана с половыми, возрастными, социально-экономическими, этническими характеристиками заботящихся, их семейным положением и состоянием здоровья. Такие исследования стараются также выявить проблемы и потребности исполнителей прямой заботы и способствуют выработке политических инструментов, облегчающих их положение, способствующих успешному балансу между оплачиваемой занятостью и домашней заботой, между жизнью и трудом (Рождественская 2011). В российском контексте законодатель использует термин «граждане с семейными обязанностями» для обозначения людей, вовлеченных в долгосрочную семейную заботу, но в основном эта правовая категория обозначает граждан, осуществляющих воспитание детей. Такие адресаты домашней заботы, как граждане старшего поколения или зависимые по состоянию здоровья, в российском контексте до сих пор остаются на периферии биополитики, опирающейся на статистический учет.

В понимании заботы сложились два подхода. Один — узкосоциологический, а другой — широкий, инклюзивный, сформированный в политической и моральной философии. Они не противоречат друг другу, но используются в разных контекстах.

Обозначим кратко первый подход (см. подробнее в параграфе 2 этой лекции). Внимание исследователей направлено на изучение **повседневной заботы**, которая рассматривается как **особый вид работы** и включает все виды активности, связанные с непосредственным практическим уходом и обслуживанием других. **Забота**

предполагает комплексное расходование материальных, физических, интеллектуальных и — чрезвычайно важно — эмоциональных ресурсов, которые связаны воедино. Забота-уход отличается от других видов работы по своей мотивации. Это работа, выполняемая из чувства долга или личной привязанности к другим живым существам (прежде всего людям). Ряд исследователей обозначает повседневную заботу как *труд любви (love labour)*, подчеркивая, что она подвергается моральной оценке и подчиняется логике близких отношений, а с другой стороны предполагает выполнение разноплановых и не поддающихся стандартизации задач. Повседневная домашняя забота не предполагает немедленного материального или морального вознаграждения. Ядром заботы является персонализированное отношение к другому и эмоциональная работа, которая подразумевает следование правилам выражения чувств и правилам чувствования, которые определяются культурой общества (Finch, Groves 1983; Kittay 1999; Hochschild 2003a; Симонова 2013). Несмотря на значимость внутренней мотивации заботы, эта работа может быть оплачиваемой и неоплачиваемой, может быть личным выбором или выполняться по принуждению, получать социальную поддержку или нет.

Во втором подходе — в феминистской политической и моральной философии — используется широкое понимание **заботы как ценности, установки и практики** (см. подробнее в параграфе 3 данной лекции). Разрабатывая феминистскую демократическую модель заботы, американские политические философы Беренис Фишер и Джоан Тронто предложили следующее определение этого социального феномена: «Забота — это активность живых существ, которая включает все виды действий, направленных на поддержание, улучшение и совершенствование нашего мира с целью улучшения качества жизни»

Повседневная забота — работа, связанная с непосредственным практическим уходом и обслуживанием других.

Забота — это активность живых существ, которая включает все виды действий, направленных на поддержание, улучшение и совершенствование нашего мира с целью улучшения качества жизни.

(Fisher, Tronto 1990, цит. по: Tronto 2013: 19). Такое инклюзивное определение подчеркивает, что забота — это необходимое условие человеческого существования.

Широкое определение и признание универсального экзистенциального характера заботы открывает возможность изучения многообразия форм, видов и измерений заботы, влечет за собой использование контекстуальных определений, продиктованных исследовательскими целями и политическими задачами.

Конкретные определения заботы учитывают четыре параметра осуществления практик — **локальность, темпоральность, тип отношений и статус**.

Локальность — это место реализации практик заботы. По **локальности** выделяют домашнюю и институциональную заботу. Домашняя забота осуществляется в пространстве дома; институциональная — в различных государственных и частных учреждениях, к которым относятся стационары, социальные дома, дома для престарелых и детские дома разного профиля, детские сады и ясли, частные и общественные сервисные центры.

По **темпоральности** выделяют долгосрочную, краткосрочную и разовую заботу. Особое внимание исследователи уделяют организации долгосрочных ухода и заботы.

По **типу отношений** между поставщиком заботы и ее получателем различают интимную (родственную, семейную, дружескую), профессиональную и волонтерскую (общественные организации, соседские сообщества) заботу. Если интимная забота подчиняется логике близких отношений, то профессиональная забота регулируется правилами контракта, хотя на нее также распространяются ожидания эмоционального участия. Волонтерская работа регулируется сочетанием контрактных и моральных предписаний.

По **статусу** различают формальную и неформальную заботу. Первая регулируется на основании четко сформулированных правил и оформленных договоров; вторая осуществляется без формальных договоренностей из чувства долга или личной привязанности.

Исследования конкретных видов заботы учитывают эти признаки, которые очевидным образом пересекаются друг с другом. В целом исследователи приходят к выводу, что конвенциональные различия между такими формами организации заботы, как

формальная/неформальная, публичная/приватная, оплачиваемая/неоплачиваемая, домашняя/институционализованная — слишком просты. Они не отражают разнообразия и инноваций практик заботы. Гораздо перспективнее изучать различные локации или места осуществления практик заботы в отношении конкретных адресатов. Т. е. выявлять, где выполняется забота, кому она адресована, кто ее выполняет, какие социальные отношения при этом складываются и каковы их последствия для общественного благополучия индивидов и групп.

1.2. Компоненты процесса заботы: феноменологическая модель

Беренис Фишер и Джоан Тронто, обобщая результаты множества эмпирических исследований, выделяют пять компонентов интерактивного процесса заботы, которые являются аналитически автономными, могут включать разных акторов, но часто представляют собой последовательность фаз. Такая структура возникает в результате феноменологического анализа взаимодействия исполнителя заботы и ее адресата. Феноменологический анализ представляет собой реконструкцию базовых структур повседневного опыта, максимально «очищенного» от контекстуальных особенностей. Независимо от того, кто о ком заботится, где именно осуществляется забота — в домашнем пространстве или в специализированном учреждении — и какими правилами она регулируется, ключевые элементы этого процесса воспроизводятся (Fisher, Tronto 1990; Tronto 2013:34–37).

1. **Внимательное участие** (*caring about*). Прежде всего процесс заботы предполагает целенаправленное персонализированное внимание, направленное на потребности людей, которые в ней нуждаются: умение замечать и слышать сообщения об их нуждах. Так, например, родители идентифицируют потребности грудного ребенка, которые он не может формулировать verbally; близкие люди замечают, что совсем недавно полностью самостоятельные и независимые от них старшие родственники стали нуждаться в помощи и уходе. На этой стадии важно признать потребность в заботе, определить приоритеты в нуждах

зависимого человека и не подменять потребности людей своими представлениями о них.

2. **Ответственность** (*caring for*). Определив потребности нуждающегося, индивидуальный или коллективный актор берет на себя ответственность за их удовлетворение. Этот актор организует практики непосредственной заботы и контролирует их исполнение. В дальнейшем он может осуществлять заботу и уход самостоятельно, а может делегировать ее различным институциям и людям. Актор, выполняющий функции менеджера заботы, контролирующей ее исполнение, является конечным звеном в цепи отношений заботы — тем, кто в конечном итоге принимает на себя ответственность за благополучие. Так, например, мать семейства берет на себя ответственность за организацию домашнего быта и благополучие детей, но то, как она будет справляться с этой задачей, зависит от множества обстоятельств, часть из которых находятся вне ее власти. Возможно, она предпочла бы разделить свои обязанности с отцом ребенка или со старшими родственниками; возможно, она хотела бы нанять приходящую няню или домработницу или воспользоваться сервисами дошкольных учреждений, но сможет ли она сделать это, зависит от гендерных укладов, режимов заботы в обществе и от социально-экономической ситуации, в которой она находится. Взрослые дети берут на себя ответственность за благополучие своих состарившихся родителей, но могут решать вопрос практического ухода по-разному.
3. **Практики прямой заботы и ухода** (*caregiving*) — это конкретные действия, направленные на удовлетворение разнообразных потребностей зависимых существ, требующие физических, интеллектуальных и эмоциональных усилий. Эти действия включают физический уход за телом и обстановкой, когнитивные усилия и эмоциональную работу выражения внимания, сочувствия и симпатии. От актора ожидается компетенция и квалификация в практиках заботы, умение на передний план выдвинуть потребности объекта заботы и частично «забыть о себе». Конкретная работа предполагает не только технические умения, но также моральные и эмоциональные компетенции — в ней присутствуют моменты альтруистического отношения.

Практики непосредственной заботы может осуществлять близкий человек или она может быть частично или полностью делегирована профессионалам, сообществу, социальным работникам, домашним работникам. Так, например, лечение ребенка могут осуществлять родители, но в современном обществе предполагается обращение к врачу. Ухаживать за престарелым человеком может член семьи, а может — наемный работник или сотрудник социальной службы.

4. **Получение заботы** (*care-receiving*). Процесс заботы складывается как цикл повторяющихся взаимодействий. Он является реципрокным, т. е. предполагает последующий отклик — реакцию адресата комплексных усилий. На основании реакции получателя заботы делается вывод о достаточности, успешности, уместности практических действий. Такой отклик не обязательно поступает от непосредственных адресатов заботы. Иногда они не в силах озвучить свое отношение и артикулировать реакцию. Успешность заботы и ухода оценивается свидетелями, которые в состоянии судить о предпринятых усилиях. В ходе циклично воспроизводящихся отношений долгосрочной заботы формируется устойчивая связь между получателем заботы и теми, кто ее практически осуществляет. Такая связь предполагает взаимную зависимость и межличностное доверие, а также рост ожиданий со стороны нуждающегося в заботе человека. Когда клиент социального сервиса — например, немощный пожилой человек — доволен тем, как за ним ухаживает социальный работник, — он старается эти отношения сохранить и подкрепить эмоциональным вознаграждением. Когда родители довольны работой няни, они делают все возможное, чтобы она осталась на рабочем месте, подтверждением ее компетенции служат и их собственные оценки, и поведение ребенка.
5. **Забота как сотрудничество различных акторов** (*caring with*). В современном обществе забота распределяется между различными акторами и частично делегируется разным институтам. Разделение труда пронизывает и сферу ответственности, и сферу практических действий. Непосредственные практики заботы уже не сосредоточены исключительно в рамках семьи, хотя часто маркируются как женская семейная обязанность. Забота

о пожилых членах семьи осуществляется в сообществе, благодаря социальным сетям; она реализуется с помощью государственных служб, медицинских институтов, социальных работников, рыночных структур. В заботе о детях принимают участие дошкольные, школьные и внешкольные учреждения, оплачиваемые няни и гувернеры, старшие родственники; гендерные границы заботы постепенно преодолеваются. Впрочем, устойчивое распределение практик заботы между акторами — режимы заботы — различается в обществах и разных социальных группах.

Практики заботы пронизаны отношениями власти, обусловленными неравным распределением ресурсов контроля и обеспечения потребностей, диалектикой зависимости и свободы. В связи с этим исследователи подчеркивают потенциально конфликтный характер отношений заботы на каждой фазе. Могут возникать конфликты между ответственным за заботу и исполнителем непосредственных практик заботы; между получателем заботы и тем, кто ее практически осуществляет, менеджером заботы и нуждающимся человеком. Няня может быть недовольна мамой, которая является ее работодателем, если та избыточно ее контролирует, постоянно расширяет спектр ее обязанностей, не соблюдает расписание, выражает неуважение, недоплачивает. В таком случае она чувствует себя объектом эксплуатации и готова разорвать контракт (см.: Здравомыслова 2009b). Пожилой человек может быть недоволен социальным работником, который формально относится к своим обязанностям, сухо выполняет стандарты предписаний, не уделяет ему достаточного внимания, не проявляет сочувствия к его состоянию, игнорирует его индивидуальные запросы. Пожилые люди жалуются на недостаток личного внимания со стороны членов семьи, которые осуществляют повседневный уход. Для них потребность в общении оказывается не менее важной, чем потребность в физическом уходе. Со своей стороны, работающие члены семьи, которые осуществляют непростой баланс оплачиваемой занятости с домашними заботами, зачастую испытывают нехватку сил и времени на удовлетворение этих потребностей и склонны считать их вторичными по сравнению с так называемым базовым уходом. Неравенство в ресурсах, рассогласование в определении потребностей нуждающихся, дилеммы автономии и зависимости, эксплуатация «труда любви», гендерный

дисбаланс в практиках заботы, психологическое выгорание и стрессы заботы, низкое вознаграждение, авторитарное патерналистское исполнение заботы — все это структурные основания конфликтов. Многие из них разрешить невозможно, но стремление распространить принципы демократической этики заботы на действительные практики может снизить потенциал напряжения. Это значит, что нужно стремиться вовлечь в заботу дополнительных акторов, разрушить гендерные границы заботы, развивать эгалитарный стиль в заботе, стремиться с помощью заботы придать силы ее получателю, повышать престиж заботы в обществе.

Хотя забота является универсальным социальным явлением, в современном обществе, отмечает Джоан Тронто, существуют индивиды, которые благодаря своему социальному положению получают легитимное **освобождение от практик прямой непосредственной заботы-ухода** за немощными, больными и малолетними — «бронь, освобождающую от заботы» (*pass*) (Tronto 2013: 33–34). В качестве иллюстрации исследовательница приводит «бронь защитника родины», которая обосновывается вкладом военных и тех, кто занимает высокие должностные позиции, в благополучие общества. «Бронь добытчика» получают члены семьи, как правило, мужчины — материально обеспечивающие семью; бронь получает одинокий человек, не связанный узами взаимной эмоциональной родственной зависимости; «бронь благотворительности» общество выдает тем гражданам, которые занимаются различными формами институциональной помощи нуждающимся; «бронь слабого человека» оправдывается отсутствием ресурсов и в том числе физической немощью.

Отметим, что многие легитимные освобождения от практик непосредственного ухода и заботы до сих пор имеют гендерный профиль — они распространяются на те социальные позиции, которые в обществе занимают, как правило, мужчины. В различных обществах брони заботы различны. **Задача феминистского политического проекта — деконструировать «бронь, освобождающую от заботы» и дать возможность всем гражданам участвовать в этих практиках, которые позволяют улучшить качество жизни не только нуждающихся, но и тех, кто непосредственно вовлечен в заботу** (Tronto 2013:33).

Таким образом, феноменологическая модель заботы позволяет выделить ее основные компоненты и в дальнейшем сосредоточить внимание на содержании каждого из них в конкретных контекстах и на их взаимодействии. Разрабатывая представления о структурных элементах процесса заботы, исследователи опираются на изучение опыта непосредственной заботы в отношении зависимых членов общества — детей и граждан старшего возраста. Именно в отношении этих социальных статистических групп проводится большинство исследований, моделируются практики и обсуждаются особые ценности и логика заботы.

1.3. Пенальти заботы

Гендерные исследователи особое внимание уделяют положению поставщиков заботы — тем, кто вовлечен в непосредственные практики ухода и обслуживания зависимых людей на долгосрочной основе. Они показывают, что забота о других затратна; по-

Пенальти заботы (издержки заботы) — любые ограничения, которые накладывают на человека практики заботы: ограничения в заработке, нехватка свободного времени и личной автономии, барьеры профессионального роста и самореализации, психологические эффекты выгорания.

стоянное повседневное выполнение практик заботы накладывает ограничения на действия людей, которые их осуществляют. Обсуждая недостаток поддержки заботящемуся человеку в современном капиталистическом обществе, где политика руководствуется неолиберальными ценностями и зачастую традиционными гендерными идеологиями, исследователи анализируют штрафные санкции,

которые общество накладывает на тех, кто посвящает себя заботе, — **издержки, или пенальти заботы** (*care penalty*). «Пенальти заботы, — пишет Нэнси Фолбер своей работе “Невидимое сердце”, — это любые ограничения, которые накладывают на человека практики заботы: ограничения в заработке, нехватка свободного времени и личной автономии, барьеры профессионального роста и самореализации, психологические эффекты выгорания» (Folbre 2001: 9–10).

Пенальти заботы принимают две основные формы. Первая форма распространяется на тех, кто вовлечен в практики неоплачиваемой неформальной заботы в приватной сфере. Вторая форма — пенальти в сфере оплачиваемой занятости, где труд заботы вознаграждается недостаточно и считается малопрестижным (см. также лекцию 9). Нормативный характер пенальти заботы приводит к ролевым конфликтам, особенно в отношении родительства или ухода за пожилыми членами семьи. Конфликты неизбежно имеют гендерный профиль в связи с сохраняющимися ролевыми предписаниями по признаку пола и политическими механизмами, которые их воспроизводят.

«Дилемма хорошего родителя»

Опишем суть «**дилеммы хорошего родителя**» в современном обществе на примере американского опыта родительства (Folbre 2010).

Современные молодые люди рациональны и, как правило, имеют те или иные репродуктивные планы, которым они стараются следовать, несмотря на возможные препятствия. Принимая репродуктивное решение, родители отдают себе отчет в том, что один из них будет вынужден посвящать больше времени воспитанию детей, чем другой, который берет на себя основную ответственность за финансовое обеспечение семьи. В большинстве случаев практики прямой непосредственной заботы о детях осуществляет мать. В условиях гендерного традиционализма такое решение представляется само собой разумеющимся и обосновывается рациональной стратегией семьи и натурализацией гендерных ролей.

Американский дискурс (а также и российский, см.: Годованная 2014; Исупова 2010) продвигает **идеологию интенсивного материнства**, которая осложняет возможность баланса между личной самореализацией, оплачиваемой занятостью, общественным участием женщин и практиками воспитания детей. Шерон Хейз выделяет следующие принципы культурной модели интенсивного материнства, которая захватывает капиталистическое общество и плохо совместима с нагрузками оплачиваемого труда. В соответствии с этой моделью, мать считается основным родителем, ответственным за воспитание детей. Практики материнства должны быть детоцен-

тристскими, экспертно ориентированными, эмоционально всепоглощающими, трудозатратными и дорогостоящими. В современном обществе представления об интенсивном материнстве опираются на ценности индивидуализма и соревновательности. Матери стремятся быть лучшими, ориентироваться на образцы потребления и воспитания, задаваемые консьюмеристским обществом. В условиях массовой вовлеченности женщин в сферу оплачиваемого труда такие нереалистичные нормативные ожидания приводят к культурным противоречиям и конфликтам материнства, основной из которых: конфликт между стремлением удовлетворить собственные профессиональные и личные интересы и самопожертвованием. Эти конфликты приводят к эффектам материнского выгорания, чувству вины. Нормативные требования интенсивного материнства блокируют переопределение гендерных границ в практиках родительства (Hays 1996; Исупова 2010). Устойчиво воспроизводящиеся гендерные нормативы родительства приводят к долгосрочным последствиям. Женщины оказываются менее конкурентными в сфере оплачиваемой занятости, потому что, следуя предписаниям интенсивного материнства, они не могли делать инвестиции в свою карьеру, не повышали квалификацию, не приобретали навыки, способствующие более выигрышной позиции на рынке труда.

Однако родительское наказание выражается не только в торможении карьерного роста матерей («материнский штраф» рассматривается в лекции 9) или росте материальных обязательств отцов семейства. В обществе потребления постоянно возрастают затраты на воспитание ребенка. Ответственность за благополучие детей заставляет родителей принимать решения по поводу места жительства, проведения досуга, вида занятости. Родители ограничивают возможности самореализации, делая выбор в пользу детей, и эти решения также являются частью наказания заботы.

Исследования ухода за пожилыми гражданами показывают, что в тех обществах, где государственные и рыночные сервисы заботы о старости не развиты, а гендерные идеологии являются традиционными, **львиная доля непосредственной заботы о старших зависимых родственниках приходится на семью и в ней — на работающих женщин среднего, стержневого поколения (40–59 лет)**. Они вынуждены ограничивать свой профессиональный рост,

досуговые практики, фактически лишены частной жизни, показатели их здоровья тем ниже, чем больше времени они посвящают интенсивной заботе. Помощь государства и рынка в организации баланса профессиональной занятости и двойной домашней заботы крайне ограничена. Такие данные получены в сравнительном исследовании *Carers@Work*, проведенном в четырех странах ЕС — Италии, Германии, Польше и США — в 2009–2010 гг., целью которого было изучение проблем баланса занятости и заботы у работающих опекунов (*carers*) (<http://dev.ageing.ox.ac.uk/research/themes/reconciling-family/carers/>; 10.03.2015). Гендерно маркированный синдром промежуточного поколения («поколения сэндвич»), при котором женщины среднего возраста осуществляют сложный баланс между разнообразными задачами домашней заботы и оплачиваемой занятостью, характерен и для российского общества (Здравомыслова 2013).

Если члены семьи хотят снизить наказания заботы, связанные с нормативным семейным долгом, не хотят или не могут самостоятельно обеспечить уход и заботу, современное общество предоставляет им следующие институциональные возможности: купить заботу, пользуясь рыночными ресурсами, воспользоваться возможностями социального государства и/или помощью общественных организаций, перераспределить домашнюю заботу в семье таким образом, чтобы нагрузки стали гендерно равными и мужчины наравне с женщинами вовлекались в сферу ухода. Таким образом, частично практики заботы можно делегировать тем институтам, которые предоставляют такие возможности. Однако в разных обществах институты заботы и помощь лицам, выполняющим неформальную заботу, развиты по-разному. Кроме того, качество предоставляемых услуг трудно контролировать и гарантировать. Исследователи подчеркивают, что снижение нагрузок чаще всего связано с привлечением рыночных и государственных сервисов, а гендерные границы в повседневной заботе преодолеваются гораздо сложнее (Hoff 2011).

Хотя мужчины также «расплачиваются» за заботу, наказания заботы непропорционально выше для женщин. Это связано с тем, что общество возлагает на них основную ответственность за практики непосредственной заботы, и они сами идентифицируют себя как главные исполнители этих практик.

1.4. Забота как вид трудовой деятельности

В гендерных исследованиях забота рассматривается как вид труда, независимо от ее локализации, адресата, исполнителя, типа отношений и степени формализации. Эта работа может быть оплачиваемой или нет, осуществляться в пространстве дома или в официальном учреждении, членами семьи, представителями общества, наемными работниками или госслужащими. Анализируя повседневную заботу в категориях труда, исследователи обращают внимание на три ее ключевые особенности.

Во-первых, практики долгосрочной заботы предполагают **эмоциональную работу**, паттерны которой заданы гендерно специфичной эмоциональной культурой. Такая работа предполагает формирование личностно ориентированных отношений, эмоциональную вовлеченность сторон и реципрокность (т. е. взаимность) (Lloyd 2000).

Эмоциональная работа (см. выше и лекцию 9), или труд любви (*love work*), описывается как **сочетание чувства привязанности и ответственности, проявляемые во взаимодействиях лицом к лицу при удовлетворении потребностей другого** (Cancian, Olicker 2000; Finch, Groves 1980, 1983). Адресатом заботливого отношения может быть близкий человек: супруг, партнер, родитель, ребенок, старший родственник. Однако забота может быть адресована не только зависимым людям или тем, с кем мы находимся в близких и интимных отношениях. Это когнитивная и эмоциональная ориентация в межличностных отношениях, которая определяется нормами культуры. Некоторые исследователи считают ключевой именно эту характеристику, предполагая, что все практики заботы сопряжены с потенциально напряженной эмоциональной работой (Hochschild 2003a; Benner 1994). В реальной жизни отношения заботы могут быть не только интимно-семейными и долгосрочными, но и ограниченными во времени, профессиональными, достаточно отстраненными. Обращая внимание на реальные практики, Клэр Ангерсон выделяет по критерию эмоциональной модальности теплые и холодные отношения заботы (Ungerson 2005). Для теплой заботы характерна позитивная эмоциональная вовлеченность сторон, эмпатия. Моделью теплой заботы являются

родственные и другие интимные отношения. Она, как правило, носит неформальный характер. Для холодной заботы характерна стандартизация и дистанцированность. Такая забота часто встречается в бюрократических контекстах — она тяготеет к стандартизации. Холодная забота, как правило, вызывает неудовлетворенность адресата как не соответствующая нормативным представлениям о вовлеченности, участии и эмпатии со стороны того, кто осуществляет практики ухода.

Во-вторых, практики заботы рассматриваются как **работа с особым содержанием и условиями труда**. Этот труд включает непосредственный уход за телом и обеспечение материальных, физических, интеллектуальных и эмоциональных нужд других, в особенности зависимых, людей. Эти потребности изменчивы и трудно определимы вне конкретного контекста (Harrington-Meyer 2000; Ungerson 2000; Glucksmann 2005). Такая работа затратна по времени, может быть весьма долгосрочной и требует больших физических и эмоциональных усилий от исполнителя. Наиболее интенсивный вариант предполагает неусыпный денно-нощный контроль (мониторинг) и постоянные телесные взаимодействия с получателем заботы лицом к лицу (Twigg 2000). Описать объем и представить стандарт такого вида работы не представляется возможным. Задания фрагментированы, их число и конкретное содержание может быть определено только приблизительно, а выполнение носит циклический и комплексный характер. Они представляются как несложные и не требующие специальных навыков, низко трудозатратные, но забота носит комплексный характер. Она пронизана моральными предписаниями, поскольку моделируется с учетом близких и родственных отношений, гендерных и семейных ролей. В связи со своими особенностями — повторяемостью, фрагментированностью, многоплановостью, рутинностью, эмоциональной вовлеченностью — практики заботы сложно подвести под рыночный стандарт работы и они оплачиваются как низкоквалифицированный труд. Особое внимание в исследованиях уделяется тем рискам, которые порождает выполнение прямой долгосрочной заботы о зависимых людях: психологическим эффектам выгорания, утрате конкурентоспособности, социальной исключенности и проч. Изучается как домашний труд членов семьи,

так и наемный труд домашних работников и прислуги. Обсуждаются также особые компетенции, связанные с таким видом работы (Ungerson 1990).

По сравнению с другими видами занятости в заботе ценятся такие навыки, как возможность завоевать и поддерживать **личные доверительные отношения, умение управлять эмоциями и выражать их, вызвать симпатию и выказывать и испытывать сочувствие, но контролировать его проявления**. Обсуждение таких компетенций особенно важно в отношении профессиональной заботы, выполняемой сиделками, нянями, социальными работниками (McKechnie, Kohn 1999). Изучая труд заботы, исследователи выделяют заботу, **ориентированную на людей, и одушевляемые личным отношением объекты, с одной стороны, и заботу о физических объектах, с другой**. Такое различие позволяет обратить внимание на различные требования и условия, предъявляемые к заботе о людях и о вещах. Забота о вещах, так называемая грязная работа — уборка, стирка и физический уход — чаще делегируются различным институтам.

Третья характеристика труда заботы определяется специфичной **динамикой властных отношений**. Хотя часто поставщик заботы рассматривается как доминирующий, осуществляющий контроль и мониторинг состояния и жизни зависимого человека, а получатель заботы — как пассивный реципиент усилий и услуг, исследователи подчеркивают, что такая трактовка не соответствует действительности. Положение попечителя, осуществляющего заботу, также достаточно уязвимо. Эва Киттай подчеркивает, что человек, вовлеченный в долгосрочный уход за хронически больным или инвалидом, лишается в значительной степени личностной автономии. Взяв на себя ответственность за физическое, материальное и психологическое благополучие другого существа, он сам попадает в зависимость, постоянно испытывает недостаток времени, ограничивает себя в самореализации. В связи с этим исследователи утверждают, что идеал справедливого демократического общества должен включать заботу о тех, кто осуществляет заботу (*care for caregivers*) (Kittay 1999, 2002; Fine 2005).

1.5. Феминизация практик заботы и ее объяснения

В современном обществе женщины массово заняты в сфере оплачиваемого труда и культ домашнего очага как женского предназначения утрачивает свою привлекательность (хотя и не везде и не для всех социальных сред). В течение второй половины XX в. социальное государство стало поддерживать женщин и — шире — граждан, выполняющих практики домашней заботы, через систему социальных институтов, адресные пособия, введение особых режимов занятости для тех, кто вовлечен в заботу. Несмотря на все эти изменения, сохраняется гендерная типизация оплачиваемой занятости — **женщины доминируют в видах занятости и профессиях, связанных с функциями заботы** — среди нянь и домработниц, сиделок, медицинских сестер и социальных работников. Статистика разных стран показывает, что эти рабочие места ниже оплачиваются по сравнению с теми работами близкой квалификации, в которых численно доминируют мужчины. Нормативные ожидания предписывают женщинам по-прежнему нести **основные нагрузки в сфере домашнего хозяйства и в профессионализированной заботе о детях и пожилых членах семьи**. Но ситуация не фатальна. Изменение гендерных верований, представления о равенстве полов, давление гражданского общества и поддержка социальной политики изменяет профиль заботы в сторону большего гендерного паритета.

Гендерные исследователи объясняют современный женский профиль повседневной формальной и неформальной заботы **гендерным порядком капиталистического общества**, связывая это с организацией разделения труда в семье, сложившимися традициями женских ролей, культурными моделями женственности, сформировавшимися в течение столетий патриархата, идеологией и политикой современных государств. Благодаря социальным механизмам, названным выше, постоянно воспроизводится гендерно маркированная граница между публичной и приватной сферами. Приватная сфера определяется локацией (дом) и отношениями (родства). Это приоритетная сфера реализации женских ролей и проявления женской идентичности. Социальные отношения в

публичной сфере носят более формальный и контрактный характер. Это сфера мужской реализации, и даже при массовом участии женщин в публичной жизни правила гендерных границ сохраняются. Феминизм утверждает, что публичное и приватное — идеологические понятия, связанные с нормами семейных отношений и гендерными разделением.

Социологи отмечают, что женщины специализируются в функциях заботы по двум основным причинам: благодаря **гендерной социализации** и благодаря социальным механизмам, которые формируют **институциональные гендерные границы**. К таким механизмам относятся меры социальной политики, доминирующие идеологии и влияние рынка (Finch, Groves 1983; Ungerson 1983, 1990). Эмпирические и теоретические исследования показывают, что патриархатные системы используют социальные механизмы для приучения женщин к заботе: физическое принуждение, правовое регулирование (права наследования и права собственности) и культурные предписания женственности. Кроме того, феминизация заботы поддерживается стигматизацией тех мужчин, которые склонны выполнять труд заботы. Такая оценка отвращает мужчин от соответствующих практик (Walby 1997; Folbre 2001; Sevenhuijsen 2000). Гендерный дисбаланс заботы приводит к тому, что проблема сочетания оплачиваемого труда и домашних забот является в основном женской проблемой, и это отличает социальную позицию женщин от позиции мужчин (Pfau-Effinger, Rostgaard 2011).

Особое внимание исследователи уделяют объяснению относительно низкого вознаграждения в сферах занятости, связанных с профессиональной заботой (Lloyd 2000). Ниже мы кратко описываем пять теорий, объясняющих этот феномен.

Теория девальвации женского труда объясняет низкую оплату профессиональной заботы гендерной типизацией занятости. Согласно этому тезису, гендерные линзы патриархата способствуют более низкой оплате тех работ, где в основном заняты женщины. Иными словами, считается, что недооценивается вклад женского труда в функционирование и доходы предприятий и организаций. В начале 2000-х гг. социолог Паула Инглэнд подсчитала, что оплата труда во всех «заботящихся» профессиях в США на 5–10% ниже, чем в среднем. В исследовании контролировались такие характе-

ристики занятости, как квалификация, образование, половая композиция и отрасль промышленности. Таким образом, оплата труда на этих рабочих местах ниже, чем предполагают требования квалификации и образования. Виноваты **гендерные верования** — представления, типичные для патриархата, которые устойчиво воспроизводятся даже при условии массовой занятости женщин (England 2005).

Теория общественного блага. Труд заботы производит общественные блага, которые становятся доступны всем гражданам, независимо от их личного вклада. Работа нянь и воспитательниц детских садов — классический пример профессиональной заботы как общественного блага. Профессионалы заботы вносят вклад в воспитание и развитие детей, которые в недалеком будущем станут полноправными гражданами и будут обеспечивать благосостояние общества. В этой логике относительно низкая оплата профессионализованной заботы объясняется тем, что рыночная логика всегда неадекватно вознаграждает создание общественных благ, потому что последние трудно представимы в категориях непосредственно исчисляемых доходов и прибылей. Виновата **рыночная логика**, которая всегда низко оценивает вклады в общественное благо (Daly 2002; Daly, Lewis 2000; Elson 2004).

Теория «узника любви». Забота в значительной степени самоценна для того, кто ее осуществляет. Выбор такой работы мотивирован ценностной ориентацией, представлением о нравственном долге и персонализированным отношением (чувством любви и привязанности) к адресату заботы. Такое отношение к труду имеет определенные последствия для его оценки. Если работа лично значима для тех, кто ее осуществляет, то рыночная логика приводит к недоплате: нерационально оплачивать тот труд, который люди готовы выполнять бескорыстно. Отношение к своему труду как к моральному долгу или проявлению личных чувств ставит таких работников в невыгодную позицию при заключении договора оплаты. Так, например, они не готовы бастовать, требуя повышения заработной платы, поскольку этому препятствует профессиональная этика. Виновата **рыночная логика** (Folbre 1995).

Теория коммодификации эмоций. Профессиональная забота предполагает эмоциональную работу. Заботу относят к категории

аффективного труда, который предполагает управление эмоциями, работу с чувствами, их демонстрацию и проявление, и в конечном счете продажу в качестве товара. Арли Хохшильд в работе «Управляемое сердце» показывает, что многие профессии современной сервисной экономики требуют от работников умения демонстрировать симпатию и участие даже в тех случаях, когда они не испытывают подобных чувств. В качестве примера она приводит труд стюардесс. Постоянный контроль эмоций приводит к эффекту психологического выгорания, которое фактически не учитывается при оплате труда (см. также лекцию 9). Виновата **рыночная логика**, которая не учитывает эмоциональную работу как центральный компонент аффективного труда, столь востребованного в современном постиндустриальном обществе (Hochschild 2003a).

Теория моральной несовместимости «любви» и денег. Исследователи считают, что недоплата за заботу объясняется пространственными представлениями о принципиальном различии между работой за деньги и заботой, выполняемой во имя долга и личной привязанности (Folbre, Nelson 2000). Подобное различие опирается на традиционную гендерную идеологию, которая приписывает женщинам склонность к альтруистической бескорыстной заботе, а мужчинам — ориентацию на конкуренцию, доход и прибыль. Именно **гендерная поляризация** ответственна за низкую оплату заботы, которая представлена как альтруистическая натурализованная женская практика. Она заставляет думать, что материальное вознаграждение, выражаемое в монетарной форме, — высокая оплата — могут разрушить самоценную мотивацию женской заботы. Однако исследования показали, что высокая оплата, сопровождаемая доверием и признанием, не разрушает внутреннюю мотивацию заботы (Nelson 1999). Главную причину исследователи недостаточной оплаты видят в низкой самооценке женщин, которые выполняют оплачиваемый и неоплачиваемый труд заботы и мирятся с его недооценкой. Виноваты **гендерные границы**, устойчиво воспроизводящиеся социальными механизмами.

Таким образом, все эти теории объясняют гендерный дисбаланс в труде заботы остаточными или реально продвигаемыми **патриархатными идеологиями** или **особенностями рыночной логики**. Отсюда следует, что политика гендерного равенства должна быть

сосредоточена в двух направлениях. С одной стороны, она должна быть направлена на борьбу с идеологиями гендерных ролей и границ и порожденными ими стереотипами. С другой стороны, она должна привлекать государство и гражданское общество для снижения эффектов рыночной логики и порожденной ею несправедливости в оценке труда заботы.

ИТАК, гендерные исследования заботы сосредотачивают внимание на следующих аспектах:

- Забота определяется в широком и узком смысле: а) как совокупность действий, направленных на благополучие общества и отдельного человека; б) как практики непосредственного ухода за зависимыми членами общества.
- Забота рассматривается как особый вид труда — работа, предполагающая расходование физических, интеллектуальных и эмоциональных сил, сопротивляющаяся стандартизации. Ключевые характеристики: эмоциональная работа, отношения личного доверия между поставщиком и получателем заботы, мотивация личной привязанности или нравственного долга.
- Выделяются следующие типы заботы. По локальности — месту реализации практик — домашняя и институциональная; по темпоральности — разовая, краткосрочная и долгосрочная; по типу отношений — интимная, бюрократизированная; по статусу: неформальная и формализованная (контрактная).
- Выделяются следующие компоненты (фазы) процесса заботы: внимательное участие, ответственность, практики прямой заботы — ухода, получение заботы, сотрудничество в практиках заботы.
- Обсуждаются штрафы заботы — ограничения, которые накладывают на действия человека практики заботы. Выделяются издержки домашней заботы, связанной с семейными практиками, и издержки профессиональной заботы, связанной с недооценкой этого вида занятости.
- Исследователи фиксируют гендерный дисбаланс в практиках и в штрафах заботы.

- Феминизация заботы объясняется гендерными структурами, социальной политикой и рыночными механизмами.
- Предлагаются объяснения низкой оплаты труда в помогающих профессиях, где в большинстве заняты женщины — профессиях заботы и ухода.

2.

Исследования практик заботы: тренды и тематика

Практики заботы в современных обществах пересекают границы публичного и приватного. Вспомним описанную выше модель процесса заботы, в которой в качестве значимого компонента выделено «сотрудничество в заботе». Обозначая четыре группы акторов, вовлеченных в заботу в современных обществах благосостояния, исследователи говорят о ромбе заботы, который составляют семья, государство, рыночные структуры и общественные организации (см., напр.: Barnes 2006a, 2006b; Daly 2002; Daly, Lewis 1992). Для современного общества (Россия — не исключение) характерен базовый тренд аутсорсинга семейной заботы — т. е. делегирование ряда практик, которые когда-то выполнялись в рамках семьи и преимущественно женщинами, общественным институтам. Аутсорсинг отражает основной **тренд профессионализации заботы**. Профессионализованная забота — это социальные услуги, помогающие людям улучшить качество своей жизни, справиться с зависимостью и стать максимально активными и самостоятельными. Среди профессий заботы — няни, сиделки, социальные работники, воспитатели детских садов, педагоги разного профиля и разного уровня, медицинские работники всех уровней (особенно средний и младший медицинский персонал). Профессионализация проявляется в коммодификации и бюрократизации заботы. Становясь профессией, забота становится

товаром — коммодифицируется — ее можно купить и обменять на рынке услуг. При этом отношения заботы видоизменяются. Они регулируются правилами рыночного контракта, но при этом могут сохранять присущую заботе персонализированность и участливость или становиться отчужденными и бюрократизированными. Превращение заботы в товар или в услугу зачастую размывает саму суть заинтересованного персонализированного отношения.

С другой стороны, профессионализация в контексте развития социального государства приводит к тому, что получение и осуществление заботы становится частью социальных прав граждан. Оно начинает подчиняться правилам бюрократического регулирования и универсальным стандартам. Демократическое общество признает право на получение и проявление заботы для своих членов. Но бюрократизация имеет свои издержки. Как отмечают критики, она чревата патернализмом и обезличиванием отношений между клиентом и поставщиком социальных услуг. Критики бюрократизации отмечают, что забота должна опираться на ценности свободы и равенства и избегать патернализма, эксплуатации и угнетения как адресата заботы, так и попечителя.

Тематическое поле исследований заботы в настоящее время достаточно обширно, и мы представляем его здесь только фрагментарно. Тематические предпочтения различаются в разных национальных академических полях, и это связано с социальной политикой в отношении заботы и гендерными отношениями в разных контекстах. В Англии в 1980-е гг. особенно много исследований было посвящено практикам семейной домашней заботы женщин; скандинавский контекст чувствителен к изучению роли социальных государств и институциональной долгосрочной заботы. В странах ЕС, Великобритании и США исследователи активно изучают роль труда мигрантов в обеспечении практик заботы. Философские исследования этики заботы развиваются в США (этому направлению посвящен отдельный параграф лекции). Однако тематика расширяется и пересекается. Все больше сравнительных исследований посвящено тому, как организована забота о зависимых гражданах в развитых социальных государствах (см. Arnaug 1994; Tronto 2013; Rummery, Fine 2012).

Далее мы приведем примеры исследований практик заботы, осуществляемой в домашнем пространстве, поскольку именно эта тематика изначально характерна для гендерных исследований. Мы увидим, что в рамках домашнего пространства реализуется и семейная неформальная забота, и та, которая регулируется рыночными механизмами и бюрократическими правилами.

2.1. Забота в контексте домашнего пространства

2.1.1. Неоплачиваемая домашняя забота: семейные отношения

Первоначально феминистские исследователи изучали, как организована **семейная забота в домохозяйстве**. Такая забота осуществляется членами семьи; она является неформальной и неинституционализированной, подчиняется правилам родственных отношений. Результаты подтверждали, что домашняя забота феминизирована, она осуществляется за счет неоплачиваемого труда женщин: жен и матерей. Структура гендерных отношений воспроизводится в повседневной жизни домохозяйства.

Так, например, норвежская исследовательница Ингер Хоген обращает внимание на сложный и многогранный характер домашней работы, выполняемой женщинами в семье. По своему содержанию этот труд является рутинным и циклическим, он предполагает осуществление множества разноплановых задач — от физических усилий до эмоциональной работы. Набор задач не определен и постоянно меняется. Выполнение различных задач подчиняется различной логике. В домашней работе переплетаются вещно-ориентированные виды задач и те, которые связаны с личными отношениями, причем вторые, как правило, имеют более сложно идентифицируемые результаты и в целом являются более проблематичными для категоризации. В частности, то, что для одного (члена семьи) может представляться необходимой и требующей усилий работой, для другого может представляться всего лишь естественным выражением родственных чувств и привязанности (Haugen 1983: 195–196).

Согласно стереотипным представлениям, домашняя забота не производит потребительской стоимости, она представляет собой сферу воспроизводства — поддержания и восстановления сил, необходимых для нормального производства материальных благ, и основана на родстве. В связи с этим нет никакой необходимости обсуждать ее оплату или материальную компенсацию. Феминистские исследователи поставили под сомнение сложившиеся представления. Диана Эльсон справедливо утверждает, что домашний труд участвует в создании материальных благ, которые, однако, имеют нематериальную форму. Он создает общественные блага, аккумулируется в деятельности взрослых членов общества, способствует формированию новых поколений и поддержанию качества жизни (Elson 2004).

Тамара Метц называет семейную заботу интимной, поскольку она предполагает родственные и дружеские отношения между получателем и исполнителем заботы, и выделяет следующие ее характеристики (Metz 2010). Во-первых, интимная забота скрыта от внешних наблюдателей, поэтому часто не проблематизируется и не становится предметом общественных дискуссий. Во-вторых, действующие лица включены в глубокие устойчивые межличностные отношения. Они связаны отношениями близости — родства, дружбы, супружества и др. Такие отношения имеют историю, они могут включать напряженность, порождать конфликты и регулируются моральными обязательствами близких отношений. В-третьих, среди разнообразных мотиваций интимной заботы ключевую роль играют чувства долга и привязанности. Однако и материальная заинтересованность — например, надежда на наследство и вознаграждение — не исключается. В-четвертых, интимная забота не предполагает отношений прямого непосредственного обмена услугами. Интимной заботой окружают друг друга члены одного домохозяйства или близкого дружеского круга, включая как неравные отношения между родителями и детьми, так и более равные отношения между взрослыми. При этом интимная забота выходит за рамки домохозяйства — она может осуществляться и в других пространствах, в том числе в специализированных институтах.

Исследование гендерного дисбаланса в осуществлении интимной заботы

Английские социологи Жанет Финч и Дулси Гроувс (Finch, Groves 1980, 1983) изучают положение поставщиков заботы в контексте особой социальной политики, ориентированной на заботу сообщества (*community care*), т. е. на неформальную неинституционализированную поддержку зависимых членов общества, осуществляемую на принципах родства, соседства и волонтерства. Задача такой политики — содействовать благополучному пребыванию зависимого человека в привычном для него домашнем пространстве, а не в специальном учреждении; поддерживать неформальную заботу, стараясь компенсировать попечителям нагрузки и затраты. Опубликованные под их редакцией результаты эмпирических исследований под знаковым названием «Труд любви: женщины, работа и забота», подтверждают на английском материале, что на уровне сообщества и пронизывающих его социальных сетей в практики прямой заботы вовлечены непропорционально больше женщины, чем мужчины. «На каждую минуту, которую мужья посвящают практикам прямой заботы, приходится 19 минут заботы, осуществляемой женами» (Finch, Groves 1980: 19). Исследователи различают абстрактную заботу как установку на поддержку зависимого человека и практики прямой непосредственной заботы как труда. Они также обращают внимание на конфликтные отношения между эмоциональной составляющей домашней заботы — привязанностью, долгом — и собственно трудовыми затратами. Исследователи демонстрируют, что практики прямой заботы делают женщин экономически зависимыми от супругов и отцов семейства. Исследователи приходят к выводу, что консервативная социальная политика Англии 1980-х гг. эксплуатирует привычные представления о гендерных ролях и женщинах как первичных исполнителях прямой заботы, а политика и практики заботы при режиме Тэтчер не способствуют идеалам и принципам гендерного равенства, закрепленного в британском законодательстве.

В настоящее время все больше внимания исследователи уделяют барьерам и возможностям вовлечения мужчин в практики семейной заботы. Массовые статистические обследования заботы о пожилых гражданах в Великобритании, проведенные в начале XXI в.,

выявили неожиданные тенденции. В возрасте старше 65 лет мужчины и женщины на равных участвуют в домашней внутрисемейной заботе: объектом их попечения являются пожилые супруги. Таким образом, в отношении супружеской заботы в старшем возрасте гендерный дисбаланс нивелируется (Rummary, Fine 2012). Изменение практик отцовства в условиях развития политики гендерного равенства и распространение новых моделей маскулинности также способствуют изменению гендерного профиля семейной заботы (см. главу 8).

2.1.2. Оплачиваемый домашний труд: рыночные отношения

Уже в начале 1980-х гг. трактовка домашней заботы как неоплачиваемого труда жен и матерей считается неоправданно узкой и вызывает критику по следующим основаниям. Во-первых, домашняя забота выполняется *не только членами семьи*, но и оплачиваемыми работниками, а исторически (а в некоторых контекстах и до сих пор) воспроизводятся практики домашнего рабства (Wærness 1989; Ungerson 1990; Graham 1991). Во-вторых, в изучении заботы необходимо обращаться к методологии **интерсекционального подхода**, поскольку как домашнюю семейную, так и профессиональную заботу осуществляют люди определенного пола, класса и расы; в условиях глобализации рынков занятости в ней массово заняты женщины — трудовые мигранты (Lutz 2011; Anderson 2000).

Домашняя прислуга в исторической перспективе

Приведем резюме историко-социологического исследования Хилари Грэм. Исследовательница показывает, что гендерно маркированная домашняя прислуга — это социальный институт, поддерживающий домашнее хозяйство в Англии и США в течение многих веков. В XVII–XVIII вв. черные рабы, завезенные на Британские острова из Африки и Вест-Индии, работали в основном в качестве личных и домашних слуг. По оценкам историков, в Британии XVIII в. их насчитывалось около десяти тысяч. В отличие от белой прислуги, рабский труд чернокожих слуг не оплачивался. В XIX в. афрокарибские женщины в Британии также преимущественно

работали в личном услужении. Основным видом занятости белых женщин рабочего класса в Британии XIX в. было обслуживание личных домохозяйств представителей средних классов и аристократии. Ссылаясь на исторические исследования занятости женщин, Грэм утверждает, что в 1880-е гг. в Британии каждая третья женщина в возрасте от 15 до 20 лет работала служанкой, и получение места прислуги в зажиточном доме считалось решением проблемы материального обеспечения девушек из бедных семей (рабочего класса и крестьянства). Работа домашней прислуги с проживанием оставалась основным видом занятости женщин и в начале XX в. В 1930-х гг. более 1 млн. женщин в Британии были заняты в сфере домашних услуг (in service). В соответствии с общим регистром видов занятости, принятым в то время в стране, эта работа определялась как полуквалифицированный ручной физический труд. В XX в. в США в сфере оплачиваемого домашнего труда непропорционально больше заняты черные женщины. На Юге США в начале XX в. девять из десяти слуг были чернокожими женщинами. В течение всего XX в. расовый характер оплачиваемого труда по воспроизводству частных домашних хозяйств стал еще более очевидным, поскольку белые женщины — представительницы рабочего класса стали работать в публичной сфере. Таким образом, рынок домашнего труда и домашнее рабство являются пространством пересечения гендерных, классовых и расовых структурных делений.

Российские социологи Ольга Ткач и Елена Здравомыслова подчеркивают особые характеристики российского рынка домашних услуг (Ткач 2009; Здравомыслова 2009b). Они отмечают, что в современном российском обществе значительный сегмент рынка домашнего труда находится в теневой сфере экономики, не оформлен трудовыми контрактами, что делает наемных работников объектами структурной эксплуатации. Исследуются требования при найме домашнего персонала — нянь и домработниц — отражающие специфику этого вида занятости, его персонализированный характер, отношения личного доверия и культурную маркированность труда домашних работников. Исследователи показывают, как за счет наемного домашнего труда создаются и поддерживаются классовые границы (см.: Rotkirch, Tkach, Zdravomyslova 2012).

2.1.3. Социальные работники и домашняя забота

В современном обществе домашняя забота регулируется и бюрократическими правилами, когда ее поставщиками оказываются, например, социальные работники, а получателями — одинокие пожилые или больные люди. Отношения между социальным работником и адресатом его услуг, проблемы стандартизации заботы, предоставляемой социальными сервисами, неизбежные конфликты между ожиданиями получателей заботы и объемом задач, выполняемых сотрудником социального сервиса или волонтером, все больше привлекают внимание исследователей (Shakespeare 2000; Романов, Ярская-Смирнова 2008a). Обсуждается также сочетание низкого престижа и гендерной типизации социальной работы. Исследователи, изучающие проблемы социальной работы, отмечают, что бюрократические стандарты социальных услуг воспринимаются получателями как не соответствующие их потребностям. Проблематизируются практики предоставления социальных услуг на дому, которые не в состоянии следовать бюрократическим стандартам, с одной стороны, и не соответствуют нормативным ожиданиям вовлеченного отношения, с другой. Исследователи обращают особое внимание на возможности злоупотребления положением зависимых людей, необходимость отказаться от патерналистской заботы и способствовать активной интеграции зависимых людей в общество (Григорьева 2012; Парфенова 2011).

Таким образом, исследования заботы, осуществляемой в домашнем пространстве, показывают, что она является гендерно маркированной, может подчиняться как правилам интимных отношений, так и коммодифицироваться и бюрократизироваться.

2.2. Профессионализация заботы и ее противоречия

Мы уже отмечали, что в современном обществе осуществляется **аутсорсинг (делегирование) семейной заботы**. Значительную часть практик непосредственной заботы — как в домашнем пространстве, так и в соответствующих учреждениях — выполняют профессионалы. Внимание к внедомашним локальностям заботы

расширило тематическое поле исследований. Социологи изучают институционализированную профессиональную заботу, которая осуществляется на формальных основаниях в специальных учреждениях людьми, обладающими соответствующими квалификациями и сертификатами. К этой тематике подключается социология здоровья и здравоохранения, исследования социальной политики, болезни и старения. Изучение практик заботы выходит за пределы гендерных исследований, которые были пионерами этого направления социологии. Растет специализация исследований: отдельно исследуются забота о детях, гражданах старшего возраста, гражданах с проблемами здоровья.

Различные аспекты профессиональной заботы обсуждаются в конкретных дисциплинах — социологии здоровья, социологии профессий обслуживающего труда. С развитием социального государства во второй половине XX в. доступ к институционализированной — бюрократической заботе стал предметом социальных прав и вопросом политики равных возможностей. Право на медицинское обслуживание, поддержка граждан с семейными обязанностями, политика в отношении пожилых граждан рассматриваются в контексте социальных прав на государственную заботу о благополучии граждан.

Профессионализация заботы осуществляется в бюрократическом и рыночном контекстах.

Бюрократическая забота осуществляется формально организованными иерархическими структурами, которые берут на себя ответственность за социальное обслуживание граждан в публичном сегменте общества. **Бюрократическая забота описывается как институционализированная, формальная и профессиональная.** Она осуществляется социальными сервисами и соответствует правилам работы учреждений, регулируется стандартами предоставления услуг, утвержденными министерствами и ведомствами. Исследователи отмечают, что бюрократическая забота зачастую является «холодной» и не полностью учитывает индивидуальные, изменяющиеся и многогранные потребности нуждающегося человека. Кроме того, получатели заботы и их представители **не могут осуществлять контроль** над бюрократической заботой; бюрократия определяет потребности и модальности заботы, исходя из го-

сударственных приоритетов, на основе экспертных заключений. Бюрократический контекст стандартизирует, обезличивает, фрагментирует процесс заботы, делает ее «холодной». Универсальность и равенство доступа — это позитивные характеристики бюрократической заботы, если она эффективно выполняет свои функции. Для того чтобы бюрократическая забота отвечала потребностям адресата, необходим контроль извне и ее гуманизация. Исследования социальных сервисов заботы в российском контексте развиваются саратовской школой изучения социальной политики под руководством П. Романова и Е. Ярской-Смирновой (Романов, Ярская-Смирнова 2008a; Iarskaia-Smirnova 2013).

Развитие рыночных отношений привело к тому, что практики непосредственной заботы приобрели товарный характер, стали оплачиваемыми услугами, которые могут приобрести не только представители привилегированных слоев общества, но и представители средних классов. Массовая **коммодификация** заботы — это тренд, который приводит к противоречивым социальным последствиям.

Во-первых, оплачиваемая забота создает классовые границы и отношения. Семьи, принадлежащие к низкоресурсным социальным группам, не в состоянии оплатить надлежащий уровень услуг и потому берут на себя всю нагрузку по заботе. При этом в идеале может соблюдаться гендерное равенство, но, как правило, на практике домашняя забота ложится на плечи женщин.

Представители среднего класса используют рыночные ресурсы для того, чтобы успешно совмещать оплачиваемую занятость и домашние обязательства. Но при сохранении традиционных гендерных идеологий, предписывающих женщинам роль естественных поставщиков заботы, воспроизводится неравенство между женщинами, принадлежащими к разным социальным классам. Используя труд нянь и домашних работниц, работающие женщины получают реальную возможность конкурировать с мужчинами в профессиональной сфере. Равенство возможностей между мужчинами и женщинами-профессионалами достигается за счет женщин, находящихся на более низкой ступени социально-профессиональной лестницы, в том числе мигрантов. Представители элитных слоев за счет оплачиваемой заботы фактически отказываются от

самообслуживания, воспроизводя паттерны традиционных привилегированных классов, где оплачиваемую заботу выполняет разнообразная прислуга (Rotkirch, Tkach, Zdravomyslova 2012).

Во-вторых, коммодификация включает риски снижения качества заботы, которая начинает подчиняться логике максимизации дохода и прибыли. Рыночная логика и логика заботы кардинально различны (см. об этом ниже в параграфе «Логика заботы»). Маркетизация размывает саму суть заботы как вовлеченного индивидуализированного вклада в благополучие других людей — и шире — любых объектов, одушевляемых участием и вниманием.

В-третьих, коммодификация заботы воспроизводит гендерные границы в обществе. Нишу оплачиваемого домашнего труда занимают по-прежнему женщины, и половое разделение труда заботы не пересматривается.

Таким образом, превращение заботы в товар рассматривается исследователями как противоречивый процесс. С одной стороны, груз домашней работы членов семьи облегчается, его делегируют работникам рынка домашнего труда. С другой стороны, покупатель заботы не может гарантировать качества услуги, предполагающей эмоциональную вовлеченность. Кроме того, работники рынка домашних услуг часто становятся объектами эксплуатации, особенно в тех случаях, когда отношения найма не оформлены. Классовое и гендерное неравенство воспроизводится благодаря рынку домашних услуг. Именно поэтому оплачиваемая забота постоянно находится в центре исследовательского внимания.

Организация и качество профессиональной заботы является предметом морального суждения общества и индивидов. Кому и на каких основаниях допустимо делегировать заботу о человеке, отношения с которым являются близкими, насыщенными эмоциями и представлениями о нравственном долге? По каким критериям оценивать качество рыночных услуг и бюрократической заботы? На эти вопросы нет однозначных ответов. Аутсорсинг заботы о детях, больных и пожилых родственниках морально проблематизируется, зачастую связан с чувством вины, недоверием со стороны членов семьи и окружения. Сами нуждающиеся люди предпочитают, чтобы о них заботились близкие, и стремятся оградить свое до-

машнее личное пространство от интервенции чужаков, представителей социальных служб или нанятых работников. Такие сложности часто возникают при попытке делегировать часть заботы о пожилых людях социальным работникам, сиделкам, няням. Качественные услуги материально доступны далеко не всем гражданам, нуждающимся в помощи. В связи с этим многие жертвы пенальти домашней заботы делают выбор в пользу семейной интимной заботы, отдавая себе отчет в последствиях и принимая во внимание чувство морального удовлетворения, вызванное выполнением нравственного долга.

2.3. Глобальные цепочки заботы

Исследователи отмечают значимые различия стран Глобального Севера и Юга в том, как организована забота. Метафора Глобального Юга обозначает страны третьего мира, с относительно более низким уровнем социально-экономического развития и неразвитой социальной политикой. К странам Глобального Севера относятся государства с развитой экономикой и социальной политикой. На Глобальном Юге наблюдается нехватка институционализированной заботы для детей и пожилых людей. Повседневная забота преимущественно выполняется женщинами разных поколений. Как правило, практики заботы опираются на ресурсы расширенной семьи, локальных сообществ, а в более привилегированных слоях — на труд наемной домашней прислуги. Для Глобального Севера характерна политика гендерного равенства, гарантии социальных прав граждан, институциональная поддержка родительства и старости и делегирование значительной части заботы социальным службам и наемному персоналу, меньшая нагрузка на женщин в семье (Lewis 1992; Daly 2002; Daly, Lewis 2000).

Гендерное неравенство усиливается в контексте глобализации сервисов заботы. Оно выражается в том, что представительницы

Глобальные цепочки заботы — личные связи, последовательно соединяющие в мировом масштабе занятых оплачиваемым и неоплачиваемым трудом заботы.

средних классов на Севере используют наемный домашний труд мигранток с Юга, которые обеспечивают им возможность делать карьеру и успешно осуществлять баланс между оплачиваемым трудом и семейными ролями. При этом забота о собственных детях и стариках мигранток делегирована их родственникам в стране исхода, которых они постоянно поддерживают материально. Исследователи показывают, как женская трудовая миграция воспроизводит гендерное разделение труда и классовое неравенство в транснациональном контексте (Lutz 2011; Ehrenreich, Hochschild 2002).

Многие выходцы с Глобального Юга, занятые в теневой экономике, не имеют постоянного права на проживание или надежной работы в принимающем обществе. Их позиции на рынке труда являются временными, социально не обеспеченными, относительно мало оплачиваемыми, не защищенными. Таким образом, они составляют сегмент прекарного труда (Antonopoulos 2008: 38; см. также лекцию 9). Особенно уязвимыми становятся домашние работники, живущие в семье на постоянной основе. Они становятся квази-членами семьи — в чем-то аналогичными бедным родственникам (но без родственных прав), и фактически лишены приватного пространства. Содержание их труда может ситуативно меняться (в основном в сторону расширения). При совмещении места оплачиваемого труда и места проживания довольно трудно провести границу между оплачиваемой и обиходной частью домашних дел. Наемные работники, проживающие в домохозяйстве, чаще становятся объектами эксплуатации и несправедливого отношения со стороны нанимателей. Более благоприятно положение приходящих нянь, бебиситтеров и уборщиц; даже в теневом сегменте занятости они в состоянии контролировать объем работы и менее эмоционально связаны с нанимателями (Ткач 2009; Anderson 2000; Lutz 2011; Hoff 2011 и др.).

В результате развития миграционных женских трудовых потоков возникает эффект, который Барбара Эренрейх и Арли Хохшильд называют **глобальными цепочками заботы** (Ehrenreich, Hochschild 2002: 131). Происходит массовый трансграничный трансфер заботы на основе существующего глобального экономического неравенства. Воспроизводство цепочек заботы обеспечи-

вается государством и рыночными механизмами (агентствами по найму), общественными организациями. Глобальные цепочки воспроизводят женский профиль заботы и создают классовые различия между женщинами. Энн Стюарт (Stewart 2011) отмечает, что превращение заботы в товар в условиях глобальной экономики решает проблемы кризиса заботы на Севере за счет дефицита работы на Глобальном Юге. Кризис заботы представляет собой вынужденное изменение сложившегося уклада семейной заботы, когда ключевой актор — мать семейства — перестает быть основным поставщиком домашней заботы. Кризисы заботы происходят под влиянием структурных изменений и субъективно оцениваются как нежелательные и фрустрирующие, разрушительные для личности, семьи и общества, хотя могут иметь и положительный эффект для вовлеченных в этот процесс людей. Переезд с Глобального Юга на Север способствует восходящей социальной мобильности мигранток, позволяет материально обеспечить семьи в стране исхода, меняет гендерные роли в семье.

Глобальные цепочки заботы протянулись и на территории стран, недавно переживших постсоциалистический переход. Польские домашние работницы находят работу в Германии, приезжие из Закавказья и Центральной Азии — в России. Исследования этих феноменов подтверждают тезисы о глобальном гендерном неравенстве (Lutz 2011). В России рынок домашнего труда пополняется за счет внутренней центростремительной миграции из периферийных и экономически отсталых регионов в столицы и за счет трудовых мигранток из стран СНГ (Ткач 2009).

2.4. Режимы заботы

Фокусируя внимание на распределении заботы между различными акторами, исследователи используют понятие **режима заботы**. Режим заботы определяется как совокупность устойчиво воспроизводящихся паттернов распределения заботы между различными акторами и институтами.

Режимы заботы разных государств различаются по тому вкладу, который вносят в попечение о зависимых гражданах семья и вне-

семейные институции. Конвенционально принятый подход к анализу режимов долгосрочной заботы связан с типологией социальной политики современных капиталистических демократий, которую разработал Эспинг-Андерсен (Esping-Andersen 1990; см. также: Григорьева 2012; Романов, Ярская-Смирнова 2008а; Чернова 2011, 2013; Iarskaya 2013; Pfau-Effinger, Rostgaard 2011). Сравнению этих режимов посвящено много исследований в рамках изучения социальной политики. Здесь мы отметим, что для каждого из национальных режимов заботы характерна собственная логика, укорененная в политических институтах и гендерных идеологиях. Режимы заботы определяются не только институциональным дизайном, но и общественными представлениями об идеале хорошей заботы и ухода. **Изучение режимов заботы** предполагает выяснение того, каким образом идеал заботы реализуется институционально: кто, где, как, на каких условиях осуществляет заботу и на основе каких предписаний.

Режимы заботы различаются по идеологиям, локализации практик и степени формализации. Джейн Льюис, например, выделяет семейноцентричные и внесемейные режимы заботы. Семейноцентричный (фамилистский) режим заботы представлен, в частности, странами Средиземноморья. В них ответственность за заботу предписывается семьям и женщинам. В Германии и Скандинавии режим заботы является преимущественно внесемейным, институциональным.

В настоящее время такое различие считается слишком простым и недостаточно эвристичным для описания сложной современной политики социальных государств в отношении разных категорий зависимых граждан (Lewis 1992; Чернова 2013). Исследователи отмечают, что в одной и той же стране режимы в отношении разных категорий граждан могут различаться: современный относительно гендерно эгалитарный режим заботы о детях, например, может сочетаться с гендерно традиционалистским режимом заботы о пожилых гражданах.

Анализируя социальную политику развитых социальных государств Европы, финские исследователи Аннели Энтонен и Йорма Сипила выделили **четыре типа режимов по критерию развитости институциональной заботы** — социальных сервисов для детей

и пожилых граждан. В число этих сервисов входят внешкольные и дошкольные учреждения, специальные дома и домашние и внедомашние услуги для престарелых, предоставляемые на бюджетной или смешанной основе. Первую группу составляют государства, которые предоставляют достаточное количество высококачественных социальных сервисов, обеспечивающих заботу и уход за детьми и пожилыми гражданами — там нагрузка у семьи и гендерный дисбаланс домашнего труда сокращается. Такие режимы заботы характерны для Дании, Швеции и Финляндии в конце XX — начале XXI в. Вторую группу составляют страны, в которых граждане испытывают недостаток в количестве и качестве социальных сервисов, и основная нагрузка по заботе и уходу падает на семьи и женщин: Португалия, Греция, Испания, Ирландия и Германия. Третью группу составляют страны, в которых достаточно хорошо развиты сервисы для людей старшего возраста, но ощущается явная нехватка сервисов для детей (Норвегия, Нидерланды и Великобритания). Четвертую группу составляют режимы заботы, где хорошо развиты сервисы для детей, но наблюдается нехватка сервисов для пожилых людей (Бельгия, Франция и Италия) (Anttonen, Sipila 1996: 93).

Социальная политика осуществляется инструментами, которые управляют ресурсами времени, денег и социальных сервисов, предоставляемых тем, кто нуждается в заботе или осуществляет ее. Примером временных ресурсов являются отпуска, предоставляемые гражданам с семейными обязанностями (т. е. выполняющим заботу), укороченный рабочий день или гибкий график занятости. Монаетарные (денежные) ресурсы — это разные формы выплат за заботу, предоставляемые государством. Например, «материнский капитал», оплата отпуска по уходу за детьми или больными. Социальные сервисы — это государственные услуги по заботе, предоставляемые на дому, в специальных центрах и учреждениях на условиях регулярного посещения, временного или постоянного пребывания (Чернова 2011).

Мэри Дэли и Джейн Льюис утверждают, что различия в режимах заботы в национальных государствах в большей степени отражают **различные идеологии и нормативные рамки**, чем отвечают реальным потребностям зависимых граждан (Daly, Lewis 2000). Так, в Великобритании политико-идеологическая поддержка нормы

женской семейной заботы о пожилых и больных членах семьи чрезвычайно устойчива, хотя у граждан и есть возможность поместить пожилых родственников в государственные и частные дома для престарелых и развиваются различные схемы оплачиваемой долгосрочной заботы о немощных и престарелых (*cash-for-care schemes*) (Forbes, Evans, Scott 2010). В Нидерландах продвигается модель государственной поддержки долгосрочной заботы, выполняемой женщинами в семье. Государственное субсидирование в данном случае интерпретируется как материальная поддержка в виде оплаты. В Италии государство фактически не оказывает поддержку в виде формальной институционализированной заботы. Предпочтение отдается модели домохозяйки, осуществляющей функции внутрисемейной заботы о пожилых немощных членах семьи. Однако здесь в последние десятилетия все более используется домашний труд мигрантов, который постепенно замещает семейную заботу в обеспеченных слоях населения (*migrant-in-the-family pattern*). Часто заботу осуществляют мигрантки из бывших республик Советского Союза. В Австрии продвигается модель сочетания частичной занятости и частичной заботы (Rummery, Fine 2012).

Исследователи режимов заботы обращают особое внимание на сравнительные международные исследования организации долгосрочной заботы (долгосрочный уход — ДСУ, *long-term care — LTC*). Такое внимание обусловлено трендом постарения населения и актуальной политической задачей обеспечения качества жизни пожилых граждан. Термин ДСУ используется для обозначения немедицинской заботы об инвалидах и пожилых людях. До недавнего времени государственные субсидии в развитых социальных государствах в основном направлялись на институциональную формальную заботу — дома престарелых, больничное, санаторное и геронтологическое обслуживание. Все остальные форматы заботы обеспечивались внебюджетными средствами — в основном неформальной заботой семей и сообщества (OECD 1998). Вследствие социально-демографических изменений (включающих постарение населения, изменение семейной структуры и рост женского участия в сфере оплачиваемого труда) ситуация изменилась, и в настоящее время ответ на вопрос о том, *кто* должен брать на себя ответственность за обеспечение долгосрочной заботы в семье, не представ-

ляется однозначным, а становится предметом острых политических дебатов. Это вопрос идеологии и социальной политики.

Отметим в заключение, что утвердившаяся в социологии и социальной политике категория режима заботы позволяет предметно анализировать политику и практики заботы, разрабатывать рекомендации, ориентированные на сокращение нагрузок членов семьи, занятых заботой-уходом, идеалы гендерного равенства в практиках заботы. Эта категория используется для проведения сравнительных исследований организации заботы в разных обществах по отношению к разным категориям зависимых граждан.

Постепенно исследователи все больше внимания уделяют тому, как организована долгосрочная забота в отношении тех категорий населения, которые не могут без нее обходиться. Исследователи уходят от универалистских схем. Все большее внимание уделяется разным категориям получателей заботы, выявлению их потребностей, анализу конфликтов и паттернов взаимодействия с поставщиками заботы, роли институциональной заботы в сравнительной перспективе.

ИТАК, что нам дают современные гендерные исследования феномена заботы.

- Практики заботы рассматриваются как труд, который сопровождается множественными издержками, является гендерно маркированным, сопряжен с конфликтами, порожденными неравенством, и является недостаточно признанным в обществе.
- Выделяются особенности заботы как труда — эмоциональная работа, рутинный характер физических усилий, фрагментированность и нестандартизированность задач, относительно низкий престиж, навыки формирования межличностного доверия.
- Формы заботы различаются по локальности, темпоральности, типу отношений и статусу.
- В настоящее время происходит делегирование и профессионализация заботы, в результате чего она становится оплачиваемым

трудом, подтверждаемым квалификациями и сертификатами, и приобретает публичный характер, но остается феминизированной.

- Бюрократизация заботы стандартизирует и позволяет контролировать ее исполнение. Критика бюрократической заботы связана с эффектами патернализма в отношениях, унификации потребностей зависимых людей и деперсонализации отношений между получателем и поставщиком заботы.
- Коммодификация представляет собой превращение заботы в оплачиваемую услугу – товар. Последствия коммодификации также противоречивы. С одной стороны, этот тренд позволяет ослабить нагрузку на семью, с другой стороны – воспроизводит классовые границы и неравенство между женщинами, принадлежащими к разным социально-экономическим группам. Коммодификация заботы приобретает особый характер в условиях развития глобальных сервисных услуг, связанных с использованием домашнего труда мигрантов (глобальные цепочки заботы).
- На макроуровне изучаются режимы заботы, включающие практики (как), идеологии (кто, о ком и почему), институциональное устройство (где и когда, по каким правилам) обеспечения благополучия зависимых членов общества.

3.

Нормативные теории заботы

3.1. Общая характеристика нормативных теорий заботы

До сих пор мы рассматривали разнообразные практики заботы, которые исследуются как трудовые затраты, выполняемые в различных контекстах различными акторами. Другая парадигма изучения заботы развивается в философии морали и политической

философии. Это нормативный подход в понимании практик и отношений заботы. Он реконструирует идеалы заботы и логику, лежащую в основе практик прямого ухода. Теоретические исследования в этом русле активно развиваются в США. В настоящее время они получили также распространение в Европе.

Забота в этой интерпретации понимается не как гнет или избыточный труд, который в основном выполняют женщины и издержки которого необходимо минимизировать. Напротив, забота понимается как этическая ценность, имеющая экзистенциальное значение, она наделяется позитивным смыслом, рассматривается как условие достойного человеческого существования. Феминистские исследователи утверждают, что люди, которые ни о ком не заботятся, не в состоянии воспроизводить и свою собственную жизнь на достойном уровне (Folbre 1995; Held 2006; Kittay, Feder 2002; Tronto 2013). Логика хорошей заботы опирается на принципы ответственного доверительного взаимодействия специалистов, технологий и людей, нуждающихся в заботе. Политически ориентированные феминистские исследователи ставят задачу распространить этику и логику заботы на демократическое общество в целом. Они обращают особое внимание на отношения, в которые вступают люди, проявляя заботу друг о друге. Для таких взаимодействий характерно персонализированное доверие, взаимная поддержка, сочетание альтруистического чувства с представлением об ответственности в отношении другого человека. Подчеркивается реципрокный и комплексный ситуативно заданный характер заботы. Негативные аспекты вовлеченности в заботу для индивида и общества рассматриваются как эффекты социального неравенства, организованного интерсекционально — по связанным между собой критериям классовой, гендерной и расово-этнической принадлежности. Нормативный идеал заботы предполагает отзывчивость к нуждам другого человека, готовность взять на себя ответственность за его благополучие, умение поддерживать отношения и способность оказывать помощь практически. Сторонники этого подхода утверждают, что **практики заботы опираются на моральные принципы, которые не менее важны, чем принципы справедливости и прав человека**. Ценность заботы — результат морального развития личности; она ассоциируется с женским опытом, но со-

вершенно неверно приписывать способность к заботе исключительно женщинам. В справедливом демократическом обществе такие принципы, как права человека и ответственность за благополучие других, должны дополнять друг друга и распространяться в равной мере на мужчин и женщин.

Первоначально исследователи подчеркивали, что принципы заботы и справедливости могут противоречить друг другу в конкретных ситуациях (Hoagland 1991; Benhabib 1995a), и рассматривали их как проявления моделей женственности и мужественности. Однако позднее философы старались придать универсальный характер принципам заботы, распространив их с опыта, характерного для традиционных моделей женственности, на отношение к обществу в целом (Tronto 2013; Kittay, Feder 2002).

Онтологически — в понимании человеческого бытия — этическая феминистская философия заботы исходит из следующих принципов (Held 2006).

1. Диалектика автономии и зависимости — основополагающая характеристика человеческого бытия. Хотя автономия и свобода отдельного индивида являются важными ценностями и благами, однако конкретные индивиды, в отличие от героя классического романа Д. Дэфо «Робинзон Крузо», принимают решения и действуют в контексте сложной паутины отношений взаимозависимости. Экзистенциальный подход, лежащий в основе этики заботы, провозглашает, что человек не заброшен в мир, а рождается в нем; каждый индивид, сохраняя свою автономию, в принципе зависим от других людей.
2. Забота — это эмпирический универсум, и ее можно обнаружить в любом контексте межличностных взаимодействий. Все человеческие существа обладают опытом заботы. Человеческое существование является хрупким. Особенно уязвимым является человеческое тело, подверженное многообразным рискам здоровья и изменяющееся в течение жизненного цикла. Некоторые периоды жизненного цикла человека — детство, старший возраст — особенно уязвимы. Признается разнообразие ситуаций и категорий зависимости и социальная необходимость удовлетворять потребности зависимых людей, чья физическая и интеллектуальная автономии ограничены.

3. Каждый человек в течение своей жизни является получателем заботы и поставщиком заботы. Однако необязательно мы возвращаем заботу тем, от кого ее получали, и действуем в логике обмена, ограниченного временными рамками. Несмотря на то, что наиболее распространенная модель заботы предполагает, что здоровые люди помогают больным и зависимым, на самом деле здоровые также получают телесную и эмоциональную заботу.
4. Ключевой принцип этики заботы — ориентация на ситуативно определяемые потребности нуждающегося в ней существа, стремление обеспечить его благополучие с помощью конкретных усилий.

Нира Ювал-Дэвис выделяет две версии феминистской этики заботы: **модель материнских практик** и **феминистский демократический проект** (Yuval-Davis 2011: 177–199). Обе они опираются на определенную логику заботы — нормативный принцип упорядочивания соответствующих практик. Ниже мы опишем поочередно каждую из этих моделей.

3.2. Этика заботы как модель материнских практик

Модель заботы, основанная на нормативных представлениях о материнских практиках, опирается на принципы феминизма различий (см. лекцию 1). Представление о том, что принципы этики заботы исторически укоренены в традиционных женских ролях — практиках материнства и ухода за близкими, — исходит из критической рефлексии исторического опыта женщин в патриархальном обществе. Исследователи полагают, что женская забота должна быть переосмыслена с позиций гендерного равенства и демократического устройства общества, а ее принципы должны распространяться на практические действия мужчин и женщин, работу социальных институтов и профессиональных служб. Феминистские исследователи развивают моральную теорию, основанную на изучении лучших образцов домашнего мира, дружбы

и интимности. Нел Ноддингз афористично замечает: «Теория заботы начинается с дома» (Noddings 2002). Феминистская этика заботы, обращаясь к женскому опыту, возрождает прежде умалчиваемые моральные основания социального устройства, которые не менее важны, чем такие моральные ценности, как справедливость и права человека, полезность и удовлетворение личных амбиций (Held 1996, 2006).

Первичные основания такого подхода изложены, в частности, в получившей широкую известность книге Кэрол Гиллиган «Иным голосом» (*In a Different Voice*, Gilligan 1982), в которой автор выступает с критикой психологической теории нравственного развития, разработанной Лоренцем Кольбергом (Kohlberg 1982). Прежде чем изложить основные идеи этики заботы, кратко опишем модель Кольберга. Психологическое исследование нравственного развития личности было начато Кольбергом еще в 1958 г., когда он писал докторскую диссертацию, затем эксперименты были продолжены и оформлены в ряд статей и монографий, получивших всемирное признание научного сообщества (Kohlberg 1966). Психолог выделяет шесть уровней морального развития личности, которые соответствуют уровням развития способности к нравственному суждению. Модель построена на основании экспериментов, проведенных с мальчиками и мужчинами разного возраста. Испытуемым предлагалось сформулировать суждения по поводу решения различных нравственных дилемм. Одна из них получила название «моральной дилеммы Хайнца». Суть ее в следующем: супруга некоего Хайнца смертельно больна; в аптеке есть лекарство, которое может исцелить женщину; аптекарь выдает лекарство за свое личное изобретение и запрашивает за него втридорога; у Хайнца нет таких денег; в отчаянии он взламывает аптеку и крадет лекарство. Участники эксперимента должны были ответить: а) правильно ли поступил Хайнец и б) обосновать свои суждения. Кольберг считал, что не столь важным является само решение — нужно ли было похищать лекарство и совершать разбойное нападение на аптеку или нет, сколько аргументация информантов в пользу того или иного решения. На основании анализа полученных данных психолог выделил три уровня морального развития личности: предконвенциональный (примитивный), конвенциональный и высший.

Кэрол Гиллиган поставила под сомнение теорию нравственного развития личности, разработанную ее учителем. Она была участницей экспериментов, хорошо знала теорию Кольберга и не всегда была согласна с его выводами. Исследовательница выступила с критикой самой методологии построения модели, основанной на экспериментах, проведенных исключительно с мальчиками и мужчинами, в связи с чем именно их суждения оказались мерилем морального развития личности. Она предлагает отказаться от универсальности индуктивно выработанной маскулинной нормы и изучить гендерные различия в моральных суждениях и нравственном развитии. На основе своих эмпирических данных Гиллиган выделяет два подхода к решению моральной дилеммы: один подход основан на этических принципах справедливости и права — именно его реконструирует Кольберг, другой — на этике заботы. Гиллиган не столь наивна, чтобы называть этику справедливости мужской, а этику заботы — женской, она считает, что такие обобщения делать некорректно. Но — тем не менее, оговаривает, что культурные паттерны гендерных различий способствуют тому, чтобы женщины в своих суждениях воспроизводили этические принципы заботы, а мужчины — справедливости. Этика справедливости, конвенционально признанная в качестве универсального морального принципа, должна быть дополнена этикой заботы. Последняя столь же значима для общества и личности, как и этика справедливости.

Данные для своей модели этики заботы Гиллиган почерпнула из трех эмпирических исследований. В двух из них, «Исследовании студентов колледжа» и «Исследовании права и ответственности», участвовали как мужчины, так и женщины; в третьем проекте участвовали исключительно женщины: он был посвящен изучению принятия решения об аборте. Ее информанты также обсуждали уже известную нам дилемму Хайнца. Все исследования проводились методом полустандартизированного интервью и тематически были посвящены обсуждению нравственных проблем и моральной самооценке информантов. Результаты исследования выявили гендерные различия в обсуждении нравственных проблем. Женщины постоянно обсуждали свои отношения с другими людьми, утверждали, что правильное нравственное решение должно учи-

тывать интересы близких, и часто апеллировали к категории «забота». При решении дилеммы Хайнца они обсуждали возможность договориться с аптекарем, учесть его мотивацию или убедить знакомых найти необходимую сумму денег. Обсуждая решение об аборте, они фокусировали внимание на взаимоотношениях с ближайшим окружением, со своими близкими, с родителями, с сексуальными партнерами, своими еще нерожденными детьми. Гиллиган пришла к выводу, что нравственные суждения женщин опираются на категории взаимоотношений, заботы и личной ответственности. При этом Гиллиган выделяет три уровня развития этики заботы аналогично трем уровням морального развития этики справедливости, разработанной Кольбергом. На первом уровне решение нравственной дилеммы регулируется эгоистическим мотивом заботы о себе, собственном выживании и благополучии. Второй уровень этики заботы Гиллиган также называет конвенциональным. На этом уровне своим нравственным долгом женщины считают заботу о близких им людях. Забота о личном благополучии считается эгоистичной. Забота о других считается личной ответственностью. Добродетель в форме самопожертвования — как называет Гиллиган этот уровень этики заботы — наиболее отчетливо проявляется в традиционных моделях женственности, ролях матери и жены. Женщины, достигшие третьего, высшего уровня морального развития, считают, что как эгоистическая забота о себе, так и абсолютное самопожертвование во имя заботы о других, грозит утратой собственного Я, причиняет вред личности и окружающим ее людям. Не прибегай к насилию, не причиняй боли ни себе, ни другим — так звучит этот моральный принцип. На всех уровнях этики заботы приоритетными остаются отношения со значимыми другими и забота об их благополучии, а абстрактные принципы прав человека и справедливости отступают на задний план.

Исследовательница приходит к следующему заключению: «Моральный императив, постоянно всплывающий в интервью с женщинами — это обязанность заботиться, обязанность распознавать и смягчать “реальные и осознаваемые проблемы” мира. Для мужчин же нравственный императив проявляется скорее в качестве обязанности уважать права других людей и, таким образом, оберегать

право на жизнь и самореализацию. Женское стремление к заботе имеет отношение скорее к самокритике, нежели к самозащите, в то время как мужчины изначально воспринимают долг перед другими людьми негативно и в терминах невмешательства жизни» (цит. по: Диксон 2004).

Гиллиган признает равную значимость и взаимную дополнительность обеих моделей решения нравственной дилеммы — той, которая основана на принципах права, и той, которая опирается на принципы индивидуализированных межличностных отношений. Обнаруженные гендерные различия в этических суждениях исследовательница объясняет различиями социализации мальчиков и девочек в современном — читай, американском — обществе, где женская модель предполагает воспитание будущей матери и супруги, готовой к переговорам и компромиссам и эмпатическому вниманию. Мужская модель воспитания ориентирована на формирование рационального достигательного конкурентоспособного характера.

Таким образом, Кэрол Гиллиган утверждает, что культурная модель женственности формируется благодаря опыту практической повседневной заботы, к которой приучаются женщины с раннего детства. Осуществляемая женщинами этика заботы построена на принципах субъективности, персонализированного внимания к конкретным отношениям, в которые включены люди.

Аналогичным образом рассуждает Сара Руддик. В своем скорее публицистическом, нежели научном трактате «Материнское мышление: возможности развития политики мира» (*Maternal thinking*, Ruddick 1989) она утверждает, что именно практики материнства создают особые установки и аттитюды, которые должны быть интегрированы как ценности и нормы универсального общественного значения. Описывая культурную модель материнских практик, Руддик исходит из принципов феминистской позиционной эпистемологии (см. лекцию 2): мышление познающего актора порождено социальными практиками, в которые он вовлечен. Несмотря на разнообразие паттернов материнства, неравенство, встроенное в отношения между родителями и детьми, и потенциал материнского деспотизма, практики повседневной заботы о детях формируют у матерей особенные установки и интересы.

Материнское мышление получает выражение на уровне моральных суждений, в практиках межличностных отношений и в ценностных ориентациях. Оно представляет собой единство рефлексии, суждения и эмоции. В центре интересов матери — потребности ребенка. Ее сознание подчиняется дисциплине, которая ориентирована на критерии успеха и неудачи, представления о благе и зле, хорошем и плохом для благополучия ребенка. Исследовательница реконструирует (довольно абстрактно) универсалии в потребностях ребенка, на удовлетворение которых направлены материнские практики: физическое выживание, когнитивное психологическое развитие и социальная приемлемость. Руддик считает, что практики материнства способствуют росту сознания женщин и обладают нормативным трансформирующим потенциалом. Практики материнской заботы (*mothering*) может осуществлять любой человек, который посвящает себя удовлетворению потребностей и нужд детей. Руддик убеждена, что матери по логике своих практических действий пекутся о жизни, физическом и социальном благополучии детей. Именно поэтому материнские практики воспитывают у людей, которые им следуют, неприятие милитаризма и военных агрессий. Таким образом, Сара Руддик приходит к выводу, что материнское сознание может стать основой построения общества на принципах мира и безопасности; оно может принести в публичную политику миротворческий взгляд.

В целом представление об укорененности этики заботы в традиционных женских практиках и ролях критиковалось в рамках феминизма, поскольку рассматривалось как неоправданно обобщающее, эссенциалистское и сентиментальное. Критики подчеркивали, что Руддик воспроизводит культурные мифы о заботливой женственности и бескорыстном пацифизме материнства, которые являются скорее элементами гендерной идеологии, продвигающими представления об особых женских добродетелях, сформированных веками патриархата, нежели повсеместной практикой. Критика универсальности миролюбивых материнских практик и воспитательных приоритетов звучала из уст антропологов и историков. Многие из них обращали внимание на культурные, расовые и классовые различия в представлениях о правиль-

ном материнстве, моделях благополучного детства, потребностях, которые общество приписывает детям. Кроме того, критики отмечали, что Руддик не дает убедительного объяснения того, каким образом осуществляется превращение узкого, изолированного, ограниченного интересом к своим собственным детям материнства в политику мира. Остается непонятным, как отдельная мать, живущая частными интересами своей семьи и своих детей, становится нравственным агентом общественной трансформации (Khanna 2009; Rumsey 1990). Более того, психологические исследования нравственного развития подвергались критике, поскольку в них на основе изучения весьма специфической группы информантов мужского и женского пола — в основном представителей белого среднего класса США — делались выводы об универсальных психологических паттернах мужественности и женственности.

Однако, несмотря на аргументы критики, сама идея о том, что существуют этические принципы, отличные от принципов утилитаризма, с одной стороны, и абстрактной справедливости, с другой стороны, т. е. некая этика заботы, сохраняется. Внимание к нуждам другого, ответственность и заинтересованность в удовлетворении этих нужд, готовность к долгосрочному вовлеченному действию, ориентированному на потребности другого человека, получение удовлетворения от этой деятельности — сохраняются как основания этики заботы.

Согласно сторонникам этой модели, принципы заботы должны быть распространены на работу социальных институтов, организаций. Нел Ноддингз, обсуждая возможности реализации этики заботы в институтах образования, считает, что нормативные модели работы бюрократических учреждений нужно искать в сфере частной жизни, в пространстве домашнего мира и интимности, в практиках дружбы, материнства и сестринства. Образцы этики заботы исследователи находят в сфере частной жизни, в пространстве домашнего мира и эгалитарных интимных отношений, в практиках дружбы, материнства и сестринства (Noddings 2002).

3.3. Этика заботы как феминистский демократический проект

Второе направление феминистской философии рассматривает этику заботы как демократический политический проект, т. е. как принцип построения справедливого демократического общества. Политический философ Вирджиния Хелд в своей книге «Этика заботы: личное, политическое и глобальное» (*The ethics of care: personal, political and global*) утверждает, что «в центре этики заботы лежит моральное предписание (долженствование) удовлетворять потребности тех конкретных людей, за которых мы несем ответственность» (Held 2006: 10). Вспоминаются слова Лиса из повести Сент-Экзюпери «Маленький принц»: «Мы в ответе за тех, кого приручили». В данном случае местоимение «мы» обозначает любого актора, взявшего на себя ответственность за благополучие другого существа. Хелд отмечает, что практики заботы включают эмоциональную, интеллектуальную и материальную составляющие, выражают психологическую заинтересованность в благополучии другого человека и предполагают конкретные действия, направленные на его достижение. Этика, основанная на принципах демократии — равенства и свободы, — подразумевает, что практики заботы могут осуществляться на самых разных уровнях: на уровне межличностных отношений, конкретных институтов, национальных государств и на транснациональном глобальном уровне. Практики заботы могут осуществляться самыми разными акторами. Однако на любом уровне признается значимость ценности заботы в человеческой жизни и функционировании общества.

Сторонники этого подхода (Фишер, Тронто, Ноддингз, Севенхуйсен) обращают внимание на социальную сконструированность заботы (Tronto 2013; Fisher, Tronto 1990; Sevenhuijsen 1998; Noddings 2002). Они деконструируют использование этого понятия для обозначения природных и культурно приобретенных свойств женщин, связанных с практиками частной жизни, критикуют представления о раздельных гендерных моделях нравственности — мужской этике справедливости и женской этике заботы. Они утверждают, что этика заботы является основанием этики справедливости, а право на получение и осуществление заботы является первичным и должно

быть признано в качестве такового в справедливом демократическом обществе.

Признание ценности заботы должно быть интегрировано в понимание социальной справедливости. Справедливо получать заботу, когда люди в ней нуждаются, и справедливо иметь возможность заботиться без ущерба для самореализации. Поскольку отношения, в рамках которых забота предоставляется и принимается, являются хрупкими, ненадежными и конфликтными, а также приводят к различным издержкам обеих сторон, они должны регулироваться правовыми нормами. Усилия политиков, ратующих за достижение социальной справедливости, должны быть направлены на поддержание отношений заботы, которые не являются угнетающими и эксплуатирующими для обеих сторон практического взаимодействия. Более того, забота должна способствовать максимальной свободе и уменьшению степени зависимости нуждающегося в ней человека.

При этом исследователи различают заботу как норматив и ценность и практики реализации заботы в конкретных контекстах. Забота может навязанной, порождать угнетение и эксплуатацию. Это происходит, когда ее плохо исполняют, приписывают нуждающимся людям потребности, которых они не имеют, и злоупотребляют властью или, напротив, не удовлетворяют те потребности, которые являются чрезвычайно значимыми для зависимых людей. Социальные работники обслуживают больных пожилых людей, но часто не в состоянии дать им главное — удовлетворить их потребности в сочувствии и общении — т. е. в эмоциональной поддержке. Когда забота навязывается, а не предоставляется на свободной и добровольной основе, она ставит получателей заботы в положение, которое описывается исследователями как груз благодарности (*burden of gratitude*) и порождает усугубленное чувство зависимости, беспомощности и невозможности принимать ответственные решения.

Дженни Моррис, изучая положение людей с ограниченными возможностями, отмечает, что забота, обеспечиваемая членами семьи и государственными учреждениями, может угнетать и эксплуатировать зависимого человека (Morris 2001, 2004). Возможность выбора и контроля заботы является ключевым элементом в пред-

почтениях и чаяниях людей с ограниченными возможностями, в том числе и людей пожилого возраста. Они хотят сами определять свою судьбу. Право получателя заботы заключается в том, чтобы: а) иметь доступ к заботе, б) иметь возможность ее выбрать, в) иметь возможность в максимальной степени контролировать собственную жизнь (Morris 2004; Shakespeare 2000).

Требования демократической заботы отстаивают участники движения за права граждан с ограниченными возможностями в США и Канаде, где продолжают бороться против сегрегированного проживания инвалидов и государственных моделей домов для инвалидов. Они предлагают альтернативные решения, т. е. такие способы организации заботы о гражданах с ограниченными возможностями, при которых последние сами контролируют обеспечение заботы и выбирают формы поддержки с помощью рыночных или государственных бюрократических механизмов.

Исследователи подчеркивают различие между дискурсом и практиками заботы (Tronto 2013: 25). Дискурс заботы государства о своих гражданах может оправдывать практики эксплуатации и угнетения конкретных категорий граждан. Это можно сказать и о советском гендерном порядке, который риторикой гендерного равенства прикрывал политические и экономические механизмы мобилизации женщин в сферах оплачиваемого и домашнего труда. Тронто отмечает, что колониальные режимы также оправдывают свои политики идеологией заботы о развитии отсталых территорий, где царят «дикие нравы». Дискурсивная забота не всегда содержит освободительный потенциал для угнетенных. Под идеологической вывеской заботы могут скрываться практики подавления и репрессий. В связи с этим исследователи обращают внимание на **практики и принципы демократической заботы**. Не всякая забота, а именно демократическая должна стать ориентиром для трансформации общества.

В настоящее время право на заботу признается одним из ключевых гражданских прав. Таким образом, дилемма заботы и справедливости преодолена (Williams 2012). Именно такой правовой подход к заботе получил распространение в скандинавских странах, Великобритании и Австралии начиная с 1980-х гг. (Barnes 2006; Fine 2007). Признание права на заботу и уход утвердилось в тех соци-

альных государствах, где возникали гражданские инициативы, требующие общественного и политического признания выполняемой женщинами домашней заботы, преодоления социальной изоляции бедных и социального исключения исполнителей первичной заботы (*primary caregivers*). Такие общественные инициативы стремились законодательно обеспечить различные меры поддержки, адресованные членам семьи, осуществляющим неформальную первичную заботу и уход, с помощью пособий, особых отпусков, графиков работы. В Великобритании и Австралии были законодательно приняты «Положения о правах граждан, осуществляющих долгосрочный домашний уход» (*Carers Recognition Bills*). В США, где общественные инициативы были менее влиятельны, чем в Европе, исследователи старались продемонстрировать психологические и физические нагрузки исполнителей заботы (Chappell, Reid 2002). Однако и там социальная политика обращалась к проблематике этики заботы и права на заботу (Rummery 2002).

Понимание заботы как феминистского демократического проекта основано на принципах гендерного равенства и справедливости, согласно которым:

1. Воспроизводство границы между публичной и частной сферами, при котором труд и заботу в частной сфере приписывают женщинам, приводят к эффекту замалчивания определенных проблем в политических дебатах. Если такие границы рассматриваются как естественные и незыблемые, они не проблематизируются, не становятся политическими вопросами.
2. Признается воспроизводящийся гендерно ассиметричный характер практик заботы в современном обществе. Главное в демократической модели заботы — признать и сократить существующее гендерное неравенство в заботе и снизить затраты и издержки практической заботы, используя самые разные механизмы.
3. Этика демократической заботы основана на двух принципах: равенство в озвучивании потребности в заботе и сокращение неравенства в нагрузках, связанных с практиками заботы (Tronto 2013: 33).

3.4. Логика заботы — принципы упорядочивания практик

Феминистская теория выявляет составляющие логики заботы. В данном случае забота рассматривается не как ценность — моральное основание действия, а как принцип упорядочивания разнообразных практик, связывающий действия, отношения и моральные суждения людей, осуществляющих эмоционально вовлеченный труд, стремясь максимально возможным образом обеспечить благополучие зависимых людей и дать им возможность вести нормальную жизнь, согласно объективным и субъективным критериям.

На основании антропологического исследования консультирования больных диабетом нидерландская исследовательница Анне-Мари Мол анализирует логику заботы, которая «содержит репертуар практик, необходимых для успешного совладания с болезнью» (Mol: 10). **Логика** рассматривается как способ упорядочивания рациональных и осмысленных практик. Эта логика имплицитна и инкорпорирована во взаимодействия профессионалов и больных людей, их обращение с инструментами и технологиями, привычки контроля и самоконтроля.

Исследовательница изучает практики больных диабетом и их взаимодействия с медицинским персоналом и ближайшим окружением. Забота предполагает совместную работу людей и использование технологий, которыми нужно научиться управлять и адаптировать их к конкретным ситуациям. Выживание больных зависит от новых технологий: без инъекций инсулина, который стал производиться только в 1920-х гг., диабет — это смертельная болезнь. Таким образом, логика заботы отказывается от романтической критики медикализации (см. лекцию 11), которая характерна для ряда феминистских авторов (Mol 2008: 12).

Исследовательница выделяет два основных принципа логики заботы: пациентизм и врачевание. Пациентизм определяется как позиция актора, который ставит в центр внимания меняющиеся и непредсказуемые потребности больного человека, его тела. Логика заботы предполагает непрерывную, затратную по времени и усилиям настройку на меняющиеся и не подвергающиеся жесткой стандар-

тизации телесные и личностные потребности больного. Процесс заботы призван обеспечить поддержку и облегчение состояния тела, которое уязвимо и активно заявляет о своем неблагополучии. Во введении к «Логике заботы» Мол пишет: «Я хочу развить теоретический подход, который ставит болезнь в центр исследования. Прошу вас встать на позицию пациента, когда вы читаете эту книгу» (Mol 2008: 9).

Логика заботы противопоставляется логике выбора, которая предстает в двух ипостасях: рыночной (консьюмеристской) и гражданской версии. Согласно рыночной логике, пациенты являются активными потребителями, способными сознательно выбрать клинику, врача, лечение и лекарство, руководствуясь своими потребностями и желаниями. Гражданская версия логики выбора предполагает идею социального договора (контракта) между гражданами и государством. Контракт предполагает, что граждане являются дееспособными хозяевами своей жизни, имеют возможность реализовать свои социальные права, гарантированные законом. Если следовать логике выбора, то неизлечимо больные люди — это свободные граждане, которые в состоянии контролировать свое тело и свои когнитивные возможности. Но практики, которые подчиняются такой логике, не обеспечивают благополучного существования больных людей.

Логика выбора оставляет без внимания особые потребности тех, чья жизнь зависит от телесного недуга. Пациенты часто не могут без посторонней помощи контролировать свою жизнедеятельность и функционирование своего тела, которое активно в своей болезни и непредсказуемо. Для хронически больных людей свободный выбор затруднен или вовсе невозможен из-за нехватки ресурсов. Пациенты только надеются стать здоровыми гражданами, их способность к автономному действию ограничена: они (а) не в состоянии обеспечить полный контроль за своим телом и (б) не могут точно сформулировать свои потребности. Мол считает, что для облегчения состояния неизлечимо больного человека нужно преодолеть логику выбора, подобно тому, как феминистская мысль преодолела риторику эмансипации, в рамках которой женщины стремились получить те же права, что и мужчины. На современном этапе феминизма стратегия эмансипации сопровождается другой

стратегией, которая ставит под вопрос маскулинный стандарт, стремится пересмотреть гендерные границы. Аналогичным образом исследовательница выдвигает принцип пациентизма. Пациентизм как принцип логики заботы исходит из того, что люди не всегда в состоянии осуществить контроль своего тела и своих действий. «В качестве стандарта мы берем человека с проблемами здоровья, а не человека, чье тело невидимо» (Mol 2008: 35). Тем не менее такой пациент является не пассивным, а ответственным и готовым к доверительному сотрудничеству с другими акторами: профессионалами и технологиями.

Второй принцип логики заботы — врачевание (*doctoring*) — координация постоянно перенастраивающихся действий, тел, технологий, знаний и людей, облегчающих положение больного. Врачевание не является профессионально нейтральным и технологичным предоставлением фактов (результатов медицинского обследования) и использованием технологий (медицинских и фармакологических средств). Врачевание морально нагружено — оно ориентировано на улучшение жизни больного. При этом качество практик заботы не может быть оценено по ее результатам. Существуют неизлечимые болезни и ситуации, при которых полное выздоровление и кардинальное улучшение состояния пациента недостижимы. Для **хорошей заботы** характерно спокойное устойчивое терпеливое усилие, направленное на постепенное пошаговое улучшение состояния пациента и сдерживание разрушающих его здоровье обстоятельств. Такая модель врачевания не является патерналистской; она предполагает доверительно индивидуализированное сотрудничество профессионала и пациента.

Выделим основные характеристики логики заботы, вытекающие из этих двух принципов.

- В логике заботы индивиды мыслятся как включенные в цепи реципрокных отношений взаимозависимости (а в логике выбора гражданин, потребитель — это автономный индивид).
- Логика заботы признает хрупкость телесного существования человека.
- Забота начинается с выяснения потребностей людей (прежде всего базовых телесных потребностей) и выяснения

того, насколько возможно сочетать практики обычной повседневной жизни и контроль над уязвимым телом.

- Процесс заботы — это командная работа, в которой участвуют профессионалы, технологии, пациенты и близкие им люди. Такая совместная деятельность характеризуется распределением задач между членами одной команды, которые действуют совместно во имя общей цели — благополучного существования человека с ограниченными возможностями.
- Пациенты нуждаются в психологической (эмоциональной) поддержке — совете, участии, успокоении, утешении. Но такая поддержка не отождествляется с попустительством, потаканием капризам больного (Mol 2008: 29).
- Забота — это постоянный процесс, подчиняющийся логике настройки на изменяющиеся потребности и условия жизни зависимого человека. Логика заботы предполагает ситуативность и индивидуализированность практик, объем и параметры которых невозможно заранее определить и подсчитать (Mol 2008: 39).
- Логика заботы не репрессивна. Она подразумевает не укрощение тела и духа зависимого человека, а внимание к его неожиданным потребностям и баланс этих потребностей с желаемым образом жизни.
- Забота считается неудовлетворительной, когда нуждающиеся в ней люди не получают достаточного внимания, когда их потребности не озвучиваются и не принимаются во внимание, когда предписания контроля и лечения остаются абстрактными и не учитывают повседневной жизни пациента.

Логика заботы отличается от логики личного выбора, но не исключает ее. Действия, подчиняющиеся логике выбора, ориентированы на ценности автономии и равенства прав и возможностей. Несправедливостью — «антиценностью» и «злом», которого следует избегать, — в логике выбора считаются угнетение и исключение. Логика заботы ориентируется на ценности субъективно ориентированного внимания к другому существу, реализуемого в практических действиях. Антиценностью, т. е. несправедливостью, здесь

считается игнорирование контекстуальных потребностей объекта заботы, формальное стандартное отношение.

Несмотря на то, что эмпирические данные, которые вдохновляют исследовательницу, касаются жизни людей, больных диабетом, А. Мол считает, что выявленная ею логика заботы имеет универсальный характер, распространяется на неформальный и институциональный контекст. Действительно, ее исследование показывает, что успешное совладание с диабетом обеспечивается при взаимодействии медицинских работников, самих пациентов и их ближайшего окружения. Логика заботы в ее случае гендерно нейтральна. При этом она носит нормативный характер — должна пронизывать все практики и институциональные контексты современного общества. Исследовательница считает, что логика заботы должна выйти за пределы партикулярной модели успешной медицинской заботы или профессионального обслуживания и распространиться на практики взаимодействия со всеми людьми, поскольку их существование является хрупким и уязвимым.

ИТАК, резюмируем основные положения теоретического осмысления этики и логики заботы:

- Нормативные теории заботы, при всем их различии, объединены общим основанием. Забота считается благом, ценностью, которая должна признаваться в справедливом демократическом обществе как особый этический принцип, форма отношений между людьми и социальное право.
- Исследователи ищут эмпирические референты этики заботы. Одни находят их в том, как женщины решают нравственные дилеммы, ориентируясь на благополучие значимых других. Другие ищут онтологические основания этики заботы в нормативных материнских практиках, третьи — в практиках успешного совладания с неизлечимой болезнью. Суть этики заботы — в ориентации на потребности другого человека и готовности взять на себя ответственность за его благополучие и содействовать ему в практических действиях, сохраняя при этом уважительные и эгалитарные отношения.

- Практики заботы подчинены логике вовлеченного взаимодействия множества акторов, которые предпринимают ответственные совместные действия, призванные обеспечить благополучие человека.
- Гендерные дисбалансы считаются разрушительными для этики заботы. Демократическая забота рассматривается как неотъемлемая характеристика справедливого общественного устройства, экзистенциальное условие человеческого существования.

4. Стратегии преодоления гендерного неравенства в практиках заботы

Признавая недооценку важности заботы в современном обществе и объясняя это логикой рынка и традиционными гендерными верованиями, феминистские исследователи предлагают несколько стратегий преодоления гендерной несправедливости в практиках заботы. Первая стратегия предполагает **подсчет экономического вклада домашнего труда в ВВП**. Оценка неоплачиваемого домашнего труда в цифровом выражении позволяет поставить вопрос об оплате и компенсациях для тех, кто его осуществляет. Так, например, в США в 1993 г. была предпринята попытка с помощью массовых опросов оценить вклад домашней работы женщин в ВВП (Elson 2004). Этот проект, однако, критиковался по следующим основаниям. Во-первых, высказывались сомнения в том, что в принципе домашний труд можно адекватно измерить, поскольку он является эмоциональным, целостным и не сводится к набору конкретных четко определенных стандартизированных действий. С другой стороны, подсчет женского вклада продвигает и закрепляет существующие гендерные границы и феминизацию домашней заботы. Однако вопросы измерения продолжают обсуждаться, и наиболее адекватным считается метод изучения бюджетов времени

по дневниковым записям, когда информантов просят описать те действия, которые они совершали накануне, а затем сравнивают затраты времени на разные виды деятельности у мужчин и женщин. Такой же метод использовали российские социологи Л. Гордон и Э. Клопов в известном исследовании «Человек после работы», и выявили гендерный дисбаланс домашнего труда в семьях советских молодых рабочих в начале 1970-х гг. (Гордон, Клопов 2013 [1972]).

Вторая стратегия направлена на **достижение паритета в оплате профессиональной заботы и других видов труда**. Сторонники этой стратегии считают, что без повышения оплаты труда престиж социальных работников, сиделок и нянь, как и других профессий сферы заботы, останется низким. Финансовая и социальная поддержка граждан, осуществляющих практики прямого ухода и заботы, может способствовать как повышению престижа этого вида труда, так и улучшению положения людей с ограниченными возможностями. Профессионализация заботы и продвижение политики, которая с уважением относится как к поставщикам заботы, так и к ее получателям, приведет к изменению традиционного понимания гендерных ролей и границ, а также улучшению положения зависимых людей, нуждающихся в постоянном уходе (Beckett 2007).

Третья стратегия связана с **правовым признанием опекунов (поставщиков заботы)**. Под влиянием общественных движений и других политических сил в начале XXI в., например, в Австралии и Великобритании приняты законодательные меры, признающие особый статус исполнителей домашней заботы, защищающие и поддерживающие их. В нормативные документы введен термин — поставщик заботы, или попечитель (*carer*). К этой категории граждан относятся все, кто осуществляет долгосрочную неформальную домашнюю заботу о малолетних, больных и немощных членах семьи. Поставщики неформальной заботы имеют право на материальную, социальную и психологическую поддержку на федеральном и муниципальном уровне. В законе прямо указано, что исполнители домашней заботы вносят существенный вклад в благополучие общества. Таким образом, на правовом уровне осуществлено признание статуса заботы и ее общественная ценность. Принятие законов о неформальной долгосрочной заботе повлекло за собой ряд других мер, облегчающих неизбежные нагрузки прямого

ухода и попечения. Организованы социальные службы, задачей которых является мониторинг потребностей субъектов заботы и их социально-психологическое сопровождение (Rummery, Fine 2012).

Четвертая стратегия ориентирована на **изменение гендерных границ в организации заботы и противодействие феминизации практик прямой заботы**. Как неоплачиваемая, так и профессиональная забота должны стать гендерно нейтральными и перестать ассоциироваться с женской природой и женским предназначением. Принцип равного вознаграждения за равный труд независимо от пола, относительно давно завоевавший свои позиции в сфере оплачиваемого труда, должен быть распространен на домашнюю сферу. Такая стратегия неизбежно наталкивается на сопротивление традиционных идеологий гендерного разделения труда. Для ее реализации необходима поддержка медиа, гражданского общества и тех политических сил, программы которых предполагают достижение гендерного равенства не на бумаге, а в реальных практиках.

Продвигается модель **«гендерного паритета в практиках заботы»**. Реализация этой стратегии возможна лишь с помощью проведения соответствующей социальной политики. Во-первых, она предполагает институциональную поддержку путем распространения таких форм занятости, как гибкий рабочий день, частичная занятость, надомная занятость, которые позволяют более эффективно совмещать занятость с семейными обязанностями для представителей обоих полов. В этом случае забота в основном осуществляется членами домохозяйства, но частично обеспечивается общественными фондами. Во-вторых, достижение равенства в практиках заботы базируется на продвижении модели «универсального работника», т. е. равную занятость членов семьи в сфере оплачиваемого труда и делегирование значительной части заботы рынку и государству. В-третьих, гендерный паритет подразумевает равный вклад партнеров как в бюджет домохозяйства, так и в повседневную заботу. Эта модель получает все большее распространение в Северной Европе. У нее есть сторонники и в России. Приверженцы такой стратегии критически относятся к тому, что воспитание детей в основном осуществляется женщинами: они обращают внимание на негативные аспекты эксклюзивно женского родительства и недостатка отцовского внимания (см. лекцию 6).

Реализация всех этих стратегий возможна лишь при наличии политической воли. Они осуществляются социальным государством под влиянием гражданских инициатив и женского движения.

Выводы

1. Гендерные исследования положили начало социологическому изучению заботы.
2. В центре внимания исследователей — практики заботы, которые в современном обществе превращаются в дефицит и сохраняют гендерный профиль. Предлагается критический анализ феминизации домашней и институционализированной профессиональной заботы.
3. Забота понимается как работа, включающая физические, когнитивные, эмоциональные затраты. Забота предполагает властные отношения, и практики ее реализации пронизаны конфликтами. Эмоциональный труд и личные доверительные отношения — ключевые параметры заботы.
4. Выделяются разные формы заботы в зависимости от ее локальности, типа отношений, темпоральности и статуса; забота может быть оплачиваемой или неоплачиваемой, домашней-интимной и профессионализированной, бюрократической и рыночной. Существующие типологии признаются недостаточными. Приоритет отдается изучению конкретных кейсов организации заботы, в которых задействованы разнообразные форматы.
5. В современном обществе работа распределяется между многими акторами и не исчерпывается неоплачиваемым домашним трудом женщин. В заботе принимают участие такие институты, как семья, общественные организации, рынок, государство, местное сообщество. Конкретные модели распределения практик заботы между различными институтами получили название режимов заботы. Они формируются под влиянием гендерных идеологий, социальной политики, общественных движений и рыночных механизмов.

6. Основным трендом современного общества является профессионализация заботы, которая приобретает две формы: бюрократизации и коммодификации. В условиях глобализации сервисов возникают транснациональные цепочки заботы, которые воспроизводят неравенство между обществами и классами. Благодаря делегированию заботы профессионалам, наемным работникам и социальным службам, нагрузка на семью снижается. Однако гендерные дисбалансы — феминизация заботы — сохраняются, и необходимы политические усилия государства и гражданского общества для их преодоления.
7. На философском уровне разрабатываются модели этики заботы. Забота рассматривается как эмпирический универсум и моральный принцип, предполагающий заинтересованное вовлеченное отношение к другому человеку, ответственность и готовность его поддержки в практических действиях. Забота в отношении зависимых людей — детей, пожилых, больных — рассматривается как конкретные проявления общих принципов гуманистического отношения к людям.
8. Феминистские исследования заботы ориентированы на нормативную модель — развитие ценностей демократической заботы, снижение пенальти заботы, ликвидацию брони, освобождающей от практик заботы, и главное — уменьшение гендерной асимметрии в осуществлении заботы.

Вопросы для повторения и обсуждения

1. Как исследователи объясняют феминизацию практик прямой заботы?
2. Какие возможности снижения пенальти родительской заботы предоставляет современное общество (на примере России)?
3. В чем заключаются и как объясняются тренды изменения режимов заботы в современном обществе?
4. Чем объясняется гендерный профиль глобальных цепочек заботы?
5. В чем слабость аргументов «модели материнских практик» в этике заботы?
6. Объясните, в чем заключаются принципы пациентизма и врачевания.

Основная литература

- Гиллиган К.* Место женщины в жизненном цикле мужчины // Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 166–187.
- Ткач О.* Уборщица или помощница? Вариации гендерного контракта в условиях коммерциализации быта // Здравомыслова Е., Роткирх А., Тёмкина А. (ред.) Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2009. С. 137–188.
- Чернова Ж.* Кто, о ком и на каких условиях должен заботиться? Гендерный анализ режимов заботы и семейной политики // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 3. С. 295–318.
- Daly M.* Care as a Good in Social Policy // Journal of Social Policy. 2002. N 31. P. 251–270.
- England P.* Emerging Theories in Care Work // Annual Review of Sociology. 2005. N 31(1). P. 381–399.
- Ehrenreich B., Hochschild A.* Global Woman: Nannies, Maids and Sex Workers // New Economy. New York: Metropolitan Press, 2002.
- Mol A.* The Logic of Care: Health and the Problem of Patient Choice. New York: Routledge, 2008.
- Rummary K., Fine M.* Care: A Critical Review of Theory, Policy and Practices // Social policy and administration. 2012. Vol. 46. N 3. P. 321–343.
- Tronto J.* Caring Democracy. Part I, Part II. New York: New York Univ. Press, 2013.
- Williams J.* Converging Variations in Migrant Care Work in Europe // Journal of European Social Policy. 2012. N 20(4). P. 363–376.

Лекция 11.

Гендерные различия, здоровье и медицина⁹

*Введение — Гендерные различия в отношении к здоровью —
Медиализация репродуктивного цикла женщины —
Медицина, врач и пациент: гендерное измерение — Выводы*

Введение

В учебники по здравоохранению включены такие разделы, как «заболеваемость женщин и детей» и подразделы «заболеваемость женского населения» (например, Лисицын 2010: 247–253). Женщины рожают детей в медицинских учреждениях, и в СССР всегда уделялось внимание охране здоровья «матери и ребенка» (Охранмлад), а в национальном проекте «Здоровье» 2010-х гг. разрабатывались специальные меры для улучшения медицинской помощи женщинам в период беременности и родов. Однако в отношении здоровья в целом и общество, и медицина, и исследователи долго оставались гендерно нечувствительными.

Статистические данные показывают, что женщины чаще обращаются к врачам, больше болеют, хуже оценивают свое здоровье,

⁹ Фрагменты данной лекции опубликованы в статьях «Врачам я не доверяю, но... Преодоление недоверия к репродуктивной медицине» (Здравомыслова, Тёмкина 2009); «Доверительное сотрудничество во взаимодействии врача и пациентки: взгляд акушера-гинеколога» (Здравомыслова, Тёмкина 2011а); «Гинекологи и пациентки в борьбе за дисциплину: медиализация контрацепции в современной России» (Тёмкина 2013); «Медиализация репродукции и родов: борьба за контроль» (Тёмкина 2014).

но — парадоксальным образом — живут дольше, чем мужчины. Эта тенденция характерна для всех современных обществ, включая Россию, где разрыв в показателях продолжительности жизни ярко выражен. Гендерные социологи, демографы и другие специалисты пытаются объяснить этот парадокс, обращаясь к анализу особенностей стиля жизни и конструирования маскулинности/феминности, рассматривая категории «здоровье мужчин» и «здоровье женщин». Исследователи описывают практики нормативной мужественности как рискованные для здоровья. Практики женственности в большей степени направлены на заботу о здоровье окружающих и своем собственном, в том числе из-за медиализации репродуктивного жизненного цикла женщины.

Медиализация — базовое понятие, позволяющее интерпретировать роль медицины в современном обществе как инструмент биополитики национальных государств, т. е. политики регулирования жизни (Фуко 1996, 2010). Медиализация становится важнейшим контекстом биополитического управления человеком и народонаселением. Биополитика оказывает влияние на размер и качество населения, на сексуальные отношения и репродукцию, родительство и семейные отношения, на здоровье и болезни, рождение и смерть. С одной стороны, усиление влияния медицины на жизнь людей позволяет уменьшить материнскую и детскую смертность, планировать беременность и контролировать деторождение, преодолевать негативные последствия бездетности и менопаузы, облегчить процедуру аборт и пр. С другой стороны, критики медиализации обсуждают негативные последствия возрастающей власти медицины и медиков в жизни человека и общества. Медики сопровождают рождение и смерть человека, медицинское видение влияет на представления о жизни, о сознании и теле. В XIX–XX вв. медицинский взгляд на явления и процессы обретает статус философии жизни: он формирует стандарты оценки качества человеческой жизни, предлагает технологии решения практических проблем. Критики считают, что с тех пор, как медицина стала престижной профессией и возобладали биомедицинская (научная) модель в интерпретации болезни (как временных органических изменений с определенной симптоматикой, требующих лечения), индивид оказывается подчиненным экспертам — носителям авторитетного знания (Lupton 1994; Annandale 2002 [1998]).

Эпоха поздней современности/постмодерна (конца XX — начала XXI вв.) рассматривается исследователями как реконфигурация экономических, организационных и политических условий, влияющих на состояние тела и здоровья. Увеличиваются социетальные и индивидуальные риски, воздействие на человека современных технологий. Люди все больше озабочены вопросами здоровья, «здоровым» стилем жизни (*health life style*), медицинская перспектива интегрируется в сферу питания, личной гигиены, практик курения и употребления алкоголя, спорта, совладания со стрессами и пр. Уменьшается граница между миром повседневности и миром экспертов. Регулирование здоровья, в том числе репродуктивного, проникает в ткань повседневности (Bury 1998). Тело и телесность все более становятся объектами воздействия и регулирования (пластическая хирургия, спорт, диеты, новые репродуктивные технологии и пр.) (Turner 2008). Радикально меняется роль медицины, воздействующей на идентичности и тела. Это происходит в контексте усиления социального неравенства, выражающегося в различии ресурсов и доступа к новейшим технологиям. Воздействие на тело и здоровье признано гендерным процессом, при этом сама категория гендера становится более сложной: исследователи, используя интерсекциональный подход, подчеркивают комплексное влияние множества структурных факторов на состояние здоровья.

Ученых интересует, существует ли гендерная специфика в институциональной организации медицины, социальных ролях и взаимодействиях врача и пациента, и в чем она проявляется — какова гендерная структура медицинских профессий, как влияет пол на способы коммуникации, проявляют ли женщины-врачи больше внимания к пациенту, оказывается ли больше (или меньше) внимания женщинам-пациенткам. Согласно классическому представлению о роли врача, она не должна подвергаться влиянию гендера, однако исследования показывают, что роли и взаимодействия гендерно окрашены. Пациент, согласно своей социальной роли, должен подчиняться врачу и медицинскому знанию, однако современные пациенты, в том числе в сфере репродуктивной медицины, все более овладевают информацией, становятся более требовательными и пытаются сделать свою позицию более равноправной.

Тематика гендерных различий в отношении к здоровью и медицине представлена в англоязычной литературе огромным числом публикаций и исследований (см., напр.: Kuhlmann, Annandale 2010; Lorber 1997). Эта тематика представлена во многих журналах, таких как «Социальная наука и медицина» (*Social Science & Medicine, SSM*), «Социология здоровья и болезни» (*Sociology of Health & Illness*), «Журнал здоровья и социального поведения» (*Journal of Health and Social Behavior*) и др.

Тематические статьи на русском языке представлены в онлайн-журнале «Демоскоп weekly», «Журнале исследований социальной политики», в рубрике «Социология медицины» журнала «Социс» и др. Вопросы гендерных различий и здоровья исследовались такими авторами, как Е. Баллаева (Баллаева 1998, 2001), О. Бурмыкина (Бурмыкина 2006), Н. Григорьева (Григорьева 2001, 2012), Д. Михель (Михель 2009а, 2009б, 2010, 2011), Н. Римашевская (Римашевская 2007), Н. Русинова, Дж. Браун и Л. Панова (Браун, Русинова, Панова 2007), Т. Чубарова (Григорьева, Чубарова, 2001), Л. Шилова (Шилова 2000) и др.

Нам необходимо оговорить ограничение текста лекции: мы опираемся в основном на теоретические подходы, разрабатываемые в Северной Америке и Европе, и исследования, осуществленные там же. Когда мы приводим примеры из исследований, проведенных в России, требуется постоянный учет особенностей контекста, который связан с государственной организацией медицины, накладывающей ограничения на автономность медицинской профессии, а также на взаимодействия врача и пациента и пр. (см.: Field 1957; Schecter 1992; о репродуктивной сфере см.: Rivkin-Fish 2005). Мы кратко проясняем особенности контекста, однако более подробное обсуждение национальных различий не входит в нашу задачу.

Основные понятия: • конструирование здоровья • продолжительность жизни • жизненный цикл • репродукция • медиализация • фармацевтизация • биополитика • взаимодействия врача и пациента • институциональная организация медицины • репродуктивные права • телесность • сексуальность • биомедицинский подход • риски для здоровья • деторождение • контроль.

1. Гендерные различия в отношении к здоровью

1.1. «Женщины больше болеют, но мужчины умирают раньше»

Статистические исследования и повседневное знание подтверждают тезис о том, что **женщины больше болеют, но мужчины раньше умирают** (на английском языке этот тезис звучит как поговорка: *Women Get Sicker, but Men Die Quicker*). Так называет главу книги «Гендер и социальное конструирование болезни» американский социолог Джудит Лорбер (Lorber 1997: 14–34; см. также: Annandale 2002 [1998]: 123–159). **«Женщины живут дольше, но оценивают свое здоровье хуже, чем мужчины»**, — указывают российские исследователи (Рамонов, 2011; см. также: Римашевская 2007; Браун, Русинова, Панова 2007; Тартаковская 2010b). В современном мире повсеместно фиксируются статистические различия продолжительности жизни и здоровья мужчин и женщин, особенно значительные в России. Так, ожидаемая продолжительность жизни когорты 2000 г. рождения в России составляет для мужчин 59 лет, женщин — 72,3 г.; когорты 2012 г. рождения: мужчины — 64,6 г., женщины — 75,9 лет (Ожидаемая продолжительность... 2014). Мужчины и женщины следуют гендерным моделям поведения и установкам по отношению к здоровью, что отражается на их показателях здоровья (Римашевская 2007: 20).

Исследователи описывают следующие различия между мужчинами и женщинами в отношении здоровья и болезней.

- Женщины составляют большинство клиентов медицинских сервисов, они чаще, чем мужчины, посещают врачей (White 2009: 134–137).
- Женская социализация в современном обществе делает женщин более адаптированными к роли больного, женщины чаще посещают врачей по поводу здоровья окружающих, сопровождая родных и близких, женщины чаще, чем муж-

чины, берут на себя обязанности по уходу за больными, они больше информированы в вопросах здоровья (см. обзор: Abbot, Wallace 1997: 165–170).

- Мужчины обращаются к врачам за медицинской помощью реже и на более поздней стадии болезни, они отказываются от тестов и проверок и в этом смысле являются «плохими» пациентами (см. обзор: White 2009: 149–152).
- Мужчины больше страдают от травматизма, суицида, стресса. Курение, злоупотребление алкоголем — эти практики, связанные с рисками для здоровья, более распространены среди мужчин (Lorber 1997: 32–33; Кон 2009b: 186–187).
- Женщины и мужчины по-разному переносят некоторые заболевания. Различаются показатели заболеваний: среди женщин более распространены хронические заболевания, которые не являются основными причинами смерти, а у мужчин — в большей степени те, которые несут непосредственную угрозу жизни (Чубарова, Григорьева 2001: 55).

Чем же объяснить эти различия (помимо биологических различий в репродуктивной сфере)? Исследователи предлагают следующие объяснения гендерных различий в показателях здоровья и практиках его поддержания (Бурмыкина 2006; см. также: Браун, Русинова, Панова 2007; Кон 2009b; Римашевская 2007).

Согласно **биомедицинскому** подходу, гендерные различия показателей здоровья являются биологически или генетически детерминированными. Опираясь на исследования демографов Б. Урланиса и В. Геодакана, О. Бурмыкина пишет: «например, гендерные различия в продолжительности жизни могут быть объяснены биофизическими различиями между мужчинами и женщинами, а именно тем, что мужчины менее “прочны” и более уязвимы, чем женщины. Жизнестойкость и адаптационные ресурсы женского организма связывают с поддержкой репродуктивной функции» (Бурмыкина 2006: 104–105).

С точки зрения **социомедицинского** подхода, различия «определяются разными социоструктурными позициями мужчин и женщин, а также поведенческими и психосоциальными факторами. <...> Обнаруживаются гендерные дифференциации в поведении

мужчин и женщин, характеризующем их стили жизни в здоровье; курение и потребление алкоголя — наиболее значимые детерминанты статуса здоровья для мужчин, тогда как низкая физическая активность — для женщин» (Бурмыкина 2006: 105). В логике **полоролевого подхода** различия в отношении здоровья объясняются нормами, предписаниями и ожиданиями: например, мужской роли предписывается рискованное поведение, опасное для здоровья, а женщине предписывается забота, в том числе о своем здоровье и здоровье близких (см. лекцию 4).

Один из вариантов социомедицинского объяснения различий в показателях здоровья мужчин и женщин, который далее находится в центре нашего внимания, опирается на принципы **социологического конструктивистского подхода**. Ниже мы рассматриваем, как связано конструирование маскулинности/фемининности и здоровье.

В середине 1980-х гг. гендерные различия стали признанным аспектом эпидемиологии, социологии медицины, феминистских исследований здоровья. Большая продолжительность жизни женщин в индустриальных странах и более интенсивные взаимодействия женщин с медициной связываются в числе прочего с **медиализацией репродуктивного цикла женщины**, которая будет рассмотрена далее. Репродуктивный цикл (беременность, роды, предохранение, аборт, менструации, менопауза и пр.) интерпретируется как требующий постоянного медицинского вмешательства или контроля. Эти тренды находят выражение в данных статистики и фиксируются при исследовании практик (White 2009: 134–137). Важной становится концептуализация того, как социальные процессы влияют на тела, а тела — на социальные процессы. Гендерные образцы репродуктивного поведения и таких социальных практик, как спорт, питание, работа и пр. способствуют созданию тел, для которых характерно определенное строение мускулатуры, кардиоваскулярная уязвимость, риски и пр. Социальные и культурные представления (интерпретация «нормальной» сексуальности, женского/мужского тела и его функций, здоровья/болезни, медицинское сопровождение репродуктивного цикла, взаимодействия врача и пациента в процессе лечения, идеология гигиены, внедрение новых технологий лечения и ухода за телом и пр.) влияют на

конструирование определенной телесности и телесного здоровья (см.: Михель 2000: 23–28).

Итак, исследователи дают два основных объяснения гендерным различиям здоровья и продолжительности жизни: женщины живут дольше потому, что они чаще взаимодействуют с медициной, их чаще проверяют и больше лечат в силу репродуктивных особенностей, и/или потому, что их гендерные практики больше способствуют сохранению здоровья. Надо отметить, что при этом у женщин существуют и особые риски, связанные с репродукцией, особенно в бедных странах: высокая смертность при родах и их осложнениях. Однако исследования не вполне подтверждают эти гипотезы. В результате, как утверждает Аннандейл вслед за другими авторами, «реально никто не знает, почему здоровье мужчин и женщин различно» (Annandale 2002 [1998]: 142).

Реакция на стресс: гендерные различия

Как показывают финские исследователи Илкка Пиетила и Марья Рютконен, в России 1990-х – начала 2000-х гг. и социологи, и обыватели были склонны объяснять проблемы физического здоровья граждан факторами стресса, который различается у мужчин и женщин. Разные исследователи выделяют стресс как важнейшую причину плохого состояния здоровья в России, обнаруживают, что в России гораздо чаще говорят о стрессе, чем в других странах, причины стресса видят в кризисных явлениях, а также отмечают, что разные группы людей по-разному реагируют на стресс. Пиетила и Рютконен интересовались тем, как стресс воспринимается в повседневности. Они обнаружили, что среди информантов – и мужчин, и женщин – распространены представления о том, что мужчины в целом находятся под воздействием более сильных и разнообразных стрессов, чем женщины, из-за своего положения в сфере занятости и той ответственности, которую они, согласно своей гендерной роли, несут за обеспечение и безопасность семьи. Установки и практики ответственного мужского поведения негативно влияют на показатели здоровья. Кроме того, информанты считают, что мужчины «по природе» более уязвимы в отношении стресса, они «биологически» менее адаптивны. Мужчины быстрее выгорают и умирают раньше. На это влияют и само-

деструктивные практики – вредные привычки (такие как чрезмерное употребление алкоголя), которые информанты связывают не столько с индивидуальным выбором, сколько с особенностями культуры. По контрасту, женщины считаются менее уязвимыми в ситуации кризиса, и соответственно, их здоровье меньше страдает. Гендерные различия рассматриваются как универсальные, т. е. распространяются информантами на всех мужчин и женщин, независимо от их социально-экономического положения, образования и профессии, этнической принадлежности (Pietilä, Rytkönen 2008a: 334–335, 2008b).

Пока одни исследователи ищут ответ на вопрос, как объяснить разницу в здоровье у мужчин и женщин, другие подвергают сомнению саму постановку такого вопроса. В постмодернизме дихотомия маскулинности и фемининности (как и других бинарных оппозиций) рассматривается как эффект дискурса. Институты медицины и государства через дискурсы (идеология здоровья и гигиены, медиализированное знание, гендерная идеология, семейная политика, политика в отношении здоровья, спорта, репродукции, сексуальных меньшинств и пр.) оказывают воздействие на реальные тела, способствуя тому, чтобы они становились «женскими» и «мужскими» (как они понимаются в этих дискурсах). Например, в спорте обоснованные медицинским дискурсом нормативы и телесные нормы различаются для женщин и мужчин; в большинстве стран медицинский и государственно-законодательный дискурсы определяют, подходит ли определенное тело для социальной роли «матери» (запрещая, например, усыновление детей в однополых парах или родителями после определенного возраста, суррогатное материнство, ограничивая ЭКО) и т. п.

В 1990–2000-е гг. в русле критики доминирующего в гендерных исследованиях здоровья противопоставления маскулинности и фемининности развивается интерсекциональный подход (Connell 2012a; Hankivsky, Cormier, 2009). Критики утверждают, что исследования различий здоровья мужчин и женщин исходят из упрощенной модели половой/гендерной дихотомии и таким образом эссенциализируются (Springer, Hankivsky, Bates 2012: 1662). Гендер более не рассматривается как центральное измерение неравенства,

происходит своего рода «децентрализация» этой категории (Hankivsky 2012). В исследованиях здоровья необходимо учитывать не только различия «женского» и «мужского», но и другие социально-экономические характеристики, оказывающие значительное влияние на показатели здоровья (экономический статус, стиль жизни, возраст, место проживания и пр.). В данном направлении идет поиск объяснений того, какие пересекающиеся факторы влияют на здоровье различных категорий мужчин и женщин, обладающих специфическим опытом, с учетом исторических и культурно-географических характеристик. Например, важен миграционный статус, особенно в социальных пространствах, где наблюдаются массовые миграционные потоки, например, в Канаде или в России. Здоровье мигрантов связано с опытом культурной изоляции, утратой идентичности, культуры, престижной занятости, а не только с сугубо биологическими обстоятельствами. Различается опыт женщин- и мужчин-мигрантов, принадлежащих к различным этническим группам.

Исследователи полагают, что на жизнь и здоровье людей оказывает влияние множество разных факторов, при этом постоянно возникают критические сомнения по поводу возможности учета всех этих факторов в исследованиях национального или международного уровня. Предполагается, что исследователи не должны изучать все факторы одновременно, но они должны объяснять, какие именно факторы и почему выбраны, а какие оставлены в стороне (см. лекцию 3). Например, Веенстра (Veenstra 2011) показывает, что, описывая состояние своего здоровья, канадцы южно-азиатского происхождения значительно больше жалуются на плохое здоровье по сравнению с белыми, а женщины жалуются больше мужчин, но лишь в незначительно степени, т. е. гендер оказывается менее значим, чем происхождение.

Исследование остеопороза: на пересечении расы и гендера

Американская исследовательница А. Фаусто-Стерлинг показывает, что биология пола форматируется культурой и потому подвержена трансформациям (Fausto-Sterling 2000, 2005, 2008). Согласно Фаусто-Стерлинг, тело, его анатомия и физиология не

являются фиксированными, напротив, они изменяются в течение жизненного цикла, реагируя на условия жизни. Социальный контекст производит биологическое в системе обратной связи между телом и социальным опытом. Автор демонстрирует эти эффекты на примере изучения связи остеопороза, пола, возраста и расы в зависимости как от гендерных и культурных норм, так и от биологических процессов (Fausto-Sterling 2005, 2008: 658). Она ставит под сомнение медицинскую трактовку прямой связи остеопороза с менопаузой и предлагает иные интерпретации различий изменения костей у мужчин и женщин и у разных групп женщин.

Суммируя результаты разных медицинских исследований, автор обнаруживает, что состояние костей обусловлено гормональным фоном, диетой, физическими нагрузками, генетическими факторами, витамином Д, эффектами кортизола, табака и алкоголя. Кроме того, на состояние костей влияют культурные практики. Например, культурное ограничение физической активности и доступа к солнцу у подростков из среды ортодоксальных евреев ведет к снижению плотности костной ткани в спинном сегменте позвоночника и увеличивает риск остеопороза (Fausto-Sterling 2005: 1491). При этом измерения, которые делают медики, сами находятся под влиянием разных социальных представлений. Медицинские представления связывают увеличение рисков остеопороза с менопаузой, оставляя без внимания влияние социокультурных факторов, которые могут определять разные диеты и нагрузки мужчин и женщин, принятые в разных гендерных укладах. Например, если принять во внимание то, что состояние костей связано с диетой, то обнаруживается влияние культурных и гендерных практик на слабость костей в некоторых группах молодых женщин, придерживающихся, согласно канонам красоты, строгих ограничений в питании. На состояние костной ткани влияет физическая активность и получение витамина Д (вырабатываемого под влиянием солнечного света), которые гендерно дифференцированы. Те женщины, которые в силу жизненной ситуации или культурных предписаний проводят много времени без солнечного света (без дополнительного приема витамина Д) при ограниченной физической активности, могут попадать в группу риска развития остеопороза. В целом, считает автор, необходим учет истории жизни и

различных систем, влияющих на развитие костей (Fausto-Sterling 2005: 1504–1515).

Противоречия существуют и при интерпретации расовых различий и самого термина «раса». Категория используется медиками просто по умолчанию как гетерогенная, хотя более значимым для состояния костей может быть индивидуальный генотип или регион проживания. Состояние костной ткани определяется социальными практиками, экономическим статусом, типом занятости, которые могут соотноситься с принадлежностью к расово определенной группе (например, в США). Однако медицинская литература по остеопорозу объединяет в понятие расы разные факторы (генетические, культурные, их совокупности) и не сообщает о том, что необходимо знать для лечения. Это касается и категории гендера (Fausto-Sterling 2005, 2008).

1.2. Конструирование гендера и здоровья

1.2.1. Патриархат и риски для здоровья мужчин

Центральное место в конструктивистских исследованиях здоровья мужчин занимает критический анализ маскулинности, включающий критику теории патриархатных половых ролей и социализации (Connell 2005 [1995]; Kimmel 1986; Messerschmidt 1993; Pleck 1987). Особое внимание уделяется исследованию модели **гегемонной маскулинности**, сопряженной с рисками для здоровья (см. лекцию 8; Connell, Messerschmidt 2006; Courtenay 2000; Sabo, Gordon 1995; см. обзор: Sabo 2005; Тартаковская 2010; Кон 2009b). С точки зрения американского исследователя В. Кортни, преобладающие в обществе представления и модели поведения по отношению к здоровью связаны с культурными верованиями и доступом к ресурсам. Верования предполагают то, что мужчины физически сильнее и потому менее уязвимы, чем женщины, что их тела более приспособлены к выполнению функций производительного труда, что обращаться за помощью и заботиться о здоровье — это женское дело. Ресурсом доминирующей конструкции маскулинности становится пренебрежение заботой о собственном здоровье, поскольку

последняя маркируется как признак женственности. Отрицая свои потребности в сфере здоровья, мужчины легитимируют себя как «сильный пол» (Courtenay 2000: 1397). Российский исследователь И. Кон пишет: «Гегемонная маскулинность и традиционная маскулинная идеология отрицательно влияют как на взаимоотношения мужчин и женщин, так и на мужское здоровье. Завышенные социальные и личные притязания (“мужчина должен быть всегда и всюду первым и главным”) и установка на силовое решение конфликтов (“настоящий мужчина всегда выступает с позиции силы”) способствуют формированию конфликтности и агрессивности, которые зачастую не соответствуют индивидуальным психофизиологическим особенностям и возможностям реального мужчины» (Кон 2008: 10).

В целом утверждается, что представления о правильной маскулинности и стремление им следовать диктуют образцы поведения, опасные для здоровья мужчин. Таким образом, патриархат является опасным не только для женщин, но и для мужчин. «Предупреждаем: мужская социальная роль может быть опасной для вашего здоровья» — афористичный заголовок статьи Дж. Хэррисон наилучшим образом проясняет эту критическую позицию (Harrison 1978; см. также: Annandale 2002 [1998]: 139).

Объяснение особенностей мужского здоровья принимает во внимание разнообразие моделей маскулинности. Исследователи обращают внимание на различия в показателях здоровья бедных и обеспеченных мужчин, а также взаимопересечение разных социальных характеристик, таких как раса, класс, сексуальная ориентация. В настоящее время в фокусе исследований мужского здоровья находятся вопросы потребления алкоголя и анаболических стероидов, ВИЧ/СПИДа, рака простаты, суицида, насилия и пр. Предпочтение отдается исследованиям не «мужчин» как гомогенной категории, а разных категорий мужчин. Различные группы мужчин занимают разное место в структуре гендерного порядка и по-разному испытывают его напряжение, возможности, ограничения или стигматизацию в обеспечении здоровья. Среди них статистические группы, выделяемые по самым разным признакам: подростки, геи и бисексуалы, бесплодные мужчины, спортсмены, жертвы сексуального насилия, цветные, мужчины в местах за-

ключения, мужчины, которые осуществляют заботу, и пр. (см. обзор: Sabo 2005; Courtenay 2000).

Исследователи отмечают, что происходят гендерные изменения, формируются новые модели маскулинности, для которых характерно не пренебрежение к здоровью, а самосохранительные практики. Современные мужчины все больше интересуются здоровьем, что заставляет критически отнестись к гегемонии маскулинности, «опасной для здоровья» (см. обзор: Pietilä, Rytönen 2008b: 1073).

Для исследования маскулинностей важны не только особые группы, но и различные культурные контексты. Так, в России избыточную мужскую смертность связывают не только с пьянством и стрессом (Shkolnikov et al. 1998), бедностью и культурой насилия, «но и с особенностями традиционной русской ментальности — нечувствительностью к факторам социального и личного риска и угрозы смерти» (см. Кон 2009b: 294).

Особое место занимают исследования спорта, маскулинности и здоровья. Их результаты не полностью подтверждают распространенные взгляды, отождествляющие занятия спортом со здоровым образом жизни. Напротив, спорт часто связан с рискованными практиками, употреблением наркотиков и алкоголя, с переживанием боли и телесными повреждениями. Мир спортивных достижений связан с авторитарной системой контроля, направлен на использование тела как инструмента для достижения цели. Предполагается, что препятствия на пути к ней должны преодолеваются, для этого, в частности, необходим навык систематического преодоления болевых ощущений. Мужчины, не способные совладать с болью, рискуют получить пейоративные ярлыки «слабака» и «бабы». Такая гендерная роль — узко инструментальна, и это характерно не только для мира спорта, но и в целом для отношения к работе в профессиональном и корпоративном мире, требующего максимального напряжения сил для достижения цели в условиях жесткой конкуренции (заметим, что в современном мире эти требования все более распространяются и на женщин). Спорт — это отражение того, что в целом требуется от мужских тел и отношения мужчин к здоровью. Мужчины, принадлежащие к субординированным классам и расовым/этническим группам, еще больше вовлечены в

практики, связанные с рисками для здоровья: имеют более опасные для здоровья виды занятости, чаще служат в армии, вовлечены в уличную преступность, попадают в тюрьму и активно утверждают себя через насилие (Sabo 2005: 316–317; Messner, Sabo 1994; Messner 2000 [1989]).

1.2.2. Здоровье женщин и биомедицинская модель

Гендерная социология, антропология и близкие к ней области исследования в 1970–1990-е гг. оказали существенное влияние на развитие академического интереса к изучению здоровья женщин (Ehrenreich, English 2005 [1978]; Lorber 1975; Ruzek 1978; Riessman 1983; Zimmerman 1987). Исследователи показывают, что **в основе организации здравоохранения лежат преимущественно эссенциалистские критерии**. Американский антрополог Марсия Инхор демонстрирует «проблему определения здоровья женщин» на примере крупнейшего Национального института здоровья в США. Она анализирует приоритетные направления исследований и показывает, что фокус делается на физиологические процессы, патологии и терапию. Специфика «женского здоровья» обозначается на генетическом, молекулярном, клеточном и функциональном уровнях, на уровне реакций на терапевтическое воздействие, она связывается с профилактикой хронических заболеваний, в целом доминирует биомедицинская модель, к которой социальные исследователи относятся критически (Inhorn 2006: 348–350).

На основе анализа более 150 современных этнографических/антропологических исследований, проведенных в самых разных культурных контекстах, посвященных здоровью женщин и учитывающих их взгляд (две трети работ опубликованы после 2000 г.), Инхорн делает вывод о том, что их результаты показывают картину, существенно отличающуюся от той, которая формируется в биомедицинской модели и системе здравоохранения. Она суммирует основные идеи:

- Существуют проблемы определения категории «женское здоровье»: то, как его определяют сами женщины, и то, что беспокоит их в своем здоровье, существенно отличается от

биомедицинского определения и подхода организаций здравоохранения.

- В жизни женщин актуальны разные аспекты здоровья, в то время как в биомедицинской модели происходит репродуктивная эссенциализация женской жизни, акцент во многом делается на способности женщин к воспроизводству.
- В антропологии женские тела рассматриваются как культурно конструируемые. Опираясь на работы Фуко и феминистскую критику биомедицины, в исследованиях анализируется контроль над телами и сопротивление контролю.
- Антропологи показывают, как происходит медиализация жизни женщин, выражающаяся прежде всего в патологии определенного опыта в ходе жизненного цикла, в показателях и стандартах оценки нормы здоровья, в усилении медицинского управления. Медиализация становится составной частью жизни женщин.
- Биомедицина в XXI в. все больше усиливает свое влияние на жизнь женщин. Женщины усваивают биомедицинскую модель репродукции. Одновременно существует и сопротивление биомедицине, например, повышается роль акушерок, некоторые женщины выступают за естественные роды и пр.
- Антропологи, изучая этномедицину (традиционную, народную медицину) как культурную систему, подчеркивают значимость взаимопомощи женщин, использование знаний и опыта сообщества для «производства здоровья в домохозяйстве».
- Патриархат оказывает существенное воздействие на здоровье женщин (и мужчин) (см. ниже).
- Существует потребность в этнографических исследованиях, которые принимают во внимание интерсекциональность расы, класса, гендера при рассмотрении состояния здоровья женщин.
- Этнографы показывают, как осуществляется вмешательство государства — агента с наибольшими объемами власти и

ресурсов — в здоровье женщин, например, при регулировании абортных или репродуктивных технологий.

- Женское здоровье политизируется, оно рассматривается как объект борьбы различных сил в обществе. Исследуются политики здоровья, социальный активизм (в т. ч. протесты), связанный с обеспечением здоровья.
- Значимыми являются локальные моральные миры (порядки), моральная подотчетность членов сообщества.
- Антропологи изучают женскую субъектность, то, как женщины переживают свой опыт беременности или бесплодия, использование НРТ и пр. (Inhorn 2006).

Медиализацию репродуктивной жизни женщин, контроль и сопротивление мы рассмотрим в отдельном разделе. Здесь мы покажем, как на социальную и культурную организацию репродуктивной сферы и женского здоровья оказывают влияние патриархатные структуры, государство и политика, локальные моральные порядки.

Патриархат влияет на здоровье на разных уровнях — от микроуровня семьи до уровня социальных институтов, государства и глобального порядка (Inhorn 2006). Примерами могут быть стигматизация бесплодных женщин или отказ признать и лечить мужчину как бесплодного. Другой пример — обязательное сохранение девственности при вступлении в брак и использование медицинской гименопластики для ее восстановления (примеры в Армении и Таджикистане см.: Тёмкина 2008). Еще один пример — избавление от ребенка нежелательного пола в Индии и Китае (Croll 2000; Inhorn 2006: 360) и пр. Патриархат заставляет замалчивать многие проблемы «телесного низа», женский телесный опыт, принижая его значимость.

Вмешательство государства и контроль репродуктивных процессов и здоровья чрезвычайно широки: это специальные программы поддержки «материнства и детства»; законодательный запрет на роды вне больницы; законодательство, ограничивающее или запрещающее аборт и доступ к контрацепции, НТР (новые репродуктивные технологии), суррогатному материнству; приоритеты бесплатного обслуживания и многое другое. Доступ к контрацепции и абортным ограничивается в курсе демографической

политики, направленной на повышение рождаемости. Гинекологи, признавая необходимость использования женщинами эффективной контрацепции, из-за институциональных барьеров не имеют возможности способствовать ее распространению и планированию репродуктивной жизни (см. Тёмкина 2013с, 2014).

При рассмотрении политик репродуктивного здоровья акцент делается на управление и контроль репродукции. Властные процессы структурируются и осуществляются в повседневности на локальном уровне, на уровне государства и других властных глобальных институтов (Ginsburg, Rapp 1991, 1995). **Политизация репродукции** имеет самую разную направленность — от политики одного ребенка в Китае до непризнания (или признания) однополорого родительства, отношения к несовершеннолетним матерям или бесплодию, гражданского активизма, связанного с абортами.

Локальные моральные миры (Kleinman 1995) определяют решения, в которых задействован моральный аспект. Рианна Рэпп, например, показывает, как осуществляется выбор — прерывать или сохранять беременность — в контексте американского морального порядка на основе пренатальных генетических тестов (Rapp 1999). Религиозный императив права на жизнь не помогает решить проблему совладания с рутинной заботой о ребенке-инвалиде, и перед религиозными женщинами встает сложный моральный выбор. Женщины выступают своего рода «моральными первопроходцами», поскольку именно им приходится первыми осознавать моральный конфликт религиозных систем верований и мира современной науки и новейших технологий, решая разнообразные моральные дилеммы, например, узнав о дефектах плода или бесплодии мужа (Rapp 1999; Inhorn 2006: 365).

В настоящее время сторонники интерсекционального подхода считают категорию «женское здоровье» проблематичной, поскольку она закрепляет эссенциалистское и упрощенное видение дихотомических (патриархатных) гендерных различий и фокусирует внимание на репродуктивном здоровье (в том числе в институциональной форме, например в женских консультациях). Признается значимость социальных, культурных, экономических и политических контекстов, формирующих разнообразные паттерны здоровья и отношения к нему.

1.3. Биовласть и медиализация

Медиализация является важнейшим концептом осмысления жизненного цикла и здоровья, в том числе в гендерном измерении. Концепт связан с анализом роли медицины как института/дискурса социального контроля/власти и биополитики. Данное понятие возникает в социологии в 1970-е гг. в контексте критики усиления медицинского влияния на разные области социальной жизни (Conrad 1975, 1992; Conrad, Schneider 1980; Freidson 1970; Illich 1976; Zola 1972).

Одним из первых авторов, использовавших данное понятие, был американский социолог И. Зола. Он развивает положение Фрейдсона о том, что медицина стремится обозначить как болезнь (патологизировать) все, что возможно, независимо от способности эффективно лечить обозначаемое явление (Freidson 1970: 251), и говорит о «медиализации общества» (Zola 1972). Автор, на протяжении нескольких десятилетий исследовавший данный феномен, американский социолог Питер Конрад (Conrad 1975, 1992, 2005, 2007; Conrad, Schneider 1980 и пр.), пишет: **медиализация** предполагает «определение проблемы в медицинских терминах, использование медицинского языка для описания проблемы, применение медицинских рамок для понимания проблемы или использование медицинского вмешательства для ее “лечения”» (Conrad 1992: 211).

Российский антрополог Д. Михель суммирует: «под медиализацией имеют в виду две вещи: растущую **власть медицинских институтов** в обществе, вследствие чего они выполняют не только функции лечения и профилактики, но и социального контроля, и **усвоение населением представлений** профессиональных медиков, благодаря чему некоторые социальные проблемы начинают трактоваться как особого рода болезни или патологии» (Михель 2009а: 293, см. также: Михель 2000, 2010, 2011). Причина широкого распространения медицинского определения социальных проблем рассматривается в контексте крупномасштабных социальных из-

Медиализация — процесс определения социальных феноменов как патологических и/или попадающих под юрисдикцию медицины.

менений, таких как рационализация и секуляризация общества, с одной стороны, рост престижа и эффективности медицинской профессии — с другой (об отношении к изменению роли медицины см.: Михель 2009b: 303–306, 2011).

Принимая во внимание идеи Фуко (1998 [1973], 1999 [1975], Конрад описывает особенности профессионального «медицинского взгляда», представляющего собой «особый вид социального контроля, в рамках которого врачи могут легитимно требовать от людей исполнения действий, предписанных им медиками» (Conrad, 1992: 216). В традиции, заданной Фуко, медицина (как знание и институты) осмысливается как историческая форма социального контроля через определение болезни и лечения (Фуко 2006). Медицинское знание — продукт модернизации XVIII–XIX вв. — предполагает развитие административных структур, контролирующих общественное здоровье (Фуко 1998). То, что человек знает о болезни и лечении, с точки зрения Фуко и его последователей, порождено историей становления медицины и властными дискурсами, а не открытием истинного знания о теле.

Осуществляемая медициной при поддержке государства **био-власть (биополитика)** — это регулятивная власть над жизнью индивида и населения. Биополитика населения «центрирована вокруг тела-рода, вокруг тела, которое пронизано механикой живого и служит опорой для биологических процессов: размножения, рождаемости и смертности, уровня здоровья, продолжительности жизни, долголетия» (Фуко 1996: 243–244, 2010). Политическая власть осуществляет заботу о биологической жизни социального тела, техники контроля индивидуального тела интегрируются в биополитические техники, контролирующие стандартизированные массы тел или статистические — усредненного человека (Padovan 2003: 473).

В конце XX в. расширяется терминологический аппарат, описывающий медицинскую интервенцию в жизнь человека. Под **биомедикализацией** понимают многоуровневые, разнонаправленные процессы медиализации, которые расширяются и реконструируются через эмерджентные формы и практики технонаучной (термин Б. Латура, см.: Latour 1987) биомедицины. Использование приставки «био» в некоторых случаях подчерки-

вает трансформацию различия человеческого/нечеловеческого, которая становится возможной благодаря технонаучным инновациям, таким как молекулярная биология, биотехнологии, геномизация, трансплантология и новые медицинские технологии (Clarke et al. 2003: 161–162; Clarke, Olesen 1999). Пациент превращается в потребителя, технонаука делает возможным трансформацию самой жизни, предлагая биомедицинские решения проблемы, от бесплодия до лечения генетических пороков развития.

Используется концепт **фармацевтикации** для того, чтобы подчеркнуть усиливающееся влияние на здоровье и стиль жизни фармацевтических средств (Abraham 2010). Производители лекарств все больше колонизируют профессию, влияя на производство знания через развитие моделей болезни и их лечение (Timmermans, Oh 2010; Conrad 2005: 5).

Концептуальная и клиническая экспансия биомедицины обеспечивается механизмами коммодификации здоровья, мониторинга рисков, использованием инновативных диагностических тестов и лечения с помощью новых препаратов. Технологии пронизывают повседневность, создавая новые идентичности и телесности. Биомедицина стратифицирована, создаются элитные рынки медицинского сервиса по аналогии «бутика» (Clarke et al. 2003). Биомедицина изменяет конфигурацию репродуктивной сферы через новые технологии, новые материнские и отцовские идентичности, новые риски (например, по генетическим показателям) и новые возможности. Меняется отношение к телу. Не ожидается, что тела целостны, допускается множественность норм, которые может реализовывать медицина (Martin 1994). Тела могут реконструироваться, переделываться в различных целях, включая создание новых идентичностей, например, гендерных. Фокус в целом смещается от болезней к стилю жизни.

Женские и мужские тела медиализируются по-разному. Женщины как особая категория в сфере общественного здоровья определяются в первую очередь через связь с репродуктивной сферой, с особым женским опытом — беременностью, родами, менструациями, менопаузой, бесплодием и пр. Репродуктивные процессы женщины медиализируются и обозначаются медици-

ной как «патологические», они рассматриваются как подлежащие контролю и управлению (Riessman 1983; Fausto-Sterling 1992). Мы далее используем понятие **репродуктивного жизненного цикла** (см.: Михель 2010: 45–54), медикализация которого означает, что менструации, зачатие, беременность, роды, менопауза, и пр. становятся сферой медицинской экспертизы и регуляции.

Медикализации подвергаются функции мужского тела и аспекты здоровья (см., напр.: Conrad 2007; Kampf, Marshall, Petersen 2013; Potts 2000; Riska 2004; Rosenfeld, Faircloth 2006). Сама медицина описывается как маскулинизированная, поскольку мужчина выступает образцом анатомии тела, а женщины появляются в учебниках, только когда речь заходит о репродукции (Rosenfeld, Faircloth 2006). Исследователи показывают, как конструируется «универсальный пациент» (по умолчанию мужского пола), выявляют особенности заболеваний и их протекания, восприятие их мужчинами. Мужские тела медикализируются как сексуальные, стареющие и пр. Мужская сексуальность, при условии использования виагры (результат фармацевтикации), конструируется как привилегированная (не ослабевающая, «всегда готовая») и покупаемая (Rosenfeld, Faircloth 2006). Медикализация потенции происходит в сексологии (см., напр.: Тёмкина, Роткирх 2011). Старение медикализируется в конструкции андропаузы или облысения. Российские авторы показывают медикализацию мужественности в санитарно-гигиеническом дискурсе (Соколова 2010), мужской сексуальности — в популярном дискурсе (Ваньке 2011).

ИТАК, какие выводы мы можем сделать, рассмотрев гендерные различия в отношении здоровья?

- Гендерные различия в отношении к здоровью и продолжительности жизни объясняются различными факторами: биомедицинский подход объясняет различия как биологически или генетически детерминированные; социомедицинский — социоструктурными позициями, ролями и стереотипами мужчин и женщин.
- Под влиянием постструктурализма и критики биомедицинского и узкого социомедицинского подходов соотношение категорий

гендера и здоровья претерпевает изменения. Признается необходимость рассмотрения множественных категорий, которые связывают гендерные различия и здоровье, анализа не только культурных, но и материальных процессов производства телесно воплощенного здоровья. Интерсекциональный подход направлен на анализ множественных контекстов неравенства в отношении здоровья, таких как миграционный статус, раса, класс, география и пр. Эти факторы взаимосвязаны в своем влиянии на жизненные шансы, стили жизни и здоровье.

- Центральное место в конструктивистских исследованиях здоровья мужчин занимает критический анализ маскулинности. Низкая продолжительность жизни мужчин связывается с нормативными представлениями о мужской роли и практиками, которые являются более рискованными для здоровья, чем соответствующие женские. Позиции различных социальных групп и принадлежность к различным культурным контекстам производят различия в содержании и интенсивности рисков.
- Осуществляемая медициной при поддержке государства биовласть (биополитика) — это регулятивная власть над жизнью индивида и населения. Происходят процессы (био)медикализации, фармацевтикации, имеющие также гендерное измерение.
- «Женское здоровье» в биомедицинских моделях предстает в первую очередь как связанное с репродуктивной функцией (функцией деторождения) и контролируемое биомедициной. Антропологи показывают, что сами женщины понимают свое здоровье иначе, хотя медикализация становится составной частью их жизни.
- Мужское здоровье наиболее активно медикализируется в таких аспектах, как сексуальное здоровье и возрастные изменения.
- Здоровье как категория конструируется под влиянием патриархата, государства, локальных моральных миров, множественных систем неравенства.

2. Медикализация репродуктивного цикла женщины

2.1. Репродукция и медицина

Репродуктивный опыт женщин не может быть понят в отрыве от широкого социального контекста. На репродуктивный опыт оказывают влияние государство, религия, медицина, программы планирования семьи, новые репродуктивные технологии, социальные движения и социальные сети, т. е. биополитика в целом. Опыт репродукции интерпретируется в контексте биовласти — контроля и сопротивления (Ginsburg, Rapp 1991: 311–312).

Организация репродуктивного здоровья, деторождения и заботы о детях рассматривается в контексте социального неравенства: она создает преимущества для одних групп женщин и недостаточно помогает другим (например, женщинам с генетическими заболеваниями или пороками развития плода) (Ginsburg, Rapp 1995). Репродукция обсуждается в категориях индивидуальных прав и специфических прав женщин; включает понятие репродуктивных прав и организацию акушерства и гинекологии, на что делают акцент многие российские авторы (Римашевская 2007: 151–171; Григорьева, Чубарова 2001: 78; Баллаева 1998, 2001).

Одна из первых гендерных социологов, обратившаяся к этой теме, — Кэтрин Риссман (Riessman 1983). Медикализация репродуктивного цикла рассматривается на примере родов, репродуктивного контроля (контрацепции и абортов), предменструального синдрома, регулирования веса и психологического стресса. Как считает Риссман (1983: 9), интересы женщин и врачей в отношении контрацепции на определенном этапе совпали, и в целом битва за репродуктивные права была выиграна женщинами. Однако это, в свою очередь, приводит к медикализации технологичных видов контрацепции, которые все более контролируются врачами.

Риссман описывает аборты как «медицинское событие», характерное для современного общества (Riessman 1983: 8–9). До

этого времени женщины пользовались различными немедицинскими средствами прерывания нежелательной беременности. Риссман рассматривает дискуссию об абортах в контексте медицинской, классовой и гендерной власти, т. е. анализирует, кто и каким образом может влиять на изменение законов. Врачи были центральными фигурами переопределения аборта как социальной проблемы со второй половины XX в. и его декриминализации (см. также: Lupton 1994: 149–141; Clarke, Montini 1993: 64–66). В XX в. появляются средства эффективного предохранения, становится доступной акушерско-гинекологическая помощь, позднее — различные вспомогательные репродуктивные технологии. Медицина помогает расширять возможности индивидуального репродуктивного выбора, уменьшать детскую и материнскую смертность, получать информацию о генетических заболеваниях и пороках развития и пр. Регулирование репродуктивного поведения во многом становится вопросом личного выбора, и медицина занимает в обеспечении этого выбора центральное место. Важной является гендерная структура сообщества, которая задает способы контроля женской репродукции — ответственность может возлагаться на саму женщину, на мужчину, на медицину, на несколько взаимодействующих акторов (Davis-Floyd, Sargent 1997; Russell, Sobo, Thompson 2000; см. обзор: Михель 2010: 80–83). Исследователи подчеркивают, что женщины не являются пассивными объектами медицинских воздействий, они активно участвуют в конструировании медицинских определений и переводе жизненного опыта на язык медэкспертизы (Riessman 1983: 3).

Медикализация, с этой точки зрения, воспринимается как отвечающая потребностям женщин. Женщины во многом положительно относятся к медикализованному дискурсу и практикам, усваивают соответствующие представления, например, в отношении контрацепции или использования анестезии при родовспоможении. Не все женщины относятся подозрительно к новым технологиям, напротив, часто они воспринимают последние как способы решения репродуктивных проблем, например, бесплодия или лесбийского родительства, когда врачи могут помочь женщинам реализовать их намерения стать матерями (Lock 2001: 481–482; см. также: Lock, Kaufert 1998).

2.2. Критика медиализации и женское движение

Критики рассматривают медиализацию как механизм патологизации женского тела, подчиняющий его профессиональному знанию и биополитике. Медиализация трактуется в первую очередь как утрата возможности женщинам самим влиять на свою жизнь, как контроль тела на протяжении всего репродуктивного цикла (Lupton 1994). Особое внимание исследователи обращают на ключевое событие репродуктивной жизни — роды — и на родовспоможение (см. далее). Утверждается, что медицина позиционирует женский опыт как объект постоянного наблюдения (Fausto-Sterling 1992; Riessman 1983). Репродуктивные процессы интерпретируются как патологии, которые нуждаются в научной экспертизе и управлении (Davis 2007; Ehrenreich, English 2005 [1978]). Как показывают Эренрейх и Инглиш, во второй половине XIX в. медицина определяла женщин среднего класса как чувствительных, слабых, больных и зависимых, «инвалидизировала» их. Репродуктивные функции — менструации, беременность, роды — рассматривались как патологии (Ehrenreich, English 2005 [1978]: 122–123). От репродукции женщину освобождает только менопауза, которая описывается в литературе как терминальная болезнь, «как смерть женского в женщине» (Ehrenreich, English 2005 [1978]: 123). С 1920-х гг. женский организм и поведение женщины описываются на языке гормонов (эстрогенов), действие которых и гинекологи, и психиатры связывают с повышенной эмоциональностью и склонностью к эмоциональным стрессам. В 1950-е гг. дисменорея, сильная боль при родах, нерегулярные менструации, бесплодие, токсикозы связываются с «незавершенной женственностью» (*incomplete feminization*) и подлежат медицинскому контролю и лечению (Ehrenreich, English 2005 [1978]: 301–303). Женщины в медицине рассматривались как тождественные своей биологической судьбе.

Феминистские исследователи и активисты осознают контекстуальность западной медицины и стремятся преодолеть ограничения, с которыми сталкиваются женщины в своем репродуктивном опыте. Исследователи начинают интересоваться обыденными представлениями о здоровье (*lay health belief*), внимание фокуси-

руется на том, как люди поддерживают свое здоровье, как меняется граница между профессиональным и бытовым знанием (Lawton 2003; Nettleton 2006).

Для развития альтернативных представлений о женском здоровье и способах лечения большое значение имела популярная вплоть до настоящего времени книга «Мы сами и наше тело» (Мы сами и наше тело 2007; оригинальное издание: *Our Bodies, Ourselves* 1971; в 2011 вышло 9-е издание), цель которой — предоставить женщинам в доступной форме информацию о здоровье и теле, включая беременность, роды, менопаузу, контроль над деторождением, сексуальное здоровье, сексуальную ориентацию, насилие и пр. Эта книга, наряду с книгой Барбары Эренрейх и Деирдре Инглиш «Для ее собственного блага: 150 лет экспертных советов женщинам» (Ehrenreich, English 2005 [1978]), в популярной форме продемонстрировала связь медицины с угнетением и освобождением женщин и имела большое значение для развития движения здоровья.

Эренрейх и Инглиш (Ehrenreich, English 2005 [1978]) показывают, как забота о здоровье и благополучии женщин перешла в руки экспертов, среди которых медики играли важнейшую роль. Трансформировались концепции и подходы, но женщина оставалась объектом воздействия и контроля до тех пор, пока женское движение 1960–70-х гг. не изменило ситуацию. Как пишут авторы примерно через тридцать лет после выхода первого издания книги, в конце XX в. бывшие пассивные пациентки становятся клиентками и гражданами, которые активно участвуют в принятии решений медицинского характера. Претерпевает изменения и медицинская профессия, а также позиции медицинских сестер и акушерок.

Исследователи изучают женские движения за обеспечение здоровья (*women's health movement*) и их влияние на систему здравоохранения и политическую повестку дня современного феминизма (Kuhlmann 2009; Ruzek 1978; Morgen 2002). Основными формами движения были группы самопомощи и роста сознания (см. также лекцию 12), которые способствовали развитию сетей и новых моделей обеспечения здоровья. Возникшие тогда центры здоровья стали носителями феминистской идеологии, их деятельность была направлена на обеспечение интересов женщин — как клиенток, так и сотрудниц (первоначально — волонтеров). Организации стреми-

лись поддерживать горизонтальные коллегиальные структуры, коллегиальное управление и пр. В 1980-х гг. центры здоровья получают широкое распространение как альтернатива существующей системе здравоохранения в западных странах (Looker 1993); в 1990-е они занимаются организацией родов, ориентируясь на необходимость обслуживать женщин с учетом их индивидуальных потребностей, предоставляя им репродуктивный выбор (Thomas 1999). Получают распространение движения за альтернативные роды, работающие на принципах «естественного» деторождения и «производства здоровья в домашних условиях» (Inhorn 2006: 358–359).

Такие низовые проекты разрушали незыблемые границы между пациентами и профессионалами, инициировали общественные обсуждения здоровья. Требования женщин повлияли на процесс модернизации здравоохранения, на переопределение прав и компетенции пациентов как ответственных граждан, в конечном счете — на формирование пациент-ориентированного подхода в медицине. Изменился статус альтернативной терапии и различных медицинских профессий, изменились индикаторы качества обслуживания. Новые критерии профессионализма медиков связаны с признанием важности коммуникации, консультирования и профилактики. Феминистские подходы, влияя на политику здравоохранения, изменяя медицинскую профессию, способствовали расширению участия потребителей, сотрудничеству, информированию и в целом улучшению заботы о здоровье и мужчин, и женщин (Kuhlmann 2009). Изменились медицинские стандарты и протоколы, в которые, в частности, были включены женские болезни сердца и рак молочной железы. Изменились требования к врачам. Так, при назначении гормонов врачи разъясняют не только их действие, но и побочные эффекты. Изменилось отношение к некоторым медицинским процессам. Так, под сомнение поставлено отождествление менопаузы с болезнью, эффективность и безопасность ее лечения (Ehrenreich, English 2005 [1978]: 347–351).

Институциональные изменения в сфере репродуктивного здоровья не остаются без критики. Возникшие в 1970-х гг. феминистские по своей идеологии центры женского здоровья становятся бюрократизированными коммерческими структурами (Thomas 1999). Исследователи обращают внимание на то, что центры, уч-

режденные при больницах, располагающие набором сервисов и программ репродуктивного здоровья, диагностического оборудования, образования, SPA- и косметического сервиса, под влиянием потребительского спроса женщин постепенно утрачивают феминистский пафос раннего периода (Thomas, Zimmerman 2007).

2.3. Деторождение: медикализация и критика

Медикализация репродуктивного жизненного цикла означает то, что роды не являются автономным опытом женщин, а становятся сферой медицинской экспертизы (Davis-Floyd 1992; Oakley 1984; Rothman 1989 и др.). Процесс беременности и деторождения как специальный объект попадает в поле зрения исследователей только начиная с 1970-х гг., когда под влиянием феминизма стремительно растет интерес социальных исследователей к практикам родовспоможения (Davis-Floyd 1996: 123; Fox, Worts 1999: 327).

С точки зрения феминистской критики 1980–1990-х гг., больничные роды выступают одним из главных признаков медикализации и патологизации репродуктивного опыта женщин. Исследователи показывают уязвимость женщин, к которым медицина относится как к стандартизированным объектам, игнорируя их индивидуальные потребности и жизненные условия. Феминистские исследователи подчеркивали, что в медицинском учреждении устанавливаются жесткие правила поведения пациенток во время родов, предполагается, что они пассивны, не имеют возможности контролировать ситуацию и принимать решения, должны выполнять только то, что требуют компетентные врачи (Lupton 1994: 148). В результате такого стандартизированного подхода «значение родов для женщин трансформировалось от человеческого опыта к медико-технической проблеме» (Reissman 1983: 6).

Происходит «колонизация деторождения медициной». Акушеры-гинекологи относятся к женщинам как к больным, которым предписываются наблюдение и многочисленные визиты к врачу во время беременности, которая, как и роды, оценивается врачами как медицинское состояние. «Люди более не отвечают за свое здоровье, болезни, рождение и смерть, — пишет феминистский социолог Э. Оукли. — Доктора — это их спасители, они сотворят чудеса, они

механики и культурные герои. Они взяли ответственность за все болезни, и за все то, что получает название болезни, в частности за деторождение» (Oakley 1979a: 15–18). При этом существуют различия между медицинским взглядом на беременность и роды и тем, как воспринимают сами женщины репродуктивный опыт, делающий их матерям (Oakley 1980, 1981a, 1981b; см. также: Reissman 1983: 7).

Антропологи, проводя исследования в различных контекстах, доказывают, что медицинская модель не является единственной как в западных, так и в незападных обществах (Davis-Floyd 1992; Davis-Floyd, Sargent 1997; Ginsburg, Rapp 1991; Jordan 1993 [1978]). Отношение к домашним и больничным родам, медицинскому вмешательству, технологиям (включая анестезию), ожиданиям от женщины и ее окружения, интенсивности неонатальной заботы и пр. существенно различается в разных культурах и социальных слоях (см. обзор: Ginsburg, Rapp 1991). Роды связаны с разными формами авторитетного знания, т. е. знания «легитимного, последовательного, достойного дискуссии, полезного для оправдания действий людей, вовлеченных в выполнение определенной задачи», пишет антрополог Бригитт Джордан (Jordan 1987: 39; 1993: 152–154; см. также: Михель 2010). Медицинское знание как «авторитетное» («истинное», «научное») связано с профессиональной позицией врача во время родов. Однако существуют и альтернативы. Авторитетное знание может не приписываться одному агенту (медицине в индустриальных обществах), а равномерно распределяться между всеми участниками взаимодействия, что характерно для менее технологизированных моделей (Jordan 1987, 1997).

Антрополог Робби Дэвис-Флойд критикует **технократическую модель деторождения**, в которой преобладает авторитетное знание медиков и использование различных технологий (Davis-Floyd 1992, 1996). Технократическая парадигма относится к женскому телу как к несовершенной машине, которая не может произвести ребенка без профессиональной помощи. Деторождение рассматривается как тождественное болезни и становится «больничным событием», в которое необходимо осуществлять разнообразное инвазивное вмешательство. В технократической модели исчезает поддержка семьи и социального окружения. Дэвис-Флойд объясняет, что задача различных ритуалов в госпитале, организующих меди-

кализованное деторождение, — социализировать женщину в соответствии с культурными верованиями, включая верования в превосходство технологий, которые поддерживают чувство контроля над непредсказуемой ситуацией. В результате также усваивается доверие к медицине и технологии (Davis-Floyd 1992; см. также: Davis-Floyd 1996). В языке медицины в современных западных обществах преобладают механистические метафоры тела-машины, женское тело рассматривается как производящее гормоны, яйцеклетки, менструации, детей. «Производство» должно подчиняться определенным правилам. «Подобно менеджерам на производстве, американские доктора стали требовать от женщин производить свой продукт — детей — быстрее. В больницах США к середине 1980-х гг. установилась норма, в соответствии с которой через два часа после раскрытия матки ребенок должен появиться на свет. По прошествии этого времени доктора начинали прибегать к вмешательству — либо использовать акушерские щипцы, либо выполнять кесарево сечение» (Martin 1992 [1987]; цит. по: Михель 2010: 70). Для индустриального мира характерна механизация и стремление к повышению эффективности родов, что и сделало женщину аналогом машины, а роддом превратило в подобие фабрики.

Деперсонализация женщин в системе родовспоможения и стратегии сопротивления

Антрополог Т. Щепанская (Щепанская 1999) исследовала в 1990-х гг. в Москве и Санкт-Петербурге восприятие женщинами системы родовспоможения. В описаниях женщин устойчиво повторяются такие выражения, как «поволокли меня», «ворочают», «переворачивают, то вот так, то вот сяк», «накололи препаратами», «отвезли», что указывает на объектную, пассивную позицию женщин. Такие властные отношения поддерживались в рассказах женщин метафорами деперсонализации («смерть», «безумие», «звериность») для описания своего поведения и его восприятия медицинским персоналом. Предполагается, что женщина как личность исчезает (метафора смерти). Ассоциация беременности с безумием подчеркивает то, что состояние роженицы отклоняется от нормы, также как анималистичные метафоры соотносят женское поведение с нечеловеческим, с отчуждением тела от личности. Автор показывает,

что система пресекает активность женщины: ее движение, речь, вопросы. Телу надлежит быть пассивным и послушным. Женщине надлежит усвоить те культурные нормы, которые приравнивают беременность к болезни, приближаясь к образу идеальной пациентки — пассивной и безличной. Женщины говорят о стратегиях «запугивания», которые используются по отношению к ним в процессе беременности (см. также: Здравомыслова, Тёмкина 2009а), и обмениваются своими страхами друг с другом.

Однако существуют и механизмы сопротивления власти. Щепанская называет их разрушением статуса пациентки, отрицательным маркированием институциональной организации; демонополизацией институционального знания. В первом случае женщины подчеркивают благополучность и нормальность процесса родов. Другой механизм — отрицательное маркирование института родовспоможения и медицинских работников: женщины отказываются от обследований и назначений, подчеркивают «врачебные ошибки» или неправоту врачей, тем самым понижая статус медиков и дискредитируя их знание и противопоставляя ему свое собственное. Еще один вариант — женщины обращаются к альтернативным авторитетам — к повитухам, к женщинам, имеющим большой опыт, к своей матери (см. также: Бороздина 2010; Пивоварова 2013). Добавим, что женщины также используют стратегии коммерциализации и персонификации отношений с медицинским персоналом в роддомах. Заметим, что в 2010-е гг. в России ситуация в родовспоможении меняется в сторону более пациент-ориентированного подхода, особенно при оказании платных медицинских услуг.

С конца 1970-х гг. в индустриальных обществах развиваются альтернативные подходы к практикам обеспечения здоровья, движения за повышение образования граждан в сфере репродукции, за безопасные альтернативные, домашние или естественные роды. Возрастает роль акушерок в родовспоможении, как внутри, так и вне медицинских учреждений. Процессы ослабления медиализации описываются в терминах социальных, естественных, холистических, акушерских, домашних и пр. моделей (Brubaker, Dillaway 2009; Davis-Floyd 1996, 2001; Graham, Oakley 1986; Simonds, Rothman, Norman 2007). Практики «естественных» немедицизованных родов получают все большее распространение, варьируя от родов

в больнице без применения анестезии, родов через естественные родовые пути, родов, которые ведет акушерка, до отрицания любого медицинского вмешательства (Mansfield 2008: 1084, Бороздина 2014). Для некоторых женщин роды с акушеркой или домашние роды становятся альтернативой больничной среде, отождествляемой с конвейерным фордистским производством (Miller, Shriver 2012: 710; Brubaker, Dillaway 2009: 36–37).

Исследователи отмечают рост притязаний современных женщин, которые стремятся иметь больше контроля над родами, повышая долю своего участия. Они считают, что использование технологий приводит к рискам, все больший авторитет приобретает «внутреннее знание», интуиция и компетенции специально подготовленных акушерок или иных помощников, помогающих природному процессу деторождения, а не медицинские технологии. Дэвис-Флойд и другие авторы называют такую модель **холистической**. Ее характеризует представление о теле как о целостной энергетической системе, когда признается единство женщины и ее помощника в деторождении, ответственность и власть разделяют все участники процесса, технологии не должны вмешиваться в процесс, а только поддерживать его (Davis-Floyd 1996: 150; Davis-Floyd 2007).

В рамках сопротивления медицинско-технологической гегемонии центральной фигурой родовспоможения становится не врач-гинеколог, а акушерка (Riessman 1983: 7) или иной помощник на родах. Ее участие необходимо при организации естественных родов и для помощи женщине, при этом ее роль может существенно варьироваться. Профессионализация и переоценка компетенции акушерства считается наиболее очевидным следствием изменений в родовспоможении в конце XX в. (Bourgeault et al. 2004; De Vries 1996, De Vries et al. 2001). Дэвис-Флойд изучает роль в современном мире акушерства, трансформация которого представляет собой не столько «возврат к традиции», сколько новые комбинации традиции и прогресса, лавирование между «биомедициной, холистическими и альтернативными подходами, традиционным акушерством» (Davis-Floyd 2007: 709).

Под влиянием женских движений, движений за права пациентов и обеспечение здоровья 1980–1990-х гг., в центре внимания которых находились репродуктивные процессы, произошли существенные

изменения в организации родов и отношении к ним. Реакцией на медиализацию и доминирование техномедицины становятся трансформации самой медицинской системы (см., напр.: Thomas, Zimmerman 2007). Некоторые врачи, медсестры, акушерки стремятся изменить систему изнутри, гуманизировать ее в интересах женщин. Постепенно изменяется среда — родильные дома и больницы прилагают усилия для того, чтобы создавать дружественную по отношению к женщинам и их близким атмосферу (Miller, Shriver 2012). Дэвис-Флойд называет эту, третью, модель **гуманистической**, для нее характерно представление о теле не как о машине, а как об организме, предполагается связь медицинского работника и пациентки, осуществление заботы, участие женщин в принятии решений по поводу практик родовспоможения и активная сознательная вовлеченность в сам процесс родоразрешения (Davis-Floyd 2001).

Модель акушерской помощи в фильме «Вызовите акушерку» (Call the midwife)

Приведем пример репрезентации профессии акушерки в британском киносерiale «Вызовите акушерку» (Д. Пэйн, Ф. Лойтроп 2012), основанном на реальных воспоминаниях. Речь идет о работе акушерок (медсестер) в бедном районе Лондона в 1950-х гг., до массового распространения больничных родов. Акушерки демонстрируют гуманное отношение, отзывчивость, заинтересованность, индивидуальный подход к каждой беременной и рожаящей женщине, внимание к разным обстоятельствам их жизни и их моральным дилеммам. Акушерки показаны в фильме таким не лишенным романтизма образом, что к ним невозможно не проникнуться симпатией. Беременная и рожаящая женщина — это личность, погруженная в особый индивидуальный контекст. Главные героини этого мини-сериала репрезентируют модель, близкую к холистической, в центре которой — эмоционально нагруженные отношения заботы, не всегда встречающие взаимность, и высокая степень независимости профессии. Невзирая на крайнюю бедность и лишения, беременные и рожаящие женщины представлены не как жертвы, а как активные действующие лица.

Данный сериал — это современная кинопродукция, на которую оказывает влияние феминистский критический контекст и инсти-

туциональные изменения в организации родов. Мы видим, как появляются и внедряются новые технические средства — анестезия, к которой женщины и некоторые акушерки относятся крайне подозрительно, но практическая польза переубеждает их (например, сезон 2, серия 1). В сложных случаях на помощь акушерке приходит врач-мужчина, либо женщину отправляют в госпиталь. Больница представлена как институт с жесткими правилами и жесткими способами обращения как с пациентами, так и с нижестоящим медицинским персоналом (сезон 2, серия 3). В сериале показано сосуществование медицинских и «домашних» концепций и условий родов, зарождение планирования семьи, усиление медиализации беременности и родов, которые, хотя и не без сопротивления, принимаются женщинами, поскольку воспринимаются как приносящие пользу.

Большинство женщин определяют роды как процесс, который требует медицинского вмешательства и контроля (Jordan 1978; Martin 1992 [1987]; Oakley 1984; Lazarus 1994; Simonds, Rothman, Norman 2007). Многие женщины среднего класса лояльно относятся к технократической модели родов. Как показывают исследователи, большинство информанток чувствует себя вполне комфортно в условиях высокотехнологизированного родовспоможения. Они считают, что жизнь и телесные практики необходимо контролировать с помощью экспертного знания. С их точки зрения, роды — это механический процесс, при котором желательно избегать боли, технология предпочтительнее, чем ненадежная природа, а медицинское знание авторитетно (Davis-Floyd 1996: 150; см. также: Davis-Floyd 1992). Многие исследования показывают, что, несмотря на опыт отчуждения, женщины разных классов в целом удовлетворены медиализированным опытом родов (Fox, Worts 1999: 328; см. также: Lazarus 1994; Sargent, Stark 1989).

Принадлежность к социальному классу влияет на материальные обстоятельства, объем культурного капитала, который включает знания, установки и способы интерпретации деторождения. От социальной позиции зависит стремление контролировать жизненные обстоятельства (Lazarus 1994; Zadoroznyj 1999; Song et al. 2012). Женщины из низкоресурсных групп не проявляют интереса к кон-

тролю над происходящим, более фаталистично относятся к деторождению (Davis-Floyd 1996: 143; см. также: Martin 1992 [1987]; Zadoroznyj 1999). Представительницы среднего класса, напротив, обеспокоены тем, чтобы максимально контролировать ситуацию. Некоторые женщины хотят воспользоваться передовыми технологиями в роддомах, другие — рожать дома. Контроль интерпретируется женщинами по-разному. Одни понимают под контролем возможность активно влиять на происходящее, или иметь выбор и участвовать в принятии решений, или ощущать, что процесс управляем, или получать поддержку присутствующих, или иметь всю необходимую информацию и пр. Другие женщины считают, что контролировать процесс деторождения невозможно. Исследователи, в фокусе которых находится интерпретация опыта женщин, полагают, что их представления о контроле становятся все более вариативными и диффузными, и сама категория изменяется или даже утрачивает свое значение (Namey, Lyerly 2010: 774–75). Когда уменьшается непосредственное медицинское вмешательство, например, в случае домашних родов, контроль распространяется не только на женщину, которая усваивает дисциплинарные техники власти, но и на всех участников родов (Brubaker, Dillaway 2009: 40; Zadoroznyj 1999: 269).

Исследования медиализации репродукции в российском и постсоветском контексте показывают возникновение нового культурного типа пациенток, которые не удовлетворены медицинским обслуживанием беременности и родов и проблематизируют доверие во взаимоотношениях врача и пациента (Здравомыслова, Тёмкина 2009а, 2011а; см. далее раздел «Информированная пациентка...»). Взаимодействия врачей и пациенток в репродуктивной медицине в России изучают американский социолог М. Ривкин-Фиш (Rivkin-Fish 2005) и финский социолог М. Лариваара (Лариваара 2009; Larivaara 2010, 2011). Российские социологи и антропологи исследуют опыт женщин в институтах родовспоможения: социальную организацию взаимодействия с врачами во время беременности и родов, новые стратегии и практики, интерпретацию беременности и родов родителями (Бороздина 2009, 2010, 2011, 2014; Бредникова 2008; Здравомыслова, Тёмкина 2009b, 2011b; Мельникова 2012, 2014). Исследователи обращают особое внимание на различные ограничения институциональных условий российской медицины,

которые снижают доверие, минимизируют заботу во взаимоотношениях врача и женщины, заставляют женщин обращаться к практическому знанию и вырабатывать специальные стратегии. В фокусе внимания — социокультурная перспектива родов и репродукции (Белюсова 1998, 2003; Щепанская 1999; про медиализацию репродуктивного тела женщин см.: Сасункевич 2009; Щурко 2012).

Американский антрополог М. Ривкин-Фиш, которая проводила полевые исследования репродуктивного здравоохранения в России в 1990-х гг., считает, что к западному понятию медиализации нужно относиться с достаточной степенью осторожности (Rivkin-Fish 2005). Отталкиваясь от подхода Фуко, Ривкин-Фиш пишет, что в российском контексте можно обнаружить случаи, когда эксперты и институты нормализуют индивидуальные тела и используют дисциплинирующие техники измерения, патологизируя опыт беременности и родов. Однако на пути медиализации в России существуют структурные барьеры. Врачи не обладают той экспертной властью и автономией, которая в других контекстах позволяет им навязывать свое видение и контролировать его осуществление (см. также: Field 1957; Schecter 1992). Причина этого — нехватка ресурсов, зависимость от государства, ограниченная автономия в рабочем процессе. Акушеры-гинекологи не могут влиять на институциональную организацию системы родовспоможения. Отсутствуют влиятельные медицинские профессиональные организации, наподобие дореволюционного общества им. Пирогова. В результате власть врачей в России ограничена и они не способны диктовать свою волю пациентами, по крайней мере среднему классу, в той мере, в какой это происходит на Западе (Rivkin-Fish 2005: 20–26).

Женщины среднего класса во время беременности и родов, так же, как и в других контекстах, хотят контролировать ситуацию. Они обеспокоены не столько уровнем профессионализма или избыточного доминирования медиков (хотя и этим тоже — они должны регулярно посещать врача, неукоснительно следовать правилам и предписаниям), сколько поиском информации о надежном и эффективном обслуживании во время беременности и родов, поиском «своих», «знакомых», «надежных» врачей» (Здравомыслова, Тёмкина 2009а). Стандартные отечественные роддома часто описываются пациентками как конвейер (вспомним индустриальную фабрику),

где к ним относятся как к объектам воздействий и процедурных манипуляций. Однако пациентки среднего класса прежде всего заинтересованы в том, чтобы получить доступ к новым высокотехнологичным комфортабельным сервисам здравоохранения, развивающимся в последнее десятилетие. Организация такого доступа и есть способ контроля ситуации деторождения в российских условиях.

В современном российском обществе постепенно получают развитие практики родовспоможения, противопоставляемые технологизированному, обезличенному и опасному в восприятии женщин роддому, изменяется профессиональная роль акушерки, женщины в платном сегменте родовспоможения могут выбирать способ, которым будет осуществлено деторождение (Мельникова 2012; Пивоварова 2013). Изменениям способствуют не столько феминистские движения и движения пациенток, не имеющие ощутимого влияния в России, сколько новые индивидуалистические ценности, потребительский спрос, коммерциализация медицинского обслуживания, возможности для партнерских родов, распространение информации в интернете и пр. Врачи, акушерки, пациентки постоянно ищут способы приспособления к бюрократическим форматам через индивидуальные стратегии и ресурсы, и это накладывает отпечаток на медиализацию репродукции в современной России. Медиализация и медицинский контроль являются неотъемлемыми составляющими репродуктивного цикла и родов, однако конкретные проявления этого феномена в российском контексте требуют дальнейшего изучения.

Организация «естественных» родов и диверсификация контроля

Практика «естественных» родов, предполагающая отказ от медицинского вмешательства в процесс рождения ребенка и активное участие женщины в принятии решений, получает распространение в России с 1990-х гг. Е. Бороздина (Бороздина 2014) рассматривает практику «естественных» родов в центре акушерского ухода при государственном роддоме в 2010-е гг. На основе интервью с женщинами и акушерками она показывает, что «естественные» роды – событие, требующее от женщины тщательной подготовки. Как и в случае с медиализованными родами, от будущей матери

ожидается освоение новых знаний, объем которых в целом больше, чем при подготовке к «традиционным» родам с врачом. В рамках медиализованного родовспоможения общую стратегию родов определяет врач. В случае «естественных» родов контроль изначально не приписывается ни одной из сторон, в каждом конкретном роде участники, ориентируясь друг на друга и на развитие акушерской ситуации, устанавливают сложный баланс контроля. Если в случае «традиционных» родов в роддоме контроль матери над деторождением обычно ограничивается возможностью предварительно выбрать врача и палату, то в «естественных» родах от нее ожидается активное участие в самом процессе родов, основанном на предварительной подготовке.

2.4. Медиализация менопаузы, менструации и бесплодия

Медиализация жизненного цикла и женского тела критически осмысливается при исследовании менструаций и менопаузы в антропологии и социологии под влиянием внимания феминистской мысли к женскому опыту. Антрополог Эмили Мартин (Martin 1992 [1987]) рассматривает культурные модели, медицинские метафоры менопаузы и менструаций и то, какие модели используют сами женщины в своей жизни. Исследователи показывают, что в медицинской литературе **менопауза интерпретируется по аналогии с болезнью**, которая может корректироваться средствами гормонозаместительной терапии, а менструации медиализируются через диагноз предменструального синдрома (ПМС), регулирование цикла и пр. Критики показывают, что биологические феномены не являются универсальными с точки зрения культурных значений. Менопауза и менструации в разных культурах получают разные интерпретации, которые несводимы к современным западным определениям (Davis 1996; Lock 1993). Как показывает в известном исследовании М. Локк (Lock 1993; Lock, Kaufert 1998), в Японии женщины в период менопаузы крайней редко говорят о «приливах» (*hot flash*), которые являются центральными для описания медицинского и повседневного опыта в американской (и российской) культуре. В Японии, в отличие от Америки, менопауза не считается «тяжелым временем» для

большинства женщин. Многие медики полагают, что субъективные переживания опыта менопаузы связаны с особенностями питания, окружающей среды и генетики. По-разному реагируют и врачи, которые в Японии реже, чем в Америке, назначают гормонозаместительную терапию. Телесный опыт — делает вывод М. Локк — влияет на медицинский и публичный дискурсы, биология модифицируется культурой (Lock 1993: 486).

В научно-популярном и повседневном дискурсе сосуществуют представления о менопаузе как о болезни и об естественном процессе. В первом случае менопауза воспринимается как патология, поломка, негативно определяемый симптом старения и утраты способности к деторождению. Риски для здоровья, связанные с менопаузой, отождествляют ее с болезнью (Winterich, Umberson 1999; Winterich 2003). В феминистской литературе высказывается критическое отношение к медикализации менопаузы и ее медицинского лечения. Женские движения за обеспечение здоровья выступали против долгосрочного применения гормонозаместительной терапии, подчеркивая риски для здоровья. Признается значение индивидуальных различий в опыте менопаузы, связь менопаузы с депрессиями или нарушениями психики считается недоказанной (Ehrenreich, English 2005 [1978]: 349–351). В феминистские дебаты внесли вклад работы биолога Фаусто-Стерлинг, которая показывает, что в медицине не всегда адекватно учитываются культурные и гендерные факторы: например, если менопауза считается периодом риска, то остеопороз (и лечение) по умолчанию связывается с ней. Однако факторы развития остеопороза и большей, по сравнению с мужчинами, уязвимости женщин являются гораздо более многообразными (Fausto-Sterling 2005). Опыт менопаузы, кроме того, отличается в современном поколении женщин по сравнению с предшествующими, что связывается с изменениями представлений о гендере, возрасте, занятости, здоровье, сексе и пр. (Winterich 2003).

В описании менструаций также присутствуют медицинские и немедицинские определения (Martin 1992 [1987]). Медикализация проявляется в том, что врачи стремятся осуществлять контроль над женским телом, переводя некоторые эмоциональные и физические состояния на язык предменструального синдрома (ПМС), сопря-

женного с переживанием боли, депрессивным состоянием, эмоциональным взрывами. ПМС — хорошо известный популярный термин. На процессы, схожие с заболеванием, можно воздействовать при помощи лекарственных препаратов (Davis 1996). Менструации не превращают женщину в больного субъекта, однако определяют ее как утратившую контроль, нечистую, как индивида с особыми потребностями (инвалидизируют). Реклама, предлагая обезболивающие средства, определяет менструации как «женское недомогание», сопряженное с болью, нечистотой и неудобствами (Lupton 1994: 141–142; Богданова, Ткач 2005). Однако медикализация — это и возможность озвучивать проблемы, которые замалчивались, например, в СССР, когда женщины были лишены не только возможности говорить о боли, но и использовать удобные средства гигиены (Либоракина 1996; Simonen, Liborakina 1996). Сами женщины при описании менструации используют как «аутентичное» знание тела, так и медицинское знание, которое доминирует в современных обществах. Женщины обучаются говорить о своем теле на языке медицины, многие, в первую очередь представительницы среднего класса, разделяют медицинские интерпретации (Bransen 1992; Martin 1992 [1987]: 92–112).

С появлением гормональных средств регулирования цикла (вплоть до его удлинения) некоторые женщины стали относиться к менструациям как к личному выбору (Bransen 1992). Медицинская интерпретация осуществляет нормализацию 28-дневного репродуктивного цикла, который, как полагает Луптон, в западных обществах является культурно сконструированным (Lupton 1994: 143).

Еще одна сфера медикализации женского тела — это вспомогательные/новые репродуктивные технологии (ВРТ — «это методы преодоления бесплодия, в которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне организма...» [Сакевич 2007; см. также: Исупова 2009; Русанова 2013]). ВРТ привлекает внимание к наиболее современным программам, а именно «суррогатному материнству, репродуктивному донорству, клонированию, посмертной инсеминации, редукции эмбрионов, “лабораторным” программам, связанным с использованием невосстановленных эмбрионов, стволовых и половых клеток» (Русанова 2013: 69). Бесплодная женщина описывается как жертва природы,

обстоятельств (в т. ч. и медицинской ошибки) или собственного неразумия. Но бесплодие не является фатальным. Современные технологии могут спасти женщину от бесплодия, медицинский дискурс надежды противопоставляется биологической судьбе, медики предстают как активные агенты, рациональные эксперты, способные решить проблему бесплодия (Бредникова, Нартова 2007). Однако и женщины необязательно являются пассивными жертвами стигматизации. О. Исупова, анализируя виртуальное сообщество российских женщин, получивших медицинский диагноз бесплодия, показывает, что пациентки в ходе интернет-коммуникации вырабатывают медиализированный социолект, который является гибридом профессионализмов и обыденной речи. Такой язык понятен им как непрофессионалам и релевантен их личному опыту. Участницы форума высказывают сомнения в медицинской экспертизе, они формулируют представления о собственных возможностях, обретают силу и солидарность (Исупова 2011).

Томпсон показывает, что женщины одновременно переживают опыт лечения бесплодия как объективирующий их и освобождающий от стигмы и фатального диагноза (Thompson 2005; см. также: Kawash 2011: 990–992). Опыт женщин по отношению к технологиям не является универсальным, он различается между социальными группами. В исследованиях медиализации женской репродуктивной жизни и материнства признается наличие расовых и классовых различий (Rapp 2001; Martin 1992 [1987]). Медиализация производит новые возможности и одновременно новые стигмы («дефекты генов»). Изменяются категории, которые определяют воспроизводство, в т. ч. категории родства и биологии (Rapp 2001). На это влияют генная терапия и молекулярная медицина, осуществляющие реальную интервенцию в пренатальные диагнозы.

Понятие материнства, в том числе благодаря медицинским возможностям, становится более сложным и включает понятия «генетическая мать», «вынашивающая мать», «кормящая мать», «суррогатная мать», «биологическая мать», «генетический отец» и пр. (Strathern 1995, 1992; Snowden et al. 1983; цит. по: Ткач 2013: 52–53). ВРТ рассматриваются как изменяющие представления о естественности (Kawash 2011). Замораживание яйцеклеток репрезентируется как обеспечение безопасной будущей фертильности и

материнства, ВРТ позволяют изменить природу в случае возможного бесплодия, а дискурс медиализации позволяет снизить тревогу по поводу старения, болезней, репродукции и рисков (Martin L. 2010). Пренатальная диагностика позволяет производить «совершенного» ребенка, желаемого пола и состояния здоровья. Возможность выбора оборачивается евгенистическими обязательствами, за которые женщины несут ответственность (Neyer, Bernard 2011).

О. Ткач на основе анализа российских газет показывает, что родство, тем не менее, не начинает восприниматься как дисперсное, в дискуссии о ВРТ поддерживается норма нуклеарной семьи, а родительство определяется либо как биогенетическое, либо как законодательно закрепленное (усыновление). Автор делает вывод о том, что в условиях культурного и политического консерватизма другие модели семьи, которые используют ВРТ, остаются периферийными и даже стигматизированными (Ткач 2013: 65). Иными словами, новые технологии и медицина, хотя и расширяют спектр возможностей, вписываются в существующий гендерный порядок.

Медиализация контрацепции в российском контексте

Исследователи изучают отношение врачей к контролю деторождения – важнейшей биополитической функции государства, которая транслируется через медицинские нормы и предписания. В России врачи-гинекологи способствуют формированию практик предохранения, которые не были распространены в советское время и которые не одобряются неоконсерваторами. Гинекологи настаивают на необходимости предохранения в целях планирования беременности, избегания аборт, сохранения репродуктивного здоровья. Эти практики, с их точки зрения, должна осуществлять ответственная женщина. Предполагается, что такая женщина ориентируется на планирование беременности и сознательный выбор деторождения. Однако, несмотря на усиление влияния медицинского дискурса и идеи планирования беременности, во многом сохраняются практики неэффективного предохранения и нежелательных беременностей (см.: Сакевич 2009; Сакевич, Денисов 2011).

Как показывают наши исследования, врачи считают необходимым осуществление медицинского контроля над контрацептивным

поведением женщин, однако в своей практической деятельности осуществляют его только частично. В профессиональной практике «планирование семьи» переопределяется как «планирование беременности», что означает в первую очередь подготовку к зачатию и деторождению. Российская демографическая политика выдвигает цели роста рождаемости, чему соответствует приоритетное обслуживание беременных женщин в медицинских учреждениях. Вопросы предохранения в медицинских взаимодействиях отходят на задний план. Медикализация репродукции усиливает власть врачей как профессиональной группы, что в современной России в первую очередь касается обслуживания беременности и родов. Профессионалы и многие женщины ориентируются на планируемую беременность, однако институциональные барьеры, профессиональные и государственные приоритеты латентно поддерживают распространённость практик неплановых беременностей. Врачи не имеют достаточной профессиональной автономии для определения приоритетов, а государство морально и экономически стимулирует обслуживание беременных, а не консультирование по широкому диапазону практик планирования репродуктивной жизни (Тёмкина 2012, 2013с).

ИТАК, подведем итоги рассмотрения медикализации репродуктивного цикла женщины:

- Медикализация является важнейшим концептом осмысления репродуктивного цикла и здоровья. Медицина (профессия, институты, дискурс) контролирует определение и практики естественного жизненного цикла женщин.
- Медикализация репродуктивной сферы означает, что беременность, роды, менопауза, менструации, зачатие, аборт, бесплодие и пр. становятся сферой медицинской экспертизы и регуляции, которая, с одной стороны, создает новые возможности для женщин, а с другой – делает женщину постоянным объектом медицинского контроля.
- Существует сопротивление медикализации (отказ от биомедицинской модели здоровья). В обеспечении здоровья задействуются не только медицина, но и другие агенты. Под влиянием

феминистской критики, общественных движений за обеспечение здоровья и развития технологий возникают альтернативные взгляды и институты, связанные с репродуктивным опытом.

- Исследователи и женщины критикуют технократическую модель родов. Для некоторых женщин роды с акушеркой или домашние роды становятся альтернативой больничной среде. Другие женщины хотят получить высокотехнологичную медицинскую помощь и при этом контролировать процесс родов.
- Менопауза, менструации, бесплодие по-разному трактуются в разных культурах и контекстах. Их медикализация в западных обществах приводит к противоречивым результатам: с одной стороны, они увеличивают возможности совладать с их негативными последствиями, но с другой – усиливают профессиональный контроль над женским телом.
- Сами фазы репродуктивного цикла имеют разные смыслы в разных культурах, они не являются универсальными. Менопауза может означать как старение и дегенерацию женского организма, так и освобождение (от боли, фертильности, дискомфорта). Менструации могут обозначать как здоровье, так и неосуществление желаемой беременности и указывать на бесплодность.

3.

Медицина, врач и пациент: гендерное измерение

Применительно к тематике медицины, болезни и здоровья в русле структурных, интеракционистских и интеграционных подходов исследователи рассматривают: во-первых, гендерные особенности **медицинской профессии**, сегрегацию и ресурсы; во-вторых, **особенности взаимодействия врачей и пациентов** в зависимости от пола первых и вторых; в-третьих, **различия поведения женщин и мужчин в роли пациентов**.

3.1. Гендерное измерение медицины как профессии

Во всех западных странах до 1960-х гг. мужчины составляли большинство среди врачей. В процессе формирования нововременной научной медицины женщины исключались из профессии через систему образования, лицензирования и организации больниц. Как показывает немецкий историк Ю. Шлюмбом, процесс прихода мужчин в акушерское дело и превращения его в науку происходил в Германии при развитии родовспомогательных больниц в середине XVIII — начале XIX вв. Операции делали мужчины, они занимались сложными случаями и дорогой частной практикой, контролировали и обучали акушерок. Акушерки сохранили свое присутствие в профессии, но на более низких позициях, чем врачи-мужчины (Шлюмбом 2008; см. также: Abbot, Wallace 1997: 185–186).

Классики социологии до определенного периода также воспринимали медицину как мужскую профессию. Так, в 1961 г. во введении к книге «Мальчики в белом. Студенческая культура в медицинской школе» ее авторы подчеркивают, что исследование посвящено профессиональной социализации мужчин, поскольку «сама медицинская профессия остается мужской», и это несмотря на то, что в целом увеличивается представленность женщин в медицинской системе (Becker et al. 1961: 3). Медицина, наравне с другими либеральными профессиями, рассматривается в историческом измерении как культурная практика, основанная на принципах рациональности и независимости, в то время как модели поведения, ассоциируемые с женственностью, связаны с заботой, эмпатией и вниманием. Исследователи науки и медицины долгое время оставались нечувствительными к гендерным различиям. Ситуация мужского доминирования в целом сохранялась до последней трети XX в. (СССР был исключением).

В последней трети XX в. позиции женщин на рынке труда и в профессиональной занятости, в том числе в медицине, радикально меняются (см. лекцию 9), количество женщин в медицинской профессии резко возрастает (см., напр.: Pringle 1998). Что это означает для гендерного устройства профессии? Становится ли оно нейтрально-эгалитарным, привносят ли в него женщины иной стиль?

Некоторые авторы полагают, что феминизация медицины влечет за собой изменения в организации здравоохранения как результат гендерных различий в мотивации, ценностных ориентациях, клинических и коммуникационных навыках и опыта взаимодействия с пациентами. Согласно другой точке зрения, медицина — это гендерно нейтральная профессия; гендерные различия не оказывают существенного влияния на профессиональные практики. Еще один вариант интерпретации — медицина имеет жесткую гендерную структуру, в ней сохраняется должностное и квалификационное неравенство между мужчинами и женщинами (см. обзор: Kilminster 2007). Женщины преобладают в таких специализациях, как педиатрия, общая практика, акушерство, гинекология, дерматология, офтальмология. В неврологии, хирургии, кардиологии — более высокооплачиваемых специальностях — преимущественно работают мужчины (Lorber 1997: 38; Riska 2001; Harden 2001).

Финская исследовательница Элиана Риска (Riska 2001; см. также: Riska, Wegar 1995) в сравнительно-историческом исследовании «Медицинская карьера и феминистские вопросы. Американские, скандинавские и российские женщины-врачи» (Riska 2001) приводит следующие данные: женщины составляют одну четверть врачей в США, 50 процентов — в Финляндии, 31 процент — в Норвегии, 39 процентов — в Швеции и 70 процентов — в России¹⁰. В США врачи работают преимущественно в частной практике, а в России и Скандинавии они инкорпорированы в государство благосостояния и являются преимущественно государственными служащими. При этом женщины-врачи имеют более низкий статус по сравнению с коллегами-мужчинами в этих странах. Автор объясняет это системными преимуществами маскулинности (см. лекцию 9). Женщины мало представлены в хирургической специальности и управлении медициной, они в целом незначительно влияют на медицину как систему, хотя их влияние на здоровье женщин является существенным (Riska 2001; см. также: Pringle 1998). В СССР женщины пришли в медицину в конце 1920-х — в 1930 гг., когда профессия теряла свою

¹⁰ По данным Федеральной службы государственной статистики за 2013 год, женщины в России составляют 70 % от общей численности врачей (Женщины и мужчины России. Статистический сборник. 2014. Раздел «Врачи по квалификационным категориям в 2013 г.» (http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_50/Main.htm; 11.03.2015).

автономию (свободу врача в принятии решений, профессиональную самоорганизацию, контроль образования и условий труда), а ее статус и уровень оплаты труда становился ниже многих других видов занятости (Schechter 1992). В России была и во многом остается низкой автономия профессии врача в целом (за исключением некоторых сегментов, к которым можно отнести, например, платные услуги в стоматологии или родовспоможении), продолжает воспроизводиться советская модель управления на основе единоначалия, существенно ограничена свобода врачей в принятии решений, врачи мало влияют на организацию своего труда и уровень его оплаты, воспроизводится горизонтальная и вертикальная сегрегация, мужчины чаще занимают руководящие позиции и пр. (см., напр.: Harden 2001; Rivkin-Fish 2005; Ryan 1989; Мансуров 2007; Мансуров, Юрченко 2005; о гинекологах — см.: Здравомыслова, Тёмкина 2011).

Женщины — и в этом ситуация в России аналогична ситуации на Западе — составляют большинство в здравоохранении в тех видах занятости, которые связаны с практиками ухода и репродуктивным циклом женщин — няни, медсестры, акушерки (см. также лекцию 10). Для таких позиций характерны более низкий престиж и оплата труда по сравнению с врачами, низкая степень автономии, ограничение карьерных перспектив. Традиционные гендерные фреймы связывают женские рабочие места с заботой и эмоциональной работой (Hochschild 1983), ожидается, что женщины приносят в профессиональные практики внимание к человеческим отношениям (см. также лекцию 10).

3.2. Социальная роль больного и пациента

Социальная роль больного, как показывает Т. Парсонс, проявляется в практиках обращения к профессиональной экспертизе врача, сотрудничестве с врачом в целях выздоровления и возвращения к роли здорового члена общества (Parsons 1951: 428–479). В современном обществе роль больного — это роль пациента, который прибегает к профессиональной помощи в медицинских институтах. Общество, подчеркивает Парсонс, вырабатывает механизмы контроля болезни, препятствующей выполнению соци-

альных ролей, предписанных здоровому индивиду. Рассмотрим сначала нормативную роль больного, а потом покажем, как она переосмысливается на основании гендерного подхода.

По отношению к **социальной роли больного** существуют определенные институциональные ожидания (Parsons 1951: 436–437). Роль больного заключается в следующем.

Во-первых, она освобождает члена общества от ответственности (болезнь — это не вина больного) и от выполнения обычных социальных ролей; врач является инстанцией, легитимирующей невозможность выполнять другие задачи.

Во-вторых, больной ориентирован на выздоровление, он относится к болезни как к нежелательному опыту.

В-третьих, больной не может самостоятельно решить проблемы здоровья, в современном обществе он обращается за компетентной помощью, как правило, к врачу, и сотрудничает с ним.

Анализ социальной роли больного/пациента корректируется в дальнейшем под влиянием гендерного подхода. Пациент — это не просто абстрактный индивид, который обращается за профессиональной помощью. Он занимает определенную социальную позицию, в том числе выполняет гендерные роли, определяемые символическим порядком. Он/она обращается к врачу, не только когда является больным, и не только по поводу собственного здоровья, но и по поводу здоровья близких. Действия, соответствующие нормам и ожиданиям, ситуационны и гендерно маркированы. Так, женщины становятся пациентками, не только когда заболевают, но и когда консультируются, например, с гинекологом по поводу контрацепции или планирования беременности и родов. Уходя в декретный отпуск, беременные женщины освобождаются от работы, медицина освобождает их от трудовых обязанностей, приравнивая беременность на поздних стадиях к болезни. С другой стороны, мужчины в состоянии болезни могут отказаться от обращения к врачу, поскольку забота о здоровье противоречит определенным нормам мужественности.

Те или иные предписания в семье и социальном окружении влияют на выполнение роли больного/пациента, помогают процессу выздоровления или препятствуют ему. Такие ожидания гендерно маркированы. Домочадцы могут не соглашаться с тем, что болезнь

освобождает мать-домохозяйку от выполнения обязанностей по дому, которые не считаются работой, равной по статусу оплачиваемой занятости. Или сама женщина может не признавать себя больной, поскольку никто, кроме нее, не заботится о близких. Она может также опасаться того, что ее признают второсортным и ненадежным работником, и поэтому не обращаться к врачу (Lorber 1997: 42–43).

Критика роли больного связана не только с анализом практик, но и со смещением фокуса на субъективный опыт людей — как люди рассказывают о своем опыте болезни (Bury 1982; Lawton 2003; Nettleton 2006). В обществах с выраженными гендерными границами представления мужчин и женщин о болезни и здоровье и отношении к здоровью в целом также различаются.

Особая роль ожидается от женщин в заботе о здоровье близких. Советы близких и социального окружения могут восприниматься больными как не менее значимые, чем профессиональные. Соответственно, становится важным, кто и как осуществляет трансляцию знаний и действия в отношении лечения. В лечении и заботе о здоровье членов домохозяйства женщины выполняют доминирующую роль. Эта роль связана с гендерным разделением труда, предполагающим выполнение экспрессивной роли, включающей разного рода заботу о близких. Женщины обучают членов семьи определенным способам поддержания здоровья, принимают решение о необходимости обращения к врачу, сопровождают детей и пожилых людей при посещении ими медицинских учреждений, контролируют лечение, назначают традиционные способы лечения и пр. Не только врачи, но и матери несут ответственность за здоровье ребенка. Аналогичные тенденции отмечаются и в России (см., напр.: Шилова 2000). К матери обращаются социальные работники, медики и другие профессиональные государственные служащие, ее обвиняют в случае, если детские болезни не лечатся надлежащим с точки зрения медицины образом (Graham 1987; см. обзор: Abbot, Wallace 1997: 189–190).

Женщины выступают своего рода квазипрофессионалами в домашнем лечении больных, что воспринимается обществом как проявление роли заботливой жены и матери, стремящейся обеспечить здоровье домочадцев (Аронсон 2006а: 44–45). В некоторых социальных слоях/сообществах, где доступ к медицинскому обслуживанию ограничен или совершенно недоступен, «производство

здоровья в домохозяйстве» (*household production of health*) или использование помощи знахарей (знахарок) становится привычной стратегией (Inhorn 2006: 358–359). Сходный эффект отмечают исследователи в России на фоне снижения ценности экспертного медицинского знания, утраты институционального доверия в области здравоохранения и роста реальной стоимости медицинских услуг (Аронсон 2006б; Шилова 2000; Brown, Rusinova 2011, 2002; Brown, Rusinova, Lindquist 2002). Тем не менее, значимость «работы по обеспечению здоровья» (*health work*) в семье, как правило, недооценивается обществом (Inhorn 2006: 358).

3.3. Гендерная специфика медицинских взаимодействий

Когда пациент приходит на прием, врач задает ему вопрос: «На что жалуетесь?» Интерпретируя ответ, врач переводит описание пациента на медицинский язык симптомов, тестов, диагнозов и предписаний. Нормативная модель предполагает, что врачи выполняют свою роль как ценностно-нейтральные профессионалы, их подход характеризует универсальность (Parsons 1951: 428–479), в частности, пол, возраст, национальная принадлежность и другие социальные характеристики пациентов и врачей не оказывают влияния на их взаимодействия по поводу здоровья. Однако исследования медицинской практики показывают, что врачи разного пола по-разному относятся к пациентам в зависимости от пола последних (см.: Lorber 1997: 44–52). Кроме того, пациенты разного пола по-разному ведут себя во взаимодействиях с врачом.

Отношение к пациентам. Некоторые исследователи утверждают, что врачи более склонны проявлять внимание и заботу по отношению к пациенткам, которым назначают больше тестов и повторных посещений. Женщинам предоставляют больше информации, им доходчиво объясняют ситуацию, от них ожидают большего количества вопросов, врачи чаще обсуждают с ними план лечения и назначения (см. обзор: Roter, Hall 1992: 42–45).

Интерпретации различий в отношении к женщинам- и мужчинам-пациентам претерпевали изменения. В 1970-х гг. считалось,

что женщины склонны преувеличивать угрозы своему здоровью, чаще жалуются на боли (при родах или менструациях), более требовательны в отношении внимания врачей и эмоционально являются менее стабильными (см. обзор: Miles 1991: 158–161). Женщины считались более слабыми, потенциально больными, неспособными к постоянному напряжению, правда, эти оценки распространялись преимущественно на средний класс. Во второй половине XX в. ситуация изменилась, двойные стандарты в отношении к пациентам уменьшились. Но некоторые исследователи полагают, что различия сохраняются: у женщин ищут и находят больше симптомов, считая их потенциальными клиентами медицинских услуг, особенно в связи с их репродуктивным циклом. Последнее является следствием неравенства, однако, выгодного для женщин (см.: Roter, Hall 1992: 43; Annandale 2002 [1998]: 148).

Практики врачей. Некоторые исследования показывают, что хотя гендерные различия в практиках врачей незначительны, женщины-врачи тратят на пациентов относительно больше времени, они больше проявляют эмоции и эмпатию во взаимодействии. Все врачи осознают необходимость заботы в отношении к пациентам, при этом женщины-врачи больше говорят и больше слушают, больше проявляют поддержку через невербальные знаки (согласие, поддержку, улыбку), больше тратят усилий на выстраивание партнерских отношений (интересуются интерпретацией, мнением пациента), больше задают вопросов (о стиле жизни, симптомах, режиме, медицинской истории и пр.). Конкретные исследования показывают, например, что женщины-педиатры больше проявляют эмпатию по отношению к матерям, чем их коллеги-мужчины. С врачами-женщинами у женщин чаще устанавливаются дружественные отношения. В некоторых случаях имеет значение «женская солидарность», основанная на сходстве опыта. Женщинам чаще рекомендуют тесты, например, на онкологические заболевания, причем женщины-врачи рекомендуют их чаще, чем мужчины-врачи (Roter, Hall 1992: 61–64, 123; Roter, Hall, Aoki 2002). Женщины-пациентки, ожидая большего внимания со стороны женщин-врачей, могут быть разочарованными в определенных ситуациях, если их гендерные ожидания не оправдываются (Lorber 1997: 46–51). Мужчины-врачи считаются более компетентными медицински, а женщины — более компетентными

в межличностных отношениях, и это влияет на оценки их действий (Roter, Hall 1992: 123–124). Иными словами, действует тот же принцип, что и в предыдущем случае. Хотя гендерные различия невелики, но предполагается, что врачи-женщины более проявляют те качества, которые приписываются женской роли и женским особенностям поведения (заботу и пр.).

Практики пациентов. Исследователи показывают, что женщины-пациентки задают больше вопросов, получают больше информации и профилактического обслуживания, чем пациенты-мужчины (Hall, Roter 1995; Kaplan 2007). Женщины чаще и дольше общаются с докторами, они считают важным поддерживать дружественные отношения с врачом (Miles 1991: 161–166). Женщины чаще просят объяснить профессиональный жаргон, чаще обращаются с просьбами о помощи, врачи реже их перебивают и лучше слушают. В целом женщины имеют более позитивный опыт во взаимодействии с врачами, чем мужчины (Roter, Hall 1992: 42–44). Однако на основании эмпирических исследований социологи в основном находят лишь незначительные гендерные различия (Bertakis, Franks, Epstein 2009). Некоторый более позитивный опыт женщин-пациенток и опыт взаимодействия с женщинами-врачами описывается на основании более развитых коммуникативных качеств и ориентации на заботу. Таким образом, взаимодействие врача и пациента гендерно маркировано на основе культурных гендерных фреймов.

3.4. Информированная пациентка как потребитель медицинских услуг

В современном обществе меняются модели взаимодействия пациентов с врачами и биомедициной. Пациенты обладают индивидуальными правами, могут организовывать общественные движения или сети, способствующие обеспечению здоровья (например, в случае беременности; см.: Бороздина 2009), маневрировать между разными медучреждениями, по-своему интерпретировать медицинское знание (например, в случае бесплодия; см.: Исупова 2011) и пр. В таких действиях они опираются на разные ресурсы, среди которых в настоящее время занимают важное место реальные и

виртуальные социальные сети и интернет-коммуникации. Выше мы показали, что женщины среднего класса ориентируются на контроль всего репродуктивного цикла, включая роды. Они часто положительно относятся к использованию ВРТ, если считают, что получают положительные результаты. Женщины перестают воспринимать власть врача-эксперта как безусловную и само собой разумеющуюся. Исследователи описывают практики информированного пациента, который проявляет компетенцию и ответственность, сотрудничает с врачом в совместном принятии решений. Отношения с авторитарно-патерналистских переориентируются на более эгалитарные клиент-ориентированные, пациенты все более склонны к принятию автономных решений, к выбору врача и способов лечения. Важную роль в этих процессах играют группы самопомощи, включая онлайн-сообщества. Пользователи интернета все чаще решают сами, как и какую информацию использовать и распространять. Борьба за экспертное знание и его освоение изменяет отношения профессионалов и клиентов (Timmermans, Oh 2010; Hardey 1999).

Женщины, в первую очередь образованные, становятся информированными пациентками с высоким уровнем осознания своих целей и средств их достижения, в частности во время беременности и родов. Они начинают относиться к здоровью как к сервису или товару, в приобретении которого становятся значимыми их капиталы: экономические ресурсы, социальные сети и знания, необходимые для получения доступа к широкому спектру медицинских услуг. Желание и способность женщины действовать как информированный потребитель зависит от ее социальной позиции. Современная женщина, чтобы стать «правильной» матерью, осуществляет «интенсивное материнство» (Haas 1996). Она должна быть не только быть главным актором заботы, тратить много времени, энергии и ресурсов на ребенка, но должна также обладать детализированным знанием о том, что эксперты считают правильным для беременных, для матерей и для развития и здоровья ребенка. Изменяется культурная модель материнства, которое соотносится с экспертным знанием, заботой о здоровье и медициной (Song 2012).

Во взаимодействии с врачом-гинекологом предполагается, что любая женщина — это мать или потенциальная мать. Идеалы информированной пациентки и хорошей матери становятся значимыми

факторами женского репродуктивного опыта. Как показывают исследования использования интернета в качестве источника информации во время беременности, большинство женщин контролируют неопределенные обстоятельства, полагаясь на ресурсы и авторитет доминирующей медицинской власти. Женщины маневрируют между подчинением и сопротивлением, скептицизмом по отношению к медицине и зависимостью от нее, обретая знания как дополнение к взаимодействию с врачами в русле биомедицинской парадигмы (Song et al. 2012).

Акушерство и гинекология являются сферой здравоохранения с особой гендерной чувствительностью, эта та сфера жизни, к которой люди относятся с повышенной тревожностью, которая особенно значима для их жизненного, гендерно окрашенного опыта (Здравомыслова, Тёмкина 2011: 28–31). С одной стороны, гинекология вторгается в сферу интимного опыта, наделенного особыми культурными смыслами, отсылающими к репродукции, «телесному низу», сексуальному опыту. С другой стороны, проблематика деторождения и воспроизводства находится под давлением политического и нравственного дискурса.

Сензитивности способствуют следующие обстоятельства.

1) Гинекология и акушерство политизированы. Наиболее ярко это выражается в отношении аборт — объекта законодательного ограничения, которое должен соблюдать врач в отношении пациенток. Государство требует от гинеколога реализации своей политической воли.

2) Акушерство и гинекология — это сфера конструирования женской идентичности и гендерного порядка. Здоровье и гендерная идентичность взаимосвязаны, т. к. цель гинекологии — обеспечить правильную беременность и здоровое материнство. Врач является соучастником репродуктивного выбора и его осуществления. Женщины ожидают проявления особого внимания и заботы о них во время беременности и родов (Бороздина 2011).

3) Репродуктивная медицина морально ангажирована, несмотря на установки профессиональной нейтральности. Врачи выступают «моральными антрепренерами» (Freidson 1970: 252), и пациенты могут ожидать от них суждений относительно их сексуального и репродуктивного поведения.

Исследование взаимодействия врача-гинеколога и пациентки в России

Каждая (или почти каждая) беременная российская женщина наблюдается в институтах репродуктивной медицины. Проблемы доверия возникают на всех этапах медицинского сопровождения беременности. Описывая свой опыт взаимодействия с государственной медициной, женщины высказывают неудовлетворенность, во-первых, условиями, в которых их обслуживают, и, во-вторых, отсутствием заботы во взаимодействии с врачом. Ожидания пациенток далеко не всегда соответствуют правилам обслуживания в государственных медицинских учреждениях (Здравомыслова Тёмкина 2009а, 2011а)¹¹.

С точки зрения женщин, отношение к пациенткам в 2000-е гг. во многом сохраняется с советских времен: именно «советский пациент» является бесправным, редуцированным до тела, его личностными и эмоциональными потребностями можно пренебречь. Недостаток доверия компенсируется стратегиями, направленными на улучшение медицинского обслуживания и контроль за ним. Цель этих действий — обеспечить надежность, эффективность и комфортность медицинских услуг в «правильной» клинике у «правильного» врача, получить приемлемый уровень экспертного обслуживания (см. также: Rivkin-Fish 2005). Женщины развивают стратегии обеспечения своего здоровья, которые варьируют от избегания медицинского обслуживания и альтернативного лечения до попыток постоянного контроля за действиями медиков. Стремясь снизить степень неопределенности, большинство пациенток стараются использовать интернет-ресурсы и социальные сети для поиска «правильных» врачей, устанавливать личные отношения со «своим врачом» и неформально оплачивать услуги.

Наши исследования показывают, что современные пациентки российского репродуктивного здравоохранения действуют как требовательные и взыскательные клиентки. Практики отечественного здравоохранения часто не соответствуют их притязаниям,

¹¹ Эмпирические данные, собранные в 2005–2006 годах, включают семь дневников включенного наблюдения и 22 глубинных интервью с женщинами-клиентами (пациентками) медицинских учреждений. Информантки — это городские жительницы репродуктивного возраста (от 19 до 45 лет), в основном принадлежащие к среднему классу (Здравомыслова, Тёмкина 2009а).

несмотря на многочисленные реформаторские усилия. Дефекты медицинского обслуживания рассматриваются женщинами, во-первых, в категориях «советского наследия» и, во-вторых, как результат неконтролируемой экспансии рынка в сферу профессиональной деятельности.

Молодые женщины — требовательные клиенты медицины — отказываются от роли «советского пациента» — подчиняющегося, молчаливого, дисциплинированного и невежественного. Эти женщины не удовлетворены состоянием российской медицины; они пытаются артикулировать и изменять ситуацию. Однако синдром «советского наследия», неэффективность и непоследовательность реформ здравоохранения, недостаток ресурсов и институциональной поддержки (контрацептивов, медицинской помощи, знаний, профилактики) воспроизводят структурные барьеры, препятствующие ответственным безопасным практикам репродуктивного/сексуального поведения. Исследования показывают, что российские врачи также являются «заложниками системы», их намерения направлены на добросовестное обслуживание и заботу, однако экономические условия и организационная логика учреждений ограничивают их интенции (Здравомыслова, Тёмкина 2011; см. также: Rivkin-Fish 2005).

ИТАК, основные гендерные аспекты медицинской профессии и взаимодействий врачей и пациентов следующие:

- Медицинская профессия исторически формировалась как профессия с мужским доминированием, ситуация в ней изменилась в западных странах последней трети XX в.: возросло число женщин. Однако в профессии сохраняется вертикальная и горизонтальная сегрегации по признаку пола.
- Гендерные особенности медицинских взаимодействий задаются традиционными верованиями и представлениями о различиях, о женской роли как ориентированной на поддержание межличностных отношений, вербальную коммуникацию, заботу и уход.
- В период поздней современности изменяются позиции врача и пациента, последний все более трансформируется в информ-

рованного клиента / потребителя медицинских услуг. Пациент оспаривает монопольную власть врача и медицинского знания.

- Репродуктивная сфера является гендерно сензитивной, политизированной и морально ангажированной. В России некоторые пациентки используют стратегии, направленные на улучшение медицинского обслуживания и обеспечение контроля здоровья, такие как мобилизация социальных сетей, экономических и информационных ресурсов. Пациентки городского среднего класса становятся взыскательными и информированными.
- Признается, что гендерное устройство общества и его институтов находит свое выражение в сфере медицины и в отношении к здоровью.

Выводы

1. Исследователи признают наличие гендерных различий в показателях здоровья и продолжительности жизни. В целом они объясняют это либо биологическими особенностями организма, либо социальными предписаниями и ожиданиями.
2. Низкая продолжительность жизни мужчин, с точки зрения конструктивистского подхода, рассматривается как связанная с нормативными образцами мужественности, диктующими поведение, рискованное для здоровья. Обсуждая особенности мужского поведения, исследователи показывают, что нормативные предписания связаны с напряженной работой, ориентированной на достижения в конкурентной борьбе, с практиками мужской дружбы, включающими интенсивное употребление алкоголя, с сексуальной активностью, в том числе незащищенным сексом, со спортивными достижениями, требующими пренебрежения болью, с нечувствительностью к проблемам здоровья, с пренебрежением медицинским обслуживанием и пр.
3. Конструирование женственности связывается с заботой о своем здоровье (особенно репродуктивном) и здоровье окружающих,

более интенсивными взаимодействиями с медициной и наличием больших медицинских знаний. Женственность медиализируется и контролируется через репродукцию и нормы «правильного» использования контрацепции, беременности, родов, материнства.

6. Изменяются взгляды на соотношение гендера и здоровья, которые рассматриваются как множественные соотношения в зависимости от контекста и социальных характеристик. Актуальная задача, которая стоит перед современными социологами, — интерпретация различий между группами мужчин и женщин, различающихся по множеству социальных признаков, среди которых важное значение имеет принадлежность к классу, расе, этничности, сексуальная ориентация, состояние здоровья.
7. Медиализация является важнейшим концептом осмысления здоровья женщин. Происходят процессы биомедиализации разных сторон жизни. Жизненный цикл и тело женщины становятся сферой регулирования со стороны медицинских институтов и знания, вмешательства технологий. Медицина создает новые возможности для женщин (например, решение проблем бесплодия), но и выступает инструментом контроля. Возникают альтернативные институты и практики в сфере репродуктивного здоровья под влиянием феминистской критики, общественных движений и технологий.
8. В сфере репродуктивного здоровья пациент из пассивного и непросвещенного превращается в информированного клиента, и это изменяет взаимодействия, которые становятся более эгалитарными. Социологические исследования показывают, что стратегии контроля собственного здоровья, в том числе репродуктивного, в большей степени характерны для среднего класса с индивидуалистическими установками.
9. Медицинская профессия, взаимодействия и социальные роли в сфере общественного здоровья гендерно окрашены. В медицинской профессии сохраняется горизонтальная и вертикальная сегрегация. В медицинских взаимодействиях от женщин ожидается большая ориентация на коммуникацию и заботу.

Вопросы для повторения и обсуждения

1. Каковы объяснения гендерных различий в отношении здоровья? Как воздействует патриархат на здоровье мужчин и женщин? Почему женщины больше болеют, но живут дольше?
2. Что такое медиализация жизненного цикла человека и в чем она выражается?
3. Какова феминистская критика биомедиализации здоровья женщин?
4. Приведите конкретные примеры комплексного влияния разных структурных факторов на состояние здоровья.
5. Приведите и проинтерпретируйте пример гендерно окрашенного взаимодействия врача и пациента и социальной роли больного. В каких ситуациях и контекстах становится значимым гендерное измерение взаимодействий?

Основная литература

- Дэвис-Флойд Р.* Дочь времени – «акушерка постмодерн» / пер. А. Петелина (<http://www.domrebenok.ru/blog/8312>; 10.03.2015).
- Здравомыслова Е. Тёмкина А.* Доверительное сотрудничество во взаимодействии врача и пациентки: взгляд акушера-гинеколога // Здравомыслова Е. Тёмкина А. (ред.) Здоровье и интимная жизнь. Социологические подходы. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2011. С. 23–53.
- Кон И.* Гегемонная маскулинность как фактор мужского (не)здоровья // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. №4. С. 5–16 (<http://ecsosman.hse.ru/text/30724344/>; 10.03.2015).
- Михель Д.* Социальная антропология здоровья и репродукции: медицинская антропология: учеб. пособ. для студентов. Саратов: Новый проект, 2010.
- Ehrenreich B., English D.* For her own good: Two centuries of the experts' advice to women. New York: Anchor, 2005.
- Ginsburg F., Rapp R.* The Politics of Reproduction // Annual Review of Anthropology. 1991. N 20. P. 311–344.
- Inhorn M.* Defining Women's Health: A Dozen Messages from More than 150 Ethnographies // Medical Anthropology Quarterly. 2006. N 20(3). P. 345–78.

Лекция 12. ФЕМИНИЗМ И ЖЕНСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Введение — Женское движение второй волны: мобилизация и конструирование идентичности — Структура политических возможностей и женское движение — Женское движение в России в 1990–2000-е гг.: примеры исследований — Выводы

Введение

Женское движение стало одним из важнейших акторов гендерных трансформаций в последней трети XX в. Как мы показали в первой лекции, женское движение и феминистские идеи оказали существенное влияние на развитие гендерных исследований вообще и гендерной социологии в частности. В данной лекции мы обратимся к социологическому анализу женских движений разной направленности. Мы не стремимся всесторонне проанализировать женское движение и ставим перед собой ряд конкретных задач. Во-первых, мы хотим сфокусировать внимание на том, как женское движение второй волны (с пиком мобилизации в 1970-е гг.) осмысляется в

социологии общественных движений. Именно со второй волной женского движения (феминистского по своей направленности) связываются крупномасштабные изменения гендерного порядка западных обществ на уровне идеологии, законодательства, образования, сферы труда, семейных и интимных отношений, идентичности и пр. Еще одна причина для выбора именно такого ракурса презентации женского движения — это большой интерес к нему в России в 1990–2000 гг. Во-вторых, мы хотим продемонстрировать, каким образом политический, социальный и культурный контексты влияют на конкретные формы, методы, идеологии и результаты женских (феминистских) движений. В-третьих, мы используем концептуальный аппарат социологии общественных движений для анализа российских женских организаций 1990-х годов.

Для развития феминистского движения важен процесс конструирования коллективной идентичности и институтов, оппозиционных патриархату. При анализе феминистского движения исследователи принимали во внимание структурный контекст его возникновения, механизмы развития, роль организаций и ресурсов, а также политические возможности, которые могут использовать женские движения для достижения своих целей, объединяясь с левыми партиями, профсоюзами, другими движениями, участвуя в лоббировании, обращаясь в суды и пр. Здесь анализируются коллективные действия, организационные формы и идеологические направления движения в разных структурных контекстах.

Социологи, историки, философы обращались к анализу разных аспектов развития феминизма, однако конкретные социологические исследования движения представлены недостаточно. Возродившееся женское движение в России в 1990–2000-е гг. также стало предметом научного интереса, однако его анализ в отличие от многих других движений (экологических, демократических, националистических и пр.) через призму теорий общественного движения проводился довольно редко.

Мы полагаем, что гендерный подход к исследованиям общественных движений в целом заключается в чувствительности к их гендерным аспектам. В фокусе таких исследований в настоящее время находятся в первую очередь феминистские движения женщин (и мужчин) и отдельных групп, ЛГБТ-активизм и пр., а также

движения женщин (и мужчин), для которых неактуальны феминистские идеи или которые выступают с консервативной повесткой дня.

Определения движения варьируются в широком диапазоне. Достаточно важно обозначить различия между феминистскими движениями и женскими, которые в одних контекстах являются синонимами (вторая волна женского движения/феминизма), а в другом — женские организации могут дистанцироваться от феминизма. Пример — современные консервативные движения пролайф (против абортов). Другой пример, которые мы здесь рассматриваем, — движение «Солдатские матери» в России.

Разные аспекты женского движения представлены в учебниках и учебных пособиях по гендерным исследованиям: «Гендерные аспекты политической социологии» (Айвазова, Хасбулатова 2004); «Введение в гендерные исследования» (Жеребкина 2001); «Введение в гендерные исследования» (Костикова 2005); «Гендерный калейдоскоп» (Мальшева 2001); «Гендерные исследования. Вводный курс» (Поспелова, Кукаренко, Львова 2007); «Что такое феминизм? Женская история. Гендерная история» (Пушкарева 2001); «Гендерная социология» (Тартаковская 2005); «Феминизм и гендерные исследования. Хрестоматия» (Успенская 1999); а также в отдельных работах и сборниках: «К истории феминизма» (Айвазова 1992); «Феминизм: перспективы социального знания», «От феминистских теорий к “женским” и гендерным исследованиям», «Феминизм и гендерное равенство» (Воронина 1992, 2004а, 2004б); «Философские проблемы нефеминизма 70-х годов» (Клименкова 1988а, 1996); «Гендерная реконструкция политических систем» (Степанова, Кочкина 2004); «Политика равных прав и возможностей», «Теория и практика современного феминизма: женское движение в США» (Попкова 2001а, 2001б); «Личное как политическое: вторая волна феминизма как эхо 1968-го» (Тартаковская 2008) и др.

Исследователи изучают российское женское движение и его историческую динамику. О первой волне движения второй половины XIX — начала XX в. см., например: «Женское движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм» (Стайтс 2004 [1978]); «История женщин России: женское движение и феминизм (1850-е —

1920 годы)» (Юкина 2003); о современном см.: «Женские организации в России сегодня» (Абубикирова и др. 1998); «Женское движение в России: традиции и современность» (Айвазова 1995); «“Миссия невыполнима”: женские стратегии политического участия в России» (Попкова 2003); «Проблемы политического участия в гендерном измерении» (Тёмкина 2004b); «Просто о сложном: гендерное просвещение. Очерки политической теории и истории» (Шведова 2002); «Развитие феминистских организаций в Санкт-Петербурге 1985–2003» (Brygalina, Temkina 2004); «Группы женского активизма в России» (Lipovskaya 1997); «Женщины в России. Новая эра русского феминизма» (Posadskaya 1994); «Демократизация и гендер в современной России» (Salmenniemi 2008); «Организация женщин в современной России» (Sperling 1999) и др.

1.

Женское движение второй волны: мобилизация и конструирование идентичности

Женское движение – коллективная деятельность женщин, направленная на улучшение положения женщин в обществе.

Женское движение, его ресурсы, идеологии, мобилизация сторонников, условия возникновения, конструирование идентичности, акции и пр. анализировались в рамках различных социологических подходов к анализу общественных движений. Рассмотрим, как исследователи объясняют, почему возникло движение, как и в каких формах оно развивалось, какие контексты, идеологии и идентичности важны для его развития. Начнем с определения.

исследователи объясняют, почему возникло движение, как и в каких формах оно развивалось, какие контексты, идеологии и идентичности важны для его развития. Начнем с определения.

1.1. Определение женского движения

Женское движение определяется как «коллективная деятельность женщин, направленная на улучшение их социального положения и ослабление действия структур мужского господства» (Dahlerup 1986: 3). Необходимо проводить **различие между женским движением и феминизмом**. Термин «феминизм» чаще используют для обозначения идеологии или теории (хотя иногда феминизм является синонимом женского движения). Женские движения могут быть и феминистскими, и традиционалистскими по своей идеологии: движение может ориентироваться на изменение гендерных отношений, а может действовать, опираясь на традиционную гендерную идеологию, предписывающую определенные половые модели поведения (Chafetz, Dworkin 1986). Дистанцирование от термина «феминизм» было типично для первой волны женского движения на Западе (до Первой мировой войны), когда большинство движений не ставили под вопрос существующую гендерную систему, а в настоящее время типично для многих женских организаций, действующих в постсоветском пространстве, в том числе в современной России. В зависимости от конкретных особенностей культуры, политической, экономической системы движение принимает различные формы и масштабы.

Западное женское движение второй волны является феминистским по самоопределению, при этом в него включены различные виды коллективной активности женщин (Bergman 1991). Исследователи говорят о фазе постфеминизма и о третьей волне, датируя ее 1980-ми гг. (см. лекцию 1). Современные движения имеют антирасистский, антиколониальный и глобальный характер, они находятся под влиянием дискуссий о расе, сексуальности и квир-теорий. Главный вызов для них — наступление гендерного консерватизма в политике («консервативный откат — backlash) и рост консервативных антифеминистских движений в 1990-е гг.

Теория общественных движений различает организации и собственно движение. К движению в широком смысле относятся не только организации, но и социальные сети, локальные сообщества (например, сообщества феминистских писательниц, феминистские литературные круги, театральные группы, организующие кампании коллективных действий, и пр.).

1.2. Женское движение: причины и механизмы мобилизации

В работе «Политика женского освобождения» Джо Фримен (Freeman 1975) выявляет **причины** возникновения и развития американского феминизма второй волны. Среди основных причин его возникновения — относительная депривация (недовольство и неудовлетворенность), которую испытывали образованные американки, когда не могли найти достойную работу или их труд оплачивался ниже, чем работа мужчин с сопоставимым уровнем образования и квалификации (см. лекцию 8). Если женщины совмещали роли домашней хозяйки и профессионала, то они испытывали чувство вины из-за невыполнения традиционных семейных и материнских обязанностей. Напряжение возникало как на структурном, так и на личном уровне. Недовольство долгое время воспринималось как личная проблема женщины или ее семьи; однако в группах роста сознания оно переинтерпретировалось как социальная проблема, общая для всех женщин. Личное становилось политическим, обретая общественный смысл (см. также лекцию 1).

Для развития движения важным является его способность совершать совместные действия для достижения целей и продвижения интересов — т. е. **коллективное действие**. Коллективное действие, рассматриваемое в теориях общественных движений, предполагает **общие интересы, привлечение участников (мобилизацию), контроль ресурсов, использование существующих возможностей и определенный репертуар действий** (Tilly 1978).

Мобилизация любого общественного движения осуществляется в конкретном политическом и идеологическом контексте, поэтому сравнения политического контекста помогают объяснить различия в механизмах мобилизации, программах и результатах общественных движений. Женские движения развиваются в контексте конкретных циклов политического протеста (Здравомыслова 1993). С циклом связаны политические возможности, способствовавшие возникновению движений, связи с другими движениями, стратегии использования сетей и различных ресурсов (Dahlerup 1986). Женское движение второй волны в большинстве стран возникло на волне массовой демократической мобилизации, в которой участвовали

самые разные политические силы, выдвигавшие различные лозунги. Ядром этой мобилизации были **Новые левые**. Женское движение было связано с демократическими левыми инициативами своей повесткой дня и личными контактами, различные группы вместе выступали против истеблишмента и традиционных ценностей. Опыт участия женщин в других движениях приводил их к организации собственного протеста по мере осознания гендерной дискриминации в левых движениях 1960-х гг. Борясь за равенство и справедливость «вообще», женщины обнаружили неравенство и несправедливость по признаку пола в тех организациях, к которым принадлежали.

Различия в структуре политических возможностей приводят к различиям в композиции и эффективности движения (Dahlerup 1986; см. далее). Понятие **структуры политических возможностей** включает структуру партий, группы давления, бюрократии и суды (Gelb 1989). Кроме политических, движения опираются на локальные культурные и идеологические возможности, в том числе связанные с гендерными представлениями, укоренившимися в обществе. Так, например, в католических странах, где было оказано сильное политическое и культурное сопротивление феминистскому движению, протестные действия приняли широкий размах. В разных условиях движениям удавалось мобилизовывать разные ресурсы, вырабатывать разные стратегии коллективных действий.

Репертуар коллективных действий женского движения второй волны включает два основных типа активности: **действия на политической арене (лоббирование)** и **действия сети групп роста сознания**. Фримен выделяет две ветви американского женского движения — старую и новую, анализирует отношения между ними, их стратегии и результаты деятельности. Первая ветвь придерживалась преимущественно либеральной идеологии, вторая — социалистической, марксистской, радикальной и психоаналитической в различных сочетаниях. Фримен полагает, что различия в стратегиях двух ветвей женского движения второй волны обусловлены в значительной степени спецификой их организационной структуры и только во вторую очередь — идеологией.

Старая ветвь женского движения, представленная формальным, вписанным в политический истеблишмент объединением «Национальная организация женщин США», активно действовала на

национальной политической арене. Она использовала такие формы влияния на власть, как лоббирование, петиции, обращения к законодателям, призывы голосовать определенным образом, участие в судебных делах, образовательные проекты. Движение стремилось получить власть в существующей системе, ставило целью изменить гендерный порядок таким образом, чтобы социальные роли женщин изменились, чтобы женщины получили равные с мужчинами возможности в сфере занятости и на политической арене.

Вторая, молодая ветвь, состояла из небольших групп, ориентированных на местные сообщества, создававшихся на основе дружеских, соседских и профессиональных связей. Основными ячейками молодой ветви были группы роста сознания, в которых женщины собирались для обсуждения своих личных и семейных проблем. Для новой ветви основной ареной борьбы являлись личные и символические значения. В своих целях группы ориентировались на реализацию конкретных проектов — малых дел, у них был низкий уровень профессиональной специализации, они быстро создавались и быстро распадались. Женские встречи и собрания были направлены на рост самооценки женщин, на изменения личности. Считалось, что для изменения гендерного порядка женщины должны измениться сами и изменить свое ближайшее окружение: на индивидуальном уровне необходимо освободиться от патриархатных практик и установок, «по капле выдавливая из себя» гендерное рабство. Деятельность осуществлялась прежде всего в социальной и культурной сферах, для привлечения внимания общественности и психологической поддержки женщин использовались тактики прямого действия (уличные выступления, перформансы, акции гражданского неповиновения и т. п.) (Ryan 1992). В некоторых случаях движение использовало тактику конфронтации с существующей системой.

1.3. Идеология как ресурс мобилизации женского движения

Идеология женского движения второй волны рассматривается как существенный ресурс мобилизации (Ryan 1992). Чтобы мобилизовать участников на коллективные действия, необходимо вы-

работать идеологию, которая может объединить участников и привлечь новые силы. **Задачи идеологии** — поставить диагноз существующей несправедливой ситуации, объяснить природу несправедливости и предложить решение проблемы, мотивируя людей на участие в коллективных действиях (Ferree, Miller 1985; Tuana, Tong 1995).

Феминистская идеология движения второй волны призвана объяснить, в чем заключается несправедливость общественного устройства по отношению к женщинам и каковы перспективы построения гендерно справедливого общества. Женское движение второй волны было идеологически разнообразным, если не сказать — конфликтным. Активисты, которые придерживались различных идеологий, далеко не всегда были способны на совместные действия, часто группы находились в идеологических разногласиях и дебатах (Хольмберг, Линдхольм 1992). Рассмотрим, как разные направления идеологии определяли проблемы гендерного неравенства и как это влияло на практику движения.

Либеральный феминизм видит несправедливость в неравенстве мужчин и женщин, в недостаточных правах женщин, его цель — установить гендерное равенство — равенство прав и возможностей женщин (с мужчинами). Средствами достижения гендерного равенства считаются реформы в области права и политики, поддержка женщин в публичной сфере. Эта идеология организационно выражалась в действиях «старой ветви». Либеральный феминизм, корнями уходящий в суфражизм и борьбу за образование женщин XIX — начала XX вв., стал идеологией реформистского направления женского движения 1960-х гг. в Америке и в Европе. Вторая волна феминизма создала новые организации по защите женских прав, особенно в США, во Франции, в Англии. В некоторых странах (например скандинавских) либеральную идеологию проводили организации, образованные еще в XIX в., в других — создавались новые организации. Эффективность старых организаций в новых условиях зависела от их способности воспринимать новые идеи, использовать уже существующие сети.

Классический либеральный феминизм исходил из того, что общество в целом благоприятствует мужчинам, гендерное равенство может быть достигнуто за счет правовых реформ и отмены

дискриминирующих актов. Предполагалось, что в результате изменения законов женщины смогут на равных соревноваться с мужчинами в сфере публичных достижений. Задачи политического либерализма менялись по мере развития капиталистической общественной формации. На смену классическому либерализму, подразумевавшему защиту государством гражданских свобод и создание равных возможностей действовать на рынке, пришел социальный либерализм, продвигающий политику защиты социальных прав (помощи безработным и неимущим, предоставления доступа к образованию и медицинскому обслуживанию, помощи семье и пр.). Либеральный феминизм проделал схожую эволюцию, распространяя при этом принципы индивидуализма и личной свободы не только на мужчин, но и на женщин. Развитие либерального феминизма вывело его за границы формального гендерного равенства, подняв новые вопросы помощи в воспитании детей и личной свободы в репродуктивной сфере.

В определенном смысле **радикальная феминистская идеология** противопоставляет либерализму в подходе к проблеме неравенства полов. Если либерализм опирается на принцип равенства индивидов, независимо от пола, то радикализм строит свою теорию и практику исходя из принципа социально-культурного различия полов. Феминизм объясняет гендерное неравенство патриархатными структурами традиционных гетеросексуальных отношений и социальных институтов. В центре радикальной идеологии находится переосмысление женской идентичности и сексуальности. В качестве цели радикальный феминизм провозглашает признание различий и освобождения всех угнетенных, в первую очередь женщин. Основное средство разрушения несправедливости в отношении женщин — борьба с патриархатом на всех уровнях, в том числе в сфере сексуальности, семейных отношений и репродукции.

Радикальный феминизм движения второй волны в США был представлен небольшими группами в основном белых женщин, студенток, принадлежащих к среднему классу. С момента своего возникновения радикальный феминизм сильно изменился: он разорвал связи с левыми и выработал самостоятельную идеологию. Организационно он тяготел к движению, которое выше было обозначено как новая ветвь. Радикальный феминизм способствовал

созданию феминистской альтернативы в литературе, музыке, духовной сфере, медицине, сексуальности, в сфере занятости и технологии. Такие институты связывались между собой по принципу сети.

Радикальный феминизм оказал существенное влияние на развитие феминистской теории и практики, хотя и не был представлен массовыми организациями. Его влияние на переосмысление гендерных идентичностей и ролей затронуло многие сферы жизни, от сексуальной до политической.

Движения 1960-х гг. развивались в контексте общей критики капитализма и мощного подъема левых движений, в ситуации усиления влияния марксизма и роста антибуржуазных настроений. **Марксистский и социалистический феминизм** развивались в тесной связи с Новыми левыми; там, где были сильными левые протесты в 1960–70-е гг., особенно активно развивалось женское освободительное движение.

Идеологически и организационно взаимоотношения феминизма и марксизма достаточно сложны, временами конфликтны. Мнение о «неудачном браке марксизма и феминизма» (Hartmann 1979) часто встречается в литературе. Марксисты критикуют феминизм за буржуазность, сосредоточенность на чувствах и оценках, а не на экономических структурах. Феминистки обвиняют марксистов в смещении акцентов от пола к классу, за то, что они не выходят за пределы мужского видения мира (MacKinnon 1982).

Диагноз социалистического феминизма, который ставится несправедливому гендерному устройству, исходит из того, женщины имеют (в потенциале) общий опыт. Это опыт их репродуктивной жизни, опыт материнства, сексуальности, домашней работы. Все женщины выполняют домашнюю работу и в связи с этим обладают меньшей степенью свободы, чем мужчины. Женщины имеют более длинный рабочий день, получая меньшее, чем мужчины, материальное и эмоциональное вознаграждение, они меньше участвуют в принятии решений, имеют меньше сексуальной свободы и получают меньше сексуального удовлетворения (Ferguson, Folbre 1981).

Одну из наиболее острых дискуссий в марксистском феминизме вызвал вопрос об оценке домашнего труда, или «зарплате домохо-

зьяк». Одна из центральных фигур этой дискуссии — М. Далла Коста (Dalla Costa 1973) считает, что все женщины участвуют в домашнем труде, независимо от того, работают они за пределами дома или нет. Домашние обязанности женщин марксизм интерпретирует в категориях труда, необходимого для воспроизводства населения и рабочей силы. Таким образом, женщины, занимающиеся домашним хозяйством, рассматриваются как эксплуатируемый класс, производящий прибавочную стоимость в домашнем труде и не получающий вознаграждения. Недооценка домашней работы при капитализме порождает подчиненный статус женщины в обществе. Одно из решений вопроса о недооценке значимости домашнего труда — его оплата. Оплата домашнего труда приведет к экономическому освобождению женщин, которые не будут более финансово зависеть от мужей, поскольку их домашний труд будет оплачиваться специально созданным для этих целей государственным фондом. Лозунг «Зарплату для домохозяйек!» отражал феминистское представление о том, что отношения между мужчиной и женщиной в семье имеют такой же социально-экономический смысл, как и отношения в сфере производства. Движение за оплату труда домохозяйек в начале 1970-х гг. было громким, хотя и непродолжительным (Vogel 1987: 21).

Для освобождения женщины нужно не только изменение экономических отношений, но и реорганизация воспроизводственной (репродуктивной) сферы. Граждане, независимо от пола, должны иметь возможность контролировать рождаемость, осуществлять воспитание детей, иметь право на отпуск по уходу за детьми, гибкий рабочий график и другие возможности сочетания домашних и рабочих обязанностей. Политика гендерного равенства предполагает расширение возможностей выбора не только для женщин, но и для мужчин (Jaggar 1983).

Идеи марксистского и социалистического феминизма (границы между этими направлениями достаточно условны) о том, что женщины являются угнетенным классом, были восприняты многими группами нового женского движения 1960-х гг. К концу 1970-х социалистический феминизм начал терять свою популярность и мобилизующую силу; многие группы распались. Это было связано с кризисом марксистской идеологии в целом и начавшимся спадом левого движения на Западе.

Феминистский психоанализ, в отличие от других идеологий, не стал основанием для отдельного направления женского движения (за исключением Франции, где были группы, такие как *Psychoanalyse et politique*), однако в теоретическом смысле был важен и для радикалов, и для марксистов, и для движения малых групп в целом. Психоаналитический феминизм критикуется за то, что тяготеет к универсализму, не учитывает гендерные различия в разных исторических условиях, применительно к разным классам, расам и этносам. Наиболее распространенная критика психоаналитического феминизма заключается в том, что он оставляет за пределами внимания многие социально-культурные и политико-экономические основания женской субординации. Именно поэтому он часто выступал не как самостоятельная идеология или ветвь движения, а в сочетании с другими теоретическими направлениями, принимающими во внимание социальные, экономические, политические факторы гендерного неравенства.

На женское движение 1970-х гг. оказывали влияние все выше перечисленные идеологии. В результате сложилось два основных направления борьбы за изменение положения женщины — **реформаторско-либеральное** и **радикальное**, внутри каждого существовали теоретические дебаты и взаимная критика.

Идеологические конфликты пронизывали все женское движение. Реформаторские группы либеральной направленности стремились работать на законодательном уровне, привлекать самых разных сторонников, и потому вступали в конфликт с представителями радикального феминизма, считая их позицию излишне революционной. Радикалы считали либералов и социалистов оппортунистами и соглашателями, находившимися под влиянием мужского шовинизма. Социалисты считали всех остальных проводниками буржуазных ценностей. Практически всегда проблемой была степень радикализма организации (идеологии и вытекающей из нее тактики), проблема «идеологической» чистоты организации и приемлемого репертуара действий.

Идеологические конфликты порождали расколы организаций, способствовали созданию автономных фракций, препятствовали консолидации сил. Женские организации вырабатывали различные стратегии и тактики, имели разную структуру, арену борьбы и типы

лидерства. В 1970–80-е гг. идеологические конфликты, противодействие консерваторов, с одной стороны, и распространение феминистских идей в обществе — с другой, привели в большинстве европейских стран и в США к спаду женского низового активизма.

1.4. Создание коллективной идентичности в женском движении

Западное феминистское движение второй волны ориентировалось не только на конкретные политические реформы и перераспределение ресурсов в пользу угнетенных, но и на изменения основных культурных ценностей и кодов общества. Такие движения обозначают как **новые общественные движения** (среди них — зеленые, антивоенные движения, гей- и позднее ЛГБТ-активизм и пр.). **Новые общественные движения борются за культурное признание инаковости, разрушение жесткой матрицы оценки нормальности, они вырабатывают новые идеологии и коллективные идентичности** (Здравомыслова 1993).

Женское движение рассматривается как протест против современного капитализма, свойственной ему коммодификации и технократизации общественных отношений. Важными аспектами являются создание новой коллективной идентичности женщин и изменение политического дискурса (Mueller 1994).

Мобилизация лесбийского сообщества в США

Анализируя мобилизацию лесбийского сообщества в США в начале 1970-х гг., В. Тэйлор и Н. Уиттьер показывают процесс конструирования коллективной идентичности (Тэйлор, Уиттьер 2001 [1992]). Создавая солидарную группу, движение определяет свои «границы», отделяя себя от большого общества; вырабатывает оппозиционное сознание (интерпретативные схемы) и предлагает альтернативы ему. Лесбийское сообщество создает собственный мир: альтернативные институты, особую женскую субкультуру, которые противопоставляются гетеросексистскому окружающему миру. В ходе осознания своего места в обществе группа переопределяет свои задачи, субъективный опыт членов группы, анализи-

рует возможности и общие интересы. Лесбийство определяется не только как индивидуальная сексуальная ориентация, но становится политизированной феминистской идентичностью. Лесбийское сообщество сопротивляется стигматизации и негативным социально-культурным определениям, требует признания и права на голос. Происходит переопределение понятия «женщина» и конструирование «мы» — т. е. новой коллективной идентичности движения.

Женское движение рассматривается как процесс конструирования коллективной идентичности в ходе индивидуальных взаимодействий, в структуре культурных, дискурсивных, символических и политических возможностей. Актор, осуществляющий коллективные действия, рассматривается как имеющий определенный гендерный, расовый, классовый, этнический опыт (Morris, Mueller 1992). Формируя образ себя, организация ориентируется на публичное восприятие своей деятельности.

Женские движения, как и другие общественные движения, постоянно занимаются когнитивной работой, т. е. создают интерпретативные схемы, достаточно гибкие и подвижные (в отличие от идеологий), которые позволяют им добиться публичного признания, увеличить поддержку, добиться целей. **Формирование интерпретативных схем** (*framing* — фрейминг) представляет собой деятельность движения по осмыслению социальной реальности и выработке стратегий, которые обеспечивают поддержку движения со стороны разных сегментов публики (Snow, Benford 1988; Snow 1986). Для успеха мобилизации необходимо, чтобы идеи и цели, предлагаемые движением, соответствовали представлениям потенциальных участников и находили отклик в общественном сознании, т. е. резонировали с коллективными идеологиями и верованиями. Как и в случае идеологии, важны **диагноз, прогноз и стратегия**. Диагностический фрейминг определяет социальную проблему, обозначая виновников,

Формирование интерпретативной схемы (фрейминг) — создание смысловых схем или рамок интерпретации социальной реальности и ее конкретных феноменов в целях мобилизации.

прогностический ориентирован на создание картины будущего, стратегический обосновывает выбор тех форм коллективных действий, которые движение намерено использовать для достижения своих целей. Ключевым в когнитивной работе является фрейм самоидентичности, в рамках которого движение позиционирует себя как социальная сила, представляющая интересы определенной социальной группы.

Движение использует имеющиеся символические ресурсы, обеспечивающие ему признание разных аудиторий. И это сознательное управление символическим порядком, как правило, апеллирует к коллективному опыту страдания, пережитого участниками движения, группы, интересы которых оно представляет, и признанному общественностью. Феминистский политический проект опирается на репрезентации опыта дискриминации и насилия в отношении женщин. Б. Скеггс утверждает, что обращение к опыту оскорбленного чувства собственного достоинства и страданиям политизированного субъекта становятся необходимым моментом когнитивной работы общественного движения. Валюта травмы и страдания — это дискурсивные средства, связанные с эмоциональной сферой, на основании которых группы требуют признания. Опыт страдания — моральная травма — репрезентируется в дискурсе движения как свидетельство социальной несправедливости и нравственная основа политической борьбы (Skeggs 2004).

Репрезентация особого травматического женского опыта может лежать в основе политики идентичности организации. Особая женская идентичность становится эффектом мобилизации ответственности, а с другой стороны — ее каузальным фактором. Когнитивная работа женских движений включает конструирование и трансформацию самоидентичности на основании сочетания нескольких интерпретативных схем (фреймов). Женское движение переопределяет себя таким образом, чтобы обосновать свой авторитет на публичной сцене, привлечь участников, оправдать свои действия. Конфигурация коллективной идентичности, основанная на признании морального авторитета коллективного травматического опыта, оказывается значимым ресурсом политического участия.

Фрейминг предполагает использование следующих дискурсивных механизмов. (1) Наведение смысловых мостов (*frame bridging*) — «объединение двух или более идеологически конгруэнтных, но структурно не связанных между собой интерпретационных схем по отношению к конкретной проблеме» (Snow 1986: 467). (2) Предметное акцентирование (*frame amplification*) заключается в «прояснении и укреплении интерпретативной схемы в отношении определенного вопроса, проблемы или событийного ряда» (Snow 1986: 469). (3) Расширение интерпретативной схемы (*frame extension*) подразумевает экспансию первичного фрейма за счет включения проблематики, которая является достаточно случайной для основных целей, но имеет существенное значение для политических сторонников. (4) Трансформация интерпретативной схемы (*frame transformation*) предполагает «новую интерпретацию событий и действий, иногда существенно отличающуюся от исходной» (Snow 1986: 467). Далее мы покажем формирование смысловых рамок на примере российского женского движения «Солдатские матери».

Если феминистское движение 1970-х гг. обращалось к общим для всех женщин чертам сознания и опыта, оперируя категориями патриархата и создавая оппозиционную ему женскую культуру, то феминизм 1980–1990-х все более рассматривает гендер как процесс социального конструирования. Наряду с повесткой дня, объединяющей всех женщин, были сформулированы конкретные задачи в отношении отдельных категорий женщин. Для лесбиянок актуальны гендерно-сексуальные проблемы, для чернокожих американок — гендерно-расовые и пр. Было признано, что, несмотря на различия между разными категориями «женщин», относящихся к разным классам, расовым, этническим, религиозным и гражданским группам, женщины могут объединяться для решения конкретных задач. Общая для всех женщины повестка дня — проблема насилия и репродуктивные права. В любом случае феминистское движение — это конкретная политика, имеющая конкретную локальную повестку дня. В этом контексте категория «женщина» перестает восприниматься как универсальная, и это затрудняет выработку общей феминистской повестки дня.

1.5. Политические результаты второй волны женского движения

Женское движение оказало существенно влияние на политическую систему демократического общества. Отмечаются три группы политически релевантных результатов движения. Во-первых, идеи гендерного равноправия получили широкое распространение в обществе; во-вторых, некоторые лидеры женского движения были кооптированы в политические структуры; в-третьих, женщины в целом стали более активно участвовать в политической жизни общества и добились заметного политического влияния (Dahlerup 1986: 16). Разные ветви женского движения имеют разные сферы влияния, одни — прямые, другие — косвенные. Либеральное движение воздействовало на политическую власть, радикальное — изменяло сознание и поведение женщин, а впоследствии и мужчин.

Женское движение второй волны повлияло на программы практически всех партий в западных странах. Наиболее сильный резонанс феминистские программы получили в левых партиях, которые восприняли идеи движения практически полностью. Многие центристские партии включили вопросы, поднятые движением, в свою деятельность и стали решать их через политические институты. Большинство партий провозгласили в своих уставных и программных документах равенство мужчин и женщин. В некоторых случаях партии вносили свои коррективы и использовали феминистские требования в своих целях (так произошло, например, в случае итальянского референдума по проблемам абортов). Кроме того, в большинстве стран были созданы новые государственные институты, призванные содействовать продвижению женщин, гендерному равенству, борьбе с дискриминацией по признаку пола, наравне с эксплуатацией и расизмом (комитеты равного статуса, комиссии равных возможностей, министерства по делам женщин и пр.). С 1997 г. равноправие женщин и мужчин признается как основной принцип права в Европейском Союзе (Штылева 2013). Во многих университетах были институционализированы феминистские центры и женские (гендерные) исследования.

Многие лидеры женского движения стали членами левых и зеленых партий, заняли руководящие посты в профсоюзах, в женских комитетах. Оценка кооптации лидеров движения в политические институты неоднозначна. В ряде случаев кооптация приводит к ослаблению движения из-за ухода лидеров в политику. В других случаях кооптация противоречит принципам автономии и неучастия в политических институтах, распространенному в радикальной ветви движения.

Важной целью женского движения было изменение структуры гендерной власти в обществе. Хотя большинство феминисток и сегодня указывают на многочисленные проблемы и факты дискриминации, реальное положение и политическая активность женщин изменились на Западе столь сильно, что можно говорить о новом «гендерном контракте». Женщины активно участвуют в различных социальных движениях, в женских организациях и институтах; женское политическое представительство резко возросло в 1980-е гг., особенно в Скандинавских странах. В ходе третьей волны феминизма в фокус внимания исследований попали различные движения, протестующие против расового, классового, гендерного, сексуального и прочего неравенства, также стали исследоваться консервативные движения, оппонировавшие феминизму, но их анализ находится за пределами нашего рассмотрения.

ИТАК, выделим основные характеристики женского движения второй волны:

- Женское движение второй волны, рассматриваемое через призму социологии общественных движений, — это коллективные действия женщин на политической арене и на уровне феминистских низовых групп, которые стремятся к гендерным преобразованиям, создавая для этого организации и мобилизуя ресурсы. Женское движение создает новую коллективную идентичность, оппонировавшую патриархатному порядку.
- Идеология является ресурсом женского движения: она ставит диагноз несправедливости гендерного устройства общества и вырабатывает стратегии его преодоления. Либеральный феминизм

низм стремится к достижению гендерного равенства путем реформирования публичной сферы. Радикальный феминизм видит корень гендерного неравенства в сфере семейных, репродуктивных и сексуальных отношений, создает альтернативные феминистские сообщества. Основная цель марксистского феминизма – разрушение капитализма как основы всех современных форм угнетения. Социалистический феминизм обращает внимание на двойственный – патриархатный и капиталистический – характер угнетения женщин в современном обществе. Психодинамический феминизм утверждает, что патриархатные структуры укоренены в сфере бессознательного и воспроизводятся в ходе психосексуального становления личности в раннем детстве.

- Организационно все идеологии, кроме либеральной, находят воплощение в новой ветви движения, в группах роста сознания, символических акциях и пр.
- Женское движение создает новую коллективную феминистскую идентичность, оно вырабатывает интерпретативные схемы, апеллируя к общему для женщин опыту несправедливости, дискриминации и сексизма.
- Женское движение приводит к существенным политическим результатам: получают широкое распространение идеи равноправия полов, в целом возрастает политическая активность женщин, лидеры движения становятся заметными фигурами публичной политики.

2.

Структура политических возможностей и женское движение

Женское движение второй волны рассматривалось как транснациональная мобилизация, охватившая Западную Европу и Америку. Однако в каждой из стран движение имело свою специфику.

Сравнивая женское движение второй волны в разных странах, исследователи обращают внимание на различия политического контекста или структуры политических возможностей (СПВ). Социологи выделяют следующие основные параметры СПВ: (1) степень открытости политической системы; (2) степень устойчивости политических альянсов между различными акторами; (3) наличие/отсутствие групп поддержки; (4) раскол элиты и ее отношение к протесту; (5) способность правительства осуществлять заявленную политику (Tarrow 1988, 1994).

Различия в развитии женского движения в США и Европе М. Катцштайн и С. Мюллер (Katzenstein, Mueller 1987) объясняют особенностями устройства партийной системы, степенью влияния левых (социалистических и коммунистических партий) и особенностями политической культуры. Динамика и повестка дня женского движения определяется возможностями контекста: степенью плюралистичности системы; силой профсоюзов, партий, групп интересов; ролью судов; распространенностью левой идеологии (Gelb, Palley 1982). Гелб выделяет три модели женского движения в зависимости от разных политических возможностей: модель группы давления характерна для стратегии женского движения США; модель левого феминизма типична для английского женского движения; шведский случай демонстрирует модель государственной политики гендерного равенства (государственного феминизма) (Gelb 1989). Рассмотрим эти модели, а также модель женского движения в ином культурном контексте, в котором сильное влияние имеет католицизм.

2.1. Модель группы давления: США

Политическая система США децентрализована, плюралистична, открыта для образования групп давления, партии играют в ней меньшую, по сравнению с Европой, роль. Существующие партии относительно открыты для новой повестки дня и новых групп. Это выражается в меньшей политической значимости профсоюзного движения, в том, что профсоюзы менее привержены социалистическим взглядам, суды ориентируются на защиту индивидуальных прав граждан, и идеология коллективных прав не получает значи-

мой поддержки населения. Все эти обстоятельства определили профиль женского движения и репертуар его коллективных действий.

В США женское движение в целом действовало как группа давления; протесты были редкими и не носили общенационального характера. Каналы доступа в политическую систему открывались без особых трудностей, поэтому необходимость в массовых коллективных действиях в 1970-е гг. была слабой. Представление законодательных проектов, экспертиза, переговоры с членами Конгресса были повседневной работой феминистских групп. Получение информации и комментирование предлагаемых законопроектов превратилось в распространенный вид деятельности женского движения. Причина относительно легкого доступа к политическим рычагам управления в США объясняется открытостью политической системы, наличием лобби в Конгрессе, законодательной помощью членов Конгресса, а также тем, что женщины составляют большинство населения, поэтому многие реформаторы ожидали массовой поддержки решения женских вопросов (Gelb, Palley 1982: 53). Тем не менее, Национальная организация женщин проводила митинги в 1970-х гг., марши и демонстрации привлекали внимание общественности, мобилизовывали сторонников. Одной из крупных акций было шествие «Женская забастовка за равенство» (*Women's Strike for Equality*). Акция имела общенациональный характер, объединяя отдельные организации в общих целях решения проблем абортов, равных возможностей образования и работы (Ryan 1992). В 1980-е гг. женские демонстрации собирали большое число сторонников, что было вызвано протестом против консервативного поворота в политике Р. Рейгана. Некоторые группы предлагали стратегию гражданского неповиновения (Ryan 1992: 76–77).

Одной из значимых форм активности женского движения была борьба в судах, которая, однако, не достигала такого размаха, как, например, в движении за гражданские права чернокожих. Правовое образование считалось одной из ключевых задач женского движения. Еще одна форма активности — школы женского лидерства (семинары, лекции по широкому кругу феминистских вопросов), поиск финансовых средств для поддержки инициатив, своих кандидатов на выборах. Важной сферой деятельности женских организаций является создание коалиций с другими движениями для

решения общих задач. Для действий такого типа, как упоминалось выше, существенным являлись личные связи, в том числе — между представителями разных движений и организаций. Различные группы проводили совместные собрания, шествия, конференции (Ryan 1992). Женское движение сталкивалось с противодействием движений антифеминистской направленности, опирающихся на ресурсы религиозных фундаменталистов (Rucht 1996).

Таким образом, женское движение в США, в условиях открытой плюралистической политической системы с относительно слабыми профсоюзами, действует преимущественно как группа давления или группа продвижения интересов. Прямые акции — митинги и шествия — не являются основными формами работы, хотя и имели некоторое распространение в 1970–1980-е гг.

2.2. Модель левого феминизма: Великобритания

В Великобритании политическая система более централизована, чем в США, более дистанцирована от низовых инициатив и общественных движений. Политика действует на основе некорпоративизма, т. е. больших групп давления на основании экономических интересов. Партии являются важными субъектами в решении политических вопросов, однако они не подвержены такому влиянию групп давления, как в США. Суды в Британии считают себя скорее выразителями интересов государства, чем защитниками индивидуальных прав, что сильно отличает их от американской системы. Такие особенности политической системы существенно ограничили возможности женского движения. В сравнительных исследованиях указывается, что культурная составляющая структуры политических возможностей в Великобритании (распространенность традиционных ценностей, уровень образования и пр.) также неблагоприятна для движения (Gelb 1989: 19, 25–26).

В результате влияние женского движения на политику было незначительным; закрытость политических структур ограничила возможности лоббирования, инициативным группам не хватало ресурсов и поддержки. Женское движение в Великобритании ис-

пытывало дефицит ресурсов, экспертизы, не имело доступа к управленческим структурам. При этом левый феминизм был достаточно консолидированным, идеологически целостным и не стремился сотрудничать с другими группами или общественными движениями. Феминистская политика в таком случае принимала децентрализованную форму, не получая значительного политического представительства и не добиваясь ощутимых результатов. Этой модели коллективных действий присущи фрагментация и идейный энтузиазм.

Особенностью женского движения выступают действия в партиях и профсоюзах, где создают женские секции. Однако эти действия не были высоко результативными (за исключением совместного с лейбористами влияния на политику репродуктивных прав женщин). Большинство феминистских групп ставили перед собой задачу изменения стиля жизни. С конца 1960-х гг. возникли такие феминистские инициативы, как кризисные и правовые центры, группы защиты прав черных женщин, группы поддержки женщин определенных профессий. В целом женское движение в Великобритании оказалось более успешным в своей низовой повседневной деятельности по развитию сознания, чем на уровне политической системы.

Таким образом, в условиях ограниченного доступа в политические структуры, а также при отсутствии постоянных сторонников женское движение принимает форму сети низовых групп, объединенных единой левой идеологией.

2.3. Модель государственного феминизма: Швеция

В Швеции, в условиях, когда политическая система представляет собой модель консенсуса, инкорпорируя интересы граждан, политика государственного равенства в отношении женщин (государственный феминизм) сочетается с отсутствием массового женского движения. Политическая система Швеции характеризуется низким уровнем конфликтов и оппозиций, способностью к консенсусам и парламентским решениям. Интересы отдельных

групп широко представлены в комиссиях и различных государственных органах. Кроме участия в голосовании в стране не наблюдается высокого уровня политической активности граждан, общество высоко институционализировано, пространство внепарламентской деятельности ограничено. Культурные возможности для продвижения политики гендерного равенства в Швеции очень высоки, приверженность традиционным гендерным взглядам незначительна.

Борьба за равноправие женщин в Швеции происходила главным образом в партиях и политических институтах, альтернативные структуры и группы роста сознания не рассматривались как значимые субъекты политики. Женщины активны в политических партиях и, отчасти, в профсоюзах. Государство кооптирует женщин и женские вопросы в политику даже без специального давления снизу. Схожая модель государственного феминизма существует и в Финляндии.

Модель государственного феминизма формируется в странах с открытой политической системой, высокой степенью доступа в политические институты, в результате чего отсутствует массовое движение.

2.4. Движение одной проблемы: Италия

Женское движение в Италии развивалось в политическом и культурном контексте, в котором особое значение имела консервативная гендерная идеология католической церкви. В Италии мобилизация новых левых в 1960–1970-е гг. приняла широкий размах. Однако женское движение стало движением «одной проблемы» — борьбы за право на аборт, которое столкнулось с мощным противодействием католической церкви и правящей Христианско-Демократической партии. В Италии существуют две влиятельные политические силы: новые левые, с одной стороны, и католическая церковь, с другой. Традиции протеста в Италии сильны, политическая жизнь пронизана конфликтами, при этом консервативная гендерная идеология достаточно популярна и поддержана католической церковью.

Женское движение в Италии стало массовым, когда был поднят вопрос о праве на аборт: развернулась дискуссия, в которую включились католическая церковь, законодатели, теологи, левые партии. Поддержку движение за репродуктивные права получило от левых партий и организаций. В общем протестном цикле 1970-х гг. женское движение организовывало крупномасштабные уличные акции — митинги, шествия и манифестации при поддержке Коммунистической партии Италии и левых профсоюзов (Beccalli 1994). Регулярные демонстрации становились все более массовыми, число участников выросло с тридцати тысяч в 1975 г. до пятидесяти тысяч в 1977-м. После проведения национального референдума в 1978 г. был принят новый закон о репродуктивных правах, согласно которому аборт становится легальными в первом триместре беременности. Практически все партии оказались вовлеченными в дебаты по этому поводу, однако движение не было абсорбировано парламентом, после чего многие женщины отказались участвовать в нечувствительной к их требованиям политике, и движение пошло на спад (Pisciotta 1986). В целом, феминизм в Италии не завоевал таких сильных политических позиций, как в Северной Европе, однако сильно повлиял на изменения культурного контекста и гендерных идеологий.

2.5. Сравнение женского движения в разных контекстах: Франция и Германия

Сравнивая женское движение в разных странах, Д. Рухт (Rucht 1995, 1996) утверждает, что различия в динамике и результатах обусловлены многомерным контекстом. В понятие контекста он включает: 1) культурный контекст (соотношение ценностей общества с ценностями, продвигаемыми идеологией движения), 2) социальный контекст (общественная база движения — социальные сети, социальные среды, социальные группы, которые можно мобилизовать), 3) политический контекст (доступ к политике, способности осуществлять политику, структура альянсов, структура конфликтов и оппонентов). Понятие контекста применяется в основном к стабильным условиям и учитывает факторы среды как

объективно данные, а не социально сконструированные. На основе сравнения женских движений в США, Германии и Франции исследователь выделяет различные структуры: партийно-ориентированные, низовые инициативы (*grass-roots*)¹² и группы интересов. Рухт выделяет сходные черты и различия женского движения второй волны в разных контекстах.

Обозначим общие характеристики. Во всех трех странах не существует влиятельных женских партий. В женское движение включаются лишь маргинальные мелкие партии, не получающие существенной поддержки населения. За некоторым исключением (главным образом связанным с проблемой абортов), вопросы положения женщин были второстепенными в электоральных кампаниях. Женское движение опирается как на низовые, так и на бюрократизированные организации. Подчеркивая роль личностных изменений, роста сознания и самопомощи в борьбе с гендерной несправедливостью, женские группы действуют по принципу прямых интеракций, стараясь избегать бюрократизации. Инициативы, входящие в новую ветвь женского движения, организованы по принципу автономии, исключения мужчин и независимости от официальных организаций. Организации связаны между собой неформальными сетями.

На примере французского и германского женского движения выявим основные различия, которые определяются национальными контекстами.

2.5.1. Партийно-ориентированная модель женского движения: Франция

Женское движение во Франции является дисперсным и слабым, оно опирается на поддержку левых партий. Движение наиболее активно действует на выборах и в партийной политике. В результате его структура напоминает партийную. Заявив о себе в 1970-е гг., движение ослабло к 1980-м. Особенности мобилизации объясняются

¹² Термин *grass-roots* (дословно: корни травы) используется для обозначения слабоструктурированных, децентрализованных, неформальных (часто — хаотичных и изменчивых) общественных движений, взаимодействующих через гибкие сети (*networks*) коммуникаций.

такими характеристиками политического устройства, как закрытость партийной системы и механизма принятия решений, неуспешность лоббирования, вынуждающая движение действовать через партийные структуры. Кроме того, государство ограничивает возможности низовых движений, в том числе репрессивными мерами.

2.5.2. Смешанная модель женского движения: Германия

Женское движение в Германии было сильным и обладало развитой инфраструктурой. Его развитие в 1970–1980-е гг. характеризуется сочетанием трех видов активности: партийно-ориентированной, низовой и организации групп интересов. Первоначально в репертуаре коллективных действий преобладали инициативные низовые организации, потом возникли более структурированные организации. Появились и группы, которые лоббировали повестку дня женского движения в парламенте.

ИТАК, подведем итоги рассмотрения женского движения в различных политических контекстах:

- Стратегии и успешность женского движения второй волны в разных странах определяются структурой политических возможностей, показателями которой являются: степень открытости политических институтов, левых партий, профсоюзов, возможность выстраивать альянсы, наличие поддерживающих групп, распространенность левой идеологии и пр. Значимой признается структура контекста, в которой рассматриваются культурные ценности и социальные сети.
- Женское движение в США действует по модели группы давления; в Великобритании преобладает модель левого феминизма; в Швеции формируется модель государственного феминизма; в Италии движение формируется вокруг решения одной социальной проблемы; во Франции женское движение ориентируется на поддержку левых партий; в Германии наблюдается сочетание нескольких моделей.

3. Женское движение в России 1990–2000-е гг.: примеры исследований

3.1. «Солдатские матери Санкт-Петербурга» — создание фрейма коллективной идентичности

Рассмотрим формирование политики идентичности на примере деятельности региональной правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга» в 1990-е гг., которая сочетает идеи защиты прав человека и материнского долга, в 1990-е гг. (Здравомыслова 2009с; Zdravomyslova 2004; см также Данилова 2004; Oushakine 2004).

Движение солдатских матерей возникло весной 1988 г. в связи с принятием Закона о призыве в армию студентов II курса высших учебных заведений России. Это движение возникло в ходе протестного цикла перестройки, когда нарушение законности и прав человека в армии стало предметом обсуждения в публичной дискуссии. Общероссийский «Комитет солдатских матерей» был учрежден в сентябре 1990 г. Санкт-Петербургская правозащитная организация «Солдатские матери» была зарегистрирована в 1992 г. Целями организации является защита прав призывников, в задачи входит разъяснение действующих законов, обучение тому, как пользоваться своими правами и добиваться их реализации. Репертуар действий организации обширен, на разных этапах он включал разные формы — уличные пикеты, обращения с требованиями в СМИ, в органы власти, консультации и конференции, участие в избирательной кампании, судебные разбирательства, марши мира и демонстрации, сбор информационных материалов, касающихся нарушения прав человека в российской армии.

Представление организации о собственной идентичности опирается на два основных понятия: с одной стороны, она определяет себя как правозащитная, с другой стороны, называет себя материнской. Правозащитная деятельность закреплена в уставе, смысл ее организация видит в росте гражданского самосознания, правовое просвещение — необходимая часть ее деятельности. Члены органи-

зации делятся личным и семейным опытом тревог и страданий и опытом успешной борьбы с противоправными действиями военных. Личные примеры нарушения прав призывников, рассказы об успешных случаях правозащитной деятельности семей, в основном матерей — необходимый элемент публичных собраний организации.

В организации «Солдатские матери» пришедшие за помощью обучаются процедуре правовой защиты. Инструкторы-волонтеры, многие из которых сами прошли через те же испытания, объясняют процедуру каждому посетителю. Организация призывает к правовому ликбезу и компетентной самопомощи как средствам самостоятельной защиты гражданских прав. Представители властей, с одной стороны, и граждане, с другой, представлены как антагонисты, противники, преследующие разные интересы. Согласно интерпретациям активистов, власти занимаются своеобразным бизнесом, выполняя план по призыву. Этот бизнес часто является «диким», выходит за пределы правовых рамок. Граждане же пытаются избежать призыва, руководствуясь прежде всего мотивами личной и семейной безопасности и нежеланием попасть в отношения эксплуатации и унижения, воспроизводимые в российской армии. Такое разделение общества и государства типично для либеральной концепции гражданского общества, которой и придерживаются лидеры организации.

Специфика петербургской организации в 1990-е гг. заключалась в том, что защита прав человека легитимировалась христианской идеологией. Согласно предлагаемой интерпретации, защита прав человека — это христианский долг, а истинный правозащитник должен быть верующим.

Вторая конститутивная часть конструирования самоидентичности организации — это представления о материнском чувстве и материнском долге. Защита прав солдат срочной службы и защита прав человека в целом представлена как **право матери** и предмет ее постоянной заботы. Организация апеллирует к гегемонной гендерной идеологии, т. е. к доминирующим представлениям о мужественности и женственности, которые разделяет большинство. Женщинам приписывается особое сознание, производное от их опыта, обусловленного как их природой, так и общественными ожиданиями. Так, например, проясняя мотивы выбора названия

организации, активистка замечает: *«Название организации находит отклик у людей. Оно лучше, чем какое либо другое, и оно отвечает истине — матери отвечают за своих сыновей»* (интервью с руководителем организации). Идеология движения ориентирована на укорененные в российской гендерной культуре представления о социальной роли матери. Отзывчивость общественного сознания на те символы и интерпретации, которые представляет общественное движение, рассматривается как залог успешности группы или по крайней мере условие легитимации ее деятельности. *«Ни танки, ни генералы не остановят женщину, которая, дав однажды жизнь ребенку, теперь пытается спасти его от смерти. Движение солдатских матерей становится политической силой»*, — гласит заголовок статьи газеты «Аргументы и Факты» (АИФ, 12 марта 1994).

Модель ответственного материнства, т. е. включение в интерпретацию материнской роли ответственности за жизнь и здоровье детей (сыновей), является ядром конструирования женственности в российской гендерной культуре. Она опирается на две устойчивые группы коллективных представлений о женственности и материнстве, которые распространены в российском обществе: на христианское и советское понимание. В процессе переосмысления этих традиционных эссенциалистских трактовок женственности возникает новое правозащитное понимание материнской роли.

Христианское представление исходит из того, что природное предназначение женщины — это материнство. Высшим символом христианского материнства является Богородица, заступница за грешников перед Господом. Этот образ был многократно представлен в символике организации. Активисты считают Богородицу святой покровительницей организации, требования матерей реформировать армию представлены как богоугодное дело, как их христианский долг. Обращение к традиционным гендерным моделям считают совместимыми с задачами формирования гражданского самосознания. Для организации характерно твердое убеждение в единстве ценностей христианства и либеральной философии прав человека.

В религиозном понимании материнства присутствуют мотивы жертвенности, страдания и любви: мать готова пожертвовать собой во имя жизни и благополучия своего ребенка. Для спасения его

жизни она готова пойти на риск участия в гражданских акциях, который другим, не наделенным материнской идентичностью, кажется слишком большим, угрожающим личной безопасности. Материнская любовь как миротворческая женственность, противостоящая агрессивной милитаристской мужественности, утверждается в символической системе «Солдатских матерей». Самопожертвование, страдание и любовь — эмоциональные составляющие сложного «материнского чувства», которое заявляет свое право на культурное признание. Это признание утверждается и завоевывается благодаря сознательной стратегической деятельности правозащитного движения солдатских матерей. На основе общественного признания такого образа женственности солдатские матери могут выдвигать требования защиты прав «мальчиков, ребят, сыновей», которым они дали жизнь.

Фрейминг ответственного материнства опирается не только на христианскую модель женственности, но и согласуется с **советскими моделями** женского субъекта. Советские предписания правильной женственности работающей матери, коллективистки и общественницы, институционально подкреплялись особой социальной политикой советской власти и идеологическими кампаниями, которые определяли родительство как преимущественно материнскую ответственность. Сфера материнской ответственности была поистине обширна и имела тенденцию к экспансии. Советская мать-работница должна была не только экономически поддерживать своего ребенка, но и отвечать перед обществом за его гражданское воспитание. Признаваемая государством и обществом ответственность за благополучие ребенка как часть материнской роли позволяет движению трактовать материнский долг в категориях защиты жизни и достоинства детей.

Исследовательница Эмми Кьяцца утверждает, что в 1990-е гг. организация легитимировала свою деятельность с помощью **идеологии радикального материнства**, основанной на сочетании биологического императива женственности и представлений о гражданском долге. Именно такое сочетание естественности материнского предназначения и гражданского призвания женщины является основой радикальных требований коренной реформы мужской патриархатной военной машины российского государства

(Caiazza 2002: 124–126). Образ матери — защитницы жизни своих детей, представляющей их интересы в обществе в целом и перед лицом агрессивной верхушки милитаризованного патриархата, коренится и в поляризованной советской символической гендерной системе. Определенная в соответствии с патриархатными принципами и переосмысленная в рамках правозащитной идеологии конструкция материнства позволяет женщинам заявлять свои права на борьбу со злоупотреблениями в армии.

Символика гражданских инициатив опирается на определение родительства как материнства, закрепленное в общественном сознании российских граждан. Стратегический эссенциализм как трактовка материнской роли выдвигается как аргумент, усиливающий легитимность правозащитной идентичности. Эта смысловая рамка может оказаться и исключительной для других категорий населения, которое не может идентифицировать себя с опытом страдающей матери солдата. Активисты движений отдают себе в этом отчет и в своих текстах создают подвижную рамку, которую можно интерпретировать как включающую и как исключающую в зависимости от конкретных потребностей мобилизации. Т. е. с одной стороны они отмечают наличие особых женских интересов, особых прав женщины, которые страдают своим детям и готовы жертвовать собой для их защиты. С другой стороны, они отмечают, что проблемы армии и здоровья молодого поколения являются не материнскими, а общегражданскими.

Движение «Солдатские матери Санкт-Петербурга» использует различные механизмы формирования смысловых рамок идентичности. «Женская» и «правозащитная» идентичности объединяются общей смысловой рамкой (наведение смысловых мостов), согласно которой ответственное материнство предполагает правозащитную активность. Если проблема дедовщины в российской армии находит отклик у населения, движение уделяет ей внимание и определяет свое место в кампании по преодолению этого явления (предметное акцентирование). Солдатские матери встраивают проблематику женских интересов и особой женской политики в рассуждения о правозащитной деятельности для того, чтобы получить поддержку женщин вообще и женских организаций в частности (расширение интерпретативной схемы). Вступая в альянсы

с политическими партиями, «Солдатские матери» были вынуждены поступиться радикализмом своих требований в отношении военной реформы — так произошла трансформация интерпретативной схемы.

Представления об ответственном материнстве, включающем защиту права призывников, стали результатом переосмысления традиционных трактовок материнской ответственности. Материнское право и материнский долг переопределяются в терминах правозащитной деятельности. Настоящая мать должна защищать права своих детей, она не должна доверять государственным структурам в обеспечении их безопасности. Такая политика идентичности легитимирует борьбу за права человека и требования радикальной военной реформы, отсылая публику к представлениям о материнском гражданском долге.

3.2. Феминистские организации Санкт-Петербурга в структуре политических возможностей (1991–2003 гг.)

Феминистское движение формируется в России в середине 1990-х гг. в условиях структурных изменений и изменяющегося локального контекста, который влияет на стратегию, идеологию и деятельность организаций (Брыгалина 2002; Тёмкина 2004а, Brygalina, Temkina 2004). В крупных городах России возникают женские организации, в т. ч. феминистской направленности. В Санкт-Петербурге в 1990-е гг. возникают самостоятельные женские организации, способные вырабатывать свои стратегии и имеющие символический вес, определяемый, как правило, контактами с международными партнерами и местными и федеральными властями. Наиболее активными, по мнению экспертов, являлись Петербургский центр гендерных проблем (ПЦГП), Институт недискриминационных гендерных отношений / Кризисный центр для женщин (ИНГО/КЦЖ), Служба социально-юридической помощи пострадавшим от насилия «Александра». Феминистский сектор женского движения выдвигает в качестве стратегической цели борьбу с гендерным неравенством и сексизмом в российском обще-

стве. Идеология, способы организационного строительства, стратегия и тактика движения и их эффективность определяются структурными возможностями контекста, к которой исследователи относят политику государства, правила деятельности НКО, поддержку международных фондов.

На первом этапе, когда появляются первые инициативные феминистские группы (1991–1995 гг.), происходит развитие третьего сектора, призванного выражать и защищать интересы отдельных социальных групп. Структура политических возможностей — взаимодействия государства и третьего сектора, поддержка международных фондов — характеризуется неопределенностью правил. Активную деятельность в России осуществляют международные фонды, политика которых направлена на содействие развитию гражданского общества.

В 1991 г. возник ПЦГП, который заявлял о своей приверженности идеологии либерального феминизма. Основной фрейм организации: для того чтобы достичь освобождения женщин от угнетения, необходимо путем «просвещения» преодолеть «дискриминацию женщин». Организационная неиерархическая структура центра воплощала эти принципы и позволяла сосуществовать разным направлениям — исследовательскому, просветительскому, психологической помощи и т. д. Основная характеристика стратегии центра — автономия по отношению к государственным структурам. В первой половине 1990-х гг. деятельность ПЦГП была связана с работой в женском сообществе через персонифицированные сети. Неблагоприятная структура контекста для реализации радикальных феминистских стратегий повлияла на усиление культурно-просветительской ориентации (акции, направленные на поддержку женского творчества). Деятельность ПЦГП включала также просветительскую работу (лекции), политическую активность в период избирательных кампаний, психологическую работу групп роста сознания, поддержку исследований и пр.

Несмотря на то, что транслируемая идеология большей частью носила умеренный либеральный характер, Центр и его руководитель приобрели имидж радикальных феминисток. Причинами подобного восприятия явились прежде всего используемые стратегии дистанцирования от власти (демонстрируемое пренебреже-

ние), публичное обсуждение прежде «запретных» или «неприличных» тем.

В 1994 г. от ПЦП отпочковывается дочерняя организация КЦЖ. Унаследовав от материнской организации автономную стратегию и оппозиционность в отношении государственных структур, КЦЖ транслировал радикальную феминистскую идеологию. Насилие в отношении женщин, прежде всего домашнее насилие, интерпретируется как базовая форма угнетения женщин в современном мире. Квинтэссенцией маскулинизированного государства выступают правоохранительные органы, которые не выполняют своего долга, не в состоянии обеспечить защиту женщин от домашнего насилия, нарушают существующие нормы и правила. КЦЖ позиционирует себя как протекционистскую организацию — «защитника», которому женщина может доверять в поисках безопасности.

На начальном этапе взаимодействия КЦЖ с государственными структурами носили преимущественно конфронтационно-защитный характер (при сопровождении клиенток на допросы и во время судебных заседаний, при регистрации заявлений о случаях насилия). При этом неформальные контакты с чиновниками выстраивались на основании личного знания о человеке. Защита жертвы насилия предполагает двойственную стратегию: ориентированную на свое сообщество и на внешний мир. Внутренний этос «доверия» соратников противопоставляется особым тактикам во взаимодействии с патриархатными структурами внешнего мира.

На втором этапе стабилизации правил (1995–1999) происходит институционализация феминистских инициатив и трансформация движения в НГО. В этот период продолжает меняться структура контекста. Государство устанавливает новые правовые рамки деятельности НГО, в 1995–1996 гг. принимается ряд законов. При этом сохраняется ситуация политической и экономической нестабильности, растет недоверие населения к государственной федеральной власти, усиливается ориентация НКО на региональные администрации. Сохраняется значимость внешней финансовой поддержки.

Важным событием для российского женского движения стала Четвертая Всемирная конференция по положению женщин в Пекине (1995). Пекинская декларация и Платформа действий создали нормативные образцы, выражая международные идеалы для российского

женского движения, а также служили опорой для построения коммуникаций с властью и западными структурами. В администрации Петербурга был создан сектор по реализации политики гендерного равенства. В этот период возникает новый формат женских неправительственных организаций, которые ориентируются на установление стабильных связей с государственными структурами, изменяются также стратегии существующих организаций. В 1998 г. от КЖЦ отделяется самостоятельная организация — «Александра», служба социально-юридической помощи женщинам, пострадавшим от насилия.

Стратегии дистанцирования от государственных структур в новых условиях оцениваются как малоэффективные, изменяющийся контекст вынуждает идти на компромиссы. Стабилизация правил, усиление влияния местных властей приводят к установлению в КЦЖ более интенсивных контактов с чиновниками. Изменение стратегии организации сочетается с изменениями идеологии, риторика радикального феминизма используется все реже и озвучивается лишь в специфических контекстах.

В следующий период — период усиления взаимодействия с государственными структурами и снижения роли международной поддержки (2000–2003) — в российской политике наблюдаются тенденции централизации власти и усиления государственного контроля. Деятельность международных фондов становится менее активной. В сфере третьего сектора намечаются попытки установить и формализовать взаимодействия государства с НГО, при этом государство проводит политику селекции, отбирая организации, с которыми оно готово сотрудничать, и те, которые подлежат ужесточенному контролю и рассматриваются как недружественные.

На этом этапе снижается активность ПЦГИ: Центр теряет стабильную финансовую поддержку и закрывает офис. КЦЖ сохраняет свои феминистские цели, однако активность становится нерегулярной. Новые условия контекста — усиление государственного контроля и координации взаимодействий агентов, повышение стабильности институциональной сферы в целом — определяют стратегии и идеологию юридической службы «Александра». У организации уменьшаются возможности осуществлять автономную политику,

опираясь на символический капитал и нестабильную финансовую международную помощь, но появляются возможности встроиться в существующую институциональную цепочку взаимодействий, касающихся решения проблемы домашнего насилия. Для этой цели формализуются отношения с местными чиновниками и МВД.

В центре дискурса, который развивает «Александра» в это время, оказывается категория «здоровье». Выстраивается фрейм «здорового человека», который находится в гармоничных отношениях с самим собой и окружающим миром. Особенность деятельности «Александр» в этот период — предельная локализация целей социально-юридической помощи и помощи пострадавшим от домашнего насилия в одном из районов Санкт-Петербурга.

ИТАК, подведем итоги выборочного анализа деятельности женских организаций Санкт-Петербурга в 1990–2000-е гг.

- Утверждение коллективной гендерной идентичности значимо для успеха общественного движения «Солдатских матерей», которая базируется на двух основных конструктах — представлении себя как правозащитной группы и как женской материнской организации. Правозащитная деятельность легитимизируется идеалами либерализма и христианскими ценностями, а также обращением к материнскому долгу. Материнская идентичность резонирует с религиозными представлениями о естественном предназначении женщины, с советским опытом матери, ответственной за жизнь и благополучие своих детей.
- Идеология феминистских/женских организаций может изменяться под влиянием изменения структуры контекста на локальном уровне (С.-Петербург), включающей государственную политику, институционализацию правил действия НКО и международную помощь. Идеология петербургских женских организаций стала в конце 1990-х — начале 2000-х гг. менее радикальной, цели — более локальными, а взаимодействия с государственными структурами — более интенсивными.

Выводы

1. Женское движение направлено на борьбу с патриархатным гендерным устройством общества. Движение второй волны действует на политическом, символическом и индивидуальном уровнях. Задачи движения на политическом уровне — изменить законы и достичь равенства мужчин и женщин, задачи низового движения — изменить сознание и положение женщин в обществе.
2. Важнейшим ресурсом женского движения является идеология. Она выявляет причины гендерного неравенства и разрабатывает стратегии коллективных действий. Либеральный феминизм обосновывает равенство прав мужчин и женщин и изменение законов, радикальный подчеркивает гендерные различия, женский опыт и необходимость изменения сознания. Социалистический феминизм видит причины несправедливости в капитализме (как и марксистский) и в патриархате, борьба женщин должна быть направлена на разрушение механизмов господства, свойственных этим социальным формациям. Психоаналитический феминизм видит причины неравенства в психосексуальном развитии, соответственно, должна меняться семья и практики родительства.
3. Движение создает новую коллективную идентичность, для которой характерно осмысление страдания, которое переживают женщины, формирование феминистских ценностей как оппозиционного сознания по отношению к патриархату. Оно создает альтернативные женские институты и воздействует на преобразование существующих.
4. Женское движение второй волны приводит к существенным политическим результатам: получают распространение идеи феминизма и равноправия, женщины включаются в политический процесс.
5. Движение — в зависимости от структуры политических возможностей и контекста — воздействует как группа давления на политическую систему, лоббируя интересы женщин, мобилизует сторонников на крупные акции, создает союзы с другими организациями и левыми партиями, действует в партиях и

профсоюзах, формирует низовые феминистские инициативы (группы роста сознания и самопомощи, кризисные центры, культурные проекты и пр.). В странах государственного феминизма интересы женщин представлены на государственном уровне.

6. Идеология и стратегия феминистских/женских организаций и движений трансформируется под влиянием политических изменений. При этом иногда утрачивается их конфронтационный потенциал.

Вопросы для повторения и обсуждения

1. Каковы особенности женского движения второй волны?
2. Как структура политических возможностей оказывает влияние на мобилизацию женского движения в конкретных контекстах?
3. Каким образом женское движение второй волны повлияло на изменение гендерного порядка в западных обществах?

Основная литература

- Брайсон В. Политическая теория феминизма. М.: Идея-Пресс, 2001.
- Попкова Л. Теория и практика современного феминизма: женское движение в США // Жеребкин С. (ред.) Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 635–648 (<http://www.owl.ru/win/books/articles/popkova.htm>; 11.03.2015).
- Тартаковская И. Личное как политическое: вторая волна феминизма как эхо 1968-го // Неприкосновенный запас. 2008. № 4 (<http://ecsocman.hse.ru/text/25243242/>; 11.03.2015).
- Тёмкина А. Женское движение как общественное движение: истоки и теория // Степанова Н., Кочкина Е. (ред. и сост.) Гендерная реконструкция политических систем. СПб.: Алетейя, 2004. С. 41–76.
- Gelb J. Feminism and Politics. A Comparative Perspective. Univ. of Calif. Press, 1989.
- Ryan B. Feminism and the Women's Movement. Dynamics of Change in Social Movement, Ideology and Activism. New York: Routledge, 1992.

Сводная библиография и указатели

Библиография

- Абубикирова и др.* 1998 — Абубикирова Н., Клименкова Т., Кочкина Е., Регентова М. Женские организации в России сегодня // Женские неправительственные организации России и СНГ. Справочник. М.: Эслан, 1998.
- Авдеева* 2012 — Авдеева А. “Вовлечённое отцовство” в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 95–104.
- Айвазова* 2001 — Айвазова С. Контракт «работающей матери»: советский вариант // Малышева М. (ред.) Гендерный калейдоскоп. Курс лекций. М.: Academia, 2001. С. 291–310.
- Айвазова* 1992 — Айвазова С. К истории феминизма // Общественные науки и современность. 1992. № 6. С. 153–169 (<http://ecsocman.hse.ru/text/18522326.html>; 15.03.2015).
- Айвазова* 1995 — Айвазова С. Женское движение в России: традиции и современность // Общественные науки и современность. 1995. № 2. С. 121–130.
- Айвазова, Хасбулатова* 2004 — Айвазова С., Хасбулатова О. (ред.) Гендерные аспекты политической социологии. Учебное пособие для студентов вузов. М.: РОССПЭН, 2004.
- Ангелова, Тёмкина* 2009 — Ангелова Е., Тёмкина А. Отец, участвующий в родах: гендерное партнерство или ситуативный контроль? // Здравомыслие Е., Роткирх А., Тёмкина А. (ред.) Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности. СПб.: Изд-во ЕУСПб. 2009С. 473–507.
- Аронсон* 2006а. Аронсон П. Отказ от профессиональной медицинской помощи как следствие утраты доверия экспертному знанию врача и институциональной среде здравоохранения // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2006. Т. 3. Вып. 20. С. 5–9 (<http://cyberleninka.ru/article/n/otkaz-ot-professionalnoy-meditsinskoy-pomoschi-kak-sledstvie-utraty-doveriya-ekspertnomu-znaniyu-vracha-i-institutsionalnoy-srede>; 15.03.2015).
- Аронсон* 2006б — Аронсон П. Что русскому хорошо, то немцу смерть: русские студенты в Германии о русских и немецких нормах медицины // Телекоп. 2006. № 2. С. 43–45.
- Аусландер* 2001 — Аусландер Л. Женские + феминистские + мужские + лесбийские + квир исследования = гендерные исследования? // Гендерные исследования. 2000. № 5. С. 43–72.
- Ашвин* 2000 — Ашвин С. Влияние советского гендерного порядка на современное поведение в сфере занятости // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 63–72.
- Ашвин* 2001 — Ашвин С. Утверждение мужской идентичности на рынке труда современной России // Рубеж (альманах социальных исследований). 2001. № 16–17. С. 5–24.
- Баллаева* 1998 — Баллаева Е. Гендерная экспертиза законодательства РФ: репродуктивные права женщин в России. М.: МЦГИ, 1998.
- Баллаева* 2001 — Баллаева Е. Репродуктивные и сексуальные права женщин как проблема гендерных исследований // Малышева М. (ред.) Гендерный калейдоскоп. М.: Academia, 2001. С. 432–453.
- Баранская* 1969 — Баранская Н. Неделя как неделя // Новый мир. 1969. № 11. С. 23–55.
- Барчунова* 2000 — Барчунова Т. Эксклюзия и инклюзия сообщества гендерных исследователей // Преодоление. Новосибирск: Сиб-Ново-Центр, 2000. С. 216–226.
- Барчунова* 2004 — Барчунова Т. Перевод и дискурсивное конституирование научного сообщества (на примере гендерных исследований) // Гендер по-русски: преграды и пределы. Материалы международного научного семинара, организованного Финской Академией наук и Тверским государственным университетом, Тверь, 10–12 сентября 2004 г.
- Барчунова* 1998 — Барчунова Т. Потолок пола / Сб. науч. и публицист. статей. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, Ресурсн. Центр гуманит. образования, 1998.
- Барчунова, Парфенова* 2010 — Барчунова Т., Парфенова О. shift-f2: интернет-фактор, массмедиа и интимное поведение молодых сибирячек // Лабораториум. 2010. Вып. 3 (<http://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/222/518>; 15.03.2015).
- Батлер* 2000 [1990] — Батлер Дж. Гендерное беспокойство. Субъекты пола/гендера/желания // Гапова Е., Усманова А. (сост.) Антология гендерной теории. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 297–347.
- Батлер* 2002 — Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции. СПб.: Алетейя, 2002.
- Батлер* 2005 — Батлер Дж. Присвоение телом гендера: философский вклад Симоны де Бовуар // Женщины, познание и реальность: исследования по феминистской философии. М.: РОССПЭН, 2005. С. 292–304.
- Белл хукс* 2000 — Белл хукс. Феминистская теория: от края к центру // Гапова Е., Усманова А. (сост.) Антология гендерных исследований. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 236–253.
- Белоусова* 1998 — Белоусова Е. Родовая боль в антропологической перспективе // Arbor Mundi: Международный журнал по теории и истории мировой культуры. 1998. Вып. 6. С. 48–59.
- Белоусова* 2003 — Белоусова Е. Родильный обряд // Современный городской фольклор. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2003. С. 339–370.
- Бем* 2004 [1983] — Бем С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.
- Бергер, Лукман* 1995 [1966] — Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
- Бёрд* 2008 — Бёрд Ш. Теоретизируя маскулинности: современные тенденции в социальных науках // Бёрд Ш., Жеребкин С. (ред.) Наслаждение быть мужчиной: западные теории и постсоветские практики. СПб.: Алетейя, 2008.
- Берн* 2002 — Берн Ш. Гендерная психология. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002.
- Бовуар* 1997 [1949] — Бовуар С. де. Второй пол. Т. 1, 2 / общ. ред. и вступ. ст. С. Айвазовой, коммент. М. Аристовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997.

- Богданова, Ткач 2005* — Богданова Е., Ткач О. Критические заметки о «критических днях»: попытка анализа современного российского дискурса // Беспредельная социология. СПб.: ЦНСИ, 2005. С. 98–114.
- Болтански, Кьяпелло 2011* — Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: НЛО, 2011.
- Бороздина 2009* — Бороздина Е. «Правильная» беременность: рекомендации медиков и советы обывателей // Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2009. С. 254–278.
- Бороздина 2010* — Бороздина Е. Беременность и практическое знание женщин // Здравомыслова Е., Пасынкова А., Тёмкина А., Ткач О. (ред.) Практики и идентичности: гендерное устройство. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2010. С. 235–257.
- Бороздина 2011* — Бороздина Е. Медицинская помощь беременным: в поисках заботы // Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) Здоровье и интимная жизнь. Социологические подходы. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2011. С. 54–83.
- Бороздина 2014* — Бороздина Е. Социальная организация естественных родов (случай центра акушерского ухода) // ЖСиСП. 2014. Т. 12. № 3. С. 413–426.
- Бороздина, Здравомыслова, Тёмкина 2012* — Бороздина Е., Здравомыслова Е., Тёмкина А. Как распорядиться «материнским капиталом» или граждане в семейной политике // СоцИс. 2012. № 7. С. 108–117.
- Брайдотти 2000 [1994]* — Брайдотти Р. Половое различие как политический проект номинализма // Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 220–250.
- Брайсон 2001* — Брайсон В. Политическая теория феминизма. М.: Идея-Пресс, 2001.
- Брандт 2003* — Брандт Г. Гендерные исследования в России: особенности и проблемы // Попкова Л., Тартаковская И. (ред.) Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2003. С. 23–30.
- Браун, Русинова, Панова 2007* — Браун Дж., Русинова Н., Панова Л. Гендерные неравенства в здоровье // Социологические исследования. 2007. № 6. С. 114–122.
- Бредникова 2008* — Бредникова О. 2008 Два мира — два тела? (бестелесная субъектность эмбриона и бессубъектная телесность беременной женщины) // Нартова Н., Омельченко Е. (ред.) В тени тела. Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. ун-та, 2008. С. 113–136.
- Бредникова, Нартова 2007* — Бредникова О., Нартова Н. Нарушая молчание: дискриминация женщин в пространстве Новых репродуктивных технологий (НРТ) // Здравомыслова О. (ред.) Современная женщина, семья, демография. Актуальные исследования. М.: Звенья, 2007. С. 156–180.
- Брыгалина 2002* — Брыгалина Ю. Феминистские организации Санкт-Петербурга в структуре политических возможностей трансформационного периода. Исследование случая: выпускная аттестационная работа / Науч. рук. А. Темкина. Европейский университет в Санкт-Петербурге. Факультет политических наук и социологии. СПб.: [s. n.], 2002.

- Буравой 2008* — Буравой М. За публичную социологию // Ярская-Смирнова Е., Романов П. (ред.) Социальная политика в современной России: реформы и повседневность. М.: ЦСПГИ; Вариант, 2008.
- Буравой 2009* — Буравой М. Приживется ли «публичная социология» в России? // Лабораториум. 2009. № 1. С. 162–170.
- Бурдые 2001* — Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
- Бурмыкина 2006* — Бурмыкина О. Гендерные различия в практиках здоровья: подходы к объяснению и эмпирический анализ // Демоскоп weekly. 2006. № 2. С. 101–119 (<http://demoscope.ru/weekly/2007/0305/analit03.php>; 15.03.2015).
- Ваньке 2011* — Ваньке А. Мужская сексуальность в дискурсе журнала Men's Health // Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) Здоровье и интимная жизнь. Социологические подходы. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2011. С. 178–209.
- Ваньке 2013* — Ваньке А. Семантика маскулинной телесности в пространстве социальных различий. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. кандидата соц. наук. М., 2013.
- Ваньке 2014* — Ваньке А. Телесность мужчин рабочих профессий в режиме труда и приватной сферы // Лабораториум. 2014. № 1. С. 60–83 (<http://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/345/1029>; 15.03.2015).
- Воронина 1988* — Воронина О. Женщина в «мужском» обществе // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 104–110.
- Воронина 1992* — Воронина О. Феминизм: перспективы социального знания. М.: ИНИОН, 1992.
- Воронина 1993* — Воронина О. Женщина и социализм: опыт феминистского анализа // Феминизм: Восток — Запад — Россия. М.: Наука, 1993. С. 205–225.
- Воронина 2000* — Воронина О. (ред.) Хрестоматия по курсу «Основы гендерных исследований». М.: МЦГИ, 2000.
- Воронина 2001* — Воронина О. (ред.) Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций. М.: МЦГИ — МВШСЭН — МФФ, 2001.
- Воронина 2004a* — Воронина О. От феминистских теорий к «женским» и гендерным исследованиям // Саралиева З. (ред.) Социология гендерных отношений. М.: РОССПЭН, 2004. С. 34–79.
- Воронина 2004b* — Воронина О. Феминизм и гендерное равенство. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Воронков, Чикадзе 2009* — Воронков В., Чикадзе Е. (ред.) Уйти, чтобы остаться. Социолог в поле. СПб.: Алетейя, 2009.
- Галиндабаева 2010* — Галиндабаева В. Любовь к детям как профессия: организация оплачиваемых услуг по уходу за детьми в Бурятии // Здравомыслова Е., Пасынкова А., Тёмкина А., Ткач О. (ред.) Практики и идентичности: гендерное устройство. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2010. С. 128–159.
- Гапова 2005* — Гапова Е. О гендере, нации, классе в посткоммунизме // Гендерные исследования. 2005. № 13. С. 101–118.
- Гапова 2011* — Гапова Е. Итоги съезда: еще раз о классовом вопросе постсоветского феминизма // Журнал исследований социальной политики. 2011. № 7 (4).

- С. 465-484. (http://eccocman.hse.ru/data/2011/05/06/1268031641/E.Garova_ltoji_s'ezda.pdf; 15.03.2015).
- Гапова, Усманова 2000 — Гапова Е., Усманова А. (сост.) Антология гендерной теории. Минск: Прополис, 2000.
- Гарфинкель 2007 [1967] — Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007.
- Гегель 1992 [1807] — Гегель. Г. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1992.
- Гендерная экспертиза 2001 — Гендерная экспертиза российского законодательства / Отв. ред. Л. Н. Завадская. М.: БЕК, 2001.
- Гидденс 1999 [1989] — Гидденс Э. Социология М.: Эдиториал, 1999.
- Гидденс 2003 [1984] — Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации. М.: Академический Проект, 2003.
- Гидденс 2011 [1990] — Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011.
- Гиллиган 2000 [1982] — Гиллиган К. Место женщины в жизненном цикле мужчины // Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 166–187.
- Гилмор 2005 — Гилмор Д. Становление мужественности: культурные концепты маскулинности. М.: РОССПЭН, 2005.
- Годованная 2014 — Годованная М. Материнство и художественное творчество: гендерный баланс ролей. Курсовая работа. ПНИС. ЕУСПб, 2014 (рукопись).
- Гордон, Клопов 2013 [1972] — Гордон Л., Клопов Э. Человек после работы. М.: Вече, 2013.
- Гофман 2000 [1959] — Гофман И. Преставление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступит. статья А. Д. Ковалёва. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
- Гофман 2001 [1979] — Гофман И. Гендерный дисплей // Жеребкин С. (ред.) Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 306–335.
- Градскова 2005 — Градскова Ю. Гендерная идеология в Советской России // Костинова И. (ред.) Введение в гендерные исследования. М.: Аспект Пресс, 2005. С. 87–98.
- Гревал, Каплан 2002 — Гревал И., Каплан К. Постколониальные исследования и транснациональные феминистские практики // Гендерные исследования. 2002. № 7–8. С. 107–111.
- Григорьева 2012 — Григорьева И. Развитие теоретических подходов к социальной политике в 1990–2000 гг. // Мир России. 2013. №1. С. 133–153.
- Григорьева, Чубарова 2001 — Григорьева Н., Чубарова Т. Гендерный подход в здравоохранении. М.: Альфа-Принт, 2001.
- Губа 2010 — Губа К. Книга для девочек: советская идеология в действии // Здравомыслова Е., Пасынкова А., Тёмкина А., Ткач О. (ред.) Практики и идентичности: гендерное устройство. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2010. С. 259–277.
- Гурко 1997 — Гурко Т. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях // Социологические исследования. 1997. № 1. С. 72–79.

- Гурко 2000 — Гурко Т. Вариативность представлений в сфере родительства // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 90–97.
- Гурко 2003 — Гурко Т. Родительство: социологические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 2003.
- Данилова 2004 — Данилова Н. Право матери солдата: инстинкт заботы или гражданский долг? // Семейные узы. Модели для сборки. Кн. 2. М.: НЛО, 2004. С. 188–211.
- Денисова 2002 — Денисова А. (ред.) Словарь гендерных терминов. Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». М.: Информация XXI век, 2002 (<http://www.owl.ru/gender/>; 03.03.2015).
- Джагоз 2008 — Джагоз А. Введение в квин-теорию. М.: Канон; Реабилитация, 2008.
- Диксон 2004 — Диксон У. Двадцать великих открытий в детской психологии. СПб.: Прайм-Еврознак; М.: Олма-пресс, 2004.
- Дмитриев 2013 — Дмитриев А. Крестьянин и тинейджер. М.: Время, 2013.
- Дэвис-Флойд 2007 — Дэвис-Флойд Р. Дочь времени — «акушерка постмодерна» / пер. А. Петелина (<http://www.domrebenok.ru/blog/8312/>; 10.03.2015).
- Дюркгейм 1991a [1895] — Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М. Наука, 1991. С. 391–566.
- Дюркгейм 1991b [1893] — Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М. Наука, 1991. С. 3–390.
- Дюркгейм 1994 [1897] — Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М.: Мысль, 1994.
- Жеребкин 2001 — Жеребкин С. (ред.) Введение в гендерные исследования. Часть 2: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001.
- Жеребкин 2008 — Жеребкин С. Наслаждение быть украинцем: украинская маскулинность и Оранжевая революция // Бёрд Ш., Жеребкин С. (ред.) Наслаждение быть мужчиной: западные теории и постсоветские практики. СПб.: Алетейя, 2008. С. 226–245.
- Жеребкина 1996 — Жеребкина И. Женское, политическое, бессознательное. Проблема гендера и женского движения в Украине. Харьков: Ф-ПРЕСС, 1996.
- Жеребкина 2001 — Жеребкина И. (ред.) Введение в гендерные исследования. Ч. 1: Учебное пособие. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001.
- Жеребкина 2003 — Жеребкина И. Гендерные 90-е, или Фаллоса не существует. СПб.: Алетейя, 2003.
- Зайдлер 2012 — Зайдлер В. Маскулинности, тела и эмоциональная жизнь // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 85–94.
- Здравомыслова 1993 — Здравомыслова Е. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: Наука, 1993.
- Здравомыслова 2009a — Здравомыслова Е. Гендерное гражданство и абортная культура // Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2009. С. 108–135 (<http://demoscope.ru/weekly/2010/0409/analit01.php>; 15.03.2015).

- Здравомыслова 2009b* — Здравомыслова Е. Няни: коммерциализация заботы // Здравомыслова Е., Роткирх А., Тёмкина А. (ред.) Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2009. С. 94–136.
- Здравомыслова 2009c* — Здравомыслова Е. Политика идентичности правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга» // Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С. 120–136.
- Здравомыслова 2013* — Здравомыслова Е. Синдром поколения «сэндвич» в российском контексте. Доклад. 2-я Национальная конференция РФ «От стареющего общества к обществу всех возрастов». 2013. 9–10 октября.
- Здравомыслова О. 2003* — Здравомыслова О. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. М.: Эдиториал УРСС, 2003.
- Здравомыслова, Роткирх, Тёмкина 2009a* — Здравомыслова Е., Роткирх А., Тёмкина А. Введение. Создание приватности как сферы заботы, любви и наемного труда // Здравомыслова Е., Роткирх А., Тёмкина А. (ред.) Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2009. С. 7–30.
- Здравомыслова, Роткирх, Тёмкина 2009b* — Здравомыслова Е., Роткирх А., Тёмкина А. (ред.) Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2009.
- Здравомыслова, Тёмкина 1996* — Здравомыслова Е., Тёмкина А. Введение. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. Вып. 4. СПб.: ЦНСИ, 1996. С. 5–12.
- Здравомыслова, Тёмкина 1998* — Здравомыслова Е., Тёмкина А. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. 1998. № 3–4. С. 171–182.
- Здравомыслова, Тёмкина 1999* — Здравомыслова Е., Тёмкина А. Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 177–185.
- Здравомыслова, Тёмкина 2000a* — Здравомыслова Е., Тёмкина А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 15–24.
- Здравомыслова, Тёмкина 2000b* — Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
- Здравомыслова, Тёмкина 2001a* — Здравомыслова Е., Тёмкина А. Социальное конструирование гендера: феминистская теория // Жеребкина И. (ред.) Введение в гендерные исследования. Ч. 1: Учебное пособие. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 147–173.
- Здравомыслова, Тёмкина 2001b* — Здравомыслова Е., Тёмкина А. Феминистская критика эпистемологических оснований социологии: перспективы социологии гендерных отношений // Жеребкина И. (ред.) Введение в гендерные исследования. Ч. 1: Учебное пособие. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 174–196.

- Здравомыслова, Тёмкина 2002a* — Здравомыслова Е., Тёмкина А. Институционализация гендерных исследований в России // Малышева М. (ред.) Гендерный калейдоскоп: курс лекций. М.: Academia, 2001. С. 33–51.
- Здравомыслова, Тёмкина 2002b* — Здравомыслова Е., Тёмкина А. «Кризис маскулинности» в позднесоветском дискурсе // Ушакин С. (сост.) О муже(Н)ственности. М.: НЛО, 2002. С. 432–451.
- Здравомыслова, Тёмкина 2006* — Здравомыслова Е., Тёмкина А. История и современность: гендерный порядок в России // Тартаковская И. (ред.) Гендер для «чайников» / коллективный сборник. М.: Звенья, 2006. С. 55–85.
- Здравомыслова, Тёмкина 2007a* — Здравомыслова Е., Тёмкина А. Автономизация гендерных исследований в транснациональном пространстве: феминистские практики // Гендерные исследования. 2007. № 15. С. 75–92.
- Здравомыслова, Тёмкина 2007b* — Здравомыслова Е., Тёмкина А. Категоризация взаимодействия: конструирование гендерной идентичности в сексуальной сфере // Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2007. С. 250–264.
- Здравомыслова, Тёмкина 2007c* — Здравомыслова Е., Тёмкина А. Объединительный (структурно-конструктивистский) подход в гендерных исследованиях // Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2007. С. 56–67.
- Здравомыслова, Тёмкина 2007d* — Здравомыслова Е., Тёмкина А. Патриархат и «женская власть» // Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2007. С. 65–95.
- Здравомыслова, Тёмкина 2007e* — Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2007.
- Здравомыслова, Тёмкина 2007f* — Здравомыслова Е., Тёмкина А. Советский этакратический гендерный порядок // Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2007. С. 96–137.
- Здравомыслова, Тёмкина 2007i* — Здравомыслова Е., Тёмкина А. Социальное конструирование гендера как методология феминистского исследования // Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2007. С. 9–33.
- Здравомыслова, Тёмкина 2009a* — Здравомыслова Е., Тёмкина А. «Врачам я не доверяю», но... Преодоление недоверия к репродуктивной медицине // Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2009. С. 179–210 (<http://demoscope.ru/weekly/2012/0509/analit01.php>; 15.03.2015).
- Здравомыслова, Тёмкина 2009b* — Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2009.
- Здравомыслова, Тёмкина 2011* — Здравомыслова Е., Тёмкина А. Доверительное сотрудничество во взаимодействии врача и пациентки: взгляд акушера-гине-

- колога // Здравомыслова Е. Тёмкина А. (ред.) Здоровье и интимная жизнь. Социологические подходы. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2011. С. 23–53.
- Здравомыслова, Тёмкина 2012* — Здравомыслова Е., Тёмкина А. Перестройка и феминистская критика // Козлова Н. (ред.) Жизнь в женском свете. Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 2012. С. 143–161.
- Здравомыслова, Тёмкина 2014* — Здравомыслова Е., Тёмкина А. Феминистские рефлексии о полевом исследовании // Лабораториум. 2014. № 1. С. 84–112 (<http://soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/423/1007>; 15.02.2015).
- Зиммель 1996* — Зиммель Г. Женская культура // Зиммель Г. Избранное. Т.2. Созерцание жизни. М.: Юристъ, 1996.
- Иванов 2003* — Иванов А. Географ глобус пропил. СПб.: Азбука-классика, 2005.
- Инглэнд 2001* — Инглэнд П. Изолированный индивид: андроцентристский уклон в экономической теории // Жеребкин С. (ред.) Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 386–404.
- Исаев, Каган 1979* — Исаев Д., Каган В. Половое воспитание и психогигиена пола у детей. Л.: Медицина, 1979.
- Исупова 2009* — Исупова О. Бесплодия нет! // Демоскоп Weekly. 2009. № 365–366 (<http://demoscope.ru/weekly/2009/0365/tema01.php>; 15.03.2015).
- Исупова 2010* — Исупова О. Социологические теории материнства // Хрестоматия по психологии беременности. М.: МГППУ, 2010. С. 25–60.
- Исупова 2011* — Исупова О. Конструирование «силы» из «бессилия»: анализ интернет-сообщества пациенток клиник репродуктивного здоровья // Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) Интимная жизнь и здоровье: гендерный подход. СПб.: изд-во ЕУСПб, 2011. С. 129–153.
- Калабихина 2005* — Калабихина И. Женщина и мужчина в экономической сфере // Костикова И. (ред.) Введение в гендерные исследования. М.: Аспект Пресс, 2005. С. 137–155.
- Калабихина 2008* — Калабихина И. Гендерная экономика. Учебное пособие. М.: ТЕИС, 2008.
- Кастельс 2000* — Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. Будапешт: ЦЭУ М ВШЭ, 2000.
- Киммел 2006* — Киммел М. Гендерное общество. М.: РОССПЭН, 2006.
- Кирилина 1999* — Кирилина А. Гендер: лингвистические аспекты. М.: ИС РАН, 1999.
- Киселева 1978* — Киселева Г. Женщины на работе и дома. М.: Статистика, 1978.
- Клэцин 1998* — Клэцин А. Социологический анализ сексуальных домогательств на работе (на примере Санкт-Петербурга) // Труды Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН. СПб.: РАН, 1998.
- Клэцина 1998* — Клэцина И. Гендерная социализация. Учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1998.
- Клэцина 2003a* — Клэцина И. Вопросник Сандры Бэм по изучению маскулинности – фемининности // Клэцина И. (ред.) Практикум по гендерной психологии. СПб.: Питер, 2003. С. 277–280.
- Клэцина 2003b* — Клэцина И. (ред.) Практикум по гендерной психологии. СПб.: Питер, 2003.

- Клэцина 2004* — Клэцина И. Психология гендерных отношений. Теория и практика. СПб.: Алетейя, 2004.
- Клэцина 2009* — Клэцина И. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. 2009. № 3 (52). С. 29–41 (<http://www.humanpsy.ru/klyotsina/maskulinnost>; 12.03.2011).
- Клименкова 1988a* — Клименкова Т. Философские проблемы неофеминизма 70-х годов // Вопросы философии. 1988. № 5. С. 148–157.
- Клименкова 1996* — Клименкова Т. Женщина как феномен культуры. Взгляд из России. М.: Преображение, 1996.
- Козина 2002* — Козина И. Профессиональная сегрегация: гендерные стереотипы на рынке труда // Социологический журнал. 2002. № 3. С. 126–136.
- Кон 1997* — Кон И. Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. М.: ОГИ, 1997.
- Кон 2003* — Кон И. Лики и маски однополой любви. Лунный свет на заре. М.: Олимп; АСТ, 2003.
- Кон 2005* — Кон И. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. 2-е изд., пер. и доп. М.: Айрис-пресс, 2005.
- Кон 2008* — Кон И. Гегемонная маскулинность как фактор мужского (не)здоровья // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. №4. С. 5–16 (<http://ecsocman.hse.ru/text/30724344/>; 10.03.2015).
- Кон 2009a* — Кон И. Мальчик – отец мужчины. М.: Время, 2009.
- Кон 2009b* — Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009 (http://www.e-reading.link/bookreader.php/104262/Kon_-_Muzhchina_v_menyayushchemsya_mire.html; 10.03.2015).
- Кон 2010a* — Кон И. Клубничка на берёзке. Сексуальная культура в России. 3-е изд., испр. и доп. М.: Время, 2010.
- Кон 2010b* — Маскулинность в меняющемся мире // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 25–35 (http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=139&Itemid=52; 16.04.2015).
- Кон 2012* — Кон И. Гендер и маскулинность, сыновья и отцы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 1. С. 48–64.
- Кондаков 2012* — Кондаков А. Человек и гражданин: сексуальность как способ конструирования гражданственности в России // Неприкосновенный запас. 2012. № 85/5. С. 249–258 (<http://www.nlobooks.ru/node/2810>; 16.03.2015).
- Коннелл 2000 [1987]* — Коннелл Р. Современные подходы // Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 251–280.
- Коннелл 2001* — Коннелл Р. Маскулинности и глобализация // Жеребкин С. (ред.) Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 251–279.
- Коннелл 2005* — Коннелл Р. Основные структуры: труд, власть, катексис // Тартаковская И. Гендерная социология. Курс лекций и хрестоматия. М.: Центр социологического образования. Институт социологии РАН, 2005. С. 287–319.

- Коннелл 2012 [1987]* — Коннелл Р. Структуры гендерных отношений / пер. Т. Барчуновой // Неприкосновенный запас. 2012. № 3(83). С. 11–41 (<http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/k3-pr.html>; 16.03.2015).
- Коннелл 2015* — Коннелл Р. Гендер и власть: Общество, личность и гендерная политика / авториз. пер. с англ. Т. Барчуновой; науч. ред. перевода И. Тартаковская; подготовка русской версии примечаний и библиографии О. Ечевской. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- Костерина 2010* — Костерина И. Практики маскулинности в молодежных группах. // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 116–125.
- Костицова 2005* — Костицова И. (ред.) Введение в гендерные исследования. М.: Аспект Пресс, 2005.
- Круглый стол 2007* — Круглый стол «Политическое воображаемое гендерных исследований в бывшем СССР» // Гендерные исследования. 2007. № 15. С. 6–74 (<http://www.gender.univer.kharkov.ua/gurnal/15/>; 16.03.2015).
- Круглый стол 2005* — «Doing gender» на русском поле: круглый стол // Гендерные исследования. 2005. № 13. С. 190–216 (<http://www.kcgs.org.ua/gurnal-013.shtml>; 16.03.2015).
- Куайн 1996* — Куайн У. Онтологическая относительность // Современная философия науки. М.: Наука, 1996. С. 40–61.
- Кун 1977* — Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.
- Лапидус 2005 [1978]* — Лапидус Г. Равенство полов и советская политика: постановка проблемы // Тартаковская И. Гендерная социология. М.: Вариант; Невский Простор, 2005. С. 320–328.
- Лариваара 2009* — Лариваара М. Моральная ответственность женщин и авторитет врачей: взаимодействия гинекологов и пациенток // Здравомыслие Е., Роткирх А., Тёмкина А. (ред.) Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности. СПб.: Издательство ЕУСПб, 2009. С. 313–345.
- Лебина 1999* — Лебина Н. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии 1920–1930 годов. СПб.: Летний Сад, 1999.
- Левада 1993* — Левада Ю. (ред.) Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 1990-х. М.: Мировой Океан, 1993.
- Либоракина 1996* — Либоракина М. Обретение силы: российский опыт. Пути преодоления дискриминации в отношении женщин (культурное измерение). М.: ЧеРо, 1996 (<http://www.a-z.ru/women>; 16.03.2015).
- Лисицын 2010* — Лисицын Ю. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник. 2-е изд. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010.
- Лотман 1992* — Лотман Ю. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю. Избранные статьи в трех томах. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. С. 296–336.
- Лукач 2003 [1923]* — Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М.: Логос-Альтера, 2003.
- Макларен 2006* — Макларен П. Жизнь в школах: введение в критическую педагогику / пер. с англ. О. Фадиной // Вопросы образования. 2006. № 2. С. 61–73.

- Маколи 2010* — Маколи М. Говорить и действовать: политический дискурс в России (1989–1992) // Фирсов Б. (ред.) Разномыслие в СССР и России. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2010. С. 260–297.
- Малышева 2001* — Малышева М. (ред.) Гендерный калейдоскоп. Курс лекций. М.: Academia, 2001 (<http://ecsocman.hse.ru/text>; 16.03.2015).
- Мансуров 2007* — Мансуров В. 2007. Российские врачи: гендерный аспект // Ярская-Смирнова Е., Романов П. (ред.) Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2007.
- Мансуров, Юрченко 2005* — Мансуров В., Юрченко О. Перспективы Профессионализации российских врачей в реформирующемся обществе // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 66–77.
- Манхейм 1994* — Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
- Маркс 1955 [1845]* — Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2 изд. Т. 3. М.: Изд-во полит. лит., 1955. С. 1–4.
- Маркс, Энгельс 1970 [1846]* — Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в трех томах. Т. 1. М.: Изд-во полит. лит., 1970.
- Мезенцева 1992* — Мезенцева Б. Равенство возможностей в сфере занятости или «защитные» меры: женщины перед лицом выбора // Хоткина З. (ред.) Женщины и социальная политика. М.: ИСЭПН РАН, 1992. С. 23–48.
- Мезенцева 2001a* — Мезенцева Б. Гендерная проблематика в экономической теории // Жеребкина И. (ред.). Введение в гендерные исследования. Ч. 1: Учебное пособие. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетей, 2001. С. 238–276.
- Мезенцева 2001b* — Мезенцева Б. Теоретические подходы к гендерной экономике // Воронина О. (ред.) Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций. М.: МЦГИ — МВШСЭН — МФФ, 2001. С. 109–164.
- Мельникова 2012* — Мельникова О. Переопределение родовспоможения в родительских Интернет-дискуссиях (на примере томского форума) // Журнал исследований социальной политики. 2012. № 10(3). С. 377–392.
- Мельникова 2014* — Мельникова О. Медицинская помощь во время родов: забота и обезболивающие технологии // Журнал исследований социальной политики. 2014. №12(3). С. 337–352.
- Месснер 2000 [1989]* — Месснер М. Маскулинность и профессиональный спорт // Гапова Е., Усманова А. (сост.) Антология гендерной теории. Минск: Пропилеи, 2000. С. 218–235.
- Мещеркина 1996* — Мещеркина Е. Институциональный сексизм и стереотипы маскулинности // Малышева М. (ред.) Гендерные аспекты социальной трансформации. М.: ИСЭПН РАН, 1996. С. 196–206.
- Мещеркина 2001* — Мещеркина Е. Феминистский подход к интерпретации качественных данных: методы анализа текста, интеракции и изображения // Жеребкина И. (ред.). Введение в гендерные исследования. Ч. 1: Учебное пособие. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетей, 2001. С. 197–237.
- Мещеркина 2002a* — Мещеркина Е. Бытие мужского сознания: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса // Ушакин С. (сост.) О муже(Н)ственности. М.: НЛО, 2002. С. 268–286.

- Мещеркина 2002b* — Мещеркина Е. Социологическая концептуализация маскулинности // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 15–25.
- Мид 1988 [1935]* — Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения / сост. и предисл. И. С. Кона. М.: Наука, 1988.
- Миллет 1994 [1970]* — Миллет К. Теория сексуальной политики // Вопросы философии. 1994. № 9. С. 147–172.
- Михель 2000* — Михель Д. Воплощенный человек: Западная культура, медицинский контроль и тело. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000.
- Михель 2009a* — Михель Д. Медикализация общества: теория, история, микрополитика // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 3. С. 293–294.
- Михель 2009b* — Михель Д. Социальная история медицины: становление и проблематика // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 3. С. 295–312.
- Михель 2010* — Михель Д. Социальная антропология здоровья и репродукции: медицинская антропология: учеб. пособ. для студентов. Саратов: Новый проект, 2010.
- Михель 2011* — Михель Д. Медикализация как социальный феномен // Вестник Саратовского гос. технического ун-та. 2011. Т. 4. № 2. С. 256–263.
- Монсон 1992 [1991]* — Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. СПб.: Нотабене, 1992.
- Мы сами и наше тело 2007* — Мы сами и наше тело. Новое издание для новой эры. СПб.: Общественная организация «Здоровье женщин Санкт-Петербурга», 2007.
- Нартова 2012* — Нартова Н. Предисловие // Омельченко Е. (ред.) До и после тюрьмы. Женские истории. СПб.: Алетейя, 2012. С. 143–147.
- Нартова, Омельченко 2008* — Нартова Н., Омельченко Е. В тени тела. Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. ун-та, 2008.
- Нохлин 2005* — Нохлин Л. Почему не было великих художниц? / пер. А. Матвеевой // Бредихина Л.М., Дипуэлл К. (ред.) Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000. М.: РОССПЭН, 2005 (<http://labrys.ru/linda-nokhlin-pochemu-ne-bylo-velikikh-khudozhnits>; 17.09.2014).
- Обзор занятости 2002* — Обзор занятости. Вып.1. (1991–2000 гг.) (Бюро экономического анализа). М.: ТЕИС, 2002.
- Ожидаемая продолжительность 2014* — Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, 1960–2012 (лет) // Демоскоп weekly. 2014. № 631–632 (<http://demoscope.ru/weekly/app/app40e0.php>; 16.03.2015).
- Омельченко 2012* — Омельченко Е. Введение: переосмысливая опыт женского заключения // Омельченко Е. (ред.) До и после тюрьмы. Женские истории. СПб.: Алетейя, 2012. С. 5–16.
- Омельченко, Нартова 2013* — Омельченко Е, Нартова Н. Pro Тело: Молодежный контекст. СПб.: Алетейя, 2013.
- Оссовская 1987* — Оссовская М. Рыцарь и буржуа. М.: Прогресс, 1987.

- Оукли (Окли) 2001* — Окли Э. Гендер, методология и модусы человеческого знания: проблематика феминизма и парадигматические дискуссии в социальных науках // Жеребкин С. (ред.) Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 336–364.
- Парсонс 1997* — Парсонс Т. Американская семья: ее отношение с личностью и социальной структурой / пер. И. Тартаковской. М.: ИС РАН, 1997. (Рук.) (www.hse.ru/data/2010/03/14/1232049984/Parsons.doc; 16.03.2015).
- Парсонс 2000* — Парсонс Т. Аналитический подход к теории социальной стратификации // О структуре социального действия. М.: Академпроект, 2000. С. 368–370.
- Парсонс 2002 [1951]* — Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002.
- Парфенова 2011* — Парфенова О. КЦСОН как социальный институт: правила и практики. Магистерская диссертация. Рукопись. ПНИС. ЕУСПб. 2011.
- Паченков 2005* — Паченков О. Формирование гендерной идентичности у ребенка: случай Ани // Чернова Ж. (ред.) Гендерное устройство: социальные институты и практики. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2005. С. 51–70.
- Пивоварова 2013* — Пивоварова А. «Забывтая» плацента: символические действия в современной практике домашних родов // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 106–127.
- Попкова 2001a* — Попкова Л. Политика равных прав и возможностей // Воронина О. (ред.) Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций. М.: МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001. С. 222–237.
- Попкова 2001b* — Попкова Л. Теория и практика современного феминизма: женское движение в США // Жеребкин С. (ред.) Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 635–648 (<http://www.owl.ru/win/books/articles/popkova.htm>; 16.03.2015).
- Попкова 2003* — Попкова Л. «Миссия невыполнима»: женские стратегии политического участия в России // Попкова Л., Тартаковская И. (ред.) Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2003.
- Попкова, Тартаковская 2011* — Попкова Л., Тартаковская И. Профессиональные стратегии менеджеров среднего звена (гендерный аспект) // Социологические исследования. 2011. № 7. С. 48–57.
- Попов 1991* — Попов А. Искусственные аборт и планирование семьи в СССР // Вишневский А. (ред.) Семья и семейная политика / Серия «Демография и социология». Вып. 1. М.: ИСЭПН РАН, 1991. С. 119–135.
- Посадская 1996* — Посадская А. Женские исследования в России: перспективы нового видения // Малышева М. (ред.) Гендерные аспекты социальной трансформации. М.: ИСЭПН РАН, 1996. С. 11–24.
- Поспелова, Кукаренко, Львова 2007* — Поспелова О., Кукаренко Н., Львова М. Гендерные исследования. Вводный курс. Архангельск: Поморский ун-т, 2007.

- Постановление... 2006* — Постановление Правительства РФ № 873 от 30 декабря 2006 года «О порядке выдачи государственного сертификата на материнский (семейный) капитал».
- Пушкарева 1999* — Пушкарева Н. Зачем он нужен, этот «гендер»? // Социальная история 1998/1999. М.: Российская политическая энциклопедия, 1999. С. 155–177.
- Пушкарева 2001* — Пушкарева Н. Что такое феминизм? Женская история. Гендерная история (Теория и исследования. Учебное пособие). Калуга, 2001.
- Пушкарева 2007* — Пушкарева Н. (ред.) Мужской сборник. Вып. 3. Мужчина в экстремальной ситуации / сост. И. А. Морозов. М.: Индрик, 2007.
- Пфау-Эффингер 2000* — Пфау-Эффингер Б. Опыт кросс-национального анализа гендерного уклада // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 24–35.
- Пэйтман 2005 [1988]* — Пэйтман К. Половой контракт // Тартаковская И. Гендерная социология. М.: Вариант; Невский Простор, 2005. С. 264–286.
- Рамонов 2011* — Рамонов А. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни как интегральная характеристика здоровья населения // Демоскоп Weekly. 2011. № 463–464 (<http://demoscope.ru/weekly/2011/0463/tema02.php>; 16.03.2015).
- Рейнхарц 2001 [1992]* — Рейнхарц С. Феминистское мультиметодное исследование // Жеребкин С. (ред.) Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 364–385.
- Ренд 2012 [1957]* — Ренд А. Атлант расправил плечи. М.: Альпина Паблишер, 2012.
- Ржаницина 2001* — Ржаницина Л. Женщины и рынок труда. М.: Профиздат, 2001.
- Римашевская 1996* — Римашевская Н. Гендер и экономический переход в России (на примере таганрогских исследований) // Малышева М. (ред.) Гендерные аспекты социальной трансформации. М.: ИСЭПН РАН, 1996. С. 25–40.
- Римашевская 2006* — Римашевская Н. Реформирование социальной сферы в контексте гендерных отношений // Гендер как инструмент познания и преобразования общества. М.: РОО МЦГИ; Солтэкс, 2006. С. 58–69.
- Римашевская 2007* — Римашевская Н. (ред.) Здоровье и здравоохранение в гендерном измерении. М.: Социальный проект, 2007.
- Рождественская 2011* — Рождественская Е. Концепция баланса жизни и труда: уроки европейской социальной политики и российские перспективы // Журнал исследований социальной политики. Т. 9. № 4. С. 439–452.
- Рождественская 2012* — Рождественская Е. Биографический метод в социологии. М.: НИУ ВШЭ, 2012.
- Романов 2002* — Романов П. По-братски: мужественность в пост-советском кино // Ушакин С. (сост.) О муже(Н)ственности. М.: НЛО, 2002. С. 609–629.
- Романов, Ярская-Смирнова 2008a* — Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) Идеология социальной политики и практика социального обслуживания в период либеральных реформ // Социальная политика в современной России: реформы и повседневность. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2008. С. 80–105.
- Романов, Ярская-Смирнова 2008b* — Романов П., Ярская-Смирнова Е. Методы прикладных социальных исследований. 2-е изд. М.: Вариант, 2008.

- Романов, Ярская-Смирнова 2008c* — Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) Общественная роль социологии. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2008.
- Роткирх 2002* — Роткирх А. Любовь со словами и без слов: опыт лесбийских отношений в позднесоветский период // Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) В поисках сексуальности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 452–468.
- Роткирх 2011* — Роткирх А. Мужской вопрос. Любовь и секс трех поколений в автобиографиях петербуржцев. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2011.
- Роткирх, Тёмкина 2007* — Роткирх А., Тёмкина А. Советские гендерные контракты и их трансформации в современной России // Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2007. С. 169–200.
- Рубин 2000 [1975]* — Рубин Г. Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 89–139.
- Русанова 2013* — Русанова Н. Вспомогательные репродуктивные технологии в России: история, проблемы, демографические перспективы // Журнал исследований социальной политики. Тематический выпуск: Гендер, репродукция и социальный контроль. 2013. Том 11. № 1. С. 69–86.
- Сабирова 2012* — Сабирова Г. (2012) «Непростые рассказы о себе и зоне»: ответы и вызовы нормативным представлениям в историях жизни женщин с опытом заключения // Омельченко Е. (ред.) До и после тюрьмы. Женские истории. СПб.: Алетейя, 2012. С. 69–102.
- Сакевич 2007* — Сакевич В. Помогут ли новые репродуктивные технологии повысить рождаемость в Европе? // Демоскоп Weekly. 2007. № 275–276 (<http://demoscope.ru/weekly/2007/0275/reprod01.php>; 15.03.2015).
- Сакевич 2009* — Сакевич В. Проблема аборта в современной России // Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2009. С. 136–154.
- Сакевич, Денисов 2011* — Сакевич В., Денисов Б. Перейдет ли Россия от аборта к планированию семьи // Демоскоп Weekly. 2011. № 465–466 (<http://demoscope.ru/weekly/2011/0465/tema06.php>; 15.03.2015).
- Саралиева 2004* — Саралиева З. (ред.) Социология гендерных отношений. Учебное пособие. М.: РОССПЭН, 2004.
- Сасункевич 2009* — Сасункевич О. Медикализация дискурса о материнстве в белорусских медиа // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 3. С. 405–418.
- Семенова 1998* — Семенова В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.
- Силласте 2012* — Силласте Г. Гендерная социология и российская реальность. М.: Альфа-М, 2012.
- Симонова 2012* — Симонова О. А. Концепция эмоционального труда Арли Р. Хохшильд // Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности. М.: Вариант, 2012. С. 75–96.

- Симонова 2013* – Симонова О. Эмоциональный труд в современном обществе: научные дискуссии и дальнейшая концептуализация идей А. Р. Хохшильд // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 3. С. 339–354.
- Симонова, Ядрова 2013* – Симонова О., Ядрова Е. Сообщество средних медицинских сотрудников в области кардиохирургии: социологический анализ эмоционального труда // Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) Профессии социального государства. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2013. С. 91–115.
- Синельников 1998* – Синельников А. Мужчины и патриархатная власть // Вы и мы. 1998. № 1. С. 19–21.
- Скотт 2001 [1988]* – Скотт Д. Гендер: полезная категория исторического анализа / Жеребкин С. (ред.) Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. 405–436.
- Смит 2000 [1989]* – Смит Д. Социологическая теория: методы патриархатного письма // Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 29–63.
- Созаев 2010* – Созаев В. (сост. и ред.). Возможен ли «квир» по-русски? ЛГБТК исследования. СПб., 2010.
- Соколова 2010* – Соколова О. Мужчина как «потенциальный больной»: анализ социально-гигиенического дискурса // Здравомыслова Е., Пасынкова А., Тёмкина А., Ткач О. (ред.) Практики и идентичности: гендерное устройство. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2010. С. 207–234.
- Спивак 2001 [1988]* – Спивак Г. Могут ли угнетенные говорить? // Жеребкин С. (ред.) Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 649–670.
- Стайтс 2004 [1978]* – Стайтс Р. Женское движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм. М.: РОССПЭН, 2004.
- Степанова 2004* – Степанова Н. Политика гендерного равенства в Скандинавии // Степанова Н., Кочкина Е. (ред. и сост.). Гендерная реконструкция политических систем. М.: Институт гендерной политики, СПб.: Алетейя, 2004. С. 204–225.
- Степанова, Кочкина 2004* – Степанова Н., Кочкина Е. (ред. и сост.). Гендерная реконструкция политических систем. М.: Институт гендерной политики, СПб.: Алетейя, 2004.
- Стокетт 2011* – Стокетт К. Прислуга. М.: Эксмо; Фантом Пресс, 2011.
- Стэндинг 2014* – Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад-Маргинем Пресс, 2014.
- Суковатая 2004* – Суковатая В. Гендерная политика рекламы на постсоветском телевидении // Социологические исследования. 2004. № 2. С. 69–70.
- Сэдживик 2002* – Сэдживик Е. Эпистемология чулана / пер. О. Липовской, З. Баблюяна. М.: Идея-Пресс, 2002.
- Тайсон Ф., Тайсон Р. 2006* – Тайсон Ф., Тайсон Р. Психоаналитические теории развития. М.: Когито-Центр, 2006.
- Тартаковская 2001* – Тартаковская И. Мужская работа, женская работа... // Рубеж. 2001. № 16–17. С. 87–101.

- Тартаковская 2000* – Тартаковская И. Мужчины и женщины в легитимном дискурсе // Гендерные исследования. 2000. № 4. С. 246–265.
- Тартаковская 2002* – Тартаковская И. Мужчины на рынке труда // Социологический журнал. 2002. № 3. С. 112–125.
- Тартаковская 2003* – Тартаковская И. 2003 «Несостоявшаяся маскулинность» как тип поведения на рынке труда // Попкова Л., Тартаковская И. (ред.) Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2003. С. 42–70.
- Тартаковская 2004* – Тартаковская И. Социальные сети и их влияние на поведение на рынке труда // Социологический журнал. 2004. № 1/2. С. 129–144.
- Тартаковская 2005* – Тартаковская И. Гендерная социология. М.: Вариант; Невский Простор, 2005.
- Тартаковская 2006* – Тартаковская И. (ред.) Гендер для «чайников» / коллективный сборник. М.: Звенья, 2006.
- Тартаковская 2007* – Тартаковская И. Гендерная теория практик: подход Р. Коннелла // Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2007. С. 34–55.
- Тартаковская 2008* – Тартаковская И. Личное как политическое: вторая волна феминизма как эхо 1968-го. Неприкосновенный запас. 2008. № 4(60) (<http://magazines.russ.ru/nz/2008/4/ta26-pr.html>; 16.03.2015).
- Тартаковская 2009* – Тартаковская И. (ред.) Гендер для «чайников»-2 / коллективный сборник. М.: Звенья, 2009.
- Тартаковская 2010a* – Тартаковская И. Гендерные отношения в приватной сфере: постсоветские трансформации семьи и интимности // Лабораториум. 2010. № 3. С. 5–11.
- Тартаковская 2010b* – Тартаковская И. Смертельная ноша маскулинности // Демоскоп Weekly. 2010. № 425–426 (http://demoscope.ru/weekly/2010/0425/analit02.php#_FNR_5; 16.03.2015).
- Тартаковская 2013* – Тартаковская И. (ред.) Способы быть мужчиной. М.: Фонд им. Г. Белля; Звенья, 2013.
- Тёмкина 1999* – Тёмкина А. Сценарии сексуальности и сексуальное удовольствие в автобиографиях современных российских женщин // Гендерные исследования. 1999. № 3. С. 125–150.
- Тёмкина 2004a* – Тёмкина А. Женское движение как общественное движение: истоки и теория // Степанова Н., Кочкина Е. (ред. и сост.) Гендерная реконструкция политических систем. М.: Институт гендерной политики, СПб.: Алетейя, 2003. С. 41–76.
- Тёмкина 2004b* – Тёмкина А. Проблемы политического участия в гендерном измерении // Степанова Н., Кочкина Е. (ред. и сост.) Гендерная реконструкция политических систем. СПб.: Алетейя, 2004. С. 758–772.
- Тёмкина 2008* – Тёмкина А. Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2008.

- Тёмкина 2012* – Тёмкина А. Город Санкт-Петербург и наше общество готовятся к запрету аборт // Частный корреспондент. 2012. 19 сент. (http://www.chaskor.ru/article/gorod_sankt-peterburg_i_nashe_obshchestvo_gotovyatsya_k_zapretu_abortov_29496; 16.03.2015).
- Тёмкина 2013a* – Тёмкина А. Гинекологи и пациентки в борьбе за дисциплину: медиализация контрацепции в современной России // Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) Профессии социального государства. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2013. С. 40–74.
- Тёмкина 2013b* – Тёмкина А. Настоящий мужчина // Полит.ру. Электронный журнал. 2013. 12 июн. (<http://polit.ru/article/2013/06/12/temkina/>; 16.03.2015).
- Тёмкина 2013c* – Тёмкина А. Советы гинекологов о контрацепции и планировании беременности в контексте современной биополитики // Журнал исследований социальной политики. Т. 11. № 1. 2013. С. 7–24.
- Тёмкина 2014* – Тёмкина А. Медиализация репродукции и родов: борьба за контроль // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 3. С. 321–336.
- Тёмкина, Роткирх 2002* – Тёмкина А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4–15.
- Тёмкина, Роткирх 2011* – Тёмкина А., Роткирх А. Сексологи о здоровье, удовольствии и гендере // Здравомыслие Е., Тёмкина А. (ред.) Интимная жизнь и здоровье: гендерный подход. СПб.: изд-во ЕУСПб, 2011. С. 155–178.
- Терехов 2012* – Терехов А. Немцы. М.: Астрель, 2012.
- Ткач 2009* – Ткач О. Уборщица или помощница? Вариации гендерного контракта в условиях коммерциализации быта // Здравомыслие Е., Роткирх А., Тёмкина А. (ред.) Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2009. С. 137–188.
- Ткач 2013* – Ткач О. «Наполовину родные»? Проблематизация родства и семьи в газетных публикациях о вспомогательных репродуктивных технологиях // Журнал исследований социальной политики. Тематический выпуск: Гендер, репродукция и социальный контроль. 2013. Т. 11. № 1. С. 49–68.
- Турен 1998 [1984]* – Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998.
- Тэйлор, Уиттьер 2001 [1992]* – Тэйлор В., Уиттьер Н. Коллективная идентичность в группах общественных движений: лесбийская феминистская мобилизация // Жеребкин С. (ред.) Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 963–985.
- Тюрюканова 1996* – Тюрюканова Е. Миграция женщин из России – еще одна стратегия успеха? // Гендерные аспекты социальной трансформации. Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН. М., 1996. С. 84–102. (<http://www.a-z.ru/women/texts/tyuryukanr.htm>; 16.03.2015).
- Урланис 1968* – Урланис Б. Берегите мужчин! // Литературная газета. 1968. 24 июля.
- Урланис 1969* – Урланис Б. О социальной гигиене мужчин // Курьер ЮНЕСКО. 1969. № 155. С. 28–30.

- Урланис 1970* – Урланис Б. Безотцовщина // Литературная газета. 1970. 7 янв.
- Урланис 1978* – Урланис Б. И снова: берегите мужчин! // Литературная газета. 1978. 7 июн.
- Усманова 2001* – Усманова А. Гендер и культура в парадигме культурных исследований // Жеребкин И. (ред.) Введение в гендерные исследования. Ч. 1: Учебное пособие. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 427–464.
- Усманова 2007* – Усманова А. (ред.) Гендер и трансгрессия в визуальных искусствах. Вильнюс: ЕГУ, 2007.
- Успенская 1999* – Успенская В. (ред.) Феминизм и гендерные исследования. Хрестоматия. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999.
- Ушакин 1997* – Ушакин С. Пол как идеологический продукт: о некоторых направлениях в русском феминизме // Человек. 1997. № 2. С. 62–75.
- Ушакин 1999* – Ушакин С. Поле пола: в центре и по краям // Вопросы философии. 1999. № 5. С. 71–85.
- Ушакин 2000* – Ушакин С. «Gender» (напрокат): полезная категория для научной карьеры? // Гендерная история: Pro et contra. СПб.: Нестор, 2000. С. 34–39.
- Ушакин 2002a* – Ушакин С. Видимость мужественности // Ушакин С. (сост.) О муже(N)-ственности. М.: НЛО, 2002. С. 479–503.
- Ушакин 2002b* – Ушакин С. (сост.) О муже(N)ственности. М.: НЛО, 2002.
- Ушакин 2002c* – Ушакин С. «Человек рода он»: знаки отсутствия // Ушакин С. (сост.) О муже(N)ственности. М.: НЛО, 2002. С. 7–42.
- Уэст, Зиммерман 2000 [1987]* – Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера // Здравомыслие Е., Тёмкина А. (ред.) Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 193–220.
- Фицпатрик 2001a* – Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001.
- Фицпатрик 2001b* – Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001.
- Фрейд 1989a* – Фрейд З. Лекция 33: Женственность // Фрейд З. Лекции. Введение в психоанализ / под ред. Н. Ярошевского. М.: Просвещение, 1989. С. 369–385.
- Фрейд 1989b* – Фрейд З. Три статьи по теории сексуальности // Фрейд З. Лекции. Введение в психоанализ / под ред. Н. Ярошевского. М.: Просвещение, 1989. С. 71–89.
- Фрейджер 2001 [1997]* – Фрейджер Н. От перераспределения к признанию? Дилеммы справедливости в «пост-социалистскую» эпоху // Жеребкин С. (ред.) Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 258–288.
- Фридан 1994 [1963]* – Фридан Б. Загадка женственности. М.: Прогресс; Литера, 1994.
- Фуко 1996* – Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности / пер. С. Табачниковой. М.: Магистериум; Касталь, 1996.
- Фуко 1998* – Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998.
- Фуко 1999 [1975]* – Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999.

- Фуко 2006 – Фуко М. Рождение социальной медицины // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления интервью. М.: Праксис, 2006. С. 79–108.
- Фуко 2010 – Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1978–1979 уч. году / пер. А. Дьякова. СПб.: Наука, 2010.
- Харви 2007 – Харви Д. Краткая история неолитерализма. Актуальное прочтение / пер. Н. Брагиной. М.: Поколение, 2007.
- Хардт, Негри 2004 – Хардт М., Негри А. Империя / под ред. Г. Каменской, М. Фетицова. М.: Праксис, 2004.
- Хартманн 2005 [1981] – Хартманн Х. Несчастливый брак: марксизма с феминизмом: путь к более прогрессивному союзу // Тартаковская И. Гендерная социология. М.: Вариант; Невский Простор, 2005. С. 255–264 (сокр.).
- Харчев 1979 – Харчев А. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979.
- Ходоров (Чодороу) 2000 – Ходоров Н. Психодинамика семьи // Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 140–165.
- Хольмберг, Линдхольм 1992 – Хольмберг К., Линдхольм М. Феминистская теория // Монсон П. Современная западная социология. СПб.: Нотабене, 1992. С. 228–259.
- Хоткина 1996 – Хоткина З. (ред.) Сексуальные домогательства на работе. М.: ЦДЖА, 1996.
- Хоткина 2000 – Хоткина З. Женская безработица и неформальная занятость в России // Вопросы экономики. 2000. № 3. С. 85–93.
- Чепурная 2005 – Чепурная О. Секретарский труд: формальные и неформальные правила и стереотипы взаимодействия с начальником // Чернова Ж. (ред.) Гендерное устройство и социальные институты. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2005. С. 149–182.
- Чернова 2002 – Чернова Ж. Романтик нашего времени: с песней по жизни // Ушакин С. (сост.) О муже(Н)ственности. М.: НЛО, 2002. С. 452–478.
- Чернова 2003a – Чернова Ж. Гендерно-ориентированные СМИ: журналы для «настоящих» мужчин и современных женщин // Попкова Л., Тартаковская И. (ред.) Трансформация гендерных отношений: западные теории и российские практики. Материалы Российской летней школы по гендерным исследованиям. Самара: Самарский ун-т, 2003. С. 188–204.
- Чернова 2003b – Чернова Ж. «Корпоративный стандарт» современной мужественности. Инструкции по созданию // Социологические исследования. 2003. № 2. С. 97–103.
- Чернова 2003c – Чернова Ж. «Мужская работа»: анализ медиа-репрезентаций // Попкова Л., Тартаковская И. (ред.) Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2003. С. 276–293.
- Чернова 2004 – Чернова Ж. Социальное конструирование гендерных отношений в средствах массовой информации // Саралиева З. (ред.) Социология гендерных отношений. М.: РОССПЭН, 2004. С. 237–257.

- Чернова 2008 – Чернова Ж. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб.: Норма, 2008.
- Чернова 2010 – Чернова Ж. «Демографический резерв»: молодая семья как объект государственной политики // Женщина в российском обществе. 2010. № 1. С. 23–42; №2. С. 26–38.
- Чернова 2011 – Чернова Ж. Кто, о ком и на каких условиях должен заботиться? Гендерный анализ режимов заботы и семейной политики // Журнал исследований социальной политики. 2011 Т. 9, N 3: 295–318.
- Чернова 2012 – Чернова Ж. Семейная политика в западноевропейских странах: модели отцовства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 1. С. 103–122.
- Чернова 2013 – Чернова Ж. Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2013.
- Чирикова 2003 – Чирикова А. Женщина и мужчина как топ-менеджеры российских компаний // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 73–82.
- Чодороу 2006 [1978] – Чодороу Н. Воспроизводство материнства. Психоанализ и социология гендера. М.: РОССПЭН, 2006.
- Шведова 2004 – Шведова Н. Законодательные реформы в США в 1970–2000-х годах: устранение дискриминации и создание равных возможностей для женщин // Степанова Н., Кочкина Е. (ред. и сост.) Гендерная реконструкция политических систем. СПб.: Алетея, 2004. С. 144–171.
- Шведова 2002 – Шведова Н. Просто о сложном: гендерное просвещение. Очерки политической теории и истории. Документальные материалы. Сыктывкар: Госкомстат Республики Коми, 2002.
- Шилова 2000 – Шилова Л. Трансформация женской модели самосохранительного поведения // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 134–144.
- Шлюмбом 2008 – Шлюмбом Ю. «Беременные находятся здесь для нужд учебного заведения». Больница Геттингенского университета в середине XVIII – начале XIX в. // Шлюмбом Ю. и др. (ред.) Болезнь и здоровье. Новые подходы к истории медицины. СПб.: Алетея, 2008. С. 73–103.
- Штылева 2013 – Штылева М. Формирование политики гендерного равноправия в Европейском союзе (1950–2010) // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 1. С. 86–102.
- Щепанская 1999 – Щепанская Т. Мифология социальных институтов: родовспоможение // Мифология и повседневность. Вып. 2. СПб.: ИРЛИ РАН, 1999. С. 389–423.
- Щурко 2012 – Щурко Т. «Обязательное материнство»: репродуктивное тело женщины как объект государственного регулирования (на материале газеты «Советская Белоруссия») // Лабораториум. 2012. № 2. С. 69–90.
- Энгельс 1961 [1884] – Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. 21. М.: Изд-во полит. лит., 1961. С. 23–178.
- Юкина 2003 – Юкина И. История женщин России: женское движение и феминизм (1850-е – 1920-е годы). Материалы к библиографии. М.: Институт гендерной политики. СПб.: Алетея, 2003.

- Юкина 2007 — Юкина И. Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007.
- Ярошенко 2002a — Ярошенко С. Женская занятость в условиях гендерного и социального исключения // Социологический журнал. 2002. № 3. С. 137–150 (<http://ecsosman.hse.ru/text/17327449>; 16.03.2015).
- Ярошенко 2002b — Ярошенко С. Кризис семьи и сексуальности: бедность без любви в семьях нуждающихся северной деревни // Здравомыслие Е., Тёмкина А. (ред.) В поисках сексуальности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 172–197.
- Ярская-Смирнова 1999 — Ярская-Смирнова Е. Мужчины и женщины в стране глухих. Анализ кинорепрезентации // Гендерные исследования. 1999. № 2. С. 260–265.
- Ярская-Смирнова 2001a — Ярская-Смирнова Е. Возникновение и развитие гендерных исследований в США и Западной Европе // Жеребкина И. (ред.) Введение в гендерные исследования. Ч. 1: Учебное пособие. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001.
- Ярская-Смирнова 2001b — Ярская-Смирнова Е. Гендер, власть и кинематограф: основные направления феминистской кинокритики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. № 2. С. 100–119.
- Aaron, Walby 1991 — Aaron J., Walby S. (eds.) Out of the margins: women's studies in the nineties. London: Falmer Press, 1991.
- Abbot, Wallace 1990 — Abbot P., Wallace C. An Introduction to Sociology: Feminist Perspectives. . London: Routledge, 1990.
- Abbot, Wallace 1997 — Abbot P., Wallace C. An Introduction to Sociology: Feminist Perspectives. 2nd ed. London: Routledge, 1997.
- Abbot, Wallace 2005 — Abbot P., Wallace C. An Introduction to Sociology: Feminist Perspectives. 3rd ed. London: Routledge, 2005.
- Abbott 1988 — Abbott A. The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labor. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1988.
- Abraham 2010 — Abraham J. The sociological concomitants of the pharmaceutical industry and medications // Bird C., Conrad P., Fremont A., Timmermans S. (eds.) Handbook of Medical Sociology. Nashville: Vanderbilt U.P., 2010. P. 290–308.
- Acker 1973 — Acker J. Women and Social Stratification: A Case of Intellectual Sexism // J. Huber (ed.) Changing Women in a Changing Society. The American Journal of Sociology (Special Issue). 1973. Vol. 78. N 4. P. 936–994.
- Acker 1989 — Acker J. Making gender visible // Wallace R. (ed.) Feminism and Sociological Theory. London: Sage, 1989. P. 65–82.
- Acker 1990 — Acker J. Hierarchies, Jobs, Bodies: A Theory of Gendered Organizations Reviewed work(s) // Gender & Society. 1990. Vol. 4. N 2. P. 139–158.
- Acker 1992 — Acker J. From Sex Roles to Gendered Institutions // Contemporary Sociology. 1992. Vol. 21. N 5. P. 565–569.
- Acker 2006a — Acker J. Inequality Regimes: Gender, Class, and Race in Organizations // Gender & Society. 2006. Vol. 20. N 4. P. 441–464.

- Acker 2006b — Acker J. Introduction: 'The Missing Revolution' Symposium // Social Problems. 2006. Vol. 53. N 4. P. 444–47.
- Alkoff 1988 — Alkoff L. Cultural Feminism vs. Poststructuralism: the identity crisis in feminist theory // Signs. 1988. Vol. 13. N 3. P. 405–436
- Anderson 1995 — Anderson E. Feminist Epistemology: An Interpretation and Defense // Hypatia. 1995. Vol. 10. N 3. P. 50–84.
- Anderson 2000 — Anderson B. Doing the Dirty Work?: The Global Politics of Domestic Labour. London, New York: Palgrave Macmillan, 2000.
- Annandale 2002 [1998] — Annandale E. The Sociology of Health and Medicine: A Critical Introduction. Cambridge: Polity, 2002.
- Anthias, Yuval-Davis 1983 — Anthias F., Yuval-Davis N. Contextualizing Feminism: Gender, Ethnic and Class Divisions // Feminist Review. 1983. N 15. P. 62–75.
- Antonopoulos 2008 — Antonopoulos R. The Unpaid Care Work-Paid Work Connection. // The Levy Economics Institute of Bard College, Working Paper N 541. 2008 (<http://www.levyinstitute.org/publications/?docid=1081>; 11.03.2015).
- Antony 1993 — Antony L. Quine as Feminist: The Radical Import of Naturalized Epistemology // Antony L., Witt C. (eds.) A Mind of One's Own. Feminist Essays on Reason and Objectivity. Boulder: Westview Press, 1993. P. 185–225.
- Anttonen, Sipilä 1996 — Anttonen A., Sipilä J. European Social Care Services: Is it possible to identify models? // Journal of European Social Policy. 1996. Vol. 6. N 2. P. 87–100.
- Arendell 1997 — Arendell T. Reflections on the Researcher-Researched Relationship: A Woman Interviewing Men // Qualitative Sociology. 1997. Vol. 20. N 3. P. 341–368.
- Arnaug 1994 — Arnaug L. Concepts of Caring: Loving, Thinking and Doing // Social Service Review. 1994. Vol. 68. N 2. P. 185–201.
- Ashwin 2000 — Ashwin S. Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia. London: Routledge, 2000.
- Ashwin, Lytkina 2004 — Ashwin S., Lytkina T. Men in Crisis in Russia. The Role of Domestic Marginalization // Gender & Society. 2004. Vol. 18. N 2. P. 189–206.
- Barnes 2006a — Barnes M. From private carer to public actor: The carers movement in England // Daly M. (ed.) Care work: The quest for security. Geneva: International Labour Office. 2006. P. 195–209.
- Barnes 2006b — Barnes M. Caring and Social Justice. Houndmills: Palgrave, 2006.
- Baron 2007 — Baron J., Hannan M., Hsu G., Koçak O. In the Company of Women: Gender Inequality and the Logic of Bureaucracy in Start-Up Firms // Work and Occupations. 2007. Vol. 34. N 1. P. 35–66.
- Bauman 2003 — Bauman Z. Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds. Cambridge: Polity, 2003.
- Beccalli 1994 — Beccalli B. The Modern Women's Movement in Italy // New Left Review. 1994. Vol. 204. P. 86–112.
- Beck 2000 — Beck U. The Brave New World of Work. Malden: Blackwell, 2000.
- Beck, Beck-Gernsheim 1995 — Beck U., Beck-Gernsheim E. The Normal Chaos of Love. Oxford: Wiley-Blackwell, 1995.

- Becker 1991* – Becker G. A Treatise on the Family. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1991.
- Becker 1961* – Becker H., Geer B., Hughes E., Strauss A. Boys in White: Student Culture in Medical School. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1961.
- Beckett 2007* – Beckett C. Women, Disability and Care: Good neighbours or uneasy bedfellows // *Critical Social Policy*. 2007. Vol. 27. N 3. P. 260–280.
- bell hooks 1984* – bell hooks. *Feminist Theory: From Margin to Center*. Boston: South End Press, 1984.
- Bell, Milic 2002* – Bell P., Milic M. Goffman's Gender Advertisements revisited: combining content analysis with semiotic analysis // *Visual Communication*. 2002. Vol. 1. N 2. P. 203–222.
- Bem 1974* – Bem S. The measurement of psychological androgyny // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1974. Vol. 42. P. 155–162.
- Bem 1983* – Bem S. Gender schema theory and its implications for child development: Raising gender-aschematic children in a gender-schematic society // *Signs*. 1983. N 8. P. 598–616.
- Benhabib 1995a* – Benhabib S. The Debate Over Women and Moral Theory Revisited // Mehan J. (ed.) *Feminists Read Habermas. Gendering the Subject of Discourse*. New York: Routledge, 1995.
- Benhabib 1995b* – Benhabib S. Feminism and Postmodernism. An Uneasy Alliance // Benhabib S., Butler J., Cornell D., Fraser N. (eds.) *Feminist Contentions*. New York: Routledge, 1995. P. 17–34.
- Benhabib et al. 1995* – Benhabib S., Butler J., Cornell D., Fraser N. *Feminist Contentions*. New York: Routledge, 1995.
- Benner 1994* – Benner P. Caring as a Way of Knowing and Not Knowing // Phillips S., Benner P. (eds.) *The crisis of care: Affirming and restoring caring practices in the helping professions*. Washington, DC: Georgetown Univ. Press, 1994. P. 42–62.
- Bergman 1991* – Bergman S. Researching the Women's Movement. Consideration Arising out of a Comparative Study of the New Women's Movement in Finland and the Federal Republic of Germany // Andreasen T. et al. (eds.) *Moving On. New Perspective on the Women's Movement*. Aarhus: Aarhus Univ. Press, 1991. P. 208–220.
- Bergmann 2005* – Bergmann B. *The economic emergence of women*. 2d ed. New York: Palgrave Macmillan, 2005.
- Bergmann 2011* – Bergmann B. Sex Segregation in the Blue-collar Occupations: Women's Choices or Unremedied Discrimination? Comment on England // *Gender & Society*. 2011. Vol. 25. N 2. P. 88–93.
- Bernard 1989* – Bernard J. The dissemination of Feminist Thought: 1960 to 1988 // Wallace R. (ed.) *Feminism and sociological theory*. Newbury Park and London: Sage, 1989. P. 23–33.
- Bertakis, Franks, Epstein 2009* – Bertakis K., Franks P., Epstein R. Patient-Centered Communication in Primary Care: Physician and Patient Gender and Gender Concordance // *Journal of Women's Health*. 2009. Vol. 18. N 4. P. 539–545.

- Blair-Loy, Pecenco, Cech 2013* – Blair-Loy M., Pecenco L., Cech E. The Persistence of Male Power and Prestige in the Professions: Report on the Professions of Law, Medicine, and Science & Engineering. Report. San Diego: Center for Research on Gender in the Professions (CRGP), 2013 (<http://crgp.ucsd.edu/documents/PersistenceofMalePowerandPrestigeintheProfessionsReportwithCaseStudies.pdf>; 12.03.2015).
- Bly 1990* – Bly R. *Iron John: A Book About Men*. Reading: Addison-Wesley, 1990.
- Bourdieu 2001* – Bourdieu P. *Masculine domination*. Stanford: Stanford Univ. Press, 2001.
- Bourdieu 2003* – Bourdieu P. *Counterfire: Against the Tyranny of the Market*. London: Verso Books, 2003.
- Bourgeault et al. 2004* – Bourgeault I., Benoit C., Davies-Floyd R. (eds.) *Reconceiving Midwifery*. Montreal: McGill-Queen's Univ. Press, 2004.
- Brannon 1976* – Brannon R. The male sex role: Our culture's blueprint of manhood and what it's done for us lately // David D., Brannon R. (eds.) *The Forty-nine Percent Majority: The Male Sex Role*. Reading: Addison-Wesley, 1976.
- Bransen 1992* – Bransen E. Has menstruation been medicalised? Or will it never happen // *Sociology of Health & Illness*. 1992. Vol. 14. N 1. P. 98–110.
- Brod 1987* – Brod H. A Case for Men's Studies // Brod H., Michael S. (eds.) *Changing men: New directions in research on men and masculinity*. London: Sage, 1987. P. 263–277.
- Brod, Kaufman 1994* – Brod H., Kaufman M. (eds.) *Theorizing masculinities*. Thousand Oaks: Sage, 1994.
- Brown, Rusinova 2002* – Brown J., Rusinova N. "Curing and Crippling": Biomedical and Alternative Healing in Post-Soviet Russia // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2002. Vol. 583. P. 161–170.
- Brown, Rusinova 2011* – Brown J., Rusinova N. Holding Up The Social Safety Net: Gender and Health Care in Urban Russia // Jäppinen M., Kulmala M., Saarinen A. (eds.) *Gazing at Welfare, Gender and Agency in Post-socialist Countries*. Cambridge: Cambridge scholars publishing, 2011. P. 60–78.
- Brown, Rusinova, Lindquist 2002* – Brown J., Rusinova N. Lindquist G. Healing efficacy and the construction of charisma: a family's journey through the multiple medical field in Russia // *Anthropology & Medicine*. 2002. Vol. 9. N 3. P. 337–358.
- Brubaker, Dillaway 2009* – Brubaker S., Dillaway H. Medicalization, Natural Childbirth and Birthing Experiences // *Sociology Compass*. 2009. Vol. 3. N 1. P. 31–48.
- Brygalina, Temkina 2004* – Brygalina J., Temkina A. The Development of Feminist Organisations in St. Petersburg 1985–2003 // Castrén A.-M., Lonkila M., Peltonen M. (eds.) *Between Sociology and History*. Helsinki: SKS – Finnish Literature Society, 2004. P. 207–226.
- Burawoy 2005* – Burawoy M. For Public Sociology // *American Sociological Review*. 2005. Vol. 70. P. 4–28.
- Burawoy 2014* – Burawoy M. Sociology as a vocation: Moral commitment and scientific imagination // *Current Sociology*. 2014. Vol. 62. N 2. P. 1–6.

- Bury 1982* – Bury M. Chronic illness as biographical disruption // *Sociology of Health & Illness*. 1982. Vol. 4. Issue 2. P. 167–182.
- Bury 1998* – Bury M. Postmodernity and health // Scambler G., Higgs P. (eds.) *Modernity, medicine and health*. London: Routledge, 1998. P. 1–28.
- Butler 1990* – Butler J. *Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity*. New York; London: Routledge, 1990.
- Butler 1993* – Butler J. *Bodies that Matter*. London: Routledge, 1993.
- Butler 2004* – Butler J. *Undoing gender*. New York: Routledge, 2004.
- Cahill 1986* – Cahill S. Childhood Socialization as Recruitment Process: Some Lessons from the Study of Gender Development // Adler P. (ed.) *Sociological Studies of Child Development*. Greenwich: JAI Press, 1986. P. 163–186.
- Caiazza 2002* – Caiazza A. *Mothers and Soldiers: Gender, Citizenship, and Civil Society in Contemporary Russia*. New York; London: Routledge, 2002.
- Campbell 1998* – Campbell M. Institutional Ethnography and Experience as Data // *Qualitative Sociology*. 1998. Vol. 21. Issue 1. P. 55–73.
- Cancian, O liker 2000* – Cancian F., O liker S. *Caring and Gender*. New York: AltaMira Press, 2000.
- Carrigan, Connell, Lee 1985* – Carrigan T., Connell R., Lee J. Toward a new sociology of masculinity // *Theory and Society*. 1985. Vol. 14. N 5. P. 551–604.
- Castells 1997* – Castells M. *The Power of Identity*. Oxford: Blackwell Publishers, 1997.
- Castells 2000* – Castells M. Materials for an exploratory theory of the network society // *British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51. Issue 1. P. 5–24.
- Chafetz 1974* – Chafetz J. *Masculine/Feminine or Human?* Itasca: F. E. Peacock Publishers, Inc. Cicourel, 1974.
- Chafetz 1997* – Chafetz J. Feminist Theory and Sociology: Underutilized Contributions for Mainstream Theory // *Annual Review of Sociology*. 1997. Vol. 23. P. 97–120.
- Chafetz, Dworkin 1986* – Chafetz J., Dworkin A. *Female Revolt. Women's Movement in World and Historical Perspective*. Univ. of Houston: Rowman and Allamheld Publ., 1986.
- Chappell, Reid 2002* – Chappell N., Reid R. Burden and Well-Being Among Caregivers: Examining the Distinction // *Gerontologist*. 2002. Vol. 42. Issue 6. P. 772–80.
- Charles, Bradley 2009* – Charles M., Bradley K. Indulging our gendered selves: Sex segregation by field of study in 44 countries // *American Journal of Sociology*. 2009. Vol. 114. P. 924–976.
- Chesley 2011* – Chesley N. Stay-At-Home Fathers And Breadwinning Mothers: Gender, Couple Dynamics, and Social Change // *Gender & Society*. 2011. Vol. 25. N 5. P. 642–664.
- Chodorow 1978* – Chodorow N. *Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender*. Berkeley: Univ. of California Press, 1978.
- Clarke et al. 2003* – Clarke A., Shim J., Mamo L., Fosket J., Fishman J. Biomedicalization: Technoscientific Transformations of Health, Illness, and U. S. Biomedicine // *American Sociological Review*. 2003. Vol. 68. N 2. P. 161–194.

- Clarke, Montini 1993* – Clarke A., Montini T. The Many Faces of RU486: Tales of Situated Knowledges and Technological Contestations // *Science, Technology, & Human Values*. Theme Issue: Technological Choices. 1993. Vol. 18. N 1. P. 42–78.
- Clarke, Olesen 1999* – Clarke A., Olesen V. *Revising Women, Health, and Healing: Feminist, Cultural, and Technoscience Perspectives*. New York: Routledge, 1999.
- Clifford 1986* – Clifford J. Partial Truths // Clifford J., Marcus G.E. (Eds.) *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. Berkeley: Univ. of California Press, 1986. P. 1–27.
- Cockburn 1981* – Cockburn C. The material of male power // *Feminist Review*. 1981. Vol. 9. P. 41–58.
- Cockburn 1983* – Cockburn C. *Brothers: Male dominance and technological change*. London: Pluto Press, 1983.
- Cockburn 1988* – Cockburn C. *Machinery of Dominance: Women, Men and Technical Know-How*. Boston: Northeastern Univ. Press, 1988.
- Cockburn 1991* – Cockburn C. *In the Way of Women*. Basingstoke: Macmillan, 1991.
- Collins 2000a* – Collins P. *Black Feminist Thought: Knowledge, Consciousness, and the Politics of Empowerment*. New York: Routledge, 2000.
- Collins 2000b* – Collins P. It's All in the Family: Intersections of Gender, Race, and Nation // Narayan U., Harding S. (eds.) *Decentering the Center: Philosophy for a Multicultural, Postcolonial, and Feminist World*. Bloomington: Indiana Univ. Press. 2000. P. 156–176.
- Coltrane 2000* – Coltrane S. Research on household labor // *Journal of Marriage and the Family*. 2000. Vol. 62. Issue 4. P. 1209–1235.
- Coltrane 1994* – Coltrane S. Theorizing Masculinities in Contemporary Social Science // Brod H., Kaufman M. (eds.) *Theorizing masculinities*. Thousand Oaks: Sage, 1994. P. 39–60.
- Coltrane 1996* – Coltrane S. *Family man: Fatherhood, housework and gender equity*. New York: Oxford Univ. Press, 1996.
- Coltrane 2004* – Coltrane S. Elite careers and family commitment: It's (still) about gender // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2004. Vol. 596. N 1. P. 214–220.
- Connell 1987* – Connell R. *Gender and power: Society, the person, and sexual politics*. Stanford: Stanford Univ. Press, 1987.
- Connell 2000* – Connell R. *The Men and the Boys*. Sydney: Allen & Unwin; Cambridge: Polity Press; Berkeley: Univ. of California Press, 2000.
- Connell 2002* – Connell R. *Gender*. Cambridge: Polity Press; Malden: Blackwell Publishers, 2002.
- Connell 2005 [1995]* – Connell R. *Masculinities*. 2nd ed. Berkeley: Univ. of California Press, 2005.
- Connell 2009a* – Connell R. Accountable Conduct: “Doing Gender” in Transsexual and Political Retrospect // *Gender & Society*. 2009. Vol. 23. N 1. P. 104–111.
- Connell 2009b* – Connell R. *Gender: In World Perspective*. 2nd ed. Cambridge, UK: Polity, 2009.

- Connell 2010* – Connell R. Two Cans of Paint: A Transsexual Life Story, with Reflections on Gender Change and History // *Sexualities*. 2010. Vol. 13. N 1. P. 3–19.
- Connell 2011* – Connell R. *Confronting Equality: Gender, Knowledge and Global Change*. Sydney: Allen & Unwin, 2011.
- Connell 2012a* – Connell R. Gender, health and theory: Conceptualizing the issue, in local and world perspective // *Social Science & Medicine*. 2012. Vol. 74. P. 1675–1683.
- Connell 2012b* – Connell R. Transsexual Women and Feminist Thought: Toward New Understanding and New Politics // *Signs. Sex: A Thematic Issue*. 2012. Vol. 37. N 4. P. 857–881.
- Connell, Hearn, Kimmel 2005* – Connell R., Hearn J., Kimmel M. Introduction // *Handbook of Studies on Men and Masculinities*. Thousand Oaks: Sage, 2005. P. 1–12.
- Connell, Messerschmidt 2005* – Connell R., Messerschmidt J. Hegemonic Masculinity: Rethinking the Concept // *Gender & Society*. 2005. Vol. 19. N 6. P. 829–859.
- Conrad 1975* – Conrad P. The discovery of hyper-kinesis: notes on the medicalization of deviant behavior // *Social Problems*. 1975. Vol. 23. P. 12–21.
- Conrad 1992* – Conrad P. Medicalization and Social Control // *Annual Review of Sociology*. 1992. Vol. 18. P. 209–232.
- Conrad 2005* – Conrad P. The shifting engine of medicalization // *Journal of Health and Social Behaviour*. 2005. Vol. 46. P. 3–14.
- Conrad 2007* – Conrad P. *The Medicalization of Society: On the Transformation of Human Conditions into Treatable Disorders*. Baltimore: The Johns Hopkins Univ. Press, 2007.
- Conrad, Schneider 1980* – Conrad P., Schneider J. *Deviance and Medicalization: From Badness to Sickness*. St. Louis: Mosby, 1980.
- Cook 2007* – Cook L. *Post-communist Welfare States: Reform Politics in Russia and Eastern Europe*. London: Cornell Univ. Press, 2007.
- Correll 2004* – Correll S. Constraints into Preferences: Gender, Status, and Emerging Career Aspirations // *American Sociological Review*. 2004. Vol. 69. P. 93–113.
- Correll, Benard, Paik 2007* – Correll S., Benard S., Paik I. Getting a Job: Is There a Motherhood Penalty? // *American Journal of Sociology*. 2007. Vol. 112. N 5. P. 1297–1338.
- Courtenay 2000* – Courtenay W. Constructions of Masculinity and Their Influence on Men's Well-Being: A Theory of Gender and Health // *Social Science & Medicine*. 2000. Vol. 50. P. 1385–1401.
- Crawley 2011* – Crawley S. Visible Bodies, Vicarious Masculinity, and “The Gender Revolution”. Comment on England // *Gender & Society*. 2011. Vol. 25. N 1. P. 108.
- Crawley, Foley, Sheehan 2008* – Crawley S, Foley L., Shehan C. *Gendering bodies*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2008.
- Crenshaw 1991* – Crenshaw K. Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence against Women of Color // *Stanford Law Review*. 1991. Vol. 43. N6. P. 1241–1299.

- Croll 2000* – Croll E. *Endangered Daughters: Discrimination and Development in Asia*. London and New York: Routledge, 2000.
- Crompton 1999* – Crompton R. Discussion and Conclusions // Crompton R. (ed.) *Restructuring Gender Relations and Employment. The Decline of the Male Breadwinner*. Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 1999. P. 200–214.
- Crompton 2006* – Crompton R. Gender and work // Davis K., Evans M., Lorber J. (eds.) *Handbook of Gender and Women's Studies*. London: Sage, 2006. P. 253–271.
- Crompton, Le Feuvre 1996* – Crompton R., Le Feuvre N. Paid employment and the changing system of gender relations: A cross-national comparison // *Sociology*. 1996. Vol. 30. N 3. P. 427–445.
- Dahlerup 1986* – Dahlerup D. (ed.) *The New Women's Movement. Feminism and Political Power in Europe and the USA*. London: Sage, 1986.
- Dalla Costa 1973* – Dalla Costa M. *Women and the Subversion of the Community // The Power of Women and the Subversion of the Community*. Bristol: Falling Wall Press, 1973. P. 19–54.
- Daly 2002* – Daly M. Care as a Good in Social Policy // *Journal of Social Policy*. 2002. N 31. P. 251–270.
- Daly, Lewis 2000* – Daly M., Lewis J. The Concept of Social Care and the Analysis of Contemporary Welfare States // *British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51. N 2. P. 281–298.
- Davis 1981* – Davis A. *Women, Race, and Class*. New York: Random House, 1981.
- Davis 1996* – Davis D. The cultural construction of the premenstrual and menopause syndromes // Sargent C., Brettell C. (eds.) *Gender and health. An international perspective*. New Jersey: Prentice Hall, 1996. P. 57–86.
- Davis 2007* – Davis K. *The making of our bodies, ourselves: How feminism travels across borders*. Durham: Duke Univ. Press, 2007.
- Davis-Floyd 1992* – Davis-Floyd R. *Birth as an American rite of passage*. Berkeley: Univ. of California Press, 1992.
- Davis-Floyd 1996* – Davis-Floyd R. The technocratic body and the organic body: Hegemony and heresy in women's birth choices // Sargent C., Brettell C. (eds.) *Gender and health. An international perspective*. New Jersey: Prentice Hall, 1996. P. 123–166.
- Davis-Floyd 2001* – Davis-Floyd R. The technocratic, humanistic, and holistic paradigms of childbirth // *International Journal of Gynecology & Obstetrics*. 2001. Vol. 75. Supplement N 1. P. 5–23.
- Davis-Floyd 2007* – Davis-Floyd R. Daughter of time: the postmodern midwife. Part 1 // *Rev Esc Enferm USP (The Univ. of São Paulo Nursing School Journal)*. 2007. Vol. 41. N 4. P. 705–710.
- Davis-Floyd, Sargent 1997* – Davis-Floyd R., Sargent C. (eds.) *Childbirth and Authoritative Knowledge: Cross-Cultural Perspectives*. Berkeley: Univ. of California Press, 1997.
- De Vries 1996* – De Vries R. *Making midwives legal: childbirth, medicine, and the law*. Columbus: The Ohio State Univ. Press, 1996.

- De Vries et al. 2001* – De Vries R., Benoit C., Van Teijlingen E., Wrede S. Birth by design: Pregnancy, maternity care and midwifery in North America and Europe. New York: Routledge, 2001.
- Demetriou 2001* – Demetriou D. Connell's concept of hegemonic masculinity: A critique // *Theory and Society*. 2001. Vol. 30. N 3. P. 337–361.
- Deutsch 2007* – Deutsch F. Undoing Gender // *Gender & Society*. 2007. Vol. 21. N 2. P. 106–127 (<http://www.jstor.org/stable/27640948>; 11.04.2012).
- DeVault 1999* – DeVault M. Liberating Method: Feminism and Social Research. Philadelphia, PA: Temple Univ. Press, 1999.
- DeVault 2006* – DeVault M. Introduction: What is Institutional Ethnography? // *Social Problems*. 2006. Vol. 53, N 3. P. 294–298.
- Donaldson 1991* – Donaldson M. Time of our lives: Labor and love in the working class. Sydney: Allen & Unwin, 1991.
- Donaldson 1993* – Donaldson M. What Is Hegemonic Masculinity? // *Theory and Society*. Special Issue: Masculinities. 1993. Vol. 22. N 5. P. 643–657.
- Duncan 2005* – Duncan S. Mothering, Class and Rationality // *Sociological Review*. 2005. Vol. 53. N 1. P. 50–76.
- Duncan, Edwards 1999* – Duncan S., Edwards R. Lone Mothers, Paid Work and Gendered Moral Rationalities. Basingstoke: Macmillan, 1999.
- Duncombe, Marsden 1993* – Duncombe J., Marsden D. Love and Intimacy: The Gender Division of Emotion and 'Emotion Work' // *A Neglected Aspect of Sociological Discussion of Heterosexual Relationships Sociology*. 1993. Vol. 27. N 2. P. 221–241.
- Ehrenreich, English 2005 [1978]* – Ehrenreich B., English D. For her own good: Two centuries of the experts' advice to women. New York: Anchor, 2005.
- Ehrenreich, Hochschild 2002* – Ehrenreich B., Hochschild A. Introduction // *Global Woman: Nannies, Maids and Sex Workers in the New Economy*. New York: Metropolitan Press. 2002. P. 1–14.
- Ellingsæter, Leira 2006* – Ellingsæter A., Leira A. (eds.) Politicising parenthood in Scandinavia: gender relations in welfare states. London: The Policy Press, 2006.
- Elson 2004* – Elson D. Engendering Government Budgets in the Context of Globalization(s) // *International Feminist Journal of Politics*. 2004. Vol. 6. N 4. P. 623–642.
- England 1984* – England P. Wage appreciation and depreciation: A test of neoclassical economic explanations of occupational sex segregation // *Social Forces*. 1984. Vol. 62. N 1. P. 726–749.
- England 1982* – England P. The failure of human capital theory to explain occupational sex segregation // *Journal of Human Resources*. 1982. Vol. 17. N 1. P. 358–370.
- England 1999* – England P. The Impact of Feminist Thought on Sociology // *Contemporary Sociology*. 1999. Vol. 28. N 3. P. 263–268.
- England 2005* – England P. Emerging Theories in Care Work // *Annual Review of Sociology*. 2005. Vol. 31. N 1. P. 381–399.
- England 2010* – England P. The gender revolution: Uneven and stalled // *Gender & Society*. 2010. Vol. 24. N 2. P. 149–166.

- England, Li 2006* – England P., Li S. Desegregation Stalled: The Changing Gender Composition of College Majors, 1971–2002 // *Gender & Society*. 2006. Vol. 20. N 5. P. 657–677.
- Esping-Andersen 1990* – Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity Press; Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1990.
- Esping-Andersen 1989* – Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity press, 1989.
- Essig 1999* – Essig L. Queer in Russia: A Story of Sex, Self and the Other. Durham: Duke Univ. Press, 1999.
- Farrell 1993* – Farrell W. The Myth of Male Power. New York: Simon & Schuster, 1993.
- Fausto-Sterling 1992* – Fausto-Sterling A. Myths of gender. 2nd ed. New York: Basic Books, 1992.
- Fausto-Sterling 2000* – Fausto-Sterling A. Sexing the body: Gender politics and the construction of sexuality. New York: Basic Books, 2000.
- Fausto-Sterling 2005* – Fausto-Sterling A. The Bare Bones of Sex: Part 1 – Sex and Gender Source // *Signs*. 2005. Vol. 30. N 2. P. 1491–1527.
- Fausto-Sterling 2008* – Fausto-Sterling A. Race and Bones (The Bare Bones of Sex Part 2) // *Social Studies of Science*. 2008. Vol. 38. N 5. P. 657–694.
- Featherstone 1999* – Featherstone M. Love and Eroticism. London: Sage, 1999.
- Fenstermaker, West 2002* – Fenstermaker S., West C. (eds.) Doing Gender, Doing Difference: Inequality, Power, and Institutional Change. New York: Routledge, 2002.
- Ferguson, Folbre 1981* – Ferguson A., Folbre N., The Unhappy Marriage of Patriarchy and Capitalism // Sargent L. (ed.) *Women and Revolution*. Boston: South End Press, 1981.
- Ferree 2008* – Ferree M. Inequality, Intersectionality and the Politics of Discourse: Framing Feminist Alliances // E. Lombardo, P. Meier and M. Verloo (eds.) *The Discursive Politics of Gender Equality: Stretching, Bending and Policy-Making*. London: Routledge, 2008. P. 84–101.
- Ferree, Hall 1996* – Ferree M., Hall E. Rethinking Stratification from a Feminist Perspective: Gender, Race, and Class // *Mainstream Textbooks American Sociological Review*. 1996. Vol. 61. N 6. P. 929–950.
- Ferree, Lorber, Hess 1999* – Ferree M., Lorber J., Hess B. (eds.) *Revisioning Gender*. London: Sage, 1999.
- Ferree, Miller 1985* – Ferree M., Miller F. Mobilization and Meaning: Toward an Integration of Social Psychological and Resource Perspectives on Social Movements // *Sociological Inquiry*. 1985. Vol. 55. P. 38–61.
- Field 1957* – Field M. Doctor and patient in Russia. Cambridge, Mass: Harvard Univ. press, 1957.
- Finch, Groves 1980* – Finch J., Groves D. Community Care and the Family: A Case for Equal Opportunities // *Journal of Social Policy*. 1980. Vol. 9. P. 487–511.
- Finch, Groves 1983* – Finch J., Groves D. (eds.) *A Labour of Love: women, work, and caring*. London; Boston, MA: Routledge & Kegan Paul, 1983.

- Fine 2005* – Fine M. Dependency Work. A critical exploration of Kittay's perspective on care as a relationship of power // *Health Sociology Review*. 2005. Vol. 14. N 2. P. 146–60.
- Fine 2007* – Fine M. A Caring Society? Care and the Dilemmas of Human Service in the 21st Century. Houndmills: Palgrave, 2007.
- Firestone 1970* – Firestone S. *The Dialectic of Sex*. New York: Bantam Books, 1970.
- Fisher, Tronto 1990* – Fisher B., Tronto J. Toward a Feminist Theory of Caring // Abel E., Nelson M. (eds.) *Circles of Care. Work and Identity in Women's Lives*. New York: NY Press, 1990. P. 35–62.
- Flax 1983* – Flax J. Political Philosophy and the Patriarchal Unconscious. A perspective on epistemology and metaphysics // S. Harding and M. Hintikka (eds.) *Discovering Reality*. Dordrecht: Reidel, 1983. P. 245–282.
- Flick 2006* – Flick U. *An Introduction to Qualitative Research*. 3rd ed. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage, 2006.
- Folbre 1995* – Folbre N. Holding Hands at Midnight: The Paradox of Caring Labor // *Feminist Economics*. 1995. Vol. 1. N 1. P. 73–92.
- Folbre 2001* – Folbre N. *The Invisible Heart: Economics and Family Values*. New York: New Press, 2001.
- Folbre 2010* – Folbre N. *Valuing Children: Rethinking the Economics of Family*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 2010.
- Folbre, Nelson 2000* – Folbre N., Nelson J. For Love, or Money – or Both? // *The Journal of Economic Perspective*. 2000. Vol. 14. N 4. P. 123–140.
- Fonow, Cook 2005* – Fonow M., Cook J. Feminist Methodology: New Applications in the Academy and Public Policy // *Signs. A Thematic Issue: New Feminist Approaches to Social Science*. 2005. Vol. 30. N 4. P. 2211–2236.
- Fonow, Cook 1991* – Fonow M., Cook J. (eds.) *Beyond Methodology: Feminist Scholarship as Lived Research*. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1991.
- Forbes, Evans, Scott 2010* – Forbes T., Evans D., Scott N. Implementing Health and Social Care Policy: England and Scotland compared // *Policy Studies*. 2010. Vol. 31. N 6. P. 591–611.
- Fox, Murry 2000* – Fox G., Murry V. Gender and Families: Feminist Perspectives and Family Research // *Journal of Marriage and Family*. 2000. Vol. 62. N 4. P. 1160–1172.
- Fox, Worts 1999* – Fox B., Worts D. Revisiting The Critique of Medicalized Childbirth: A Contribution to the Sociology of Birth // *Gender & Society*. 1999. Vol. 13. N 3. P. 326–346.
- Fraser, Honneth 2003* – Fraser N., Honneth A. *Redistribution Or Recognition?: A Political-philosophical Exchange*. London; New York: Verso, 2003.
- Freeman 1975* – Freeman J. *The Politics of Women's Liberation. A Case Study of an Emerging Social Movement and its Relation to the Policy Process*. New York: David McKay Company, 1975.
- Freidson 1970* – Freidson E. *Profession of Medicine: A Study of the Sociology of Applied Knowledge*. New York: Dodd, Mead Gabe, 1970.

- Freidson 1994* – Freidson E. *Professionalism Reborn: Theory, Prophecy, and Policy*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1994.
- Gabaccia 2006* – Gabaccia D., Donato K., Holdaway J., Manalansan M., Pessar P. A glass half full? Gender in migration studies // *The international migration review*. 2006. Vol. 40. N 1. P. 3–26.
- Gal, Kligman 2000* – Gal S., Kligman G. *The Politics of Gender after Socialism: A Comparative-Historical Essay*. Princeton: Princeton Univ press, 2000.
- Gardner 1980* – Gardner C. Passing By: Street Remarks, Address Rights, and the Urban Female // *Sociological Inquiry*. 1980. Vol. 50. N 3/4. P. 328–356.
- Garfinkel 1967* – Garfinkel G. *Studies in ethnomethodology*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1967.
- Gelb 1989* – Gelb J. *Feminism and Politics. A Comparative Perspective*. Berkeley: Univ. of California Press, 1989.
- Gelb, Palley 1982* – Gelb J., Palley M. *Women and Public Policies*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1982.
- Giddens 1991* – Giddens A. *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press, 1991.
- Giddens 1993* – Giddens A. *The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love, and Eroticism in Modern Societies*. Oxford; Cambridge: Polity Press, 1993.
- Gilligan 1982* – Gilligan C. *In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1982.
- Ginsburg, Rapp 1991* – Ginsburg F., Rapp R. The Politics of Reproduction // *Annual Review of Anthropology*. 1991. Vol. 20. P. 311–344.
- Ginsburg, Rapp 1995* – Ginsburg F., Rapp R. Introduction: Conceiving the New World Order // Ginsburg F., Rapp R. (eds.) *Conceiving the New World Order: The Global Politics of Reproduction*. Berkeley: Univ. of California Press, 1995. P. 1–17.
- Goffman 1976* – Goffman E. Gender Advertisements // *Studies in the Anthropology of Visual Communication*. 1976. Vol. 3. N 2. P. 69–154.
- Goffman 1977* – Goffman E. The Arrangement between the Sexes // *Theory and Society*. 1977. Vol. 4. N 3. P. 301–331.
- Goffman 1979* – Goffman E. *Gender Advertisements*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press [hardback]; New York: Harper and Row [paperback], 1979.
- Golde 1970* – Golde P. (ed.) *Women in the Field: Anthropological Experiences*. Chicago: Aldine, 1970.
- Gorelick 1991* – Gorelick S. Contradictions of Feminist Methodology // *Gender & Society*. 1991. Vol. 5. N 4. P. 459–477.
- Gorman 2005* – Gorman E. Gender stereotypes, same-gender preferences, and organizational variation in the hiring of women: Evidence from law firms // *American Sociological Review*. 2005. Vol. 70. P. 702–728.
- Gottfried 2000* – Gottfried H. Compromising positions: emergent neo-Fordisms and embedded gender contracts // *British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51. N 2. P. 235–259.
- Gould, Kern-Daniels 1977* – Gould M., Kern-Daniels R. Toward a Sociological Theory of Gender and Sex // *The American Sociologist*. 1977. Vol. 12. N 4. P. 182–189.

- Graham 1987* – Graham H. Providers, negotiators, and mediators: women as the hidden carers // Lewin E., Oleson V. (eds.) *Women, health, and healing: Towards a new perspective*. London: Tavistok, 1987.
- Graham 1991* – Graham H. The Concept of Caring in Feminist Research: The case of domestic service // *Sociology*. 1991. Vol. 25. N 1. P. 61–78.
- Graham, Oakley 1986* – Graham H., Oakley A. Ideologies of reproduction // Curren C., Stacey M. (eds.) *Concepts of Health, Illness and Disease: A Comparative Perspective*. Berg: Leamington Spa, 1986. P. 50–74.
- Greer 1971* – Greer G. *The Female Eunuch*. New York: McGraw-Hill, 1971.
- Grewal, Kaplan 1994* – Grewal I., Kaplan C. Introduction: Transnational Feminist Practices and Questions of Postmodernity // Grewal I., Kaplan C. (eds.) *Scattered Hegemonies. Postmodernity and Transnational Feminist Practices*. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1994. P. 1–33.
- Guba, Lincoln 1998* – Guba E., Lincoln Y. Competing Paradigms in Qualitative Research // Denzin N., Lincoln Y. (eds.) *The Landscape of Qualitative Research*. London: Sage, 1998. P. 195–220.
- Gupta, Ferguson 1997* – Gupta A., Ferguson J. Discipline and Practice: “The Field” as Site, Method and Location in Anthropology // *Anthropological Locations: Boundaries and Grounds of a Field Science*. Berkeley: Univ. of California Press, 1997. P. 1–46.
- Hakim 2000* – Hakim C. *Work-Lifestyle Choices in the 21st Century: Preference Theory*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000.
- Halberstam 1998* – Halberstam J. *Female Masculinity*. Durham: Duke Univ. Press, 1998.
- Hall, Roter 1995* – Hall J., Roter D. Patient gender and communication with physicians: Results of a community-based study // *Women’s Health: Research on Gender, Behavior, and Policy*. 1995. Vol. 1. P. 77–95.
- Hancock 2007* – Hancock A.-M. Intersectionality as a Normative and Empirical Paradigm // *Politics & Gender*. 2007. Vol. 3. N 2. P. 248–253.
- Hankivsky 2012* – Hankivsky O. Women’s health, men’s health, and gender and health: Implications of intersectionality // *Social Science and Medicine*. 2012. Vol. 74. P. 1712–1720.
- Hankivsky, Cormier, 2009* – Hankivsky O., Cormier R. Intersectionality: Moving women’s health research and policy forward. Vancouver: Women’s Health Research Network, 2009.
- Haraway 1988* – Haraway D. Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspectives // *Feminist Studies*. 1988. Vol. 14. N 3. P. 575–599.
- Haraway 1991* – Haraway D. *Situated Knowledges // Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature*. New York: Routledge, 1991. P. 183–203.
- Harden 2001* – Harden J. Mother Russia’ at Work: Gender Divisions in the Medical Profession // *The European Journal of Women’s Studies*. 2001. Vol. 8. N 2. P. 181–199.
- Hardey 1999* – Hardey M. Doctor in the house: The Internet as a source of lay health knowledge and the challenge to expertise // *Sociology of Health & Illness*. 1999. Vol. 21. N 6. P. 820–835.

- Harding 1986* – Harding S. *The Science Question in Feminism*. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1986.
- Harding 1987* – Harding S. Introduction. Is there a Feminist Method? // Harding S. (ed.) *Feminism and Methodology*. Milton Keynes: Open Univ. Press, 1987. P. 1–14.
- Harding 1987* – Harding S. *Feminism and Methodology: Social Science Issues*. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1987.
- Harding 1991* – Harding S. *Whose science? Whose knowledge?* Ithaca: Cornell Univ. Press, 1991.
- Harding 1998* – Harding S. *Is Science Multicultural? Postcolonialisms, Feminisms, and Epistemologies*. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1998.
- Harding, Norberg 2005* – Harding S., Norberg K. New Feminist Approaches to Social Science Methodologies: An Introduction // *Signs*. 2005. Vol. 30. N 4. P. 2009–2015.
- Harrington-Meyer 2000* – Harrington-Meyer M. (ed.) *Care Work: Gender, Labor and the Welfare State*. New York: Routledge, 2000.
- Harrison 1978* – Harrison J. Warning: The male sex role may be dangerous to your health // *Journal of Social Issues*. 1978. Vol. 34. P. 65–86.
- Hartmann 1979* – Hartmann H. The Unhappy Marriage of Marxism and Feminism: towards a more progressive union // *Capital & Class*. 1979. N 8. P. 1–33.
- Hartsock 1987* – Hartsock N. The Feminist Standpoint: Developing the Ground for a Specifically Feminist Historical Materialism // Harding S. (ed.) *Feminism and Methodology*. Milton Keynes: Open Univ. Press, 1987. P. 157–181.
- Hartsock 1996* – Hartsock N. *Community/Sexuality/Gender: Rethinking Power* // Hirschmann N., Di Stefano C. (eds.) *Revisioning the Political: Feminist Reconstructions of Traditional Concepts in Western Political Theory*. Boulder, CO: Westview Press, 1996.
- Haugen 1983* – Haugen I. Conceptualizing Domestic Work: Comments on Definitions of Work on Some Norwegian Studies // Arnlaug L. (ed.) *Work and Womanhood: Norwegian Studies*. Oslo: Institute for Social Research, 1983.
- Hays 1996* – Hays S. *The Cultural Contradictions of Motherhood*. New Haven: Yale Univ. Press, 1996.
- Hearn 1987* – Hearn J. The gender of oppression: men, masculinity and the critique of Marxism. Brighton: Wheatsheaf, 1987.
- Hearn 1993* – Hearn J. Emotive subjects: Organizational men, organizational masculinities, and the (de)construction of “emotions” // Fineman S. (ed.) *Emotion in organizations*. London: Sage, 1993. P. 148–166.
- Hearn 1998* – Hearn J. *The Violences Of Men: How Men Talk About And How Agencies Respond To Men’s Violence To Women*. London: Sage, 1998.
- Hearn, Kimmel 2006* – Hearn J., Kimmel M. Changing Studies on Men and Masculinities // Davis K., Evans M., Lorber J. (eds.) *Handbook of Gender and Women’s Studies*. London: Sage, 2006. P. 53–70.
- Held 1996* – Held V. (ed.) *Care and Justice*. Boulder: Westview, 1996.
- Held 2006* – Held V. *The Ethics of Care: Personal, Political and Global*. New York: Oxford Univ. Press, 2006.

- Hemmings 2006* – Hemmings C. The life and times of academic feminism // Davis K., Evans M., Lorber J. (eds.) *Handbook of Gender and Women's Studies*. London: Sage, 2006. P. 13–34.
- Hirdman 1991* – Hirdman Y. The Gender System // Andreasen T. et al. (eds.) *Moving on. New Perspective on the Women's Movement*. Aarhus: Aarhus Univ. Press, 1991. P. 187–207.
- Hoagland 1991* – Hoagland S. Some Thoughts about Caring // Card C. (ed.) *Feminist Ethics*. Lawrence: Univ. of Kansas Press, 1991. P. 246–263.
- Hochschild 1973* – Hochschild A. A Review of Sex Role Research // *American Journal of Sociology*. 1973. Vol. 78. N 4. P. 1011–1029.
- Hochschild 1983* – Hochschild A. *The Managed Heart: The Commercialization of Human Feeling*. Berkeley: The Univ. of California Press, 1983.
- Hochschild 1994* – Hochschild A. The Commercial Spirit of Intimate Life and the Abduction of Feminism: Signs from Women's Advice Books // *Theory Culture & Society*. 1994. Vol. 11. P. 1–24.
- Hochschild 2003a* – Hochschild A. *The Commercialization of Intimate Life: Notes From Home And Work*. San Francisco; Los Angeles: Univ. of California Press, 2003.
- Hochschild 2003b [1989]* – Hochschild A. *The Second Shift: Working Parents and the Revolution at Home* (with Anne Machung). New York: Viking, 2003.
- Hochschild, Ehrenreich 2003* – Hochschild A., Ehrenreich B. *Global Woman: Nannies, Maids and Sex Workers in the New Economy*. New York: Metropolitan Press, 2003.
- Hoff 2011* – Hoff A. (ed.) *Population Ageing in Central and Eastern Europe. Societal and Policy Implications*. Farnham: Ashgate, 2011.
- Holter 1997* – Holter Ø. *Gender, patriarchy and capitalism: A social forms analysis*. Oslo: Univ. of Oslo, 1997.
- Holter 2003* – Holter Ø. Can men do it? Men and gender equality – The Nordic experience. Copenhagen: Nordic Council of Ministers, 2003.
- Holter 2005* – Holter Ø. Social Theories for Researching Men and Masculinities: Direct Gender Hierarchy and Structural Inequality // Kimmel M., Hearn J., Connell R. (eds.) *Handbook of Studies on Men and Masculinities*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2005. P. 15–34.
- Huber 1973* – Huber J. (ed.) *Changing Women in a Changing Society* // *American Journal of Sociology* (Special Issue). 1973. Vol. 78. N 4. P. 763–766.
- Huber 1976* – Huber J. *Sociology* // *Signs*. 1976. Vol. 1, N 3. P. 685–697.
- Hull, Scott, Smith 1982* – Hull S., Bell Scott B., Smith B. *All the Women Are White, All the Blacks Are Men. But Some of Us Are Brave: – Black Women's Studies*. Old Westbury, N.Y.: The Feminist Press, 1982.
- Hunter 2001* – Hunter B. Emotion work in midwifery: a review of current knowledge // *Journal of Advanced Nursing* 2001. Vol. 34. N 4. P. 436–44.
- Hunter, Deery 2008* – Hunter B., Deery R. *Emotions in Midwifery and Reproduction*. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2008.
- Iarskaia-Smirnova 2013* – Iarskaia-Smirnova E. *Social Work in Post-Socialist Countries: Divergence and Common Ground* // *Weltatlas Soziale Arbeit*. Basel, Weinheim: Beltz Juventa, 2013. P. 353–378.

- Illich 1976* – Illich I. *Medical Nemesis*. New York: Pantheon, 1976.
- Illouz 1997* – Illouz E. *Consuming the Romantic Utopia: Love and the Cultural Contradictions of Capitalism*. Berkeley: Univ. of California Press, 1997.
- Illouz 2007* – Illouz E. *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism*. Oxford: Polity Press, 2007.
- Illouz 2012* – Illouz E. *Why Love Hurts: A Sociological Explanation*. London: Polity Press, 2012.
- Inhorn 2006* – Inhorn M. Defining Women's Health: A Dozen Messages from More than 150 Ethnographies // *Medical Anthropology Quarterly*. 2006. Vol. 20. N 3. P. 345–378.
- Jackson 1993* – Jackson S. Even Sociologists Fall in Love: An Exploration in the Sociology of Emotions // *Sociology*. 1993. Vol. 27. N 2. P. 201–220.
- Jaggar 1983* – Jaggar A. *Feminist Politics and Human Nature*. Towota, NJ: Rowman, 1983.
- Jaggar, Rothenberg 1984* – Jaggar A., Rothenberg P. *Feminists Frameworks*. New York: McGraw-Hill, 1984.
- Jenkins 2000* – Jenkins S. Toward Theory Development and Measure: Evolution for Studying Women's Relationships and HIV Infection // *Sex Roles*. 2000. Vol. 42. N 7/8. P. 751–780.
- Jordan 1987* – Jordan B. The Hut and the Hospital: Information, Power and Symbolism in the Artifacts of Birth // *Birth: Issues in Perinatal Care and Education*. 1987. Vol. 14. N 1. P. 36–40.
- Jordan 1993 [1978]* – Jordan B. *Birth in four cultures: A crosscultural investigation of childbirth in Yucatan, Holland, Sweden, and the United States*. Long Grove, IL: Waveland Press, 1993.
- Jordan 1997* – Jordan B. *Authoritative Knowledge and Its Construction* // Davis-Floyd R., Sargent C. (eds.) *Childbirth and Authoritative Knowledge: Cross-Cultural Perspectives*. Berkeley: Univ. of California Press, 1997. P. 55–79.
- Jurik, Siemsen 2009* – Jurik N., Siemsen C. "Doing Gender" as Canon or Agenda: A Symposium on West and Zimmerman // *Gender & Society*. 2009. Vol. 23. N 1. P. 72–75.
- Kalleberg 2009* – Kalleberg A. Precarious Work, Insecure Workers: Employment Relations in Transition // *American Sociological Review*. 2009. Vol. 74. N 1. P. 1–22.
- Kampf, Marshall, Petersen 2013* – Kampf A., Marshall B., Petersen A. (eds.) *Aging Men: Masculinities and Modern Medicine*. London: Routledge, 2013.
- Kandiyoti 1988* – Kandiyoti D. Bargaining with Patriarchy // *Gender & Society*. 1988. Vol. 2. N 3. P. 274–290.
- Kang 1997* – Kang M. The portrayal of women's images in magazine advertisements: Goffman's gender analysis revisited // *Sex Roles*. 1997. Vol. 37. P. 979–996.
- Kang 2003* – Kang M. The managed hand: the commercialization of bodies and emotions in Korean immigrant-owned nail salons // *Gender and Society*. 2003. Vol. 17. P. 820–839.
- Kanter 1977a* – Kanter R. *Men and women of the corporation*. New York: Basic Books, 1977.

- Kanter 1977b* – Kanter R. Some effects of proportions on group life: Skewed sex ratios and responses to token women // *American Journal of Sociology*. 1977. Vol. 82. P. 965–990.
- Kaplan et al. 2007* – Kaplan S., Gandek B., Greenfield S., Rogers W., Ware J. Patient gender and physician practice style // *Womens Health*. 2007. Vol. 16. P. 859–868.
- Kasper 1994* – Kasper A. A Feminist Qualitative Methodology: A Study of Women with Breast Cancer // *Qualitative Sociology*. 1994. Vol. 17. N 3. P. 263–281.
- Katzenstein, Mueller 1987* – Katzenstein M., Mueller C. (eds). *The Women's Movement of the United States and Western Europe*. Philadelphia: Temple Univ. Press, 1987.
- Kaufman 1994* – Kaufman M. Men, feminism, and men's contradictory experiences of power // Brod H., Kaufman M. (eds.) *Theorizing masculinities*. Thousand Oaks: Sage, 1994. P. 142–163.
- Kawash 2011* – Kawash S. New Directions in Motherhood Studies // *Signs*. 2011. Vol. 36. N 4. P. 969–1003.
- Keller 1985* – Keller E. *Reflections on Gender and Science*. New Haven: Yale Univ. Press, 1985.
- Kessler, McKenna 1978* – Kessler S., McKenna W. *Gender: an ethnomethodological approach*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1978.
- Khanna 2009* – Khanna R. Reflections of Sara Ruddick's Maternal Thinking // *Women's Studies Quarterly*. 2009. Vol. 37. N 3/4. P. 302–304.
- Kilminster et al. 2007* – Kilminster S., Downes J., Gough B., Murdoch-Eaton D., Roberts T. Women in medicine – is there a problem? A literature review of the changing gender composition, structures and occupational cultures in medicine // *Medical Education*. 2007. Vol. 41. Issue 1. P. 39–49.
- Kim, Puri 2005* – Kim H., Puri J. Conceptualizing Gender-Sexuality-State-Nation: An Introduction // *Gender and Society*. 2005. Vol. 19. N 2. P. 137–59.
- Kimmel 2005* – Kimmel M. Globalization and its mal(e)contents: The gendered moral and political economy of terrorism // Kimmel M., Hearn J., Connell R. (eds.) *Handbook of Studies on Men and Masculinities*. Thousand Oaks: Sage, 2005.
- Kimmel 1986* – Kimmel M. Introduction: toward men's studies // *American Behavioural Scientist*. 1986. Vol. 29. N 5. P. 517–529.
- Kimmel 1987a* – Kimmel M. (ed.) *Changing Men: New Directions in Research on Men and Masculinity*. London: Sage, 1987.
- Kimmel, 1987b* – Kimmel M. The contemporary “crisis” of masculinity in historical perspective // Brod H. (ed.) *The making of masculinities* Boston: Alien & Unwin, 1987. P. 121–154.
- Kittay 1999* – Kittay E. *Love's Labor. Essays on Women, Equality, and Dependency*, New York: Routledge, 1999.
- Kittay, Feder 2002* – Kittay E., Feder E. (eds). *The Subject of Care: Feminist perspectives on dependency*. Lanham: Rowman and Littlefield, 2002.
- Kitzinger 2009* – Kitzinger C. Doing Gender: A Conversation Analytic Perspective // *Gender & Society*. 2009. Vol. 23. N 1. P. 94–98.

- Kleinman 1995* – Kleinman A. *Writing at the Margin: Discourse between Anthropology and Medicine*. Berkeley: Univ. of California Press, 1995.
- Kohlberg 1966* – Kohlberg L. A cognitive-developmental analysis of children's sex role concepts and attitudes // Maccoby E. (ed.) *The Development of Sex Differences*. Stanford: Stanford Univ. Press, 1966.
- Kohlberg 1982* – Kohlberg L. Moral development // Broughton J., Freeman-Moir D. (eds.) *The Cognitive Developmental Psychology of James Mark Baldwin: Current Theory and Research in Genetic Epistemology*. Norwood: Ablex Publishing, 1982.
- Komarovsky 1992* – Komarovsky M. The concept of social role revisited // *Gender and Society*. 1992. Vol. 6. N 2. P. 301–313.
- Komarovsky 1946* – Komarovsky M. Cultural contradictions and sex roles // *American Journal of Sociology*. 1946. Vol. 52. N 3. P. 184–189.
- Komarovsky 1950* – Komarovsky M. Functional Analysis of Sex Roles // *American Sociological Review* 1950. Vol. 15. P. 508–516.
- Komarovsky 1953* – Komarovsky M. *Women in the Modern World: Their Education and Their Dilemmas*. Boston: Little Brown, 1953.
- Komarovsky, Philips 1964* – Komarovsky M., Philips J. *Blue-Collar Marriage*. New Haven: Yale Univ. Press, 1964.
- Komarovsky 1973* – Komarovsky M. Cultural Contradictions and Sex Roles: The Masculine Case // *American Journal of Sociology*. 1973. Vol. 78. N 4. P. 873–884.
- Komarovsky 1976* – Komarovsky M. *Dilemmas of Masculinity: A Study of College Youth*. New York: W. W. Norton, 1976.
- Komarovsky 1985* – Komarovsky M. *Women in College: Shaping New Feminine Identities*. New York: Basic Books, 1985.
- Krampe 2009* – Krampe E. When Is the Father Really There?: A Conceptual Reformulation of Father Presence // *Journal of Family Issues*. 2009. Vol. 30. P. 875–897.
- Kuhlmann 2009* – Kuhlmann E. From Women's Health to Gender Mainstreaming and Back Again: Linking Feminist Agendas and New Governance in Healthcare // *Current Sociology*. 2009. Vol. 57. N 2. P. 135–154.
- Kuhlmann, Annandale 2010* – Kuhlmann E., Annandale E. (eds.) *The Palgrave Handbook of Gender and Healthcare*. London: Palgrave Macmillan, 2010.
- Kwan 2001* – Kwan M.-P. Quantitative Methods and Feminist Geographic Research // Moss P. (ed.) *Feminist Geography in Practice: Research and Methods*. Oxford: Blackwell, 2001. P. 160–171.
- La Pastina 2006* – La Pastina A. The Implications of an Ethnographer's Sexuality // *Qualitative Inquiry*. 2006. Vol. 12. N 4. P. 724–735.
- Lapidus 1978* – Lapidus G. *Women in Soviet society. Equality. Development and Social Change*. Berkeley, LA; London: Univ. of California Press, 1978.
- Larivaara 2010* – Larivaara M. Pregnancy Prevention, Reproductive Health Risk and Morality: a Perspective from Public-Sector Women's Clinics in St. Petersburg, Russia // *Critical Public Health*. 2010. Vol. 20, N 3. P. 357–371.
- Larivaara 2011* – Larivaara M. “A Planned Baby Is a Rarity”: Monitoring and Planning Pregnancy in Russia // *Health Care for Women International*. 2011. Vol. 32. N 6. P. 515–537.

- LaRossa 1989* – LaRossa R. Fatherhood and social change // *Men's Studies Review*. 1989. Vol. 6. N 2. P. 1–9.
- Laslett et al. 1996* – Laslett B., Kohlstedt S., Longino H., Hammonds E. (eds.) *Gender and Scientific Authority*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1996.
- Laslett, Brenner 1989* – Laslett B., Brenner J. Gender and Social Reproduction: Historical Perspective // *Annual Review of Sociology*. 1989. Vol. 15. P. 381–404.
- Laslett, Thorne 1997* – Laslett B., Thorne B. Life histories of a Movement: An introduction // Laslett B., Thorne B. (eds.) *Feminist sociology: Life histories of a Movement*. New Brunswick: Rutgers Univ. Press, 1997. P. 28–47.
- Latour 1987* – Latour B. *Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1987.
- Lawton 2003* – Lawton J. Lay experiences of health and illness: past research and future agendas // *Sociology of Health & Illness*. 2003. Vol. 25. P. 23–40.
- Lazarus 1994* – Lazarus E. What Do Women Want?: Issues of Choice, Control, and Class in Pregnancy and Childbirth // *Medical Anthropology Quarterly*. 1994. Vol. 8. Issue 1. P. 25–46.
- Leira 2002* – Leira A. Updating “gender contract”? Childcare reforms in the Nordic countries in the 1990s // *Nora*. 2002. Vol. 10. N 2. P. 81–89.
- Lennerhed 1994* – Lennerhed L. Frihet att njuta. Sexualdebatten i Sverige 1960-taler (Свобода наслаждаться. Дискуссия о сексуальности в Швеции в 1960 гг.). WSOY, Fenland: Norstedts, 1994.
- Lenski 1966* – Lenski G. *Power and Privilege: A Theory of Social Stratification*. New York: McGraw-Hill, 1966.
- Levant 1997* – Levant R. The Masculinity Crisis // *Journal of Men's Studies*. 1997. Vol. 5. N 3. P. 221–229.
- Levy, Johnson 2012* – Levy D., Johnson C. What does the Q mean? Including queer voices in qualitative research // *Qualitative Social Work*. 2012. Vol. 11. P. 130–140.
- Lewis 1992* – Lewis J. Gender and the Development of Care Regimes // *Journal of European Social Policy*. 1992. Vol. 2. N 3. P. 159–73.
- Lindsey 2011 [1997]* – Lindsey L. *Gender Roles: A Sociological Perspective*. 5th ed. Boston: Pearson, 2011.
- Linton 1942* – Linton R. Age and Sex Categories // *American Sociological Review*. 1942. Vol. 7. N 5. P. 589–603.
- Lipman-Blumen 1975* – Lipman-Blumen J. A crisis framework applied to macrosociological family changes: Marriage, divorce, and occupational trends associated with World War II // *Journal of Marriage and the Family*. 1975. Vol. 27. P. 889–902.
- Lipman-Blumen 1976* – Lipman-Blumen J. Towards a Homosocial Theory of Sex roles: An explanation of the sex segregation of social Institutions // *Signs*. 1976. Vol. 1. N 3. P. 15–31.
- Lipman-Blumen, Tickamyer 1975* – Lipman-Blumen J., Tickamyer A. Sex role in transition: A Ten-Year Perspective // *Annual Review of Sociology*. Vol. 1. 1975. P. 297–337.
- Lipovskaya 1997* – Lipovskaya O. Women's groups in Russia // Buckley M. (ed.) *Post-Soviet women: from the Baltic to Central Asia*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997.

- Lister 1997* – Lister R. *Citizenship: Feminist Perspectives*. Houndmills: Macmillan Press, 1997.
- Lively, Heise 2004* – Lively K., Heise D. Sociological realms of emotional experience // *American Journal of Sociology*. 2004. Vol. 109. N 5. P. 1109–1136.
- Lloyd 2000* – Lloyd L. Caring about carers: only half the picture? // *Critical Social Policy*. 2000. Vol. 20. N 1. P. 136–150.
- Lock 1993* – Lock M. *Encounters with Aging: Mythologies of Menopause in Japan and North America*. Berkeley: Univ. of California Press, 1993.
- Lock 2001* – Lock M. The Tempering of Medical Anthropology: Troubling Natural Categories // *Medical Anthropology Quarterly, New Series. Special Issue: The Contributions of Medical Anthropology to Anthropology and Beyond*. 2001. Vol. 15. N 4. P. 478–492.
- Lock, Kaufert 1998* – Lock M., Kaufert P. (eds.) *Pragmatic Women and Body Politics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998.
- Longino 2001* – Longino H. *The Fate of Knowledge*. Princeton: Princeton Univ. Press, 2001.
- Looker 1993* – Looker P. Women's health centers: History and evolution // *Women's Health*. 1993. Issues 3 (2). P. 95–100.
- Lopata 1971* – Lopata H. *Occupation: Housewife*. New York: Oxford Univ. Press, 1971.
- Lopata 1976* – Lopata H. Review Essay: Sociology // *Signs*/ 1976. Vol. 2. N 1. P. 165–176.
- Lopata, Thorne 1978* – Lopata H., Thorne B. On the Term “Sex Roles” // *Signs*. 1978. Vol. 3. N 3. P. 718–721.
- Lorber 1975* – Lorber J. Women and Medical Sociology: Invisible Professionals and Ubiquitous Patients // Millman M., Kanter R. (eds.) *Another Voice: Feminist Perspectives on Social Life and Social Science*. Garden City, New York: Anchor Books. 1975. P. 75–105.
- Lorber 1994* – Lorber J. *Paradoxes of Gender*. New Haven, CT: Yale Univ. Press, 1994.
- Lorber 1996* – Lorber J. Beyond the binaries: Depolarizing the categories of sex, sexuality, and gender // *Sociological Inquiry*. 1996. Vol. 66. N 2. P. 143–160.
- Lorber 1997* – Lorber J. Gender and the Social Construction of Illness. London: Sage, 1997. P. 13–34.
- Lorber 1999* – Lorber J. Crossing Borders and Erasing Boundaries: Paradoxes of Identity Politics // *Sociological Focus*. 1999. Vol. 32. N. 4. P. 355–370.
- Lorber 2000* – Lorber J. Using Gender to Undo Gender: A Feminist Degendering Movement // *Feminist Theory*. 2000. Vol. 1. N. 1. P. 79–95.
- Lorber 2005* – Lorber J. *Breaking the Bowls: Degendering and Feminist Change*. New York: W. W. Norton & Company, 2005.
- Lorber 2006* – Lorber J. Shifting Paradigms and Challenging Categories // *Social Problems*. 2006. Vol. 53. N 4. P. 448–453.
- Lorber 2006* – Lorber J. Beyond the Binaries: Depolarizing the Categories of Sex, Sexuality, and Gender // *Sociological Inquiry*. 1996. Vol. 66. P. 143–59.
- Lorber 2010* – Lorber J. *Gender Inequality*. New York: City Univ. of New York, 2010.

- Lugones, Spelman 1983* – Lugones M., Spelman E. Have We Got a Theory for You! Feminist Theory, Cultural Imperialism, and the Demand for ‘The Woman’s Voice?’ // *Women’s Studies International Forum*. 1983. Vol. 6. P. 573–581.
- Lupton 1994* – Lupton D. *Medicine as Culture Illness, Disease and the body in western societies*. London: Sage, 1994.
- Lutz 2002* – Lutz H. Zonder blikken of blozen. Het standpunt van de (nieuw-) realisten // *Tijdschrift voor Genderstudies*. 2002. N 3. P. 7–17.
- Lutz 2011* – Lutz H. *The New Maids. Transnational Women and the Care Economy*. London: Zed Books, 2011.
- Lykke 2004* – Lykke N. Women’s/gender/feminist studies, apost-disciplinary discipline? // Braidotti R., Just E., Mensink M. (eds.) *The Making of the European Women’s Studies*. 2004. Vol. 5. P. 91–101
- Lykke 2006* – Lykke N. *Intersectionality Revisited: Problems and Potentials* // *Kvinnovetenskaplig tidskrift*. 2006. Vol. 2-3. P. 7–17.
- Maccoby, Jacklin 1974* – Maccoby E., Jacklin C. *The Psychology of Sex Differences*. Stanford: Stanford Univ. Press, 1974.
- Macdonald, Sirianni 1996* – Macdonald C., Sirianni C. The service society and the changing experience of work // Macdonald C., Sirianni C. (eds.) *Working in the Service Society*. Philadelphia: Temple Univ. Press, 1996. P. 1–26.
- MacKinnon 1982* – MacKinnon C. *Feminism, Marxism, Method, and the State: An Agenda for Theory* // Keohane N. (ed.) *Feminist Theory. A Critique of Ideology*. Chicago: The Harvest Press, 1982.
- MacKinnon 1989* – MacKinnon C. *Toward a Feminist Theory of the State*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press (1989).
- MacKinnon 2000* – MacKinnon C. *Points against Postmodernism* // *Chicago-Kent Law Review*. Vol. 75. 2000. N 3. P. 687–712.
- Mahmood 2004* – Mahmood S. *Politics of Piety: The Islamic Revival and the Feminist Subject*. Princeton: Princeton Univ. Press, 2004.
- Malo de Molina 2004a* – Malo de Molina M. *Common Notions, Part 1: Workers-Inquiry, Co-Research, Consciousness-Raising*. European Institute for Progressive Cultural Politics (<http://eipcp.net/transversal/0406/malo/en>; 13.02.2014).
- Malo de Molina 2004b* – Malo de Molina M. *Common Notions, Part 2: Institutional Analysis, Participatory Action-Research, Militant Research*. European Institute for Progressive Cultural Politics (<http://eipcp.net/transversal/0707/malo/en>; 13.02.2014).
- Mansfield 2008* – Mansfield B. *The social nature of natural childbirth* // *Social Science & Medicine*. 2008. Vol. 66. P. 1084–1094.
- Marshall 1950* – Marshall T. *Citizenship and Social Class*. Cambridge, MA: Cambridge Univ. Press, 1950.
- Martin 2003* – Martin P. “Said and Done” versus “Saying and Doing”: Gendering Practices, Practicing Gender at Work // *Gender & Society*. 2003. Vol. 17. N 3. P. 342–366.
- Martin 2004* – Martin P. *Gender as Social Institution* // *Social Forces*. 2004. Vol. 82. N 4. P. 1249–1273.

- Martin 2010* – Martin L. *Anticipating Infertility: Egg Freezing, Genetic Preservation, and Risk* // *Gender & Society*. 2010. Vol. 24. N 4. P. 526–545.
- Martin 1992 [1987]* – Martin E. *The woman in the body: A cultural analysis of reproduction*. Boston: Beacon Press, 1992.
- Martin 1994* – Martin E. *Flexible Bodies: The Role of Immunity in American Culture from the Days of Polio to the Age of AIDS*. Boston: Beacon Press, 1994.
- Matsuda 1991* – Matsuda M. *Beside My Sister, Facing the Enemy: Legal Theory out of Coalition* // *Stanford Law Review*. 1991. Vol. 43. N 6. P. 1183–1192.
- McCall 2005* – McCall L. *The Complexity of Intersectionality* // *Signs*. 2005. Vol. 30. N 3. P. 1771–1800.
- McKechnie, Kohn 1999* – McKechnie R., Kohn T. *Introduction: Why Do We Care Who Cares?* // Kohn T., McKechnie R. (eds.) *Extending the Boundaries of Care. Medical Ethics and Caring Practices*. Oxford: Berg, 1999. P. 1–14.
- Messerschmidt 1993* – Messerschmidt J. *Masculinities and Crime: Critique and Reconceptualisation of Theory*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 1993.
- Messerschmidt 2000* – Messerschmidt J. *Nine lives: Adolescent masculinities, the body, and violence*. Boulder, CO: Westview, 2000
- Messerschmidt 2004* – Messerschmidt J. *Flesh & blood: Adolescent gender diversity and violence*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2004.
- Messerschmidt 2009* – Messerschmidt J. “Doing Gender”: The Impact and Future of a Salient Sociological Concept // *Gender & Society*. 2009. Vol. 23. N 1. P. 85–88.
- Messner 1997* – Messner M. *Politics of Masculinities: Men in Movements*. London: Sage, 1997.
- Messner, Sabo 1994* – Messner M., Sabo D. *Sex, violence & power in sports: rethinking masculinity*. Freedom: Crossing Press, 1994.
- Messner, Sabo 1990* – Messner M., Sabo D. (eds.) *Sport, men, and the gender order: critical feminist perspectives*. Champaign: Human Kinetics Publishers, 1990.
- Metz 2010* – Metz T. *Demands of Care and Dilemmas of Freedom* // *Politics & Gender*. 2010. Vol. 6. N. 1. P. 120–128.
- Miles 1991* – Miles A. *Women, health and medicine*. Buckingham: Open Univ. Press, 1991.
- Millen 1997* – Millen D. *Some Methodological and Epistemological Issues Raised by Doing Feminist Research on Non-Feminist Women* // *Sociological Research Online*. 1997. Vol. 2. N 3. P. 2–18.
- Miller, Shriver 2012* – Miller A., Shriver T. *Women’s childbirth preferences and practices in the United States* // *Social Science & Medicine*. 2012. Vol. 75. P. 709–716.
- Mitchell 1971a [1966]* – Mitchell J. *Women: The Longest Revolution* // Mitchell J. *Women’s Estate*. Harmondsworth: Penguin, 1971. P. 75–122.
- Mitchell 1971b* – Mitchell J. *Woman’s Estate*. Harmondsworth: Penguin, 1971.
- Mitchell 1974* – Mitchell J. *Psychoanalysis and Feminism*. New York: Vintage Books, 1974.
- Moccio 2009* – Moccio F. *Live wire: Women and brotherhood in the electrical industry*. Philadelphia: Temple Univ. Press, 2009.

- Mohanty 1988* – Mohanty C. Under Western Eyes: Feminist Scholarship and Colonial Discourses // *Feminist Review*. 1988. N 30. P. 61–88.
- Mol 2008* – Mol A. The Logic of Care: Health and the Problem of Patient Choice. New York: Routledge, 2008.
- Mooney, Brabant, Moran 1993* – Mooney L., Brabant S., Moran S. Gender and Age Displays in Ceremonial Tokens // *Sex Roles*. 1993. Vol. 29. N 9–10. P. 617–627.
- Mørck 2003* – Mørck Y. Narratives of the Intersections of Masculinities and Ethnicities in a Danish High School Class // *Nordic Journal of Women Studies*. 2003. Vol. 11. N 2. P. 111–120.
- Morgan 1992* – Morgan D. Discovering men. London; New York: Routledge, 1992.
- Morgan 2006* – Morgan D. The Crisis in Masculinity // Davis K., Evans M., Lorber J. (eds.) *Handbook of Gender and Women's Studies*. London: Sage, 2006. P. 108–125.
- Morgen 2002* – Morgen S. Into our Own Hands: The Women's Health Movement in the United States, 1969–1990. New Brunswick: Rutgers Univ. Press, 2002.
- Morris 2004* – Morris J. Independent Living and Community Care: A disempowering framework // *Disability and Society*. 2004. Vol. 19. N. 5. P. 427–442.
- Morris 2001* – Morris J. Impairment and disability: Constructing an ethics of care that promotes human rights // *Hypatia*. 2001. Vol. 16. N 4. P. 1–16.
- Morris, Mueller 1992* – Morris A., Mueller C. (eds.) *Frontiers in Social Movement Theory*. New Haven: Yale Univ. Press, 1992.
- Mueller 1994* – Mueller C. Conflict Network and the Origins of Women's Liberation // *New Social Movements. From Ideology to Identity*. Philadelphia: Temple Univ. Press, 1994.
- Namey, Lyerly 2010* – Namey E., Lyerly A. The meaning of “control” for childbearing women in the US // *Social Science & Medicine*. 2010. Vol. 71. P. 769–776.
- Nelson 1993* – Nelson L. Epistemological Communities // Alcoff L., Potter E. (eds.) *Feminist Epistemologies*. New York: Routledge, 1993.
- Nelson 1999* – Nelson J. Of Markets and Martyrs: Is It OK to Pay Well for Care? // *Feminist Economics*. 1999. Vol. 5. N 3. P. 43–59.
- Nettleton 2006* – Nettleton S. The sociology of health and illness. London: Polity Press, 2006.
- Neyer, Bernard 2011* – Neyer G., Bernard L. Feminist Perspectives on Motherhood and Reproduction: Historical Social Research // *Historische Sozialforschung*. Thematic Issue: Fertility in the History of the 20th Century: Trends, Theories, Policies, Discourses / Fertilität in der Geschichte des 20. Jahrhunderts: Trends, Theorien, Politik, Diskurse. 2011. Vol. 36. N 2 (136). P. 162–176.
- Nicholson 1994* – Nicholson L. Interpreting gender // *Signs*. 1994. Vol. 20. N 1. P. 79–105.
- Noddings 2002* – Noddings N. Starting at Home. Caring and Social Policy. Berkeley: Univ. of California Press, 2002.
- Noddings 2004* – Noddings N. Happiness and Education. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 2004.
- O'Reilly 2007* – O'Reilly A. (ed.) *Maternal Theory: Essential Readings*. Toronto: Demeter, 2007.
- O'Reilly, Spee 1998* – O'Reilly J., Spee C. The Future Regulation of Work and Welfare:

- Time for a Revised Social and Gender Contract? // *European Journal of Industrial Relations*. 1998. Vol. 4. P. 259–281.
- Oakley 1972* – Oakley A. *Sex, Gender & Society*. New York: Harper and Row, 1972.
- Oakley 1974* – Oakley A. *The Sociology of Housework*. London: Martin Robertson, 1974.
- Oakley 1979a* – Oakley A. Becoming a mother. Oxford: Martin Robertson, 1979.
- Oakley 1979b* – Oakley A. Review essay: feminism and sociology – some recent perspectives // *American Journal of Sociology*. 1979. Vol. 84. N 5. P. 1259–1265.
- Oakley 1980* – Oakley A. *Women confined: Towards a sociology of childbirth*. Oxford: Martin Robertson, 1980.
- Oakley 1981* – Oakley A. Interviewing Women: A Contradiction in Terms // Roberts H. (ed.) *Doing Feminist Research*. London: Routledge and Kegan Paul, 1981. P. 30–61.
- Oakley 1982* – Oakley A. *Subject women*. London: Fontana, 1982.
- Oakley 1984* – Oakley A. *The captured womb: A history of the medical care of pregnant women*. New York: Basil Blackwell, 1984.
- OECD 1998* – Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). *Ageing and care for frail elderly persons: An overview of international perspectives*. Paris: OECD, 1998.
- Olesen 2000* – Olesen V. Feminisms and Qualitative Research at and into the Millennium // Denzin N., Lincoln Y. (eds.) *Handbook of Qualitative Research*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2000. P. 215–255.
- Oliffe, Mroz 2005* – Oliffe J., Mroz L. Men Interviewing Men about Health and Illness: Ten Lessons Learned // *The Journal of Men's Health & Gender*. 2005. Vol. 2. N 2. P. 257–260.
- Our Bodies, Ourselves 2011 [1971]* – *Our Bodies, Ourselves*. 9th ed. New York: Simon and Schuster, The Boston Women's Health Book Collective, 2011.
- Oushakine 2004* – Oushakine S. Replacing the Loss: Local Wars and Private Traumas in a Russian Province / Paper presented at the Colloquium of Dept. of Anthropology, Univ. of Pennsylvania, Philadelphia. November 29, 2004.
- Padavic, Reskin 2002* – Padavic I., Reskin B. *Women and Men at Work*. Thousand Oaks: Pine Forge Press, 2002.
- Padovan 2003* – Padovan D. Biopolitics and the Social Control of the Multitude // *Democracy and Nature*. 2003. Vol. 9. P. 473–486.
- Parrenas 2001* – Parrenas R. *Servants of globalization. Women, migration, and domestic work*. Stanford: Stanford Univ. Press, 2001.
- Parrenas 2003* – Parrenas R. *The Care Crisis in The Philippines: Children and Transnational Families in The New Global Economy* // Ehrenreich B., Hochschild A. (eds.) *Global Woman: Nannies, Maids and Sex Workers in the New Economy*. New York: Metropolitan Books, 2003. P. 39–55.
- Parsons 1942* – Parsons T. Age and Sex in the Social Structure of the United States // *American Sociological Review*. 1942. Vol. 7. N 5. P. 604–661.
- Parsons 1943* – Parsons T. *The Kinship System of The Contemporary United States* // *American Anthropologist*. 1943. Vol. 45. Issue 1. P. 22–38 (<http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1525/aa.1943.45.1.02a00030/pdf>; 14.03.2015).

- Parsons 1951* – Parsons T. Social Structure and Dynamic Process: The Case of Modern Medical Practices // Parsons T. The Social System. Glencoe: The Free Press, 1951. P. 428–479.
- Parsons 1955* – Parsons T. The American Family: Its Relation to Personality and to the Social Structure // Parsons T., Bales R. Family, Socialization and Interaction Process. Glencoe: Free Press, 1955.
- Parsons 1964* – Parsons T. Social Structure and Personality. New York: Free press, 1964.
- Parsons, Bales 1955* – Parsons T., Bales R. Family, Socialization and Interaction Process. Glencoe: Free Press, 1955.
- Pfau-Effinger, Rostgaard 2011* – Pfau-Effinger B., Rostgaard T. (eds.) Care Between Work and Welfare in European Societies. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2011.
- Pietilä, Rytönen 2008a* – Pietilä I., Rytönen M. Coping with Stress and By Stress: Russian Men and Women Talking about Transition, Stress and Health // Social Science & Medicine. 2008. Vol. 66. N 2. P. 327–338.
- Pietilä, Rytönen 2008b* – Pietilä I., Rytönen M. Health is not a Man's Domain: Lay Accounts of Gender Difference in Life Expectancy in Russia // Sociology of Health & Illness. 2008. Vol. 30. N 7. P. 1070–1085.
- Pini 2005* – Pini B. Interviewing Men: Gender and the Collection and Interpretation of Qualitative Data // Journal of Sociology. 2005. Vol. 41. N 2. P. 201–216.
- Pisciotta 1986* – Pisciotta E. The Strength and the Powerless of the New Italian Women's Movement: the Case of Abortion // Dahlerup D. (ed.) The New Women's Movement. Feminism and Political Power in Europe and the USA. London: Sage, 1986. P. 26–47.
- Pleck 1976* – Pleck J. The Male Sex Role: Definitions, Problems and Sources of Change // Journal of Social Issues. 1976. Vol. 32. P. 155–164.
- Pleck 1981* – Pleck J. The Myth of Masculinity. Cambridge, MA: MIT Press, 1981.
- Pleck 1987* – Pleck J. The Myth of Masculinity. 3rd ed. Cambridge, MA: MIT Press, 1987.
- Poggio 2006* – Poggio B. Editorial: Outline of a Theory of Gender Practices Gender // Work & Organization. 2006. Vol. 13. Issue 3. P. 225–233.
- Posadskaya 1994* – Posadskaya A. (ed.) Women in Russia. A new Era in Russian Feminism. London: Verso, 1994.
- Potts 2000* – Potts A. "The essence of the hard on": Hegemonic masculinity and the cultural construction of "erectile dysfunction" // Men & Masculinities. 2000. Vol. 31. P. 85–103.
- Pringle 1989* – Pringle R. Secretaries talk: Sexuality, power; and work. Sydney: Routledge; Chapman and Hall, 1989.
- Pringle 1998* – Pringle R. Sex and medicine: gender, power and authority in the medical profession. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 1998.
- Prins 2006* – Prins B. Narrative Accounts of Origins: A Blind Spot in the Intersectional Approach // European Journal of Women's Studies. 2006. Vol. 13. N 3. P. 277–290.
- Puar 2005* – Puar J. Queer Times, Queer Assemblages // Social Text. 2005. Vol. 23. N 3–4. P. 121–140.
- Rake, Davis, Joshi 2000* – Rake K., Davies H., Joshi H. Women's incomes over the lifetime: a report to the Women's Unit, Cabinet Office. London: The Stationary Office, 2000.

- Rantalaiho 1994* – Rantalaiho L. Sukupuolisopimus ja Suomen malli [Гендерный контракт и финская модель] // Anttonen A., Henriksson L., Nätkin R. (eds.) Naisten huvinvointivaltio [Женское государство благосостояния]. Tampere: Vastapaino, 1994. P. 9–30.
- Rapp 1999* – Rapp R. Testing Women, Testing the Fetus: The Social Impact of Amniocentesis in America (The Anthropology of Everydaylife). London: Routledge, 2000.
- Rapp 2001* – Rapp R. Gender, Body, Biomedicine: How Some Feminist Concerns Dragged Reproduction to the Center of Social Theory // Medical Anthropology Quarterly. New Series. Special Issue: The Contributions of Medical Anthropology to Anthropology and Beyond. 2001. Vol. 15. N 4. P. 466–477.
- Ray 2006* – Ray R. Is the Revolution Missing or Are We Looking in the Wrong Places? // Social Problems. 2006. Vol. 53. N 4. P. 459–465.
- Reinharz 1992* – Reinharz S. Feminist Methods in Social Research. New York: Oxford Univ. Press, 1992.
- Reinharz 1993* – Reinharz S. Neglected Voices and Excessive Demand in Feminist Research // Qualitative Sociology. 1993. Vol. 16. N 1). P. 69–76.
- Renzetti, Curran 1992* – Renzetti C., Curran D. Women, Men and Society. Boston: Allyn & Bacon, 1992.
- Reskin 1996* – Reskin B. Sex Segregation in the Workplace // Dubeck P., Borman K. (eds.) Women and Work: A handbook. New York: Garland Publishing, 1996.
- Rich 1976* – Rich A. Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution. New York: Norton, 1976.
- Richardson, Robinson 1994* – Richardson D., Robinson V. Theorizing Women's Studies, Gender Studies and Masculinity: The Politics of Naming // European Journal of Women's Studies. 1994. Vol. 1. N 1. P. 11–27.
- Ridgeway 2001* – Ridgeway C. Gender, Status, and Leadership // Journal of Social Issues. 2001. Vol. 57. N 4. P. 637–655.
- Ridgeway 2006* – Ridgeway C. Gender as an Organizing Force in Social Relations: Implications for the Future of Inequality // Blau F., Brinton M., Grusky D. (eds.) The Declining Significance of Gender? New York: Russell Sage Foundation, 2006. P. 265–287.
- Ridgeway 2007* – Ridgeway C. Gender as a group process: Implications for the persistence of inequality // Correll S. (ed.) The social psychology of gender. New York: Elsevier, 2007.
- Ridgeway 2009* – Ridgeway C. Framed before we know it: How gender shapes social relations // Gender & Society. 2009. Vol. 23. P. 145–60.
- Ridgeway 2011* – Ridgeway C. Framed by Gender: How Gender Inequality Persists in the Modern World. New York: Oxford Univ. Press, 2011.
- Ridgeway, Correll 2004* – Ridgeway C., Correll S. Unpacking the Gender System: A Theoretical Perspective on Gender Beliefs and Social Relations // Gender & Society. 2004. Vol. 18. N 4. P. 510–531.
- Riessman 1983* – Riessman C. Women and medicalization: A new perspective // Social Policy. 1983. Vol. 14. N 1. P. 3–18.
- Riska 2001* – Riska E. Medical Careers and Feminist Agendas. American, Scandinavian and Russian Women Physicians. New York: Aldine de Gruyter, 2001.

- Riska 2004* – Riska E. Masculinity and men's health: Coronary heart disease in medical and public discourse. Lanham: Rowman & Littlefield, 2004.
- Riska, Wegar 1995* – Riska E., Wegar K. The Medical Profession in the Nordic Countries // Johnson T., Larkin G., Saks M. (eds.) Health Professions and the State in Europe. London: Sage, 1995. P. 200–212.
- Risman 1987* – Risman B. Intimate Relationships from a Microstructural Perspective: Men Who Mother // *Gender & Society*. 1987. Vol. 1. N 1. P. 6–32.
- Risman 1998* – Risman B. Gender Vertigo: American Families in Transition. New Haven: Yale Univ. Press, 1998.
- Risman 2004* – Risman B. Gender as a Social Structure: Theory Wrestling with Activism // *Gender & Society*. 2004. Vol. 18. N 4. P. 429–450.
- Risman 2008* – Risman B. From doing to undoing: Gender as we know it // *Gender & Society*. 2008. N 23. P. 81–84.
- Risman 2009* – Risman B. From doing to undoing: gender as we know it // *Gender & Society*. 2009. Vol. 23. N 1. P. 81–4
- Ritzer 1988* – Ritzer G. (ed.) Contemporary sociological theory. New York: Knopf, 1988.
- Rivkin-Fish 2005* – Rivkin-Fish M. Women's Health in Post-Soviet Russia: the Politics of Intervention. Bloomington: Indiana Univ. Press, 2005.
- Rose 1983* – Rose H. Hand, brain, and heart: A feminist epistemology for the natural sciences // *Signs*. 1983. Vol. 9. N 1. P. 73–90.
- Rosenberg, Howard 2008* – Rosenberg K., Howard J. Finding Feminist Sociology: A Review Essay // *Signs*. 2008. Vol. 33. N 3. P. 675–696.
- Rosenfeld, Faircloth 2006* – Rosenfeld D., Faircloth C. (eds.) Medicalized Masculinities. Philadelphia: Temple Univ. Press, 2006.
- Rosin 2012* – Rosin H. "End of Men" and the Rise of Women. New York: Riverhead book, 2012.
- Roter, Hall 1992* – Roter D., Hall J. Doctors Talking with Patients / Patients Talking with Doctors: Improving Communication in Medical Visits. Westport; London: Auburn House, 1992.
- Roter, Hall, Aoki 2002* – Roter D., Hall J., Aoki Y. Physician gender effects in medical communication: a meta-analytic review // *The Journal of the American Medical Association*. 2002. Vol. 288. N 6. P. 756–64.
- Rothman 1989* – Rothman B. Recreating motherhood: Ideology and technology in a patriarchal society. New York: Norton, 1989.
- Rotkirch 2000* – Rotkirch A. The Man Question. Loves and Lives in Late 20th Century Russia. Department of Social Policy, Research Reports 1/2000. Helsinki: Univ. of Helsinki, 2000.
- Rotkirch, Tkach, Zdravomyslova 2012* – Rotkirch A., Tkach O., Zdravomyslova E. Russian Middle Classes in the Making: Employment of Paid Domestic Workers // Salmenniemi S. (ed.) Rethinking Class in Russia. Farnham; London: Ashgate, 2012. P. 129–148.
- Rucht 1995* – Rucht D. New Social Movements in France and Western Germany: Explaining Differences in their Overall Strength and Dynamic // Mayer M. (ed.)

- New Social Movements: European and American Interpretations. London: Hutchinson, 1995.
- Rucht 1996* – Rucht D. The Impact of National Contexts on Social Movement Structures: A Cross-Movement and Cross-National Comparison // McAdam D. et al. (eds.) Comparative Perspectives on Social Movements. Cambridge Univ. Press, 1996. P. 185–205.
- Ruddick 1989* – Ruddick S. Maternal Thinking in: Mothering: Essays in Feminist Theory. Boston: Beacon, 1989.
- Rummery 2002* – Rummery K. Disability, Citizenship and Community Care: A case for welfare rights. Aldershot: Ashgate. 2002.
- Rummery, Fine 2012* – Rummery K., Fine M. Care: A Critical Review of Theory, Policy and Practices // *Social policy and administration*. 2012. Vol. 46. N 3. P. 321–343.
- Rumsey 1990* – Rumsey J. Construction Maternal Thinking // *Hypatia*. 1990. Vol. 5. N 3. P. 125–131.
- Russell, Sobo, Thompson 2000* – Russell A., Sobo E., Thompson M. (eds.) Contraception across Cultures: Technologies, Choices, Constraints. Oxford: Berg, 2000.
- Ruzek 1978* – Ruzek S. The Women's Health Movement: Feminist Alternatives to Medical Control. New York: Praeger, 1978.
- Ryan 1992* – Ryan B. Feminism and The Women's Movement. Dynamics of Change in Social Movement, Ideology and Activism. New York: Routledge, 1992.
- Ryan 1989* – Ryan M. Doctors and the State in the Soviet Union. London: Macmillan, 1989.
- Sa'ar 2009* – Sa'ar A. Low-Income "Single Moms" in Israel: Redefining the Gender Contract // *The Sociological Quarterly*. 2009. Vol. 50. P. 450–473.
- Sabo 2005* – Sabo D. The study of masculinities and men's health // Kimmel M., Hearn J., Connell R. (eds.) Handbook of studies on men and masculinities. Thousand Oaks: Sage, 2005. P. 326–353.
- Sabo, Gordon 1995* – Sabo D., Gordon F. (eds.) Men's health and illness: Gender, power and the body. Thousand Oaks: Sage, 1995.
- Sacks 1972* – Sacks H. An Initial Investigation of the Usability of Conversational Data for Doing Sociology // Sudnow D. (ed.) Studies in Social Interaction. New York: Free Press, 1972. P. 31–74.
- Sacks 1974* – Sacks H. On the Analyzability of Stories by Children // Turner R. (ed.) Ethnomethodology. Harmondsworth: Penguin, 1974.
- Sacks, Schegloff, Jefferson 1974* – Sacks H., Schegloff E., Jefferson G. A Simplest Systematics for the Organization of Turn-taking in Conversation // *Language*. 1974. Vol. 50. P. 696–735.
- Safilios-Rotshchild 1976* – Safilios-Rotshchild C. Dual Linkages between the Occupational and Family Systems: A Macrosociological Analysis // *Signs*. Thematic Issue: Women and the Workplace: The Implications of Occupational Segregation. 1976. Vol. 1. N 3. P. 51–60.
- Salmenniemi 2008* – Salmenniemi S. Democratization and Gender in Contemporary Russia. New York: Routledge, 2008.

- Sarachild 1978* – Sarachild K. Consciousness-Raising: A Radical Weapon // *Feminist Revolution*. New York: Random House, 1978. P. 144–150.
- Sargent, Stark 1989* – Sargent C., Stark N. Childbirth education and childbirth models: Parental perspectives on control, anesthesia, and technological intervention in the birth process // *Medical Anthropology Quarterly*. 1989. Vol. 3. N 1. P. 36–51.
- Schechter 1992* – Schechter K. Soviet Socialized Medicine and the Right to Health Care in a Changing Soviet Union // *Human Rights Quarterly*. 1992. Vol. 14. N 2. P. 206–215.
- Schwalbe, Wolkomir 2001* – Schwalbe M., Wolkomir M. The Masculine Self as Problem and Resource in Interview Studies of Men // *Men and Masculinities*. 2001. Vol. 4. N 1. P. 90–103.
- Schwandt 1998* – Schwandt T. Constructivist, Interpretivist Approaches to Human Inquiry // Denzin N., Lincoln Y. (eds). *The Landscape of Qualitative Research*. London: Sage, 1998. P. 221–259.
- Scott 1986* – Scott J. Gender: A Useful Category of Historical Analysis // *American Historical Review*. 1986. Vol. 91. N 5. P. 1053–1075.
- Seidler 2006a* – Seidler V. Transforming masculinities: Men, cultures, bodies, sex and love. London; New York: Routledge, 2006.
- Seidler 2006b* – Seidler V. Young men and masculinities: Global cultures and intimate lives. London: Zed Books, 2006.
- Seidman 1996* – Seidman S. *Queer theory/sociology*. Cambridge, UK: Blackwell, 1996.
- Seidman 1994* – Seidman S. (ed.) Special volume on queer theory // *Sociological Theory*. 1994. Vol. 4. N 2.
- Seidman 1999* – Seidman S. Beyond the Closet? The Changing Social Meaning of Homosexuality in the United States // *Sexualities*. 1999. Vol. 2. N 1. P. 9–34.
- Seidman 2002* – Seidman S. *Beyond the closet: The transformation of gay and lesbian life*. New York: Routledge, 2002.
- Selenyi, Fodor, Emigh 2001* – Selenyi I., Fodor E., Emigh R. (eds.) *Poverty, Ethnicity and Gender in Eastern Europe During the Market Transition*. Westport: Praeger, 2001.
- Sevenhuijsen 2000* – Sevenhuijsen S. Caring in the Third Way: The relation between obligation, responsibility and care in Third Way Discourse // *Critical Social Policy*. 2000. Vol. 20. N 1. P. 5–37.
- Sevenhuijsen 1998* – Sevenhuijsen S. *Citizenship and the Ethics of Care: Feminist considerations on justice, morality and politics*. London; New York: Routledge, 1998.
- Shakespeare 2000* – Shakespeare T. *HeLP*. Birmingham: Venture, 2000.
- Shilling 1993* – Shilling C. *The Body and Social Theory*. London: Sage, 1993.
- Shkolnikov et al. 1998* – Shkolnikov V., Cornia G., Leon D., Meslé F. et al. Causes of the Russian mortality crisis: evidence and interpretations // *World development*. 1998. Vol. 26. Issue 11. P. 1995–2011.
- Shows, Gerstel 2009* – Shows C., Gerstel N. Fathering, class, and gender: A comparison on physicians and emergency medical technicians // *Gender & Society*. 2009. Vol. 23. N 2. P. 161–187.

- Siim 2000* – Siim B. *Gender and Citizenship. Politics and Agency in France, Britain and Denmark*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.
- Silverman 1993* – Silverman D. *Interpreting Qualitative Data*. London: Sage, 1993.
- Simonds, Rothman, Norman 2007* – Simonds W., Rothman B., Norman B. *Laboring on: Birth in Transition in the United States*. New York: Routledge, 2007.
- Simonen, Liborakina 1996* – Simonen L., Liborakina M. The first menstruation – bodily memories of Finnish and Russian women // Rotkirch A., Haavio-Mannila E. (eds.) *Women's Voices in Russia Today*. Aldershot: Dartmouth, 1996. P. 88–106.
- Skeggs 2004* – Skeggs B. *Class, Self, Culture*. London; New York: Routledge, 2004.
- Smith 1979* – Smith D. *A Sociology for Women* // Sherman J., Torton E. (eds.) *The Prism of Sex: Essays in the Sociology of Knowledge*. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1979. P. 135–187.
- Smith 1987* – Smith D. *The everyday as problematic*. Boston: Northeastern Univ. Press, 1987.
- Smith 1989* – Smith D. *Sociological Theory: Methods of Writing Patriarchy* // Wallace R. (ed.) *Feminism and Sociological Theory*. 1989. Vol. 4. P. 34–64.
- Smith 1990* – Smith D. *The Conceptual Practices of Power: a Feminist Sociology of Knowledge*. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1990.
- Smith 2005* – Smith D. *Institutional Ethnography: A Sociology for People*. Lanham: AltaMira Press, 2005.
- Smith 2009* – Smith D. Categories are not Enough // *Gender & Society*. 2009. Vol. 23. N 1. P. 76–80.
- Smith G. 1996* – Smith G. *Gender Advertisements Revisited: A Visual Sociology* // *Classic Electronic Journal of Sociology*. 1996. Vol. 2. N 1 (<http://www.sociology.org/content/vol002.001/smith.html>; 14.03.2015).
- Smith, Kleinman 1989* – Smith AC, III, Kleinman Sh. Managing emotions in medical school: students' contacts with the living and the dead // *Social Psychology Quarterly*. 1989. Vol. 52. N 1. P. 56–69.
- Smith, Winchester 1998* – Smith G., Winchester H. Negotiating space: alternative masculinities at the work/home boundary // *Australian Geographer*. 1998. Vol. 29. N 3. P. 327–339.
- Smith-Doerr 2004* – Smith-Doerr L. *Women's work: Gender Equality vs. Hierarchy in the Life Sciences*. Boulder, CO: Lynne Rienner, 2004.
- Snow et al. 1986* – Snow D., Rochford E., Worden S., Benford R. Frame Alignment Process, Micromobilization, and Movement Participation // *American Sociological Review*. 1986. Vol. 51. P. 464–481.
- Snow, Benford 1988* – Snow D., Benford R. Ideology, Frame Resonance and Participant Mobilization // Klandermans B. et al. (eds.) *International Social Movement Research*. Vol. 1. Greenwich, Conn.: JAI Press, 1988. P. 197–217.
- Snowden et al. 1983* – Snowden R. et al. *Artificial Reproduction*. London: Allen & Unwin, 1983.
- Song et al. 2012* – Song F., West J., Lundy L., Dahmen N. Women, Pregnancy, and Health Information Online: The Making of Informed Patients and Ideal Mothers // *Gender & Society*. 2012. Vol. 26. N 5. P. 773–798.

- Speer 2005a* – Speer S. *Gender Talk: Feminism, Discourse and Conversation Analysis*. London: Routledge, 2005.
- Speer 2005b* – Speer S. The interactional organization of the gender attribution process // *Sociology*. 2005. Vol. 39. N 1. P. 67–87.
- Spelman 1988* – Spelman E. *Inessential Woman*. Boston: Beacon Press, 1988.
- Sperling 1999* – Sperling V. *Organizing Women in Contemporary Russia*. Engendering Transition. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 1999. P. 303.
- Spivak 1990* – Spivak G. Can the Subaltern Speak? // Nelson C., Grossberg L. (eds.) *Marxism and the Interpretation of Culture*. Urbana: Univ. of Illinois Press, 1990. P. 271–313.
- Springer, Hankivsky, Bates 2012* – Springer K., Hankivsky O., Bates L. Introduction Gender and health: Relational, intersectional, and biosocial approaches // *Social Science & Medicine*. 2012. Vol. 74. Issue 11. P. 1661–1842.
- Stacey 1988* – Stacey J. Can There be a Feminist Ethnography? // *Women Studies International Forum*. 1988. Vol. 2. N 1. P. 21–27.
- Stacey, Thorne 1985* – Stacey J., Thorne B. The missing feminist revolution in sociology // *Social Problems*. 1985. Vol. 32. N 4. P. 301–316.
- Stacey, Thorne 1996* – Stacey J., Thorne B. Is Sociology Still Missing Its Feminist Revolution? // *Perspectives: The ASA Theory Section Newsletter*. 1996. Vol. 18. N 3. P. 1–3.
- Stanford Encyclopedia of Philosophy* – Stanford Encyclopedia of Philosophy (<http://plato.stanford.edu/>; 08.03.2015).
- Stanley, Wise 1983* – Stanley L., Wise S. “Back to the personal” or: Our attempt to construct “feminist research” // Bowles G., Duelli Klein R. (eds.) *Theories of Women’s Studies*. London: Routledge and Kegan Paul, 1983.
- Stanley, Wise 1993* – Stanley L., Wise S. *Breaking Out*. London: Routledge and Kegan Paul, 1993.
- Staunæs 2003* – Staunæs D. Where Have all the Subjects Gone? Bringing together the Concepts of Intersectionality and Subjectification // *Nora*. 2003. Vol. 11. N 2. P. 101–110.
- Stewart 2011* – Stewart A. *Gender, Law and Justice in a Global Market (Law in Context)*. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press. 2011.
- Stokoe 2003* – Stokoe E. Doing gender, doing categorization: recent developments in language and gender research // *International Sociolinguistics*. 2003. Vol. 2. N 1. P. 1–12.
- Stoller 1968* – Stoller R. *Sex and Gender: On the Development of Masculinity and Femininity*. New York: Science House, 1968.
- Strathern 1988* – Strathern M. *The Gender of Gift. Problems with Women and Problems with Society in Melanesia*. Berkeley: Univ. of California Press, 1988.
- Strathern 1992* – Strathern M. *Reproducing the Future. Essays on Anthropology, Kinship and the Assisted Reproductive Technologies*. New York: Routledge, 1992.
- Strathern 1995* – Strathern M. *Displacing Knowledge: Technology and the Consequences for Kinship* // Faye G., Rapp R. (eds.) *Conceiving the New World Order*. Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of California Press, 1995. P. 346–363.

- Symposium 1995* – Symposium: On West and Fenstermaker’s “Doing Difference”. Reviews by: P. Collins, L. Maldonado, D. Takagi, B. Thorne, L. Weber and H. Winant // *Gender & Society*. 1995. Vol. 9. N 4. P. 491–506.
- Tarrow 1988* – Tarrow S. *National Politics and Collective Action: Recent Theory and Research in Western Europe and the United States* // *Annual Review of Sociology*. 1988. Vol. 14. P. 421–440.
- Tarrow 1994* – Tarrow S. *Power in Movement: Social Movements, Collective Action and Politics*. Cambridge, UK; New York: Cambridge Univ. Press, 1994.
- Tartakovskaia 2000* – Tartakovskaia I. The changing representation of gender roles in the Soviet and post-Soviet press // Ashwin S. (ed.) *Gender, State and Society in Soviet and post-Soviet Russia*. London; New York: Routledge, 2000. P. 118–136.
- Therborn 2004* – Therborn G. *Between Sex and Power. Family in the World, 1900–2000*. London; New York: Routledge, 2004.
- Thoits 1989* – Thoits P. The sociology of emotions. *Annual Review of Sociology*. 1989. Vol. 15. P. 317–342.
- Thomas 1999* – Thomas J. Everything About Us Is Feminist: The Significance of Ideology in Organizational Change // *Gender & Society*. Special Issue: Gender and Social Movements, Part 2. 1999. Vol. 13. N 1. P. 101–119.
- Thomas, Zimmerman 2007* – Thomas J., Zimmerman M. Feminism and Profit in American Hospitals: The Corporate Construction of Women’s Health Centers // *Gender & Society*. 2007. Vol. 21. N 3. P. 359–383.
- Thompson 2005* – Thompson C. *Making parents: The ontological choreography of reproductive technologies*. Cambridge, MA: MIT Press, 2005.
- Thorne 1995* – Thorne B. Symposium: On West and Fenstermaker’s “Doing Difference” // *Gender & Society*. 1995. Vol. 9. N 4. P. 497–499.
- Thorne 2006* – Thorne B. How Can Feminist Sociology Sustain Its Critical Edge? // *Social Problems*. 2006. Vol. 53. N 4. P. 473–478.
- Thrasher 1927* – Thrasher F. *The Gang*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1927.
- Tilly 1978* – Tilly C. *From Mobilization to Revolution*. Reading: Addison-Wesley, 1978.
- Timmermans, Oh 2010* – Timmermans S., Oh H. The Continued Social Transformation of the Medical Profession // *Journal of Health and Social Behavior*. Extra Issue: What Do We Know? Key Findings from 50 Years of Medical Sociology. 2010. Vol. 51. P. 94–106.
- Tong 1989* – Tong R. *Feminist Thought*. London: Unwin Hyman, 1989.
- Tronto 2013* – Tronto J. *Caring Democracy*. New York: New York Univ. Press, 2013.
- Truss, Goffee, Jones 1995* – Truss C., Goffee R., Jones G. Segregated Occupations and Gender Stereotyping: A Study of Secretarial Work // *Europe Human Relations*. 1995. Vol. 48. N 11. P. 1331–1354.
- Tuana, Tong 1995* – Tuana N., Tong R. *Feminism and Philosophy*. Boulder: Westview Press, 1995.
- Turner 1990* – Turner B. Outline of a Theory of Citizenship // *Sociology*. 1990. Vol. 24. N 2. P. 189–217.

- Turner 2008 [1984]* – Turner B. *The body and society: Explorations in social theory*. London: Sage, 2008.
- Twigg 2000* – Twigg J. *Bathing – the Body and Community Care*. London: Routledge, 2000.
- Ungerson 1983* – Ungerson C. *Why do women care?* // Finch J., Groves D. (eds.) *A Labour of Love: Women, Work and Caring*. London: Routledge and Kegan Paul, 1983.
- Ungerson 1990* – Ungerson C. (ed.) *Gender and Caring: Work and Welfare in Britain and Scandinavia*. Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1990.
- Ungerson 2000* – Ungerson C. *Thinking about the Production and Consumption of Long-term Care in Britain: Does Gender Still Matter?* // *Journal of Social Policy*. 2000. Vol. 29. N 4. P. 623–643.
- Ungerson 2005* – Ungerson C. *Care, work and feeling* // *The Sociological Review*. 2005. Vol. 53. P. 188–203.
- Valocchi 2005* – Valocchi S. *Not Yet Queer Enough: The Lessons of Queer Theory for the Sociology of Gender and Sexuality* // *Gender & Society*. 2005. Vol. 19. N 6. P. 750–770.
- Veenstra 2011* – Veenstra G. *Race, gender, class, and sexual orientation: intersecting axes of inequality and self-rated health in Canada* // *International Journal for Equity in Health*. 2011. Vol. 10. N 1. (<http://www.equityhealthj.com/content/10/1/3;14.03.2015>).
- Vogel 1987* – Vogel L. *Marxism and the Oppression of Women. Toward a Unitary Theory*. New Brunswick, New Jersey: Rutgers Univ. Press, 1987.
- Vosko 2000* – Vosko F. *Temporary Work: the gendered rise of a precarious employment relationship*. Toronto: Univ. of Toronto Press, 2000.
- Wærness 1989* – Wærness K. *Caring* // Boh K., Bak M., Clason C., Pankratova M., Qvortrup J., Sgritta G., Waerness K. (eds.) *Changing Patterns of European Family Life: A Comparative Analysis of 14 European Countries*. London; New York: Routledge, 1989. P. 217–47.
- Walby 1994* – Walby S. *Is citizenship gendered?* // *Sociology*. 1994. Vol. 28. N 2. P. 379–395.
- Walby 1997* – Walby S. *Gender Transformations*. London: Routledge, 1997.
- Walby 2012* – Walby S. *Intersectionality: Multiple Inequalities in Social Theory* // *Sociology*. 2012. Vol. 46. N 2. P. 224–240.
- Walby 2010* – Walby K. *Interviews as Encounters: Issues of Sexuality and Reflexivity When Men Interview Men about Commercial Same Sex Relations* // *Qualitative Research*. 2010. Vol. 10. P. 639–675.
- Wall, Arnold 2007* – Wall G., Arnold S. *How Involved Is Involved Fathering?: An Exploration of the Contemporary Culture of Fatherhood* // *Gender & Society*. 2007. Vol. 21. N 4. P. 508–527.
- Wallace 1989* – Wallace R. *Introduction* // Wallace R. (ed.) *Feminism and sociological theory*. London: Sage, 1989. P. 1–23.
- Wallin 1950* – Wallin P. *Cultural Contradictions and Sex Roles: A Repeat Study* // *American Sociological Review*. 1950. Vol. 15. P. 288–293.

- Wallis 2011* – Wallis C. *Performing Gender: A Content Analysis of Gender Display in Music Videos* // *Sex Roles*. 2011. Vol. 64. Issue 3–4. P. 160–172.
- Walter 1995* – Walter L. *Feminist anthropology?* // *Gender & Society*. 1995. Vol. 9. N 3. P. 272–288.
- Warner 1993* – Warner M. (ed.) *Fear of a Queer Planet. Queer Politics and Social Theory*. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1993.
- Warren 1988* – Warren C. *Gender Issues in Field Research* // *Qualitative Research Methods*. Series 9. London: Sage, 1988.
- Warren 2001* – Warren C. *Gender and Fieldwork Relations* // Emerson R. (ed.) *Contemporary Field Research Perspectives and Formulations* Prospect. Heights: Waveland Press, 2001. P. 203–223.
- Warren, Rasmussen 1977* – Warren C., Rasmussen P. *Sex and Gender in Field Research* // *Urban Life*. 1977. Vol. 6. N 3. P. 349–367.
- Wasserfall 1993* – Wasserfall R. *Reflexivity, feminism and difference*. *Qualitative Sociology*. 1993. Vol. 16. N 1. P. 23–41.
- Watson 1993* – Watson P. *Eastern Europe's silent revolution: gender* // *Sociology*. 1993. Vol. 27. N 3. P. 471–487.
- Watts 2006* – Watts J. *The Outsider within: Dilemmas of Qualitative Feminist Research within a Culture of Resistance* // *Qualitative Research*. 2006. Vol. 6. N 3. P. 385–402.
- Weeks 1986* – Weeks J. *Sexuality*. London: Horwood & Tavistock, 1986.
- Weeks 2007* – Weeks J. *The World We Have Won*. London: Routledge, 2007.
- Welsh 1999* – Welsh S. *Gender and sexual harassment* // *Annual Review of Sociology*. 1999. P. 169–190.
- Werbner, Yuval-Davis 1999* – Werbner P., Yuval-Davis N. *Introduction: Women and the New Discourse of Citizenship* // Yuval-Davis N., Werbner P. (eds.) *Women, Citizenship and Difference*. London: Zed, 1999. P. 1–38.
- West 1996* – West C. *Goffman in Feminist Perspective* // *Sociological Perspectives*. 1996. Vol. 39. N 3. P. 353–369.
- West, Fenstermaker 1995a* – West C., Fenstermaker S. *Doing Difference* // *Gender & Society*. 1995. Vol. 9. N 4. P. 8–37.
- West, Fenstermaker 1995b* – West C., Fenstermaker S. *“Doing Difference”: A Reply* // *Gender & Society*. 1995. Vol. 9. N 4. P. 506–513.
- West, Fenstermaker 2002* – West C., Fenstermaker S. (eds.) *Doing Gender, Doing Difference: Inequality, Power, and Institutional Change*. New York: Routledge, 2002.
- West, Garcia 1988* – West C., Garcia A. *Conversational Shift Work: A Study of Topical Transitions between Women and Men* // *Social Problems*. 1988. Vol. 35. P. 551–575.
- West, Zimmerman 1977* – West C., Zimmerman D. *Women's Place in Everyday Talk: Reflections on Parent-Child Interaction* // *Social Problems*. 1977. Vol. 24. N 5. P. 521–529.
- West, Zimmerman 1982* – West C., Zimmerman D. *Conversational Analysis* // Scherer K., Ekman P. (eds.) *Handbook of methods in nonverbal behavior research*. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 1982. P. 506–540.

- West, Zimmerman 1987* – West C., Zimmerman D. Doing Gender // *Gender & Society*. 1987. Vol. 1. N 2. P. 125–151.
- West, Zimmerman 2009* – West C., Zimmerman D. Accounting for Doing Gender // *Gender & Society*. 2009. Vol. 23. N 1. P. 112–122.
- Wharton 2009* – Wharton A. The Sociology of Emotional Labor // *Annual Review of Sociology*. 2009. Vol. 35. P. 147–165.
- Wharton 2012* [2005] – Wharton A. The Sociology of Gender. An Introduction to Theory and Research. 2nd ed. Chichester: JWiley-Blackwell, 2012.
- White 2009* – White K. An introduction to the sociology of health and illness. 2nd ed. Los Angeles: Sage, 2009.
- Whyte 1943* – Whyte W. Street Corner Society. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1943.
- Wickes, Emmison 2007* – Wickes R., Emmison M. They are all 'doing gender' but are they all passing? A case study of the appropriation of a sociological concept // *The Sociological Review*. 2007. Vol. 55. N 2. P. 311–330.
- Williams 1992* – Williams C. The glass escalator: hidden advantages for men in the "female" professions // *Social problems*. 1992. Vol. 39. N 3. P. 253–267.
- Williams 2000* – Williams J. Unbending Gender: Why Family and Work Conflict and What To Do About It. Oxford: Oxford Univ press, 2000.
- Williams 2012* – Williams J. Converging Variations in Migrant Care Work in Europe // *Journal of European Social Policy*. 2012. Vol. 20. N 4. P. 363–376.
- Williams 2013* – Williams J. The Glass Escalator, Revisited. *Gender Inequality in Neoliberal Times* // *Gender & Society*. 2013. Vol. 27. P. 609–629.
- Williams, Heikes 1993* – Williams C., Heikes E. The Importance of Researcher's Gender in the In-Depth Interview: Evidence from Two Case Studies of Male Nurses // *Gender & Society*. 1993. Vol. 7. N 2. P. 280–291.
- Williams, Muller, Kilanski 2012* – Williams C., Muller C., Kilanski K. Gendered Organizations in the New Economy // *Gender & Society*. 2012. Vol. 26. N 4. P. 549–573.
- Willis 2012* – Willis P. Talking sexuality online – technical, methodological and ethical considerations of online research with sexual minority youth // *Qualitative Social Work*. 2012. Vol. 11. P. 141–155.
- Wingfield 2009* – Wingfield A. Racializing the glass escalator: Reconsidering men's experiences with women's work // *Gender & Society*. 2009. Vol. 23. N 1. P. 5–26.
- Winterich 2003* – Winterich J. Sex, menopause, and culture: Sexual orientation and the meaning of menopause for women's sex lives // *Gender & Society*. 2003. Vol. 17. N 4. P. 627–42.
- Winterich, Umberson 1999* – Winterich J., Umberson D. How women experience menopause: The importance of social context // *Journal of Women & Aging*. 1999. Vol. 11. N 4. P. 57–73.
- Wylie 2003* – Wylie A. Why Standpoint Matters // Figueroa R., Harding S. (eds.) *Science and Other Cultures*. New York: Routledge, 2003.
- Yoder 1991* – Yoder J. Rethinking Tokenism: Looking Beyond Numbers // *Gender & Society*. 1991. Vol. 5. N 2. P. 178–192.

- Young 1990* – Young I. Justice and the Politics of Difference. Princeton: Princeton Univ. Press, 1990.
- Young 2010* – Young M. Gender Differences in Precarious Work Settings // *Relations Industrielles / Industrial Relations*. 2010. Vol. 65. N 1. P. 74–97.
- Yuval-Davis 1997* – Yuval-Davis N. *Gender & Nation*. London; Thousand Oaks: Sage, 1997.
- Yuval-Davis 2006* – Yuval-Davis N. Intersectionality and Feminist Politics // *European Journal of Women's Studies*. 2006. Vol. 13. N 3. P. 193–210.
- Yuval-Davis 2011* – Yuval-Davis N. The Politics of Belonging. *Intersectional Contestations*. London: Sage, 2011.
- Yuval-Davis, Werbner 1999* – Yuval-Davis N., Werbner P. (eds.) *Women, Citizenship and Difference*. London: Zed, 1999.
- Zadoroznyj 1999* – Zadoroznyj M. Social class, social selves and social control in childbirth // *Sociology of Health & Illness*. 1999. Vol. 21. N 3. P. 267–289.
- Zdravomyslova 2004* – Zdravomyslova E. Self-Identity Frames in the Soldiers' Mothers Movement in Russia // Alapuro R., Liikanen I., Lonkilla M. (eds.) *Beyond Post – Soviet Transition*. Helsinki: Kikimora, 2004.
- Zhurzhenko 2012* – Zhurzhenko T. Gender, Nation and Reproduction: Demographic Discourses and Politics in Ukraine after the Orange Revolution // Hankivsky O., Salnykova A. (eds.) *Gender, Politics and Society in Ukraine*. Toronto: Toronto Univ. Press, 2012. P. 131–151.
- Zhurzhenko 2011* – Zhurzhenko T. Feminist (De)Constructions of Nationalism in the Post Soviet Space // Rubchak M. (ed.) *Mapping Difference: The Many Faces of Women in Ukraine*. Oxford: Berghahn, 2011. P. 173–191.
- Zimmer 1988* – Zimmer L. Tokenism and Women in the Workplace: The Limits of Gender-Neutral Theory // *Social Problems*. 1988. Vol. 35. N 1. P. 64–77.
- Zimmerman 1987* – Zimmerman M. The Women's Health Movement: A Critique of Medical Enterprise and the Position of Women // Hess B., Ferree M. (eds.) *Analyzing Gender: A Handbook of Social Science Research*. Newbury Park: Sage, 1987. P. 442–470.
- Zimmerman, West 1975* – Zimmerman D., West C. Sex Roles, Interruptions and Silences in Conversations // Thorne B., Henley N. (eds.) *Language and Sex: Difference and Dominance*. Rowley: Newbury House, 1975. P. 105–129.
- Zola 1972* – Zola I. Medicine as an Institution of Social Control: The Medicalizing of Society // *Sociological Review*. 1972. Vol. 20. P. 487–504.
- Zulehner, Volz 1998* – Zulehner P., Volz R. *Manner im Aufbruch. Wie Deutschlands Manner sich selbst und wie Frauen sie sehen. Ein Forschungsbericht*. Ostfildern: Schwabenverlag, 1998.

Именной указатель

Авдеева А. 402, 415, 433, 437
 Айвазова С. 16, 349, 655–656
 Акер Дж. (Acker J.) 74, 87, 217–218, 220, 294, 301, 303, 379, 388, 470–475, 524
 Ангерсон К. (Ungerson C.) 542–544, 546, 555
 Аннандейл Э. (Annandale E.) 594, 596–597, 600, 605, 644
 Аренделл Т. (Arendell T.) 165–166, 171
 Аусландер Л. (Auslander L.) 70
 Ашвин С. (Ashvin S.) 31, 455, 470

Батлер Дж. (Butler J.) 15, 57–58, 67, 70, 86, 129, 266, 387, 391–392
 Бек У. (Beck U.) 81–82, 313, 513
 Бек-Гернсхайм Э. (Beck-Gernsheim E.) 81–82, 313
 белл хукс (bell hooks) 60, 144, 234
 Бем С. (Bem S.) 205, 208–209, 390
 Бенхабиб С. (Benhabib S.) 131, 570
 Бергер П. (Berger P.) 232–233
 Бергманн Б. (Bergmann B.) 470, 489, 508
 Бёрд Ш. (Berd Sh.) 414, 420, 463
 Берн Ш. (Burn Sh.) 204–205
 Блай Р. (Bly R.) 439
 Бовуар С. де (Beauvoir S. de) 15, 37–38, 40, 92, 219, 390–391
 Бороздина Е. 31, 228, 361, 624–625, 628, 630–631, 645, 647
 Брайдотти Р. (Braidotti R.) 53, 92, 110, 131
 Брайсон В. (Bryson V.) 40, 42, 96, 199, 692
 Бредли К. (Bradley K.) 505, 519, 524
 Бредникова О. 31, 628, 634
 Брэннон Р. (Brannon R.) 419
 Буравой М. (Burawoy M.) 31, 87, 178
 Бурдые П. (Bourdieu P.) 25, 81, 294, 304–305, 308, 387
 Бурмыкина О. 596, 598–599

Валочки С. (Valocchi S.) 70, 73, 86
 Ваньке А. 389, 423, 614
 Веенстра (Veenstra G.) 602
 Воронина О. 17, 31, 44, 75, 92, 183, 346, 655
 Вортон Э. (Wharton A.) 203, 223, 298, 300, 480–481, 496, 498

Гапова Е. 17, 31, 92, 331
 Гарфинкель Г. (Garfinkel H.) 24, 53, 233, 246–247, 249–251, 253–254, 279, 295, 370, 373, 494
 Гелб Дж. (Gelb J.) 326, 373, 659, 673–675, 692
 Герстель Н. (Gerstel N.) 434–435
 Гидденс Э. (Giddens A.) 25, 81, 95, 294, 304–305, 308, 313, 393–394, 471, 511
 Гиллиган К. (Gilligan C.) 15, 47, 92, 202–203, 572–576, 592
 Гинсбург Ф. (Ginsburg F.) 610, 616, 622, 652
 Гордон Л. 342, 588
 Гофман И. (Goffman E.) 24–25, 53, 233, 235–245, 263, 279, 295, 371
 Гроувс Д. (Groves D.) 531, 542, 554, 564
 Грэм Х. (Graham H.) 555–556, 624, 642
 Губа К. 209–210
 Губа Э. (Guba E.) 280
 Гупта А. (Gupta A.) 60
 Гурко Т. 434, 436

Далла Коста М. (Dalla Costa M.) 664
 Данилова Н. 681
 Дево М. (DeVault M.) 150, 161–162, 177, 180
 Дейтч Ф. (Deutsch F.) 266–269, 274, 280
 Джаклин К. (Jacklin C.) 201
 Джордан Б. (Jordan B.) 622, 627
 Дэвис А. (Davis A.) 134

Дэвис-Флойд Р. (Davis-Floyd R.) 617, 621–628, 652
 Дэли М. (Daly M.) 40, 547, 550, 561, 565, 592
 Дюркгейм Э. (Durkheim É.) 15, 23, 101–106, 108, 184–186, 199–200, 206, 208

Жеребкин С. 17, 31, 92, 180, 279, 415, 463, 692
 Жеребкина И. 17, 31, 92, 93, 95, 97, 137, 131, 655
 Зайдлер В. (Seidler V.) 424
 Здравомыслова Е. 17, 36, 50, 59, 74, 79, 81, 92–93, 96, 137–138, 175, 180, 183, 232, 249, 279, 294, 332, 344, 349, 351, 358, 360–361, 376, 407, 445, 463, 477, 481, 536, 541, 556, 560, 592–593, 624, 628–640, 647–649, 652, 658, 666, 681
 Зейвенхёйзен С. (Sevenhuijsen S.) 546, 578
 Зиммель Г. (Simmel G.) 125
 Зиммерман Д. (Zimmerman D.) 24, 53, 82, 92, 235, 242, 246, 249–250, 252, 254–259, 267, 271, 273–274, 279, 282, 295, 300, 370, 373, 385, 387
 Зола И. (Zola I.) 611

Инглиш Д. (English D.) 185, 607, 618–620, 632, 652
 Инглэнд П. (England P.) 80, 470, 478, 505, 517, 519–520, 546–547, 592
 Инхорн М. (Inhorn M.) 607–608, 643, 652
 Исаев Д. 444
 Исупова О. 539–540, 633–634, 645

Каган В. 444
 Кандиоти Д. (Kandiyoti D.) 50
 Каплан С. (Kaplan S.) 59–60, 645
 Карриган Т. (Carrigan T.) 216, 408–410, 412–413, 416–417, 420, 464
 Каспер А. (Kasper A.) 155–159
 Катценштайн М. (Katzenstein M.) 673, 666–667
 Кахилл С. (Cahill S.) 157–158, 258
 Келлер Э. (Keller E.) 157
 Кесслер С. (Kessler S.) 24, 247, 250–255, 280, 373
 Киммел М. (Kimmel M.) 151, 154, 358, 408–409, 414–416, 424, 430, 432, 469, 471,

474–475, 489, 498–499, 503–504, 511, 524, 604
 Кирилина А. 281
 Киттай Э. (Kittay E.) 531, 544, 569–570
 Клёцин А. 31, 496
 Клёцина И. 16, 31, 183, 201, 205, 207–208, 223, 231, 433–434
 Клопов Э. 342, 588
 Козина И. 490
 Кокберн С. (Cockburn C.) 470, 472, 478, 507
 Коллинз П., она же Хилл Коллинз П. (Collins P., Hill Collins P.) 61, 126
 Кольберг Л. (Kohlberg L.) 202, 572–574
 Комаровски М. (Komarovskiy M.) 194–198, 200, 211, 213, 215, 221–224, 227, 231
 Кон И. 31, 70, 317, 334–335, 337, 408, 414–415, 417, 419, 424, 430–434, 447, 454–455, 463, 598, 605–606, 652
 Кондаков А. 31, 70
 Коннел Р. (Connell R., RW) 25–26, 90, 92, 200, 216, 224–227, 247, 253, 295, 300, 304, 307–319, 358, 367–368, 383, 386–387, 393–394, 388–389, 393–394, 408–425, 430, 432–433, 464, 470–471, 601, 604
 Конрад П. (Conrad P.) 611–612
 Коррелл Ш. (Correll Sh.) 268–269, 370–375, 377–378, 380–381, 384, 386, 397–398, 406, 479, 499, 519
 Кортни В. (Courtney W.) 604–606
 Креншо К. (Crenshaw C.) 61, 66, 149, 262
 Кромптон Р. (Crompton R.) 322–323, 326, 470, 474, 476, 478, 512, 524
 Куайн У. (Quine W.) 114–115
 Кук Дж. (Cook J.) 56, 142, 150, 155, 180
 Кук Л. (Cook L.) 363
 Курран Д. (Curran J.) 309
 Кьяцца Э. (Caiazza A.) 684–685
 Кэнтер Р. (Kanter R.) 482, 489

Ла Пастина Э. (La Pastina A.) 173
 Лакан Ж. (Lacan J.) 15, 45, 48, 58, 128, 313–314
 Лапидус Г. (Lapidus G.) 332, 335
 Лариваара М. (Larivaara M.) 628
 Ласлетт Б. (Laslett B.) 79–80, 85–86, 102–103, 303

Латур Б. (Latour B.) 612
 Левада Ю. 464
 Ли Дж. (Lee J.) 216, 408–410, 412–413, 416–417, 420, 464
 Ликке Н. (Lykke N.) 19, 31, 64, 66
 Линдзей Л. (Lindsey L.) 183, 204, 419, 470–471, 499
 Линкольн Я. (Linkoln Y.) 280
 Липман-Блюмен Дж. (Lipman-Blumen J.) 200–201, 203–204, 211–212, 217–219, 221, 231, 469, 488
 Локк М. (Lock M.) 617, 631–632
 Лопата Х. (Lopata H.) 200, 211, 221, 224–226, 231
 Лорбер Дж. (Lorber J.) 61, 81–82, 92, 269–271, 298, 302, 393, 498–501, 597
 Лукач Г. (Lukacs G.) 121–122
 Лукман Т. (Luckman T.) 232–233
 Лутц Х. (Lutz H.) 64, 66, 555, 562–563
 Льюис Дж. (Lewis J.) 547, 550, 561, 564–565

Маккенна В. (McKenna W.) 24, 247, 250–255, 280, 373
Маккиннотт К. (MacKinnon C.) 42, 123, 131, 146
Маккоби Е. (McCobby E.) 201
Маккол Л. (McCall L.) 61–62, 66
Мало де Молина М. (Malo de Molina M.) 145
Маркс К. (Marx K.) 15, 41, 109, 121, 127, 239
Мартин П. (Martin P.) 365, 367–368, 384, 386–388, 393–403, 406, 494–495, 500
Мартин Э. (Martin E.) 613, 623, 627–635
Матсуда М. (Matsuda M.) 149–150
Мессершмидт Дж. (Messerschmidt J.) 90, 276, 415, 418, 422–426, 464, 604
Месснер М. (Messner M.) 411–412, 429, 439–440, 441–442, 464, 607
Метц Т. (Metz T.) 553
Мешеркина Е. 150, 349, 415, 447, 453
Мид М. (Mead M.) 168, 198
Миллетт К. (Millett K.) 15, 40, 48, 92, 219, 469
Митчелл Дж. (Mitchell J.) 46
Михель Д. 596, 600, 611–612, 614, 617, 622, 652
Мол А. (Mol A.) 582–586

Моррис Дж. (Morris J.) 579–580
Моханти Ч. (Mohanty C.) 58–61
Мюллер С. (Mueller S.) 673, 666–667

Нартова Н. 32, 152, 176, 634
Негри А. (Nergi A.) 512–513, 524
Ноддингс Н. (Noddings N.) 572, 577–578
Нохлин Л. (Nochlin L.) 479, 502

Олесен В. (Olesen V.) 154, 160, 163, 180
Омельченко Е. 32, 152–153, 276
Оукли Э., она же Окли Э. (Oakley A.) 76, 103, 109, 123, 141–142, 151–152, 155, 180, 221, 324, 621–622, 624, 627

Паренас Р. (Parrenas R.) 60, 265
Парсонс Т. (Parsons T.) 15, 23, 37, 183, 187–194, 196, 198–200, 211, 228, 231, 313, 321, 411, 430, 468, 476, 640–641, 643
Паченков О. 259
Пэйтман К. (Pateman C.) 319
Пиетила И. (Pietilä I.) 600–601
Пини Б. (Pini B.) 170–171
Плек Дж. (Pleck J.) 216, 604
Поджио Б. (Poggio B.) 384, 406
Попкова Л. 493, 505, 655–656, 692
Принс Б. (Prins B.) 65
Пушкарева Н. 17, 32, 34, 415, 656
Пфау-Эффингер Б. (Pfau-Effinger B.) 323, 546, 564

Раммери К. (Rummery K.) 566, 581, 589, 592
Ранталайхо Л. (Rantalaiho L.) 296, 320–321
Рэпп Р. (Rapp R.) 610, 616, 622, 234, 652
Рейнхарц С. (Reinharz S.) 143, 146–147, 155, 180
Рензетти К. (Renzetti C.) 309
Ривкин-Фиш М. (Rivkin-Fish M.) 32, 596, 628–629, 640, 648–649
Риджвей С. (Ridgeway S.) 18, 25, 27, 268–269, 308, 365–366, 368–375, 378, 380–382, 384, 386, 394, 396–398, 406, 471, 479, 484–490, 492, 499, 514, 519, 524
Риска Э. (Riska E.) 614, 639
Рисман Б. (Risman B.) 73, 82, 271, 368, 376, 380, 393, 396, 401–402, 406

Риссман К. (Riessman C.) 616–617
Розин Х. (Rosin H.) 517
Романов П. 31, 87, 144, 454, 557, 559, 564
Роткирх А. (Rotkirch A.) 32, 71, 93, 175, 196, 294, 335, 339–340, 349, 351, 355, 358, 451, 454, 556, 560, 592, 614
Рубин Г. (Rubin G.) 15, 92, 308–309
Руддик С. (Ruddick S.) 575–577
Рухт Д. (Rucht D.) 675, 678–679
Рэй Р. (Ray R.) 58, 63, 86–87
Рютконен М. (Rytkönen M.) 600–601

Сакс Х. (Sacks H.) 182
Сарачайлд К. (Sarachild K.) 145
Сейдман С. (Seidman S.) 70–71, 73
Силверман Д. (Silverman D.) 280, 282–284
Сипила Й. (Sipila J.) 564–565
Скеггс Б. (Skeggs B.) 668
Скотт Дж. (Scott J.) 15, 74, 86, 93, 309
Смит Д. (Smith D.) 76–77, 92, 105, 119, 123, 137, 151, 161–162, 275–276
Сонг Ф. (Song F.) 627, 646–647
Спивак Г. (Spivak G.) 51, 60, 86, 105–106, 163
Стейси Дж. (Stacey J.) 40, 80–81, 84–86, 97, 150, 164–165, 225
Стенли Л. (Stanley L.) 104, 136, 150
Столлер Р. (Stoller R.) 220, 246
Стратерн М. (Strathern M.) 166, 634
Стюарт Э. (Stewart A.) 563

Тартаковская И. 17, 40, 92–93, 183, 190, 228, 310, 314, 344, 358, 414–415, 429, 439, 456–457, 463, 470–471, 493, 505, 597, 604, 655, 692
Тёмкина А. 17, 36, 50, 59, 74, 79, 81, 90, 92–93, 96, 98, 137–138, 175, 180, 183, 196, 232, 249, 279, 286, 294, 317, 324, 332, 344, 349, 355, 358, 361, 376, 378, 380, 402, 407, 414, 433, 436, 445, 451, 457, 463, 477, 592, 593, 609–610, 614, 624, 628–629, 636, 640, 647–649, 652, 656, 686, 692
Терборн Г. (Therborn G.) 49
Тикеймер Э. (Tickamyer A.) 200–201, 203–204, 211–212, 217–219, 221, 231
Ткач О. 32, 60, 556, 560, 562–563, 592, 633–635

Торн Б. (Thorne B.) 40, 55, 77, 79–82, 84–86, 97, 200, 221, 224–226, 231, 277
Тронто Дж. (Tronto J.) 531–533, 537, 551, 569, 578–581, 592
Тэйлор В. (Taylor V.) 666

Уайз С. (Wise S.) 104, 136, 150
Уиттьер Н. (Whittier N.) 666
Уолби С. (Walby S.) 61, 65, 68–70, 75, 97, 172–173, 296, 328, 546
Уоллэс К. (Wallace C.) 74–76, 80–81, 83, 97, 99, 598, 638, 642
Уоррен К. (Warren C.) 168–169, 180
Уоттс Ж. (Watts J.) 154, 159–161
Урланис Б. 443–444, 598
Усманова А. 17, 32, 92, 314
Ушакин С. (Oushakine S.) 31–32, 92–93, 314, 415, 453–454, 681
Уэст К. (West C.) 24, 53, 82, 92, 235, 240, 242–243, 246–247, 249–250, 252–257, 259–261, 267, 271, 273–275, 279–280, 282, 295, 300, 370, 373, 385, 387, 519

Файрстоун С. (Firestone S.) 41, 219
Файн М. (Fine M.) 526, 529, 544, 551, 555, 566, 580, 589, 592
Фаррелл У. (Farrell W.) 92, 503
Фаусто–Стерлинг А. (Fausto–Sterling A.) 602–603, 632
Фергюсон А. (Ferguson A.) 663
Фергюсон Дж. (Ferguson J.) 60
Финстермейкер С. (Fenstermaker S.) 260–261, 264, 275, 280, 519
Финч (Finch J.) 531, 542, 546, 554
Фицпатрик Ш. (Fitzpatrick Sh.) 334, 340, 351
Фишер Б. (Fisher B.) 531–533, 578
Фолбер Н. (Folbre N.) 538–539, 546–548, 569, 663
Фонов М. (Fonow M.) 56, 142, 150, 155, 180
Фрейд З. (Freud S.) 15, 46–47, 182, 205–208, 247, 313
Фрейдсон Э. (Freidson E.) 481, 611
Фрейджер Н. (Fraser N.) 15, 44–45, 86, 133
Фридан Б. (Friedan B.) 15, 39, 92, 193, 197–199, 219, 469
Фримен Дж. (Freeman J.) 658

- Фуко М. (Foucault M.) 15, 57–58, 72, 86, 128–129, 333, 391, 594, 608, 612, 629
- Ханкок А.-М.** (Hancock A.-M.) 65
- Харауэй Д. (Haraway D.) 104, 109, 133, 137
- Хардинг С. (Harding S.) 15, 113, 119, 123, 132, 137, 148, 154–155
- Хардт М. (Hardt M.) 512–513, 524
- Хартманн Х.** (Hartmann H.) 42, 663
- Хартсок Н. (Hartsock N.) 123–125, 127
- Харчев А. 444, 452
- Хейз С. (Hays S.) 191, 265, 324, 381–382, 435, 477, 499, 540, 646
- Хелд В. (Held V.) 569–570, 572, 578
- Херн Дж. (Hearn J.) 414–416, 470
- Хирдман И. (Hirdman I.) 39, 296, 320, 325, 358
- Хоген И. (Haugen I.) 552
- Ходоров Н., она же Чодоров (Chodorow N.) 15, 47, 82, 92, 124, 207–208
- Хоткина З. 496, 520
- Хохшильд А. (Hochschild A.) 82, 200–201, 211–212, 218–219, 313, 317, 424, 429, 473–474, 477, 480, 499, 524, 528, 531, 542, 548, 562, 640
- Хубер Дж. (Huber J.) 79, 200, 212, 214–215, 220
- Хэррисон Дж. (Harrison J.) 605
- Чарлз М.** (Charles M.) 505, 519, 524
- Чафец Дж. (Chafetz J.) 77, 221, 300–301, 657
- Чепурная О. 485
- Чернова Ж. 32, 228, 314, 323–324, 326, 415, 453–454, 511, 564–565, 592
- Шоуз К.** (Shows C.) 434–435
- Щепанская Т.** 623–624, 629
- Эббот П.** (Abbot P.) 74–76, 81, 83, 97, 99, 481, 598, 638, 462
- Эльсон Д. (Elson D.) 447, 553, 587
- Энгельс Ф. (Engels F.) 14, 41, 121–122
- Энтиас Ф. (Anthias F.) 64, 70
- Энтонен А. (Anttonen A.) 564–565
- Эренрейх Б. (Ehrenreich B.) 185, 477, 562, 592, 607, 618–620, 632, 652
- Эспинг-Андерсен Г. (Esping-Andersen G.) 323, 654
- Ювал-Дэвис Н.** (Yuval-Davis N.) 15, 31, 61, 64–65, 67, 70, 97, 296, 328–330, 358, 571
- Янг А.** (Young I.) 43–45, 97, 513
- Ярошенко С. 354, 470
- Ярская-Смирнова Е. 32, 34, 75, 87, 97, 144, 314, 557, 559, 564

Предметный указатель

Александра, организация 286, 289, 290

Андрогиния 208–209, 390

Андроцентризм 44, 75, 99, 102, 108–109, 209

Биологический детерминизм 37–38, 52, 182, 216, 233–234, 251

Биологический редукционизм 18, 80, 85, 225

Биополитика, биовласть 29, 530, 594, 611–616, 618, 635

Власть, властные отношения 72, 312, 496, 611–612, 623–624

- биовласть, см. Биополитика
- в отношениях заботы 526, 536, 544, 579, 590
- властные отношения в ситуации исследования 22, 109, 112, 140, 150, 154, 163, 165, 167–168, 170, 172, 174
- власть и дискурс (см. также Дискурс) 57, 103–106, 128–131, 135, 140–141, 333, 335–336, 611–612
- врачей, медицины 29, 594, 623–625, 628–629, 636, 646, 650
- гендерное измерение 49–50, 59, 80–81, 85, 89, 91, 108, 159, 193, 198, 200, 211, 217–219, 225, 239, 244, 256, 268, 272, 295, 302, 315–316, 366–367, 375–376, 382, 389, 395–396, 399, 409, 413, 416–422, 425, 427, 431–432, 438, 440, 452, 471, 476, 485, 617, 671
- господство-подчинение (см. также Угнетение), 63, 109, 120–121, 126–127, 133, 161–162, 458–461

- лишение власти 43–45, 429, 458
- микрополитика власти 57
- насилие 44–45, 109, 146–147, 151, 165, 315, 426, 454, 456, 458
- обретение власти, силы (empowerment) 59, 139, 148, 159–161, 166
- политическая (см. также Государство) 336–339, 447, 455, 608–610, 612, 660, 670, 682, 684, 688–689
- проявление власти во взаимодействии 161–162, 233, 239, 242–245
- символическая 44
- структура власти 25, 62–63, 67, 72, 103, 129, 161, 295, 312, 441, 490

Гей-движение, см. ЛГБТ

Гендер, см. также Гендерные различия

- атрибутирование, атрибуция 248, 251, 253, 271–272, 278
- дискурсивное производство, см. Дискурс
- дисплей, см. Гендерный дисплей
- идентичность, см. Идентичность гендерная
- исследователя 112, 162–163, 167–179
- категория анализа 89, 91–92, 129, 220–223, 273–274, 298–303, 400–401
- как институт 367, 393–398, 403
- как структура 368, 399–401
- критика 56–57, 276–277
- определение 52, 221, 234–235, 255, 371, 393, 396
- перформативность 57, 72–73, 283, 304, 366, 385, 387–388, 394
- появление термина 220–222, 233–234

- социальное конструирование, см. Создание гендера
- фреймирование (форматирование), см. Фрейм

Гендерная асимметрия, см. Гендерное неравенство

Гендерная дихотомия, гендерные бинарные оппозиции 56, 59, 71–73, 130, 149, 209, 248, 250–251, 253, 270–271, 278, 318, 371, 386–387, 413, 601

Гендерная политика 269–270, 321–322, 334–356, 418, 450–451, 468, 477, 483, 504, 508, 511, 521, 525–526, 548, 555, 561, 684

Гендерная система 41–42, 44–45, 48, 160, 308–310, 368, 685

Гендерное неравенство, гендерная асимметрия, см. также Гендерные различия

- борьба против неравенства, преодоление неравенства 29, 39–40, 136, 139, 166–167, 219, 245, 266–271, 275, 278, 326, 379, 508, 587–590, 659, 661–672, 686–687, 691
- в гендерной теории 54, 58, 60, 77, 85, 88–89, 91–92, 118, 123, 126, 131–132, 197–200, 220, 223, 230, 239, 242, 256, 272, 277, 278, 299–301, 303, 307, 367, 369, 373–377, 390–391, 396, 399–400, 403, 405, 412, 476
- в сексуальных отношениях 41–42, 48, 293
- в семье, см. Семья
- в ситуации исследования, см. Гендер исследователя
- в сфере занятости, см. также Занятость 27–28, 161, 220
- в патриархатном устройстве, см. Патриархат
- в практиках заботы, см. Забота
- соотношение с другими видами неравенства, см. Интерсекциональность

Гендерной конформности теория 267

Гендерной схемы теория 205

Гендерные исследования

- в России 16, 20, 78–79, 83, 90–96
- институционализация 19, 74–83
- методы, см. Методы гендерного исследования
- формирование 21, 23, 35, 52–54, 95, 220–223, 304
- цели и принципы 271–272, 275, 280–281

Гендерные различия, см. также Гендерное неравенство 201–205, 219, 221–226, 229, 235, 250, 255–257, 260, 267–269, 272, 274–276, 278, 297–303, 307–308, 310, 316, 346–347, 366–383, 393, 396, 403–406, 413, 427, 472–475

- в отношении к здоровью, см. Здоровье
- в рекламе 237, 240–242, 264
- в социализации, см. также Социализация 204–210, 223, 225, 230
- в сфере занятости, см. Занятость
- и гражданство 64–70, 296
- и класс 62–70, 260, 262–266, 275–277
- и раса/этничность 62–70, 260–266, 275–277
- и телесность, см. Тело, телесность
- на уровне институтов, структур 301–303, 307, 546
- производство в интеракциях 237–240, 242–244, 256, 300, 260–263, 300–302, 384–387

Гендерные репрезентации 303, 309, 313–314, 321, 345, 347, 414, 417, 426–427, 443, 453–461, 472–473

Гендерные стереотипы, верования 25, 147, 168–172, 176, 199, 203–206, 210, 218, 220, 223, 226, 229–230, 250–251, 253, 259, 266–268, 270–271, 281, 301, 307, 339, 366, 369–383, 386, 396, 397–399, 402–405, 435, 470, 472, 485, 487–492, 497, 504, 512, 514–516, 519, 521–522, 545, 547, 549, 587, 604, 614, 649

Гендерные практики 23, 24–26, 36, 41, 44, 57, 63, 77, 85–86, 124, 175, 202, 210, 239, 247, 249, 270, 273, 295–297, 307–308, 310–311, 314, 319–321, 346, 352–

353, 356–357, 359, 366–368, 377–378, 383–399, 401–402, 404–405, 408, 414, 417, 425, 429, 430–433, 435–436, 438, 443, 450, 452, 461–462, 469, 472–473, 493–497, 521, 537, 539–540, 545–549, 554, 589, 594, 598–600, 603, 606–607

Гендерный дисплей 238–242, 244, 255, 266, 268, 276, 298, 300, 315, 386, 480, 493

Гендерный контракт 25, 183, 296, 319–327, 338, 352–357, 361, 451

Гендерный порядок 296, 325, 335, 368–369, 397, 431, 469

- структурные модели 311–314, 316–319
- определение 310
- этакратический 50, 296–297, 332–356, 684

Гендерный режим 20, 25, 310, 314–316, 319, 397, 414, 472

Гетеронормативность, гетеросексуальная матрица, гетеросексизм 41, 57–58, 130, 409, 425, 441

Гомосексуальность, гомосексуал, см. ЛГБТ
Гомосоциальность 169, 172, 444, 473–474, 488–499, 516

Государство 36, 48, 50, 228, 270, 321, 325, 332–342, 345, 349, 352, 355–357, 396, 418, 448, 451, 563, 580, 583, 594, 608–610, 612, 615, 635–636, 647, 662, 675, 680, 682, 687–689

- гендерная политика, см. Гендерная политика
- гендерное гражданство 25, 296, 327–331, 345, 359–360
- государственный феминизм 325–326, 673, 676–677, 680, 692
- государство всеобщего благосостояния 527, 530, 639
- законодательство 38, 94, 142, 199, 227–228, 269, 325, 332–334, 341, 345, 359, 361, 396, 451, 470, 487, 507–508, 511, 522, 530, 554, 581, 588, 601, 609, 647, 662, 665, 674, 678, 681, 688, 691

- поддержка материнства, см. Материнство
- социальная политика 25, 320–323, 329, 348, 350, 361–364, 430, 450, 525–526, 541, 550, 563–567, 583, 590, 636
- социальное государство 525, 527, 541, 545, 551, 564, 566, 580–581, 590
- этакратический гендерный порядок, см. Гендерный порядок

Дегендеризация 270–272, 278

Деконструкция 57, 84–85, 88, 109, 135, 244, 272, 275

Демонтаж гендера 17, 266–271, 275

Дискриминация 35, 37, 40, 63, 256, 312, 384, 496, 497–498, 503–504, 508, 511

- антидискриминационные меры 379, 508–511, 513, 522
- интерсекциональный анализ дискриминации 63–66, 262–268
- позитивная 118, 336
- половая 37, 200, 212, 214–215, 219, 311, 347, 408, 470, 478, 484, 487, 503, 508–509, 511, 521, 668, 672, 687
- структурная 212, 218, 220, 267, 276, 277

Дискурс 57, 72, 104, 249

- анализ дискурса 209–210, 273, 277, 281, 330, 442–461
- в постмодернизме 57, 128–131, 601
- дискурсивное производство гендера 57, 71, 129–130, 135, 314, 330–331, 387–391, 421, 601, 668
- дискурсивное производство власти, см. Власть
- доминирующий, господствующий, гегемонный 51, 70, 91, 103–106, 121, 141, 234, 332, 334, 339
- медицинский, см. Медикализация
- нормализующий 129, 333–334, 601
- перформативность 72–73, 387–388
- позднесоветский либеральный 339, 445–452
- политический 63, 68, 335–336, 339, 601, 647, 666–667

- популярный дискурс о гендерной социализации 209–210
- постсоветский гендерный 90–93, 346–348, 390, 503, 539, 614, 690

Женские исследования 34, 40, 54, 63, 95, 144

Женское движение 653–692

- в России 655–656, 681–686
- взаимоотношение с феминизмом 37–39, 52–53, 56–57, 219–220, 653, 657
- вторая волна 29, 37, 39, 45, 59, 234, 653–654, 656–672
- за обеспечение здоровья 619–620
- идеология 38, 41, 657, 659, 660–666
- первая волна 37, 655–657
- структура политических возможностей 659, 672–680
- третья волна 52–53, 55–56, 133, 657

Женственность (фемининность), см. также Гендерные различия 25, 37, 43, 46, 52–56, 60, 63, 68, 71, 93, 112, 124, 134, 155, 157, 169, 182, 189, 193, 196, 198, 200, 205–206, 208–210, 212, 220, 222, 226, 234, 249–251, 256, 266, 270–271, 276, 278, 280, 299, 302, 310, 313–314, 318, 326, 332, 339, 340, 342, 344–347, 351, 354, 359, 382, 385–387, 389, 391, 395, 413, 419–422, 424, 449, 467, 473–474, 477, 500, 512, 520–521, 545–546, 570, 575–577, 605, 618, 638, 650–651, 682–684

Женщины

- в семье, см. Семья
- в тюрьме 152–153
- женский универсализм, см. Сестринство
- женщина и оплачиваемая занятость, см. Занятость
- здоровье 607–610, 616–637, 642–649
- и гражданство, см. Гражданство гендерное
- как Другой, «второй пол» 37–38, 390
- как номинальная группа 216–219, 335–337
- маскулинизация, см. Маскулинность

- материнство, см. Материнство
- опыт женский 40, 53–54, 58, 76, 105–106, 108, 110, 133, 135, 148–153, 158
- репродукция, см. Репродукция
- эксплуатация, см. Угнетение

Забота 525–590

- бронь заботы 537, 591
- гендерный дисбаланс в практиках заботы 28, 381–382, 525–528, 537, 539–541, 545–549, 554–557, 561, 581, 587–591
- забота и отношения власти 536–537, 544
- коммерциализация, коммодификация 551, 559–561
- логика заботы 582–587
- модель феноменологическая 533–536
- нормативные теории заботы 569–587
- определение 529–531
- пенальти (издержки) заботы 382, 538–541, 549, 561, 567, 581, 591
- профессионализация заботы 550–551, 557–561
- режимы заботы 563–567
- феминизация заботы, теории 529, 545–549, 589
- феминистская этика заботы, см. Этика
- цепочки заботы 561–563, 568, 591

Занятость 437, 467–522

- гендерная культура на рабочем месте 471, 474, 482–483, 488–497, 514–516
- гендерная структура 27–28, 192–193, 201, 212, 468–470, 472–475, 512, 517–521, 638–640
- гендерная сегрегация 311, 470, 475–488, 502, 505–508, 520–521
- гендерный разрыв в оплате труда 311, 478–479, 483–484, 493, 497, 520, 546–547
- полотицизация занятости 169–170, 212, 380, 477–492
- прекарная 428, 482, 510–516, 521–522, 562
- стеклянный подвал 503–504, 509
- стеклянный потолок 27, 376, 498–500, 504–505, 522

- стеклянный эскалатор 502–503, 520, 522
- трудовая мобильность 498–510, 514–516
- феномен Сальери 500–501
- эмоциональная работа, см. Эмоциональная работа
- эффект Матфея 501–502

Здоровье

- биомедицинская модель 594, 598, 607–610
- гендерные различия 28–29, 593–594, 595, 597–607, 642–645
- здоровье женщин, см. Женщины
- здоровье мужчин, см. Маскулинность
- медиализация, см. Медиализация
- отношения пациент-врач 640–649
- продолжительность жизни 593–594, 597
- рак груди 155–157
- репродукция, см. Репродукция

Идентичность

- гендерная, половая 23, 26, 47–48, 51, 56–58, 61–62, 112, 124, 129–130, 135, 156, 207–208, 220–223, 229–230, 239, 244, 246–248, 250, 252–254, 256–257, 269–270, 272, 280–281, 286, 289, 292–293, 298–299, 301, 354, 366, 371–373, 385–386, 388, 392, 395, 397, 399, 456, 474, 519, 545, 613, 647, 662, 668, 690
- исследователя 112, 173
- коллективная 51, 131, 145, 654, 666–670, 681–686, 690–691
- политика идентичности 126, 134, 439, 441–443, 668, 672
- рекрутирование гендерных идентичностей, см. Социализация
- сексуальная 71–73, 172–173, 249, 289, 291, 292–293, 298, 300, 409, 414, 424

Идеология 103–104, 109, 121–123, 312, 332–333, 350, 417, 438, 546, 565, 580

- гендерная 29–30, 38, 40, 71–72, 168–

- 169, 190, 213, 219, 296, 299, 301, 303, 320, 334, 338, 342, 345, 347–348, 353, 359, 362–364, 366, 395–396, 398, 402, 417, 427, 432–433, 437–438, 472, 478, 483, 503, 521, 526, 538–540, 548–549, 559, 576, 589–590, 605, 677
- женского движения 45, 41–48, 148, 234, 619–620, 654, 657, 659, 660–667, 671, 673–674, 683, 687, 690–692
- мужского движения 439–441

Институт недискриминационных гендерных отношений / Кризисный центр для женщин (ИНГО/КЦЖ) 286, 288–289

Интеракционизм драматургический 24–25, 236–245, 277–278, 304

Интерсекциональность 61–69, 95

- как эпистемология 54, 132–136
- интерсекциональные локальности 63
- интерсекциональный анализ (ИА) 61–70, 86–87, 149, 262–263, 425–426, 555, 601–602, 610
- оси пересечений 22, 42–45, 57, 61–69, 73, 87, 95, 134, 149–150, 602–604

Капитализм, капиталистический 41–43, 45–47, 105, 107, 122, 146, 161, 276, 303, 441, 511, 528, 538–539, 545, 547–548, 564, 663, 666, 672, 691

Квир-исследования, квир-теория 16, 35, 56, 66, 70–73, 77, 83, 86, 172, 253, 318, 410, 657

Консерватизм, консервативный 21, 49–50, 56, 93–94, 176, 317, 329–330, 347, 380, 402, 426, 429, 441, 526, 554, 635, 655, 657, 671, 674, 677

ЛГБТ

- влияние на феминизм и гендерные исследования 35, 56, 80–81, 220, 379, 409
- движение 408–409, 441–442, 666–667

- идентичность и практики 71–73, 129, 159, 164–165, 172–173, 220, 222, 300, 318, 324, 352, 354, 391, 409, 412, 414, 418, 420–421, 442
- исследования 70–73, 173, 177, 654–655
- права 72, 317, 328–329, 414, 441–442, 610, 617

Либерализм, либеральный, неолиберальный 35, 38–39, 47, 51, 54, 56, 95, 118, 198–199, 215, 227, 319–320, 326, 329, 336, 338, 340–344, 347–348, 363, 426, 445, 448–452, 455, 460–461, 463, 478, 512–513, 516, 519, 526, 538, 659, 661–662, 665, 670–672, 682–683, 687, 690–691

Марксизм, марксистский 26, 40–41–43, 46–47, 54, 91, 95, 103, 106, 119, 121–123, 136, 217–219, 228, 301, 303, 308–309, 333, 417, 526, 659, 663–665, 672, 691

Маскулинность (мужественность), см. также Гендерные различия 37, 47, 52–53, 56, 63, 71, 85, 130, 182, 189, 202, 205–206, 208–210, 226, 230, 234, 238, 249–251, 259, 266, 270–271, 278, 299, 302, 307, 309–310, 315–316, 321, 344–347, 351, 380, 385–387, 391, 407–463, 473–474, 489, 501, 503, 507, 520, 577, 639, 650, 684

- в России 442–462
- гегемонная 175, 318, 409, 416–420, 422–427, 431, 440–441, 445–447, 450, 452–455, 457–459, 461, 463, 604–606
- и здоровье 424, 594, 600–601, 604–607, 614–615, 641
- и спорт 189, 414, 423, 595, 599, 601, 606
- иерархии маскулинностей 172, 313, 409–410, 420–422, 441–442, 457–462
- исследования 19, 26, 53, 63, 93, 149, 169–170, 172, 224, 230, 295, 314, 405–416, 422–424, 606
- кризис маскулинности 216, 430–432,

- 439–440, 443–445, 450, 461–462
- маргинализованный 421–422
- маскулинизация женщин 450–452
- несостоявшаяся маскулинность 422, 431, 452, 455–457, 459–461
- новые модели маскулинности 318, 326, 431–438, 555, 606
- определение 408, 413
- отцовство, См. Отцовство
- субординированный 413, 420–421, 458–460, 463

Материнство 50, 195, 210, 265–266, 323–326, 331, 340, 350–352, 357, 359, 436–437, 476–478, 483, 520–521, 601, 609, 633–635, 682–686, 690

- «Воспроизводство материнства» 47, 82, 207
- интенсивное 190–191, 265, 381–382, 435, 499, 539–540, 646
- материнская забота 47, 82, 207–208, 213, 437, 539, 565, 571, 575–577, 586
- материнская стена 376–377, 499, 509
- материнские штрафы 382, 499, 540
- «работающая мать», модель контракт 296, 338–344, 349–355, 357
- радикальное 684
- «Солдатские матери», см. «Солдатские матери»
- социальная поддержка материнства, «материнский капитал» 321–322, 339, 341–343, 349–350, 352, 355, 361–364, 451, 565

Медикализация 29, 582, 593–594, 608, 611–637, 651

- биомедикализация 612–613, 615, 622, 651
- репродуктивного цикла, см. также Репродукция 151–152, 599, 609, 614–637
- сексуальности 614
- фармацевтизация 613

Методы гендерного исследования 138–179

- акционистские, активистские 108, 128, 144–145, 158

- анализ групповых дискуссий 147, 247–248
- анализ категоризаций взаимодействия 249–250, 280–285
- анализ разговоров 242–244, 282
- групповая техника роста сознания, см. Группы роста сознания
- институциональная этнография 162
- качественные 141, 158
- количественные 141–142, 158
- смешанные 142–143, 158
- социологический метод, критика, См. Эпистемология
- триангуляция 117, 284

Миграции, мигранты 60–61, 66–67, 76, 86, 261, 374, 477, 551, 555, 561–563, 566, 568, 602

Мораль 117, 206, 248, 252, 272, 284, 312, 327, 334, 347–348, 352, 354, 355, 449, 447, 495–496, 529, 531, 534, 543, 546, 548, 553, 560–561, 569, 584, 609–610, 647, 651, 668

- женская и мужская мораль 202, 223, 381, 570–574, 578
- моральная экономика 477, 483, 521
- этика заботы 28, 125, 153–154, 156, 158, 178–179, 528, 537, 551, 569–582
- этические дилеммы в исследовании 116, 164–167, 179, 284

Мужское движение 408–409, 439–442

Объединительный подход, см. структурный конструктивизм

Относительная депривация 51, 445, 658

- Отцовство, отец** 47, 49, 171, 175, 189, 191, 205–206, 259, 319, 324, 331, 339, 341, 349, 364, 408, 426, 428, 439, 441, 446–447, 451, 460, 499–500, 540, 589, 613
- вовлеченное 317, 364, 414, 433–437
- изменения моделей отцовства 26, 208, 325–326, 402, 423, 433–437, 462, 555
- отсутствующий отец 410, 444
- участие в родах 378–379, 402, 435–437

Патриархат 40–41, 48–49, 104, 319–320, 346–347, 423, 430, 477, 478, 525, 547, 609, 654

- и здоровье мужчин 605–606
- капиталистический 42–43
- кризис патриархата 427–430, 432
- неопатриархат 49
- определение 41
- патриархальная (патриархатная) сделка 50
- патриархатное письмо 105
- патриархатные дивиденды 376, 419–420, 430, 432
- постпатриархат 49
- символический, фаллологический 48
- традиционный 46, 49

Петербургский центр гендерных проблем (ПЦГП) 686–688

Планирование семьи, беременности, см. Репродукция

Поколение, межпоколенческие отношения 50, 177, 285, 321, 335, 337, 339–340, 343–344, 346, 350–351, 355–357, 448, 506, 527, 530, 540–541

Пол

- как категория анализа 221–222, 254, 298, 387
- категоризация по полу, приписывание пола 246–247, 251–253, 255, 300, 309, 371–373, 386
- половые различия, см. Гендерные различия
- соотношение с гендером 220–223, 233–234, 254–255, 299

Политика, политическая система 670, 673–679, 691

- гендерная, см. Гендерная политика
- разнообразия, диверсификации 379, 479
- идентичности, см. Идентичность
- поддержка материнства, см. Материнство

Полоролевой подход (см. также Роль) 23–24, 37, 95, 182–230, 235, 299, 310, 412, 526, 599

Постколониализм 52, 58, 60, 95

Постмодернизм, постмодернистский 35, 45–46, 53, 56–58, 65, 70, 86, 95, 100, 107–108, 113–114, 128–131, 601

Права

- граждан, см. также Гендерное гражданство 327–330, 331, 337, 345, 478, 511, 527, 551, 558, 561, 569–570, 578–581, 583, 586, 664, 673, 675
- женщин 35, 37–40, 45, 48–50, 64, 130, 133, 227, 296, 309, 325, 328–329, 331, 336, 347–348, 355, 357, 359–361, 428, 470, 489, 491, 507–508, 511, 546, 583, 616, 655, 661–662, 670, 672, 676–677, 685, 691
- ЛГБТ, см. ЛГБТ
- мужчин 319, 328, 408, 439–441, 445, 448, 451, 455, 461, 463
- пациентов 620, 625, 645, 648
- поставщиков заботы 588–589
- призывников 681–686
- репродуктивные 25, 50, 146, 296, 329, 342, 359–360, 408, 616, 669, 676–678

Психоанализ 40, 45–48, 54, 91, 95, 124, 189, 198–199, 205–208, 230, 309, 313–314, 411, 413, 659, 665, 672

Психология половых различий 201–203, 205–207, 216, 219, 223, 250–254, 257, 299, 417–418, 446, 488, 572–577

Публичная социология 88–89, 94, 178

Развод 165, 337, 339, 341, 408, 428, 441, 444, 451

Разделение труда половое, разделение функций между полами 185–193, 199–200, 216, 226, 228–229, 302, 309, 311, 316–317, 320–327, 340, 342–343, 381–382, 429, 432, 434–435, 437, 468–469, 475–483, 545–549

Репродукция 40, 48, 51, 298, 303, 317, 337–338, 342, 389–392, 508, 594–595, 598–600, 608, 609–610, 613–614, 616–637, 647

- аборт 146, 175, 337, 339, 341–342, 359–360, 573, 616–617
- акушерка 436, 625–627, 630, 637–638
- бесплодие 617, 633–634
- гинеколог 635–636, 647–649
- контрацепция 175, 317, 325, 341–342, 359–360, 593, 609–610, 616–617, 635, 651
- репродуктивная медицина 595, 613–614, 647–649
- репродуктивные права 328, 330–331, 337, 339, 341, 609, 616
- репродуктивные практики, поведение 48, 151–152, 338–341, 365–360, 362, 539, 596, 599, 609–610, 636, 649
- репродуктивные технологии, ВРТ (НРТ) 390, 595, 609, 613, 617, 633–635
- роды 151–152, 378–379, 402, 435–437, 600, 618, 620–631, 637, 646

Родительство (см. также Материнство, Отцовство, Семья) 267, 269, 298, 321–324, 327, 331, 337, 357, 362–364, 378, 428, 433–436, 442, 539–540, 561, 589, 610, 684–685, 691

Роль

- баланс ролей (см. также Семья) 192, 194–195, 211–214, 325–326, 342–343, 350–352, 477, 493, 499–500, 511–512, 658
- больного, пациента 640–642
- возрастные гендерные роли 188–192, 423
- гендерная, половая, женская, мужская 37–39, 171, 184–192, 211, 215–216, 221–229, 253, 430–438, 642
- напряжения ролей (ролевой конфликт) 39, 192–197, 215–216, 428–429
- полоролевой подход, см. Полоролевой подход
- социальная 186, 221

Роста сознания группы, техники, практики 39, 51, 139, 145–147, 156, 158, 166, 179, 408, 440, 619, 658–660, 672, 677, 679, 687

Сексизм 29, 39–41, 44, 49, 65–66, 116, 123, 125–127, 131, 149, 161, 163, 165, 167, 177, 218, 225, 264, 408, 426, 440–441, 495, 509, 672, 686

Сексуальность, сексуальная сфера 41–42, 46–48, 51, 60, 68, 70–73, 81, 113, 123–124, 129, 164–165, 168, 170–178, 189, 194, 205–206, 210, 222, 238, 242, 249, 264, 276, 285–293, 298, 300, 302, 309, 313, 317–318, 321, 331, 334–335, 337, 347, 353–354, 388, 413, 418, 424, 441–442, 495, 599, 614, 647, 650, 662–663, 666–667, 672

Сексуальные домогательства 146, 160, 171, 238, 347, 470, 496–497, 509, 511

Семья 24, 37, 49–50, 186–187, 191–194, 211, 217, 225–229, 259, 269, 302, 314–316, 321–324, 326–327, 337–338, 340–345, 349, 351–355, 361–364, 377, 428–429, 437, 451, 468, 476, 483, 511, 526, 539–541, 552–553, 562, 564–568, 591, 635, 664

- матрифокальная 340, 350–351
- нуклеарная 24, 187–188, 190–191, 197, 208, 226, 228, 342–343, 351, 635
- разделение труда, см. Разделение труда половое
- расширенная, система родства 50, 302, 324, 355, 477, 561
- семейная солидарность 186, 190, 193, 200, 468, 476
- семья и работа 39, 186, 189, 190–197, 210–215, 263, 267, 269, 322–327, 338–343, 346–354, 376–377, 381, 384, 429–430, 432–435, 467–469, 477, 493, 499–500, 511–512, 536, 541, 563, 588, 658
- традиционная (патриархальная) 49–50, 197, 228, 324, 335–336, 338, 345–346, 348, 376, 432, 439–440, 477, 545

- форматируемая гендером 381–382
- эгалитарная 352, 382, 433

Сестринство 51, 53, 234

Символический порядок, символические репрезентации 25, 44–45, 48, 112, 238, 303, 309, 313–314, 317–319, 321, 330, 345, 353, 356, 390–391, 417, 419, 421–422, 438, 455, 472–473, 475, 641, 660, 668, 683–685

Случай Агнесс (см. также Трансгендерный переход) 246–247, 249, 253–254, 255

Создание гендера (производство гендера, социальное конструирование гендера) 23–24, 53–54, 63, 82, 85, 93, 129, 233, 235, 239–240, 247–257, 259, 266–269, 272–278, 286–293, 298, 300, 304, 308, 383–387, 416–420, 462, 492–493, 521, 594, 599–600, 604–610, 613, 647, 650, 669, 683

«Солдатские матери», организация 29–30, 655, 681–686

Социализация гендерная 54, 161, 182, 187–190, 201–209, 215–216, 220, 222–223, 225–227, 230, 257, 259, 267, 275, 278, 299–300, 307, 382, 412–413, 417, 429, 440, 487, 546, 575, 597, 604

- рекрутирование гендерной идентичности 257–260, 278

Социализм, социалистический, постсоциалистический (см. также Феминизм социалистический) 20, 40, 61, 64, 271, 296, 303, 332–353, 563, 684

Социальный конструктивизм 23–24, 53, 55, 80, 93, 95, 104, 227, 232–279, 283, 304, 408, 599, 604–615

Стратификация, стратификационный 24, 59, 62, 70–71, 216–218, 257, 272, 275, 277, 333, 344–345, 393

Структурный конструктивизм 23–26, 294–308, 394, 409, 414

Структурный функционализм 23, 37, 54, 84, 91, 95, 105, 184–200, 216–217, 220, 228–229, 301, 310, 468–469, 526

Субъект, субъективность, субъективация 21, 23, 39, 46, 53, 55, 57–58, 60, 70–71, 73, 91, 99, 103–104, 107–110, 121, 125, 129–130, 133, 136, 155, 157, 162, 174, 258, 262, 266, 309, 426–427, 431, 480, 575, 589, 609, 668, 675, 677, 684

Тезис онтологической относительности 114

Тело, телесность (см. также Здоровье) 40, 167, 276, 388–392, 481, 594–595, 601, 603–605, 612

- медиализация, см. Медиализация
- дисциплинарное воздействие 391, 601
- женское 240, 242, 388, 599–637
- мужское 240, 389, 412, 423, 604–607, 614
- конструирование телесности 388–389
- телесная воплощенность практик 388–392, 395
- уязвимое, больное тело (см. также Забота) 534, 543, 570, 583–585, 599

Токенизм 499

Трансгендерный переход, транссексуальность (см. также ЛГБТ) 24, 35, 72, 220, 222, 246–247, 249, 252–254, 329

Транснациональный подход, транснационализм 35, 55–56, 58–61, 73, 75, 77, 86, 89, 95, 562, 578, 591

Угнетение, эксплуатация 40–45, 51, 54–55, 63–64, 122–123, 125–127, 149, 579

- двойного угнетения теория 42
- дискурс угнетенных 105–106

Феминизм (см. также Женское движение) 29, 34–35, 37, 76–77, 167, 270, 537, 546, 576, 583, 619, 621, 653–658, 691

- академический 34, 39–40, 81, 83–93, 96, 110, 136, 144, 198, 234
- в мужских движениях 439, 441–442, 463

- в России 68, 90–92, 96, 178
- влияние на социологию (см. также Эпистемология, Методы, Феминистские исследования) 80, 84, 86–87, 90, 92, 96, 100, 110, 115–117, 126–127, 135–136, 143, 147, 179, 411
- государственный 325–326, 673, 676–677, 680
- либеральный (см. также Либерализм) 38–39, 45, 54, 95, 118, 198–199, 227, 661–662, 687, 691
- марксистский (см. также Марксизм) 41, 54, 663–664, 672
- определение 35
- постмодернистский, постструктуралистский (см. также Постмодернизм) 57–58, 86, 131, 391
- постфеминизм 22, 56, 95, 395, 657, 671
- психоаналитический (см. также Психоанализ) 45–47, 124, 208, 413, 665, 691
- радикальный 35, 40–52, 54, 95, 662–663, 665, 672, 687, 689
- социалистический (см. также Социализм) 42, 45–46, 118, 441, 659, 663–664, 672–673, 691
- транснациональный (см. также Транснационализм) 58–61
- феминизм различий 35, 40, 48, 54, 95, 571
- феминистская идеология 41–42
- феминистская революция в социологии 83–89
- феминистские организации 686–690
- цветной, черный (см. также Женское движение, третья волна) 55, 126, 133–134, 234, 262

Феминистские исследования

- дилеммы феминистского исследования 159–167
- история 34–35, 40
- методы, см. Методы гендерного исследования
- политическая ангажированность 22, 103, 105, 108, 116–117, 135, 143–144, 158, 281

- принципы 22, 86–87, 148–167, 281
- рефлексивность 89, 138, 140, 143, 146–148, 150, 153–154, 158–159, 163–164, 167, 172–175, 177–179
- этика, см. Этика
- эпистемология, см. Эпистемология

Фрейм (фрейминг, форматирование)

- гендерный 25–26, 168, 237, 308, 365–383, 388, 392–393, 405, 482, 484–487, 492–493, 495, 497, 500–503, 506–508, 512, 516, 521, 523, 640, 645
- общественного движения 667–669, 684

Эгалитарность, эгалитарный, эгалитаризм

- в исследовании 22, 77–78, 140, 150, 154–156, 162–166, 178–179
- гендерная 213, 243, 296, 322–323, 327, 329, 347, 352, 364, 366, 380, 382, 390, 402, 414, 423, 433–434, 446, 505, 519, 537, 564, 577, 586, 638, 646, 651

Эмансипация 26, 37, 126, 136, 146, 148, 342, 345, 353, 408, 428–429, 440–441, 451–452, 583–584

Эмоциональная работа, труд 150, 212, 317, 513, 529, 531, 534, 542, 547–548, 579

- определение 480
- гендерные различия 412–413, 424, 429, 432–433, 435–436, 473–474, 480–484, 521–522
- труд любви 531, 542
- забота (см. Забота)

Эпистемология 76

- добавление женщин стратегия 39, 118–119
- интерсекциональность (см. Интерсекциональность, как эпистемология)
- позиционная 40, 59, 112, 119–128, 161–162, 575
- постмодернизма 53, 112–113, 128–132
- социальная 111–112, 115–116, 135

- феминистская критика позитивистской эпистемологии 99, 101–106, 114–115
- феминистского исследования 21–22, 40, 96–136
- эмпирическая 112, 114–119
- эпистемическое сообщество 77, 116–117
- эпистемические преимущества (привилегии) 119–121, 126–127, 136

Эссенциализм, эссенциалистский 37, 46, 80, 182, 329–330, 441, 519, 607

- критика 129–130, 234, 251–252, 320, 425, 576, 610
- стратегический эссенциализм 51, 685

Этика, см. Мораль

Этнометодология, этнометодологический подход 232–233, 235, 245–256, 259, 269, 274, 277–278, 281–282, 304, 314, 384

*Согласно Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
«книга предназначена для детей старше 18 лет».*

Учебное издание

Здравомыслова Елена Андреевна, Тёмкина Анна Адриановна

12 лекций по гендерной социологии

*Редактор Е. Ю. Герасимова
Корректор А. Н. Дудко
Дизайн, верстка А. Ю. Ходот*

Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3А
e-mail: books@eu.spb.ru
тел.: +7 812 386 76 27
факс: +7 812 386 76 39
Сайт и Интернет-магазин Издательства
WWW.EUPRESS.RU

Подписано в печать 25.09.2015. Формат 60×88 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. 46,9. Печать офсетная.

Тираж 800 экз.

Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Аллегро»
196084, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28
Тел./факс (812) 388-9000
e-mail: beresta@mail.wplus.net